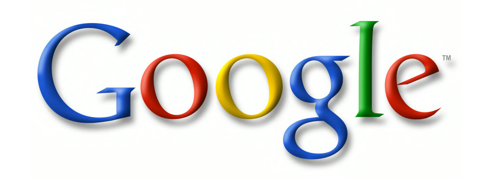

ЗАПИСКИ, МНѢНІЯ И ПЕРЕПИСКА

АДМИРАЛА

А. С. ШИШКОВА.

ИЗДАНІЕ

Н. КИСЕЛЕВА И Ю. САМАРИНА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Грубая правда сильнѣе дѣйствуетъ надъ умами и сообразнѣе съ благодушіемъ человѣческимъ, нежели мягкая лесть или учтивая ложь, вперяющія всегда подозрѣніе скрывающейся въ нихъ слабости или обмана.

(Записки Шишкова, т. I, стр. 278.)

BERLIN.
B. BEHR'S BUCHHANDLUNG.
(E. BOCK.)
27. UNTER DEN LINDEN.
1870.
ТИПОГРАФІЯ I. С. СКРЕЙШОВСКАГО, ВЪ ПРАГѢ.

Покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ хотѣлъ, чтобы неизданныя части Записокъ А. С. Шишкова не появлялись въ печати, при жизни московскаго митрополита Филарета. Наслѣдники адмирала строго выполнили Высочайшую волю и взятое съ нихъ обѣщаніе. Все, что доселѣ помѣщалось изъ Мнѣній и Записокъ Шишкова въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, печаталось безъ ихъ участія, не съ подлинниковъ, а со списковъ, какъ кажется распространенныхъ самимъ авторомъ. Теперь изданіе рукописей его, въ полномъ ихъ составѣ, какъ нельзя болѣе своевременно. Онѣ не потревожатъ ничьяго самолюбія и, какъ матерьялъ чисто историческій, обогатятъ нашу литературу обильнымъ запасомъ новыхъ фактовъ и свидѣтельствъ. Съ тѣхъ поръ, какъ столкновенія смутныхъ стемленій въ послѣдніе года царствованія императора Александра Перваго сдѣлались у насъ предметомъ особенно внимательнаго изслѣдованія, имя Шишкова, игравшаго столь вліятельную роль въ судьбахъ русскаго просвѣщенія, стало все чаще и чаще повторяться; но, къ сожалѣнію, благодаря пристрастію и односторонности, мало было приложено старанія, чтобы выяснить личность, во всякомъ случаѣ достойную болѣе совѣстливой оцѣнки. Нелицепріятный судъ исторіи конечно не упуститъ изъ вида правдивости подсудимаго и безупречной честности его служенія тѣмъ началамъ, которыя были для него святыней.

Издатели.

СОДЕРЖАНІЕ
перваго тома:

Подстрочныя примѣчанія, подъ звѣздочками, принадлежать автору „Записокъ"; остальныя, для отличія обозначенныя цифрами, и напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, составлены однимъ изъ издателей, Н. Киселевымъ.

I.

ЗАПИСКИ.

(1780–1814.)

Въ иномъ мѣстѣ [1]), описалъ я бывшія со мною въ молодости моей приключенія, а именно: рожденіе мое [2]), домашнее воспитаніе, бытность мою въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, упражненія въ наукахъ и словесности, путешествія мои въ Швецію, въ Данію, въ Италію, въ Архипелагъ, въ Константинополь и проч.. Теперь приступаю къ описанію важнѣйшей части моей жизни, начинающейся съ кончиною императрицы Екатерины Великой. Но прежде долженъ я обратиться къ прошедшему и сказать нѣчто о нужныхъ для свѣденія обстоятельствахъ, въ какихъ я тогда находился.

При открытіи въ Петербургѣ намѣстничества, Екатерина путешествовала [3]). Въ сіе время, директоромъ театра былъ Василій Ильичъ Бибиковъ [4]). Ему захотѣлось, чтобъ, въ день сего торжественнаго открытія, представлено было на придворномъ театрѣ, въ честь ей, какое нибудь новое зрѣлище. Недавно предъ тѣмъ случилось, что взятый въ плѣнъ русскій солдатъ, проданный Турками Алжирцамъ, написалъ оттуда къ императрицѣ письмо, прося о выкупѣ его изъ неволи. Она послала нѣкоторое знатное число денегъ съ тѣмъ, чтобъ не только солдатъ сей, но и другіе, находящіеся въ неволѣ, христіане были выкуплены. Бибиковъ

[1]) Эта часть издаваемыхъ нынѣ Записокъ Шишкова озаглавлена въ рукописи такъ: Остальная половина моей жизни. На переплетѣ 1-й книжки отмѣчено авторомъ: начата въ 1828 году. Разсказа о первой половинѣ его жизни, къ сожалѣнію, не находится между принадлежащими намъ рукописями (всего 18 книжекъ разнаго формата).

[2]) Шишковъ родился 16-го марта 1753 г., умеръ 9-го апрѣля 1841 г..

[3]) Открытіе петербургскаго намѣстничества происходило въ 1780 г.. Екатерина, въ это время, ѣздила въ Могилевъ, для свиданія съ императоромъ Іосифомъ II, который, въ этотъ первый свой пріѣздъ въ Россію, посѣтилъ, по приглашенію императрицы, Москву, Тулу и Петербургъ.

[4]) Братъ знаменитаго Александра Ильича. Отецъ Бибиковыхъ былъ женатъ на двоюродной теткѣ Шишкова, Варварѣ Никитишнѣ Шишковой.

счелъ за приличное сей щедрый поступокъ ея прославить. Онъ уговорилъ меня (я былъ тогда въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ офицеромъ) написать маленькую на сей случай драму, подъ названіемъ „Невольничество“ [1]). Піеса сія, въ день открытія намѣстничества, представлена была во дворцѣ, на театрѣ. Роль солдата игралъ знаменитый актеръ Дмитревскій. Съѣздъ былъ чрезвычайный. Фельдмаршалъ Голицынъ [2]), облеченный тогда въ санъ намѣстника, и всѣ знатные чины, и дворянство поставляли, сколько изъ любопытства, столько же и за должное, быть зрителями сего торжественнаго представленія, сыграннаго съ немалымъ успѣхомъ. Чрезъ нѣсколько времени, императрица возвращается изъ своего путешествія. Бибиковъ снова затѣваетъ сыграть сію драму. Даютъ ее, но уже не во дворцѣ, а на маленькомъ частномъ театрѣ, назначая собранныя за то деньги употребить на выкупъ людей, сидящихъ за долги въ темницѣ [3]). Поутру, въ день представленія, великій князь Павелъ Петровичъ, наслѣдникъ престола, присылаетъ нѣкоторое число денегъ, съ извѣщеніемъ, что онъ самъ будетъ въ театръ. (Во время перваго представленія, онъ былъ отсутственъ изъ Петербурга.) Между тѣмъ, въ обыкновенное время, то есть за нѣсколько минутъ до поднятія занавѣса, я прихожу въ директорскую ложу. Бибиковъ, озабоченный ожиданіемъ великаго князя, вдругъ оборотясь ко мнѣ, сказалъ: „Ахъ! что мы сдѣлали!“ — „Что такое?“ спросилъ я, удивясь. — „Какъ же?“ отвѣчалъ онъ: „въ драмѣ прославляются дѣла императрицыны, а о великомъ князѣ не сказано ни слова!“ — Онъ побѣжалъ было къ Дмитревскому убѣдить его, чтобъ онъ, хотя въ промежуткахъ, прибавилъ отъ себя что нибудь, въ честь его высочеству; но, въ то самое время, великій князь пріѣхалъ; и піеса тотчасъ началась. Послѣдствіе времени показало мнѣ, что безпокойство Бибикова было не безъ основанія. Великій князь крайне былъ мною недоволенъ. Я не только слышалъ это отъ людей; но и самъ собою извѣдалъ. Къ нему ежедневно повѣщали морскихъ офицеровъ на дежурство [4]). Я вскорѣ послѣ того повѣщенъ былъ въ первый разъ. Онъ вышелъ и, узнавъ о имени моемъ, спросилъ: не тотъ ли это, который сочинилъ драму? Ему сказали: тотъ

---

[1]) См. Собр. Сочин. и Перевод. адм. Шишкова, ч. XII.

[2]) Кн. Александръ Михаиловичъ, покоритель Хотина.

[3]) Въ „Предувѣдомленіи“ къ своей драмѣ, Шишковъ говоритъ, что этимъ представленіемъ собрано было 18000 руб., которыми освобождено множество мелкихъ должниковъ, на сумму, простиравшуюся до 60000 руб..

[4]) Павелъ Петровичъ носилъ званіе генералъ-адмирала.

самый. Онъ взглянулъ на меня весьма сурово и, во весь день, проходя мимо меня часто, не удостоилъ ни однимъ словомъ. Сначала безпокоился я тѣмъ, но послѣ, по прошествіи довольно долгаго времени, пересталъ о томъ думать.

Я, въ сіе время, по усердію моему къ морской службѣ, занимался сочиненіемъ и переводомъ учебныхъ по сей части книгъ. Составлялъ „Морской словарь" [1]) и перевелъ съ французскаго языка „Морское искуство" (l'Art de la marine, par Romme) [2]): обѣ весьма полезныя книги, но требовавшія многихъ трудовъ. Война со Швеціею отвлекла меня, на нѣсколько времени, отъ сихъ упражненій, но потомъ, по заключеніи мира, опять обратился я къ онымъ.

По окончаніи перевода вышеозначенной книги, подъ названіемъ „Морское искуство," едва добился я, что приказано было ее напечатать. Сперва отнесся я о томъ къ адмиралу Василію Яковлевичу Чичагову, гремѣвшему тогда недавними побѣдами [3]), и съ которымъ служа вмѣстѣ, пріобрѣлъ я его къ себѣ благоволеніе. Онъ обѣщалъ ходатайствовать обо мнѣ; но узнавъ, что директоръ морскаго кадетскаго корпуса, Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, мой свойственникъ [4]), не доволенъ былъ тѣмъ, что я не къ нему прежде прибѣгнулъ, охладѣлъ въ желаніи мнѣ покровительствовать; а тотъ напротивъ, въ нѣкоторомъ неудовольствіи на меня, и опасаясь притомъ досадить Чичагову, отрицался также употребить свое обо мнѣ ходатайство. Такимъ образомъ, въ семъ ихъ несчастномъ для меня состязаніи, принужденъ я былъ таскаться къ секретарямъ императрицынымъ, не знавшимъ

---

[1]) Треязычный морской словарь Шишкова (на англійскомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ) напечатанъ въ 1795 г.; изданъ вновь съ дополненіями, въ 1832—1840 г. г., ученымъ комитетомъ главнаго морскаго штаба.

[2]) Выборъ книги Ромма былъ весьма удаченъ; французскіе моряки пользуются ею и въ настоящее время. — Братъ этого Ромма, математикъ Жильберъ Роммъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ республиканцевъ, членъ законодательнаго собранія, членъ конвента, заколовшій себя, въ 1795 г., ударомъ кинжала, тотчасъ по выслушаніи смертнаго приговора, — былъ наставникомъ въ домѣ Строгонова. Не можемъ утвердительно сказать, кто былъ питомцемъ его; — полагаемъ, что гр. Павелъ Александровичъ, молодой любимецъ императора Александра; потому что біографъ Ромма (Diction génér. de biographie et d'histoire, par Dezobry et Bachelet. 1863) называетъ его графомъ; изъ всѣхъ же Строгоновыхъ только Александръ Сергѣевичъ и его сынъ носили тогда графскій титулъ.

[3]) Надъ Шведами, въ 1789 и 1790 гг..

[4]) Одна изъ сестеръ А. И. Бибикова (см. выше), Евдокія, была за мужемъ за адмираломъ Голенищевымъ Кутузовымъ; другая, Екатерина, вышла за кн. Кутузова Смоленскаго.

ни меня, ни пользы и многотрудности моихъ упражненій, а потому и принимавшимъ меня, какъ обыкновенно принимаютъ незнакомыхъ просителей, съ такою холодностью, которая наводила мнѣ крайнюю непріятность. Однакожъ наконецъ кое-какъ доведено было сіе до свѣденія императрицы; и она приказала книгу мою издать въ свѣтъ [1]).

Скоро послѣ того случилось мнѣ быть у сотоварища моего, Григорія Григоріевича Кушелева [2]), съ которымъ мы вмѣстѣ были кадетами, и хотя на долгое время потомъ разстались, однакожъ прежняя пріязнь и знакомство оставались въ насъ неистребленными. Онъ изъ отставки случайно былъ взятъ къ великому князю и находился при немъ. По дошедшему о книгѣ моей и другихъ трудахъ разговору, присовѣтовалъ онъ мнѣ поднесть ее великому князю и обѣщалъ доложить о семъ, какъ скоро я вторично у него побываю. Чрезъ нѣсколько дней пришелъ я къ нему съ книгою. Онъ доложилъ обо мнѣ, и меня тотчасъ позвали. Кушелевъ предувѣдомилъ меня, чтобъ я, при подаваніи книги, не забылъ стать на одно колѣно и поцѣловать у него руку. Я вошелъ, и когда сталъ припадать на колѣно, то великій князь приподнялъ меня, далъ поцѣловать руку и, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ, сказалъ мнѣ: „Очень благодаренъ вамъ, что вы удостоили меня поднесеніемъ вашихъ трудовъ.“ — Потомъ взялъ книгу и, разсматривая чертежи ея, разспрашивалъ съ великою подробностью о каждомъ изъ нихъ. Въ сіе время, имѣлъ я случай сказать ему и о другихъ предпріятыхъ, но еще неоконченныхъ трудахъ. Онъ спросилъ меня: давно ли я упражняюсь? и когда я отвѣчалъ ему, что уже болѣе пятнадцати лѣтъ, то онъ, взглянувъ на меня, сказалъ: „Мнѣ кажется, вы нездоровы: лице ваше то показываетъ.“ — „Дѣйствительно, государь, я очень нездоровъ.“ — „Кто васъ лечитъ?“ — „Почти никто; я весьма рѣдко прибѣгаю къ лекарствамъ.“ — „Конечно труды и сидячая ваша жизнь тому причиною.“ — „Можетъ быть, государь; я самъ это полагаю.“ — „Вѣрно вы поднесли книгу свою *тамъ?*“ — Сей послѣдній вопросъ при-

---

[1]) „Морское искуство“ напечатано въ 1793 г..

[2]) Онъ находился при наслѣдникѣ, въ чинѣ полковника; тотчасъ по вступленіи на престолъ, Павелъ Петровичъ пожаловалъ своего гатчинскаго любимца въ генералъ-маіоры; нѣсколько мѣсяцевъ спустя — въ вице-адмиралы, затѣмъ въ адмиралы, съ назначеніемъ въ должность вице-президента адмиралтейской коллегіи. Въ 1799 г., Кушелевъ былъ уже графомъ и андреевскимъ кавалеромъ. Вѣрный своему девизу-единому преданъ, онъ не остался на службѣ, послѣ кончины Павла, и умеръ въ отставкѣ, въ 1833 г..

велъ меня въ нѣкоторое сомнѣніе; однакожъ догадываясь, что слово *тамъ* не могло инаго значить, какъ императрицу, я отвѣчалъ ему: „поднесъ.“ — „Давно ли вы поднесли?“ — „Уже болѣе двухъ мѣсяцовъ.“ — „Чтожъ вамъ сказали?“ — Тутъ отвѣчалъ я ему: „Ваше императорское высочество, я не имѣю никого у себя покровителей; книгу свою отдалъ я, черезъ другихъ, князю Платону Александровичу Зубову; онъ не знаетъ меня, и я не вѣдаю, дошла ли она до рукъ ея величества.“ — При сихъ словахъ онъ громно засмѣялся и сказалъ мнѣ: „Какъ, сударь? такъ вы совсѣмъ о томъ и не знаете?“ — „Не знаю, государь.“ — „Хорошо же награждаются труды!“ — Здѣсь онъ снова засмѣялся и, отпуская меня, повторилъ прежнія свои слова: „Я вамъ очень, очень благодаренъ!“ — Но, казалось, произнесъ ихъ благосклоннѣйшимъ голосомъ. Я преклонилъ опять колѣно, поцѣловалъ у него руку и вышелъ вонъ.

Спустя нѣсколько времени, по козням Рибаса [1]), Грибовскаго [2]) и другихъ противъ вице-адмирала Николая Семеновича Мордвинова, начальствовавшаго въ Крыму [3]), князь Зубовъ названъ главнымъ начальникомъ надъ черноморскимъ флотомъ [4]). Не знаю по какимъ судьбамъ, призываетъ онъ меня къ себѣ и спрашиваетъ: хочу ли я быть при немъ правителемъ канцеляріи его, по

---

[1]) Испанецъ, рожденный въ Неаполѣ, впослѣдствіи извѣстный строитель Одессы, началъ свою карьеру услугами Алексѣю Орлову, во время поимки самозванки Таракановой; былъ покровительствованъ Бецкимъ, на побочной дочери котораго (умной и образованной камеръ-юнгферѣ, Анастасьи Ивановнѣ Соколовой, прозванной, при Екатерининскомъ дворѣ, mademoiselle Beby) онъ женился; сумѣлъ найти болѣе могущественнаго покровителя въ лицѣ Потемкина; по смерти послѣдняго, онъ оказался въ числѣ любимцевъ Зубова, что однако не помѣшало ему, какъ увидитъ читатель „Записокъ,“ войти въ довѣренность императора Павла.

[2]) Адріанъ Моисеевичъ, авторъ извѣстныхъ „Записокъ объ Екатеринѣ Великой,“ былъ прежде секретаремъ Державина, въ бытность сего олонецкимъ губернаторомъ; потомъ находился, при Потемкинѣ, составителемъ военнопоходнаго журнала; послѣ того управлялъ дѣлами, возложенными на кн. Зубова; а съ 1795 г., состоялъ статсъ-секретаремъ у принятія прошеній, не прекращая своихъ занятій по канцеляріи фаворита.

[3]) Мордвиновъ предсѣдательствовалъ въ Черноморскомъ адмиралтейскомъ правленіи; впослѣдствіи былъ адмираломъ, морскимъ министромъ и графомъ; заслужилъ извѣстность своимъ умомъ и прямодушіемъ; умеръ 90-лѣтнимъ старцемъ, въ 1845 г..

[4]) Высочайшимъ рескриптомъ, отъ 19 іюля 1796, кн. Зубовъ, въ своемъ управленіи черноморскими флотами, былъ совершенно отдѣленъ отъ зависимости отъ адмиралтейской коллегіи.

сей части? Это было такое мѣсто, на которое многіе смотрѣли завидными глазами; и потому отвѣтъ мой не могъ быть иной, какъ тотъ, что я за счастіе почту находиться при его свѣтлости. Послѣ сего неожиданнаго мною предложенія, пошелъ я къ Кушелеву и пересказалъ ему оное. Онъ присовѣтовалъ мнѣ спроситься о томъ у великаго князя, какъ у генералъ-адмирала, сказывая, что онъ конечно сему не воспрепятствуетъ; но ему пріятно будетъ, что это не безъ его воли сдѣлается. Я послушалъ его: поручилъ ему испросить сіе позволеніе; и онъ, на другой же день, увѣдомилъ меня о благоволительномъ на то его высочества отзывѣ. Такимъ образомъ, перешелъ я изъ балтійскаго флота въ черноморскій тѣмъ же чиномъ, то есть капитаномъ втораго ранга (подполковникомъ), съ порученіемъ управлять канцеляріею князя Зубова. Сіе новое званіе налагало на меня долгъ сблизиться и познакомиться съ тѣми, которые давно уже находились при князѣ, или имѣли особенный къ нему доступъ, какъ-то правитель дѣлъ его, полковникъ Грибовскій, и вице-адмиралъ Рибасъ. Я посѣтилъ перваго изъ нихъ, съ которымъ никогда прежде не былъ знакомъ. Онъ, послѣ нѣкоторыхъ привѣтствій, началъ тотчасъ говорить о черноморскомъ флотѣ, о Крымѣ, о великихъ денежныхъ издержкахъ, о безпорядкахъ, тамъ существующихъ, и проч.. Я слушалъ съ терпѣливостью и молчалъ, почитая за ненужное и несовмѣстное защищать Мордвинова противъ человѣка, повидимому весьма къ нему не благорасположеннаго, но не столь хитраго, чтобъ много повредить ему могъ; ибо мнѣ казалось, что онъ избралъ ненадежное, скорѣе противъ него самаго дѣйствующее средство, — при первомъ свиданіи увѣрить меня о корыстолюбивомъ и худомъ правленіи того, кто знаніями и достоинствами своими былъ извѣстенъ, и котораго сверхъ сего почиталъ я своимъ другомъ и благодѣтелемъ. Совсѣмъ противно тому поступилъ Рибасъ, когда я, въ первый разъ, къ нему пріѣхалъ: онъ началъ мнѣ говорить о Мордвиновѣ, съ такою похвалою, съ такимъ къ нему уваженіемъ, что, при всемъ знаніи существовавшаго между ими несогласія, трудно было усумниться въ его чистосердечіи. Напослѣдокъ, по долгихъ разсказахъ о глубокихъ свѣденіяхъ Мордвинова, о кротости нрава его, о справедливости и рѣдкой честности, онъ со слезами сказалъ мнѣ: „Вы не можете себѣ представить, до какой степени почитаю я за несчастіе, что не могъ снискать его дружбы. Онъ отказалъ мнѣ въ ней, сказавъ, что никогда не будетъ мнѣ врагомъ, но что и другомъ быть не можетъ. Онъ писалъ къ императрицѣ письмо, въ которомъ говорилъ обо мнѣ, что я съ большими

дарованіями и способностями, но что мнѣ важныхъ дѣлъ, касающихся до блага отечества, ввѣрять и поручать не должно. Я самъ письмо сіе читалъ; и хотя оно не перемѣнило моего къ нему почтенія, однакожъ я послѣ сего не могъ оставаться подъ его начальствомъ и просилъ объ отзывѣ меня изъ Крыма. Сей случай, конечно, долженъ былъ произвесть нѣкоторое взаимное между нами неудовольствіе. Я знаю, что вы съ нимъ дружны. Не подумайте, чтобъ я искалъ разрушить вашу съ нимъ пріязнь, или бы досадовалъ на нее. Напротивъ, вы вашею къ нему привязанностью умножаете мое къ вамъ уваженіе. Я прошу только объ одномъ, чтобъ дружба ваша къ нему не препятствовала вамъ и ко мнѣ ее имѣть. Вы теперь опредѣлились къ князю Зубову: онъ со мною весьма хорошъ; я могу быть вамъ сколько нибудь полезенъ; и думаю, что и самъ Мордвиновъ, по доброжелательству своему къ вамъ, не захотѣлъ бы, чтобъ мы съ вами были въ какомъ либо несогласіи." — Я поблагодарилъ его за сдѣланную мнѣ откровенность и толь лестный для меня вызовъ, обѣщая съ моей стороны приложить всякое стараніе, чтобъ сдѣлаться достойнымъ его ко мнѣ благорасположенія. Между тѣмъ, идучи отъ него, думалъ я: этотъ гораздо смѣтливѣе и опаснѣе перваго! Тутъ вспомнилъ я слова Суворова, который, сказываютъ, говаривалъ о Михаилѣ Ларіоновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ: „Его и Рибасъ не обманетъ."

Чрезъ нѣсколько потомъ дней, нѣкоторая особа, разговаривая со мною, дала мнѣ, подъ видомъ усердія, знать, что хотя я и взятъ къ князю, но не буду пользоваться его довѣренностью и едва ли останусь при немъ, если не сдѣлаюсь единодушенъ съ Грибовскимъ, а особливо съ Рибасомъ, и не отрекусь отъ дружбы съ Мордвиновымъ. Я зналъ, что это ихъ вопросъ, и что отвѣтъ мой будетъ имъ пересказанъ; однакожъ не остановился отвѣчать, что я еще отнюдь не знатный, ниже какой либо важный человѣкъ; но ежелибъ когда и сдѣлался такимъ, то первые мои друзья всегда будутъ честь и правда, которымъ я ни для кого не измѣню. Вскорѣ послѣдствіе показало мнѣ, что неподатливость моя къ симъ предложеніямъ не могла мнѣ быть полезна: князь хотя и приказалъ мнѣ къ себѣ ходить и сначала сталъ было поручать нѣкоторыя маловажныя дѣла, но послѣ, въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, почти никогда не удостоивалъ меня какимъ либо своимъ приказаніемъ или разговоромъ; такъ что я, при разстроенномъ здоровьѣ моемъ, видя себя не употребляемымъ, часто увольнялъ себя отъ поѣздокъ къ нему. Онъ жилъ во дворцѣ. Въ

покояхъ его достопримѣчательны были три комнаты, изъ которыхъ въ первой могъ быть всякъ, кто хотѣлъ; во вторую входили только знатныя особы и находившіеся при немъ главные чиновники. Онъ тутъ всякое утро, сидя на развалистыхъ креслахъ, чесался и обыкновенно въ сіе время читалъ бумаги, вѣроятно для того болѣе, чтобъ меньше разговаривать съ предстоящими; ибо всегда было ихъ не малое число, и никто передъ нимъ не смѣлъ сѣсть, выключая развѣ самыхъ знаменитѣйшихъ вельможъ. Третья комната составляла его кабинетъ или спальню, куда никто, кромѣ самыхъ близкихъ къ нему людей, не могъ входить. Изъ ней, по маленькой лѣстницѣ, былъ ходъ во внутренніе императрицыны покои. Въ одинъ день (достопамятнѣйшій для Россіи) [1]), пришелъ я, рано поутру, во вторую изъ сихъ комнатъ и нашелъ въ ней трехъ человѣкъ, ожидающихъ выхода князя. Скоро изъ кабинета его вышелъ Ламбро-Качіони (извѣстный Грекъ, участвовавшій въ войнѣ противъ Турокъ [2]), доступный до князя, и по совѣту котораго, какъ сказываютъ, императрица, почувствовавшая нѣкоторую издавна безпокоившую ее боль въ ногахъ, ставила ихъ въ морскую соленую воду). Появленіе Ламбро-Качіони крайне меня удивило: онъ показался мнѣ смутенъ, блѣденъ, словно какъ бы на смерть осужденный. Въ семъ видѣ, сталъ онъ спиною къ окошку и стоялъ неподвижно. Я взглянулъ на него еще разъ и увидѣлъ, что онъ больше похожъ на восковую куклу, нежели на живаго человѣка. Я подошелъ къ нему и спросилъ: — „Ламбро! что съ тобою сдѣлалось?“ — Онъ не отвѣчаетъ. — „Ты вѣрно боленъ (продолжалъ я); посмотрись въ зеркало: на тебѣ лица нѣтъ: поди скорѣе и посовѣтуйся съ какимъ нибудь лекаремъ.“ — Онъ ни слова! стоитъ, вытараща глаза, какъ истуканъ. Не могши отъ него добиться никакого отвѣта, я хотѣлъ было идти посмотрѣть, не найду ли кого изъ врачей; но вдругъ вижу, пробѣжавшаго мимо насъ въ кабинетъ къ князю, брата его Николая

---

[1]) 5 ноября 1796 г..

[2]) Ламбро-Качіони, народный греческій герой. Послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, онъ прибылъ въ Севастополь съ нѣсколькими, какъ онъ, корсарскими шкиперами; и всѣ они, продавъ свои суда русскому правительству, поступили на русскую службу. Ламбро-Качіони и два его товарища, въ награду за особыя заслуги, получили чинъ маіора. Въ слѣдующую войну съ Турціей, онъ принялъ начальство надъ одною изъ двухъ корсарскихъ эскадръ, снаряженныхъ для дѣйствія у береговъ Мореи и Малой Азіи. Въ 1798 г., онъ снова, въ чинѣ полковника, участвовалъ въ нашей войнѣ съ Франціей и, на сооруженныхъ на собственный счетъ судахъ, наносилъ большой вредъ непріятелю.

Зубова [1]). Онъ тоже былъ блѣденъ, отчаянъ, какъ иступленный. Тутъ не зналъ я что подумать! Императрица въ тожъ самое утро была здорова; никому не приходило въ голову о ней безпокоиться; но между тѣмъ, изъ крайняго сихъ двухъ человѣкъ смятенія, заключалъ я, что надлежало случиться чему нибудь чрезвычайному. Страшась услышать, и какъ бы желая удалить отъ себя минуту какой либо ужасной вѣсти, я поспѣшилъ, не дождавшись того, уѣхать домой. На лѣстницѣ встрѣтился со мною Грибовскій: онъ тоже бѣжалъ запыхавшись, съ блѣднымъ, помертвѣлымъ лицомъ. Любопытство побуждало меня спросить у него: что сдѣлалось? но страхъ остановилъ голосъ мой. И онъ также хотѣлъ нѣчто мнѣ сказать, но не могъ ни слова промолвить. Я пріѣхалъ домой и легъ въ постелю; ибо чувствуя себя нездоровымъ, съ трудомъ выѣзжалъ, и, растревоженный мыслями, еще болѣе ослабѣлъ. Печальная вѣсть о незапномъ ударѣ, случившемся съ императрицею, вскорѣ разнеслась: въ ней были еще признаки жизни; но ежеминутно ожидали ея кончины.

Мнѣ нужно было предварительно упомянуть о сихъ, бывшихъ со мною, приключеніяхъ, потому что послѣдствія жизни моей частію отъ нихъ проистекли. Приступимъ теперь къ настоящему повѣствованію съ тою правдою, которая ничьихъ дѣлъ не чернитъ и не украшаетъ.

Россійское солнце погасло! Екатерина Великая — тѣломъ во гробѣ, душою въ небесахъ! Павелъ Первый воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тритцать четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслася и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію.

Какъ ни былъ я боленъ и встревоженъ, однакожъ на другой день поѣхалъ во дворецъ. Докторъ Рожерсонъ, находившійся при послѣднемъ издыханіи императрицы, лежавшей нѣсколько часовъ безъ чувствъ, встрѣтился со мною и, пожавъ у меня руку, печально сказалъ: *tout est fini* (все кончилось)! Я вошелъ въ залу и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ

---

[1]) Шталмейстеръ, старшій братъ фаворита и зять Суворова

былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенною на лицахъ скорбью и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли. Вездѣ, въ немъ и вокругъ его, появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли, какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, не примѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ, день тому назадъ, никто не помышлялъ, никто почти незналъ ихъ, — бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что казалось насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. Удивленный, смущенный отъ всего того, что глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями и сокрушеннымъ сердцемъ.

Я имѣлъ великую причину безпокоиться: во первыхъ, я былъ очень нездоровъ и слабъ; во вторыхъ, неудовольствіе, какое новый императоръ, будучи великимъ княземъ, имѣлъ нѣкогда на меня, — живо мнѣ припоминалось; въ третьихъ, слухи, что всѣхъ офицеровъ, бывшихъ въ отпускахъ, или по какимъ либо инымъ обстоятельствамъ въ отлучкѣ отъ своихъ мѣстъ, немедленно и строго отсылаютъ къ онымъ; а какъ я переведенъ былъ въ черноморскій флотъ, то и думалъ, что меня также, не взирая на слабость моего здоровья, скоро туда отправятъ. Всѣ сіи обстоятельства, также и день отъ дня возрастающія строгости, приказы, аресты*) и тому подобныя, неслыханныя доселѣ, новизны такъ

*) Первый арестованъ былъ генералъ-маіоръ Бардаковъ, за то что, встрѣтясь съ императоромъ, не вышелъ изъ кареты. Шпага тотчасъ возвращена была ему назадъ; но онъ ее не принялъ, сказавъ, что иначе принять ее не можетъ, какъ изъ рукъ самаго императора. Государь приказалъ позвать его къ себѣ, и самъ возвратилъ ему шпагу. Ежелибъ случилось сіе не въ первые дни царствованія, то, можетъ быть, сей гласъ оскорбленнаго честолюбія не имѣлъ бы толь хорошаго успѣха.

(На отдѣльномъ листкѣ, чужою рукою:) [1]). Объ арестѣ бригадира Бардакова. Когда, за непринятіемъ шпаги, былъ позванъ къ государю, сказалъ ему: „Знаешь ли какъ я съ тобою поступлю?" — На что отвѣчалъ: „Знаю. Можете меня велѣть на площади повѣсить; но послѣ, одумавшись, скажете: за что я съ Бардаковымъ такъ поступилъ!" — И послѣ сихъ словъ, отдавъ ему шпагу, произвелъ въ генералъ-маіоры и назначилъ его шефомъ кирасирскаго полка.

[1]) Намъ передавалъ родной внукъ адмирала, что когда, въ сороковыхъ годахъ, его дѣдъ лишился зрѣнія, то, подъ диктовку ослѣпшаго старца, часто писала жена его племянника, Д. А. Шишкова. Можетъ быть и эта позднѣйшая замѣтка о Бардаковѣ записана ея рукою.

меня устрашали, что я съ трепетомъ ожидалъ своей участи. Вдругъ приходятъ мнѣ сказать, что я произведенъ чиномъ, пожалованъ въ капитаны 1-го ранга (т. е. полковникомъ). Это меня нѣсколько порадовало, но не совсѣмъ успокоило. Производство сіе, думалъ я, сдѣлано по всему флоту; я поступилъ въ сей чинъ съ прочими, по старшинству; тутъ нѣтъ ничего лично ко мнѣ относящагося: слѣдовательно прежніе страхи мои остаются тѣже.

Между тѣмъ, надлежало благодарить государя. Сего нельзя было иначе сдѣлать, какъ на вахтъ-парадѣ (слово, котораго мы прежде не знали; и ученья передъ дворцомъ нѣсколькихъ солдатъ, гдѣ самъ царь присутствуетъ и распоряжаетъ, — никогда не видывали). Какъ быть? морозъ пресильный; я на лекарствахъ; съ нуждою выѣзжаю; всего больше велятъ беречься простуды; — а должно по крайней мѣрѣ съ полчаса стоять и дрогнуть въ одномъ мундирѣ. Поѣхалъ! Однакожъ спрятался въ шубѣ за людьми, и дожидаюсь, когда наступитъ время представленія. Куча незнакомыхъ мнѣ людей окружаетъ меня. Одинъ изъ нихъ, въ генеральскомъ мундирѣ, посматриваетъ на меня; и всякій разъ, когда я на него взгляну, онъ, какъ будто оторопѣвъ, то, для снятія шляпы, приподниметъ руку, то, какъ будто одумавшись, опуститъ ее и отъ меня отворотится. Казалось мнѣ, что я гдѣ нибудь видалъ его, но не помнилъ. Напослѣдокъ, доспросясь, узналъ, что это нѣмецъ Канабихъ. Онъ, въ бытность мою въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ капитаномъ, былъ фехтовальнымъ учителемъ и, какимъ то образомъ записавшись тогда къ великому князю въ полкъ, теперь генераломъ. Ему не мудрено было меня помнить; и онъ, по видимому, не забывая ни стараго ни новаго состоянія своего, предавался попеременно то робости, то спѣси. Какъ ни былъ я грустенъ и озабоченъ, но сіи судорожныя движенія руки его приводили меня въ смѣхъ. Наконецъ вахтъ-парадъ приходилъ къ той порѣ, когда имѣющихъ за что либо благодарить представляютъ государю. Я смотрю во всѣ глаза: не смѣю мигнуть, чтобъ не пропустить этой минуты. Тотчасъ, по наступленіи ея, сбрасываю съ себя шубу, продираюсь сквозь людей и кидаюсь на колѣни. Павелъ поднимаетъ меня, даетъ мнѣ поцѣловать руку свою и говоритъ: „Поди, поди домой. Я знаю, что ты боленъ. Береги свое здоровье: ты мнѣ надобенъ.“ — Утѣшенный сими словами, возвращаюсь я назадъ. Страхъ мой объ отправленіи меня въ черноморскій флотъ началъ во мнѣ исчезать. Я видѣлъ, что, подъ покровительствомъ Кушелева, содѣлавшагося главою въ морской службѣ, я не могу опасаться какихъ либо для себя несчастій.

Ему обязанъ я былъ за присовѣтованіе поднести книгу мою и за предварительное испрошеніе о позволеніи перейти въ канцелярію князя Зубова, безъ чего, можетъ быть, подвергся бы я многимъ непріятностямъ. Сіи два поступка мои, недавно случившіеся, загладили, по видимому, давно содѣланную мною вину, въ какую поставлялось мнѣ сочиненіе моей драмы.

Однакожъ, при всей моей радости, другія обстоятельства устрашали меня. Чрезвычайная, прежде не бывалая строгость, требовавшая неусыпной осторожности не только по службѣ, но даже по обуви и одеждѣ, при худомъ здоровьѣ моемъ, легко могли подвергать меня непредвидимымъ случаямъ, навлекающимъ великія непріятности. По сей причинѣ, рѣшился я написать къ государю письмо, въ которомъ говорилъ, что тогда, когда бы я съ величайшимъ усердіемъ желалъ подъ скипетромъ его величества продолжать службу, болѣзнь моя лишаетъ меня сего счастія, и что я, будучи принужденъ подать просьбу объ отставкѣ, осмѣливаюсь вмѣсто сего просить объ увольненіи меня на два года въ отпускъ, въ томъ предположеніи, что если я буду живъ и здоровъ, то немедленно явлюсь опять къ заступленію своего мѣста. Я не долго ожидалъ рѣшенія: чрезъ нѣсколько дней отдано было въ приказѣ, что я отпущенъ въ отпускъ на одинъ годъ. Сіе меня совершенно успокоило. Я никуда не намѣренъ былъ ѣхать, ибо никакой собственности не имѣлъ; а располагалъ остаться въ Петербургѣ и лечиться на свободѣ. Между тѣмъ однакожъ не могъ избѣгнуть отъ разныхъ непріятныхъ слуховъ и ежедневныхъ происшествій, въ болѣзни еще болѣе тревожившихъ чувства. Наставшая вдругъ, послѣ долговременно продолжавшагося, тихаго и кроткаго царствованія, крутая, строгая, необычайная перемѣна приводила всѣхъ въ нѣкоторый родъ печали и унынія. Все пошло на прусскую стать: мундиры, большіе сапоги, длинныя перчатки, высокія треугольныя шляпы, *) усы, косы, пукли, **) ордонансъ-

*) На круглыя напротивъ было такое гоненіе, что полиція у всякаго, идущаго по улицѣ, срывала ихъ съ головы и предавала истребленію. Необыкновенность сія производила вмѣстѣ и смѣхъ и роптаніе [1]).

**) Суворовъ писалъ къ Павлу: „пукли не пушки, а косы не штыки,“ и за сію лаконически сказанную правду былъ выключенъ (Суворовъ выклю-

[1]) Въ 1797 г., сардинскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ Петербургѣ, былъ Босси; онъ имѣлъ неосторожность насмѣшливо отозваться объ этомъ гоненіи на круглыя шляпы. Шутка дошла до государя, и тотчасъ, не смотря на дружественныя отношенія обоихъ дворовъ, Босси получилъ приказаніе немедленно выѣхать изъ Россіи (Révélations diplomatiques, par le comte I. Greppi. Paris. 1859. p. 47) Круглыя шляпы снова появились, какъ только, 11 марта 1801 г., разнеслась по городу вѣсть о кончинѣ императора.

гаузы, экзерциръ-гаузы, шлагбаумы (имена доселѣ неизвѣстныя) и даже крашеніе, какъ въ Берлинѣ, пестрою краскою мостовъ, бутокъ и проч.. Сіе уничижительное подражаніе Пруссакамъ напоминало забытыя времена Петра Третьяго. Къ сему присовокуплялись еще и другія нѣкоторыя тревоги, какъ то ежедневное въ городѣ безпокойство, причиняемое частыми выѣздами императора, требовавшаго, чтобъ всѣ мужчины и женщины, при встрѣчѣ съ нимъ, останавливались и выходили изъ своихъ повозокъ или каретъ. Отъ сего происходили многія иногда смѣшныя, иногда жалкія приключенія. Всѣ сіи новости подавали поводъ къ разнымъ пересказамъ, шепотамъ и толкамъ, сопровождаемымъ огорчительными или насмѣшливыми улыбками.

Наконецъ насталъ день погребенія покойной императрицы. Любопытство, не взирая на мою хворость, повлекло меня взглянуть на сіе плачевное зрѣлище. Я пріѣхалъ въ знакомый мнѣ, на Невскомъ преспектѣ, домъ и сѣлъ подъ окошкомъ. Число войскъ и стеченіе зрителей въ домахъ и на улицѣ было превеликое. Шествіе начиналось отъ Невскаго монастыря. Мы смотримъ съ нѣкакимъ

ченъ!) изъ службы и сосланъ жить въ деревню. — Нѣкто Копьевъ, пріѣхавшій изъ Москвы, явился на вахтъ-парадѣ одѣтый по новому, но такъ уже увеличилъ и сапоги, и шляпу, и перчатки свои, что казалось сдѣлалъ это на смѣхъ Павелъ приказалъ его посадить въ крѣпость. Онъ оттуда, чрезъ нѣсколько времени, написалъ къ нему письмо, въ которомъ, винясь въ неумышленномъ своемъ проступкѣ, между прочимъ сказалъ, что ему сидѣть одному въ заперти очень скучно, и онъ проситъ, чтобъ изъ милости прислали къ нему какую нибудь книжку читать Павелъ приказалъ послать къ нему книжку и сказать, что вся императорская книгохранительница къ его услугамъ. Копьевъ отвѣчалъ благодарнымъ письмомъ, помѣстя въ немъ, что онъ, по сіе время, утѣшался надеждою быть нѣкогда прощенъ, но теперь видитъ, что ему придется умереть въ заточеніи, потому что онъ, во весь свой вѣкъ, всѣхъ книгъ въ императорскомъ книгохранилищѣ прочитать не въ состояніи. Павлу отвѣтъ сей такъ понравился, что онъ приказалъ его выпустить [1]).

---

[1]) Вигель, въ своихъ Запискахъ (ч. III, стр. 159), также разсказываетъ объ этой выходкѣ Копьева, при представленіи императору Павлу. По выпускѣ изъ подъ ареста, онъ былъ отправленъ въ полкъ, стоявшій въ Финляндіи; но это не излечило его отъ страсти къ фарсамъ и остротамъ, благодаря которымъ онъ, въ былое время, попалъ въ число приближенныхъ кн. Зубова: вскорѣ подполковникъ Копьевъ былъ разжалованъ въ солдаты. Черезъ нѣсколько времени, по ходатайству добрыхъ людей, Павелъ возвратилъ ему прежній чинъ; а, при вступленіи своемъ на престолъ, Александръ Павловичъ произвелъ его изъ подполковниковъ прямо въ генералъ-маіоры. Алексѣй Даниловичъ Копьевъ написалъ нѣсколько комедій (Лебедянская ярмарка, Княгиня Муха и др.), которыя были напечатаны и, при Екатеринѣ, съ успѣхомъ играны на сценѣ Эрмитажа.

сердечнымъ трепетомъ. Везутъ одинъ за другимъ два гроба, — первый Петра Третьяго*), второй Екатерины Великой. Соединеніе сіе гробовъ мужа и жены (изъ коихъ одинъ, послѣ кратковременнаго царствованія, лежалъ болѣе тридцати лѣтъ въ землѣ, а другая, по сверженіи его съ престола, долговременно самодержавствовала и вознесла Россію на верхъ величія и славы) было нѣкое чудное соединеніе. Павелъ Первый, вмѣсто чтобъ оставить судъ надъ ними Богу, являлся въ семъ странномъ зрѣлищѣ сыномъ, мстящимъ воспитавшей его мертвой матери, за мертваго отца, чрезъ три десятилѣтія вырытаго имъ изъ земли. Везомые вмѣстѣ гробы сіи не могли имѣть инаго вида, какъ тотъ, что сіе сдѣлано въ посрамленіе Екатеринѣ, и тѣмъ болѣе располагали умы и сердца всѣхъ къ обвиненію сына ея, что она блескомъ правленія своего привела въ забвеніе виновное восшествіе свое на престолъ, буде и почитать оное виновнымъ.**) По провозѣ гробовъ сихъ мимо насъ,

---

*) Павелъ Первый, въ присутствіи своемъ, въ Невскомъ монастырѣ, приказалъ выкопать гробъ Петра Третьяго, въ которомъ, по открытіи онаго, найдены, какъ сказываютъ, кости и сапоги. Изъ числа достопримѣчательнѣйшихъ историческихъ лицъ, шелъ за симъ гробомъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.

**) Вотъ что въ сочиненіяхъ своихъ, подъ заглавіемъ: „Изображеніе князя Потемкина,“ между прочимъ пишетъ о ней Сегюръ, бывшій долгое время при дворѣ нашемъ французскій посланникъ, свидѣтель и самовидецъ многихъ ея дѣяній:

„Изобразить (говоритъ онъ) Екатерину Вторую, потребна цѣлая книга. Однакожъ принцъ Де-Линь умѣлъ счастливою въ языкѣ погрѣшностью однимъ токмо изрѣченіемъ дать о ней вѣрное понятіе, назвавъ ее (вмѣсто Великая) Великій Екатерина (Catherine le Grand). Въ самомъ дѣлѣ, она соединяла въ себѣ умъ великаго царя съ прелестью и слабостями любезной женщины. Сія удивительная жена удостоилась между сѣверными державами той чести, что вѣкъ ея названъ по ея имени. Чужестранка въ Россіи, юная, никѣмъ не поддерживаемая, она нѣсколько лѣтъ жила при дворѣ своемъ уединенна, и потомъ пренебрегаема и гонима супругомъ своимъ, не умѣвшимъ цѣнить ея достоинства. Въ то самое время, какъ надлежало ей быть изгнанною изъ дворца и запертою въ темницу, она незапнымъ оборотомъ дѣлъ спасается и воспріемлетъ верховную власть.

„Объятая, увлеченная скорымъ вспыхнутіемъ обстоятельствъ, она не имѣла ни стыда, ни чести сего отважнаго предпріятія (я повторяю здѣсь слова, сказанныя мнѣ Великимъ Фридрихомъ, когда я, въ 1784-мъ году, ѣхалъ въ Россію, въ званіи французскаго посланника). Честолюбіе нѣкоторыхъ военачальниковъ, общее неудовольствіе, странные поступки, слабости и другія, страхъ наводившія, Петра Третьяго дѣла — были причиною сей перемѣны правленія. Чрезъ нѣсколько дней, опасеніе мщенія рѣшило зачинщиковъ сей перемѣны совершить великое преступленіе. Екатерина сего не знала; она крайне была тѣмъ опечалена; но какъ она необходимо должна

возвратился я домой, преисполненный мрачными о суетѣ мірской мыслями.

Хотя отпускъ мой и доставлялъ мнѣ нужное для слабаго здоровья моего спокойствіе тѣмъ, что я не имѣлъ надобности часто

была собрать отъ того плоды, то слезы ея не могли обезоружить клевету и злобу, которыя славную жизнь любятъ всегда очернять нѣкоторыми пятнами.

„Не худо, можетъ быть, примѣтить, что король прусскій былъ въ негодованіи на сію императрицу и весьма противъ нея поднятъ [1], тогда какъ разговоръ его о ней истребилъ изъ ума моего предубѣжденія, какія общее мнѣніе внушило мнѣ о семъ происшествіи

„Екатерина довершила начатое Петромъ Великимъ: онъ творилъ, она основала; она распространила предѣлы царства; она нросвѣтила народъ свой; при ней собраны законы и сдѣланы кротчайшими прежнихъ; правленіе восприяло теченіе болѣе правильное; воздвигнуты многія академіи; призваны науки и художества; вѣжливость и пристойность умягчили нравы двора; отверзлись храмы правосудія; невинность и несчастіе нашли въ нихъ убѣжище. Торговля на Черномъ и сѣверныхъ моряхъ, покровительствуемая ею, соединила Россію съ Европою тысячами связей, приносящихъ изобиліе Петербургъ, въ основаніе которому Петръ Великій въ прошедшемъ вѣкѣ положилъ первый камень, сталъ великолѣпіемъ и красотою не уступать славнѣйшимъ столицамъ.

„Петръ Великій принужденъ былъ съ Турками, по ихъ требованіямъ, заключить миръ. Карлъ XII, прежде паденія своего, вторгся, съ оружіемъ въ рукахъ, въ сердце Россіи. Екатерина унизила оттоманскую гордость, привела въ трепетъ Константинополь, завоевала у Шведовъ Финляндію, покорила Крымъ, простерла державный жезлъ свой на Каспійское море и на сіи пространныя области, отколѣ нѣкогда Золотая орда татарская давала царямъ законы и налагала на нихъ дани и оковы.

„Въ ея царствованіе, отважные мореплаватели присоединили къ Россіи западные американскіе берега. Сильный, искусно управляемый флотъ, выступя изъ сѣверныхъ льдовъ, обошелъ смѣло вокругъ удивленной Европы и предалъ пламени въ Архипелагѣ корабли султанскіе.

„Аргосъ, Аѳины, Спарта и Коринѳъ видѣли въ стѣнахъ своихъ блистающее россійское оружіе; и Екатерина, въ семъ древнемъ отечествѣ славы, провозгласила снова воззваніе къ свободѣ, на которое Греція отвѣтствуетъ нынѣ съ такою доблестью.

„Многіе славные государи величественно блистали тогда, на главнѣйшихъ европейскихъ престолахъ: Густавъ III возвратилъ себѣ паки могущество свое и мудрымъ постановленіемъ, безъ стѣсненія свободы, принялъ власть и заступилъ мѣсто гордаго сената. Фридрихъ Великій, быстрый въ успѣхахъ своихъ, непреклонный въ несчастіяхъ, прославился также побѣдами своими, законами и сочиненіями. Іосифъ II, императоръ, гражданинъ и философъ, не сдѣлалъ инаго въ царствованіе свое проступка, кромѣ того, что рано былъ правъ и показалъ себя просвѣщеннѣе, чѣмъ вѣкъ его и народъ.

[1] Буквальный переводъ слова monté, т. е. возбужденъ.

вытзжать и, пользуясь лекарствами, провождалъ время съ посѣщавшими меня знакомыми и пріятелями, однакожъ безпрестанные слухи о новостяхъ, иногда казавшихся намъ странными, иногда наводившихъ нѣкоторый страхъ, мѣшали бесѣдамъ нашимъ быть

„Среди сихъ то, столь искусныхъ и великихъ самодержавныхъ главъ, женщина находитъ средство лучезарно возсіять и даже достигаетъ толикаго въ могуществѣ превосходства, что дѣлается попеременно предметомъ ихъ страха, соперничества, зависти и дружбы.

„Силою повелительнаго жезла своего, принудила она Австрію и Пруссію окончить скорымъ миромъ воспламенившуюся между ими войну: обѣ державы искали ея союза. Францiя, Англія, Голландія, Гишпанія и Португалія спѣшили соединиться съ нею торговыми узами.

„Петербургъ сдѣлался средоточіемъ политики просвѣщеннаго свѣта. Петръ Великій путешествовалъ въ западныя страны, чтобъ обучиться искуству правленія; въ царствованіе Екатерины, ученые люди, писатели, стихотворцы пріѣзжали удивляться свѣту, блиставшему въ сѣверной странѣ; и Вольтеръ справедливо могъ сказать:

C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumiére!

(то есть: Отъ сѣвера нынѣ приходитъ къ намъ свѣтъ!)

Потомъ, когда отъ потрясенія правительствъ поколебалися престолы, дворъ Екатерининъ, подобно двору Людовика XIV, содѣлался убѣжищемъ царей.

„Царица сія неудовольствовалась славою состязаться съ соперниками своими царями; довольно прочитать письма ея къ Вольтеру, принцу Де-Линь, Даламберту, Дидероту, дабы убѣдиться, что она умѣла также и въ битвахъ ума блистать своимъ оружіемъ.

„Она удивляла иностранцевъ, и была искренно любима своими подданными. Народъ ея, отдавая ей справедливость, приписывалъ ей съ благодарностью возрастающее благоденствіе, которымъ онъ наслаждался, и если имѣлъ когда какую либо причину жаловаться, то обвинялъ ея вельможъ.

„Я путешествовалъ съ сею императрицею, по обширному ея царству, и видѣлъ ее большею частью безъ стражей. Она безъ всякаго страха допускала народныя толпы къ колесницѣ своей и, безъ всякаго различія, какъ мать дѣтямъ, давала цѣловать руку свою купцамъ и мужикамъ.

„По отданіи должнаго уваженія достоинству сей великой самодержицы, тѣ, которые допущены были въ домашнюю ея бесѣду, съ удивленіемъ видѣли, что она, оставя хладную принужденность и сложа съ себя величіе, умѣла на нѣкоторое время привести оное въ забвеніе и еще царствовала, но только уже какъ простая хозяйка дома, ласкою, пріятностью, разумомъ. Разговоры ея живые, веселые, легкіе, безъ всякаго приготовленія, такъ сказать, закрывали въ ней царицу, которая не прежде опять появлялась, какъ весьма рѣдко, въ тѣ минуты, когда рѣчь заходила о какихъ нибудь политическихъ предметахъ: тогда нѣкоторый порывъ, не столько отъ ума, сколько отъ души исторгающійся, тотчасъ являлъ въ ней Великаго Екатерину (le grand Catherine).

„Однажды нѣкто изъ вельможъ ея пришелъ при мнѣ съ докладомъ, что въ этотъ день представленъ ей будетъ, прибывшій изъ провинціи, губернаторъ, и при томъ предлагалъ, чтобъ сдѣлать ему при всѣхъ выговоръ за небреж-

пріятными. Новости сіи состояли во многихъ, скоро одна за другою послѣдовавшихъ перемѣнахъ. Войски, въ военное время гремѣвшія побѣдами, въ мирныя — наслаждавшіяся покоемъ, переодѣты въ узкое платье, напудрены, ежедневно обучаются маршировать, дѣлать ружьемъ, словно какъ бы вновь набранныя и никогда въ походахъ не бывалыя. Генералы, полководцы, прославив-

---

ное имъ исполненіе нѣкотораго важнаго порученія. Я этого не сдѣлаю, сказала, она: я люблю хвалить громко, а бранить тихонько.

„Нѣкогда, помню я, окруженная многими, спросила она: какъ вы думаете, чѣмъ бы я была, еслибъ родилась частнымъ человѣкомъ и мужчиною? — Одинъ сказалъ ей: искуснымъ посломъ; другой — великимъ государственнымъ чиновникомъ; третій — славнымъ писателемъ. Дошла до меня очередь. Я сказалъ ей, смѣючись: — храбрымъ и знаменитымъ военачальникомъ. Вы обманываетесь, отвѣчала она мнѣ, я знаю горячую свою голову: я бы не дошла до военачальства и убита была въ чинѣ коннаго поручика.

„Во время, когда войски ея устремлены были въ полуденныя отъ царства ея страны, для сраженія съ Турками, сѣверные россійскіе предѣлы оставались безъ всякой защиты. Гордость ея не могла себѣ представить, чтобъ шведскій король дерзнулъ напасть на огромное ея могущество. Она обманулась. Густавъ III напалъ незапно съ войсками и флотомъ, которые, можетъ быть, достигли бы до Петербурга, еслибъ быстрота и твердость исполненія соотвѣтствовали дерзости предпріятія.

„Три гвардейскихъ полка, нѣсколько разночинцевъ и господскихъ слугъ — были единственныя силы, какія въ первые дни можно было противупоставить Шведамъ. Сражаясь — договаривались. Густавъ, мечтая уже себя торжествующимъ, восхотѣлъ предписать тяжкій миръ: онъ объявилъ императрицѣ, что, для полученія сего мира, надлежитъ возвратить Шведамъ и Туркамъ всѣ завоеванныя у нихъ области, отозвать войски назадъ, и примиреніе Россіи съ Портою предоставить его посредничеству.

„Екатерина сообщила сіе требованіе всѣмъ иностраннымъ министрамъ; и когда я пришелъ къ ней, то она спросила у меня, какъ я объ этомъ думаю? — Мнѣ кажется, отвѣчалъ я, что когда король шведскій писалъ сію бумагу, то ему мечталось, что онъ уже выигралъ двѣ или три битвы. — Хотя бы это и было, графъ, перервала Екатерина, онъ и тогда бы обманулся. Да хотя бы онъ и до Москвы дошелъ, я бы и тогда показала ему, что̀ можетъ сдѣлать женщина съ великимъ духомъ, стоя на развалинахъ своего царства.“

Сіе малое, мимоходомъ сдѣланное, объ Екатеринѣ описаніе, всякому Русскому не безъизвѣстное, тѣмъ любопытнѣе и достовѣрнѣе, что начертано перомъ посланника, долговременно при ней бывшаго, и котораго безпристрастное свидѣтельство не можетъ равняться съ безстыдными лжами нѣкоторыхъ французскихъ и другихъ писателей, которые, или по легкомыслію, или по ненависти къ Россіи, не зная ничего порядочно, дѣлаютъ о сей великой самодержицѣ нелѣпыя свои толкованія.

шіеся на войнахъ, въ томъ числѣ и князь Репнинъ [1]), должны были ходить въ училище, гдѣ, въ присутствіи самаго императора, Канабихъ, бывшій три или четыре года тому назадъ фехтовальнымъ учителемъ, преподавалъ уроки о военномъ искуствѣ! Офицеры и даже полковники, служившіе съ честолюбіемъ, называемы были передъ солдатами во фрунтѣ оскорбительными именами и, за малѣйшую нерасторопность въ поворотахъ и движеніяхъ, или даже за одну нечаянно растегнувшуюся пуговицу и тому подобное, съ оборваніемъ шпаги влеклися подъ стражу. Правда, что съ другой стороны выслуживались скоро: всякій день вѣдомости наполнены были переводами изъ полка въ полкъ и производствомъ изъ чина въ чинъ *). Солдаты, послѣ ученія, нерѣдко получали въ награду по фунту говядины, или по рублю на человѣка; но и сіи царскія милости принимались больше съ негодованіемъ, нежели съ благодарностью; ибо рубль денегъ или фунтъ говядины, почитаемый какъ бы нѣкоторою платою за ежедневные безпокойства и труды, не могъ быть достаточнымъ и утѣшительнымъ за оные вознагражденіемъ. Сверхъ сего, всякъ въ сихъ безпрестанныхъ ученіяхъ, состоявшихъ въ строгомъ и точномъ наблюденіи самыхъ мелочныхъ и часто перемѣняемыхъ движеній руками, ногами и тѣломъ, видѣлъ болѣе забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность. Скорое производство въ чины хотя и льстило молодымъ людямъ, но какъ оное дѣлалось безъ разсмотрѣнія заслугъ и старшинства, а притомъ часто случалось, что произведенные сегодня, чрезъ нѣсколько дней, за какой нибудь маловажный проступокъ, или и совсѣмъ безвинно, выключались съ поруганіемъ изъ службы, — то и сіе отнимало ревность и уменьшало охоту служить. Многіе въ краткое время возведены были въ высокіе чины, какъ-то въ генералъ-поручики, генералъ-аншефы, и потомъ отставлены, иные даже безъ права носить мундиръ **).

---

*) Прежде производство дѣлалось по всему войску и одинъ разъ въ годъ. День сей былъ день радости и торжества, всегда съ нетерпѣливостью ожидаемый.

**) Увольненіе отъ службы, различаемое на отставку и выключку, было также небывалое прежде нововведеніе, равно какъ и то, чтобъ служившіе нѣкогда въ военной службѣ, изъ коихъ иные за оказанные ими подвиги носили на себѣ знаки наградъ, выключались изъ списковъ, или отставлялись съ лишеніемъ права ходить въ томъ одѣяніи, въ которомъ они сражались за отечество.

---

[1]) Павелъ однако высоко цѣнилъ достоинства кн. Николая Васильевича: сдѣлавшись императоромъ, онъ тотчасъ произвелъ его въ генералъ-фельдмаршалы.

Нѣкоторые изъ сихъ, бѣдные люди, жившіе однимъ жалованьемъ, лишась послѣдняго пропитанія, не рады были высокимъ своимъ чинамъ и охотно отдали бы ихъ за кусокъ хлѣба. Сіе вмѣстѣ и расточеніе чиновъ и неуваженіе къ нимъ уронили ихъ достоинство.

Изъ числа прежнихъ знаменитѣйшихъ вельможъ, оставался при дворѣ одинъ князь Александръ Андреевичъ Безбородко [1]). Прочіе почти всѣ, по разнымъ причинамъ и обстоятельствамъ, удалились и разсѣялись. Князь Потемкинъ умеръ еще при Екатеринѣ. Фельдмаршалы, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ [2]) и графъ Кирило Григорьевичъ Разумовскій [3]), жили въ своихъ деревняхъ. Первый изъ нихъ скоро умеръ [4]). Фелдъегерь *), посланный къ нему и возвращавшійся назадъ, заѣхалъ къ графу Разумовскому и, увѣдомя его о смерти Румянцова, спросилъ: что прикажетъ онъ о себѣ сказать? Разумовскій отвѣчалъ: „Скажи, что и я умеръ.“ — Князь Зубовъ, по полученіи странной награды, въ пожалованіи ему ордена Св. Анны, удалился въ чужіе краи [5]). Графъ Орловъ тоже [6]). Такъ все старое, Екатерининское, одно за другимъ исчезало. На мѣсто сихъ вельможъ поступили новые, при прежнемъ правительствѣ едва извѣстные, малочиновные люди, которые въ послѣдствіе времени весьма скоро возведены были на высокія степени и украшены андреевскими лентами

*) Названіе также доселѣ неупотребляемое и сдѣлавшееся довольно страшнымъ, по причинѣ развоза повелѣній, нерѣдко грозныхъ.

1) Очень вѣроятно, что, независимо отъ личной ловкости Безбородки, не мало расположилъ къ нему новаго государя упадокъ вліянія его на дѣла, во время фавора Зубова. Павелъ сдѣлалъ его канцлеромъ, свѣтлѣйшимъ княземъ, кавалеромъ большаго креста св. Іоанна Іерусалимскаго, съ бриліантовыми знаками; пожаловалъ ему свой портретъ, также осыпанный бриліантами, и нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ земли, съ соразмѣрнымъ количествомъ душъ крестьянъ.

2) Занятый введеніемъ въ войскѣ старыхъ прусскихъ формъ и порядковъ, Павелъ, черезъ нарочно отправляемыхъ курьеровъ, обращался за совѣтами къ Румянцову, котораго зналъ за восторженнаго поклонника Фридриха Великаго; но видно старый полководецъ иначе смотрѣлъ на дѣло, потому что данные имъ отвѣты скоро охладили къ нему государя.

3) Съ 1790 г., онъ большею частью проживалъ въ Батуринѣ, гдѣ и умеръ 9 янв. 1803 г..

4) 8 дек. 1796 г..

5) Павелъ оставилъ сначала Зубова, при всѣхъ многочисленныхъ его должностяхъ, и даже пожаловалъ его инспекторомъ артиллеріи; но ровно черезъ мѣсяцъ своего царствованія, приказалъ Зубову имѣть пребываніе въ своихъ литовскихъ деревняхъ. Позже дозволилъ ему ѣхать за границу.

6) Далѣе видно будетъ, что Павелъ не терялъ изъ вида заграничныхъ путешественниковъ.

и титлами графовъ. Изъ оныхъ доступнѣйшими до государя были: Кутайцовъ *), Кушелевъ, Аракчеевъ [1]), Растопчинъ[2]), Обольяниновъ[3]) и нѣкоторые другіе. При дворѣ изъ прежнихъ вельможъ, какъ уже выше сказано было, оставался одинъ князь Безбородко. Однажды пришли у него спросить: можно-ли пропустить иностранныя вѣдомости, въ которыхъ между прочими разсужденіями помѣщено было выраженіе: проснись Павелъ! Онъ отвѣчалъ: „Пустое пишутъ: а уже такъ проснулся, что и намъ никому спать не даетъ.“ — Въ другое время, при нѣкоторыхъ съ новыми вельможами состязаніяхъ о политическихъ дѣлахъ, сказалъ онъ съ досадою: „Не знаю какъ будетъ при васъ; а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла.“

Ненависть Павла Перваго къ матери своей во многихъ дѣйствіяхъ его обнаруживалась. Онъ почиталъ правленіе ея слабымъ и не только не хотѣлъ идти по стопамъ ея, но казалось помышлялъ все послѣ нея перемѣнить и передѣлать. Отселѣ, въ подраженіе Прусакамъ и отцу своему, — преобразованіе войскъ въ составѣ оныхъ, въ распорядкѣ, въ одеждѣ и во всемъ прочемъ. Отселѣ многія лица, съ честью служившія, удалены или отставлены; а иныя, по доносамъ и подозрѣніямъ, какихъ въ Екатеринино время не знали **), заключены въ крѣпостяхъ, или осуждены жить за

---

*) Родомъ Турка, привезенный въ малолѣтствѣ, окрещенный и находившійся потомъ камердинеромъ при Павлѣ, въ бытность его великимъ княземъ.

**) Екатерина говаривала о доносахъ: „Я должна ихъ принимать и читать, но первая моя недовѣренность и негодованіе обращаются на доносчика.“ — Я слышалъ отъ Самойлова, бывшаго генералъ-прокурора[4]), слѣдующій случай: нѣкто, въ Москвѣ, написалъ бранные на императрицу стихи, въ которыхъ она разругана была самыми скверными и площадными словами. Полиція открыла

---

[1]) Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ, изъ нужды, преподавалъ артиллерію и фортификацію дѣтямъ кн. Ник. Ив. Салтыкова. Случилось Павлу Петровичу спросить у бывшаго своего воспитателя: не знаетъ-ли онъ расторопнаго артиллерійскаго офицера? Салтыковъ рекомендовалъ ему учителя своихъ дѣтей. Въ этотъ день, взошла звѣзда будущаго временщика. Передъ вступленіемъ на престолъ Павла, Аракчеевъ былъ полковникомъ и начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ, такъ называемыхъ гатчинскихъ войскъ наслѣдника. Награды посыпались на него, съ первыхъ же дней новаго царствованія.

[2]) Въ день своего возшествія на престолъ, Павелъ объ немъ выразился, что „это человѣкъ, отъ котораго у него ничего нѣтъ скрытаго“ (Чтен. Общ. ист. и древн. 1860 г., кн. 3-я, въ Смѣси, разсказъ гр. Растопчина).

[3]) Петръ Хрисанфовичъ, бывшій потомъ генералъ-прокуроромъ.

[4]) Должность эту, при Павлѣ, онъ сохранилъ только впродолженіе однаго мѣсяца: 4-го декабря, онъ сдалъ ее кн. Алексѣю Борисовичу Куракину.

присмотромъ въ деревняхъ своихъ. Даже нѣкоторыя, начатыя при императрицѣ и отчасти доконченныя уже зданія, иныя разрушены до основанія, другія оставлены недоконченными. Главнѣйшія изъ нихъ, — красивое, на берегу Невы, мѣстечко, называемое Пеллою [1]), въ которомъ многіе выстроенные уже каменные домы разрыты и превращены въ кучи кирпичей. Исакіевскую церковь, гордившуюся уже мраморными своими стѣнами, велѣно было докончить простымъ изъ кирпича сводомъ. Нѣкто, въ негодованіи на сіе, сочинилъ два слѣдующіе стишка:

Се памятникъ двухъ царствъ, обоимъ толь приличный:
На мраморномъ низу поставленъ верхъ кирпичный!

Сказываютъ, что одинъ морской офицеръ, у котораго ихъ нашли, невиннымъ образомъ, не будучи ихъ сочинителемъ, погибъ; ибо пропалъ безвѣсти и послѣ нигдѣ не отысканъ.

Но оставимъ общія дѣла и происшествія, требующія многихъ описаній, и возвратимся къ приключеніямъ, собственно до меня принадлежащимъ. Хотя, по всѣмъ случившимся со мною обстоятельствамъ, прежній страхъ мой исчезъ, однакожъ нѣкоторая боязнь оставалась еще во мнѣ, такъ что я никуда изъ дома не выходилъ. Одинъ прекрасный день выманилъ меня пойти прогуляться въ Лѣтній садъ. Тамъ встрѣтился со мною Николай Петровичъ Архаровъ, бывшій при покойной императрицѣ славнымъ оберъ-полицемейстеромъ въ Москвѣ. Онъ въ это время былъ въ великой довѣренности и силѣ [2]). Увидя его, я хотѣлъ избѣгнуть отъ встрѣчи съ нимъ, какъ отъ человѣка въ великихъ попыхахъ

того, кто ихъ написалъ, и сообщила о томъ Самойлову. Онъ приходитъ и доноситъ о семъ императрицѣ, имѣя стихи сіи съ собою. Она потребовала ихъ у него для прочтенія. Самойловъ сказалъ, что они наполнены такими непристойными и гнусными выраженіями, которыхъ онъ показать ей не смѣетъ. Императрица отвѣчала: „Подай! должность царицы не позволяетъ мнѣ на этотъ разъ имѣть стыдливость женщины.“ — Взяла. Читаетъ. Гнѣвъ и негодованіе сверкаютъ изъ ея очей. Прочитала. Прошла нѣсколько разъ по комнатѣ и, бросивъ бумагу въ каминъ, сказала Самойлову: „Я не хочу знать имени сочинителя. Онъ не стоитъ моего гнѣва. Оставьте его угрызаться собственною своею совѣстью.“

---

[1]) Дворецъ въ Пеллѣ, при впаденіи рѣчки Тосны въ Неву, былъ заложенъ въ 1784 г..

[2]) Онъ занималъ тогда должность петербургскаго генералъ-губернатора. Какъ почти всѣ любимцы Павла, и онъ не избѣжалъ немилости, и былъ сосланъ въ Тамбовскую губернію, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Иваномъ Петровичемъ, московскимъ военнымъ губернаторомъ.

и мало знакомаго со мною; но онъ остановилъ меня и сказалъ: „По какой причинѣ ты нигдѣ не показываешься?“ — Я отвѣчалъ на это, что я въ отпуску и притомъ нездоровъ. — „Какъ можно,“ перервалъ онъ, „чтобъ въ такое время и такіе люди, какъ ты, были подъ спудомъ и бездѣйственны!“ — Я поблагодарилъ его за доброе мнѣніе обо мнѣ и, съ учтивостью откланявшись ему, возвратился домой въ нѣкоторомъ удовольствіи, что узналъ о благосклонномъ ко мнѣ расположеніи человѣка, толь близкаго къ царю. Между тѣмъ императоръ отправился въ Москву, для коронаціи. Графъ Безбородко и Кушелевъ, доброхотствовавшіе мнѣ, выпросили, при раздачѣ, или лучше сказать — при расхваткѣ деревень, и на мою долю двѣсти пятьдесятъ душъ, предоставя мнѣ, какъ и всѣмъ другимъ, выбрать ихъ въ любомъ мѣстѣ. Даръ сей тѣмъ больше для меня былъ пріятенъ, что доходы мои заключались въ одномъ только весьма небольшомъ жалованьѣ. Причиною сей раздачи деревень, сказываютъ, былъ больше страхъ, нежели щедрота. Павелъ Первый, напуганный можетъ быть примѣромъ Пугачева, думалъ раздачею казенныхъ крестьянъ дворянамъ уменьшить опасность отъ народныхъ смятеній. Сія, можно сказать, несчастная боязнь часто тревожила сердце сего монарха и была причиною тѣхъ излишнихъ осторожностей и непомѣрныхъ строгостей, какими, муча другихъ, и самъ онъ безпрестанно мучился, и которыя, вмѣсто погашенія мнимыхъ искръ возмущенія, дѣйствительно порождали ихъ и воспламеняли. Въ первые дни царствованія своего получаетъ онъ письмо, въ которомъ нѣкто безыменный увѣдомляетъ его о дѣлающемся противъ него заговорѣ, будто бы возникающемъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ. Прискакалъ онъ самъ туда, собралъ полкъ и сказалъ солдатамъ: „Говорятъ, что вы противъ меня возстаете. Ежели это не правда, то пусть всякій изъ васъ, кто не виноватъ, подниметъ руку свою.“ — Безъ сомнѣнія всѣ подняли. Таковыя средства, показывающія робость предъ тѣми самыми людьми, съ которыми послѣ поступали съ великою строгостью*), могли подавать поводъ

*) Я самъ при ученіяхъ видѣлъ, что графъ Аракчеевъ, въ присутствіи государя, за малую ошибку, таковую какъ ступилъ не въ ногу, или тому подобную, замѣчалъ мѣломъ на спинѣ солдата, можетъ быть во многихъ сраженіяхъ проливавшаго кровь свою за отечество, сколько дать ему палочныхъ ударовъ. Неоднократно, въ Павловскѣ, самъ государь, поставя во фрунтъ офицеровъ, обучалъ ихъ метать ружьемъ и алебардами, повторяя разъ пятьдесятъ или болѣе одно и тожъ самое метаніе, съ строгимъ наблюденіемъ, что ежели кто хоть чуть ошибется или не проворно сдѣлаетъ, то сорвутъ съ него шпагу и потащатъ подъ караулъ.

вмѣстѣ и къ дерзости мыслей и къ чувствованію неудовольствія. Между тѣмъ произошло однакожъ и умилительное зрѣлище. Въ томъ же самомъ письмѣ зачинщикомъ заговора наименованъ былъ извѣстный писатель, Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ. Императоръ, держа сіе письмо въ рукахъ, вышелъ въ собраніе офицеровъ, приказалъ прочитать его и со слезами промолвилъ: „Господа! долженъ ли я сему вѣрить?“ — Всѣ, видя его плачуща, зарыдали и кинулись къ нему цѣловать его одежду и обнимать колѣна, съ такимъ жаркимъ усердіемъ и стремленіемъ, что изодрали на немъ мундиръ. Дмитріеву тогда же объявлено было, что взведенное на него обвиненіе сочтено клеветою[1]). На другой день, государь императоръ вышелъ на вахтъ-парадъ въ томъ же самомъ разодранномъ платьѣ, безъ всякой поправки онаго, и, обратясь къ офицерамъ, сказалъ: „Я съ удовольствіемъ сохраню и буду носить тотъ мундиръ, который вы на мнѣ изодрали.“

Подобное же приключеніе, какъ сказываютъ, было съ Петромъ Великимъ: онъ, узнавъ о дѣйствительномъ противъ него заговорѣ, но не повѣря тому, и желая самъ собою вывѣдать правду, — приказалъ одному изъ офицеровъ придти въ назначенный часъ съ ротою солдатъ въ тотъ домъ, гдѣ сказано ему было о собирающихся заговорщикахъ, и самъ къ этому времени одинъ туда отправился. Пришелъ и всѣ названныя ему лица находитъ сидящими за столомъ. Удивленные незапнымъ прибытіемъ его, они вскочили съ мѣстъ своихъ; но онъ, посадивъ ихъ и сѣвъ самъ съ ними, сказалъ: „Я хочу повеселиться и вмѣстѣ съ вами выпить, вы — за мое, а я — за ваше здоровье!“ — Тутъ начались разговоры и стучанье рюмокъ. Петръ, примѣчая въ дѣйствіяхъ и во взорахъ ихъ нѣкоторое нечистосердечіе, увѣрился въ зломъ ихъ умыслѣ и ожидалъ съ нетерпѣливостью офицера; но тотъ не появлялся. Наконецъ заговорщики, сперва опасаясь, что онъ не одинъ пришелъ, но потомъ не видя долгое время никого съ нимъ, стали между собою перемигиваться, дѣлать знаки; и одинъ изъ нихъ молвилъ: не пора ли начинать? — Тогда Петръ, видя, что не остается ему ничего, кромѣ мужественной рѣшительности, всталъ и сильною рукою ударивъ того, кто произнесъ сіи слова,

[1]) Доносъ на Дмитріева и на штабсъ-капитана Лихачева былъ сдѣланъ крѣпостнымъ слугой брата Лихачева, въ надеждѣ этимъ путемъ получить свободу. Дмитріевъ подробно и нѣсколько иначе разсказываетъ этотъ случай въ своихъ запискахъ („Взглядъ на мою жизнь,“ стр. 126—131) и прибавляетъ, что въ поступкѣ Павла онъ находилъ „что-то рыцарское, откровенное и даже нѣкоторое вниманіе къ гражданамъ.“

грознымъ видомъ и голосомъ сказалъ: „Не тебѣ, а мнѣ пора обуздать вашу наглость!“ — Смѣлость сія и смѣшанное со страхомъ невольное уваженіе къ сану царя такъ ихъ поразили, что не могли они скоро опомниться, какъ и что имъ начать. Между тѣмъ офицеръ съ солдатами приходитъ, и Петръ приказываетъ всѣхъ ихъ забрать. Онъ обращается съ гнѣвнымъ выговоромъ къ офицеру за его опозданіе; но тотъ оправдывается, показавъ ему собственной руки его записку, по которой пришелъ онъ точно въ назначенное время. Петръ, увидя что самъ онъ рановременнымъ приходомъ своимъ сдѣлалъ ошибку, разнящуюся цѣлымъ часомъ, извинился передъ нимъ и, въ знакъ благодарности, поцѣловалъ его въ голову.

При началѣ царствованія Екатерины Великой, случилось нѣчто подобное же. Два или три гвардейскихъ офицера задумали сдѣлать противъ нея заговоръ. Умыселъ ихъ былъ открытъ. Они отданы подъ судъ, по которому осуждены быть сосланными на вѣчное заточеніе въ Сибирь. Приговоръ поднесенъ къ подписанію императрицы. Вмѣстѣ съ сими преступниками, осуждалась одна замужняя, благородная женщина. Екатерина, хотя и увѣрена была, что не безъ ясныхъ доказательствъ обвинялась она, однакожъ не могла понять, какимъ случаемъ возродилась въ сей женщинѣ такая противъ нея ненависть, и какимъ образомъ могла она присовокупиться къ симъ преступникамъ. Благость сердца ея опасалась осудить невинную. Она оставляетъ у себя приговоръ сей, безъ утвержденія онаго, и въ тотъ же день поручаетъ одному изъ своихъ домашнихъ привести къ себѣ обвиняемую, такъ чтобъ никто о томъ не зналъ. Повелѣніе ея исполнено. Она призываетъ ее къ себѣ и наединѣ спрашиваетъ у ней: правда ли то, въ чемъ ее обвиняютъ? — Женщина падаетъ предъ нею на колѣна и говоритъ: — „Правда! я виновата.“ — „Что причиною твоей на меня злобы?“ вопрошаетъ Екатерина. — „Я не имѣю никакой къ тебѣ ненависти; напротивъ люблю тебя,“ — отвѣчаетъ женщина. — „Но чтожъ побудило тебя вступить въ согласіе съ тѣми, которые на жизнь мою посягнуть хотѣли?“ — „Этого не могу я открыть! Предай меня какому хочешь мученію,“ — сказала преступница, облившись горькими слезами. — Екатерина важнымъ, но вмѣстѣ и ласковымъ голосомъ говоритъ ей: — „Послушай! Дѣло идетъ о жестокомъ наказаніи: о лишеніи тебя дворянства и вѣчномъ заточеніи. Я не могу уменьшить сего приговора, не знавъ побудившей тебя къ такому злоумышленію причины. Какая бъ это ни была твоя тайна, откройся мнѣ: я даю тебѣ вѣрное

слово, что никто, кромѣ тебя и меня, знать о томъ не будетъ." — Сіи слова, произнесенныя съ такою кротостью и милосердіемъ, поразили преступницу; она вторично бросилась предъ нею на колѣна и съ прерывнымъ рыданіемъ отвѣтствовала ей: — „Могла бы я сказать, что нечаянно узнала о томъ и не смѣла идти съ доносомъ; но тогда худо бы неискреннимъ признаніемъ своимъ заплатила я за твои милости. Итакъ, сколь ни постыдно и тяжело мнѣ объявить тайную причину вины моей, но материнскіе твои со мною поступки исторгаютъ ее изъ глубины моего сердца: — я, забывъ долгъ замужней женщины, любила одного изъ сихъ преступниковъ; онъ открылся мнѣ въ своихъ намѣреніяхъ, съ изъявленіемъ непоколебимой въ томъ твердости...... Виновата!" примолвила она, возобновивъ свои рыданія, — „страсть моя была сильнѣе всякихъ другихъ помысловъ и страха." — Екатерина подняла ее, отерла у ней слезы и сама, чуть не плача, сказала ей: поди. Долго размышляла она и наконецъ, вспомня можетъ быть, что Спаситель нашъ Христосъ, вопрошаемый о приведенной къ нему сластолюбивой женѣ — убить ли ее или нѣтъ! сказалъ народу: кто изъ васъ не грѣшенъ, тотъ пусть первый броситъ въ нее камень, — взяла приговоръ, вычернила изъ него имя преступницы и приказала поднести къ себѣ другой, въ которомъ бы ничего о ней не упоминалось.

Но я далеко отступилъ отъ моего повѣствованія; обратимся опять къ приключеніямъ, собственно со мною происходившимъ.

Императоръ возвратился изъ Москвы; и вскорѣ послѣ того приносятъ ко мнѣ приказъ, что я опредѣленъ въ званіе эскадръ-маіора, при особѣ его величества. Это меня крайне удивило, такъ что я не зналъ радоваться ли тому или печалиться. Съ одной стороны должность быть при особѣ государя льстила мнѣ, а съ другой — отпускъ мой уничтожился, слабость здоровья моего устрашала меня и притомъ самое названіе сіе, какъ нѣкое новое и никогда небывалое, погружало меня въ нѣкоторое безпокойное сомнѣніе и неизвѣстность. Я поѣхалъ тотчасъ къ графу Кушелеву, дабы о семъ навѣдаться. Отъ него узналъ я, что эскадръ-маіоръ и флагъ-капитанъ (какъ прежде называли) есть одно и тоже; что должность моя — быть при государѣ и повелѣнія его изъявлять флагами, когда онъ пойдетъ на море и будетъ распоряжать флотомъ. При возраженіяхъ моихъ, что я въ отпуску и боленъ, совѣтовалъ онъ мнѣ объ этомъ молчать и сколько можно, хотя чрезъ силу, исполнять возложенную на меня обязанность. Нечего дѣлать, — принужденъ я былъ снова вступить въ службу. Первый мой

подвигъ состоялъ въ исходатайствованіи морскимъ офицерамъ носить коротенькіе сапожки, потому что въ большихъ сапогахъ не ловко бѣгать по кораблю и лазить по мачтамъ. Государь въ это время жилъ въ Павловскѣ. Надлежало съ симъ докладомъ и образцомъ сапоговъ ѣхать туда, при чемъ должно было всякій разъ брать пропускъ за шлагбаумъ. Для сего явился я къ Архарову; онъ далъ мнѣ сей пропускъ и спросилъ у меня: гдѣ выбралъ я пожалованную мнѣ деревню? — Я отвѣчалъ: нигдѣ, и даже не знаю, гдѣ лучше выбрать. — „Экой ты!“ сказалъ онъ; „всѣ разобрали; а ты упускаешь время. Я тебѣ выберу.“ — „Вы меня крайне обяжете.“ — „На! вотъ тебѣ записочка: въ Кашинскомъ уѣздѣ.“ — „Очень благодаренъ.“ — Я взялъ записочку и получилъ означенное въ ней имѣніе.

Государь сбирался идти на построенномъ вновь фрегатѣ „Эмануилѣ“ въ Ревель. Для сего вооружалась въ Кронштадтѣ эскадра, съ которою долженствовала соединиться другая, вооружаемая въ Ревелѣ. Мнѣ велѣно было съѣздить къ адмиралу Василію Яковлевичу Чичагову съ предложеніемъ, чтобъ онъ принялъ начальство надъ сими двумя эскадрами; но онъ отъ сего отказался, сказавъ, что онъ, при крайней слабости своего здоровья, и притомъ почти лишенный зрѣнія, — не въ силахъ принять на себя сей обязанности. Послѣ сего, адмиралъ Александръ Ивановичъ Крузъ [1]), на такое же сдѣланное ему предложеніе, отвѣчалъ, что хотя онъ также слабъ здоровьемъ и почти безъ ногъ, однакожъ готовъ, по возможности силъ своихъ, исполнить волю его величества. Такимъ образомъ, для начальства надъ кронштадтскою эскадрою, назначены были адмиралы Крузъ и Петръ Ивановичъ Пущинъ. Въ Ревелѣ же главный надъ эскадрою начальникъ былъ вице-адмиралъ Алексѣй Васильевичъ Мусинъ-Пушкинъ. Съ прочищеніемъ льда и наступленіемъ весны, фрегатъ „Эмануилъ“ и прочіе приготовленные для кампаніи корабли вышли изъ кронштадтской гавани на рейдъ. Слабость здоровья моего требовала, чтобъ я заблаговременно отправился въ Ораніенбаумъ, или попросту въ Раибовъ, дабы хотя нѣсколько дней пожить тамъ и подышать весеннимъ воздухомъ. Я остановился въ домѣ, не доѣзжая воротъ, при которыхъ стояла гауптвахта. Часто, по утрамъ и вечерамъ, иногда въ день разъ двадцать, то по надобности, то для прогулки, случалось мнѣ проходить въ сіи ворота. Всякій разъ меня останавливаютъ и вопрошаютъ: кто я? и куда иду?

---

[1]) Былъ въ то время главнымъ командиромъ кронштадтскаго порта.

— Не могши никакъ избавиться отъ сихъ вопросовъ, и крайне наскуча ими, пришло мнѣ однажды въ голову идти не въ самыя ворота, но подлѣ нихъ, въ ущелину развалившейся ограды. Тѣже самые часовые смотрятъ на меня, идущаго мимо ихъ, и молчатъ. Съ тѣхъ поръ всегда я тутъ проходилъ, безъ всякихъ отъ нихъ вопросовъ. Вотъ, думалъ я, къ чему служатъ шлагбаумы! Вся польза ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ обременить солдатъ обязанностью безпокоить проходящихъ и проѣзжающихъ*).

Напослѣдокъ пришло время ѣхать на фрегатъ. Я поѣхалъ и приготовилъ все нужное по моей должности. Ожидаемъ прибытія государя. Появился плывущій на греблѣ катеръ, на которомъ сидѣлъ онъ съ императрицею и великими князьями. Вѣтръ дулъ свѣжій и холодный; къ томужъ нашла туча, и полился проливной дождь. Надлежало быть на верху въ однихъ мундирахъ. Всего меня смочило; я весь дрожалъ отъ холода. Ну! думалъ я, малѣйшей простуды опасавшійся, — это положитъ меня въ постелю. Однакожъ, благодарю Бога! ничего со мною не сдѣлалось, кромѣ что на другой день показалась на лицѣ моемъ нѣкоторая сыпь съ болячками, которыя скоро зажили. Государь весьма веселъ взошелъ на фрегатъ и хотя, также какъ и мы, весь обмокъ, — но сталъ шутить съ нами и, пожимаясь, говорилъ: — „Мнѣ кажется, дожжикъ накрапываетъ.“ — Между тѣмъ, увидя меня, милостиво сказалъ мнѣ: — „Поди, поди на-низъ: ты боленъ, — простудишься.“ — Сообщество наше умножилось прибывшими съ государемъ докладчиками и другими приближенными особами. Императрицу сопровождала Катерина Ивановна Нелидова. Долгое время дувшій съ моря вѣтръ препятствовалъ намъ сняться съ якоря. Въ первые дни, великіе князья Александръ Павловичъ и Константинъ Павловичъ, смотря на Кронштадтъ, на корабли и на построенныя на водѣ, для защиты рейда, двѣ крѣпости — Кроншлотъ и Цитадель, какъ на новые для нихъ предметы, любопытствовали узнать обо всемъ. Они поймали молодаго на фрегатѣ мичмана (младшаго офицера) и дѣлали ему разные о томъ вопросы. Я подслушалъ однажды разговоръ ихъ, и онъ показался мнѣ такъ до-

---

*) Нѣмецкое слово шлагбаумъ, по точному переводу, значитъ бить бревномъ. Подлинно многихъ и меня самаго однажды чуть не убили. Нѣкто разсказывалъ намъ, что ему изъ Арзамаса въ Петербургъ всякій годъ пригоняли стадо гусей, и послѣ тожъ дѣлали, да только въ половину противъ прежняго числа. Онъ спросилъ: для чего такъ мало? — Ему отвѣчали, что изъ деревни гоняютъ ихъ всегда прежнее число, да дорогою на всякомъ шлагбаумѣ, убываетъ по гусю.

стопримѣчателенъ, что я сохранилъ его въ моей памяти. Указывая на крѣпости, они спросили у него: въ которую изъ нихъ сажаютъ арестованныхъ офицеровъ? — Мичманъ, удивясь ихъ вопросу и какъ бы оскорбясь имъ, отвѣчалъ съ великою смѣлостью: — „Что?!.... офицеровъ сажать подъ караулъ въ крѣпость?!... Да этого никогда не бывало, и я впервые о томъ слышу.“ — Такъ велико было, во времена Екатерины, честолюбіе въ самыхъ юныхъ офицерахъ! Тотъ же мичманъ, видѣлъ я, смотрѣлъ съ насмѣшливою улыбкою, когда великіе князья съ важнымъ видомъ брали ружья и, какъ солдаты, при всѣхъ учились отрывисто и проворно дѣлать ими на-караулъ, на-плечо, къ ногѣ, и проч. *).

Стоянка наша на одномъ мѣстѣ, въ ожиданіи благополучнаго вѣтра, наводила намъ скуку. Дмитрій Прокофьевичъ Трощинскій[4]), судя по образу мыслей Екатерины, любившей чтобъ всѣмъ при ней было свободно и весело, вздумалъ было, для препровожденія времени, заняться карточною игрою; но едва сѣли мы играть въ вистъ, какъ сверху прислано было намъ сказать, чтобы мы отъ подобныхъ забавъ воздержались. Между тѣмъ, хотя въ совершенной праздности не предстояло никакихъ дѣлъ, однакожъ императоръ показывалъ видъ дѣятельной заботливости: онъ не только по утру и вечеру часто, но даже и во время обѣда, вставая неоднократно изъ за стола, выходилъ на верхъ, какъ будто для

---

*) Я слышалъ отъ Василія Степановича Попова[1]), что Павлу Первому, когда еще онъ былъ великимъ княземъ, вздумалось нѣкогда пріѣхать въ преображенскій полкъ, для обученія солдатъ экзерциціи. Екатерина, узнавъ о томъ, написала къ маіору сего полка Татищеву[2]), чтобъ впредь, когда онъ будетъ пріѣзжать, подъ благовиднымъ предлогомъ, отводить его отъ подобныхъ упражненій. Екатерина думала, что наслѣднику престола нужнѣе обучаться править царствомъ, нежели предаваться страсти самому обучать солдатъ красивому ружьеметанію. Но времена перемѣнчивы![3])

---

[1]) Любимецъ Потемкина, статсъ-секретарь императрицы Екатерины. При Александрѣ, онъ занималъ многія важныя должности, между прочими — председателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ въ государственномъ совѣтѣ.

[2]) Генералъ-поручикъ Николай Алексѣевичъ Татищевъ дослужился, при Екатеринѣ, до высшаго въ гвардіи чина-подполковничьяго. Онъ командовалъ преображенскимъ полкомъ и въ царствованіе Павла.

[3]) Сравни съ подобнымъ же распоряженіемъ Екатерины, относительно великихъ князей Александра и Константина Павловичей (Русск. Арх. 1865. ст. 1031).

[4]) Бывшій статсъ-секретарь Екатерины; управлялъ собственной канцеляріей императора Павла; при Александрѣ, — сначала почтами и удѣлами, а потомъ министерствомъ юстиціи.

какихъ либо нужныхъ распоряженій или обозрѣній. Я сначала выходилъ всегда за нимъ; но послѣ, видя что онъ ничего не приказываетъ, вздумалъ было однажды остаться за столомъ; но императрица, взглянувъ на меня, сдѣлала мнѣ головою знакъ, чтобъ я шелъ за нимъ. Я вскочилъ, бросился съ поспѣшностью, и съ тѣхъ поръ наблюдалъ всѣ его движенія, стараясь всегда быть на верху, когда онъ выдетъ изъ каюты. Нерѣдко, чтобъ передъ рядовыми служителями показать себя занимающимся дѣлами, по утрамъ хаживалъ онъ на бакъ (возвышенный въ носу корабля не большой помостъ) и тамъ, въ тѣснотѣ, посреди шума работающихъ вокругъ него матросовъ, выслушивалъ читаемыя передъ нимъ докладныя бумаги. Можно себѣ представить, что рѣшенія по онымъ не могли съ должнымъ вниманіемъ быть обдуманы.*) Его величество часто удостоивалъ меня своими разговорами и, казалось, становился отчасу ко мнѣ благосклоннѣе. Онъ поручилъ меня въ особенное благоволеніе императрицы. Въ одинъ день подошелъ онъ ко мнѣ и сказалъ: — „Какъ ты думаешь, скоро ли этотъ вѣтръ перемѣнится?“ — Я отвѣчалъ: — „Думаю, государь, не скоро.“ — „Почемужъ ты это заключаешь?“ — Балтійское море,“ сказалъ я, „со временъ Нетра Великаго не видало развѣвающагося на водахъ своихъ штандарта; и потому, мнѣ кажется,

---

*) Нельзя удержаться, чтобъ не помѣстить здѣсь, какимъ образомъ Екатерина, въ подобныхъ случаяхъ, поступала. Вотъ что племянница Потемкина, графиня Александра Васильевна Браницкая, урожденная Энгельгардтъ, бывшая при ней любимою ея фрейлиною, нѣкогда намъ разсказывала: „Однажды (говорила она) покойная императрица занималась чтеніемъ бумагъ. Я, въ это время, сидѣла въ углу и работала. Вдругъ она собрала бумаги, спрятала ихъ, и чрезъ нѣсколько минутъ, оборотясь ко мнѣ, спросила: — „Знаешь ли ты, зачѣмъ я перестала читать?“ — „Нѣтъ, государыня, не знаю.“ — „Я тебѣ скажу: мнѣ къ подписанію поданы приговоры о подпавшихъ за разныя преступленія подъ судъ. Я сегодня скучна; а со мною случалось, что когда я, въ веселомъ расположеніи духа, перечитывала рѣшенія свои, сдѣланныя во время скуки моей, то я упрекала себя, находя ихъ слишкомъ строгими.“ — Самъ я въ адмиралтейскихъ бумагахъ видѣлъ слѣдующее дѣло: — Въ первые годы ея царствованія возвратился въ Кронштадтъ изъ похода семидесятипушечный корабль. Онъ втянулся въ гавань. Капитанъ, поруча по себѣ начальство капитану-поручику, самъ съѣхалъ на берегъ и остался тамъ ночевать. Въ его отсутствіе, констапель (младшій артиллерійскій офицеръ), нащеча[1]) себѣ, во время похода, нѣкоторое количество пороха, хотѣлъ оный свезти съ корабля; но какимъ-то нечаяннымъ случаемъ попала въ него искра огня:

---

[1]) Отъ слова щечить, — таскать украдкой, воровски, поживляться (Словарь Даля, IV, стр. 600). Нащечить — натаскать, наворовать, набрать поживой (тамъ-же, II, стр. 1087).

вѣтръ не перестанетъ дуть съ моря, покуда зрѣніемъ на него не насытится." — (Читатель! ты назовешь меня льстецомъ. Виноватъ! но прости меня за то, что я не скрылъ отъ тебя моего грѣха.) Павелъ усмѣхнулся и ничего мнѣ на мою, можетъ быть слишкомъ переслащеную рѣчь, не отвѣтствовалъ. Въ другое время, вышелъ онъ на верхъ и, увидя что я держу въ рукахъ тетрадь, спросилъ у меня объ ней. Я отвѣчалъ, что это чертежи для походныхъ строевъ. Онъ сталъ ихъ разсматривать и сказалъ мнѣ: — „А если я захочу, чтобъ корабли иначе построились, нежели здѣсь изображено?" — Нечаянный вопросъ сей привелъ меня въ затрудненіе; ибо я принужденъ былъ отвѣчать, что этого сдѣлать невозможно. — „Для чего невозможно?" — подхватилъ онъ съ нѣкоторою досадою. Не зная, подлинно ли не имѣетъ онъ достаточнаго о семъ свѣденія, или испытываетъ меня, — сталъ я ему объяснять, что корабли не могутъ иначе составлять и переходить изъ однаго строя въ другой, какъ строясь на чертахъ, опредѣляемыхъ чертою вѣтра, и при томъ по чертежамъ, раздаваемымъ на каждый корабль, дабы всякій изъ нихъ располагалъ движеніе свое сообразно тому чертежу, на какой указано ему будетъ сигналомъ, то есть флагомъ, распускаемымъ, по повелѣнію главноначальствующаго, на мачтѣ корабля его, — что иныхъ движеній во флотахъ не бываетъ, и что, безъ предварительной на корабли раздачи сихъ чертежей и установленія на каждый изъ нихъ особаго сигнала, нельзя ни повелѣнія дать, ни исполненія дѣлать. Онъ выслушалъ меня терпѣливо; но, повидимому не вразумясь хорошенько, сердитымъ голосомъ сказалъ: — „Что мнѣ нужды до вашихъ чертежей! я хочу, чтобъ дѣлали то, что я велю." — Не смѣя больше

порохъ вспыхнулъ, и корабль загорѣлся. Капитанъ-поручикъ, при толь незапномъ несчастіи, потерявъ можетъ быть голову, или распустя много служителей, не могъ потушить пожара. Корабль обнялся весь огнемъ, и, по обгорѣніи веревокъ, которыми прикрѣпленъ онъ былъ къ пристани, бросило его на другой, стоявшій близь него, такой же корабль, который также отъ него загорѣлся; и оба они сгорѣли. Надъ капитаномъ и капитанъ-поручикомъ наряженъ былъ судъ. (Главный сему виновникъ, констапель, обожженъ былъ вспыхнутіемъ пороха и чрезъ нѣсколько дней умеръ.) Военный судъ приговорилъ: капитана разжаловать на три года въ матросы, а капитанъ-поручика, лиша чиновъ, сослать въ Сибирь. Адмиралтейская коллегія нашла сей судъ справедливымъ, основаннымъ на законахъ, и утвердила оный; но присовокупила къ тому, что она, по данному ей праву, срокъ наказанія однимъ годомъ уменьшаетъ. Екатерина, получа сей докладъ, продержала оный у себя до наступленія Пасхи, и тогда собственною своею рукою написала на немъ: „для Свѣтлаго Христова Воскресенія прощаются."

прекословить ему и не вѣдая, какъ отъ сего отдѣлаться, я приведенъ былъ въ крайнее недоумѣніе, и очень обрадовался, увидя вышедшаго въ сіе время наверхъ, графа Кушелева. Я тотчасъ, указавъ на него, сказалъ: — „Вотъ графъ Кушелевъ: не угодно ли вашему величеству у него о томъ спросить.“ — Графъ, по извѣщеніи его о чемъ идетъ дѣло, сталъ тожъ самое, что и я, говорить. Государь замолчалъ и пошелъ въ свою каюту. Чрезъ нѣсколько минутъ выходитъ оттуда одинъ изъ приближенныхъ къ нему и говоритъ намъ: — Что такое вы сдѣлали? Государь очень вами недоволенъ; онъ, сойдя на низъ, сказалъ: — „тамъ два умника спорятъ со мною; я не пойду больше наверхъ, и посмотрю, какъ они безъ меня управлять станутъ.“ — Случай сей нѣсколько меня потревожилъ. Однакожъ я не долго безпокоился: государь скоро вышелъ опять наверхъ и по-прежнему разговаривалъ, со мною милостиво. Я послѣ узналъ, что гнѣвъ сей укротила въ немъ Катерина Ивановна Нелидова,*) которая предста-

*) Сія благонравная и почтенная дѣвица, особенно преданная императрицѣ и любимая ею, весьма уважаема была императоромъ. Она чистосердечною откровенностью своею умѣла пріобрѣсть надъ нимъ необычайную власть [1]) и часто отвращала его отъ предосудительныхъ поступковъ [2]). Мнѣ случилось однажды на балѣ, въ день бывшаго праздненства, видѣть, что государь чрезвычайно разсердился на гофмаршала и приказалъ его позвать къ

[1]) Весьма многіе иначе объясняли вліяніе Нелидовой на государя; для примѣра, укажемъ въ „Объясненіяхъ на сочиненія Державина,“ ч. II, примѣчаніе 14-ое къ стихотворенію „На новый 1797 годъ“ (См. Сочин. Державина, 1-ое академ. изд. Я. Грота, т. III, стр. 658). Объ этихъ отношеніяхъ говорили и въ провинціи; такъ А. Т. Болотовъ (неизданная рукопись), отдавая справедливость „разуму и способностямъ къ наукамъ“ Е. И. Нелидовой, ради чего она была взята изъ Смольнагo монастыря ко двору во фрейлины, разсказываетъ, что „несчастная сія страсть пoдавала много поводовъ къ разнаго рода неудовольствіямъ, несогласіямъ и огорченіямъ въ императорской фамиліи.“ — „Присовокупляли къ тому, продолжаетъ Болотовъ, что великая княгиня (Болотовъ писалъ это въ февралѣ 1796 г.) не однажды не только говорила, но и просила сію госпожу, чтобъ она связь сію разрушила; но что будто она всегда отвѣтствовала, что она можетъ сіе конечно сдѣлать и уговорить цесаревича сіе оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было бы хуже, и что сіе единое и почтеніе ея къ ней ее отъ того удерживаетъ.“ — Несомнѣнно однако, что, послѣ кончины Павла Петровича, императрица тѣсно сблизилась съ своею фрейлиною. См. письма кн. А. Б. Куракина къ императрицѣ Маріи Θедоровнѣ (Русск. Арх. 1868 г., стр. 23-86 и 161—240; 1869 г., стр. 385—517).

[2]) Въ подлинникѣ — „поступокъ.“ Мы сочли лишнимъ удержать всѣ неправильности правописанія Шишкова, — неправильности, повторяющіяся въ письмѣ почти всѣхъ людей конца прошлаго и начала настоящаго столѣтія.

вила ему, что онъ напрасно за это сердится, потому что мы не отъ упрямства противорѣчили ему и безъ сомнѣнія, служа долго на морѣ, должны лучше знать, какъ это бываетъ, и что можно или чего не можно сдѣлать.

Наконецъ насталъ благополучный вѣтръ. Мы снялись съ якоря и пошли въ путь. Движеніе судовъ, пушечная пальба съ крѣпостей, усыпанная народомъ пристань — привели государя въ такое восхищеніе, что онъ казался внѣ себя отъ удовольствія. Однакожъ восторгъ сей былъ умѣренъ случившеюся непріятностью: стопушечный корабль адмирала Круза, при съемѣ съ якоря, приткнулся къ мели и принужденъ былъ на ней остаться. Сверхъ того, при повелѣніи флоту лечь въ линію, три корабля, подъ начальствомъ контръ-адмирала Повалишина, примѣтнымъ образомъ отдѣлились отъ прочихъ, составя какъ бы нѣкую особую часть. Павелъ былъ симъ недоволенъ. Между тѣмъ появилась, идущая съ моря, ревельская эскадра. Вѣтръ опять сдѣлался намъ противенъ. Мы, не доходя Красной горки, легли на якорь. Государь приказалъ ревельской эскадрѣ сдѣлать сигналъ — лечь въ линію. Она стала строиться. Косвенный путь ея лежалъ такъ, что хотя первый корабль довольно высоко проходилъ мимо насъ на вѣтрѣ, но изъ послѣдующихъ за нимъ каждый понемногу къ намъ приближался, такъ что послѣдній изъ нихъ, удерживая линію, долженъ былъ идти подлѣ самаго носа нашего фрегата. Государь, примѣтя сіе, спросилъ у меня: — „Пройдетъ ли этотъ корабль мимо насъ?" — Я отвѣчалъ: — „Кажется пройдетъ." — Онъ успокоился; но, чрезъ двѣ или три минуты, обратился опять ко мнѣ съ тѣмъ же вопросомъ. Я отвѣчалъ: — „Если не пройдетъ, то спустится къ намъ подъ корму." — Онъ замолчалъ; но безпокойство его было примѣтно. Между тѣмъ, на кораблѣ прибавили еще одинъ парусъ. Я сказалъ ему: — „Вонъ прибавляютъ парусовъ, чтобъ, усиля ходъ, пройти у насъ передъ носомъ." — Корабль сталъ приближаться. Павелъ, не спуская съ него глазъ, съ

себѣ, безъ сомнѣнія съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ему великую непріятность. Катерина Ивановна стояла въ это время подлѣ него, а я — за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Онъ тотчасъ почувствовалъ что это значило и отвѣчалъ ей отрывисто: — „Нельзя воздержаться!" — Она опять его дернула. Между тѣмъ гофмаршалъ приходитъ, и хотя Павелъ изъявилъ ему свое негодованіе, но гораздо кротчайшимъ образомъ, нежели какъ по первому гнѣвному виду его ожидать надлежало. О если бы при царяхъ, а особливо строптивыхъ и пылкихъ, всѣ были Катерины Ивановны!

нетерпѣніемъ и громко возобновилъ мнѣ свой вопросъ: — „Да пройдетъ ли онъ мимо насъ?“ — Чтобъ успокоить его, я самъ, возвыся голосъ, отвѣчалъ ему: — „Здѣсь, на фрегатѣ, виситъ штандартъ; а тамъ, на кораблѣ, смотрятъ на него тысяча глазъ: чегожъ опасаться?“ — Слова мои, казалось, нѣсколько его убѣдили; но приближающаяся съ надутыми парусами громада снова привела его въ страхъ; такъ что онъ, черезъ минуту, оборотясь ко мнѣ, съ грозною нетерпѣливостью закричалъ: — „Сигналъ, сударь, ему! чтобъ онъ спустился!“ — Не находя сего ни нужнымъ, ни приличнымъ, я хотѣлъ было немного помедлить; но онъ, топнувъ ногою, повторилъ съ гнѣвомъ: — „Сигналъ, говорю я!“ — Въ самую эту минуту, корабль началъ спускаться. — „Вонъ“, сказалъ я, „изволите видѣть: онъ и безъ того спускается.“ — Павелъ такъ сему обрадовался, что приказалъ мнѣ изъявить ему свою благодарность Онъ весьма доволенъ былъ движеніями ревельской эскадры и велѣлъ сигналомъ позвать къ себѣ вице-адмирала Пушкина, приготовя надѣть на него александровскій орденъ. Пушкинъ ѣдетъ. Орденъ вынесенъ на серебряномъ блюдѣ. Великіе князья и всѣ мы стоимъ вокругъ государя. Вдругъ оборачивается онъ къ графу Кушелеву и говоритъ: — „Да вить это тотъ Пушкинъ, что былъ подъ Выборгомъ? Какъ же я дамъ ему орденъ?“ *) Кушелевъ подбѣжалъ къ нему и сталъ упрашивать: — „Государь, помилуйте! забудьте прошедшее! не посрамите его при столькихъ свидѣтеляхъ!“ — Павелъ, хотя казалось и убѣдился просьбою его, однакожъ и послѣ того неоднократно, обращаясь къ нему, повторялъ слова свои: — „Какъ мнѣ дать ему орденъ?“ — Кушелевъ всякій разъ снова его упрашивалъ. Наконецъ Пушкинъ взошелъ на фрегатъ, и государь надѣлъ на него приготовленную ленту. Потомъ позваны были начальники кронштадтской эскадры. Я опасался за Повалишина, что государь вспомнитъ о сдѣланномъ имъ разрывѣ линіи, во время движеній флота, и крайне удивился,

*) Въ бывшую войну со Шведами, флотъ ихъ запертъ былъ въ Выборгской бухтѣ. Когда онъ рѣшился идти на-прорывъ, тогда Пушкину, имѣвшему подъ начальствомъ своимъ передовой отрядъ нашего флота, велѣно было сняться съ якоря и напасть на бѣгущіе непріятельскіе корабли; но онъ медленнымъ сниманіемъ и движеніемъ своимъ допустилъ непріятеля опередить его, такъ что послѣ догнать онаго не могли; и хотя, при тогдашней знаменитой побѣдѣ, упущеніе сіе не поставлено ему было въ гласную вину, однакожъ Екатерина, при большихъ, сдѣланныхъ другимъ начальникамъ, наградахъ, ему пожаловала одинъ только орденъ святыя Анны. Павелъ сначала забылъ о семъ обстоятельствѣ, но вспомнилъ въ то самое время, когда Пушкинъ подъѣзжалъ уже къ фрегату.

что Повалишинъ самъ началъ о томъ рѣчь. Онъ сказалъ государю: — „Я чаю, ваше величество изволили примѣтить, что я съ тремя кораблями моими отдѣлился отъ линіи, держась ближе къ морю. Я сдѣлалъ это по той причинѣ, что увидѣлъ идущія съ моря военныя суда; и хотя не сомнѣвался, что это наши ревельскіе корабли, однакожъ предполагая, что можетъ быть вмѣсто ихъ идетъ какой-либо враждебный намъ флотъ, разсудилъ за нужное взять такое положеніе, чтобъ мнѣ первому остановить его и не допустить приблизиться къ фрегату вашего величества.“ — Государь былъ симъ объясненіемъ весьма доволенъ и, вмѣсто гнѣва, изъявилъ ему свое благоволеніе.

Наставшее потомъ время было безпокойное, а особливо для непривыкшихъ къ плаванію по водѣ: крѣпкій вѣтръ подулъ съ моря и развелъ такое волненіе, отъ котораго фрегатъ нашъ порядочно покачивало и многихъ, какъ говорятъ мореплаватели, *убивало погодою*, то есть приключало имъ морскую болѣзнь, состоящую въ тошнотѣ. Ночью верхній помостъ, называемый шканцами, преобратился въ необычайную спальню: императоръ, дабы меньше чувствовать качку, обернувшись въ епанчу, легъ на немъ спать, противъ самой гротъ-мачты. Для императрицы и госпожи Нелидовой тутъ же, нѣсколько повыше, постлана была постеля. Генералы и другіе чиновники, вокругъ ихъ, вмѣстѣ съ матросами, лежали или сидѣли подлѣ пушекъ, составляя нѣкое рѣдкое собраніе спящихъ въ совокупности. На другой день, хотя и сдѣлалось тише, но государь, наскуча ожидать благополучнаго вѣтра, отмѣнилъ намѣреніе свое идти въ Ревель и возвратился на кронштадтскій рейдъ. Корабль адмирала Круза снялся уже съ мели и стоялъ на якорѣ. По прошествіи ночи, рано по утру, Павелъ послалъ меня на него, спросить у Круза: кто изъ его подчиненныхъ виноватъ въ постановленіи корабля на мель? — Крузъ отвѣчалъ мнѣ: — „Скажите государю, что у меня никого виноватаго нѣтъ: я самъ былъ при съемѣ съ якоря; и если кто виноватъ, такъ это я, а не другой кто.“ — Зная, что отвѣтъ сей покажется императору неудовлетворительнымъ и, можетъ быть, умножитъ гнѣвъ его и подозрѣніе, будто не хотятъ ему повиноваться, — я, возвращаясь назадъ, придумывалъ, какъ бы прибавить къ тому что нибудь такое, чѣмъ бы онъ былъ болѣе доволенъ. Подъѣзжая къ фрегату, я увидѣлъ государя, ожидающаго меня на галлереи своей каюты. Онъ мнѣ сдѣлалъ рукою знакъ, чтобъ я прямо шелъ къ нему. Я долженъ пройти мимо его спальни. Лишь только отворилъ я дверь, какъ онъ, увидя меня, сказалъ:

— „Тише, тише! она еще спитъ“ (указывая на императрицу). — Я прошелъ наципочкахъ. — „Что?“ (спросилъ онъ у меня съ нетерпѣливостью) „что говоритъ Крузъ?“ — Я пересказалъ отвѣтъ его и присовокупилъ къ тому: — „Онъ, государь, весьма опечаленъ и почти со слезами сказалъ мнѣ, что одинъ только Богъ могъ воспрепятствовать ему исполнить ваши повелѣнія.“ — „Право?“ (сказалъ онъ съ нѣкоторымъ примѣтнымъ удовольствіемъ) „такъ ты думаешь, что вопросъ мой очень его потревожилъ?“ — „Очень, очень, государь!“ — „Ну, хорошо! такъ оставимъ это. Поди теперь къ себѣ.“

При концѣ похода, хотя и не далекаго, надлежало на фрегатѣ отслужить благодарственный молебенъ, при окончаніи котораго всѣ корабли, по данному имъ сигналу, должны были палить изъ пушекъ. Государь, по отслушаніи молебна, вышелъ и приказываетъ мнѣ, прежде поднятія сигнала о пальбѣ, поднять другой изъявляющій иное повелѣніе. Едва знакъ сей показался на мачтѣ, какъ отдаленнѣйшіе корабли начали палить изъ пушекъ; но примѣтя, что не тотъ сигналъ поднятъ, тотчасъ перестали. Ошибка ихъ произошла отъ особеннаго желанія немедленно исполнить повелѣніе, котораго они ожидали; и скорое исправленіе оной показывало внимательность ихъ къ наблюденію сигналовъ; однакожъ Павелъ прогнѣвался и приказалъ имъ сдѣлать выговоръ. Но сего я въ скорости не могъ исполнить, потому что надобно было сигналомъ означить имена тѣхъ кораблей, которые начали палить; а сего, за отдаленностью ихъ, нельзя было примѣтить. Я сказалъ государю, что пошлю катеръ (гребное судно) освѣдомиться объ именахъ тѣхъ капитановъ, которые сдѣлали сію ошибку, и тогда повелѣніе его исполню. Но онъ не хотѣлъ сего дожидаться, и, указывая на одинъ изъ кораблей, отъ котораго виденъ былъ несущійся дымъ, сказалъ мнѣ: — „Вотъ этотъ палилъ. Выговоръ ему!“ — Я отвѣчалъ, что по этому нельзя узнать; ибо дымъ могъ на него нанесенъ быть отъ другого корабля. Видя себя затрудняема моими возраженіями, онъ повелительно повторилъ: — „Подними двумъ или тремъ, кому нибудь: они между собою разочтутся.“ — Послѣ сихъ рѣшительно сказанныхъ словъ, принужденъ я былъ на-угадъ изъявить, записывающееся во всѣ журналы, царское за оплошность неудовольствіе и произвелъ великія на себя жалобы капитановъ, пріѣзжавшихъ ко мнѣ съ объясненіями, что не они палили. Но того уже никакимъ образомъ поправить было не можно.

Наконецъ десяти-дневный походъ нашъ кончился. Насталъ

день государева отъѣзда съ фрегата. Назначены были служившимъ на немъ разныя награды. Мнѣ объявлено, что я пожалованъ въ генералъ-адъютанты его величества. Я бросился на колѣни благодарить государя; онъ, надѣвая на меня орденъ св. Анны второй степени, сказалъ мнѣ: — „Ну! теперь ты мой домашній; старое забыто! а прежде я на тебя былъ очень сердитъ.“ — Восхищенный чрезвычайной радостью, поѣхалъ я за нимъ въ Петергофъ. Почти всю ночь не спалъ. Тысячи мыслей толпились въ моей головѣ. Я не могъ вѣрить случившемуся со мною: мнѣ казалось это сновидѣніемъ. Какъ! думалъ я, изъ малозначащихъ офицеровъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, вдругъ сдѣлался я, можно сказать, вельможею! Ибо, имѣя въ свѣжей памяти важное званіе генералъ-адъютанта при Екатеринѣ (званіе, котораго фельдмаршалъ Суворовъ, при всемъ своемъ домогательствѣ, не могъ получить), мудрено ли было мнѣ мысленно летать подъ небесами и почитать себя великимъ человѣкомъ? Но мечтанія мои не долго продолжались: на другой же день спустился я съ высокой горы на низкій холмикъ. Мнѣ досталось быть дежурнымъ. Я иду съ гордостью во дворецъ, думая тамъ всѣми повелѣвать. Меня зовутъ къ государю. Я вхожу къ нему. Онъ держитъ въ рукахъ записку и, отдавая мнѣ оную, говоритъ: — „Справьтесь, такъ ли въ этой бумагѣ записано имя пріѣхавшаго сюда. И ежели такъ, то велите его отыскать.“ — Зная, что онъ не жаловалъ, когда повелѣнія его медленно исполнялись, я вышелъ отъ него съ торопливостью и спросилъ: — „Кто здѣсь подъ моимъ начальствомъ?“ — Мнѣ съ холодностью отвѣчаютъ: никого. — „Да какъ же? государь приказалъ мнѣ справиться объ одномъ имени; надобно послать на шлагбаумъ; когожъ я пошлю?“ — Мнѣ говорятъ: поди самъ. А между тѣмъ льетъ дожжикъ; улицы грязны; и шлагбаумъ отстоитъ почти на версту. Не знаю что дѣлать: хочу самъ бѣжать, — да боюсь отлучиться и опоздать! Тутъ, въ крайнемъ безпокойствѣ, проснулся я отъ моихъ мечтаній и почувствовалъ, что я не такой генералъ-адъютантъ, какіе были при Екатеринѣ. Вдругъ пришла мнѣ счастливая мысль пойти къ великому князю Константину Павловичу, который, на это время, названъ былъ главноуправляющимъ въ Петергофѣ, — и объявить ему повелѣніе императора. Онъ взялъ у меня записку и сказалъ: — „Я тотчасъ отыщу, и самъ донесу государю.“ — Такимъ образомъ избавился я отъ хлопотъ, которые привели было меня въ крайнее затрудненіе.

На другой день, выхожу я на вахтъ-парадъ въ обыкновен-

номъ моемъ одѣяніи. Великій князь Константинъ Павловичъ, увидя меня въ короткихъ сапожкахъ, приказываетъ мнѣ идти переобуться въ большіе сапоги. Я отвѣчаю ему, что это наша форма; однакожъ онъ гонитъ меня и говоритъ: — „Поди, поди! здѣсь не корабль." — Долго спорилъ я; но напослѣдокъ долженъ былъ повиноваться. Пошелъ; переобулся и вышелъ опять. Стоимъ; ждемъ государя. Лишь только появился онъ, какъ вижу я, что отъ него бѣжитъ къ намъ посланный и говоритъ мнѣ: — „Государь приказалъ вамъ сказать, что вы не по формѣ обуты. Извольте сейчасъ идти и надѣть маленькіе свои сапожки." — Я побѣжалъ и ворчалъ про себя: вотъ какими малостями можно нынѣ и выслуживаться и прослуживаться! — Форма сія весьма мнѣ надоѣдала: по-утру надобно было выходить на вахтъ-парадъ въ маленькихъ сапогахъ, потóмъ ѣхать верхомъ за государемъ въ большихъ, и потомъ опять переобуваться въ маленькіе. И это всякій Божій день!

Насталъ праздникъ Петра и Павла, — день тезоименитства его величества. Въ Петергофѣ маскарадъ. Государь призвалъ меня къ себѣ и далъ мнѣ слѣдующее приказаніе: — „Когда я въ маскарадѣ буду ходить, ты не отставай отъ меня; и ввечеру, при гуляньѣ по саду на линѣйкахъ, садись со мною на мою линѣйку. Когда же я уйду спать, ты оставайся до конца маскарада; и ежели онъ долго продолжится, то ты постарайся какъ нибудь его сократить. Я велю на это время явиться къ тебѣ полковнику съ полкомъ и быть подъ твоимъ начальствомъ." — Выслушавъ сіе повелѣніе, размышлялъ я, какъ бы мнѣ исполнить оное въ точности и въ чемъ нибудь не провиниться. Маскарадъ начался. Народу пропасть. Тѣснота превеликая. Государь съ императрицею и великими князьями вышелъ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ. Я, опасаясь чтобъ меня какъ нибудь не оттерли, иду за ними, не уступая никому ни шагу. Они посреди комнаты остановились. Окрестъ ихъ стѣснился тотчасъ кругъ зрителей. Я стою въ семъ кругу, не спуская съ императора глазъ, чтобъ мнѣ въ тужъ минуту побѣжать за нимъ, какъ скоро онъ куда пойдетъ. Чрезъ нѣсколько времени, вдругъ вижу, что онъ взглянулъ на меня и движеніемъ головы далъ мнѣ знать ту сторону, куда онъ идти хочетъ. Я бросился за нимъ, ничего передъ собой не видя, съ такимъ стремленіемъ, что могъ бы легко столкнуть съ ногъ императрицу или кого изъ великихъ князей, и, не взирая на мою поспѣшность, насилу успѣлъ его догнать. Иду за нимъ. Онъ, оборотясь, говоритъ мнѣ: — „Скажите этому ротозею" (указывая

на однаго высокаго мужчину), „что онъ дуракъ.“ – Я подбѣжалъ къ нему и лишь только, къ великому удивленію его, передалъ ему царское приказаніе, какъ пустился опять вслѣдъ за государемъ; и хотя не прошло болѣе одной минуты, однакожъ языкъ и руки мои должны были крѣпко работать, чтобъ продраться сквозь стѣснившуюся толпу. Насилу догналъ его. Онъ, оборотясь, спросилъ у меня: — „Кто такой этотъ мужчина?“ — Я принужденъ былъ сказать, что не догадался спросить объ его имени. Онъ отвѣчалъ мнѣ (однакожъ безъ гнѣва): — „Худо вы сдѣлали, что не спросили.“ — Скоро послѣ сего подали линѣйки. Я сталъ противъ передней изъ нихъ, чтобъ сѣсть тутъ же, когда государь на нее сядетъ; но вижу, что царская фамилія всѣ мѣста на ней такъ заняла, что я никакимъ образомъ приткнуться тутъ не могу. Что мнѣ дѣлать? Я кинулся къ другой линѣйкѣ, чтобъ по крайней мѣрѣ хоть отчасти исполнить данное мнѣ повелѣніе; но слышу, графиня Ливенъ[1]) кричитъ мнѣ: — „Куда, сударь, вы? Здѣсь сидятъ великія княжны.“ — Я къ третей, къ четвертой линѣйкѣ, — нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго мѣстечка! Принужденъ я былъ остаться, въ крайнемъ безпокойствѣ о неисполненіи воли его величества. Между тѣмъ, въ сей прогулкѣ, случилась нѣкоторая отъ лошадей тревога, и государь, возвратясь скоро, прошелъ прямо во внутренніе свои покои. Я остался повелителемъ маскарада. Видя что онъ долго продолжается, и опасаясь что можетъ быть государю это не понравится, я велѣлъ, чтобъ музыка перестала играть. Стали по немногу разъѣзжаться; но одна изъ залъ наполнилась людьми, которые разсѣлись по стульямъ и нейдутъ вонъ. Догадываясь, что это господа и госпожи пѣшеходцы, пережидающіе шедшій въ то время дожжикъ, я рѣшился напослѣдокъ велѣть погасить свѣчки, и темнота принудила ихъ опорожнить залу. По утру государь, увидя меня, спросилъ: — „Чѣмъ кончился маскарадъ? самъ собою, или ты его кончилъ?“ — Я отвѣчалъ: — „Отчасти самъ собою, а отчасти погашеніемъ свѣчекъ.“ — Онъ разсмѣялся и сказалъ мнѣ: — „Ты очень хорошо сдѣлалъ.“

По прошествіи праздника, дворъ отправился въ Петербургъ. Тамъ однажды, на вахтъ-парадѣ, стою я и слышу, что нѣкто сзади робкимъ голосомъ шепчетъ мнѣ: — „Ваше превосходительство, доложите обо мнѣ государю.“ — Я оглянулся и вижу Ар-

---

[1]) Извѣстная Шарлотта Карловна Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ; возведена Павломъ Петровичемъ — въ графское достоинство, а Николаемъ Павловичемъ въ княжеское, съ титуломъ свѣтлости.

харова. Вотъ, подумалъ я, какъ перемѣнчиво состояніе людей! Давно ли, встрѣтясь съ нимъ въ саду, не смѣлъ я на него взглянуть; а теперь вижу его въ такомъ униженномъ и жалкомъ видѣ! Онъ впалъ въ немилость и, отъѣзжая въ свои деревни, пришелъ откланяться государю, который съ нахмуреннымъ лицомъ далъ ему поцѣловать свою руку. — Императоръ поѣхалъ въ Павловское. Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ [1]) присовѣтовалъ мнѣ сдѣлать описаніе морскому нашему походу и поднесть государю, увѣряя меня, что это ему будетъ очень пріятно, и что онъ меня за то щедро наградитъ. Я составилъ родъ дневныхъ записокъ, помѣстя въ оныхъ всѣ бывшія повелѣнія и случаи, къ чему приложилъ чертежи производимыхъ кораблями движеній, и, напечатавъ книжку [2]), повезъ ее съ собою, для поднесенія его величеству. Государь принялъ ее весьма благосклонно, разсматривалъ чертежи, шутилъ, разговаривалъ со мною очень милостиво и началъ читать приношеніе мое къ нему, гдѣ въ заглавіи сказано было: *въ началѣ вѣка сего, Балтійское море видѣло Петра Великаго, а нынѣ, въ концѣ онаго, насладилось оно зрѣніемъ великаго правнука его*.... Онъ остановился при сихъ словахъ и съ нѣкоторою ласкою сказалъ мнѣ: — „Куда ты равняешь меня съ такимъ большимъ человѣкомъ!“ Но когда дочитался до словъ: *краткое на флотѣ пребываніе вашего императорскаго величества останется навсегда въ памяти потомковъ*, — то вдругъ нахмурился, положилъ книгу на столъ и, не сказавъ мнѣ больше ни слова, ушелъ изъ кабинета на верхъ. Это было передъ самымъ обѣдомъ. Я сперва подумалъ, что онъ поспѣшилъ идти къ столу; но примѣтя въ чувствахъ его такую скорую перемѣну, не зналъ чему оную приписать. Послѣ обѣда, вмѣстѣ съ императрицею, сошелъ онъ опять внизъ и заставилъ ее книжку мою читать. Они сидѣли въ саду, такъ что мнѣ изъ моей дежурной комнаты было нѣсколько ихъ видно и даже слышно чтеніе. Императрица читала довольно громко, выговаривая худо слова, а особливо морскіе термины. Онъ слушалъ со вниманіемъ. Она смѣялась, когда дочиталась до описанія бурной ночи, въ которую и онъ и она, вмѣстѣ съ генералами и матросами, почивали на верхнемъ помостѣ фрегата. Государь приказалъ ей снова

---

[1]) Вице-адмиралъ Плещеевъ, съ 1781 г. состоялъ при особѣ Павла Петровича и, въ теченіи 18 лѣтъ, пользовался его особеннымъ благоволеніемъ; а въ 1798 г., онъ былъ уволенъ отъ службы.

[2]) Полное заглавіе этой книжки: Журналъ Кампаніи 1797 года, во время командованія флотомъ императора Павла I, веденный на фрегатѣ Еммануилѣ Генер.-Адъютантомъ Шишковымъ. С. П. Б. 1797. 71 стр. въ 8.

прочитать сіе мѣсто и дослушалъ всю книжку до конца. Ввечеру, проходя мимо меня, сказалъ онъ мнѣ, хотя и безъ гнѣва, однакожъ съ нѣкоторою сухостью: — „Вы много лишняго написали." — Не зная къ чему отнести сухость сію, явно породившуюся отъ какихъ нибудь не понравившихся ему словъ, спрашивалъ я о томъ всѣхъ приближенныхъ къ нему и самую императрицу; но всѣ они и она увѣряли меня, что онъ, ни при чтеніи, ни послѣ въ разговорахъ, не изъявилъ ни малѣйшаго неудовольствія. Наконецъ догадался я, что выраженіе: *краткое пребываніе вашего величества на флотѣ,* было тому причиною. Онъ поставилъ себѣ это въ укоризну; потому что, вознамѣрясь идти до Ревеля, дошелъ только до Красной горки [1]).

Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны. Послѣ обѣда, обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Однажды шелъ я вмѣстѣ съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ. Мы разговорились о морскихъ вокругъ свѣта путешествіяхъ и о томъ, какое искуство и опытность потребны правителю корабля. Онъ сказалъ мнѣ: — „Я бы могъ рѣшиться поѣхать моремъ вокругъ свѣта, да только не съ инымъ кѣмъ, какъ съ тобою." — Я поблагодарилъ его за лестное мнѣніе обо мнѣ и сказалъ, что царскимъ дѣтямъ далекія по морямъ странствованія не нужны. — Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Тамъ государь и государыня, съ великими князьями и княжнами, садились рядомъ и провождали время въ сухихъ разговорахъ; а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательнаго тутъ было только то, что на простиравшемся по полу шлейфѣ платья императрицына лежала всегда дворная, паршивая собака, которая нигдѣ иначе не ложилась, и которую императрица никогда не сгоняла.*)

*) Чудная собака сія достойна того, чтобъ объ ней упомянуть. Она, увидя однажды государя, идущаго по двору, неизвѣстно откуда взялася, подбѣжала къ нему и маханіемъ хвоста изъявляла ему свою радость. Онъ ее погладилъ. Она, какъ будто бы получа чрезъ то позволеніе, пошла за нимъ на лѣстницу, въ комнаты и въ самый кабинетъ его. Онъ далъ ей волю и не

[1]) Не понравилось вѣроятно государю и описаніе бурной ночи: упоминаніе о томъ, что онъ страдалъ отъ качки, могло ему, столь дорожившему своимъ морскимъ званіемъ, показаться нѣкотораго рода посягательствомъ на его репутацію, какъ моряка.

Однажды смѣнялъ я генералъ-адъютанта Неплюева [1]). Онъ сдалъ мнѣ такое приказаніе, которое показалось мнѣ и странно и непонятно: привелъ меня, на маленькомъ дворикѣ, къ нѣкоторому отверстію, куда, не знаю, въ погребъ ли какой, или иное мѣсто, спускаются внизъ, и сказалъ мнѣ, чтобъ я чаще на эту диру ходилъ смотрѣть. Я сперва подумалъ, что онъ шутитъ; но онъ увѣрилъ меня въ томъ; и когда я спросилъ о причинѣ, то онъ отвѣчалъ, что причина ему не объявлена. Приказъ сей навелъ мнѣ скуку часто ходить туда, не зная зачѣмъ, и притомъ погрузилъ въ нѣкое сомнѣніе, чтобъ мнѣ какъ нибудь нечаянно не провиниться. Хотя государь продолжалъ всегда ко мнѣ быть милостивъ, но часто случавшіеся уже со мною, непредвидимые мои проступки тревожили меня; особливо же наводила мнѣ страхъ верховая ѣзда. Я, служа всегда на морѣ, не ѣзжалъ никогда верхомъ, и всякій разъ, ѣздя за государемъ, боялся, чтобъ не попалась мнѣ такая лошадь, съ которою я не управлюсь, и которая легко можетъ вовлечь меня въ какую нибудь бѣду. Не смѣя самъ объясниться съ нимъ, я нарочно всѣмъ это твердилъ, чтобъ какъ нибудь до него дошло. Скоро случилось, что государь ѣдетъ обучать какіе-то полки. Я рѣшился въ этотъ день не ѣхать за нимъ. Но какъ это сдѣлать? Долго думалъ я, и наконецъ вотъ что придумалъ: — снарядился какъ должно для верховой ѣзды, то есть обулся въ большіе сапоги, и пошелъ за нимъ. Онъ, когда подведутъ ему лошадь, гладитъ ее и кормитъ сахаромъ. Въ это

отогналъ отъ себя. Съ тѣхъ поръ, она отъ него не отставала и въ короткое время изъ робкой и боязливой такъ сдѣлалась смѣла и спѣсива, что никто, кромѣ его, дотронуться до нея не могъ: на всякаго она огрызалась и кусала. Одинъ разъ случилось, что она, во время вахтъ-парада, бѣгая за нимъ, не въ пору залаяла, такъ что онъ, разсердясь на нее, закричалъ намъ: — „Возьмите ее отъ меня прочь!" — Мы всѣ кинулись на нее. Она, повидимому устрашась гнѣвнаго вида его, вмѣсто чтобъ по прежнему ворчать и кусаться, повалилась на спину и смиреннымъ маханіемъ лапокъ словно какъ бы просила о пощадѣ. Она любила спектакели и ни однаго изъ нихъ не пропускала: сидѣла въ партерѣ на заднихъ ногахъ и смотрѣла на игру актеровъ, какъ будто бы понимая ихъ рѣчи и дѣйствія Въ день смерти императора, никуда прежде изъ дворца не отлучаясь, она вдругъ пропала; и никто не знаетъ куда дѣвалась

---

[1]) Въ 1798 г., когда многіе изъ придворныхъ, въ особенности изъ числа лицъ приближенныхъ къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, были удалены отъ двора (см. ниже о Лопухиныхъ), Семенъ Александровичъ Неплюевъ замѣстилъ отставленнаго Ю. С. Нелединскаго-Мелецкаго, по должности статсъ-секретаря у принятія прошеній (Русск. Арх. 1867, стр. 242, Записки гр. Комаровскаго).

время, всѣ адъютанты побѣгутъ садиться на своихъ лошадей. Я, напротивъ, остался, и стою передъ нимъ, какъ столочка. Онъ сѣлъ на лошадь, взглянулъ на меня, усмѣхнулся и, кивнувъ головою, сказалъ мнѣ: — „Оставайся!“ — Съ тѣхъ поръ, ставъ свободенъ, я не иначе ѣздилъ на смотры и ученья, какъ за императрицею, съ придворными дамами, на линѣйкахъ. Всѣ надо мной смѣялись; но я радъ былъ, что избавился отъ верховой ѣзды и большихъ сапоговъ.

Переѣхали въ Гатчину. Тамъ начались опять новыя ученья и строи. Настала мнимо воображаемая война. Окружный лѣсъ былъ непріятель. Государь по ночамъ не раздѣвался, чтобъ, при нечаянномъ нападеніи, быть готову къ сраженію. По утрамъ, всѣ генералы и адъютанты собирались съ карандашами и записными книжками и становились вкругъ него, для записыванія отдаваемыхъ имъ приказовъ. Мнѣ надлежало бы тутъ же съ ними быть, но какъ я уже выдалъ себя за мореходца, которому сухопутныя движенія чужды, то и не пошелъ туда вмѣшиваться въ ихъ суеты. Сперва опасался я, чтобъ это не поставлено было мнѣ въ вину; но скоро успокоился, видя что государь, привыкши уже таковымъ меня считать, никогда не призывалъ меня къ себѣ и никакихъ мнѣ приказаній и порученій не дѣлалъ. Хотя это примѣтнымъ образомъ охлаждало его ко мнѣ, однакожъ я о томъ не печалился; и даже мое желаніе было отъ него поудалиться, дабы, по крутости нрава его, вдругъ не попасть въ немилость, сопровождаемую гоненіями, какъ то уже со многими случалось. Иногда напередъ знали, надъ кѣмъ хочетъ онъ подыскаться. Гнѣвъ его къ полковому начальнику часто на весь полкъ простирался. Однажды назначаетъ онъ ученье полку однаго изъ генераловъ, къ которому онъ былъ довольно благосклоненъ, но неизвѣстно почему на него прогнѣвался. Всѣ наканунѣ того дня говорили: завтра будетъ ему бѣда! Самъ генералъ этотъ былъ въ томъ увѣренъ. Полкъ собрался. Государь выходитъ гнѣвенъ: начинаетъ учить и, при первыхъ движеніяхъ, бранными и грозными словами изъявляетъ уже свои неудовольствія. Между тѣмъ, при повелѣніи заряжать ружья, генералу сему надлежало закричать: *безъ патроновъ,* а онъ, въ торопяхъ, ошибкою закричалъ: *съ патронами.* Государь, при семъ словѣ, измѣнился въ лицѣ и, вмѣсто ожидаемаго гнѣва, сказалъ ему съ ласковою улыбкой: — „Зачѣмъ, сударь, съ патронами? здѣсь нѣтъ непріятелей.“ — Послѣ сего сдѣлался онъ кротокъ; и ученье, къ удивленію всѣхъ, кончилось благополучно. Трудно было угадать, какія слова раздражить и какія усмирить

его могутъ! Въ тожъ время, случилось что, при нападеніи съ пальбою на лѣсъ, мнимопротивными силами защищаемый, послалъ онъ туда офицера съ нѣкоторыми приказаніями. Офицеръ этотъ какимъ-то образомъ долго тамъ пробылъ, такъ что Павелъ въ нетерпѣніи послалъ къ нему другого спросить: для чего по сіе время не возвратился онъ съ отвѣтомъ? Офицеръ отвѣчалъ посланному: — „Скажите государю, что я убитъ.“ — Отвѣтъ сей такъ понравился Павлу, что онъ расхохотался. Въ другое время, въ Петербургѣ, осматривалъ онъ корабельную верфь, на которой мастеромъ Катасановымъ строились два корабля. Онъ отмѣнно благоволилъ къ сему мастеру и часто удостоивалъ его своими разговорами. При осмотрѣніи строящихся кораблей, Катасановъ на вопросы его разсказывалъ ему о разныхъ работахъ, о корабельныхъ членахъ, какъ они обдѣлываются, связываются, укрѣпляются и прочее. Государь, смѣючись, сказалъ ему: — „Ты можешь наговорить мнѣ что хочешь, потому что я ничего не разумѣю.“ — Катасановъ, думая угодить ему пріятною похвалою, отвѣчалъ на это: — „Нѣтъ, государь! всякій разъ, когда я имѣлъ счастіе разговаривать съ вашимъ величествомъ о кораблестроеніи, казалось мнѣ, что я говорю съ корабельнымъ мастеромъ.“ — Павелъ фыркнулъ, отворотился отъ него, и послѣ рѣдко обращался къ нему съ какими либо вопросами.

По прибытіи двора въ Петербургъ, открылся мнѣ случай ѣхать въ чужіе краи. Нѣкто графъ Пфаффенгофенъ написалъ изъ Вѣны къ государю письмо. въ которомъ, причисляясь къ нему въ родство [1]), и напоминая ему о свиданіи съ нимъ, когда онъ, будучи еще великимъ княземъ, путешествовалъ по Европѣ [2]), пред-

---

[1]) Намъ не удалось найти объясненіе этого родства. Современники Павла, которые носили фамилію гр. Пфаффенгофеновъ, были: Францъ-Симонъ (р. 1753 г.), имѣвшій пребываніе въ Рейзенбергѣ, близъ Вѣны, и его братъ, Іосифъ-Доминикъ (р. 1762 г.), женатый на дѣвицѣ de l'Anglois (Genealogisches Taschenbuch der deutsch. gräflich. Häuser. Gotha. 1835. стр. 360).

[2]) Обстоятельное росписаніе этого путешествія находится въ весьма рѣдкой книгѣ, не поступавшей въ продажу, и раздававшейся самымъ приближеннымъ ко двору лицамъ. Заглавіе ея слѣдующее: „Начертаніе путешествія Ихъ Императорскихъ Высочествъ, Государя Великаго Князя Павла Петровича и Государыни Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны, подъ именемъ Графа и Графини Сѣверныхъ, указующее дневные переѣзды, съ означеніемъ числа верстъ, мѣста и домы, въ коихъ имѣлись ночлеги и многодневныя пребыванія, границы раздѣляющія государства и области, лежащія на пути, съ частными и общимъ перечнями всего путешествія, предпріятаго въ 1781 и оконченнаго въ 1782 году. Печатано въ Санктпетербургѣ, иждивеніемъ сочинителя, при Императорской Академіи Наукъ, 1783 года.“ (20 стр. въ листъ). — Кто этотъ сочинитель? — можетъ быть сама императрица, или вел. кн. Павелъ Петровичъ.

лагалъ ему о принятіи, по примѣру Петра Великаго, въ морскую россійскую службу голландскихъ офицеровъ и матросовъ, сказывая, что какъ многіе изъ нихъ, по причинѣ нашествія Французовъ [1]), принуждены были оставить свое отечество, то онъ обѣщается съ небольшими пособіями собрать и доставить ихъ въ Россію. Государь принялъ сіе предложеніе. Графъ Кушелевъ далъ мнѣ о томъ знать, спрашивая, не хочу ли я быть на то употребленъ? Я охотно согласился, и вслѣдствіе сего прислано ко мнѣ было слѣдующее повелѣніе:

„Господинъ генералъ-адъютантъ Шишковъ. Изъ прилагаемыхъ у сего копій съ писемъ графа Пфаффа фонъ Пфаффенгофена и указа нашего, къ послу графу Разумовскому, въ Вѣнѣ находящемуся [2]), отправленнаго, вы усмотрите какое предлежитъ вамъ служеніе и въ чемъ точно состоитъ настоящее ваше отправленіе въ Вѣну. Письмо наше, къ помянутому графу Пфаффу адресованное и здѣсь въ копіи, для свѣденія вашего, прилагаемое, вы ему вручите; то же самое исполните съ указомъ, посылаемымъ съ вами къ послу нашему, въ Вѣну. Вы усмотрите изъ помянутыхъ бумагъ, что отъ тысячи до тысячи двухъ сотъ матросовъ, голландскихъ уроженцевъ, въ морскихъ эволюціяхъ практикованныхъ и въ построеніи судовъ искусныхъ людей, желаютъ имѣть убѣжище въ имперіи нашей и вступить въ службу нашу. Хотя мы сомнѣваемся чтобъ такое большое количество сихъ людей нашли вы, но не менѣе того, какъ изъ человѣколюбія, такъ и по убѣжденію, что они могутъ быть полезны въ нашемъ флотѣ, мы принять ихъ охотно соглашаемся; а потому и поручаемъ вамъ: *Первое,* — ѣхать въ Вѣну и, увидя тамъ графа Пфаффа фонъ Пфаффенгофена, сказать, что вы отъ насъ присланы съ полною довѣренностью и властью принять въ службу нашу и отправить въ Россію какъ офицеровъ, такъ и матросовъ, о коихъ онъ писалъ къ намъ. *Второе,* — вы должны ему предложить ѣхать съ вами туда, гдѣ сіи военнослужащіе находятся, и, прибывъ на мѣсто, самымъ строгимъ образомъ тѣхъ только отправить въ предѣлы наши, и именно въ Ригу, которые точно таковы, что отъ нихъ, по мнѣнію

---

[1]) Голландія, покоренная войсками республиканской Франціи, существовала въ это время, подъ именемъ Батавской республики.

[2]) Гр. Андрей Кирилловичъ Разумовскій, впослѣдствіи свѣтлѣйшій князь, былъ нашимъ посломъ при австрійскомъ дворѣ, съ 1792 по 1806 г.. Въ 1814 и 1815 гг., онъ подписалъ всѣ акты, положившіе конецъ эпохѣ наполеоновскихъ войнъ. Сдѣлавшись постояннымъ жителемъ Вѣны, онъ умеръ въ этомъ городѣ, въ 1836 году, 84-хъ лѣтъ отъ роду.

вашему, польза службѣ нашей произойти можетъ. *Третіе,* — офицеры должны имѣть свидѣтельства о службѣ ихъ, а притомъ не безполезно было бы узнать о поведеніи каждаго. Обезпечивъ себя сими свѣдѣніями, мы дозволяемъ принимать ихъ въ нашу службу тѣми же чинами, какія они по справкамъ имѣютъ, объявя однакожъ имъ, что жалованье годовое получать будутъ противу нашихъ подданныхъ, въ равныхъ чинахъ служащихъ, — и отправлять ихъ въ Россію съ тѣми матросами, которые будутъ приняты въ службу нашу, или же особливо, давъ имъ на дорогу нужное число денегъ, безъ всякаго излишества. *Четвертое,* — матросы, кои вами будутъ приняты, имѣютъ быть точно голландскіе уроженцы; и каждый изъ нихъ долженъ быть или практикованный мореходецъ, или же хорошій строитель судовъ. Таковымъ вы имѣете объявить, что мы, ихъ принимая въ службу нашу, не лишимъ ихъ ни годовыхъ окладовъ, ни всего того, что они получали, — и что мы ихъ употребить повелимъ, по усмотрѣнію нашему: иныхъ въ портахъ, иныхъ на корабельномъ, а иныхъ на гребномъ флотѣ нашемъ. *Пятое,* — отправленіе ихъ удобнѣе сдѣлано быть можетъ малыми партіями, подъ командою однаго офицера, чрезъ области пруско-королевскія; а на случай таковый, вы найдете здѣсь указъ нашъ къ посланнику нашему при берлинскомъ дворѣ, графу Панину [1]), коимъ мы ему повелѣваемъ, по полученіи отъ васъ предварительнаго сообщенія, исходатайствовать свободный пропускъ чрезъ владѣнія его величества короля прусскаго принятымъ въ службу нашу, обѣщевая сохранить должное устройство и тишину, во время перехода ихъ, о чемъ вамъ должно будетъ имѣть наиприлежнѣйшее наблюденіе. *Шестое,* — по прибытіи каждой партіи въ Ригу, должны будутъ всѣ оную составляющіе и въ службу нашу вступающіе — учинить намъ присягу, въ присутствіи военнаго губернатора, который, объявя каждому волю нашу, распредѣлитъ ихъ, въ слѣдствіе повелѣній, кои мы ему доставимъ, по полученіи нужныхъ свѣденій отъ васъ. *Седьмое,* — вы получите вмѣстѣ съ симъ отъ нашего государственнаго казначея, тайнаго совѣтника барона Васильева [2]), векселями или кредитивомъ восемьдесятъ тысячъ рублей, которыя

---

[1]) Гр. Никита Петровичъ, подъ конецъ царствованія Павла, былъ отозванъ изъ Берлина и сдѣланъ вице-президентомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и вице-канцлеромъ. Ему было тогда 29 лѣтъ.

[2]) Бар. Алексѣй Ивановичъ Васильевъ (потомъ графъ), одинъ изъ лучшихъ государственныхъ людей Россіи, занималъ должность государственнаго казначея, при трехъ царствованіяхъ (Екатерины, Павла и Александра); въ 1802 г. былъ министромъ финансовъ.

съ избыткомъ достаточны будутъ на отправленіе тѣхъ офицеровъ и матросовъ; ибо мы считаемъ, что каждый человѣкъ нижнихъ чиновъ стоить можетъ отъ семидесяти до восьмидесяти рублей, а офицеры нѣчто болѣе. *Восьмое,* — графу Пфаффу фонъ Пфаффенгофену объявите, что мы въ службу нашу принимаемъ однихъ Голландцевъ, и то только мореходцевъ, какъ офицеровъ, такъ и матросовъ; а что сухопутныя войска, бывшіе подъ его начальствомъ и на его иждивеніи, къ военнымъ трудамъ испытанныя и усердія дознаннаго, не будутъ, по мнѣнію нашему, въ тягость той землѣ, гдѣ они основать себя захотятъ. *Девятое,* — если самъ графъ Пфаффъ фонъ Пфаффенгофенъ покажетъ вамъ намѣреніе ѣхать въ Россію и вступить въ службу нашу, и если найдется, что подлинно онъ доставитъ намъ людей искусныхъ и полезныхъ, въ такомъ случаѣ мы дозволяемъ вамъ сказать ему, что онъ принятъ будетъ и употребленъ образомъ, породѣ его соотвѣтственнымъ, въ чемъ онъ и можетъ положиться на щедрость и благоволеніе наше. *Десятое,* — изъ кабинета нашего получите вы пять сотъ червонныхъ на путевыя ваши издержки до Вѣны; а на прочіе расходы, для переѣздовъ вашихъ изъ мѣста въ мѣсто, по дѣламъ вамъ поручаемымъ, вы можете заимствовать потребныя деньги изъ тѣхъ суммъ, которыя вамъ векселями ассигнуются. Въ издержкахъ же оныхъ вы имѣете присылать счеты свои, какъ прямо къ намъ, такъ и къ нашему государственному казначею. И напослѣдокъ *одиннадцатое,* — съ вами отправляются два фельдъегеря, которыхъ вы можете употреблять на курьерскія посылки. Впрочемъ мы ожидать будемъ донесеній вашихъ, по прибытіи вашемъ въ Вѣну, и увѣрены, что и въ семъ, на васъ возложенномъ, порученіи оправдаете мнѣніе то, которое служба ваша пріобрѣла вамъ, и что польза оной и выгоды казны нашей будутъ всегда вашимъ главнымъ предметомъ. Пребываемъ вамъ благосклонны."

На подлинномъ подписано: Павелъ. Въ С. П. Бургѣ. Декабря 5 д. 1797 г..

Получа сіе повелѣніе, я сталъ приготовляться къ дорогѣ. На отъѣздѣ, часто посѣщали меня мои знакомые и пріятели. Въ одинъ вечеръ, сидимъ мы и играемъ въ карты. Входитъ человѣкъ и говоритъ мнѣ: — „Какой-то господинъ пришелъ и ожидаетъ васъ въ передней." — „Кто такой? поди спроси." — Человѣкъ возвращается и сказываетъ: — „Кутайцовъ." [1]) — Имя сіе было

[1]) Извѣстный Иванъ Павловичъ, одинъ изъ немногихъ, неизмѣнно пользовавшихся милостями императора Павла.

такъ страшно, что всѣхъ насъ удивило и даже потревожило. Онъ не былъ еще въ такой силѣ, въ какой сдѣлался послѣ, однакожъ всѣ знали, что онъ изъ самыхъ приближеннѣйшихъ къ государю. Какъ и зачѣмъ ему ко мнѣ пріѣхать, — была для насъ великая загадка. Я тотчасъ выбѣжалъ; кланяюсь и спрашиваю, по какому случаю имѣю удовольствіе видѣть его у себя? — Онъ говоритъ: — „Я пріѣхалъ, отъ имени императора и отъ себя, просить васъ сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе.“ — „Какое? чѣмъ могу я вамъ служить? Будьте увѣрены, что исполню съ превеликою охотою.“ — „Возьмите съ собою сына[1]) и будьте ему вмѣсто меня отцомъ. Кому лучше могу я его поручить? Онъ подъ руководствомъ вашимъ будетъ счастливъ; а насъ, меня и мать его, обяжете вы вѣчною благодарностью.“ — „Вы,“ отвѣчалъ я, „своею довѣренностью и вашимъ обо мнѣ добрымъ мнѣніемъ налагаете на меня долгъ, не только согласиться, но и обѣщать вамъ, что я буду имѣть всякое о немъ попеченіе и, въ доказательство моего къ вамъ усердія, употреблю все то, что можетъ служить къ его пользѣ.“ — По сихъ словахъ и по взаимномъ снова увѣреніи, онъ — о своей благодарности, а я — о моихъ услугахъ, мы обнялись и весьма дружелюбно разстались. — Слабость здоровья моего требовала, чтобъ взять съ собою лѣкаря. Ко мнѣ явился молодой человѣкъ, нѣмецъ, обучавшійся искуству пользованія въ болѣзняхъ, и убѣдительно просилъ меня доставить ему случай побывать въ чужихъ краяхъ, сказывая, что онъ будетъ обязанъ мнѣ за то величайшею благодарностью. Я согласился, и вскорѣ отправились мы въ путь.

Дорога наша была благополучна, съ небольшими приключеніями. Проѣхавъ Ригу, встрѣтились мы съ обозомъ, состоящимъ изъ семидесяти или болѣе повозокъ. Фельдъегери мои ѣхали впереди меня. Вдругъ слышу я превеликій шумъ и какъ бы начинающуюся драку. Подъѣзжая къ тому мѣсту и опустя стекло у кареты, вижу я, что человѣкъ до сорока повозчиковъ, между коими одинъ съ окровавленнымъ лицомъ, обступили фельдъегерей и отнимаютъ у нихъ слугу ихъ, котораго они не даютъ. — „Что такое?“ — спросилъ я. Мнѣ сказываютъ, что этотъ слуга, ѣдучи мимо одной повозки, стегнулъ кнутомъ сидящаго на ней повозчика, такъ что разсѣкъ ему щеку до крови. Судя по крику и запальчивой ярости, съ какою приступали они къ фелдъегерямъ,

[1]) Рѣчь идетъ о старшемъ сынѣ Кутайсова, Павлѣ Ивановичѣ, бывшемъ впослѣдствіи оберъ-гофмаршаломъ и членомъ государственнаго совѣта.

чтобъ вырвать изъ рукъ ихъ защищаемаго ими слугу, угрожая имъ самимъ, если они его не выдадутъ, показалось мнѣ, что грознымъ и повелительнымъ голосомъ, въ такомъ раздраженіи, унять ихъ не можно; для того кротко и ласково сказалъ я имъ: — „Послушайте, друзья мои, что я вамъ скажу; и послѣ разсуждайте какъ хотите. Я генералъ, и ѣду въ чужую землю съ царскими порученіями. Вы совершенно правы; а этотъ забіяка кругомъ виноватъ передъ вами и передо мною, потому что отъ меня крѣпко приказано было дорогою ѣхать смирно и нигдѣ не озорничать. Вы дѣльно хотите его побить; но васъ много, и вы очень озлоблены: неравно въ сердцахъ, а особливо на такомъ холоду, вы его какъ нибудь больно убьете, или изувѣчите; тогда долженъ я буду донесть о томъ государю, и васъ конечно отыщутъ. Такъ не лучше ли вамъ предоставить это мнѣ? я ему этого не спущу. Буде же вы не вѣрите, то пошлите одного изъ васъ со мною до первой деревни: я при немъ велю его хорошенько высѣчь, да только не на улицѣ и не на морозѣ, а въ теплой избѣ." — Они выслушали меня съ терпѣніемъ, и одинъ изъ нихъ, дородный собою мужичина, оборотясь къ другимъ сказалъ: — „Чтожъ, братцы, коли баринъ обѣщаетъ его наказать, такъ повѣримъ ему." — Послѣ сего, они укротились и какъ смирныя овцы, разошлись по своимъ повозкамъ; а мы стали продолжать свой путь.

По пріѣздѣ въ Вильну, гдѣ мы на нѣсколько дней остановились, пошелъ я съ молодымъ Кутайцовымъ къ главноначальствовавшему тамъ, князю Репнину [1]), который пригласилъ насъ на всѣ дни къ обѣденному столу. Ко мнѣ приходили также многіе офицеры, между коими и князь Багратіонъ, сдѣлавшійся въ последствіи времени знаменитымъ полководцемъ. Тамъ же нашли мы однаго изъ любимцевъ Павловыхъ, генерала Кологривова [2]). Въ одинъ день, князь Репнинъ и мы приглашены были къ одному изъ тамошнихъ жителей обѣдать. Четверо насъ поѣхали туда въ княжеской каретѣ. Князь и я сидѣли въ большомъ мѣстѣ, а передъ нами — генералъ Кологривовъ съ Кутайцовымъ. Дорогою зашла рѣчь о каретѣ, которая была на старинный образецъ, но еще нова и прекрасна. Князь сказалъ намъ, что онъ купилъ ее къ своей свадьбѣ, и что съ тѣхъ поръ ѣздитъ на ней безъ починки. — „Даже," примолвилъ онъ, „любимое мое, рѣдкой ве-

---

[1]) Когда было введено новое раздѣленіе Россіи на военные округи, Репнинъ изъ главнокомандующаго арміей, въ Лифляндіи и Литвѣ расположенной, переименованъ въ главнокомандующаго Литовской дивизіей.

[2]) Андрея Семеновича.

личины переднее стекло, чрезъ столько лѣтъ, сохраняется въ цѣлости." — Въ это время, Кологривовъ, сидѣвшій къ сему стеклу спиною хотѣлъ оборотиться, чтобъ на него посмотрѣть, и рукояткою шпаги своей такъ въ него толкнулъ, что оно разбилось въ дребезги. Хозяинъ хотя и обратилъ это въ шутку, однакожъ вѣроятно случай сей былъ для него непріятенъ.

Наконецъ пріѣхали мы въ Вѣну. При въѣздѣ въ городъ останавливаютъ насъ. Ко мнѣ подходитъ таможенный приставъ и спрашиваетъ: нѣтъ-ли со мною какихъ заповѣдныхъ товаровъ? Я отвѣчалъ съ досадою: — „Никакихъ." — Онъ, можетъ быть ожидая, чтобъ я подарилъ ему что нибудь, и видя напротивъ сухой отвѣтъ мой, говоритъ мнѣ спѣсиво: — „Надобно осмотрѣть!" — Я вышелъ изъ кареты и также сказалъ ему спѣсиво: — „Осматривайте!" — Онъ, по долгомъ исканіи, напослѣдокъ нашелъ пятнадцать фунтовъ чаю, который и отобралъ отъ меня *). — Я остановился въ трактирѣ, и тотъ же часъ поѣхалъ къ послу нашему, графу Разумовскому. Онъ уже предваренъ былъ о посылкѣ меня и сдѣланномъ мнѣ препорученіи. Отъ него узналъ я, что графъ Пфаффенгофенъ, по какому-то на него неудовольствію австрійскаго двора, долженъ былъ выѣхать изъ Вѣны и, за нѣсколько дней до моего пріѣзда, отправился въ Дрезденъ. По сему обстоятельству, рѣшился я послать однаго изъ моихъ фельдъегерей въ Петербургъ, съ моими и графскими о томъ донесеніями, а самому отправиться въ Дрезденъ, для отысканія графа Пфаффенгофена. Между тѣмъ, я остался еще на нѣкоторое время въ Вѣнѣ,

*) Чай этотъ везъ я съ собою, какъ для собственнаго моего употребленія, такъ и для того, чтобъ подарить нѣсколько фунтовъ послу нашему, графу Разумовскому; ибо мнѣ сказали, что нигдѣ, въ нѣмецкой землѣ, хорошаго чаю не достанешь. На другой же день, получилъ я отъ таможенной ихъ управы письменный запросъ: по какой причинѣ везъ я съ собою чай? Вопросъ сей такъ меня разсердилъ, что я сѣлъ и написалъ къ нимъ нарочно по-русски, чтобъ они читали какъ хотятъ, слѣдующее: „— Я не купецъ, а генералъ-адъютантъ его величества россійскаго императора; не торгую ни чаемъ, ни чѣмъ; а потому не даю въ везомыхъ мною вещахъ никому никакого отвѣта, и отнюдь не почитаю себя обязаннымъ знать, гдѣ какія вещи запрещены, или нѣтъ. У меня отняли чай, который я привыкъ пить. Чтожъ дѣлать? — противъ силы нельзя спорить. Хотя и не ожидалъ я лишиться нужнаго для меня напитка, но могу и безъ него обойтиться. Впрочемъ убытокъ для меня не великъ." — Вслѣдствіе сего моего отвѣта, прислано ко мнѣ было изъ моего чая одинъ фунтъ. Я не хотѣлъ его принять; но посланный съ нимъ ко мнѣ чиновникъ упросилъ меня, сказывая, что они, по необходимости и отнюдь не въ оскорбленіе мнѣ, должны были соблюсти сію строгость, и что отказъ мой можетъ подать поводъ ко многимъ затрудненіямъ и неудовольствіямъ.

любопытствуя видѣть достопамятности сей столицы. Почти ежедневно посѣщалъ я нашего посла. Супруга его [1]), умная и любезная женщина, сперва обращалась со мною съ нѣкоторою сухостью и скромностью; но потомъ сдѣлалась откровенна, ласкова и, смѣючись, призналась мнѣ, что она сначала меня боялась, какъ служившаго при лицѣ Павловомъ; но что образъ мыслей моихъ истребилъ въ ней сей страхъ. — Мнѣ хотѣлось взглянуть на памятникъ Метастазіевъ, сего любимаго мною италіянскаго писателя, который, во времена императрицы Маріи Терезіи, жилъ и умеръ въ Вѣнѣ, увеселяя всѣхъ своими операми, и котораго уважалъ я сколько по превосходнымъ его стихамъ, столько же, и еще болѣе, по добродѣтельнымъ и великодушнымъ чувствамъ, какими украшалъ онъ свои сочиненія [2]). Желая поклониться праху сего великаго мужа, я спрашивалъ о его гробѣ: мнѣ сказали, что не только не воздвигнуто ему никакого памятника, но даже и мѣсто, гдѣ онъ погребенъ, неизвѣстно [3]). Удивясь сему, воскликнулъ я:

Кто ожидалъ сего?
Ахъ! такъ ли здѣсь таланты почитаютъ,
Что гроба твоего,
О мужъ почтеннѣйшій, не знаютъ!

Чрезъ нѣсколько дней, поѣхалъ я въ Дрезденъ. На границѣ австрійской опять остановила меня таможня, но уже не для осмотра, а для врученія мнѣ четырнадцати фунтовъ чаю, отобраннаго у меня въ Вѣнѣ. По пріѣздѣ въ Дрезденъ, увидѣлся я съ посланникомъ нашимъ, Местмахеромъ. Онъ, на вопросъ мой о графѣ Пфаффенгофенѣ, увѣдомилъ меня, что онъ, находясь въ крайней бѣдности, недолго пробылъ здѣсь, уѣхалъ въ Ратисбонъ [4]), и что герцогъ тосканскій изъ человѣколюбія прислалъ къ нему нѣсколько талеровъ на дорогу. Я не смѣлъ далѣе за нимъ слѣдовать, не извѣстя напередъ о томъ государя. Послалъ опять въ Петербургъ фелдъегеря, съ новымъ донесеніемъ. Между тѣмъ прежній фелдъегерь возвратился съ извѣщеніемъ, что будутъ ожидать отъ меня увѣдомленія изъ Дрездена. По возвращеніи сего втораго фелдъегеря, получилъ я списокъ со вторичнаго отъ графа Пфаффенгофена къ государю императору письма, въ которомъ

[1]) Рожденная княжна Лигновская. Вторая жена Разумовскаго была гр. Тюргеймъ.

[2]) Шишковъ перевелъ нѣсколько отрывковъ изъ оперъ Метастазія (Собр. соч. и перевод, ч. XIV.).

[3]) Метастазій (ум. 1782 г.) похороненъ въ склепѣ церкви св. Михаила, въ Вѣнѣ.

[4]) Т. е. въ Регенсбургъ.

снова, для набора Голландцевъ, предлагаетъ онъ свои услуги. Сей списокъ сопровожденъ былъ повелѣніемъ, чтобъ самъ я, оставаясь въ Дрезденѣ, послалъ въ Ратисбонъ къ находящемуся тамъ посланнику нашему, Алопеусу [1]), освѣдомиться о всѣхъ обстоятельствахъ, касающихся до графа Пфаффенгофена. Я сдѣлалъ сіе порученіе молодому Кутайцову, отправя его съ лѣкаремъ и фельдъегеремъ. Онъ, возвратясь, привезъ мнѣ отъ посланника описаніе о помянутомъ графѣ, въ которомъ хотя онъ и не сказалъ о немъ ничего предосудительнаго, однакожъ изъ словъ его довольно явствовало, что на него нельзя много полагаться. Я бумаги его, вмѣстѣ съ своими, препроводилъ въ Петербургъ и просилъ, чтобъ, въ случаѣ повелѣнія прекратить съ графомъ Пфаффенгофеномъ всякое сношеніе, позволено мнѣ было, по причинѣ болѣзни моей, ѣхать въ Карлсбадъ, для употребленія водъ. Въ полученномъ мною на то отвѣтѣ, велѣно мнѣ было возложенное на меня дѣло оставить безъ всякаго исполненія, и дано позволеніе, для собственныхъ моихъ надобностей, ѣхать къ водамъ; но при позволеніи семъ налагалась на меня такая обязанность, которая нанесла мнѣ чрезвычайное огорченіе, а именно, чтобъ я имѣлъ прилежное наблюденіе за поступками всѣхъ Русскихъ, которые тамъ будутъ, а особливо за княземъ Зубовымъ и графами Орловымъ и Разумовскимъ [2]), и чтобъ, въ случаѣ какихъ либо примѣченныхъ мною въ ихъ поведеніи худостей, немедленно съ нарочными присылалъ о томъ мои донесенія. Статсъ-секретарь Обрезковъ, при отправленіи сего повелѣнія, въ особомъ своемъ пріятельскомъ письмѣ, написалъ ко мнѣ: — „Смотри, братъ, держи ухо востро! къ тебѣ послано такое приказаніе, отъ котораго легко можешь попасть въ бѣду." — Сіе порученіе, которымъ я гнушался, и сіи угрозы произвели во мнѣ и омерзѣніе и страхъ. Къ тому же присовокупилась еще и другая непріятность: Кутайцовъ, сдѣлавшійся, по отъѣздѣ нашемъ, самымъ сильнымъ человѣкомъ и вельможею, пишетъ ко мнѣ, что сынъ его проситъ у него позволенія, во время поѣздки моей въ Карлсбадъ, остаться въ Дрезденѣ, но что

[1]) Извѣстный дипломатъ Давыдъ Максимовичъ, возведенный Александромъ сначала въ баронское, а потомъ въ графское достоинство. Регенсбургъ былъ въ это время сеймовымъ городомъ.

[2]) Вѣроятно Павелъ думалъ, что старый гетманъ уже находится въ Карлсбадѣ, или въ Теплицахъ, куда ему совѣтовали ѣхать доктора. Онъ дѣйствительно собирался на воды; но послѣ неудачнаго опыта съ каретой, присланной ему изъ Вѣны сыномъ, онъ отложилъ эту поѣздку, и не выѣзжалъ изъ Батурина до самой смерти (см. сборникъ „XVIII вѣкъ," ч. 2, статью А. А. Васильчикова, стр. 628).

онъ не изъявилъ ему на то согласія своего, а предоставляетъ это на мою волю. Мнѣ весьма досадно было, что молодой этотъ человѣкъ, не сказавъ ни слова мнѣ, писалъ о томъ къ отцу своему, который легко могъ изъ того заключить о какомъ нибудь его на меня неудовольствіи. Сія нечистосердечная его отъ меня скрытность подавала мнѣ худую надежду на благодарность его, за мои о немъ попеченія. Обстоятельство сіе тѣмъ больше умножало мое огорченіе, что недавно передъ тѣмъ пріѣзжалъ сюда на короткое время нѣкто, присланный отъ тогдашняго непризнаваемаго нами революціоннаго французскаго правительства, который разгласилъ здѣсь обо мнѣ, что будто я ѣзжу съ побочнымъ сыномъ императора и вожу съ собою великія денежныя суммы, для подкупленія Нѣмцевъ объявить Французамъ войну. Какъ ни велика была нелѣпость сего разглашенія, однакожъ стараніе мое вездѣ быть вмѣстѣ съ молодымъ Кутайцовымъ и со всѣми его знакомить — придавало сей лжи нѣкоторый видъ правды. Въ недоумѣніи, отъ чего пришло ему желаніе безъ меня оставаться въ Дрезденѣ и потаеннымъ образомъ просить о томъ отца своего, я сталъ догадываться, что причиною сему лѣкарь, съ которымъ онъ сдружился, и домъ живущаго здѣсь съ женою и съ дочерью Путятина, куда онъ часто ходилъ, и гдѣ его ласкали. По прочтеніи письма, я призвалъ его къ себѣ, изъявилъ ему неудовольствіе свое за такую отъ меня скрытность и сказалъ ему, чтобъ онъ отнюдь не помышлялъ остаться здѣсь одинъ безъ меня.

Растревоженный сими чувствами, пошелъ я, для разсѣянія мыслей моихъ, къ посланнику нашему, Местмахеру, у котораго была дочь, преумная и прелюбезная дѣвица. Я часто у него обѣдалъ и, по вечерамъ, игралъ въ карты съ нимъ и съ посѣщавшими его почти ежедневно иностранныхъ дворовъ посланниками и другими посѣтителями. Мы провождали время довольно весело. Нерѣдко приглашаемы были къ столу, а иногда и къ вечернимъ бесѣдамъ здѣшняго герцога, котораго дворецъ и образъ жизни показываютъ великую скромность, безъ всякаго пристрастія къ пышности, перемѣнамъ и новизнамъ [1]). Театральныя зрѣлища, собранія, прогулки разгоняли нашу скуку и не давали намъ быть долго въ уединеніи. Однажды, прогуливаясь за городомъ, шелъ я по прекрасному каменному мосту, сдѣланному черезъ небольшую рѣчку, и увидѣлъ на весьма примѣтномъ мѣстѣ вбитый въ него

[1]) Благоразумной бережливости Фридриха Августа обязана Саксонія возстановленіемъ своихъ финансовъ.

желѣзный крюкъ. Мнѣ показалось, что крюкъ этотъ безобразитъ нѣсколько сіе мѣсто, и я спросилъ, зачѣмъ онъ тутъ вбитъ? Мнѣ сказали, что, по сдѣланіи сего моста, нѣкоторые стали говорить, что онъ не проченъ, и что, во время разлитія рѣчки, его снесетъ. Строитель онаго такъ за то разсердился, что велѣлъ вбить сей крюкъ и сказалъ герцогу: — „Прикажите меня на этомъ крюку повѣсить, ежели мостъ сей не уцѣлѣетъ."

Въ одинъ день, ѣздили мы смотрѣть здѣшнюю, на превысокой скалѣ стоящую, крѣпость, называемую Кенигштейнъ. Въ ней показывали намъ, вырванный посредствомъ пороха изъ камня, для доставанія воды, глубокій колодезь; огромную, въ нѣсколько тысячъ ведръ, бочку, для долговременнаго храненія вина; и каменный о двухъ комнатахъ, одна вверху другой, домикъ, стоящій на самомъ краю утесистой стѣны, такъ что изъ оконъ онаго страшно смотрѣть внизъ. Мнѣ разсказывали слѣдующее приключеніе: нѣкогда, крѣпость сію посѣтилъ Петръ Великій съ польскимъ королемъ Августомъ, и они въ семъ домикѣ, послѣ вечерняго въ немъ стола и пированья, ночевали. Бывшій съ Петромъ Великимъ пажъ спалъ въ нижней комнатѣ, подлѣ окна, и ночью, въ крѣпкомъ снѣ, свалившись за окно, упалъ на выдавшуюся отъ стѣны площадку, толь тѣсную, что, при малѣйшемъ движеніи, можно было полетѣть съ нея въ такую пропасть, гдѣ не осталось бы въ немъ ни одной цѣлой косточки. По счастію, пажъ сей, свалясь на нее, не проснулся и продолжалъ спать крѣпкимъ сномъ, покуда по-утру увидѣли это и осторожнымъ образомъ схватили его и втащили въ комнату. Площадку сію и понынѣ называютъ *пажескою постелью.*

Во время пребыванія моего здѣсь, пріѣзжалъ сюда князь Зубовъ. Онъ посѣтилъ меня. Свиданіе наше, для обоихъ насъ, имѣло въ себѣ нѣчто необыкновенное. Чрезъ такое короткое время, такъ еще свѣжее въ памяти нашей, изъ толь различнаго между нами состоянія, онъ столько, если не больше упалъ, сколько я возвысился. Прежде, — я приходилъ къ нему, какъ ожидающій отъ него великія и богатыя милости, съ трепетомъ; а теперь, — онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нѣкоторою, можетъ быть, боязнію. — „О счастіе!" воскликнулъ я, по отъѣздѣ его, „покуда очаровываешь ты чувства наши, по тѣхъ поръ кажешься существеннымъ и вѣчнымъ! но когда проходишь, тогда превращаешься въ мечту и сновидѣніе!"

Мнѣ захотѣлось съѣздить въ Лейпцигъ, на ярмонку. По пріѣздѣ моемъ туда, побѣжалъ я тотчасъ къ графу Орлову, кото-

раго нашелъ сидящаго въ халатѣ, съ надѣтымъ (какъ и послѣ всегда его видѣлъ) по камзолу георгіевскимъ первой степени орденомъ. Онъ принялъ меня просто, безъ большой ласки, но чистосердечно. Изгнанный, можно сказать, изъ Россіи, онъ жилъ здѣсь семьянисто, а именно съ нимъ были: дочь его, графиня Анна Алексѣевна [1]), съ надзирательницею своею старушкою, ближайшій родственникъ его Чесменскій [2]) съ женою, и путешествующая съ ними госпожа Марья Семеновна Бахметева, — всѣ весьма пріятныя особы. Познакомясь съ ними, я всякій день, почти безвыходно, былъ у нихъ съ утра до вечера. Тутъ пересталъ я досадовать на данное мнѣ повелѣніе — присматривать за Русскими; ибо безъ того не смѣлъ бы я ходить въ домъ къ графу, опасаясь чтобъ, по какому нибудь неизвѣстному мнѣ за мной присмотру, не подать на себя подозрѣнія. Во время пребыванія нашего здѣсь (то есть моего и молодаго Кутайцова), мы только одинъ разъ обѣдали у здѣшняго градоначальника. Частыя прогулки мои были по алеѣ обсаженной липами и окружающей городъ, который безъ усталости можно было раза два или три обойти кругомъ. Странно показалось мнѣ здѣсь, что, по наступленіи вечера, должно было всякій разъ, входя въ городъ и выходя изъ онаго, платить у воротъ нѣкоторую малую часть денегъ. Худой прибытокъ, основанный на безпокойствѣ и стѣсненіи людей!

Чрезъ нѣсколько дней, простясь съ графомъ, въ надеждѣ скоро опять увидѣться въ Карлсбадѣ, куда онъ сбирался ѣхать, и поблагодаря его за ласку и угощеніе, отправились мы обратно въ Дрезденъ, и вскорѣ оттуда въ Карлсбадъ. Туда изъ нашихъ Русскихъ съѣхались: графъ Орловъ съ своимъ семействомъ, князь Зубовъ, нѣкто Ильинскій съ женою *), Новосильцевъ и нѣкоторые другіе. Изъ знаменитѣйшихъ чужестранцевъ были тамъ многіе

---

*) Этотъ Ильинскій, за день или за два до смерти императрицыной, по какому-то счастливому для него предчувствію, сказалъ Павлу о близкой ея кончинѣ и скоромъ его восшествіи па престолъ; за что, по событіи сего пророчества, былъ подареніемъ ему деревень, составлявшихъ знатное имѣніе, щедро отъ него награжденъ [3]).

---

[1]) Въ молодости плѣнявшая своей красотой, въ зрѣлыхъ лѣтахъ подпавшая подъ вліяніе извѣстнаго фанатика Фотія, архимандрита Юрьевскаго монастыря.

[2]) Побочный сынъ гр. Орлова.

[3]) Августъ Ивановичъ Ильинскій (1760—1844), въ 1779 г. былъ возведенъ Маріей Терезіей въ графское достоинство королевства галиційскаго; русскій сенаторъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ.

нѣмецкіе принцы, курляндская герцогиня[1]) съ дочерьми, нѣсколько разныхъ державъ графовъ, генераловъ и проч.. Въ одно время, приходитъ ко мнѣ Новосильцевъ и сказываетъ, что графъ Ильинскій спрашивалъ у содержателей дома, куда всѣ собираются, довольно ли будетъ двадцати червонныхъ, чтобъ дать балъ въ день тезоименитства императора Павла Перваго? — Мы посмѣялись на счетъ великолѣпія сего бала, за толь малую цѣну. Вскорѣ послѣ того, пришелъ ко мнѣ Чесменскій и говоритъ, что графъ Орловъ готовился день этотъ праздновать, но, услыша объ Ильинскомъ, тожъ самое затѣвающемъ, не знаетъ какъ ему быть, и прислалъ его посовѣтоваться о томъ со мною. Я, вѣдая, что графъ Орловъ дастъ праздникъ достойный русскаго барина, сказалъ Чесменскому, что это совершенно зависитъ отъ воли его сіятельства: стоитъ только заблаговременнымъ о томъ извѣщеніемъ, чрезъ разосланіе пригласительныхъ билетовъ предупредить Ильинскаго. Съ симъ моимъ отвѣтомъ Чесменскій пошелъ отъ меня, и вскорѣ это было сдѣлано. На другой день, у ключа, гдѣ пьютъ воду, встрѣтился съ Ильинскимъ, и у насъ начался слѣдующій разговоръ: — „Слышалъ ли ты“ (спросилъ у меня Ильинскій), „что Орловъ даетъ балъ?“ — „Слышалъ.“ — „Это не ему, а намъ бы надлежало сдѣлать.“ — „Кому намъ? я не имѣю столько денегъ.“ — „Но какъ можетъ изгнанный государемъ изъ Россіи праздновать день его тезоимеитства?“ — „Изгнаніе его не гласно, и притомъ же кто можетъ ему это запретить?“ — „Пускай даетъ! я не буду на его балѣ.“ — „Какъ хочешь.“ — „А ты будешь?“ — „Буду.“ — Онъ подумалъ немного и сказалъ: — „Ну такъ ужъ и я пріѣду.“ — Тѣмъ разговоръ нашъ кончился. Праздникъ былъ великолѣпный. Поутру собралось здѣшнее общество стрѣлковъ (давно уже избравшее графа Орлова своей главою), для стрѣлянія въ цѣль, съ расписанными за мѣткость наградами. Всѣ Русскіе приглашены были къ обѣденному столу. Послѣ обѣда — театръ, гдѣ въ аллегорическомъ балетѣ выставленъ былъ бюстъ императора Павла Перваго, которому геніи, при увѣнчеваніи онаго лаврами, пѣли въ честь разные стихи, напечатанные и раздаваемые всѣмъ зрителямъ. Ввечеру — блестящій балъ съ роскошными потчиваніями и ужиномъ, за которымъ, при питіи шампанскаго за здравіе императора, палили изъ пушекъ, нарочно для сего выписанныхъ и привезенныхъ. Домъ и прилежащая къ нему

[1]) Вѣроятно третія жена послѣдняго герцога, Петра Бирона, рожденная гр. Медемъ.

роща были богатою рукою освѣщены огнями; и наконецъ сожженъ прекраснѣйшій фейерверкъ[1]). Я очень былъ радъ сему празднику, доставившему мнѣ случай сдѣлать, съ приложеніемъ пѣтыхъ стиховъ, подробное донесеніе, которое имѣло такой успѣхъ, что государь императоръ, не взирая на великую свою къ графу Орлову немилость, написалъ къ нему благодарное письмо.

Между тѣмъ случилось со мною нѣчто непріятное. Однажды прихожу я домой и вижу лежащій на столѣ листъ бумаги, написанный рукою молодаго Кутайцова. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что это письмо къ его отцу; и какъ оно было не запечатано, даже не сложено и оставлено просто на столѣ, то, не ожидая ничего найти въ немъ тайнаго или необыкновеннаго, полюбопытствовалъ я прочитать его. Но какъ велико было мое удивленіе, когда я нашелъ, что оно отъ начала до конца состояло въ жестокихъ на меня жалобахъ, и даже нѣкоторыми темными словами намекалось въ немъ о какомъ-то моемъ чрезвычайно предосудительномъ поступкѣ! Едва могъ я повѣрить моимъ глазамъ, не понимая, какимъ образомъ въ этомъ юношѣ, о которомъ прилагалъ я всевозможное попеченіе, могли родиться такія противъ меня чувства? Наконецъ, по многимъ соображеніямъ, приписалъ я это отчасти тому, что я воспротивился желанію его остаться въ Дрезденѣ, отчасти — что иногда отказывалъ ему въ деньгахъ на покупку совсѣмъ ненужныхъ для него вещей, и отчасти — дружбѣ его съ лѣкаремъ, повидимому внушившимъ ему ненависть ко мнѣ, какъ то изъ письма его можно было примѣтить. Я спряталъ эту бумагу, и когда онъ пришелъ домой, то, запершись съ нимъ наединѣ и показавъ ему оную, сказалъ: — „Ты очень дурно дѣлаешь, что оставляешь, какъ будто нарочно на прочтеніе всякому, такое письмо, которое надобно было хранить въ тайнѣ. Еслибы я не далъ отцу твоему слова ѣздить неразлучно съ тобою, то согналъ бы тебя съ глазъ моихъ, давъ тебѣ волю лгать на меня что хочешь; но теперь инаго я не хочу и не могу сдѣ-

---

[1]) Описаніе роскошныхъ праздниковъ, которые давалъ Орловъ въ Карлсбадѣ, занимаетъ не мало страницъ въ лѣтописяхъ этого городка. Тамъ между прочимъ значится, что блеску великолѣпнаго праздника 10-го іюля (29 іюня) 1798 г. скромно содѣйствовалъ русскій сенаторъ, гр. Августъ Ильинскій, который въ этотъ день пожертвовалъ 1000 флориновъ, на устройство въ Карлсбадѣ лѣчебницы для бѣдныхъ иностранцевъ (Carlsbads Memorabilien, стр. 125). Такимъ образомъ неудача Ильинскаго дать дешевый праздникъ обратилась на пользу страждущаго человѣчества. О гр. Ильинскомъ см. въ Запискахъ гр. Комаровскаго (Русск. Арх. 1867. ст. 1277—1279) и у Шторха (Russland unter Alexander I, т. VII, 1805, стр. 415—417).

лать, какъ, по возвращеніи въ Петербургъ показать это письмо отцу твоему и матери, съ тѣмъ чтобъ они при мнѣ спросили у тебя, о какомъ моемъ предосудительномъ поступкѣ ты ихъ увѣдомляешь, и въ чемъ состояла худость моего съ тобою обращенія, которое вмѣсто благодарности, какъ я надѣялся, произвело въ тебѣ такія на меня жалобы." — Онъ молчалъ; и какъ было уже поздо, то я, по нѣсколькихъ еще выговорахъ, прекратя мои укоризны, велѣлъ ему ложиться спать и самъ легъ въ постель. Ночью размышлялъ я, какъ бы мнѣ въ семъ случаѣ лучше поступить: довесть ли это до свѣденія отца его, или нѣтъ? — первое могло бы послужить къ моему оправданію, но за то изобличило бы непріятную для отца въ сынѣ его наклонность къ неблагодарности и лжи; во второмъ — представлялось мнѣ, что жалобы сына его, буде онъ по пріѣздѣ возобновитъ ихъ, могутъ, безъ объясненія сего приключенія, показаться ему дѣйствительно справедливыми, или по крайней мѣрѣ такими, къ какимъ вѣроятно подалъ я какой нибудь поводъ. Сіе послѣднее хотя и подвергало меня свободному злорѣчію молодаго Кутайцова, безъ всякаго съ моей стороны предупрежденія о настоящихъ тому причинахъ, однакожъ я, жертвуя моими пользами тишинѣ и миру отца съ сыномъ, предпочелъ оное первому. Въ семъ намѣреніи, вставъ поутру, принялся я снова за то, чтобъ силою представленій моихъ и увѣщаній произвесть въ немъ раскаяніе, и хотя, какъ мнѣ казалось, мало въ томъ успѣлъ, но напослѣдокъ, смягчая голосъ мой, сказалъ: — „Я знаю, что это не собственныя сердца твоего чувства: въ тебѣ поселилъ ихъ негодяй лѣкарь, который за мои къ нему благодѣянія заплатилъ мнѣ такою услугою. Сія одна мысль примиряетъ меня съ тобою и дѣлаетъ, что я охотно предаю это забвенію. Вотъ твое письмо; смотри! я раздираю его на мелкія части и даю тебѣ честное слово, что ни отецъ, ни мать твоя никогда о томъ не узнаютъ." — Послѣ сего призвалъ я лѣкаря и, давъ ему на дорогу достаточное число денегъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ немедленно отселѣ уѣхалъ, отпустилъ его отъ себя.

По окончаніи употребленія водъ, отправились мы въ Теплицы. На пути заѣхали осмотрѣть садъ графа Чернина [1]), лежащій на высотѣ горъ, съ которыхъ зрѣніе далеко простирается по прекраснѣйшимъ окрестностямъ. Садъ сей имѣетъ многія достопримѣчательныя мѣстоположенія и виды. Господскій домъ построенъ въ пріятной долинѣ. По одну сторону его стоитъ превысокая, утесистая скала, которой подошву омываетъ рыболовный прудъ,

[1]) Шёнгофъ, близъ Машо́ва.

или небольшое озерко; а по другую, сверху каменной горы, изсѣчены до самаго низа ступени, на подобіе крутой лѣстницы, по коей пущенная съ высоты вода, клубясь и пѣнясь, низвергается и составляетъ шумящій водопадъ. Индѣ вершины двухъ горъ, раздѣленныхъ глубокимъ доломъ, соединены красивыми мостиками, по которымъ проходя видишь подъ собою ужасную пропасть. Въ одномъ мѣстѣ, по сдѣланному о многихъ ступеняхъ крыльцу, спускаются внизъ дола, заросшаго густымъ кустарникомъ и лѣсомъ, между которымъ узкія тропинки, съ попадающимся по сторонамъ ихъ хижинками, ведутъ къ темной, округлой пещерѣ, освѣщенной горящимъ тускло свѣтильникомъ. Вокругъ ея, въ простѣнкахъ, изсѣчены каменные гробы съ мраморною по срединѣ гробницею, возвышающеюся надъ обширною ложбиною воды, куда сверху пещеры падаютъ крупныя капли дождя, рѣдкимъ и томнымъ гуломъ своимъ прерывающія господствующую въ ней тишину. День, въ который мы садъ сей осматривали, былъ прекрасный. Переходъ этотъ съ высоты горъ, гдѣ солнце во всемъ своемъ блескѣ освѣщало прелестнѣйшіе предметы, въ глубину дола, въ густой, темный лѣсъ и наконецъ въ уединенную, мрачную пещеру, — поразилъ чувства наши удивленіемъ: казалось мы, не больше какъ черезъ четверть часа, изъ обиталища жизни перешли въ обитель смерти.

Въ Теплицахъ видѣлся я съ принцемъ Де-Линь, бывшимъ въ Россіи, въ царствованіе Екатерины, и находившимся съ княземъ Потемкинымъ, во время начальствованія его войсками противъ Турокъ. Часто и здѣсь посѣщали мы графа Орлова. По отъѣздѣ его, скоро и мы поѣхали обратно въ Дрезденъ. Мы условились ѣхать вмѣстѣ съ курляндскою графинею Фонъ-Рекъ, съ которою путешествовала саксонская дѣвица, славившаяся живописнымъ искуствомъ. Дорогою встрѣтились мы съ княземъ Репнинымъ [1]). Онъ, увидя меня, сказалъ мнѣ, что, при отбытіи своемъ изъ Петербурга, онъ слышалъ отъ государя зачѣмъ я былъ посланъ. По симъ словамъ, счелъ я обязанностью увѣдомить его о послѣдствіяхъ порученнаго мнѣ дѣла; но весьма удивился, когда, при разсказѣ

[1]) Въ 1798 г, Репнинъ имѣлъ отъ Павла два важныя порученія: во-первыхъ, добиться, чтобы Пруссія вышла изъ своего неутральнаго положенія относительно Франціи; и во-вторыхъ, устроить въ Вѣнѣ бракъ эрцгерцога палатина Іосифа съ велик. княж. Александрой Павловной. Рѣшительный отказъ короля Фридриха Вильгельма навлекъ на Репнина гнѣвъ Павла: уволенный отъ службы, онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ и умеръ, вскорѣ по вступленіи на престолъ императора Александра

моемъ, примѣтилъ въ немъ совершенное о томъ невѣденіе, въ которомъ я еще болѣе удостовѣрился просьбою его, чтобъ я, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, не сказывалъ государю о семъ бывшемъ между нами разговорѣ.

Возвратясь въ Дрезденъ, я недолго тамъ пробылъ: откланялся герцогу, простился съ посланникомъ нашимъ Местмахеромъ и отправился въ Россію. Путь нашъ былъ безъ всякихъ достопамятныхъ приключеній. Въ одномъ прусскомъ мѣстечкѣ, гдѣ я остановился позавтракать, приходитъ ко мнѣ въ воинскомъ одѣяніи полковникъ, старикъ лѣтъ подъ восемдесятъ и спрашиваетъ: какого я чина, — генералъ-маіоръ или генералъ-лейтенантъ? Онъ сдѣлалъ вопросъ сей для того, чтобъ знать, какъ, разговаривая со мною, называть меня: *mein General*, или *ihre Excellenz?* Я посадилъ его, и онъ сказалъ мнѣ о себѣ, что служилъ въ разныхъ войскахъ, въ нашихъ и своихъ, три раза раненъ турецкими пулями за насъ, и три раза — нашими за соотечественниковъ своихъ, Пруссаковъ; что онъ уволенъ отъ службы съ полнымъ жалованьемъ, но просилъ короля позволить ему оставаться всегда по-прежнему въ полку, съ тѣмъ только, чтобъ, по безсилію своему, не ѣздить болѣе верхомъ. Я спросилъ, по какой причинѣ захотѣлось ему того? Онъ отвѣчалъ: — „Боюсь, что проводя весь мой вѣкъ въ движеньи, когда отстану отъ него, то занемогу и умру.“ — Въ другомъ городкѣ останавливаютъ меня у воротъ, для прописанія подорожной, и когда я, по возвращеніи мнѣ оной, велѣлъ ѣхать, то караульный офицеръ упрашиваетъ меня погодить немного. — „Зачѣмъ?“ — Онъ не сказываетъ; но я вижу, что солдаты выходятъ, одинъ по одному, къ ружьямъ своимъ и становятся во фрунтъ, чтобъ отдать мнѣ честь. Принужденъ дожидаться. Отдали. Я, опустя стекло, поклонился и закричалъ кучеру: — „Ступай!“ — Опять останавливаютъ. — „Что такое?“ — Таможенный приставъ хочетъ осматривать. Я, осердясь, не позволяю: говорю, что я не купецъ, ничѣмъ не торгую и проѣзжаю городъ сей мимоѣздомъ. Приставъ требуетъ отъ меня червонецъ. Я даю ему и, обращаясь къ офицеру, говорю, что я не ожидалъ видѣть надъ собою такихъ неучтивостей. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это не до него касается, и онъ входить въ это не можетъ. Между тѣмъ, сажаютъ на козлы ко мнѣ сторожа, съ которымъ пріѣзжаю я въ трактиръ, и не выхожу изъ кареты. Трактирщикъ выбѣжалъ ко мнѣ и проситъ меня войти къ нему. Я съ досадою отвѣчаю: — „Не могу: меня, какъ бы купца какого, взяли подъ стражу, чтобъ я не распродалъ здѣсь товаровъ.“ — Трактирщикъ дивится, на-

зываетъ это какимъ нибудь недоразумѣніемъ и проситъ усильно выдти. Наконецъ я выхожу; дожидаюсь лошадей и, по приводѣ ихъ, отправляюсь въ путь. При выѣздѣ изъ города, какой-то, повидимому нарочно поставленный, чиновникъ подходитъ къ моей каретѣ и возвращаетъ мнѣ мой червонецъ. — Въ Потсдамѣ, остановился я на два дня, гдѣ, между прочими достопамятностями, видѣлъ поставленнаго въ углу церкви, лежащаго въ свинцовомъ маленькомъ гробѣ великаго Фридриха. Вотъ, подумалъ я, пища къ размышленію о суетности земной славы и о томъ, кто, въ гордости ума своего, вопія противъ церкви, долженъ наконецъ смиренно лежать въ ней! – Въ Берлинѣ, тожъ пробыли мы нѣсколько дней. Въ трактирѣ, подлѣ нашихъ покоевъ, остановился пріѣхавшій сюда изъ Парижа, извѣстный Аббе Сіэсъ [1]), который, какъ мнѣ сказывали, не хотѣлъ ни за что хозяину платить денегъ, считая, что всякъ долженъ его угощать даромъ. До такой степени французская спѣсь превозносилась надъ Нѣмцами! Я не хотѣлъ его видѣть; ибо не могъ никогда терпѣть сихъ революціонныхъ вороновъ, съ такою жадностью пившихъ кровь человѣческую. — Посланникъ нашъ, графъ Панинъ, сказалъ мнѣ, что таможенные чиновники, на границѣ нашей, въ Палангенѣ, съ великою строгостью осматриваютъ всякаго проѣзжающаго, и что ежели я имѣю съ собою какія вещи, то лучше оставить ихъ въ Кенигсбергѣ, откуда послѣ, чрезъ таможню, можно будетъ ихъ выписать. Тожъ самое, еще въ Дрезденѣ, слышалъ я отъ моихъ фельдъегерей, изъ которыхъ у однаго отобрали золотые часы. Хотя не имѣлъ я съ собою ничего важнаго, однакожъ чтобъ не подвергнуться какой-либо непріятности, какъ то уже два раза со мною случилось, взялъ я у графа Панина къ нѣкоторому кенигсбергскому жителю письмо, въ которомъ онъ просилъ его принять отъ меня тѣ вещи, какія для сохраненія я у него оставлю. По пріѣздѣ моемъ въ Кенигсбергъ, послалъ я сіе письмо къ сему господину. Онъ самъ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: — „Какъ! вы — генералъ-адъютантъ Павла Перваго и опасаетесь, что въ Палангенѣ станутъ васъ осматривать! Дайте мнѣ ваше званіе, — я возьму съ собою въ тысячу разъ больше вашихъ вещей и поѣду смѣло.“ — Слова его не только ободрили, но даже и пристыдили меня. Я поѣхалъ,

---

[1]) Аббатъ Сіэсъ (Sieyès) впослѣдствіи второй консулъ, въ то время членъ совѣта пяти сотъ, находился въ Берлинѣ, въ качествѣ полномочнаго министра и чрезвычайнаго посла, съ порученіемъ директоріи склонить Пруссію къ союзу съ Франціей. Онъ не достигъ этого вполнѣ; но его стараніямъ и замѣчательному дипломатическому искуству обязанъ Репнинъ своей неудачей.

ничего у него не оставя. Въ Палангенѣ встрѣтилъ меня таможенный приставъ. Я сказалъ ему съ нѣкоторою важностью: — „Не хотите ли меня осмотрѣть?“ — Онъ съ учтивымъ поклономъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ отнюдь сдѣлать сего не осмѣлится. Тутъ увидѣлъ я, что кенигсбергскій господинъ былъ правъ.

По прибытіи въ Петербургъ, поѣхалъ я тотчасъ во дворецъ и велѣлъ доложить о себѣ государю. Онъ приказалъ мнѣ войти къ нему. Первый его вопросъ былъ о князѣ Зубовѣ и графѣ Орловѣ: смирно-ли они тамъ живутъ? Я отвѣчалъ, что, сколько я усмотрѣть могъ, они преисполнены къ нему благоговѣніемъ и ведутъ жизнь самую кроткую. — „Такъ ты ничего за ними худого не примѣтилъ?“ повторилъ онъ. — „Ничего, государь.“ — „Ну, хорошо! намъ же лучше. Я тебѣ вѣрю.“ — Опасаясь однакожъ, чтобъ похвала моя не подала ему на меня какого подозрѣнія, разсудилъ я за нужное примолвить: — „Государь! долгъ мой велѣлъ бы мнѣ донести вашему величеству правду даже и тогда, когда бы они были ближайшіе мои родственники или благодѣтели; но Зубову и Орлову я ничѣмъ не обязанъ и потворствовать имъ не имѣю никакой причины.“ — Казалось, онъ словами моими былъ убѣжденъ, и отпустилъ меня милостиво. Я представилъ отчеты путевымъ моимъ издержкамъ и подалъ также счетъ Кутайцову, состоящій въ двухъ тысячахъ рубляхъ, которые сынъ его забралъ у меня сверхъ отпущенныхъ съ нимъ собственныхъ его денегъ. Онъ заплатилъ мнѣ ихъ, и хотя благодарилъ меня за сына, но послѣдствіе показало мнѣ, что благодарность сія была не совсѣмъ чистосердечная; ибо я за посылку свою не получилъ никакой награды, кромѣ того, что государственный казначей, графъ Васильевъ, объявилъ мнѣ, что государь императоръ, при разсматриваніи моихъ отчетовъ, удивился малому числу издержанныхъ мною денегъ и приказалъ изъявить мнѣ свое благоволеніе*). На третій или четвертый день, досталось мнѣ быть дежурнымъ. Я съ дороги не успѣлъ еще отдохнуть и долженъ былъ встать очень рано. При смѣнѣ, товарищъ мой сдаетъ мнѣ приказаніе, чтобъ въ извѣстный часъ поутру быть въ той комнатѣ, которую государь проходитъ мимо, когда изъ внутреннихъ своихъ покоевъ идетъ во внутренніе покои императрицыны. Въ наставшее время пошелъ я туда, сѣлъ на мягкія, бархатныя кресла и дожидаюсь выхода

---

*) Изъ отпущенныхъ со мною осмидесяти тысячъ рублей казенныхъ денегъ на всѣ расходы, издержано было не съ большимъ девятнадцать тысячъ; остальные возвращены въ казну.

его величества. Довольно долгое ожиданіе, при моей усталости и спокойномъ положеніи, не взирая на всю мою предосторожность, усыпили меня такъ, что я не слыхалъ, когда государь отворилъ двери, и хотя скоро проснулся и вскочилъ, но это было поздо: онъ уже прошелъ мимо меня. Ужаснувшись такой бѣды, какъ ни досадывалъ я на себя, но пособить было нечѣмъ. Ожидаю со страхомъ возвратнаго пути и, лишь только услышалъ его идущаго, тотчасъ вытягиваюсь какъ можно прямѣе, нахмуриваю лицо, чтобъ показать ему печаль мою и раскаяніе о содѣянной мною винѣ. Онъ прошелъ, имѣя видъ суровый и не взглянувъ на меня. На другой день отданъ приказъ, чтобъ мнѣ, въ званіи члена, присутствовать въ адмиралтейской коллегіи. Безсомнѣнія было это знакомъ неблаговоленія, отдалявшаго меня отъ лица его величества, и хотя съ одной стороны нѣсколько меня это безпокоило, но съ другой я внутренно тому былъ радъ. Въ послѣдствіи времени удостовѣрился я, что случайный гнѣвъ сей не потушилъ въ государѣ нѣкоего обо мнѣ добраго мнѣнія; ибо вскорѣ послѣ того пожалованъ мнѣ орденъ св. Анны первой степени, и потомъ произведенъ я въ вице-адмиралы.

Изъ числа многихъ, происходившихъ въ теченіе сего времени, приключеній, упомяну я только о нѣкоторыхъ. Всѣмъ извѣстно, что революціонное французское правительство, какъ нѣкій, бѣснующійся исполинъ, терзая собственную свою утробу и въ тоже время съ остервенѣніемъ кидаясь на другихъ, наводило страхъ нѣмецкимъ державамъ. Россія также не могла на сіи судорожныя движенія Франціи смотрѣть спокойно. Австрійскій императоръ присланнымъ къ Павлу Первому письмомъ проситъ, для принятія повелительства надъ войсками его, прислать къ нему Суворова. Сей посѣдѣлый во браняхъ мужъ, выключенный за рѣзкое, но правдивое словцо изъ службы, и съ поприща славы заточенный въ деревню, призывается въ Петербургъ, гдѣ Павелъ, нарекши его снова вождемъ своихъ и австрійскихъ войскъ, говоритъ ему: „Иди спасать царей!“ — Суворовъ летитъ. Кому, не взирая на всѣ встрѣчаемыя имъ отъ придворныхъ козней препятствія, переходъ черезъ Альпійскія горы и громкія побѣды его неизвѣстны?*) Итакъ скажемъ только о концѣ сихъ происшествій. Суворовъ больной, послѣ знаменитыхъ подвиговъ своихъ, возвращается въ отечественную столицу, увѣнчанный лаврами, но, неизвѣстно почему, подъ тѣмъ же гнѣвомъ

*) См. Исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года, изданную Е. Фуксомъ.

у Павла, подъ какимъ былъ прежде. Онъ не долго былъ боленъ. Смерть прекратила славные дни его [1]). Всѣ, или по крайней мѣрѣ многіе, не только къ нему больному, но даже и къ тѣлу его, опасаясь царской немилости, появляться не смѣли. Вотъ что видѣлъ я своими глазами: — Пріѣхавъ однажды, вошелъ я въ комнату, гдѣ онъ лежалъ въ гробѣ. Всѣхъ насъ было трое и четвертый — часовой съ ружьемъ на плечѣ. Князь Шаховской, лишившійся руки въ одномъ изъ сраженій, бывшихъ подъ предводительствомъ Суворова, смотря на него, сказалъ сквозь слезы: — „За тобою слѣдуя, лишился я руки моей; встань! я съ радостью дамъ себѣ отрубить другую." — Мы съ нимъ прослезились и, отдавъ послѣдній поклонъ праху великаго мужа, идемъ мимо часоваго, который, при отданіи намъ чести, казалось насильно удерживался отъ плача. Взглянувъ на печальное лицо его, мы спросили: — „Тебѣ, также какъ и намъ, жаль его?" — Онъ вмѣсто отвѣта залился слезами. — „Вѣрно ты служилъ съ нимъ?" повторили мы свой вопросъ. — „Нѣтъ," отвѣчалъ онъ рыдая, „не привелъ Богъ!" — Погребеніе Суворова, не смотря на желаніе Павлово похоронить его просто, было, по великому стеченію народа, превеликолѣпное. Всѣ улицы, по которымъ его везли, усѣяны были людьми. Всѣ балконы и даже крышки домовъ наполнены печальными и плачущими зрителями. Самъ государь, не для почести, но изъ любопытства, выѣхалъ верхомъ; и самъ при мнѣ разсказывалъ, что лошадь его окружена была народомъ, и двѣ женщины, не примѣтя кто на ней сидитъ, смотрѣли, облокотясь на его стремена. При провозѣ гроба сквозь ворота, когда нѣкоторымъ показалось, что онъ, по тѣснотѣ ихъ, не пройдетъ, извѣстно слово солдата, сказавшаго: — „Не-бось! пройдетъ: вездѣ проходилъ!"

Суворовъ сколько славенъ былъ воинскими подвигами, столько же любилъ показывать себя страннымъ въ словахъ и въ образѣ жизни своей, можетъ статься потому, чтобъ и въ томъ быть необыкновеннымъ человѣкомъ. Онъ, сказываютъ, передъ Екатериною часто дѣлывалъ такіе уничижительные знаки почтенія, которыми ей наскучивалъ; и она, не теряя никогда уваженія къ сану и заслугамъ его, неохотно видѣла его въ своихъ бесѣдахъ и радовалась, когда онъ уѣзжалъ изъ Петербурга. Павелъ, призвавъ его къ себѣ, сталъ говорить ему о прежнемъ будто бы худомъ устройствѣ войскъ и о перемѣнахъ, какія сдѣлалъ онъ въ одеждѣ и

---

[1]) 6 мая 1800 г..

движеніяхъ ихъ, ожидая отъ него похвалы и одобренія симъ своимъ дѣяніямъ. Суворовъ вмѣсто сего закричалъ пѣтухомъ: *кокореку*! и, повторяя сіе, извинялся, что это на него находитъ, и онъ не можетъ никакъ отъ того воздержаться. Многія подобныя странности и проказы подали мнѣ мысль написать ему слѣдующую надгробную:

Остановись прохожій!
Здѣсь человѣкъ лежитъ на смертныхъ не похожій:
На крылосѣ, въ глуши, съ дьячкомъ онъ басомъ пѣлъ (а),
И славою какъ Петръ иль Александръ гремѣлъ.
Ушатомъ на себя холодную лилъ воду (б),
И пламень храбрости вселялъ въ сердца народу.
Не въ латахъ, на коняхъ, какъ греческій герой (в),
Не со щитомъ златымъ, украшеннымъ всѣхъ паче (г), —
Съ нагайкою въ рукахъ и на козацкой клячѣ,
Въ едино лѣто взялъ полдюжины онъ Трой (д).
Не въ броню облеченъ, не на холму высокомъ,
Онъ брань кровавую спокойнымъ мѣрилъ окомъ,
Въ рубахѣ, въ шишакѣ, предъ войсками верхомъ (е),
Какъ молнія сверкалъ и поражалъ какъ громъ.
Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы (ж).
Жилъ въ хижинахъ простыхъ, — и покорялъ столицы (з).

а) Суворовъ сосланъ былъ въ село свое Канчанское, Новогородской губерніи въ Боровицкомъ уѣздѣ. Тамъ (говоритъ о немъ историкъ его Фуксъ) „часто побѣдоносная рука его звономъ колокола призывала жителей въ священный храмъ, гдѣ старецъ сей, исполненный вѣры, пѣлъ вмѣстѣ съ церковными служителями хвалы Божеству." — Когда позвали его повелѣвать австрійскими и нашими войсками, онъ сказалъ: — „Я пѣлъ басомъ, а теперь ѣду пѣть барсомъ."

б) Онъ имѣлъ привычку, для укрѣпленія членовъ своихъ, часто обливаться холодною водою.

в) Ахиллесъ.

г) См. у Гомера, въ Иліадѣ, описаніе Ахиллесова щита, коней и колесницы.

д) Онъ не щеголялъ красивостью коня своего; садился на простую казацкую лошадь и на ней разъѣзжалъ передъ полками.

е) Онъ не могъ сносить лѣтнихъ жаровъ и, по сей причинѣ, часто среди самаго пылкаго сраженія, видали его скачущаго верхомъ въ одной рубахѣ; но никогда не скидавалъ онъ съ головы своей шлема или шишака, въ которомъ даже дома и при женщинахъ хаживалъ.

ж) Извѣстенъ славный переходъ его чрезъ Альпійскія горы.

з) Варшаву, Медіоланъ, Туринъ и проч.. — Онъ не любилъ великолѣпія и пышности; жилъ всегда въ простыхъ покояхъ, безъ зеркалъ и безъ всякихъ украшеній.

Вставалъ по пѣтухамъ (и), — сражался на штыкахъ (к).
Чужой народъ его носилъ на головахъ (л).
Одною пищею съ солдатами питался (м).
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался (н).

и) Суворовъ, когда надлежало идти въ походъ, никогда въ приказахъ своихъ не назначалъ часа, въ который выступать, но всегда приказывалъ быть готовыми по первымъ пѣтухамъ; для того выучился пѣть по-пѣтушьи, и когда время наставало идти, то выходилъ онъ самъ и крикивалъ: кокореку! Голосъ его немедленно разносился повсюду, и войско тотчасъ поднималось и выступало въ походъ. Казалось онъ нарочно придумывалъ сіи странности, дабы посредствомъ ихъ избавляться иногда отъ такихъ объясненій, которыя были для него или непріятны или затруднительны. Онъ не опасался затьмить ими славу свою; ибо могъ сказать о себѣ подобное тому, что въ Метастазіевой оперѣ говоритъ о себѣ Ахиллесъ, проведшій отроческія лѣта свои въ женскомъ одѣяніи, на островѣ Хиросѣ:

..........gli ozi di Sciro
Scuserá questa spada, e forse tanto
Occuperó la fama
Co' novelli trofei,
Che parlar non potrá de' falli miei.

то есть: „праздность дней моихъ на Хиросѣ оправдаю я симъ моимъ мечемъ и, можетъ быть, новыми побѣдами моими столько озабочу славу, что не успѣетъ она говорить о моихъ проступкахъ.“ — Въ присылаемыхъ донесеніяхъ, Суворовъ не описывалъ побѣдъ своихъ пространными объясненіями. По взятіи турецкой крѣпости Туртукая, онъ написалъ къ императрицѣ:

Слава Богу, слава вамъ!
Туртукай взятъ, и я тамъ.

к) Извѣстно, что Суворовъ бѣлое оружіе, то есть штыки, въ рукахъ русскихъ солдатъ, почиталъ всегда средствомъ превосходнѣйшимъ къ побѣжденію непріятеля, чѣмъ ядра и пули. Пословица его была: „пуля дура, штыкъ молодецъ.“

л) Въ Италіи, когда онъ въѣзжалъ въ какой городъ, народъ выбѣгалъ на встрѣчу къ нему, отпрягалъ лошадей у его кареты и везъ его на себѣ. Однажды случилось, что въ самое то время, когда онъ приближался къ освобожденному имъ отъ Французовъ городу, нагналъ его, посланный изъ Петербурга съ письмами къ нему, офицеръ. Онъ посадилъ его въ свою карету, и когда народъ выбѣжалъ и повезъ его на себѣ, то онъ спросилъ у офицера: случалось ли ему ѣзжать на людяхъ? — Офицеръ отвѣчалъ: — „Случалось, ваше сіятельство, когда мы въ ребячествѣ игрывали бывало шахордою.“

(Объясненія на слѣдующія четыре ссылки, въ рукописи, по недосмотру пропущены; мы ихъ выписываемъ изъ XIV т. Собр. соч. и перев. адм. Шишкова, гдѣ это стихотвореніе, со всѣми объясненіями, напечатано (стр 160—164) подъ заглавіемъ: „Стихи для начертанія на гробницѣ Суворова.“)

м) Онъ часто ѣдалъ съ ними кашицу.

н) Баварскій король причислялъ его въ родственники[1]).

[1]) Это очевидно ошибка: тогда и не существовало Баварскаго королевства. А извѣстно, что сардинскій король, въ дипломѣ на княжескій титулъ, назвалъ

Былъ двухъ имперій вождь (о); Европу удивлялъ;
Сажалъ царей на тронъ, — и на соломѣ спалъ (п).

Стихи сіи по всему городу распространились, и я боялся, чтобъ они, дойдя до Павла, не нанесли мнѣ какой бѣды; однакожъ страхъ мой былъ напрасенъ, и я остался въ невѣденіи, зналъ ли онъ объ нихъ или нѣтъ.

Павелъ Васильевичъ [1]), сынъ адмирала Василья Яковлевича Чичагова, нравомъ и свойствами весьма съ отцомъ своимъ различный, надменный мнимыми своими достоинствами, дерзкій на языкъ и ненавидящій отечество свое — Россію, былъ отставленъ и жилъ въ деревнѣ. Сія отставка его послѣдовала по нѣкакому неосторожно сказанному имъ слову: во время, когда императоръ приготовлялся идти въ Ревель, на фрегатѣ Эммануилѣ, сдѣлался было на семъ фрегатѣ пожаръ, но тотчасъ потушенъ былъ. Чичаговъ начальствовалъ тогда однимъ изъ идущихъ въ сей походъ кораблей и, въ одинъ день, за большимъ обѣдомъ, при многихъ офицерахъ, когда зашла о семъ рѣчь, усмѣхнувшись сказалъ: — „Какъ жаль, что не загорѣлся онъ нѣсколько по-позже!" — Можетъ быть, хотя и не въ точности, дошло это до государя и было причиною его отставки. Чрезъ нѣсколько времени, графъ Кушелевъ упросилъ императора принять его по-прежнему въ службу. Онъ вызванъ былъ изъ деревни, и, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, приказано было ему явиться къ государю. Онъ вошелъ къ нему, и когда императоръ сказалъ ему о семъ принятіи, то, вмѣсто принесенія благодарности, отвѣчалъ онъ ему, что подъ начальствомъ графа Кушелева служить не можетъ, потому что нѣкогда былъ его старѣе. Государь приведенъ былъ сими словами въ такой гнѣвъ, что приказалъ тутъ же сорвать съ него мундиръ и посадить его въ крѣпость. Сіе непріятное съ нимъ приключеніе послужило ему къ счастію; ибо прославляли замѣченное въ немъ въ сіе время спокойствіе, и наслѣдникъ престола получилъ о

о) Россійскій генералиссимусъ и австрійскій фельдмаршалъ, имѣвшій два почетныхъ прозванія: Рымникскій и Италійскій.

п) Онъ не любилъ мягкихъ перинъ и пуховиковъ; сѣно и солома служили ему вмѣсто оныхъ.

Суворова своимъ cousin; вслѣдствіе чего и Павелъ въ своемъ рескриптѣ (25 авг. 1799 г.) писалъ: „чрезъ сіе вы и мнѣ войдете въ родство, бывъ единожды приняты въ одну царскую фамилію, потому что владѣтельныя особы между собой всѣ почитаются въ родствѣ."

[1]) Адмиралъ П. В. Чичаговъ, котораго современники такъ строго осудили за бездѣйствіе, во время отступленія Французовъ, въ 1812 г..

мужествѣ его и твердости духа великое мнѣніе. Чрезъ нѣсколько дней, графъ Кушелевъ увѣрилъ государя о его раскаяніи. Онъ былъ прощенъ, принятъ въ службу и посланъ на кораблѣ въ Англію, гдѣ женился, и вскорѣ потомъ возвратился опять въ Россію. Отецъ его, адмиралъ Чичаговъ, побѣдитель шведскаго флота, украшенный орденами св. Андрея и первой степени Георгія, жившій въ деревняхъ своихъ, старецъ лишенный зрѣнія, услыша о женитьбѣ и возвращеніи сына своего изъ Англіи, пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Узнавъ о семъ, я тотчасъ поѣхалъ къ нему, куда пріѣхали также нѣсколько морскихъ генераловъ и старинныхъ его пріятелей. Всѣ мы радуемся его пріѣзду; спрашиваемъ: долго ли съ нами поживетъ? — Онъ отвѣчаетъ: — „Хотѣлось было лечь подлѣ покойной жены моей; да велитъ ли Богъ? — не знаю.“ — Мы желаемъ ему долгой жизни и, въ изъявленіе нашего усердія, просимъ о позволеніи чаще посѣщать его. Онъ благодаритъ и спокойно отвѣчаетъ: — „Милости просимъ.“ — Мы весь день у него сидимъ, разговариваемъ, шутимъ. Онъ тоже довольно весело бесѣдуетъ съ нами, разсказываетъ про старину, шутитъ, и только подъ вечеръ, съ нѣкоторою какъ будто безпокойною нетерпѣливостію, сказалъ: — „Я, какъ пріѣхалъ, послалъ тотчасъ въ Кронштадтъ къ сыну и невѣсткѣ; но вотъ уже вечеръ, а они не ѣдутъ. Слѣпой, — я не могу ихъ увидѣть, но по крайней мѣрѣ хотя бы голосъ ихъ услышалъ.“ — Мы въ утѣшеніе говоримъ ему, что можетъ какой нибудь случай удержалъ ихъ, и что ежели не сегодня, то завтра конечно будутъ. Онъ съ нѣкоторою грустью повторилъ: — „Да, завтра!“ — Между тѣмъ подали ужинать. Мы сѣли за столъ; продолжаемъ наши разговоры, иногда веселые и забавные; онъ раздѣляетъ ихъ съ нами и также разсказываетъ иногда что нибудь шуточное. Отужинали. Черезъ четверть часа входитъ человѣкъ и говоритъ: — „Лошади готовы.“ — Онъ отвѣчаетъ ему: — „Подай же мнѣ верхнее платье и костыль; да сведи меня.“ — Мы всѣ вытаращили глаза; смотримъ и съ удивленіемъ спрашиваемъ: — „Куда?“ — Онъ хладнокровно отвѣчаетъ: — „Туда же, откуда сегодня пріѣхалъ: назадъ въ деревню.“ — „Какъ? помилуйте! что это значитъ?“ — Онъ спокойно говоритъ намъ: — „Значитъ, что приказано; а приказанное должно исполнять. Прощайте!“ — Тутъ узнали мы, что въ тотъ же часъ, какъ онъ пріѣхалъ, присланъ былъ къ нему отъ государя фельдъегерь съ повелѣніемъ, чтобъ онъ непремѣнно сегодня же возвратился назадъ. Мы проводили его со слезами.

Вице-адмиралъ Рибасъ, по смерти императрицыной, долженъ былъ ѣхать, гдѣ прежде находился, въ Херсонъ[1]). Неизвѣстно мнѣ по какимъ причинамъ Мордвиновъ и онъ вызваны были оттуда: первый, какъ полагали, для возложенія на него какой-либо важной должности (ибо онъ, въ самой еще молодости своей, пользовался особливою благосклонностью императора, бывшаго тогда великимъ княземъ и наслѣдникомъ); а о другомъ думали, что его за тѣмъ везутъ сюда, чтобъ посадить въ крѣпость. Но не знаю по какому обороту обстоятельствъ вышло напротивъ; а именно: Рибасъ посаженъ членомъ въ адмиралтейскую коллегію[2]), а Мордвиновъ задержанъ въ домѣ подъ стражею, преданъ суду и, хотя не могъ быть обвиненъ, однакожъ не допущенъ былъ до свиданія съ государемъ и отправленъ въ томъ же званіи на прежнее свое мѣсто[3]). Вскорѣ потомъ, безъ всякихъ проступокъ ихъ, оба они были отставлены. Между тѣмъ, графъ Кушелевъ, по смерти графа Александра Андреевича Безбородки, женился на дочери брата его[4]), Ильи Андреевича[5]). Онъ исходатайствовалъ у государя, что Рибасъ опять принятъ былъ въ службу и посланъ съ нѣкоторыми порученіями въ Кронштадтъ. Я предвидѣлъ, что изъ сего произойдутъ нѣкоторыя послѣдствія; ибо зналъ, что Рибасу весьма хотѣлось добиться до того, чтобъ наединѣ поговорить съ государемъ; и хотя, при всей моей увѣренности въ хитрыхъ его замыслахъ, не ожидалъ я чтобъ изъ того могло произойти что нибудь чрезвычайное, однакожъ, по великому домогательству его быть послану въ Кронштадтъ, думалъ, что можетъ быть симъ средствомъ достигнетъ онъ до желанія своего увидѣться съ его величествомъ, и что въ семъ свиданіи конечно себя не уронитъ. Мы скоро узнаемъ въ чемъ я обманулся, въ томъ ли что много, или въ томъ что мало предвидѣлъ.

Чрезъ нѣсколько дней, графъ Кушелевъ занемогъ. Во время болѣзни его, приказано было мнѣ ходить съ докладами къ государю. Тогда между нами и Англіею разрывался миръ[6]), и Павелъ

---

[1]) Съ 1793 г., онъ командовалъ черноморскимъ гребнымъ флотомъ.

[2]) Съ званіемъ генералъ-кригсъ-коммиссара.

[3]) Предсѣдателя черноморскаго адмиралтейскаго правленія.

[4]) Гр. Любовь Ильинишна. Отъ этого брака родился сынъ, который потомъ принялъ фамилію гр. Кушелева-Безбородко.

[5]) Основателя лицея въ Нѣжинѣ.

[6]) Причиной этой быстрой перемѣны въ политикѣ Павла было занятіе Англичанами Мальты, которую Павелъ, въ качествѣ великаго магистра ордена, хотѣлъ утвердить за мальтійскими рыцарями.

первый помышлялъ о приготовленіяхъ къ войнѣ. Въ первый день, когда я пришелъ къ нему (обыкновенно въ шесть часовъ поутру), происходило между нами слѣдующее: онъ, сидя за столомъ, посадилъ меня передъ собою и, начавъ рѣчь о графѣ Кушелевѣ, сказалъ мнѣ: — „Онъ, сударь, боленъ и лѣчится у Англичанина, который безсомнѣнія уморитъ его.“ — (Англичанинъ сей былъ докторъ Веліо[1]). Когда же я, въ пользу сего доктора, сказалъ нѣсколько словъ, то онъ отвѣчалъ: — „Впрочемъ не велика бѣда, если и умретъ. Онъ женился на богатствѣ и пошелъ въ холопи къ своей женѣ. Я самъ, сударь, люблю женщинъ; но не стану ѣздить за ними на запяткахъ.“ — Видя такое его на графа Кушелева негодованіе, я осмѣлился сказать ему: — „Государь! можетъ быть онъ не хорошо сдѣлалъ, что въ такихъ лѣтахъ женился; но я смѣю за него ручаться, что къ этому побудило его достоинство сей дѣвицы, а не богатство ея, въ которомъ онъ, будучи столько отъ вашего величества награжденъ, не имѣетъ никакой надобности.“ — Послѣ сего, обратилъ онъ рѣчь свою на другихъ нѣкоторыхъ особъ и также описывалъ разныя ихъ свойства и недостатки; но примѣчая, что я молчу, слушаю и никакихъ собственныхъ мыслей моихъ не изъявляю, напослѣдокъ прекратилъ онъ разговоры свои и, вставъ со стула, сказалъ мнѣ: — „Завтра поговоримъ еще; а то, что вы теперь отъ меня слышали, сочтите, что я *вралъ*.“ (Неучтивое слово сіе точно такъ было сказано). Я откланялся ему и вышелъ вонъ. На другой день принялъ онъ меня также: посадилъ противъ себя и началъ разсказывать о предосторожностяхъ и приготовленіяхъ, какія дѣлаетъ онъ для войны съ Англичанами, сказавъ между прочимъ о городѣ Архангельскомъ, что портъ сей удаленъ отъ нихъ, и что тамъ не полагаетъ онъ нужнымъ держать, для обороны, какія либо суда или войски. На это отвѣчалъ я, что тамъ находятся пять или шесть канонерскихъ лодокъ, давно построенныхъ и пришедшихъ уже въ вѣтхость: не прикажетъ ли онъ исправить ихъ и вооружить. — „На что, сударь?“ — спросилъ онъ. Я сказалъ, что въ бывшую со Шведами войну непріятельское суднишко зашло въ Балтійскій Портъ, гдѣ не было никакихъ военныхъ судовъ, и хотя не могло нанести никакого вреда, но тщеславилось этимъ во всѣхъ вѣдомостяхъ. Такой же точно случай былъ и при Петрѣ Великомъ: къ городу Архангельскому приходило также военное непріятельское судно за тѣмъ только, чтобъ похвастать,

[1]) Т. е. Яковъ Васильевичъ Вилліе, лейб-медикъ.

что оно тамъ было. Выслушавъ это, спросилъ онъ: — „А сколько, сударь, тамъ лодокъ?" — „Пять или шесть." — „Исправить ихъ" (подхватилъ онъ съ жаромъ), „построить еще двадцать и къ нимъ прибавить нѣсколько большихъ судовъ, для обороны порта. Гей! позовите ко мнѣ Докторова." — Генералъ Докторовъ [1]) пришелъ, и ему велѣно было съ десятью тысячами войска отправиться къ городу Архангельскому.

Отъ подобныхъ, такъ сказать, искръ часто возгаралось въ умѣ Павловомъ непотушимое пламя, побуждавшее его къ скоропостижнымъ, необдуманнымъ рѣшеніямъ. Въ одно время, читаю я предъ нимъ, присланное отъ вице-адмирала Макарова, изъ Ревеля, донесеніе о нѣкоторомъ маловажномъ приключеніи, случившемся съ бывшимъ подъ начальствомъ его матросомъ. Сначала выслушалъ онъ это съ хладнокровіемъ; но когда, въ концѣ донесенія, безъ всякой надобности, о томъ же самомъ снова упомянуто было, то вдругъ вспыхнулъ онъ такъ, что тужъ минуту послалъ фельдъегеря скакать въ Ревель и привезти оттуда главноначальствовавшаго тамъ адмирала Спиридова [2]), котораго схватили, притащили въ кибиткѣ въ Петербургъ, какъ бы какого преступника, и, по прошествіи четырехъ или пяти дней, безъ всякаго почти объясненія, сказано было ему, чтобъ ѣхалъ опять на свое мѣсто. Въ другой разъ, въ день Крещенія, при совершеніи на Невѣ водосвященія, по окончаніи котораго надлежало съ крѣпости палить изъ пушекъ, поставленъ былъ на Адмиралтейскомъ валу часовой, для поднятія, при данномъ знакѣ, флага, по коему находящійся въ крѣпости, при пушкахъ, ундеръ-офицеръ долженствовалъ начать пальбу. Между тѣмъ, по нѣкоему поспѣшному расчисленію, минутъ за десять до окончанія водосвященія, съ мѣста Іордани, данъ былъ адмиралтейскому часовому условленный знакъ: онъ поднялъ флагъ, и крѣпость стала палить. За сію толь маловажную ошибку, государь такъ прогнѣвался, что, не давъ себѣ времени разсудить о совершенной невинности приставленнаго въ крѣпости къ пушкамъ ундеръ-офицера, приказалъ его тотчасъ смѣнить, отправить въ Кронштадтъ и тамъ жестоко наказать; и хотя, чрезъ нѣсколько часовъ, опомнясь, и послалъ туда фельдъегеря, для остановки наказанія, но оно было уже исполнено. Та-

---

[1]) Дмитрій Сергѣевичъ Дохтуровъ оставилъ по себѣ славу искуснаго полководца и человѣка, одареннаго лучшими качествами души.

[2]) Если здѣсь рѣчь идетъ о Григоріи Андреевичѣ, то очевидно память измѣнила автору Записокъ: знаменитый адмиралъ жилъ въ отставкѣ съ 1774 г. и умеръ еще въ царствованіе Екатерины (1790 г.).

ковое отсутствіе здраваго разсудка и справедливости, въ гнѣвныхъ порывахъ Павловыхъ, нерѣдко изъ устъ его исторгалось и даже въ отдаваемыхъ и печатаемыхъ приказахъ предавалось потомству. При всемъ однакожъ томъ нельзя сказать, чтобъ онъ былъ злонравенъ или чуждъ способностей разума. Причиною сей крутой пылкости, часто затмѣвавшей разсудокъ его, должно полагать, — во-первыхъ: ложное понятіе о худомъ и слабомъ, по мнѣнію его, правленіи матери своей, которое будто бы, а особливо по военной части, надлежало исправить перемѣнами и строгостями; и во-вторыхъ: боязливая и всегда опрометчивая подозрительность, преклонявшая слухъ его ко всякимъ доносамъ, кои, волнуя въ немъ кровь и устрашая воображеніе, побуждали его, для мнимаго предупрежденія угрожающихъ послѣдствій, предпринимать поспѣшно и необдуманно такія мѣры, которыя скорѣе навлекать, нежели отвращать ихъ могли. Несчастная подозрительность сія представляла ему вездѣ опасности. Наушникъ Линденеръ [1]) и ему подобные потрясали довѣренность его даже и къ тѣмъ самымъ, которые были у него въ великой милости. Однажды случилось, что взвели на князя Лопухина*) нѣкоторую клевету, столь нелѣ-

*) Петръ Васильевичъ Лопухинъ [2]) возведенъ былъ въ княжеское достоинство по любви, какую Павелъ Первый, въ бытность свою въ Москвѣ, почувствовалъ къ его дочери. Онъ взялъ ее ко двору и въ послѣдствіи времени выдалъ ее замужъ за князя Гагарина [3]), не разрывая съ нею прежней своей связи. Любовь сія произвела слѣдующее достопамятное приключеніе: нѣкто молодой человѣкъ Рибопьеръ [4]), къ которому Павелъ ревновалъ свою любимицу, поссорился съ подобнымъ себѣ молодымъ человѣкомъ, вышелъ съ нимъ на поединокъ и былъ отъ него раненъ. Павелъ приказалъ посадить его въ крѣпость, а мать его (вдову, дочь знаменитаго полководца Александра

[1]) О темной личности генерала Линденера см. статью А. А. Кононова, въ Русской Бесѣдѣ 1860 г., кн I. Пользуемся для этой ссылки указаніемъ Русскаго Архива (1867 г., ст. 367, прим. 3). Не имѣя подъ рукою многихъ, необходимыхъ для справокъ, книгъ, мы не могли дать нашимъ подстрочнымъ примѣчаніямъ надлежащей полноты.

[2]) При Екатеринѣ, Лопухинъ былъ ярославскимъ и вологодскимъ генералъ-губернаторомъ; въ 1798 г., Павелъ Петровичъ назначилъ его генералъ-прокуроромъ; при Александрѣ, былъ преемникомъ Державина, по министерству юстиціи; умеръ (1827 г.) предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

[3]) Княж. Анна Петровна вышла за мужъ за кн. Пав. Гавр. Гагарина, сына сенатора, потомъ министра коммерціи, кн. Гавр. Петр. Гагарина. Извѣстно, что еврейскимъ значеніемъ ея имени объясняли данное Павломъ Петровичемъ повелѣніе имѣть на знаменахъ и каскахъ надпись — благодать.

[4]) Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи графъ, оберъ-камергеръ и членъ государственнаго совѣта.

ную, что ему не стоило ни малѣйшаго труда изобличить ее, какъ совершенную ложь и небылицу. Павелъ увидѣлъ это ясно, однакожъ спустя нѣсколько дней сказалъ ему: — „Я очень увѣренъ въ неправдѣ на тебя взведенной, но со всѣмъ этимъ тутъ“ (указывая на свою голову) „нѣчто остается.“ — Самый образъ жизни его долженствовалъ также много способствовать къ содѣланію нрава его суровымъ и мрачнымъ: онъ вставалъ рано и, въ шесть часовъ утра, садился уже выслушивать доклады, въ которыхъ помѣщаемы были подробныя донесенія о болѣзняхъ, смертяхъ, убійствахъ, злонамѣреніяхъ и всякихъ несчастіяхъ или преступленіяхъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ толь обширнаго царства случившихся. Ежедневныя, или по крайней мѣрѣ частыя, тотчасъ по пробужденіи отъ сна, выслушиванія сихъ обстоятельствъ безсомнѣнія возмущали въ немъ духъ и располагали чувства его къ угрюмости и гнѣву. Послѣ докладовъ, съ сими мрачными мыслями обыкновенно спѣшилъ онъ на вахтъ-парадъ, обучать офицеровъ и солдатъ, гдѣ, какъ въ это время, такъ и въ остальные часы дня,

Ильича Бибикова)[1]) — въ тотъ же день выслать изъ города. Она, не успѣвъ ничего взять съ собою, принуждена была ночью, зимою, во время сильнаго мороза, отправиться въ путь. Иззябшая, размученная мыслями, насилу дотащилась она до Пулковой Горы, гдѣ остановилась въ избѣ у мужика, чтобъ сколько нибудь обогрѣться и отдохнуть. Полицейскій приставъ, узнавъ о семъ, приходилъ къ мужику, стращая его, зачѣмъ онъ пустилъ ее въ свою избу, и грозя могущею съ нимъ случиться бѣдою, если онъ долго ее продержитъ. Мужикъ отвѣчалъ, что онъ, видя ее измерзшею, не могъ отказать ей въ ночлегѣ, и выгнать также не можетъ. Между тѣмъ она со слезами и рыданіемъ увѣдомила его о несчастномъ съ собою приключеніи. — „Какъ, матушка!“ сказалъ мужикъ, „у тебя сынокъ раненъ, посаженъ въ крѣпость; ты выслана и не знаешь, живъ ли онъ или нѣтъ?!... Гей, парень!“ (кликнулъ онъ своего сына) „ступай скорѣе въ Питеръ: проберись осторожно въ крѣпость и постарайся провѣдать о его благородіи. сынкѣ этой госпожи; и, буде можно, достань отъ него къ ней грамотку.“ — Сынъ его исполнилъ это въ точности: привезъ отъ Рибопьера собственной руки его записочку. Благодарная мать была чрезвычайно тѣмъ утѣшена; но добродушный мужикъ симъ еще не удовольствовался: онъ, видя ее въ нуждѣ, далъ ей на дорогу двѣсти рублей денегъ. Господа ученые всякимъ наукамъ! спросите у себя по совѣсти, много ли между вами найдется такихъ, которые бы, въ подобномъ случаѣ, столько же, какъ этотъ простой мужикъ, были человѣколюбивы. Науки и просвѣщеніе полезны, но только тогда, когда онѣ основаны на правилахъ вѣры, укрѣпляющихъ душу въ добродѣтеляхъ и смиреніи, а не разумъ — въ порокахъ и гордости.

[1]) Аграфена Александровна. Мужъ ея, бригадиръ Иванъ Степановичъ Рибопьеръ, былъ убитъ, въ 1790 г., при штурмѣ Измаила.

всѣ приказы и дѣйствія его отзывались сими утренними впечатлѣніями. Вездѣ казались ему измѣны, непослушанія, неуваженія къ царскому сану и тому подобныя мечты, предававшія его въ руки тѣхъ, которые были для него опаснѣе, но хитрѣе другихъ.

Въ одинъ день, по прочтеніи докладовъ, выхожу я отъ него въ прихожую комнату и нахожу въ ней, возвратившагося изъ Кронштадта, Рибаса. Онъ сказалъ мнѣ, что государь за нимъ присылалъ. Тутъ вспомнилъ я о слышанномъ мною прежде, будто бы онъ нѣкогда проговаривалъ, что если удастся ему, хотя нѣсколько минутъ, побыть наединѣ съ государемъ, то онъ надѣется обратить его къ себѣ и сдѣлать великія перемѣны. Я почиталъ это пустыми словами и хвастовствомъ, но вскорѣ увѣрился въ противномъ тому. Послѣ меня тотчасъ позвали его къ государю. Онъ долго былъ у него и, вышедъ оттуда, объявилъ мнѣ волю императора, чтобъ впредь съ докладами не я, а онъ къ нему ходилъ; причемъ присовокупилъ еще, что его величеству угодно, дабы нѣкоторыя дѣла, долженствующія храниться въ великомъ таинствѣ, извѣстны были только намъ троимъ, то есть — ему, графу Кушелеву и мнѣ. Едва успѣлъ онъ это сказать, какъ позвали его опять къ государю. Вышедъ оттуда, подошелъ онъ ко мнѣ и съ видомъ сожалѣнія возвѣстилъ, что государь не велѣлъ сообщать мнѣ о сихъ дѣлахъ, а приказалъ ему сноситься только съ графомъ Кушелевымъ. Проговоря сіе, онъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, во всегдашнемъ ко мнѣ благорасположеніи монаршемъ и просилъ, чтобъ я на эту случившуюся со мною перемѣну не досадовалъ. Я отвѣчалъ ему, что не только не досадую, но радуюсь и очень доволенъ, потому что, при моемъ слабомъ здоровьи, трудно для меня было всякій день вставать такъ рано и бояться опоздать. Послѣ сего, пожелавъ ему счастливыхъ успѣховъ, поѣхалъ я домой, дѣйствительно какъ бы освободясь отъ лежавшаго на мнѣ тяжелаго бремени. Между тѣмъ, знавъ худое Павлово о Рибасѣ мнѣніе, не могъ я понять, какимъ образомъ въ толь короткое свиданіе умѣлъ онъ перемѣнить мысли его и вдругъ изъ подозрѣнія придти въ довѣренность; но скоро изъ послѣдовавшихъ за симъ дѣйствій можно было угадать разговоръ его съ нимъ. Дѣйствія сіи состояли въ слѣдующемъ: 1-е, тотчасъ послѣ сего велѣно было работавшихъ въ адмиралтействѣ тысячъ до четырехъ морскихъ служителей угнать въ Кронштадтъ; 2-е, всѣхъ, находившихся въ Петербургѣ, морскихъ офицеровъ, съ утра до вечера, какъ бы подъ стражею, держать въ адмиралтействѣ; 3-е, въ Кронштадтѣ, зазимовавшіе въ Средней гавани корабли (для

безопасности отъ сожженія) перетащить, прорубая ледъ, въ Военную гавань; 4-е, всѣхъ, находящихся въ нашей службѣ, Англичанъ отправить немедленно въ Москву. Изъ сихъ поспѣшно принятыхъ мѣръ, о коихъ прежде не было ни мало помышляемо, довольно явствуетъ, что Рибасъ, зная въ подобныхъ случаяхъ робость и легковѣрность Павлову, внушилъ въ него подозрѣніе противъ Англичанъ, какъ бы преклоняющихъ и преклонившихъ уже многихъ изъ морскихъ нашихъ офицеровъ и служителей къ измѣнѣ, къ истребленію флота и къ тайнымъ на самую жизнь его злоумышленіямъ. Онъ съ видомъ величайшей къ нему приверженности и усердія умѣлъ такъ сильно поразить его воображеніе, что показался ему единственнымъ человѣкомъ, могущимъ избавить его отъ сихъ угрожающихъ ему опасностей.

Съ сего времени, по болѣзни графа Кушелева, сдѣлался онъ первоначальствующимъ въ адмиралтейской коллегіи. Я, по снятіи съ меня должности докладчика, оставался спокойно дома и никуда не ѣздилъ. Дней черезъ пять, является ко мнѣ посланный отъ Рибаса съ нѣкоторою какъ бы жалобою, будто я къ нему не благоволю и стараюсь ему повредить. Жалоба сія крайне меня удивила, тѣмъ больше, что я въ это время ни съ кѣмъ почти не видался и ничего о немъ не говорилъ. Я просилъ посланнаго увѣрить его, что ему кто нибудь сказалъ обо мнѣ совершенную неправду, и что я передъ нимъ не только словами, ниже мыслями не виноватъ. Между тѣмъ Рибасъ всячески старался отчасу болѣе утверждать себя въ довѣренности у Павла. Онъ, къ достиженію сего намѣренія, употреблялъ не токмо главныя средства, какъ-то: внушеніе подозрѣній, искусную лесть и потаканье, необходимо будто бы нужное нѣкоторыхъ обстоятельствъ храненіе между ими двумя въ совершенномъ таинствѣ и проч., — но присовокуплялъ къ тому даже и самые мелочные способы, напримѣръ: не прежде, какъ въ то время, когда Павелъ отобѣдавъ выѣзжалъ прогуливаться, выходилъ изъ адмиралтейства, дабы ежедневно попадаться ему на встрѣчу и показать чрезъ то, сколь ревностно печется онъ о соблюденіи порядка, устройства и тишины. Мало сего. Неизвѣстно по какой причинѣ, Павелъ всегда, и еще болѣе въ это время, справлялся о возвышеніи воды въ рѣкѣ Невѣ. Рибасъ, чтобъ угодить ему, ѣздилъ, не смотря на слабость своего здоровья, по ночамъ, въ сильные морозы, или иногда слякоти, на Неву, мѣрилъ самъ воду и, чрезъ всякіе полчаса, посылалъ къ нему донесенія о ней нарочно напечатанными для сего билетами. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней получилъ онъ простуду и занемогъ. Въ самый этотъ день,

случайно, не знавъ о томъ ничего, поѣхалъ я навѣстить графа Кушелева. Въ то время, какъ я у него сижу, докторъ Рибасовъ присылаетъ о немъ сказать, что онъ боленъ и завтра выѣхать не можетъ. Кушелевъ послалъ тотчасъ къ государю (который былъ тогда въ театрѣ) доложить о семъ и спросить, кому прикажетъ онъ быть къ себѣ съ докладами? Государь назвалъ меня. Спустя нѣсколько минутъ, Рибасъ присылаетъ сказать, что хотя онъ и нездоровъ, но докладывать пріѣдетъ самъ. Отзывъ сей привелъ меня въ крайнее затрудненіе: я не зналъ что мнѣ дѣлать; однакожъ сомнѣніе мое недолго меня безпокоило: вслѣдъ за симъ, докторъ Рибасовъ прислалъ снова записку, чтобъ словамъ его превосходительства не вѣрить, потому что онъ очень боленъ и притомъ не въ твердой памяти. Вскорѣ за сею запискою приходитъ къ графу Кушелеву новый отъ Рибаса посолъ, съ усильною отъ него просьбою, что если самъ онъ завтра поутру не пріѣдетъ, то поручить поднесеніе государю докладовъ кому нибудь другому, только не мнѣ. Сія просьба его, или лучше сказать требованіе привело меня въ великое удивленіе: сколько ни искалъ я въ умѣ моемъ тому причины, но никакъ не могъ ее найти. Казалось, я ни по какимъ обстоятельствамъ не былъ ему враждующъ, или опасенъ, — ни дѣлами, ни мыслями. Нравы наши были совсѣмъ различны: онъ всѣми образами домогался быть случайнымъ; а я напротивъ, — никогда не думалъ и не искалъ того. Но властолюбивые люди, равно какъ и мучимые всегдашними подозрѣніями, готовы, для всякой пустой тѣни, пожертвовать всякимъ, о комъ возмечтаютъ, что онъ можетъ имъ повредить.

Настояніе Рибасово, чтобъ устранить меня отъ докладовъ, съ одной стороны подавало мнѣ поводъ думать, что онъ какими нибудь клеветами очернилъ меня въ умѣ Павловомъ; но съ другой, — воображалъ я, что еслибъ это было, то государь не избралъ бы меня снова къ нему ходить. Въ семъ сомнѣніи, на другой день, приготовя доклады мои, понесъ я ихъ къ нему, и лишь только вошелъ въ кабинетъ его, какъ онъ вскочилъ со стула, подбѣжалъ ко мнѣ, вырвалъ у меня изъ рукъ бумаги и съ великимъ гнѣвомъ закричалъ: — „Что ты такъ лѣниво и вяло идешь? подай сюда!" — Я ускорилъ мой шагъ. Оба мы сѣли, и я началъ читать. Первый докладъ мой былъ о нѣкоторомъ офицерѣ, просящемъ о увольненіи его въ отставку, прослужа въ настоящемъ чинѣ одинъ годъ. — „А во второмъ году сколько времени прослужилъ онъ?" — спросилъ у меня его величество. Я не могъ отвѣчать ему на это, потому что никогда сего не прописывалось, и долженъ былъ сказать: не знаю. —

„Ты ничего не знаешь!“ — подхватилъ онъ съ гнѣвомъ и долго на меня кричалъ. Наконецъ, по прочтеніи другихъ докладовъ, подаю я ему полученное изъ Ревеля, надписанное на его имя и запечатанное письмо. Онъ опять вскочилъ, выхватилъ его у меня съ великимъ сердцемъ и, не прочитавъ еще, сказалъ: — „Это бы надлежало вчера мнѣ отдать. Ты во всемъ неисправенъ; никуда не годишься! Поди!“ — Послѣднее слово сіе нѣсколько меня обрадовало; ибо, судя по гнѣвнымъ его движеніямъ и словамъ, думалъ я, что онъ меня не выпуститъ и тутъ же прикажетъ что нибудь со мною сдѣлать*). По выходѣ моемъ отъ него, видя явныя ко мнѣ придирки, и опасаясь на другой или на третій день подвергнуться еще большимъ вспыльчивостямъ, разсудилъ я лучше въ этотъ же день рѣшить мою судьбу, нежели ежедневно быть въ неизвѣстности и ожидать всегда хуждшаго. Въ семъ намѣреніи послалъ я тужъ минуту справиться, когда получено письмо изъ Ревеля? Мнѣ отвѣчали: сего числа, въ четыре часа по полуночи, то есть за два часа до моихъ докладовъ; и слѣдовательно не

---

*) Читатель можетъ судить о моемъ страхѣ по слѣдующему, не задолго передъ тѣмъ случившемуся приключенію: — Павелъ училъ или провожалъ какой-то полкъ. Офицеръ, ѣхавшій впереди верхомъ, долженъ былъ фрунту своему сказать: правое плечо (прежде говорилось правая сторона) заходи. Онъ промолвился и вмѣсто правое сказалъ лѣвое. Государь разсердился и закричалъ: — „Стащите этого негодяя съ лошади! оборвите его!“ — Повелѣніе исполнено было тотчасъ; но онъ тѣмъ не удовольствовался: разжаловалъ его въ солдаты. И того показалось мало: приказалъ великому князю Константину Павловичу отвесть его подъ стражу и дать ему пять сотъ ударовъ палками. Великій князь поступилъ въ семъ случаѣ весьма благоразумно и великодушно: онъ нѣсколько дней старался всячески угождать отцу своему; и въ одинъ день, когда примѣтилъ его въ веселомъ расположеніи духа, бросился предъ нимъ на колѣни и сказалъ: — „Вы, государь и родитель мой, обѣщали за прошедшую противъ Французовъ кампанію наградить меня[1]); умоляю васъ, сдержите свое слово!“ — Государь разсмѣялся и, поднимая его, отвѣчалъ: — „Изволь; чего ты хочешь?“ — Великій князь, не вставая съ колѣнъ, сказалъ ему: — „Простите того офицера, на котораго вы прошедшій разъ прогнѣвались.“ — Павелъ подумалъ немного и отвѣчалъ: — „Нельзя! онъ обезчещенъ: бить палками.“ — „Нѣтъ, государь!“ вскричалъ великій князь, „онъ не битъ: я виноватъ! не исполнилъ вашего приказанія; дѣлайте со мною что хотите!“ — Павелъ не разсердился, но обнялъ его и сказалъ: — „Спасибо тебѣ! ты избавилъ меня отъ раскаянія.“ — Простилъ и наградилъ офицера.

---

[1]) Вел. кн. Константинъ Павловичъ участвовалъ въ италіянской кампаніи Суворова, и, за оказанныя имъ „храбрость и примѣрное мужество,“ получилъ титулъ Цесаревича.

могъ я отдать его вчера. Объ офицерѣ также узналъ изъ послужнаго списка его. Запасшись сими свѣденіями, пришелъ я къ дверямъ кабинета и сказалъ стоявшему при нихъ камердинеру, чтобъ онъ, когда государь, по выслушаніи всѣхъ докладовъ, станетъ сбираться идти на вахтъ-парадъ, доложилъ обо мнѣ, что я прошу позволенія войти къ нему. Камердинеръ отвѣчалъ мнѣ, что онъ этого не жалуетъ; но я настоялъ въ томъ непремѣнно. При выходѣ послѣдняго докладчика, онъ вошелъ къ нему и доложилъ обо мнѣ. Павелъ, слышу я, суровымъ голосомъ отвѣчаетъ: — „Ну что такое? зачѣмъ? — пускай войдетъ!" — Я вбѣжалъ поспѣшно и сказалъ громко и смѣло: — „Офицеръ въ чинѣ своемъ служилъ годъ, три мѣсяца и семь дней. Письмо изъ Ревеля получено сегодня, въ четыре часа поутру." — На сіи слова мои, какъ мнѣ показалось, отвѣчалъ онъ нѣсколько ласковѣе: — „Ну, хорошо!" — Я поклонился и вышелъ вонъ.

Въ слѣдующіе потомъ дни, принималъ онъ меня спокойнѣе и выслушивалъ безъ всякихъ прицѣпокъ; однакожъ я всякій разъ входилъ къ нему со страхомъ и трепетомъ. На третій или четвертый день, пріѣхавъ во дворецъ, и приготовя бумаги мои къ докладу, получаю я записку, что Рибасъ умеръ. Я вхожу къ государю и объявляю ему это. — „Какъ!" вскрикнулъ онъ, весьма растревожась, „умеръ! когда?" — „Часа два тому назадъ," отвѣчалъ я. — „Ахъ, какъ жаль!" — повторилъ онъ и послалъ меня отобрать и привезти къ нему всѣ находящіяся при немъ бумаги. Я поѣхалъ. Покойникъ лежалъ еще на постели. Осматривая вездѣ комнату, я увидѣлъ подъ кроватью у него ящикъ: велѣлъ оный вытащить; раскрылъ и нашелъ въ немъ двѣ такія вещи, которыя вмѣстѣ удивили меня и разсмѣшили. Одна изъ нихъ была нарисованная карта острова Котлина, съ городомъ Кронштадтомъ. На ней, по всему острову, въ разныхъ мѣстахъ, расписано было собственною рукою императора, гдѣ сколькимъ солдатамъ стоять, когда Англичане вздумаютъ высадить на берегъ войско. Сдѣланныя на то Рибасовой рукою примѣчанія заключались въ великой похвалѣ сему распоряженію, съ означенными притомъ весьма немногими перемѣнами, а именно — въ переводѣ только нѣкотораго числа солдатъ изъ однаго мѣста въ другое. Вторая въ ящикѣ вещь сперва показалась мнѣ какою-то игрушкою, состоящею въ прекрасно выточенныхъ столбикахъ, соединенныхъ протянутыми между ими желѣзными цѣпочками; но послѣ узналъ я, что по этому образцу предполагалось устроить подъ водою, на днѣ моря, преграду, на которую

бы англійскій флотъ, подходя къ Кронштадту, наткнулся, приведенъ былъ въ замѣшательство и, въ семъ разстройствѣ, подвергся крѣпостнымъ выстрѣламъ. Полюбовавшись сими затѣйливыми игрушками, уклалъ я ихъ по-прежнему въ ящикъ, отвезъ и отдалъ государю. Вотъ какими (размышлялъ я дорогою) выдумками, съ присовокупленіемъ къ нимъ внушеній о возникающихъ будто бы отъ Англичанъ и Русскихъ злоумышленіяхъ, умѣлъ Рибасъ устрашить Павла, сдѣлать себя бодрствующимъ за него стражемъ, пріобрѣсть его довѣренность и, для крѣпчайшаго оной утвержденія, основать ее на тайномъ съ нимъ однимъ сношеніи! Честолюбіе его искало проложить себѣ путь къ почестямъ, тогда какъ путь сей велъ его къ погибели. Впрочемъ, по общему мнѣнію, онъ первый умышлялъ противъ него; и остается еще подъ сомнѣніемъ, кого бы онъ предалъ: его — заговорщикамъ, или заговорщиковъ — ему.

Между тѣмъ Павелъ, колеблясь подозрѣніями и страхомъ, то къ строгостямъ прибѣгалъ, то опасался великаго числа оскорбленныхъ имъ. Сіе послѣднее принудило его всѣхъ исключенныхъ и отставленныхъ принимать опять въ службу. Многимъ изгнаннымъ или сосланнымъ въ ихъ деревни позволено было пріѣхать въ Петербургъ, куда вскорѣ возвратились князь Платонъ Александровичъ Зубовъ, братья его, графъ Валеріанъ [1]) и Николай, также и другіе многіе, въ прежнее царствованіе, знаменитые чиновники. Странно было видѣть записки, ежедневно подаваемыя государю, о принятыхъ снова въ службу офицерахъ, съ прописаніемъ за что они были выключены. Причины сіи большею частью казались такъ маловажны и даже иногда смѣшны, что при многихъ невольно остановишься и подумаешь: пусть Павелъ, въ первую минуту гнѣва, по пылкости нрава своего, могъ это приказать; но какимъ образомъ послѣ могъ онъ сіи рѣшенія свои выслушивать хладнокровно!

Въ одинъ день, вышелъ я отъ него, и нахожу въ прихожей графа Палена, военнаго петербургскаго губернатора [2]). Насъ было

---

[1]) 26-ти лѣтъ отъ роду, онъ командовалъ арміей, посланной въ Персію; тотчасъ по воцареніи Павла, получилъ приказаніе прекратить военныя дѣйствія и немедленно возвратиться въ Россію. Когда ему, вмѣстѣ съ братьями, дозволено было жить въ Петербургѣ, онъ былъ пожалованъ директоромъ втораго кадетскаго корпуса. Гр. Валеріанъ Александровичъ умеръ тридцати пяти лѣтъ (1804), въ званіи члена государственнаго совѣта.

[2]) Гр. Петръ Алексѣевичъ, извѣстный любимецъ императора Павла, подъ конецъ царствованія котораго управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ и почтами.

только двое. Онъ показался мнѣ смутенъ. Я, изъ учтивости, подошелъ къ нему и спросилъ: все ли онъ въ добромъ здоровьѣ? Онъ отвѣчалъ: — „Слава Богу! но дѣла такъ идутъ, что я хочу просить увольненія отъ моей должности.“ — Откровенность сія меня удивила; но, не будучи коротко съ нимъ знакомъ, я не смѣлъ спросить его о причинахъ и, по нѣкоторомъ молчаніи, откланялся ему и ушелъ.

Въ сіе время, государь переѣхалъ въ новопостроенный Михайловскій дворецъ. Графъ Кушелевъ выздоровѣлъ. Я сдалъ ему мои доклады и отправился благополучно домой, радуясь, что могу отъ безпокойства и страха отдохнуть. Но сіе спокойствіе мое скоро и внезапно было прервано. Чрезъ нѣсколько дней, ночью [1]), у дверей моей спальни, слышу я стукъ. Я проснулся и кричу: кто тамъ? — Человѣкъ мой отвѣчаетъ мнѣ: — „За вами присланъ фельдъегерь. Извольте скорѣе вставать!“ — Я вскочилъ съ ужасомъ, разбудилъ жену [2]) и говорю ей: — „Прости! меня зовутъ, и въ эту пору! Какая нибудь бѣда случилась со мною! Прости! можетъ быть я не возвращусь.“ — Не имѣя ни о чемъ случившемся ни малѣйшаго понятія, я не могъ себѣ иного представить, какъ то, что на меня, по всему видимому оклеветаннаго уже у Павла, взведена какая нибудь новая клевета. Присылка за мною въ такой поздой часъ ночи погружала меня въ неизвѣстное и тѣмъ болѣе страшное ожиданіе. Въ сихъ мысляхъ, со свѣчою въ рукѣ, отворяю я двери и вижу не фельдъегеря, а морскаго ундеръ-офицера. Это нѣсколько меня успокоило, однакожъ не уменьшило моего удивленія. — „Зачѣмъ ты? кто тебя прислалъ?“ — спросилъ я съ поспѣшностію. Онъ отвѣчаетъ: — „Государь скончался. Приказано съѣзжаться въ адмиралтейскую коллегію, для присяги новому государю.“ — „Какъ! что ты говоришь?“ — подхватилъ я съ великимъ изумленіемъ; но болѣе продолжать не могъ и только примолвилъ: — „Скажи, тотчасъ буду.“ — Я не могу объяснить чувствъ, какія незапная вѣсть сія произвела во мнѣ. Едва могъ слышанному повѣрить; недоумѣвалъ какимъ образомъ это случилось, и признаюсь, что хотя съ одной стороны благодарность за благодѣянія его ко мнѣ и рождала въ сердцѣ моемъ печаль и сожалѣніе, — но съ другой — освобожденіе отъ безпрестаннаго страха, въ какомъ я и почти всякій находился,

[1]) Съ 11 на 12 марта 1801.

[2]) Дарья Алексѣевна, рожденная Шельтингъ; во второй разъ, Шишковъ былъ женатъ на Юліи Осиповнѣ Нарбутъ. Отъ обоихъ браковъ дѣтей не имѣлъ.

смѣшивало печаль сію съ нѣкоторою невольною радостью. Одѣвшись какъ можно скорѣе, поскакалъ я въ адмиралтейство. Послѣ присяги, поѣхалъ во дворецъ, гдѣ почти всѣ, находившіеся при покойномъ государѣ, чиновники обнимались между собою и цѣловались, словно какъ бы поздравляли другъ друга съ какимъ-либо торжественнымъ приключеніемъ. Нѣтъ надобности описывать обстоятельствъ сего происшествія: онѣ всякому извѣстны. Несчастный монархъ сей, отвратясь отъ мудраго и благополучнаго царствованія великой матери своей, пошелъ по слѣдамъ отца своего и окончилъ дни свои таковою же, какъ онъ, смертью. Обѣ сіи перемѣны царствованій произошли безъ всякаго смятенія, безъ всякихъ кровопролитныхъ состязаній и послѣдовавшихъ изъ того казней или заточеній. Конецъ жизни Павловой, равно какъ и Петра Третьяго, не былъ никѣмъ, или весьма немногими оплакиваемъ. Погребеніе его отнюдь не походило на погребеніе князя Суворова: тамъ видѣлъ я множество печальныхъ и плачущихъ лицъ; а здѣсь, идучи за гробомъ отъ Михайловскаго дворца, черезъ Тучковъ мостъ, до крѣпости, изъ многихъ тысячъ зрителей, во всю дорогу, не видалъ я никого, кто бы проливалъ слезы. Казалось, всѣ смотрѣли какъ бы на нѣкое скорѣе увеселительное, нежели плачевное зрѣлище: до такой степени всѣ чувствовали тягость его правительства! Павелъ истребилъ Екатерининъ манифестъ о низверженіи отца его съ престола; чтожъ касается до подобнаго же съ нимъ самимъ приключенія, то хотя и ничего о томъ не было сказано, однакожъ происшествіе сіе столько же могло быть утаено отъ общаго свѣденія, сколько солнце или луна — отъ общаго зрѣнія. Удивительно, что заговоръ сей, требовавшій согласія стольких разнаго званія людей, могъ долгое время сохраниться въ такомъ глубокомъ таинствѣ, что я, обращавшійся въ кругу ихъ, не имѣлъ (благодарю Бога!) ни малѣйшаго о томъ понятія, ниже подозрѣнія. Сказываютъ, что наканунѣ того дня Кутайцовъ отъ безъименнаго получилъ письмо, извѣщавшее его о семъ умыслѣ; но онъ, будучи чѣмъ-то озабоченъ, не успѣлъ распечатать его и прочитать. Приступъ къ Михайловскому дворцу могъ также заблаговременно открыться крикомъ воронъ, сидѣвшихъ въ великомъ множествѣ на вершинахъ деревъ Лѣтняго сада, и которыя, во время ночной тишины, испуганныя шорохомъ идущихъ по немъ войскъ, всѣ вдругъ взлетѣли и заграяли. Еслибы Павелъ услышалъ необычайный крикъ сей, то, можетъ быть, вороны точно бы также спасли его, какъ нѣкогда гуси спасли Римъ. Но рокъ судилъ ему умереть!

Старшій сынъ его, Александръ Первый, государь младый и кроткій, воцарился. Радость была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобъ нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла отъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея неизвѣстною рукою написано было (какъ пишется на обывательскихъ домахъ, уволенныхъ отъ постановленія солдатъ): *свободенъ отъ постоя* [1]. Участвовавшіе и неучаствовавшіе въ сей перемѣнѣ, какъ-то Зубовы, Беклешовъ [2], Трощинскій и многіе другіе изъ бывшихъ при Екатеринѣ государственныхъ чиновниковъ сблизились со дворомъ и заступили важныя должности. Всѣ ожидали возстановленія прежняго въ правительствѣ духа и устройства. Трощинскій поднесъ къ подписанію государя манифестъ, въ которомъ торжественно обѣщалъ онъ идти по стопамъ великой своей бабки. Въ тысячи стихотвореніяхъ, на разныхъ языкахъ, повторились восторги и похвалы сему обѣщанію [3]. Самый поворотъ отъ хладной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, ка-

---

[1]) Приписываютъ эту надпись Алексѣю Петровичу Ермолову, который будто-бы сдѣлалъ ее, выходя изъ Петропавловской крѣпости („Графъ Блудовъ и его время,“ Ег. Ковалевскаго, стр. 23 и 24). Но это едвали справедливо: Ермоловъ самъ разсказываетъ (Русск. Арх. 1867, ст. 369—373), что, при жизни Павла, онъ былъ изъ крѣпости отвезенъ фельдъегеремъ въ Кострому, откуда возвратился въ Петербургъ, по освобожденіи новымъ императоромъ всѣхъ невинно сосланныхъ и заключенныхъ, во время прежняго царствованія.

[2]) Александръ Андреевичъ Беклешовъ, одинъ изъ тѣхъ государственныхъ людей, которыми было сильно царствованіе Екатерины. Его дѣятельность, какъ администратора русскихъ окраинъ, могла бы и въ наше время послужить примѣромъ управленія этими областями. При немъ, балтійскіе Нѣмцы учились говорить по-русски; Поляки югозападныхъ губерній забывали упражняться въ подпольныхъ интригахъ. — Беклешовъ былъ предмѣстникомъ и преемникомъ Обольянинова, по должности генералъ-прокурора, въ которой оставался до учрежденія министерствъ. Въ 1804 г., онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву; въ 1806 г., вышелъ въ отставку; а во время образованія Земскаго войска, избранъ въ главнокомандующіе второю областью сего войска; умеръ 24 іюля 1808 г..

[3]) У Шишкова тоже есть „Стихи, сочиненные при возшествіи на престолъ императора Александра Перваго (Собр. соч. и перев., ч. XIV, стр. 177). — Въ дневникѣ И. А Второва (Соч. Державина. 1865. II, стр. 363) читаемъ: „Всѣ пишутъ въ похвалу его (Александра) стихи и прозу, грамотные и безграмотные, кто какъ умѣетъ; и (чего никогда не бывало) пишутъ то, что прежде чувствовали и что нынѣ чувствуютъ.“ Упомянувъ о стихахъ поднесенныхъ новому императору Державинымъ и Карамзинымъ, г. Второвъ продолжаетъ: „Много было стихотвореній прекрасныхъ и самыхъ уродливыхъ, каковы, напримѣръ, князя Ал. Голицына, а особливо площаднаго стихомарателя Тодорскаго и проч. и проч.... Многіе писали, въ подражаніе г. Державину, весьма свободно.“

залось, предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старый, благотворный образъ правленія. Можетъ быть, не взирая на трехъ-лѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ, ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало, и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ; и какъ напротивъ второе, оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины, устремившееся съ любовью по путямъ предшествовавшаго ей царствованія Петра Третьяго, продолжалось столь-же кратковременно, еще болѣе мятежно, и кончилось, равно какъ и то, такимъ-же преступленіемъ, ужаснымъ, но до такой степени для всѣхъ вожделѣннымъ, что виновники онаго не могли быть ни осуждаемы, ни обвиняемы; еслибъ, говорю, истребляя мало по малу всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ возрастутъ и усилятся, и приведя все гражданское и нравственное въ прежній порядокъ и устройство, пріучили они государя, еще неискуснаго и младаго, обращать вниманіе свое на важныя государственныя дѣла и занятія, а не на тѣ, которыхъ существенная часть состоитъ въ одной только наружности и увеселеніи зрѣнія: тогда бы вѣроятно принесли они великую пользу ему и царству.*)

*) Читая на иностранныхъ языкахъ сочиненія объ Россіи нѣкоторыхъ благоразумныхъ и безпристрастныхъ (весьма впрочемъ рѣдкихъ) писателей, находимъ мы слѣдующія ихъ сужденія. См. L'Hermite en Russie, ou observations sur les moeurs et les usages russes, au commencement du XIX siècle. Par E. Dupré de St. Maure. T. 1. No. VIII. p 98. Сочинитель сей книги, жившій въ Петербургѣ съ 1819 по 1824 годъ, подъ заглавіемъ: Catherine II, говоритъ объ ней: „l'impératrice Catherine règne encore içi; le grand seigneur, le paysan, le vieux soldat, le manoeuvre, — tous parlent de cette souveraine avec enthousiasme, tous la bénissent. Il y a plus que de l'admiration et du respect dans ce concert de louanges, où l'on ne croit entendre que la même voix: tant les âmes sont dominées par le même sentiment!" — Совершенная правда, тѣми только молодыми людьми непризнаваемая, которые безъ всякихъ внутреннихъ достоинствъ напыщенные самолюбіемъ, судятъ о томъ понаслышкѣ отъ писателей, о коихъ сочинитель продолжаетъ говорить: „De cyniques écrivains présentèrent le règne de Catherine sous de honteux aspects; c'est avilir la plume et manquer le but qu'on se propose. La gloire de l'illustre souveraine est à l'abri de ces vaines atteintes; tout écrivain qui aurait la monstruense pensée, en parlant de Periclés, d'Auguste, d'Adrien, de Trajan, de Gustave, de Fréderic, d'isoler de leur vie les faits mémorables et les grandes qualités qui font honorer leur mémoire, pour ne retracer que leurs faiblesses ne serait point un historien, ni même un faiseur de mémoires, mais un libelliste." — Онъ же, нѣсколько по-выше, сказалъ объ Екатеринѣ: „Les Russes,

Но вмѣсто сего, обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ, за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли при всѣхъ служителяхъ гласно и громко низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія. Шумныя празднества сіи устрашили дворъ и дали время оставленному царю сблизиться съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто ве-

étaient convaincus que l'impératrice les aimait; voilà ce qui explique cette sorte d'adoration qui, en lui survivant, honore tant sa mémoire." — Вотъ что надлежало бы больше всего внушать молодому государю. Любовь къ народу своему есть первѣйшее въ царѣ достоинство: она пріобрѣтаетъ ему сердца подданныхъ, рождаетъ въ нихъ благодарность, вѣрность, усердіе; она соблюдаетъ вѣру, предѣлы, языкъ, славу, честь и благоденствіе царства; хранитъ правду, законы, надежду на нихъ и безопасность каждаго и всѣхъ; уважаетъ древнія постановленія предковъ, не разрушая ихъ легкомысленно; покровительствуетъ даже обрядамъ и обычаямъ и самому одѣянію, не перемѣняя онаго на чужое, худшее. Тотъ же сочинитель весьма справедливо говоритъ о нарядахъ нашихъ купчихъ и простыхъ женщинъ: „les femmes renoncent, je ne sais pourquoi, au costume national pour porter fort gauchement la caricature de nos modes"; — или о нарядахъ знатныхъ госпожъ, кои могъ онъ видѣть только въ маскерадахъ: „je vois plusieurs grandes dames vêtues à la russe. Rien de si noble, ni de plus gracieux que ce costume; non seulement il relève la beauté des femmes, mais il en donne à celles qui en sont dépourvues; on s'étonne d'après cela qu'elles l'aient volontairement abandonné pour les modes méridionales." — Можетъ быть Петръ Первый, во многомъ великій и прозорливый, въ семъ случаѣ не предвидѣлъ, что изъ того выдутъ послѣдствія, которыя отдалятъ насъ отъ своего собственнаго и привлекутъ болѣе нежели должно ко всему чужеземному. Далѣе тотъ-же сочинитель, приводя Сегюровы слова объ Екатеринѣ, сказанныя ему королемъ прусскимъ, во время проѣзда его чрезъ Берлинъ въ Петербургъ (см. въ сихъ Запискахъ стран. 14), говоритъ: „Ce témoignage est un acte de probité de la part du roi, puisqu' à l'époque du passage de m. de Ségur à Berlin, la Russie et la Prusse étaient en délicatesse. D'ailleurs, en 1762, année où mourut Pierre III, Fréderic avait un ambassadeur à Pétersbourg, et peut-être mieux que cela; il fut donc parfaitement au courant des moindres détails de la révolution. Si l'on ajoute à cela que Fréderic était naturellement malin, peu disposé a l'indulgence pour les femmes, et surtout pour les femmes-rois, regrettant Pierre III, qui avait pour lui un engouement fanatique; si l'on se dit enfin que le roi s'entretenait avec un diplomate qui allait représenter le roi de France à la cour de Catherine, on restera convaincu que cet hommage rendu à l'impératrice fut commandé à Fréderic par un sentiment impérieux de justice et de vérité." Такъ о семъ происшествіи говорили Фридрихи. Такъ пишутъ благоразумные иностранцы. Русскіе молокососы! (ибо по несчастію есть такіе) простительно ли послѣ сего вамъ, ничего незнающимъ, чернить память великой, преславно царствовавшей императрицы?!

селящихся и празднующихъ. Чарторижскій, Строгоновъ, Новосильцевъ [1]), Чичаговъ и другіе сдѣлались его наперсниками. Окруженный ими, вскорѣ почувствовалъ онъ власть свою, и, чрезъ нѣсколько дней, пирующіе и притомъ-же не имѣвшіе должнаго между собою единодушія, увидѣли въ немъ повелителя, не требовавшаго болѣе руководства ихъ; и одинъ изъ главныхъ, дѣйствовавшихъ въ сей перемѣнѣ, лицъ, военный градоначальникъ Паленъ, отрѣшенъ былъ отъ своей должности и высланъ изъ города. Другіе должны были умолкнуть и уступить новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ

---

[1]) Эти три имени неразрывно связаны съ преобразованіями первыхъ лѣтъ царствованія Александра I. — Князь Адамъ Чарторыжскій былъ привезенъ въ Петербургъ, въ видѣ заложника, послѣ втораго раздѣла Польши. Екатерина назначила его адъютантомъ къ старшему своему внуку, который такъ сблизился съ нимъ, что императору Павлу показалось не лишнимъ удалить отъ сына вкрадчиваго Поляка: онъ послалъ его въ Римъ, въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ при изгнанномъ изъ своихъ владѣній королѣ сардинскомъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ Павловичъ вызвалъ его въ Петербургъ, гдѣ хотя, впродолженіи двухъ лѣтъ, Чарторыжскій и не занималъ никакой должности, но имѣлъ значительное вліяніе на государственныя дѣла. Въ 1803 г., Чарторыжскій сталъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, не смотря на то, что носилъ только званіе товарища министра; въ 1815 г., онъ былъ сдѣланъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа; а въ 1821 совершенно удалился отъ дѣлъ. Возстаніе 1830 года выдвинуло Чарторыжскаго въ передовые ряды революціонныхъ двигателей; съ тѣхъ поръ онъ постоянно оставался душою всѣхъ движеній польской аристократической партіи. Умеръ въ Парижѣ въ 1861 г., на 91-мъ году жизни. — Гр. Павелъ Александровичъ Строгоновъ, по учрежденіи министерствъ, получилъ званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1806 г., онъ перешелъ въ военную службу, съ чиномъ генералъ-маіора; участвовалъ во всѣхъ нашихъ войнахъ съ Наполеономъ и умеръ въ 1817 г.. Строгоновъ оставилъ чрезвычайно важные историческіе документы — составленные имъ протоколы засѣданій того негласнаго комитета, которымъ былъ такъ силенъ тройственный союзъ юныхъ любимцевъ Александра (Вѣстн. Евр. 1866. I, въ ст. г. Богдановича, стр. 172—194). — Николай Николаевичъ Новосильцевъ (впослѣдствіи графъ) былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ этого комитета Постоянный докладчикъ государя, почти по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія, онъ пользовался, если не большею долею любви своего царственнаго друга, то большимъ довѣріемъ его къ своимъ совѣтамъ. Въ 1803 г., онъ былъ назначенъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа, затѣмъ президентомъ академіи наукъ, товарищемъ министра юстиціи и предсѣдателемъ коммиссіи составленія законовъ. Позже, до 30-го года, занималъ должность императорско-царскаго коммиссара въ царствѣ польскомъ; а съ 1834 г. до самой смерти, былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ по несчастію наставникомъ своимъ француза Лагарпа[1]), внушавшаго ему таковыя же понятія *). Избранные по сходству мыслей, любимцы сіи, поставляя главнѣйшее достоинство свое въ презрѣніи къ чинамъ и знакамъ отличій, вздумали безъ нихъ и безъ всякихъ заслугъ, по одной къ нимъ привязанности монаршей, сдѣлаться и законодателями, и вельможами, и полководцами: равняясь со всѣми, хотѣли быть выше всѣхъ. Такимъ образомъ торжественное обѣщаніе царское *идти по стопамъ бабки своей* не исполнилось. Все то, чего при ней не было, и что въ подражаніе Пруссакамъ введено послѣ ней, осталось ненарушимымъ: тѣже по военной службѣ приказы, ежедневныя производства, отставки, мелочныя наблюденія, вахтъ-парады, экзерциръ-гаузы, шлагъ-баумы**) и проч. и проч.; тажъ раздача орденовъ лѣкарямъ и монахамъ***). Однимъ словомъ

*) Если императрица Екатерина Вторая можетъ въ чемъ-либо укоряема быть непредусмотрительностью, такъ это въ томъ, что ввѣрила внучатъ своихъ подобному наставнику. Она узнала свою ошибку: Лагарпъ былъ удаленъ отъ своего званія и прогнанъ изъ Россіи, но уже поздно[2]). Самое изгнаніе сіе, долженствовавшее возбудить нѣкоторое о немъ сожалѣніе, послужило можетъ быть къ сильнѣйшему укорененію внушенныхъ имъ правилъ и мыслей.

**) Однажды Трощинскій сдѣлалъ представленіе о снятіи шлагъ-баумовъ, отъ которыхъ, кромѣ случавшихся иногда отъ сорванія верха каретъ несчастій и безнужныхъ въ проѣздѣ остановокъ, ничего полезнаго не оказалось. Государь сперва согласился, но потомъ раздумалъ и поднесенной къ подписанію его бумаги не подписалъ

***) Это завелось при Павлѣ. Ни Петръ Первый, ни Екатерина Вторая оба великіе, не жаловали ни монаховъ ни лѣкарей въ конники (имя кавалеръ происходитъ отъ слова cavallo, конь, лошадь). Они справедливо разсуждали, что званія сіи носятъ на себѣ врачи душъ и тѣлесъ человѣческихъ.

[1]) Называя Лагарпа Французомъ, Шишковъ вѣроятно смѣшиваетъ его съ знаменитымъ критикомъ Лагарпомъ, авторомъ извѣстнаго „Лицея" и менѣе извѣстной „Литературной переписки съ вел. кн. Павломъ Петровичемъ." Воспитатель императора Александра былъ родомъ Швейцарецъ; по возвращеніи изъ Россіи, онъ игралъ дѣятельную роль въ политическихъ переворотахъ своего отечества и, съ помощью своего могущественнаго воспитанника, достигъ признанія независимости Ваадтскаго кантона.

[2]) Объ интригахъ, вслѣдствіи которыхъ Екатерина рѣшилась удалить Лагарпа, см. въ отрывкѣ изъ его „Записокъ," помѣщенномъ въ Русск. Арх. 1866, ст. 75—94.

Павлово царствованіе, хотя не съ такою строгостью, но съ подобными же иностранцамъ подражаніями и нововведеніями еще продолжалось. Мы наконецъ увидимъ какія изъ сего произошли последствія. Но обратимся теперь къ бывшимъ собственно со мною приключеніямъ.

и что первые изъ нихъ смиренномудріемъ и благочестіемъ, а другіе искуствомъ науки своей и человѣколюбивымъ о больныхъ попеченіемъ должны пріобрѣтать почтеніе и любовь народную. Димитрій Ростовскій, Гермогенъ, Палицынъ не были кавалерами, но память ихъ не престанетъ гремѣть и благословляться между потомками. Платонъ [1]), при письмѣ, возвратилъ Павлу присланный отъ него александровскій орденъ, сказавъ, что, при божественномъ на груди его знакѣ Христа Спасителя, другіе свѣтскіе знаки отличія не могутъ быть совмѣстны; но Павелъ съ гнѣвомъ и угрозами принудилъ его принять оный. Сожалѣтельно, что сей достопочтенный архипастырь не возобновилъ о семъ, хотя бы и безуспѣшно, представленія своего Александру Первому. — При Екатеринѣ, собственный ея докторъ Рожерсонъ [2]) былъ въ великомъ отъ ней и отъ всѣхъ уваженіи. Онъ самъ чрезвычайно ее любилъ и долго служилъ при дворѣ. Однажды она занемогла; онъ, опасаясь чтобъ болѣзнь ея не усилилась, прописалъ ей лѣкарство; но боялся, что она его не приметъ, потому что она не любила лѣчиться. Съ сими мыслями приноситъ ей лѣкарство и совѣтуетъ принять. Она тотчасъ послушалась и приняла. Рожерсонъ, не ожидавшій сего, такъ обрадовался, что, потрепавъ ее по плечу, сказалъ: — „Браво, браво, мадамъ!" — Марья Савишна Перекусихина [3]), бывшая тому свидѣтельницею, на другой день увидя его, стала смѣяться, что онъ по плечу трепалъ императрицу. — „Какъ!" вскричалъ онъ, „не-ужъ-ли я это сдѣлалъ?" — Восторгъ и радость его въ сіе время были такъ велики, что онъ невольно и не чувствуя того изъявилъ ихъ симъ простодушнымъ образомъ. Онъ не имѣлъ никогда ордена, но орденъ не сдѣлалъ бы его больше почтеннымъ. — Нѣкто французскій писатель, разсуждая о семъ, разсказываетъ слѣдующую, случившуюся у насъ, быль, можетъ быть небывалую, но которая легко могла статься: „Одному доктору, говоритъ онъ, дана была черезъ плечо лента. Онъ въ такомъ былъ отъ ней восхищеніи, что съ сожалѣніемъ снималъ ее, когда спать ложился. Между тѣмъ, богатая купеческая жена присылаетъ просить его къ мужу своему, вдругъ занемогшему. Онъ пріѣзжаетъ въ лентѣ. Распрашиваетъ больнаго, лежащаго въ постели, о его болѣзни; но тотъ не отвѣчаетъ ему ни слова; однакожъ докторъ прописываетъ ему длинный рецептъ и уѣзжаетъ. Тогда больной пеняетъ женѣ своей: „зачѣмъ ты призвала ко мнѣ этого знатнаго господина? какъ могъ я съ его превосходительствомъ говорить о моихъ кишкахъ и показывать ему языкъ свой? Заплати пожалуйста ему деньги и позови ко мнѣ другого, который бы не такъ напугалъ меня своею лентою."

---

[1]) Московскій митрополитъ, бывшій законоучителемъ Павла Петровича.

[2]) Иванъ Самойловичъ.

[3]) Извѣстная своею безкорыстною преданностью императрицѣ Екатеринѣ камеръ-юнгфера (1739—1824).

Находясь нѣкоторымъ образомъ при лицѣ покойнаго императора, я просилъ доложить государю, считаться-ли мнѣ въ сей должности или нѣтъ? и получилъ повелѣніе быть на томъ-же самомъ основаніи, какъ и прежде. Вскорѣ графъ Кушелевъ вышелъ въ отставку, и мѣсто его, то есть старшаго въ адмиралтейской коллегіи, заступилъ адмиралъ Мордвиновъ. Настало время коронаціи: государь поѣхалъ въ Москву. По болѣзни Мордвинова, приказано мнѣ было сопровождать его и быть при немъ докладчикомъ. Въ Москвѣ, ничего достопримѣчательнаго со мною не случилось. Платонову, въ день коронаціи, рѣчь читалъ я съ восхищеніемъ. Возвратясь въ Петербургъ продолжалъ я нѣсколько времени ходить съ докладами, но примѣчалъ, не зная тому причины, что государь становился ко мнѣ холоднѣе. Въ одинъ день пріѣхалъ я въ Гатчину. Трощинскій, по выходѣ отъ него, прочиталъ мнѣ съ пасмурнымъ лицомъ новое въ Россіи учрежденіе министерствъ, вмѣсто коллегій [1]). Признаюсь, что сія перемѣна, разрушавшая постановленіе Петра Великаго и Екатерины Второй крѣпко меня опечалила: казалось мнѣ, что многое послѣ сего не устоитъ на своемъ мѣстѣ, и что новый порядокъ и новое преобразованіе вещей едвали поведутъ насъ по лучшему пути, нежели тотъ, который проложенъ былъ толь мудрыми монархами.

По выздоровленіи Мордвинова, пересталъ я быть докладчикомъ; а слѣдующій случай и совсѣмъ удалилъ меня отъ двора. Мордвиновъ, пріѣхавъ однажды въ коллегію, говоритъ мнѣ: — „Скажу тебѣ новое, непріятное; но какъ ты человѣкъ хладнокровный, то не думаю, чтобъ тебя это очень огорчило. Чичаговъ производится въ вице-адмиралы и становится старѣе тебя. Вотъ бумага, которую государь приказалъ мнѣ принесть къ себѣ для подписанія.“ — „Пожаловать можно,“ отвѣчалъ я, „но почемужъ дѣлается онъ старѣе меня?“ — „Вотъ прочитай бумагу,“ сказалъ онъ, „такъ и увидишь.“ — Я взялъ ее, прочиталъ, и вижу, что въ ней написана совершенная ложь, а именно: будто-бы Чичаговъ съ того дня имѣетъ право считаться въ контръ-адмиральскомъ чинѣ, когда покойный государь, въ первые дни царствованія своего, размѣщая, при выходѣ своемъ на вахтъ-парадъ, генераль-

[1]) Манифестомъ 8-го сентября 1802 г. учреждено восемь министерствъ, изъ которыхъ однако военное, морское и иностранныхъ дѣлъ сохранили прежнее свое коллегіальное устройство. Первыми министрами были назначены: военнымъ — Вязмитиновъ, морскимъ — Мордвиновъ, иностранныхъ дѣлъ — гр. Воронцовъ, юстиціи — Державинъ, внутреннихъ дѣлъ — гр. Кочубей, финансовъ — Васильевъ, коммерціи — гр. Румянцовъ, просвѣщенія — гр. Завадовскій.

скіе чины по мѣстамъ, велѣлъ бригадирамъ стать вмѣстѣ съ генералъ-маіорами; и какъ это было прежде нежели я пожалованъ былъ въ генералъ-адъютанты, то Чичаговъ, сдѣлавшійся въ великой милости у государя, и увѣрилъ его въ старшинствѣ своемъ передо мною. — „Это совсѣмъ несправедливое показаніе," сказалъ я, прочитавъ бумагу: „изустное на вахтъ-парадѣ повелѣніе, чтобъ бригадиры стояли вмѣстѣ съ генералъ-маіорами (то есть ногами на землѣ, а не именами въ спискѣ) отнюдь не было пожалованіе ихъ въ сей чинъ; ибо они, равно какъ и самъ Чичаговъ, гораздо послѣ произведены въ оный, о чемъ легко можно справиться въ печатныхъ тогдашнихъ приказахъ. Государь воленъ его пожаловать чѣмъ хочетъ; но ежели въ указѣ прописана будетъ упоминаемая здѣсь причина, по которой отдается ему старшинство передо мною, то я завтра же подамъ его величеству просьбу съ неоспоримыми доказательствами, что о причинѣ сей донесено ему несправедливо. Да сверхъ того и всѣ другіе, бывшіе тогда съ нимъ бригадиры, будутъ по примѣру его имѣть право просить о томъ же." — Мордвиновъ не могъ не пересказать сего обстоятельства государю, и производство Чичагова, не взирая на всю случайность и на то, что онъ разгласилъ уже о томъ отцу своему*), братьямъ и всѣмъ морскимъ офицерамъ, было остановлено. Можно себѣ представить до какой степени честолюбіе его, а особливо противъ меня, было раздражено! Вскорѣ однакожъ потомъ былъ онъ произведенъ въ вице-адмиралы и сдѣланъ товарищемъ министра[2]), съ страннымъ правомъ — не министру, а ему ходить съ докладами къ государю.

Мордвиновъ весьма несправедливымъ образомъ оскорбленъ былъ еще новою непріятностью: въ Кронштадтѣ недоставало съѣстныхъ припасовъ, которые надлежало немедленно туда доставить, потому что ожидаемое съ дня на день пресѣченіе сообщенія съ берегомъ могло на нѣсколько недѣль произвесть тамъ голодъ. Мордвиновъ, по полученіи о семъ донесенія, не упуская ни часа времени, поручилъ генералъ-кригсъ-коммиссару Кушелеву отыскать подрядчика и заключить съ нимъ договоръ о доставленіи туда, непремѣнно прежде нежели пре-

*) Адмиралъ Чичаговъ, отецъ его, былъ еще тогда живъ; онъ, по смерти Павловой, пріѣхалъ въ Петербургъ, но уже въ болѣзненномъ состояніи, отъ котораго и жизнь его скоро пресѣклась[1]).

[1]) 4 апр. 1809 г..

[2]) По первоначальнымъ штатамъ, въ министерствахъ — военномъ, морскомъ и коммерціи, товарищей министровъ не полагалось.

рвано будетъ сообщеніе, условнаго количества хлѣба, по петербургской цѣнѣ, и не возвышая оной въ Петербургѣ. Договоръ сей былъ заключенъ и исполненъ. Такимъ образомъ, безъ ущерба казны, отвращенъ былъ въ Кронштадтѣ голодъ. Но государю было это представлено въ видѣ самовольнаго дѣйствія, учиненнаго безъ доклада о томъ и безъ наблюденія должныхъ формъ (чрезъ которыя, какъ думалъ Мордвиновъ, могло бы упущено быть время къ предупрежденію наступавшаго зла); почему и требовали отъ него отвѣта. Онъ такъ этимъ огорчился, что не хотѣлъ болѣе остаться въ службѣ и вышелъ въ отставку. Послѣ него Чичаговъ, по званію товарища, сдѣлался первенствующимъ въ коллегіи лицомъ. Употребленный къ содѣланію вышеозначеннаго подряда, генералъ-кригсъ-коммиссаръ Кушелевъ подвергся еще и другому, на него собственно устремленному гоненію. Изъ Кронштадта, отъ нѣкоторыхъ капитановъ корабельныхъ присланы были прямо къ государю жалобы, или лучше сказать доносы, на отпускъ въ ихъ команды худыхъ, несходныхъ съ образцами, суконъ, при чемъ приложены были и образчики оныхъ. Государь препроводилъ сіи доносы въ коллегію, съ строгимъ повелѣніемъ дѣло сіе изслѣдовать. Коллегія послала Кушелева въ Кронштадтъ, приказавъ ему сукна сіи освидѣтельствовать и съ подробностью о томъ донести. Кушелевъ, по прибытіи въ Кронштадтъ, собралъ всѣхъ генераловъ, офицеровъ и служителей; велѣлъ принесть опороченныя сукна, которыя оказались не только не уступающими тѣмъ образцамъ, по коимъ приняты, но еще и превосходнѣйшими оныхъ, и что присланные къ государю образчики отрѣзаны были не отъ самыхъ суконъ, но отъ кромокъ ихъ. Кушелевъ, при свидѣтельствѣ всѣхъ, велѣлъ отъ сихъ суконъ отрѣзать большіе куски, и всѣ, не исключая и доносившихъ капитановъ, принуждены были, съ приложеніемъ печатей, подписать, что куски отрѣзаны точно отъ тѣхъ суконъ, которыя ими приняты. Такимъ образомъ Кушелевъ, изоблича ложные доносы, написалъ къ государю письмо, прося у него впредь отъ подобныхъ клеветъ защиты. Послѣдовавшее на то рѣшеніе состояло въ томъ, что онъ былъ уволенъ отъ службы. Обстоятельство сіе, едва вѣроятное, показываетъ въ какой довѣренности Чичаговъ былъ у государя, и съ какою дерзостью и неблагоразуміемъ осмѣливался представлять ему очевидныя несправедливости; ибо во-первыхъ капитаны, безъ его приказанія, или внушенія, не смѣли бы отнестись прямо къ государю съ такими доносами, которыми они сами себя обвиняли, поелику еслибъ сіи сукна и въ самомъ дѣлѣ были ниже образцовъ, то надлежало имъ,

не принимая ихъ, тогда же о томъ донести; и во-вторыхъ, они бы не осмѣлились обманывать государя присылкою къ нему образчиковъ, отрѣзанныхъ вмѣсто суконъ отъ кромокъ ихъ. Безсомнѣнія поступокъ, толь дерзновенный, долженствовалъ заключать въ себѣ надежду на покровительство.

Но слѣдующій случай покажетъ еще дѣло, несравненно болѣе сего странное. Въ коллегіи, при Мордвиновѣ еще, началась балотировка, обыкновенно бывающая при производствѣ изъ чина въ чинъ. Балотировка сія уставлена Петромъ Великимъ на слѣдующемъ основаніи: всѣ флотскіе чины, выключая главнѣйшихъ флагмановъ, то есть адмираловъ и вице-адмираловъ, производились по отбиранію общаго о ихъ достоинствахъ мнѣнія посредствомъ шаровъ, изъ которыхъ одни были *бѣлые* (избирающіе), другіе — *черные* (не избирающіе), третьи — *сомнительные* (не говорящіе, по незнанію балотируемаго, ни въ пользу его, ни во вредъ). По изъятіи сихъ послѣднихъ, когда найдется, что положено двѣ трети черныхъ и одна треть бѣлыхъ шаровъ, тогда балотируемый обходится, не производится въ чинъ. Балотировка сія, при Павлѣ, была уничтожена; и съ того времени, въ первый разъ, возобновлена, по ходатайству Мордвинова. Она при немъ началась и, по отставкѣ его, продолжалась, но уже совсѣмъ не на томъ основаніи. Чичаговъ, желая отличить себя новою выдумкою, испросилъ чудный указъ, по которому должно было обходить всякаго, кому положенъ будетъ хоть одинъ черный, или сомнительный шаръ.*) Я, какъ членъ коллегіи, находился при началѣ сей балотировки, и когда, во время продолженія оной, прочитали сіе новое постановленіе, тогда я всталъ и сказалъ, что я не кладу моего шара закрытымъ образомъ, а прошу всякій разъ, какъ вынутъ шары изъ ящика, прилагать къ нимъ шаръ мой всегда бѣлый. — „Зачѣмъ это?" — спросили у меня. — „Затѣмъ," отвѣчалъ я," что когда на прежнемъ основаніи балотировали, тогда однимъ моимъ чернымъ шаромъ не наносилъ я никому вреда, покуда большая половина членовъ такими же черными шарами не подтвердятъ моего мнѣнія; но когда одинъ мой голосъ, не взирая на всѣ другіе, противные

---

*) Къ сему присовокуплена была еще не меньше странная статья, а именно: чтобъ изъ тѣхъ, коимъ положены будутъ всѣ шары чистые, предоставить двѣ трети производить адмиралтейской коллегіи, а остальную треть самому государю. На это, при прочтеніи сей статьи, нѣкто, сидѣвшій подлѣ меня, шепнулъ мнѣ на ухо: „Ну, ежели случится, что изъ многихъ выбалотируютъ только однаго или двухъ, — какимъ же образомъ коллегія подѣлится съ государемъ?"

моему, останавливаетъ производство офицера, то я самому себѣ, какъ человѣкъ, могущій ошибиться, меньше вѣрю, чѣмъ всѣмъ другимъ, и потому не хочу, чтобъ кто нибудь подозрѣвалъ меня въ положеніи ему чернаго шара." — О сихъ словахъ моихъ, можетъ быть перетолкованныхъ въ худую сторону, доведено было до свѣденія государя, поелику я, на другой же день, получилъ повелѣніе не быть болѣе при балотированіи. По окончаніи онаго, многіе изъ лучшихъ капитановъ и офицеровъ были обойдены. Изъ числа ихъ, нѣкто Гревенцъ приходитъ ко мнѣ и съ великимъ огорченіемъ сказываетъ, что его обошли, и что онъ идетъ въ отставку. Я пожалѣлъ о немъ, зная, что состояніе его не позволяло ему лишиться жалованья и мѣста. На другой день, пришелъ онъ и говоритъ, что Чичаговъ призывалъ его къ себѣ и уговаривалъ остаться въ службѣ; но онъ не согласился. Я не могъ ему ничего совѣтовать и промолчалъ. Спустя дня два или три, онъ опять приходитъ ко мнѣ и сказываетъ, что къ нему пріѣзжалъ статсъ-секретарь Муравьевъ [1]), отъ имени государя уговаривать его, чтобъ онъ не выходилъ въ отставку; но что онъ отвѣчалъ ему тоже, что и Чичагову, то есть, что если не произведутъ его нынѣ, то онъ продолжать службы не можетъ. Выслушавъ его, я смѣючись сказалъ: — „Да ты бы сдѣлалъ имъ слѣдующій вопросъ: за тебя говорятъ полученные тобою чины твои, георгіевскій крестъ и шпага за храбрость; за тебя говорятъ атестаты адмирала Чичагова, съ которымъ ты служилъ; за тебя говоритъ нынѣшній начальникъ, сынъ его; за тебя говорятъ всѣ первѣйшіе флотскіе чиновники, находившіеся при балотировкѣ" (ибо ему, при всѣхъ бѣлыхъ, положенъ былъ одинъ только черный шаръ); „наконецъ за тебя говоритъ самъ государь, поелику присылалъ уговаривать тебя, чтобъ ты не оставлялъ службы; то ты покорнѣйше просишь растолковать тебѣ, какимъ образомъ всѣ ихъ одобрительныя о тебѣ мнѣнія перевѣшиваетъ одинъ чей-то неизвѣстный голосъ?" — Послѣ сего мы съ нимъ разстались. Онъ вышелъ въ отставку, и я его больше не видалъ. — Другой капитанъ Коробка такимъ же образомъ былъ обойденъ, сталъ также проситься въ отставку, и также (какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ) уговаривали его остаться въ службѣ; но онъ не хотѣлъ; напослѣдокъ предложили ему двойное жалованье, если онъ останется. — „Чтожъ ты на это отвѣчалъ?" — спросилъ я у него съ удив-

---

[1]) При Александрѣ, было двое статсъ-секретарей, носившихъ эту фамилію: извѣстный писатель Михаилъ Никитичъ и Николай Назаровичъ.

леніемъ и любопытствомъ. Тогда онъ, вынувъ изъ кармана бумагу, прочиталъ мнѣ слѣдующій отвѣтъ свой министру: — „Имѣя жену и дѣтей, безъ всякихъ иныхъ, кромѣ жалованья, доходовъ, бѣдность моя, на условіи получать двойной окладъ, принуждаетъ меня съ уничиженіемъ и печалью остаться въ службѣ; но доселѣ служилъ я съ честью, а нынѣ, безъ всякихъ моихъ прослугъ обезчещенный, признаюсь, что не могу имѣть того духа усердія и честолюбія, какимъ я прежде пламенѣлъ и гордился." — Ни письмо сіе, ни очевидно худые отъ сего новаго постановленія плоды не могли подвигнуть къ отмѣнѣ онаго: оно долгое время оставалось ненарушимымъ [1]).

Возстанія мои противъ сего безсомнѣнія огорчали Чичагова, и доводимыя, какъ думать должно, въ неблаговидномъ образѣ, до свѣденія государя, возбуждали гнѣвъ его на меня, въ которомъ, по слѣдующему случаю, не могъ я долго сомнѣваться. Въ эрмитажѣ стали давать спектакели, куда имѣлъ я входъ, какъ по моему чину, такъ и потому что не переставалъ считаться при лицѣ государя. Вдругъ, начали въ театръ сей приглашать по билетамъ, чего прежде не было; и ко мнѣ билета не прислали, ни въ первый, ни во второй разъ. Удивляясь сему, вскорѣ послѣ того, на балѣ у однаго изъ иностранныхъ посланниковъ, увидѣлъ я оберъ-гофмаршала графа Толстого [2]). Я подошелъ къ нему и съ нѣкоторою досадою спросилъ: — „По какой причинѣ возбраненъ мнѣ входъ въ театръ эрмитажа? Если это по волѣ государя императора, то надлежитъ, чтобъ оная была мнѣ объявлена, а если нѣтъ, и въ будущій разъ не пришлютъ ко мнѣ билета, то я и безъ него приду." — Графъ Толстой, не давъ никакого удовлетворительнаго мнѣ отвѣта, пошелъ отъ меня къ Чичагову; и я видѣлъ, что они, говоря нѣчто между собою, оба смѣялись. Хотя изъ того довольно уже я понялъ, что это не безъ намѣренія случилось, однакожъ, полагая что можетъ быть государь объ этомъ

---

[1]) Мы не имѣемъ подъ рукой источниковъ, по которымъ могли бы провѣрить подробности постановленія, измѣнившаго учрежденное Петромъ Великимъ во флотѣ балотированіе; но знаемъ, что въ высочайше утвержденномъ докладѣ 28 сентября 1804 г. была статья, на основаніи которой балотируемый во флагманы и въ высшіе чины долженъ былъ считаться отстраненнымъ отъ производства, въ случаѣ полученія болѣе трети неизбирательныхъ голосовъ. Можетъ быть новое, порицаемое Шишковымъ условіе, дававшее такую силу одному неблагопріятному для балотируемаго голосу, касалось однихъ низшихъ офицерскихъ чиновъ.

[2]) Гр. Николай Александровичъ, братъ знаменитаго генерала гр. Петра Александровича, пользовался особенною благосклонностью Александра Павловича.

не знаетъ, на другой день пріѣхалъ я во дворецъ и попросилъ генералъ-адъютанта князя Волхонскаго [1]), чтобъ онъ о сей моей жалобѣ доложилъ государю. Волхонскій вышелъ отъ него и сказалъ: — „Государь приказалъ мнѣ объявить вамъ, что это сдѣлано было по его на то волѣ."

Съ того времени отсталъ я отъ двора; уклонился отъ всѣхъ его козней; не видался болѣе ни съ Чичаговымъ, ни съ кѣмъ изъ окружающихъ государя, и предался любимымъ моимъ упражненіямъ въ словесности и наукахъ. Мы четверо, а именно: Державинъ, Муравьевъ, Хвостовъ [2]) и я, уставили для чтенія вечера, и, въ назначенные дни, съѣзжались по очереди другъ къ другу. Нѣкоторые другіе любители русскаго языка присоединились къ нашему обществу, и мы провождали время съ пользою и пріятностью.

Между тѣмъ, Чичаговъ завелъ, при адмиралтейской коллегіи, ученый департаментъ, или лучше сказать распространилъ тотъ, который, въ маломъ видѣ, при Павлѣ Первомъ, заведенъ былъ мною [3]). Ему хотѣлось, чтобъ я въ семъ департаментѣ начальствовалъ; и хотя это сопрягалось съ нѣкоторою для меня почестью и собственною моею къ тому охотою, однакожъ онъ, по несогласію нашему, не былъ увѣренъ, чтобъ это меня съ нимъ примирило, и можетъ быть старался прежде найти удобный случай къ оказанію мнѣ какой нибудь услуги. Я заключаю это изъ слѣдующаго: въ самое сіе время получаю я письмо отъ одной, живущей въ деревнѣ, дѣвицы, дочери нѣкоторой госпожи въ дальнемъ со мною родствѣ, но которую я такъ давно не видалъ, что чуть ее помнилъ. Дѣвица сія пишетъ ко мнѣ о своемъ братѣ, морскомъ офицерѣ, разжалованномъ по несчастному случаю въ матросы. Она убѣждаетъ меня слезно исходатайствовать ему прощеніе; говоритъ, что больная мать ихъ не знаетъ о семъ случившемся съ сыномъ своимъ злополучіи, и что извѣстіе о томъ приключитъ

---

[1]) Кн. Петръ Михайловичъ, впослѣдствіи министръ двора и удѣловъ, и получившій отъ императора Николая титулъ свѣтлости и санъ фельдмаршала.

[2]) Александръ Семеновичъ, который потомъ занялъ мѣсто предсѣдателя однаго изъ четырехъ разрядовъ Бесѣды любителей русскаго слова; но онъ болѣе извѣстенъ своими дружескими отношеніями къ Державину, чѣмъ литературными трудами (см. о немъ Соч. Державина, акад. изд. Як. Грота, III, стр. 413, примѣч. къ стихотворенію — „А. С. Хвостову").

[3]) Подъ именемъ ученаго комитета. При этомъ комитетѣ, Шишковъ началъ издавать „Морскія Записки," прекратившіяся, кажется, на первой части (С. П. Б. 1800, — 325 стр. въ 4).

ей смерть. Письмо наполнено было такими жалкими выраженіями, что возбудило во мнѣ величайшее сожалѣніе и привело меня въ такое недоумѣніе, что я не зналъ, какъ и что мнѣ предпринять: не отвѣчать — было бы съ моей стороны неучтивость и жестокосердіе; отвѣчать, что я не въ силахъ сего сдѣлать, — поразило бы ихъ отчаяніемъ; подать имъ нѣкоторую къ тому надежду — было бы совершенный обманъ, потому что это не могло иначе сдѣлаться, какъ чрезъ Чичагова, съ которымъ я въ ссорѣ, избѣгалъ съ нимъ свиданія, и могъ ли надѣяться, чтобъ просьба моя имѣла какой-либо успѣхъ? Въ сихъ размышленіяхъ, пошелъ я пройтиться по Набережной. Иду задумавшись, и вдругъ слышу чей-то голосъ, здоровающійся со мною. Я взглянулъ и вижу Чичагова. Онъ ласковыми своими вопросами обо мнѣ принудилъ остановиться и вступить съ нимъ въ разговоры. Послѣ нѣсколькихъ словъ сказалъ я ему: — „Вамъ странно покажется, что въ положеніи нашемъ и при первой съ вами встрѣчѣ, я хочу обременить васъ моею просьбою, или лучше сказать не моею, но несчастной сестры и матери. Вотъ письмо: сдѣлайте милость, прочитайте его. Одно только это могло рѣшить меня прибѣгнуть къ вамъ съ моею докукою.“ — Онъ прочиталъ и отвѣчалъ мнѣ, что онъ не можетъ въ успѣхѣ сего меня увѣрить, потому что офицеръ сей недавно разжалованъ, и что государь на него очень гнѣвенъ. Я, пожавъ плечами и сказавъ только: — „бѣдная мать!“ — поклонился ему и пошелъ отъ него прочь. На другой день, получаю я отъ него письмо, въ которомъ увѣдомляетъ онъ меня, что офицеръ этотъ прощенъ и внесенъ въ списокъ на прежнее свое мѣсто. Поступокъ сей примирилъ меня съ нимъ: я поѣхалъ его благодарить; и тутъ предложилъ онъ мнѣ принять на себя званіе предсѣдателя въ новоучреждаемомъ при адмиралтейской коллегіи, ученомъ департаментѣ, на что я тѣмъ охотнѣе согласился, что это, какъ я выше упоминалъ, еще при покойномъ государѣ, заведено было мною; потомъ, по вступленіи Чичагова въ морское министерство, разрушено, и пожалованная мнѣ за то пенсія у меня отнята; а потомъ, по перемѣнѣ тогдашняго названія комитета въ департаментъ, снова гораздо обширнѣе учреждено, при чемъ отнятая у меня пенсія, по вступленіи моемъ въ сей департаментъ, мнѣ возвращена. И даже, при первомъ спектаклѣ въ эрмитажѣ, присланъ ко мнѣ (чего, какъ выше сказано, лишенъ я былъ) билетъ для входа въ оный. Всѣ сіи поступки Чичагова со мною, хотя можетъ быть больше на расчетѣ надобности, нежели на благорасположеніи ко мнѣ основанные, сблизили

меня съ нимъ, если не чистосердечною дружбою, то по крайней мѣрѣ прекращеніемъ явной между нами вражды. При открытіи департамента[1]), читалъ я сочиненную мною на сей случай рѣчь*), въ которой говорилъ о пользѣ сего заведенія, но, не умѣя льстить, не сказалъ ничего, или очень мало, въ похвалу Чичагова, чѣмъ конечно, по самолюбивому нраву его, не былъ онъ доволенъ. Впрочемъ, не взирая на изъявленіе всѣхъ сихъ царскихъ ко мнѣ благоволеній, видно было, что оныя не по его собственному побужденію, но противъ воли его исходатайствованы были, и что онъ оставался при тѣхъже внушенныхъ ему обо мнѣ худыхъ мысляхъ; ибо въ праздничные дни, во дворцѣ, онъ изъ предстоящихъ насъ вмѣстѣ со всѣми другими разговаривая, никогда не удостоивалъ меня не только словомъ, ниже взглядомъ. Сколько я ни старался къ такому незаслуженному мною обращенію быть равнодушенъ, однакожъ не могъ иногда не чувствовать досады. Однажды нѣкто изъ приближенныхъ къ нему изъявилъ мнѣ, въ присутствіи другихъ, сожалѣніе свое о сихъ его со мною поступкахъ. Сожалѣніе сіе такъ оскорбило мое самолюбіе, что я отвѣчалъ ему съ гордостью: — „Цари больше имѣютъ надобности въ добрыхъ людяхъ, нежели добрые люди въ нихъ." — Можетъ быть и сіе нѣсколько смѣлое изрѣченіе доведено было до его свѣдѣнія.

Возгорѣвшаяся съ Франціею война воспламенила всѣхъ молодыхъ людей гордостью и самонадѣяніемъ. Поскакали всѣ, и самъ государь, на поле сраженія: боялись, что Французы не дождутся ихъ и уйдутъ; но, по несчастію, они не ушли и доказали имъ, что въ подобныхъ случаяхъ лучше терпѣливая опытность, нежели неопытная опрометчивость. Послѣдовавшій вскорѣ за симъ тильзитскій миръ уничижилъ чело могущественной Россіи принятіемъ самыхъ постыднѣйшихъ для ней условій, превратившихъ презираемаго доселѣ и страшившагося насъ Бонапарте въ грознаго Наполеона. Онъ принудилъ насъ, а за нами уже легко и другія державы, какъ-то Австрію, Пруссію и проч., не только признать себя французскимъ императоромъ, но даже сдѣлался нѣкоторымъ образомъ повелителемъ и господиномъ надъ всѣми. Посолъ его

---

*) См. рѣчь сію въ Собраніи сочиненій моихъ, часть IV, стран. 1. [2]).

---

[1]) Первое засѣданіе новоучрежденнаго адмиралтейскаго департамента происходило 18 авг. 1805 г..

[2]) Была также напечатана отдѣльно: 24 стр. въ 8, безъ означенія года и мѣста печатанія.

Коленкуръ[1]), прибывшій въ Петербургъ, былъ первѣйшею въ немъ особою, едва не считавшею себя наравнѣ съ Александромъ Первымъ. Я не могъ безъ сокрушенія сердца видѣть сію возносчивость его и радовался только тому, что, не будучи въ кругу двора примѣтенъ, могъ избѣгать отъ непріятнаго для меня съ нимъ знакомства. Графъ Александръ Сергѣевичъ Строгоновъ уклонялся отъ приглашенія его въ домъ свой, но долженъ былъ сдѣлать это поневолѣ[2]). Чичаговъ напротивъ свелъ съ нимъ короткое дружество.

Въ промежуткахъ сего времени, произошли опять три такіе случая, которые могли подать поводъ государю императору къ неудовольствіямъ на меня. Я опишу сіи случаи для того больше, что не знаю за собою ничего другого, чѣмъ бы могъ я, кромѣ развѣ какой либо взведенной на меня совершенной клеветы, толь сильно, какъ мы послѣ услышимъ, очернить себя въ мысляхъ его.

1-е. Вскорѣ послѣ тильзитскаго мира, многимъ розданы были георгіевскіе кресты, безъ всякаго о подвигахъ ихъ извѣщенія; и какъ войски наши были побѣждены, и миръ заключенъ для насъ постыдный, то раздача сихъ крестовъ подала поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ. Сами получившіе ихъ, казалось, не привязывали къ нимъ должнаго уваженія; ибо скоро послѣ того, въ одинъ праздничный день, многіе изъ нихъ пріѣхали за государемъ въ церковь и стояли внѣ оной; въ это время идетъ мимо ихъ, пріѣхавшій изъ деревни, давно отставленный, морской бригадиръ Кожуховъ, старикъ, съ плѣшивою головой, въ старомъ тогдашняго покроя бѣломъ мундирѣ, какой носили до временъ Павловыхъ, и на немъ былъ третьей степени георгіевскій крестъ. Лишь только новые кавалеры увидѣли его, то всѣ оборотили на него глаза и, словно какъ бы крестъ его былъ не такой, какой на нихъ, говорили другъ другу: — „посмотрите, посмотрите на этого старичка! вѣрно

---

[1]) Маркизъ де Коленкуръ, герцогъ Виченцскій, оставался посломъ при русскомъ дворѣ съ 1807 по 1811 годъ; въ 1808 г., онъ сопровождалъ императора Александра въ Эрфуртъ. Еще прежде, въ 1801 году, Коленкуръ находился въ Петербургѣ, въ качествѣ представителя республиканской Франціи. Рѣзкій отзывъ о немъ Вигеля (Воспоминанія, т. II, ч. 3, стр. 10, какъ о дерзкомъ холопѣ, гордившемся успѣхами и могуществомъ своего господина, едва-ли не близокъ къ истинѣ.

[2]) Домъ этого стараго вельможи былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ; тѣмъ больше значенія имѣла уклончивость Строгонова отъ знакомства съ спѣсивымъ посломъ. Отецъ царскаго любимца былъ въ то время оберъ-камергеромъ и президентомъ академіи художествъ.

крестъ этотъ не безъ заслугъ ему данъ; онъ дѣлаетъ его толь почтеннымъ, что всякому хочется поцаловать его въ плѣшивую голову." — Я самъ разговоръ этотъ слышалъ и подумалъ: вотъ какое уваженіе сохраняютъ еще полученные въ Екатеринино время чины и знаки отличія! — На другой день пріѣзжаю я въ свой департаментъ. Тамъ, съ графомъ Мейстеромъ [1]), между прочимъ зашла у насъ рѣчь о томъ, какъ худо люди о сихъ неблаговременно сдѣланныхъ наградахъ толкуютъ. Тогда вынялъ онъ изъ кармана бумажку съ написанными на ней французскими стишками, въ которыхъ, хотя безъ большой желчи, однакожъ съ довольнымъ остроуміемъ и справедливо, сія раздача крестовъ осуждается. Я, прочитавъ ихъ, хотѣлъ отдать назадъ; но Мейстеръ сказалъ мнѣ, чтобъ я оставилъ ихъ у себя, если хочу. Такимъ образомъ остались они у меня. Въ этотъ день обѣдалъ я у Саблукова [2]), и тутъ же былъ нѣкто Родивонъ Александровичъ Кошелевъ [3]). Онъ послѣ обѣда заговорилъ о тѣхъ же самыхъ въ городѣ толкахъ. Я къ этому примолвилъ, что ужъ и эпиграммы на это пишутъ, и показалъ ему данные мнѣ стишки. Онъ сталъ меня просить, чтобъ я далъ ему списать ихъ. Я отвѣчалъ, что онъ, и безъ списыванія, можетъ эту бумажку оставить у себя. Черезъ нѣсколько дней, приходитъ ко мнѣ полицейскій офицеръ, отъ имени главнаго въ городѣ начальника, генерала Вязмитинова [4]), съ сими самыми стихами и съ вопросомъ, отъ кого я ихъ получилъ? Удивясь сей присылкѣ, и не желая графа Мейстера ввесть въ какую-либо непріятность, буде, паче чаянія, онъ сочинилъ ихъ, отвѣчалъ я офицеру, что

---

[1]) Гр. Ксаверій де Местръ (de Maistre), послѣ занятія Савоіи французскими войсками, переселился въ Россію, гдѣ долго жилъ, содержа себя продажей произведеній своей кисти. Въ 1808 г., пріѣхалъ въ Петербургъ посланникомъ сардинскаго короля старшій братъ Ксаверія, гр. Іосифъ, который скоро обворожилъ всю столицу; по его рекомендаціи, Ксаверій былъ принятъ на русскую службу и получилъ мѣсто сначала въ адмиралтейской коллегіи, а потомъ въ генеральномъ штабѣ; за участіе въ персидской войнѣ, онъ получилъ чинъ генералъ-маіора (1827). Но принадлежа Россіи по службѣ и по симпатіямъ, гр. Кс. де Местръ принадлежитъ Франціи, какъ талантливый писатель.

[2]) Александръ Александровичъ, сенаторъ и начальникъ петербургскаго воспитательнаго дома, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта, заслужилъ всеобщее уваженіе строгою честностью и прямотой убѣжденій.

[3]) При Екатеринѣ, онъ состоялъ въ числѣ кавалеровъ вел. кн. Александра Павловича, въ царствованіе котораго онъ сдѣлался членомъ государственнаго совѣта, оберъ-гофмейстеромъ и предсѣдателемъ коммиссіи прошеній. Былъ дѣятельнымъ масономъ.

[4]) Сергѣй Козьмичъ, бывшій до того генералъ-губернаторомъ въ Уфѣ, потомъ военнымъ министромъ.

самъ увижусь съ Вязмитиновымъ; и тотчасъ поѣхавъ къ нему, сказалъ: — „Вы присылали ко мнѣ съ вопросомъ о стихахъ; это правда, — они у меня были; но не находя ихъ достойными какого-либо вниманія, я совсѣмъ забылъ объ нихъ, и не помню, кто мнѣ ихъ далъ.“ — Вязмитиновъ отвѣчалъ мнѣ на это: — „Я имѣю повелѣніе отыскать, кто написалъ сіи стихи; и какъ отыскиваніе это остановилось на вашемъ имени, то я принужденъ буду донесть о томъ его величеству; и хотя конечно государь не сочтетъ васъ сочинителемъ ихъ, однакожъ вы можете чрезъ то подвергнуть себя нѣкоторому его на васъ неудовольствію.“ — „Чтожъ дѣлать, когда я не помню?“ — отвѣчалъ я и, откланявшись, уѣхалъ. Тотчасъ послѣ того, увидясь въ департаментѣ съ графомъ Мейстеромъ, пересказалъ я ему случившееся со мною. Онъ поблагодарилъ меня за мое о немъ снисходительное умолчаніе, но при томъ сказалъ, что онъ ни мало не затруднится объявить имя того, отъ кого получилъ онъ сіи стихи. — „Если такъ,“ молвилъ я,“ то вы теперь же можете съѣздить къ Вязмитинову и его о томъ увѣдомить.“ — Онъ въ тоже время поѣхалъ и это исполнилъ. О послѣдствіи, отысканъ-ли сочинитель сихъ стиховъ, или нѣтъ, — я ничего болѣе не слыхалъ; но думаю, что и въ семъ случаѣ объ имени моемъ доведено было до свѣденія государя.

2-е. Упомянемъ здѣсь нѣчто о Сергѣѣ Лаврентьевичѣ Львовѣ, любимцѣ князя Потемкина, человѣкѣ имѣвшемъ особенный даръ, разсказывая что-нибудь, представлять это въ забавномъ видѣ Онъ былъ флигель-адъютантъ императрицынъ [1]). По смерти Потемкина, случилось съ нимъ слѣдующее приключеніе: нѣкогда, не помню у кого, былъ большой обѣдъ, на который приглашены были многіе тогдашняго времени знатные люди, въ томъ числѣ Марковъ [2]) и онъ, Львовъ. Марковъ (Аркадій Ивановичъ) былъ тогда въ короткой связи съ княземъ Зубовымъ и въ великой довѣренности у императрицы. Онъ имѣлъ довольно острый умъ и

---

[1]) Львовъ, въ чинѣ генералъ-маіора и въ должности адъютанта, находился при Потемкинѣ, во время предсмертной поѣздки послѣдняго въ Яссы. Храповицкій, въ своихъ Запискахъ, подъ 24 апрѣля 1787 г., отмѣтилъ, что Екатерина, ѣдучи въ Крымъ, исключила Львова изъ числа лицъ, составлявшихъ ея свиту, говоря: „Безчестный человѣкъ въ моемъ сообществѣ жить не можетъ.“

[2]) Гр. А. И. Морковъ, знаменитый дипломатъ, два раза бывшій посланникомъ въ Парижѣ, гдѣ одинъ изъ всѣхъ иностранныхъ представителей, умѣлъ держать себя независимо, въ сношеніяхъ съ высокомѣрнымъ первымъ консуломъ. Въ концѣ царствованія Екатерины, онъ былъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

любилъ всегда подшучивать надъ другими. За столомъ сталъ онъ издѣваться надъ печальнымъ видомъ Львова, который дѣйствительно, въ это время, былъ скученъ и, чувствуя себя послѣ Потемкина какъ бы осиротѣлымъ, а Маркова возникшимъ въ великую силу при дворѣ, молчалъ, снѣдаемый внутри себя чрезмѣрною досадою. Онъ имѣлъ привычку, въ подобномъ расположеніи чувствъ, кусать у правой руки своей ногти. Марковъ, примѣтя это, сталъ пуще надъ нимъ шутить. Львовъ крѣпился, терпѣлъ, но вдругъ наконецъ такъ вспыхнулъ, что, потерявъ весь разсудокъ, схватилъ тарелку свою и въ него бросилъ. Неожидаемый поступокъ сей привелъ всѣхъ присутствующихъ въ удивленіе. Марковъ вскочилъ тотчасъ изъ-за стола и поѣхалъ прямо къ князю Зубову съ жалобою. Князь призываетъ къ себѣ Львова и грознымъ голосомъ спрашиваетъ, какимъ образомъ осмѣлился покуситься онъ на такое дерзновеніе? Львовъ хотѣлъ оправдаться, но въ подобной тревогѣ чувствъ языкъ и голосъ ему измѣняли. Князю слова его показались грубыми, и онъ съ великимъ неўдовольствіемъ сказалъ ему: — „Я вижу, что вы и со мной хотите браниться. Извольте идти; я не имѣю больше до васъ никакой надобности.“ — Львовъ поѣхалъ отъ него въ отчаяніи, ожидая весьма непріятныхъ для себя послѣдствій. Я буду теперь говорить отъ лица Львова, разсказывавшаго мнѣ о семъ съ собою приключеніи:

„На другой день, говорилъ онъ, былъ праздникъ. Я долго колебался, ѣхать ли мнѣ во дворецъ, или нѣтъ; наконецъ рѣшился ѣхать, чтобъ скорѣе узнать мою участь. Во дворцѣ многіе уже слышали о семъ происшествіи. Нѣкоторые сожалѣли обо мнѣ; другіе, не любя Маркова за насмѣшливый нравъ его, были тѣмъ довольны. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода императрицы. Она обыкновенно, въ спальномъ платьѣ, выходила въ одну изъ внутреннихъ своихъ комнатъ и при всѣхъ чесалась. Всѣ знатнѣйшіе придворные чины имѣли входъ въ сію комнату, стояли вокругъ ней, и она со многими изъ нихъ разговаривала. Я, вмѣстѣ съ прочими, вошелъ туда и выбралъ стать на такомъ мѣстѣ, чтобъ она въ зеркало могла видѣть написанную на полумертвомъ лицѣ моемъ снѣдающую меня горесть. Въ это время, не далеко отъ меня стоялъ Василій Степановичъ Поповъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, что хочетъ поговорить со мною. Я подошелъ къ нему, и лишь только успѣли мы сказать другъ другу нѣсколько словъ, какъ вдругъ услышалъ я у ногъ моихъ нѣкій крикъ: это была, сидѣвшая подлѣ него на сошкѣ, пероклитка (малаго рода попугай), которая, не знаю почему, не любила меня, и лишь только уви-

дѣла, что я приблизился къ ней, то потихоньку слѣзла съ сошки и бросилась съ крикомъ кусать мои ноги. Всѣ, и сама государыня, оглянулись. Должны были увѣдомить ее, что эта птичка меня не любитъ. Она, безъ всякой усмѣшки, съ нѣкоторою важностью, сказала на это: — „Животныя, также какъ и люди, не любятъ тѣхъ, кто ихъ дразнитъ.“ — Я не зналъ, какое изъ словъ сихъ сдѣлать заключеніе; но, по сухому и почти гнѣвному произнесенію ихъ, предполагая несомнѣнно, что она о поступкѣ моемъ съ Марковымъ была уже извѣстна, не могъ ласкаться никакою утѣшительною для меня надеждою. Вскорѣ потомъ она встала и ушла въ свой кабинетъ. Князь Зубовъ, появясь, прошелъ прямо къ ней и, чрезъ нѣсколько минутъ вышедъ оттуда, сказалъ мнѣ, чтобъ я черезъ часъ къ нему пріѣхалъ. Во весь этотъ часъ промучился я мыслями, ожидая рѣшенія своей судьбы. Одинъ гнѣвъ Екатерининъ и удаленіе отъ ея лица ужасалъ меня больше всякаго другого наказанія. Пріѣзжаю. Меня пускаютъ въ кабинетъ къ князю, гдѣ нахожу я его и Маркова. По нѣкоторомъ краткомъ молчаніи, князь, обращаясь къ обоимъ намъ, сказалъ: — „Государыня желаетъ, чтобъ вы помирились, и, если вы это сдѣлаете, то она сегодня приглашаетъ васъ къ себѣ на вечеръ.“ — Мы попросили другъ у друга прощенія, обѣщали забыть прошедшее, помирились и были ввечеру у императрицы, которая, какъ бы не зная ничего о нашей ссорѣ, разговаривала съ нами весьма милостиво. Можно себѣ представить, сказалъ мнѣ Львовъ, оканчивая свою повѣсть, какою благодарностью сердце мое наполнено было къ сему поистинѣ материнскому со мною поступку милосердой монархини!“ *)

При Павлѣ Первомъ, случилось со Львовымъ слѣдующее: онъ пошелъ въ походъ съ Суворовымъ, и тамъ, въ соединеніи съ австрійскими войсками, поссорился съ ихъ генераломъ; за что, по жалобѣ отъ ихъ двора, оттуда отозванъ и на время посаженъ былъ въ крѣпость. Съ тѣхъ поръ, не могъ онъ терпѣть Австрійцевъ и часто разсказывалъ объ нихъ смѣшныя повѣсти. — „Австрійцы,“ говорилъ онъ однажды при мнѣ, „народъ прехрабрый!

*) Екатерина знала насмѣшливый нравъ Маркова и, не смотря ни на довѣренность свою къ нему, ни на заступу за него любимца своего, князя Зубова, сочла, что Львовъ, никѣмъ не покровительствуемый, не будучи выведенъ изъ терпѣнія, не могъ бы сдѣлать сего оскорбленія Маркову, вступилась за слабѣйшаго, и чтобъ не убить Львова гнѣвомъ своимъ, разсудила за лучшее не дать зачинщику торжествовать надъ тѣмъ, кого самъ онъ подвигнулъ на оскорбленіе себя.

Знаете-ли какъ они ловятъ Турокъ? Во время войны ихъ съ ними, случилось сраженіе въ лѣсу. Одинъ изъ нихъ закричалъ своимъ товарищамъ: — гей, братцы! я поймалъ Турка. — Хорошо, отвѣчаютъ они, веди его къ намъ. — Да онъ нейдетъ. — Такъ инъ ты поди сюда. — Да онъ не пускаетъ."

При Александрѣ Первомъ, былъ также съ нимъ, Львовымъ, достопамятный случай. Однажды воздухоплаватель Гарнеренъ [1]) назначилъ день, въ который, на приготовленномъ для сего шарѣ, поднимется онъ вверхъ къ облакамъ. Народъ собрался смотрѣть на сіе отважное путешествіе. Самъ государь пріѣхалъ. Когда шаръ совсѣмъ былъ готовъ, тогда Львовъ, къ удивленію всѣхъ (ибо никто о намѣреніи его не зналъ), подошелъ къ государю и, выпросивъ у него позволеніе, сѣлъ вмѣстѣ съ Гарнереномъ на прицѣпленную къ шару лодочку; и оба они поднялись на воздухъ. Львовъ хотѣлъ чрезъ то показать неустрашимость свою, дабы поправить себя въ мысляхъ государя, который хотя былъ къ нему довольно милостивъ, однакожъ почиталъ его болѣе способнымъ для забавныхъ при дворѣ разсказовъ, нежели для храбрыхъ воинскихъ дѣлъ. Въ семъ воображеніи, Львовъ, не сказавъ никому, предпринялъ сдѣлать сіе воздушное путешествіе; но онъ обманулся: оно, вмѣсто принесенія пользы, много ему повредило. Обратили сей поступокъ его въ смѣхъ; насказали государю, что тутъ ничего нѣтъ отважнаго, кромѣ неприличія генералу, въ военномъ мундирѣ, летать по воздуху съ искусникомъ Гарнереномъ. Появились многія эпиграммы, таковыя какъ:

Генералъ Львовъ
Леталъ просить боговъ
О заплатѣ за него долговъ [1]).

и тому подобныя. Такимъ образомъ Львовъ, обманутый своею надеждою, бывъ, по возвращеніи своемъ на землю, худо принятъ

---

[1]) Младшій изъ двухъ братьевъ воздухоплавателей; въ 1794 г., онъ попался въ плѣнъ Австрійцамъ, и свое трехлѣтнее невольное пребываніе въ Будѣ употребилъ на усовершенствованіе аэростатовъ и парашютовъ.

[1]) Жихаревъ („Записки современника," стр. 157) приводитъ эту эпиграмму въ нѣсколько иномъ видѣ:

Генералъ Львовъ
Летитъ до облаковъ
Проситъ боговъ
О заплатѣ долговъ.

и приписываетъ ее А. С. Хвостову. Львовъ отвѣчалъ стихами:

Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ,
Хвосты есть у кнутовъ: — эй, берегись, Хвостовъ!

государемъ, и узнавъ о сихъ распускаемыхъ недоброжелателями его насмѣшкахъ, впалъ въ великую печаль и уныніе. Видя его въ семъ состояніи, вздумалось мнѣ принесть ему хотя нѣкоторое утѣшеніе, осмѣявъ насмѣхающихся надъ нимъ и показавъ сей поступокъ его съ хорошей стороны. Въ семъ намѣреніи написалъ я къ нему слѣдующее письмо:

Милостивый государь, Сергѣй Лаврентьевичъ! позвольте одному изъ почитающихъ васъ пріятелей вашихъ, изъявить предъ вами свои чувства. Позвольте поздравить васъ съ благополучнымъ окончаніемъ сколько достойнаго любопытства, столько же и страшнаго путешествія, на которое не всякій пустится:

Хотя умъ сердце и толкаетъ,
Твердя тихонько: полетимъ!
Но сердце, пятясь, отвѣчаетъ:
Постой, посмотримъ, поглядимъ!

Мнѣ кажется, можно съ этимъ васъ поздравить; ибо вознесеніе ваше на воздушномъ шару, по многимъ причинамъ, долженствуетъ вамъ быть пріятно. Во-первыхъ, хотя въ рѣшимости и твердости духа вашего никто не сомнѣвался, однакожъ это было новымъ и неоспоримымъ тому доказательствомъ. Во-вторыхъ, вы удовлетворили любопытству своему и видѣли то, чѣмъ не многіе похвалиться могутъ. Въ-третьихъ, вы опытомъ узнали (выключая не многихъ недоброжелательствующихъ вамъ), сколько вы любимы, потому что многіе въ здравіи вашемъ принимали искреннее участіе. Всѣ сіи причины совокупно оправдываютъ мое приносимое вамъ поздравленіе и дѣлаютъ оное чистосердечнымъ. Поговоримъ теперь о путешествіи вашемъ. Мнѣ случалось въ ясную погоду и при чистомъ воздухѣ бывать на вершинахъ высокихъ горъ: величественность зрѣлища, представлявшагося тогда очамъ моимъ, наполняла душу мою такимъ сладкимъ восторгомъ, котораго человѣкъ, ползающій по земному долу, никогда чувствовать не можетъ. Мнѣ казалось, что я былъ пресмыкающійся червь, когда стоялъ подъ горою, и что сдѣлался летающею бабочкою, когда взошелъ на гору. Судя по сему, могу я нѣсколько вообразить, какими пріятными чувствами объята была душа ваша, когда вы вознеслись до такой высоты, откол́ѣ пышность нашихъ храмовъ и жилищъ въ глазахъ вашихъ исчезла; ужасающія насъ великостью своею громады превратились въ песчинки; широкія озера и моря, поглащающія огромные съ людьми корабли, сдѣлались маленькими лужицами, въ которыхъ, казалось вамъ, не можете вы омочить подошву своей ноги. Однимъ словомъ, все великое и

пространное на земли, по мѣрѣ возвышенія вашего, сближалось, стѣснялось, уничтожалось; и что за минуту предъ симъ представлялось вамъ ужасающею взоры ваши огромностью, то стало вдругъ подъ ногами вашими низко, мало, презрѣнно. Таковая мгновенная перемѣна конечно долженствуетъ поразить чувства наши. Человѣкъ на высотѣ, какъ бы возросши вдругъ, дѣлается самъ исполиномъ предъ тѣмъ, что исполинскимъ видомъ своимъ страхъ ему наводило. Не должна-ли душа его преисполниться нѣкоторою гордостью, нѣкоторою величавостью, иесродною ему тогда, когда онъ на земли, окруженный тысячами надменно возносящихся надъ главою его вершинъ, уничиженъ ходитъ? Но сія ли одна перемѣна чувствъ восхищенную душу его увеселяетъ? — Нѣтъ! къ гордости, къ величавости сей присоединяется еще нѣкая разширяющая сердце его радость, — радость, какую долженъ ощущать тотъ, кто изъ густоты стѣснившихся паровъ возлетаетъ въ легкій, чистый воздухъ и, попирая ногами облака, съ одной стороны видитъ великолѣпіе и красоту заходящаго солнца, а съ другой — величавую важность луны, изъ коихъ одио златыми, а другая серебряными лучами, преломляющимися проходя сквозь густую, разливающуюся окрестъ земли пучину воздуха, творитъ оный многограннымъ хрусталемъ, въ которомъ тысячи разныхъ цвѣтовъ прелестно играютъ. Всѣ сіи многообразныя великолѣпія движутся, премѣняются и всякую минуту представляютъ взорамъ новыя явленія, новыя чудеса. Но можетъ-ли умъ нашъ вообразить себѣ всѣ красоты и всѣ богатства природы? Достойно любопытства нашего созерцаніе земли и небесъ, поколику человѣкъ отъ одной возвыситься, а къ другимъ бреннымъ окомъ своимъ сколько нибудь приблизиться можетъ. И кто бы что ни говорилъ, но всякій бы желалъ увидѣть то, что видѣли вы, еслибъ страхъ воздушнаго путешествія не обуздывалъ силы нашего любопытства. Тѣмъ же, которые ко всему любятъ привязывать толки и хулы, отвѣчалъ бы я:

Какъ хочешь такъ суди;
И хоть сто разъ тверди
И важно и спѣсиво:
Что это де не диво,
И что дискать за стать
По воздуху летать, —
Разсказы не доводы,
Сидѣнка не походы,
Трубить легко въ кулакъ.

А я скажу вотъ такъ:
Тому, въ комъ духу мало,
Конечно не пристало;
И ты, кто намъ кричишь,
Что чуда въ томъ не зришь, —
Коль хочешь непремѣнно,
Твоимъ чтобъ несомнѣнно
Мы вѣрили словамъ, —
Попробуй съѣздить самъ.

Съ истиннымъ почитаніемъ, навсегда пребываю и проч.[1]).

Письмо это безсомнѣнія показано было государю и, можетъ быть, въ видѣ какъ бы возраженія противъ него, потому что, не взирая на позволеніе свое, онъ, по собственнымъ-ли своимъ мыслямъ, или по внушеніямъ окружающихъ его, не только не одобрялъ сего поступка Львова, но почиталъ оный достойнымъ посмѣянія и неприличнымъ.

3-е. Извѣстны, въ преданіяхъ нашихъ, морскіе офицеры Хвостовъ и Давыдовъ[2]) (см. книгу, подъ названіемъ: двукратное путешествіе ихъ въ Америку *). Извѣстно также и неудачное въ Японію посольство, начальствовавшаго надъ Американскою компаніею, статскаго совѣтника и камергера Резанова[4]), отправившагося

*) Мы повторимъ здѣсь кратко то, что въ сей книгѣ[3]) объ нихъ сказано, съ прибавленіемъ тѣхъ обстоятельствъ, о коихъ тамъ не упомянуто.

[1]) Всѣ эти анекдоты о Львовѣ вошли цѣликомъ въ „Воспоминанія о моемъ пріятелѣ," помѣщенныя во второмъ томѣ сборника „Сто русскихъ литераторовъ." Въ концѣ статьи, Шишковъ прибавилъ еще слѣдующее: — „Въ 1812 году, отправляясь въ походъ съ государемъ императоромъ, зашелъ я къ Львову. Онъ тогда былъ уже очень слабъ и лежалъ больной въ постелѣ; но и въ это время сохранялъ еще спокойствіе духа и веселіе своего нрава. — „Каковъ ты, Сергѣй Лаврентьичъ?" спросилъ я у него. — „Да что сказать?" отвѣчалъ онъ, „большею частью чувствъ моихъ — зрѣнія, вкуса, памяти — нагрузилъ я обозъ и отправилъ на тотъ свѣтъ; а здѣсь остаюсь на-легкѣ." — Львовъ не долго пережилъ эту шутку. Можно сказать о немъ, что онъ шутя прожилъ свой вѣкъ".

[2]) Лейтенантъ Николай Александровичъ Хвостовъ (р. 28 іюля 1776, ум. окт. 1809) приходился племянникомъ первой женѣ Шишкова. Мичманъ Гавріилъ Ивановичъ Давыдовъ род. 1783, ум. окт. 1809.

[3]) Двукратное путешествіе въ Америку морскихъ офицеровъ Давыдова и Хвостова, описанное первымъ изъ нихъ; издалъ А. Шишковъ. С. П. Б. 1810—1812. 2 части.

[4]) Николай Петровичъ Резановъ служилъ, въ 1791 г., правителемъ канцеляріи у Державина, потомъ — оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ; въ 1803 г., отправленъ посломъ въ Японію; умеръ въ Красноярскѣ, 1 марта 1807 г..

туда на одномъ изъ двухъ судовъ, состоявшихъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Крузенштерна (см. путешествіе его). Крузенштернъ возвратился въ Россію [1]), а Резановъ, соединясь съ Хвостовымъ и Давыдовымъ, поступившими подъ непосредственное его начальство, остался на островахъ, принадлежащихъ Американской компаніи. Онъ, на островѣ Барановѣ, въ портѣ Ново-Архангельскомъ, построилъ, подъ надзоромъ сихъ офицеровъ, судно „Авось“ и купилъ другое „Юнону“ отъ пришедшаго случайно туда изъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, корабельщика Вульфа. Съ сими двумя судами, опредѣля на нихъ Хвостова и Давыдова начальниками, вознамѣрился онъ идти на островъ Сахалинъ, для согнанія съ него и устрашенія Японцевъ, отвергшихъ въ лицѣ его принять наше посольство, и для объявленія природныхъ жителей сего острова россійскими подданными *). Онъ далъ симъ офицерамъ, за подписаніемъ своимъ, полную и подробную инструкцію, какъ и что дѣлать, объясня въ ней, какую пользу принесутъ они нашей торговлѣ, и какую съ пріобрѣтеніемъ себѣ вѣчной славы окажутъ услугу отечеству, когда исполнятъ въ точности по его предписанію. При семъ прочиталъ онъ имъ донесеніе свое о томъ ко двору и министру коммерціи, графу Румянцову [2]), оканчивая оное тѣмъ, что ему не пришло бы никогда въ голову предпринять сію отважную экспедицію, еслибъ по счастію не имѣлъ онъ, подъ начальствомъ своимъ, лейтенанта Хвостова, офицера исполненнаго огня, усердія, искуства и при-

*) Мысль сію возъимѣлъ онъ, какъ по оскорбительному для Россіи поступку Японцевъ, не принявшихъ посла ея, такъ и по нѣкоторымъ темнымъ преданіямъ, яко бы островъ сей первоначально открытъ былъ нашими мореплавателями, и потомъ завладѣли имъ и поселились на немъ Японцы.

[1]) Это первое кругосвѣтное путешествіе Русскихъ совершенно въ 1803—1806 гг., фрегатами „Надежда“ и „Нева,“ на счетъ русской сѣверо-американской компаніи „Путешествіе Крузенштерна“ издано въ С. Петербургѣ, въ 1809 г..

[2]) Гр. Николай Петровичъ Румянцовъ, сынъ фельдмаршала, занималъ въ тоже самое время и должности главнаго директора водяныхъ коммуникацій и предсѣдателя коммиссіи о устроеніи дорогъ; въ 1807 г., оставаясь министромъ коммерціи, онъ принялъ управленіе министерства иностранныхъ дѣлъ; въ 1809 г., подписалъ фридрихсгамскій договоръ, на основаніи котораго Финляндія навсегда утверждена за Россіей; съ 1810 г., занялъ мѣсто предсѣдателя государственнаго совѣта. Пробывъ нѣсколько лѣтъ въ званіи государственнаго канцлера, онъ вышелъ въ отставку въ 1814 году и умеръ 3 янв. 1826 г.. Изданіемъ многихъ полезныхъ книгъ и важныхъ историческихъ памятниковъ, и учрежденіемъ Музея, благодаря которому Москва нынѣ обладаетъ богатою публичною библіотекой, — гр. Н. П. Румянцовъ заслужилъ вѣчную признательность потомства

мѣрной неустрашимости*). Резановъ распорядилъ походъ такимъ образомъ, чтобъ Давыдовъ, на суднѣ „Авось,“ шелъ прямо къ островамъ Сахалину и Матмаю, и тамъ, въ губѣ Аннвѣ, дожидался бы прибытія къ нему Хвостова, который, по отвозѣ его Резанова, на суднѣ своемъ „Юнонѣ“, въ Охотскъ, долженствовалъ идти въ соединеніе съ Давыдовымъ и, вмѣстѣ съ нимъ, приступить къ исполненію, по данной имъ инструкціи. Хвостовъ, отвезя Реза-

*) Для показанія твердости духа и неустрашимости Хвостова, выпишемъ здѣсь изъ записокъ Давыдова случившееся съ ними, во время перваго ихъ путешествія. (См. въ 1-й части стран. 77). Они, ѣхавъ изъ Иркутска въ Охотскъ (въ 1802 году), перешли, во время сильнаго дождя, рѣку Бѣлую въ бродъ, ночевали, промокли до костей и, на другой день, говоритъ онъ: „проѣхавъ верстъ пять по дорогѣ, остановились въ первомъ часу по полудни кормить лошадей. Едва успѣли разбить палатку и развести огонь, какъ услышали очень близко два ружейныхъ выстрѣла, отъ которыхъ Якуты наши (т. е. проводники ихъ) тотчасъ упали ницъ; и въ тоже время, съ разныхъ сторонъ, появились семь человѣкъ, изъ коихъ двое шли прямо къ намъ, имѣя совсѣмъ готовыя ружья. Не ожидая ничего добраго отъ таковой встрѣчи, стали мы хвататься за свои замоклыя ружья. Хвостовъ, не могши скоро достать своего, съ одною саблею побѣжалъ на встрѣчу къ нимъ и, подошедъ къ атаману, спросилъ: — „Что вамъ надобно? какъ вы смѣли подойти къ военнымъ людямъ? положи ружье или я велю по васъ стрѣлять!“ — Сей смѣлый поступокъ устрашилъ атамана. Онъ велѣлъ товарищамъ своимъ положить ружье и сказалъ: „Мы видимъ, что вы военные люди, и ничего отъ васъ не требуемъ.“ — Прочіе разбойники также кричали намъ: — „Не пали! не пали!“ — Между тѣмъ однакожъ атаманъ, посмотря съ нѣкоторымъ удивленіемъ на Хвостова, предложилъ ему идти съ нимъ въ ихъ палатку, отстоящую, по его словамъ, не далѣе ста саженъ отъ сего мѣста. Хвостовъ, чтобъ не показать себя оробѣвшимъ отъ его предложенія, отвѣчалъ: — „Пойдемъ.“ — Онъ вошелъ съ ними въ палатку, гдѣ набралось ихъ болѣе десяти человѣкъ. Одинъ изъ нихъ сталъ съ нимъ говорить грубо: — „молоденекъ, братъ, ты, а шумишь много!“ — и началъ его трепать по плечу. Хвостовъ, видя, что дерзость сія можетъ также и другихъ ободрить къ наглостямъ, рѣшился въ тожъ мгновеніе изъ всей силы ударить его въ щеку, такъ что разбойникъ не устоялъ на ногахъ. Потомъ, поднявъ саблю, сказалъ: — „Ежели вы что-нибудь противъ меня подумаете, то дешево со мною не раздѣлаетесь: я одинъ управлюсь съ вами; а притомъ и товарищи мои близко.“ — Разбойники оцѣпенѣли. Атаманъ закричалъ на виноватаго, говоря ему: — „Ты забылъ, что ты варнакъ“ (имя, какое даютъ въ Сибири разбойникамъ) [1]), „а его высокоблагородіе — государевъ офицеръ.“ — Послѣ чего велѣлъ ему кланяться въ ноги Хвостову и просить у него прощенія. Они ночевали тутъ, и по утру отправились въ путь. „Разбойники,“ продолжаетъ Давыдовъ, „не только ничего у насъ не

[1]) Варнакъ не означаетъ собственно разбойника, хотя варнакъ рѣдко не разбойникъ; варнакъ, — это бѣглый съ каторги; — сами же каторжники зовутъ такого бѣглаго чалдономъ.

нова, пришелъ къ Сахалину, но, не найдя тутъ Давыдова, сошелъ на берегъ и приступилъ одинъ къ тому, что поручено было имъ обоимъ. Выполня отчасти данное имъ предписаніе, отплываетъ онъ въ Петропавловскую гавань, гдѣ находитъ Давыдова, ушедшаго отъ Сахалина, по причинѣ усилившихся между людьми болѣзней и поврежденій судна. Они тутъ зимуютъ (это было во время второго ихъ путешествія), и на другой годъ (1807), не дожидаясь даже совершеннаго очищенія моря отъ льда, спѣшатъ отправиться, для приведенія къ окончанію того, что Хвостовымъ начато. Приходятъ къ Сахалину, довершаютъ овладѣніе онымъ (сей островъ есть самый тотъ, на которомъ въ послѣдствіи времени взятъ былъ Головнинъ. См. въ книгѣ его описаніе о семъ.[1]) и возвращаются въ Охотскъ, ожидая себѣ похвалъ и наградъ за точное и удачное исполненіе порученнаго имъ дѣла. Но тамъ ожидаетъ ихъ совсѣмъ иная участь. Резановъ, отправясь въ Петербургъ, на дорогѣ занемогъ и умеръ въ Красноярскѣ. Послѣ него начальникъ въ Охотскѣ, капитанъ Бухаринъ, возмечтавъ, что они привезли съ собою кучу японскаго золота и всякихъ драгоцѣнностей, которыми можетъ онъ воспользоваться, опечатываетъ судно, хватаетъ, разлучаетъ ихъ и сажаетъ, какъ преступниковъ, подъ стражу въ разныя темницы, съ тѣмъ чтобъ, прежде нежели

отняли, но сами предлагали намъ все что имѣютъ, кромѣ сахару, извиняясь тѣмъ, что ни у одного купца не нашли онаго."

Я не могу воздержаться, чтобъ не сказать о Хвостовѣ еще нѣчто, слышанное мною отъ бывшихъ при томъ свидѣтелей. По выходѣ его изъ кадетскаго корпуса, когда не имѣлъ онъ еще болѣе двадцати лѣтъ отъ рожденія, случилось ему съ другими товарищами своими офицерами. проводить вечеръ въ верхнемъ этажѣ однаго высокаго дома въ Копенгагенѣ. Съ нимъ вмѣстѣ, между прочими, былъ извѣстный необычайною силою своею офицеръ Лукинъ. Они, разговаривая между собою, о чемъ-то заспорили, и, слово за слово, оба разгорячились. Лукинъ въ запальчивости схватилъ правою рукою Хвостова за-воротъ, приподнялъ его и, высунувъ за окошко, сердитымъ голосомъ сказалъ ему: — „Ежели ты хоть слово еще пикнешь, то я тебя брошу." — Хвостовъ, вися у него на рукѣ, въ великой высотѣ, надъ каменною мостовою, вмѣсто чтобъ испугаться, дразня его, отвѣчалъ: — „Лжешь, хвастунишка! ты силенъ, да труслявъ: не достанетъ у тебя духа сдѣлать это!" — Лукинъ втянулъ его опять въ комнату, поставилъ на ноги и, оттолкнувъ его отъ себя, сказалъ: — „Провались ты, проклятый! чуть не соблазнилъ меня! чуть удержался я разжать мою руку, чтобъ пустить тебя раздробиться на части!"

---

[1]) Записки флота капитана Головнина, о приключеніяхъ его въ плѣну у Японцевъ, въ 1811—1813 гг.. С. П. Б. 1816 въ 4. — Изданы вновь — С. П. Б. 1851. въ 8.

опишется объ нихъ и получитъ отвѣтъ изъ Петербурга, уморитъ ихъ голодомъ и холодомъ.

Въ семъ бѣдственномъ состояніи, видя себя осужденныхъ на смерть, преклоняютъ они на жалость человѣколюбивыхъ стражей своихъ, согласившихся выпустить ихъ съ условіемъ, чтобъ они оставили послѣ себя записку, будто дали имъ опіуму и въ это время ушли. Такимъ образомъ, чрезъ сихъ стражей, снесясь другъ съ другомъ, и условясь въ какомъ часу и мѣстѣ сойтиться, вырвались они изъ рукъ мучительной смерти и отправились пѣшкомъ, по лѣсамъ и болотамъ, въ путь. Нѣкоторые благосклонные къ нимъ жители снабдили ихъ оружіями и съѣстными, по крайней мѣрѣ на первые дни, припасами. По долгомъ странствованіи, изнуренные и полунагіе, пришли они въ Якутскъ, куда отъ Бухарина прислано было къ городничему приказаніе задержать ихъ и осмотрѣть, нѣтъ ли у нихъ золота (сильное воображеніе искать *золота* у нагихъ и голодныхъ!). Но сибирскій военный губернаторъ, узнавъ о семъ, далъ повелѣніе препроводить ихъ въ Иркутскъ. Туда отъ правительства дано было знать, чтобъ нигдѣ ихъ не задерживать. Такимъ образомъ, въ 1808 году, возвратились они въ Петербургъ, гдѣ жили нѣсколько времени, безъ всякаго удовлетворенія за претерпѣнныя ими оскорбленія и даже безъ всякой надежды получить собственныя ихъ вещи, отобранныя у нихъ въ Охотскѣ. Графъ Румянцовъ уговаривалъ ихъ обратно ѣхать туда; но они, не видя никакого правосудія и заступы за себя, не могли на то согласиться. Наконецъ главноначальствующій въ Финляндіи войсками нашими противъ Шведовъ, графъ Буксгевденъ [1]), узнавъ о ихъ прибытіи въ Петербургъ, и наслышась объ нихъ, а особливо о Хвостовѣ, проситъ, чтобъ они присланы были къ нему. Чичаговъ, отъ имени государя, объявляетъ имъ это и спрашиваетъ ихъ на то согласія. Они отвѣчаютъ, что со всею охотою готовы служить отечеству, но умоляютъ, чтобъ прежде разрѣшить ихъ участь и сказать имъ, за какое скрываемое отъ нихъ преступленіе поступлено и поступаютъ съ ними толь немилосердо? Если, какъ они заключать должны, предпринятая покойнымъ Резановымъ экспедиція была противъ воли правительства, то они ли въ томъ виновны? Какъ могли они, по долговременному, болѣе двухъ лѣтъ продолжавшемуся, приготовленію къ оной, представить себѣ, что это дѣлается

---

[1]) Гр. Өедоръ Өедоровичъ Буксгевденъ (1750—1811), въ началѣ 1808 г., занялъ своими войсками Финляндію, которая немедленно декларацiей 16 марта была объявлена областью, силою оружія присоединенною къ Россіи.

безъ вѣдома правительства? И притомъ, какъ можно было имъ ослушаться и не повѣрить уполномоченному отъ двора посланнику, подъ начальствомъ котораго они состояли? Вслѣдствіе сего ихъ отзыва, дана была имъ за собственноручнымъ подписаніемъ государя императора бумага, по которой признаны они невинными ни въ чемъ.

Получа сіе свидѣтельство, немедленно они отправились и, на третій день по пріѣздѣ своемъ, посланы были въ море на отрядѣ, назначенномъ для овладѣнія однимъ изъ непріятельскихъ острововъ. Отрядъ сей, подъ начальствомъ капитана Селиванова, состоялъ изъ однаго паруснаго судна и двадцати канонерскихъ лодокъ, на коихъ находились и сухопутныя войска. Изъ сихъ лодокъ передовыя пятнадцать поручены были особенно Хвостову, а остальныя пять — Давыдову. Вскорѣ, по выходѣ ихъ въ море, услышали сильную пальбу, и въ тоже время главноначальствующій увѣдомился о приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ непріятельской флотиліи, несравненно сильнѣйшей сего посланнаго отряда. Онъ весьма о томъ сожалѣлъ и не ожидалъ спасенія ни одной лодки. Но какъ велико было удивленіе и радость его, когда онъ увидѣлъ почти всѣхъ ихъ, возвратившихся въ цѣлости, съ одержанною ими едва вѣроятною побѣдою! Начальникъ отряда, капитанъ Селивановъ и старшіе изъ сухопутныхъ штабъ-офицеровъ пришли къ графу Буксгевдену и наговорили ему столько о подвигахъ Хвостова, что онъ, какъ бы усумнясь въ томъ, пошелъ самъ туда, гдѣ пристали лодки и спросилъ у солдатъ и матросовъ: — „Скажите, ребята, кто былъ главною причиною побѣды?“ — Они всѣ въ голосъ закричали: — „Хвостовъ!“ — Буксгевденъ, взявъ его за руку, повелъ съ собою, и когда шелъ мимо гауптвахты, отдавшей ему честь, то онъ, указывая на Хвостова, сказалъ: — „Не мнѣ, не мнѣ! побѣдителю!“ — Сраженіе сіе происходило августа 18 числа, между островами Судцаломъ и Ворцеллою. Подвиги Хвостова были слѣдующіе: — Встрѣтясь нечаянно съ напавшимъ на нихъ непріятелемъ, онъ съ передовыми лодками своими вступилъ съ нимъ въ бой. Первая лодка его раздроблена была ядрами и картечами: онъ упалъ въ воду; но, вытащенный изъ ней, сѣлъ на другую лодку и закричалъ: — „Впередъ!“ — Когда потомъ ударившее въ носъ сей второй лодки ядро, убивъ двухъ человѣкъ, сдѣлало въ ней пробоину, такъ что люди, увидя льющуюсу въ нее воду, оробѣвъ, хотѣли поворотить назадъ, тогда Хвостовъ, скинувъ съ себя мундиръ, велѣлъ заткнуть имъ пробоину и грозно закричалъ: — „Греби впередъ!“ — Такимъ образомъ разбито

было подъ нимъ четыре лодки, и, четыре раза выплывая изъ воды и пересаживаясь на другія лодки, не переставалъ онъ ободрять людей, доколѣ храбрымъ наступленіемъ и сильною пальбою принудилъ непріятеля, при всемъ превосходствѣ силъ своихъ, уклониться отъ боя. Графъ Буксгевденъ, въ знакъ особеннаго къ нему уваженія, позволилъ ему жить на своей яхтѣ. Но онъ не долго на ней покоился. Вице-адмиралъ Мясоѣдовъ, начальствовавшій въ другой части моря, надъ порученными ему гребными и парусными судами, написалъ къ графу Буксгевдену просьбу о присылкѣ къ нему Хвостова и Давыдова, по причинѣ имѣющейся у него въ офицерахъ нужды и приближающагося къ нему сильнаго непріятеля. Графъ не хотѣлъ послать ихъ, не успѣвшихъ еще оправиться отъ изнуренія силъ своихъ, послѣ толь тяжкихъ трудовъ; но Хвостовъ, узнавъ о томъ, просилъ отправить его туда. Они поѣхали. Давыдовъ хотя и раненъ былъ легко въ ногу, однако не отсталъ отъ него. Тамъ, по донесенію Мясоѣдова, кромѣ разныхъ, сопряженныхъ съ трудами и опасностью, посылокъ, находились они въ двухъ сраженіяхъ, сентября 6 и 19 числъ, при островахъ Пальво и Тевсало. Хвостову поручены были довольно важныя силы, съ которыми вездѣ, оказывая рѣдкую расторопность, искуство въ распоряженіяхъ и неустрашимость, поражалъ онъ, спомоществуемый Давыдовымъ, превосходнаго числомъ непріятеля и одерживалъ надъ нимъ побѣду.

Между тѣмъ какъ донесенія о сихъ отличныхъ подвигахъ печатались въ вѣдомостяхъ и всѣми съ удивленіемъ читались, адмиралтейская коллегія, безъ всякаго свѣденія о дѣлахъ и посылкѣ Резанова въ Японію (ибо о семъ извѣстно было только государю и министру иностранныхъ дѣлъ), ниже о данномъ имъ императорскомъ свидѣтельствѣ въ ихъ невинности, приступаетъ по сему самому дѣлу къ суду надъ ними и, вмѣсто удовлетворенія ихъ за жестокіе съ ними поступки Бухарина, не упоминая о семъ ни слова, приговариваетъ ихъ къ разжалованію въ матросы! Кто повѣритъ этому? Но, по несчастію, такъ это было! Узнавъ о семъ неслыханномъ неправосудіи, не могъ я перенести сего съ равнодушіемъ, и хотя, не присутствуя болѣе въ коллегіи, не имѣлъ никакого права участвовать въ томъ моимъ голосомъ, однакожъ рѣшился сдѣлать слѣдующее: досталъ сей коллежскій судъ и опредѣленіе, написалъ противъ него рѣзкое возраженіе, доказавъ ясно, какъ непринадлежность сего дѣла до коллегіи, такъ и вопіющую несправедливость ея, въ осужденіи двухъ отличныхъ офицеровъ за ихъ поступки, достойные похвалы, и которые са-

мимъ государемъ гласно оправданы и признаны невинными. Докончивъ сію бумагу, взялъ я ее съ собою и пошелъ къ Чичагову. Желая напередъ вывѣдать его о томъ мнѣнія, притворился я, будто зашелъ къ нему случайно и, разговаривая нѣсколько времени о постороннихъ вещахъ, наконецъ, какъ бы изъ однаго любопытства, спросилъ у него: — „За что два морскіе офицера коллегіею приговорены, какъ сказываютъ, къ лишенію чиновъ?“ — Онъ отвѣчалъ мнѣ сухо: — „За ихъ худыя по Американской компаніи дѣла.“ — Тутъ видя, что самъ онъ руководствовалъ коллегіею, и зная ненависть его къ Хвостову, оскорбившему нѣкогда неуступчивостью своею самолюбіе его и гордость, не могъ я удержаться въ предѣлахъ терпѣнія, вынялъ бумагу мою и, прося его прочитать ее, сказалъ ему съ важностью: — „Послушай, Павелъ Васильевичъ! знаю, что я недоступенъ до государя, и не могу защитить ихъ; но вотъ что непремѣнно сдѣлаю: напишу сто списковъ съ этой бумаги и раздамъ ихъ всѣмъ, кого встрѣчу. Пускай увидятъ правоту и безпристрастіе нашей коллегіи!“ — Онъ взялъ бумагу; прочиталъ и, перемѣня лицо и голосъ, сказалъ мнѣ съ усмѣшкою: — „Будто ты не знаешь, какая *дура* наша коллегія!“ — Я отвѣчалъ: — „*Дура* или нѣтъ, однакожъ это пойдетъ къ государю и можетъ наитствовать на его рѣшеніе, если дѣло не будетъ ему объяснено.“ — Онъ промолчалъ. Я взялъ свою бумагу и отъ него ушелъ. Черезъ нѣсколько дней прихожу къ нему и спрашиваю: чѣмъ кончился докладъ о сихъ двухъ офицерахъ? Онъ показалъ мнѣ рѣшеніе его величества, состоящее въ слѣдующихъ словахъ: „за отличіе ихъ противъ непріятеля, простить имъ прежнюю ихъ вину.“ — „Какъ!“ вскричалъ я, „но не самъ ли онъ императорскимъ словомъ своимъ, на бумагѣ изображеннымъ, призналъ ихъ невинными? вѣрно онъ забылъ объ этомъ, а ты ему не напомнилъ и не объяснилъ.“ — Тутъ показалъ онъ мнѣ докладъ свой, въ которомъ дѣйствительно обстоятельство сіе было прописано. При изъявленіи моемъ вмѣстѣ и удивленія и сожалѣнія о томъ, онъ съ такою же нескромностью сталъ мнѣ говорить и о самомъ государѣ, съ какою говорилъ о коллегіи. Привыкнувъ часто слышать отъ него это, я только тому удивлялся: какъ человѣкъ, съ такимъ презрѣніемъ ко всему русскому и даже къ его особѣ, могъ быть у него въ такой великой довѣренности*).

---

*) О смѣломъ, или лучше сказать дерзкомъ, обращеніи Чичагова съ государемъ можно судить по слѣдующему случаю. Однажды государь собрался изъ петергофскаго дворца ѣхать на стоящія противъ него яхты. Для государя подана была открытая колясочка, а для Чичагова и генералъ-адъютанта Ува-

Между тѣмъ Буксгевденъ, изъ уваженія къ симъ офицерамъ, причислилъ ихъ къ своей свитѣ и отпустилъ, для отдохновенія и поправленія здоровья, въ Петербургъ, впредь до востребованія. Они пріѣхали и, вмѣсто радостныхъ, услышали о себѣ весьма огорчительныя извѣстія*). Послѣдовавшій потомъ съ ними случай довершилъ ихъ несчастіе. Корабельщикъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, Вульфъ, о коемъ мы выше сего упоминали, и который, въ бытность ихъ на островѣ Ситкѣ, ходилъ съ ними въ Калифорнію, пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился на Васильевскомъ острову, у профессора Ландсдорфа[2]), бывшаго также съ ними въ Америкѣ. Тамъ они всѣ подружились; и какъ сему корабельщику надлежало ѣхать въ Кронштадтъ, для отплытія на своемъ суднѣ обратно въ Америку, то онъ, въ послѣдній день пребыванія своего въ Петербургѣ (что было октября 4 дня 1809 года), пригласилъ къ себѣ Хвостова и Давыдова проститься съ ними. Они пробыли у него часу до второго за полночь и, спѣша возвратиться домой, пришли къ Исакіевскому чрезъ Неву мосту, который въ это время,

---

рова[1]) (долженствовавшихъ ѣхать съ нимъ) — линейка. Лишь только государь сѣлъ въ свою коляску и поѣхалъ, какъ Чичаговъ крикомъ своимъ остановилъ его и, подойдя къ нему, сказалъ: — „Мнѣ должно съ вами сѣсть.“ — Государь усмѣхнулся и посадилъ его съ собою.

*) Несчастію сихъ офицеровъ извѣстны мнѣ только двѣ причины: первая, что Хвостовъ, какъ я уже сказалъ, досадилъ нѣкогда Чичагову; вторая, что, по возвращеніи его во второй разъ изъ Америки, жилъ онъ у отца своего въ Петергофѣ, и въ одинъ день, прогуливаясь по саду, встрѣтился съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, который, увидя на немъ вмѣсто шляпы такъ называемую фуражку, спросилъ у него съ гнѣвомъ: какъ онъ смѣетъ ходить не по формѣ одѣтый? Хвостовъ отвѣчалъ ему просто и сухо: — „Я пріѣхалъ изъ Америки.“ — Великій князь разсердился и хотѣлъ его схватить за воротъ; но онъ, отступя шагъ назадъ, грознымъ положеніемъ тѣла и вида своего показался ему такъ рѣшительнымъ на всякое предпріятіе, что онъ не посмѣлъ его тронуть; и на другой день, по жалобѣ его, Хвостовъ посаженъ былъ на двѣ недѣли подъ стражу.

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ (1769—1824) былъ командиромъ гвардейскаго корпуса и членомъ государственнаго совѣта; оставилъ по себѣ память храбрѣйшаго генерала и благороднѣйшаго человѣка.

[2]) Бар. Георгъ Генрихъ Лангсдорфъ, родомъ изъ Швабіи, участвовалъ въ качествѣ ботаника, въ экспедиціи Крузенштерна; по возвращеніи въ Петербургъ (1808), былъ избранъ въ члены академіи. Съ 1812 до 1830 года, онъ прожилъ въ Бразиліи, занимая тамъ должность русскаго генеральнаго консула; умеръ въ Фрейбургѣ, въ 1852 г.. Нѣкоторыя его письма, писанныя во время кругосвѣтнаго путешествія, помѣщены Шторхомъ въ Russland unter Alexander I (IV, стр. 176—188 и VI, стр. 410—418).

для прохода барокъ, начали разводить. Имѣя надобность рано поутру быть дома, имъ не хотѣлось долго тутъ дожидаться. Они просили полицейскаго офицера перепустить ихъ; но тотъ не согласился. Между тѣмъ мостъ развели, и первая барка стала сквозь него проходить. Они, горя нетерпѣніемъ перейти и досадуя на не пропустившаго ихъ офицера, рѣшились перескочить черезъ барку, съ однаго края моста на другой; но въ семъ покушеніи своемъ оборвавшись, оба упали въ воду, и оба утонули. Темнота ночи, быстрое подъ мостомъ теченіе воды и крѣпкій вѣтръ способствовали Невѣ погребсти ихъ въ своихъ нѣдрахъ. Такъ, бывшимъ при разводѣ моста, полицейскимъ офицеромъ донесено о семъ съ ними приключеніи; но такъ-ли оно въ самомъ дѣлѣ происходило, это осталось во мракѣ неизвѣстности. Тѣла ихъ не были нигдѣ отысканы; и это подало поводъ долгое время носиться слухамъ, будто они не утонули, но уѣхали съ Вульфомъ въ Америку, и что Хвостовъ тамъ, перемѣня свое имя, сдѣлался королемъ [1]).

Не лишнее, кажется, упомянуть здѣсь о странной судьбѣ, случающейся иногда съ людьми. Хвостовъ, передъ первымъ отъѣздомъ своимъ въ Америку, жилъ вмѣстѣ съ однимъ офицеромъ [2]). Оба они были великіе охотники до мореплаванія: достали себѣ маленькій яликъ, оснастили его, поставили мачту и паруса и всякій день по Невѣ катались. Въ одно утро, Хвостовъ приходитъ домой въ то самое время, когда товарищъ его идетъ на яликъ и зоветъ его съ собою. Хвостову очень хотѣлось покататься; но ему наканунѣ предложено было о вступленіи въ Американскую компанію, и назначенъ самый этотъ часъ придти въ нее для сдѣланія условій. Необходимость принудила его отказать товарищу своему ѣхать съ нимъ; и этотъ офицеръ, въ тожъ самое утро, катаясь на яликѣ своемъ, опрокинулся и утонулъ. Хвостовъ остался чтобъ, по совершеніи описанныхъ нами съ нимъ происшествій, утонуть въ той-же самой Невѣ! — Сожалѣя о судьбѣ ихъ съ Давыдовымъ, написалъ я на смерть ихъ слѣдующіе стихи:

Два храбрыхъ воина, два быстрые орла,
Которыхъ въ юности созрѣли ужъ дѣла,
Которыми враги, средь Финскихъ водъ, попраны,
Которыхъ мужеству дивились океяны, —

[1]) Г. Лонгиновъ передаетъ еще другой куріозный слухъ: разсказывали, что знаменитый Боливаръ никто иной, какъ бѣжавшій изъ Россіи Хвостовъ (Соч. Держ., 1-ое акад. изд., т. III, стр. 745).

[2]) На полѣ рукописи чужою рукою написано: Демидовъ.

Переходя чрезъ мостъ, въ Невѣ кончаютъ вѣкъ!......
О странная судьба! о бренный человѣкъ!
Чего не отняли ни степи, ни пучины,
Ни горъ крутыхъ верхи, ни страшныя стремнины,
Ни звѣри лютые, ни самъ свирѣпый врагъ, —
То отнялъ все одинъ.... неосторожный шагъ! [1]).

Безсомнѣнія заступа моя за сихъ офицеровъ не могла быть пріятна Чичагову; и хотя не перемѣнилъ онъ довольно пріязненнаго по наружности обращенія своего со мною, однакожъ вѣроятно, во внутренности души своей, былъ недоволенъ моими поступками и, можетъ быть, часто не въ хорошемъ видѣ изображалъ меня государю, который, какъ думать должно, и безъ того, за найденные у меня послѣ Тильзитскаго мира французскіе стишки и за письмо, написанное мною къ летавшему на воздушномъ шару Львову, былъ на меня въ негодованіи. Другихъ причинъ неблаговоленію его, явно мнѣ оказываемому, не могъ я никакъ проникнуть. Сію немилость его почиталъ я однакожъ меньше, нежели оная въ самомъ дѣлѣ была, какъ я вскорѣ о томъ по слѣдующему случаю узналъ. При новомъ составленіи государственнаго совѣта (въ 1810 году), между тѣми, кои наименованы членами онаго, первенствующими были Мордвиновъ и старикъ Философовъ[2]). Они, будучи для сего вызваны, пріѣхали въ Петербургъ; и первый изъ нихъ остановился на время въ моемъ домѣ, а другой — въ сосѣдствѣ, подлѣ меня. Важная должность государственнаго секретаря поручена была молодому новопоявившемуся чиновнику Сперанскому[3]). Мордвиновъ изъявилъ мнѣ намѣреніе свое ходатайствовать у государя императора о помѣщеніи

---

[1]) По тому же случаю, написали стихотворенія Анна Волкова (Русск. Вѣст., дек. 1809) и Державинъ, подъ заглавіемъ: „Въ память Давыдова и Хвостова" (Соч. Держ., т. III, стр. 30).

[2]) Михаилъ Михаиловичъ Философовъ отличился въ семилѣтнюю войну; былъ отправленъ Екатериной чрезвычайнымъ посломъ въ Данію (1768), гдѣ высказалъ замѣчательное искуство въ борьбѣ противъ министра-фаворита Струензе. Павелъ пожаловалъ его генералъ-аншефомъ и смоленскимъ военнымъ губернаторомъ. Умеръ въ глубокой старости, въ 1811 г..

[3]) Въ 1810 году, едвали можно было назвать Сперанскаго „новопоявившимся." Онъ уже нѣсколько лѣтъ какъ, по порученію государя, занимался составленіемъ плановъ разныхъ внутреннихъ преобразованій; съ 1808 г., работалъ въ кабинетѣ самаго государя; носилъ званія товарища министра юстиціи, управляющаго коммиссіей составленія законовъ, члена главнаго правленія училищъ и канцлера абоскаго университета; и былъ составителемъ тѣхъ манифестовъ и указовъ, которые такъ сильно возстановили противъ него большинство современниковъ.

меня въ члены совѣта; но я просилъ его не говорить о томъ ни слова. Однажды Философовъ, съ которымъ я совсѣмъ не былъ знакомъ, пріѣхалъ къ нему и спросилъ у меня: какимъ образомъ я не членъ совѣта? — Я отвѣчалъ, что не имѣю никакого права быть онымъ. Онъ вскорѣ послѣ того уѣхалъ и, часа черезъ два, прислалъ просить меня къ себѣ; и когда я пришелъ къ нему, то онъ сказалъ мнѣ: — „Я передъ вами виноватъ." — „Въ чемъ?" спросилъ я. — „Въ томъ," отвѣчалъ онъ, „что, удивясь тому что вы не членъ совѣта, я, изъ усердія къ вамъ и еще болѣе къ общей пользѣ, поѣхалъ прямо къ государю доложить ему о томъ. Но, къ крайнему сожалѣнію моему, увидѣлъ въ немъ такое къ вамъ неблаговоленіе, что, при сильномъ настояніи моемъ, онъ напослѣдокъ сказалъ мнѣ, что лучше согласится не царствовать, нежели сдѣлать васъ членомъ. Я не могу понять, кто такъ несправедливо очернилъ васъ въ его умѣ. Простите неосторожное, но чистосердечное покушеніе мое, на которое подвигнутъ я былъ уваженіемъ къ вашимъ достоинствамъ." — Я поблагодарилъ его за доброе мнѣніе обо мнѣ, но изъявилъ ему сожалѣніе мое, что онъ о намѣреніи своемъ меня не предувѣдомилъ. Сіе приключеніе, открывшее мнѣ, свыше всякаго воображенія моего, гнѣвъ на меня государевъ, крѣпко меня потревожило; но наконецъ, чувствуя себя невиннымъ, я успокоился и пересталъ о томъ думать.

Все вниманіе мое обратилось по-прежнему къ любимымъ занятіямъ моимъ по словесности. Мы, какъ я выше упоминалъ, продолжали еще собираться и провождать вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій. Нѣкто, пріѣхавшій изъ Москвы, князь Голицынъ, разумѣвшій больше по-французски, нежели по-русски, но любившій однакожъ и свой языкъ, предложилъ намъ изъ домашнихъ нашихъ собраній сдѣлать общественныя, приглашая на оныя всѣхъ любителей словесности. Предложеніе сіе намъ понравилось. Въ домѣ у Державина, была удобная для сего зала, могущая помѣстить въ себѣ немалое число слушателей и быть прекрасно освѣщенною огнями[1]). Мы стали помышлять о томъ и сдѣлали слѣдующее распоряженіе: составить сословіе изъ четырехъ разрядовъ, изъ коихъ въ каждомъ долженъ быть одинъ предсѣдатель и нѣсколько членовъ или сотрудниковъ[2]), читать по-очереди

[1]) Описаніе этой залы въ домѣ Державина, на Фонтанкѣ, и убранства ея во время засѣданій Бесѣды, сдѣлано А. С. Стурдзою (Письма Карамзина къ Дмитріеву. С. П. Б. 1866. стр 060).

[2]) Вигель (Воспоминанія, ч. III, стр. 151) говоритъ, что это дѣленіе на четыре разряда „былъ сущій вздоръ, ибо въ предметахъ занятій между разря-

каждому предсѣдателю сочиненную имъ главную статью, послѣ которой всякій членъ того разряда, или же и посторонній писатель, можетъ, съ одобренія всего сословія, читать произведеніе свое стихами или прозою, съ тѣмъ только, чтобъ всѣ сіи чтенія не долѣе двухъ, или двухъ съ половиною часовъ продолжались; приглашать на сіи чтенія какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, изъ которыхъ двѣ писательницы, Бунина [1]) и Волкова [2]), причислены были къ членамъ сословія. Въ предсѣдатели избраны: Державинъ, Захаровъ[3]), Хвостовъ и я. Распорядя такимъ образомъ, надлежало рѣшить два вопроса: первый, какъ назвать сіи чтенія? второй, кому первому читать? — Я предложилъ ихъ назвать *Бесѣдами любителей русскаго слова,* и всѣ на то согласились. По второму вопросу, — никто первый не хотѣлъ начать. Я принужденъ былъ принять это на себя. Приготовился; написалъ статью, подъ названіемъ: *рѣчь при открытіи Бесѣды* (см. оную въ IV части Собранія сочиненій моихъ, стран. 108). Въ ней, разсуждая о словесности, приводилъ я выписки изъ многихъ нашихъ стихотворцевъ и писателей, выказывая красоты ихъ и возбуждая любовь къ языку нашему и чтенію на немъ собственныхъ нашихъ произведеній. Собраніе было многочисленно и состояло изъ отличнѣйшихъ обоего пола особъ. Рѣчь мою слушали съ великимъ вниманіемъ: во время чтенія, царствовала совершенная тишина и безмолвіе. Послѣ меня, Крыловъ[4]) читалъ свои басни, остротою и солью своею всѣмъ понравившіяся. Бесѣда кончилась къ общему всѣхъ удовольствію. Всѣ отзывались объ ней съ похвалою. Графиня Строгонова сказала мнѣ: — „Когда сначала увидѣла я лежащую передъ вами тетрадь, которая показалась мнѣ велика, то подумала, что вы чтеніемъ своимъ наскучите; но когда слушала его, то сожалѣла, что оно такъ коротко, и съ радостью желала

дами не было никакого различія.“ Кромѣ предсѣдателя, каждый разрядъ имѣлъ своего особаго попечителя; первыми попечителями были — гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій и Дмитріевъ.

[1]) Анна Петровна (1774—1829), одна изъ первыхъ и лучшихъ нашихъ писательницъ; написала нѣсколько хорошихъ дидактическихъ и лирическихъ стихотвореній.

[2]) Анна Алексѣевна (р. 1781) тоже пользовалась въ свое время извѣстностью. Шишковъ ей особенно покровительствовалъ и, въ 1807 г., издалъ ея стихотворенія, съ своимъ предисловіемъ (С. П. Б., въ 8).

[3]) Иванъ Семеновичъ Захаровъ оставался предсѣдателемъ одного изъ разрядовъ Бесѣды, въ продолженіе двухъ лѣтъ; его мѣсто занялъ Муравьевъ-Апостолъ. Захаровъ умеръ сенаторомъ въ 1816 г..

[4]) Вигель замѣчаетъ: списокъ членовъ Бесѣды „украшался именемъ Крылова, какъ вечернія собранія ихъ оживлялись немного чтеніемъ его басенъ.“

бы еще два часа слушать." — Бесѣда сія имѣла добрый успѣхъ: многія присутствовавшія въ ней госпожи почувствовали, что не похвально языкъ свой презирать и многихъ прекрасныхъ на немъ сочиненій не читать и не знать. На другой день, пріѣзжаю я къ графинѣ Строгоновой и въ первый разъ нахожу у ней Крылова, читающаго басни свои, посреди окружающихъ его слушателей и слушателницъ. Въ это время пріѣзжаетъ къ ней сардинскій посланникъ, графъ Мейстеръ[1]). Послѣ весьма короткаго ему привѣтствія, чтеніе продолжается по-прежнему. Онъ, помедливъ нѣсколько и видя, что всѣ слушаютъ, и никто имъ не занимается, оборотился ко мнѣ и сказалъ по-французски: — „Я вижу нѣчто новое, никогда небывалое: читаютъ по-русски, — языкъ, котораго я не разумѣю, и рѣдко слышу, чтобъ въ знатныхъ домахъ на немъ говорили! Нечего мнѣ дѣлать здѣсь. Прощайте." — Сказавъ это, потихоньку вышелъ и уѣхалъ. О, когда бы первое внушеніе сіе могло усилиться и навсегда остаться! но трудно преодолѣть долговременный навыкъ, съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ воспитаніемъ укореняемый!

Чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, пришла опять очередь моей Бесѣды. Я написалъ *разсужденіе о любви къ отечеству* (см. въ той же IV части Собранія сочиненій моихъ, стран. 147); но не смѣлъ онаго читать. Времена казались мнѣ такія, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванствѣ посланника его Колинкура *), а притомъ зная и неблаговоленіе ко мнѣ государя императора, опасался, чтобъ не поставили мнѣ это въ какое нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства воз-

*) Извѣстно что, по требованію Наполеона, вице-адмиралу Сенявину, прогнѣвавшему его стойкостью своею въ неотдачѣ Бокка-ди-Катаро[2]), запрещенъ былъ входъ во дворецъ. Колинкуръ, на балахъ, имѣлъ иногда дерзость отказывать императрицѣ танцовать съ нею. Я самъ видѣлъ, что онъ, при разъѣздѣ изъ одного дома, за краткое ожиданіе своей кареты, такъ кричалъ на полицейскаго офицера, какъ бы на самаго послѣдняго изъ своихъ подчиненныхъ.

[1]) Гр. Іосифъ де Местръ, извѣстный писатель и ревностнѣйшій поборникъ католицизма, въ продолженіе 14-ти лѣтъ (1802—1816), прожилъ въ Петербургѣ, въ званіи сардинскаго посланника, и оставилъ въ Россіи множество друзей и поклонниковъ.

[2]) Твердость и самостоятельность, оказанныя въ этомъ обстоятельствѣ нашимъ славнымъ адмираломъ, оправдались послѣдовавшимъ отказомъ императора Александра ратификовать условія, подписанныя уполномоченнымъ Убри (1806). — Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ умеръ въ 1831 г..

буждать гордость народную, или бы иными какими толками не умножили на меня еще болѣе гнѣвъ царскій. Въ семъ страхѣ потребовалъ я, чтобъ чтеніе опредѣлено было согласіемъ всѣхъ четырехъ разрядовъ Бесѣды. Всѣ согласились подписать. День насталъ. Собраніе было многолюдное. Я старался читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, — можетъ быть иные были тутъ и не совсѣмъ довольны собою, однакожъ, казалось, возвышаемая мною добродѣтель надъ всѣми вообще сильно подѣйствовала [1]).

---

[1]) Во второмъ отдѣлѣ нашего изданія помѣщены Записки, составленіе которыхъ относится къ 1818-му году. Шишковъ озаглавилъ ихъ: „Домашнія мои Записки“ Мы исключили изъ числа статей этого отдѣла два разсказа, посвященные времени пребыванія Шишкова при особѣ государя, въ должности государственнаго секретаря; такъ какъ они ничто иное какъ первоначальная редакція того-же самаго повѣствованія, которое печатается нами въ настоящемъ отдѣлѣ, по болѣе подробной редакціи 1828 года. Эти два разсказа суть: 1. „Важнѣйшій случай въ моей жизни“; и 2. „Краткія Записки второго путешествія моего, въ званіи государственнаго секретаря.“ Выписываемъ начало перваго изъ этихъ разсказовъ:

„Я описываю бывшія со мною приключенія не съ начала, и довожу ихъ не до конца (хотя можетъ быть и то и другое не недостойно было бы любопытства); но излагаю одинъ только важнѣйшій случай, присовокупляя къ нему нѣкоторыя предварительныя обстоятельства, нужныя для объясненія онаго.

„Наименованіе меня въ 1812 году государственнымъ секретаремъ было нѣкое необыкновенное, не только мною, но и никѣмъ неожидаемое событіе, по нижеслѣдующимъ причинамъ: — При возшествіи государя императора Александра Перваго на престолъ, былъ я вице-адмираломъ и членомъ адмиралтейской коллегіи, поступившимъ въ оную изъ генералъ-адъютантовъ. Сіе носимое мною званіе, также долговременная служба моя и порученіе, какъ при концѣ жизни покойнаго, такъ и при началѣ царствованія нынѣшняго императора, въ случаѣ отсутствія или болѣзни перваго по флоту лица, исправлять должность его и ходить съ докладами, давали мнѣ право отличія и помѣщали меня въ число государственныхъ чиновниковъ. Сначала былъ я точно въ семъ положеніи, пользуясь благоволеніемъ ко мнѣ его величества; но вскорѣ обстоятельство сіе перемѣнилось. Причиною сему, думаю, было несогласіе мое съ Чичаговымъ, заступившимъ, по отставкѣ адмирала Мордвинова, мѣсто министра морскихъ силъ, и снискавшимъ великую довѣренность отъ государя императора. Какъ бы то ни было, но съ того времени началъ я видѣть знаки немилостей ко мнѣ царскихъ. Долгое время преданный забвенію, не обращалъ я ни малѣйшаго на себя вниманія, словно какъ бы не имѣющій никакихъ заслугъ и достоинствъ. Наконецъ слѣдующій случай далъ мнѣ еще болѣе почувствовать мою опалу. Учрежденіе государственнаго совѣта подало поводъ къ избранію въ оный многихъ членовъ. Я не удостоенъ былъ сей чести, и хотя, зная мое положеніе, ни мало о томъ не помышлялъ, однакожъ чрезъ то еще болѣе удостовѣрился не въ простомъ токмо забвеніи, но въ явномъ на меня гнѣвѣ.“ (Ходатайство Философова и рѣшительный отказъ государя.) „Между тѣмъ случай сей утвердилъ меня еще болѣе въ тѣхъ мысляхъ, чтобъ

Вскорѣ послѣ сего случилось неожидаемое приключеніе, которое многихъ, въ томъ числѣ и меня, не знавшаго ни о какихъ придворныхъ дѣлахъ и таинствахъ, крайне удивило, а именно: вдругъ слышу я, что велѣно всѣ бумаги государственнаго секретаря Сперанскаго опечатать и его, въ двадцать четыре часа, подъ стражею выслать изъ города [1]). Въ тоже время, Мордвиновъ сталъ просить объ увольненіи его изъ службы. Оба сіи случая были нѣчто необычайное, наводившее нѣкій страхъ. Заключая изъ того о какихъ нибудь великихъ перемѣнахъ, я усѣлся дома, дабы не показать себя любопытствующимъ. Въ одно утро, приходитъ ко мнѣ человѣкъ мой и говоритъ: — „Какой-то, не знаю — слуга или баринъ, принесъ къ вамъ письмо." — „Спроси, отъ кого?" — „Минуты черезъ двѣ, человѣкъ входитъ опять и говоритъ: — „Онъ, сударь, уѣхалъ и письма не оставилъ." — „Какъ это?" — „Да лишь только я сказалъ ему, что вы велѣли спросить отъ кого, то онъ бросился благимъ матомъ съ лѣстницы долой и тотчасъ на извощикѣ ускакалъ." — Я весь день объ этомъ странномъ приключеніи продумалъ и даже ночью не могъ скоро заснуть*). На другой день, по-утру, проснулся я съ головной болью; и въ самое то время, какъ вчерашнее неизвѣстное отъ неизвѣстнаго письмо пришло мнѣ опять на мысль и нѣсколько меня тревожило, вдругъ сказываютъ мнѣ, что отъ государя присланъ ко мнѣ фельдъегерь. Едва могъ я тому повѣрить. Удивленный до чрезвычайности, выхожу къ нему и спрашиваю о при-

---

*) Оно и понынѣ осталось отъ меня сокрыто.

не думать и уклоняться отъ всякихъ почетныхъ должностей и мѣстъ. Предавшись любимымъ моимъ занятіямъ по словесности, я былъ спокоенъ и доволенъ." (Учрежденіе Бесѣды любителей россійскаго слова. Рѣчи „о словесности" и „о любви къ отечеству.") „Симъ образомъ провождая время, котораго отъ начала царствованія государя императора протекло уже болѣе десяти лѣтъ, не помышлялъ я ни о какихъ званіяхъ и должностяхъ. Происходившія вокругъ меня перемѣны ни мало не оскорбляли моего честолюбія. Мнѣ казалось, что я изъ положенія моего никогда не выду, и къ сей мысли такъ я привыкъ, что она вмѣсто огорченія приносила мнѣ удовольствіе. Насталъ 1812 годъ." (Паденіе Сперанскаго и т. д.)

[1]) 17 марта 1812 г. — Сперанскій былъ сначала отвезенъ въ Нижній Новгородъ, потомъ перемѣщенъ въ Пермь; а наконецъ получилъ дозволеніе поселиться въ своемъ новгородскомъ имѣніи, Великопольѣ. Въ 1816 г. кончилась его ссылка, но долго еще не давали ему возможности возвратиться въ столицу: три года онъ оставался гражданскимъ губернаторомъ въ Пензѣ и два года — генералъ-губернаторомъ въ Сибири. Лишь въ 1821 г. возвратился Сперанскій въ Петербургъ.

чинѣ его присылки. Онъ отвѣчаетъ: — „Государь приказалъ васъ просить къ себѣ.“ — Смутясь еще болѣе, сказалъ я: — „Донеси, что сейчасъ буду.“ — Одѣлся. Поѣхалъ. Дорогою размышляю: чему бы такому быть? и не могу ничего придумать. Хотя по совершенному удаленію моему отъ всякихъ дѣлъ, казалось ничто не могло до меня касаться, однакожъ высылка Сперанскаго, отставка Мордвинова, какое-то ко мнѣ тайное письмо и наконецъ явное неблаговоленіе ко мнѣ государя императора — приводили меня въ великое безпокойство. Я увѣренъ былъ въ моей невинности; но чего не можетъ сплести клевета?!... Пріѣзжаю во дворецъ; вхожу въ секретарскую, въ которой я уже болѣе десяти лѣтъ не бывалъ; приказываю о себѣ доложить и вижу тутъ нѣсколько генераловъ, стоящихъ молчаливо и поглядывающихъ на меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Черезъ нѣсколько минутъ выходитъ отъ государя статсъ-секретарь Молчановъ [1]) и, подойдя ко мнѣ, спрашиваетъ, зачѣмъ я здѣсь? Отвѣтъ мой былъ: — „Не знаю. Государь за мною присылалъ.“ — „Какъ!“ вскричалъ онъ, „государь за тобою присылалъ? О! такъ я отъ тебя скорѣе уйду.“ — И ушелъ. Слова его еще больше меня встревожили. Однакожъ, чтобъ такое ни было, я приготовился отвѣчать съ твердостью. Тутъ скоро позвали меня къ государю [2]). Я вошелъ, и онъ гово-

[1]) Петръ Степановичъ, получившій вскорѣ послѣ того большое вліяніе въ дѣлахъ, когда его покровитель, фельдмаршалъ графъ (впослѣдствіи князь) Никол. Ив. Салтыковъ, былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета министровъ и государственнаго совѣта.

[2]) Слѣдующій затѣмъ разсказъ, до времени возвращенія государя и автора Записокъ въ Петербургъ (въ іюлѣ 1814 г.), былъ напечатанъ съ пропусками и смягченіями подъ заглавіемъ: „Краткія Записки адмирала А. Шишкова, веденныя имъ во время пребыванія его при блаженной памяти государѣ императорѣ Александрѣ Первомъ, въ бывшую съ Французами въ 1812 и послѣдующихъ годахъ войну.“ (С. П. Б. Изд. 1-ое, 1831. Изд. 2-ое, 1832.) Эти „Краткія Записки“ вошли и въ „Собраніе сочиненій и переводовъ А. Шишкова“ (ч. XVI, 1834, стр. 1—256). Нѣмецкій переводъ ихъ Карла Голдхаммера изданъ въ Лейпцигѣ, 1832 г.. Въ предувѣдомленіи, Шишковъ приводитъ письмо свое къ императору Николаю Павловичу, въ которомъ онъ испрашиваетъ дозволеніе напечатать одобренныя уже цензурой Записки свои и посвятить ихъ высочайшему имени; въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: „Во время войны съ Французами, находясь при государѣ императорѣ, велъ я записки не о политическихъ и военныхъ дѣйствіяхъ, но о тѣхъ монаршихъ повелѣніяхъ, которыхъ изложеніе возлагалось на меня, и о тѣхъ случаяхъ и приключеніяхъ, которымъ былъ я очевидецъ. Блаженныя памяти государь императоръ, безсомнѣнія въ томъ предположеніи, что я не оставлю сего знаменитаго путешествія безъ нѣкотораго описанія, отдавалъ мнѣ всѣ подносимыя ему бумаги.“ Издавая свои Записки, авторъ могъ имѣть особыя причины —

ритъ мнѣ: — „Я читалъ разсужденіе ваше [1]) о любви къ отечеству. Имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется у насъ не обойдется безъ войны съ Французами; нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобъ вы написали о томъ манифестъ [2]).“ — На это отвѣчалъ я: — „Государь! я никогда не писывалъ подобныхъ бумагъ; это будетъ первый мой опытъ; а потому и не знаю, могу ли достойнымъ образомъ исполнить сіе порученіе. Попытаюсь. Но притомъ осмѣлюсь спросить: какъ скоро это надобно?“ — „Сегодня или завтра,“ сказалъ онъ. — „Приложу всякое мое стараніе,“ отвѣчалъ я, „но долженъ донести вашему величеству, что я подверженъ головнымъ болѣзнямъ, которыя такъ иногда усиливаются, что я лежу безъ движенія въ постели. Проснувшись сегодня съ сею болью, я опасаюсь, чтобъ она, умножась, не лишила меня силъ исполнить въ скорости ваше повелѣніе.“ — „Ежели не можете скоро,“ отвѣчалъ мнѣ государь, „то хотя дня черезъ два или три.“ — Тутъ мы разстались. Я пріѣхалъ домой, избавясь отъ тревожившихъ меня мыслей. По счастію, къ вечеру головѣ моей стало легче. Я сѣлъ и написалъ манифестъ (см. въ Собраніи высочайшихъ манифестовъ съ 1812 по 1817 годъ, стран. 1.). На другой день, по-утру, пріѣзжаю къ государю. Онъ встрѣтилъ меня сими словами: — „Вы скорѣе исполнили, нежели обѣщали.“ — Я прочиталъ ему мою бумагу; онъ былъ доволенъ ею; и когда я сказалъ ему, что я не очень чисто пишу, но что не смѣлъ иначе написать ее какъ моей рукою, то онъ отвѣчалъ: — „Очень хорошо; оставьте ее у меня: я велю переписать.“ — Послѣ сего, поблагодарилъ меня и отпустилъ [3]). На другой день пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ знакомый

цензурныя требованія, или личныя соображенія, — чтобы иное мѣсто выпустить, другое — смягчить; во всякомъ случаѣ, причины эти не существуютъ теперь; и, въ настоящемъ изданіи, какъ эта часть Записокъ, такъ и все остальное, печатается по рукописи съ дипломатическою точностью.

[1]) Въ печатномъ текстѣ, императоръ Александръ говоритъ Шишкову „ты.“ — Мы впрочемъ не будемъ слѣдить за всѣми различіями редакціи текстовъ; но воспользуемся и печатнымъ, когда онъ можетъ чѣмъ-либо пополнить нашу рукопись.

[2]) „въ которомъ-бы побудительнымъ для народа образомъ изложена была необходимость сей предпріемлемой правительствомъ мѣры.“ (По рукописи 1818 года.)

[3]) Здѣсь, въ печатныхъ изданіяхъ, слѣдуетъ самый манифестъ, и прибавлено: „Государь, приказавъ прибавить къ сей бумагѣ правила, на какихъ должно было сдѣлать сей наборъ, подписалъ ее и въ тотъ же день (23 марта 1812) отослалъ въ сенатъ.“ Мы помѣщаемъ этотъ манифестъ въ „Приложеніяхъ“ (I), вмѣстѣ съ другими, написанными въ 1812—1816 гг. Шишковымъ манифестами, указами и проч., которые упоминаются въ Запискахъ, но не включены въ

мнѣ сенаторъ и говоритъ: — „Я сейчасъ изъ сената, гдѣ намъ читали написанный тобою манифестъ о рекрутскомъ наборѣ.“ — „Почему ты знаешь,“ спросилъ я, „что онъ писанъ мною?“ — „Потому,“ отвѣчалъ онъ, „что многіе узнали твою руку, а притомъ и по слогу, отличающемуся отъ прежнихъ манифестовъ.“ — Тутъ узналъ я, что государь подписалъ ту самую бумагу, которую отъ меня взялъ.

Черезъ нѣсколько дней Балашовъ[1]), увидясь со мною, сказалъ мнѣ: — „Императоръ сбирается съ войсками ѣхать въ походъ, и думаю возьметъ тебя съ собою.“ — На это отвѣчалъ я: — „Куда мнѣ, въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ, таскаться по походамъ!“ — Этотъ нашъ разговоръ разнесся тотчасъ по всему городу, съ обыкновенными прибавленіями: будто государь предлагалъ мнѣ ѣхать съ нимъ, но я отъ того отказался. Молва сія была мнѣ досадна; я опасался, что она дойдетъ до императора и можетъ подать ему поводъ къ новому на меня неудовольствію. По прошествіи нѣкотораго времени, заѣхалъ я къ Козадавлеву, исправлявшему тогда должность внутренняго министра[2]). Онъ показалъ мнѣ изъ разныхъ городовъ три письма, въ которыхъ отовсюду отзываются, что присланный къ нимъ манифестъ не только не произвелъ того прискорбія, какое обыкновенно, при подобныхъ требованіяхъ, бываетъ, но что напротивъ всѣми вообще съ радостью былъ читанъ. Признаюсь, что это меня до слезъ тронуло; и я поѣхалъ отъ него съ удовольствіемъ.

Между тѣмъ время проходило, и государь меня больше не спрашивалъ. Слухи объ опредѣленіи меня къ нему умолкли; а

текстъ рукописи. „Собраніе“ этихъ бумагъ, изданное въ 1816 г., сдѣлалось почти библіографическою рѣдкостью; „Полное Собраніе Законовъ,“ и по цѣнѣ и по рѣдкости, еще недоступнѣе. Между тѣмъ, эти бумаги составляютъ краснорѣчивый памятникъ одной изъ славнѣйшихъ эпохъ нашей отечественной исторіи; а потому мы сочли умѣстнымъ включить ихъ въ наше изданіе.

[1]) Министръ полиціи (министерство это учреждено 25 іюля 1810 г.) и вмѣстѣ съ тѣмъ петербургскій военный губернаторъ, Александръ Дмитріевичъ Балашовъ (1770—1837), служилъ прежде оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Въ концѣ царствованія Александра, былъ генералъ-губернаторомъ тульскимъ, рязанскимъ, орловскимъ, тамбовскимъ и воронежскимъ.

[2]) Осипъ Петровичъ Козадавлевъ (1755—1819), сначала управлявшій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ отсутствіи кн. Куракина, — былъ переименованъ изъ товарищей въ министры, когда сей послѣдній отказался отъ должности; управлялъ нѣкоторое время и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Козадавлевъ былъ человѣкъ образованный; занимался литературой; въ молодости участвовалъ въ изданіи „Собесѣдника любителей россійскаго слова“; въ старости основалъ, при своемъ министерствѣ, газету „Сѣверную Почту.“

наконецъ и день отъѣзда его былъ назначенъ. Увѣрясь совершенно, что я остаюсь по-прежнему дома, принялся я опять за мои обыкновенныя упражненія; но вдругъ, по-утру, въ самый тотъ день, какъ ему ѣхать надлежало, присылаетъ онъ за мною. Я пріѣзжаю; вхожу. Онъ говоритъ мнѣ: — „Я бы желалъ, чтобъ вы поѣхали со мною. Можетъ быть, для васъ это и тяжело; но для отечества нужно.“ — „Государь!“ сказалъ я съ нѣкоторымъ жаромъ, „силы и способности мои не отъ меня зависятъ; но въ ревности и усердіи служить вашему величеству я никому не уступлю. Употребите меня какъ и куда угодно: я готовъ остальные дни мои посвятить вамъ и отечеству. Между тѣмъ однакожъ,“ примолвилъ я съ нѣкоторою улыбкою, „позвольте, государь, донести вамъ о себѣ правду: я морской человѣкъ; съ сухопутными войсками никогда не хаживалъ; плавалъ всегда на корабляхъ; и даже верхомъ ѣздить не смогу и не умѣю: — вы будете имѣть во мнѣ худого вамъ сопутника.“ — На это отвѣчалъ онъ мнѣ, также усмѣхнувшись: — „Мое дѣло употреблять васъ тамъ, гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности.“ — Тутъ подписалъ онъ указъ, повелѣвающій мнѣ быть при его особѣ въ званіи государственнаго секретаря, съ жалованьемъ по двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ [1].

---

[1]) Я. К. Гротъ, въ статьѣ „Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина“ (Сборникъ статей, читанныхъ въ Отдѣл. русск. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ. Т. I, No. 10, стр. 42), приводитъ два свидѣтельства того что существовало предположеніе назначить въ должность государственнаго секретаря Н. М. Карамзина: „но,“ говоритъ г. Сербиновичъ, „Балашовъ, которому государь сообщилъ эту мысль, указалъ на Шишкова, какъ на заслуженнаго сановника и ревностнаго патріота, не задолго передъ тѣмъ обратившаго на себя вниманіе своею рѣчью „О любви къ отечеству.“ А гр. Блудовъ передавалъ почтенному академику, что „Александръ избралъ Шишкова, вѣроятно по наговорамъ, что Карамзинъ не способенъ къ такой должности.“ — Е. П. Ковалевскій („Графъ Блудовъ и его время,“ стр. 157) говоритъ, что „Александръ думалъ ему (Карамзину) дать назначеніе: послѣ паденія Сперанскаго, когда ему нужно было замѣнить его во время поѣздки за границу на конгрессъ“..... и, что назначеніемъ Шишкова онъ какъ будто хотѣлъ „показать Карамзину, что въ этомъ выборѣ ни привязанность, ни строгая оцѣнка достоинствъ не имѣли мѣста.“ Что привязанности къ Шишкову государь не имѣлъ никакой, — въ томъ убѣждаетъ свидѣтельство самого Шишкова; что строгой оцѣнки не было въ выборѣ между Карамзинымъ и Шишковымъ, — въ томъ согласиться не трудно; но нельзя не подивиться результату выбора, если имѣлся въ виду человѣкъ, нужный для сопутствованія государя на конгрессъ. Не понимаемъ впрочемъ, о какомъ конгрессѣ могъ помышлять Александръ, въ мартѣ 1812 г. (не о свиданіи же съ Бернадотомъ?). Онъ тогда уже былъ убѣжденъ въ неизбѣжности войны съ Наполеономъ и предвидѣлъ, что борьба будетъ упорная. Надо было изготовиться къ ней всѣми народными силами; для этого необходимо располагать довѣріемъ народа; а чтобы внушить это довѣріе, нужно прежде всего умѣть говорить съ народомъ. И такъ вопросъ со-

Вскорѣ за симъ отправился онъ въ путь, въ Вильну [1]), дозволивъ мнѣ остаться послѣ себя дня два или три дома, для приготовленія къ сему походу, о которомъ я до самаго сего времени не имѣлъ ни малѣйшаго помысла. Изъ Царскаго Села прислалъ онъ приказаніе дать мнѣ придворную коляску и съ лошадьми, которая бы всегда находилась при мнѣ. На третій день, простясь съ женою и домашними моими, отправился и я въ тотъ же путь. Дорога была грязная. На однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ не могъ я скоро ѣхать; для того, оставя коляску, досталъ бричку и поѣхалъ на перемѣнныхъ; но и въ томъ, по причинѣ замученныхъ на почтахъ лошадей, мало имѣлъ успѣха. Дотащась кое-какъ ночью до селенія Видзы, лошади мои такъ увязли въ грязи, что никакимъ образомъ не могли вытащить брички. Извощикъ и бывшій со мною человѣкъ побѣжали будить обывателей. Я остался одинъ и слишкомъ часъ сидѣлъ, ожидая своего освобожденія. Тутъ принужденъ былъ ночевать; и какъ въ семъ мѣстечкѣ находился великій князь Константинъ Павловичъ [2]), то счелъ я за должное поутру побывать у него съ моимъ высокопочитаніемъ. Онъ побесѣдовалъ, пошутилъ со мною; и потомъ мы разстались. Послѣднюю станцію отъ Свинціянъ до Вильны, по безсилію лошадей, долженъ я былъ почти всю идти пѣшкомъ. По пріѣздѣ моемъ, государь принялъ меня милостиво [3]), изъявилъ сожалѣніе свое о безпокойномъ путешествіи моемъ и приказалъ, для житья моего, отвесть мнѣ двѣ комнаты въ томъ домѣ, гдѣ самъ онъ жилъ. Въ Вильнѣ находились при немъ слѣдующіе изъ знаменитѣйшихъ особъ: принцы Олденбургскій [4]) и Виртембергскій [5]); Барклай-де-

стоялъ въ томъ, чтобы запастись простымъ, правдивымъ, искреннимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сильнымъ и воодушевляющимъ къ подвигу словомъ. Такое слово, показалось Александру, звучитъ въ „Разсужденіи о любви къ отечеству"; опытъ съ манифестомъ о наборѣ оправдалъ чуткость его слуха; и онъ, подавляя въ себѣ всякое личное чувство, рѣшается приблизить къ себѣ, для ежечасныхъ сношеній, человѣка, который, во многихъ отношеніяхъ, не былъ ему по-сердцу. Не думаемъ оправдывать предпочтеніе, оказанное Александромъ Шишкову; указываемъ только на ближайшее побужденіе, которое могло оказать вліяніе на этотъ выборъ.

[1]) 9-го апрѣля, и прибылъ въ главную квартиру 1-й арміи, находившуюся въ Вильнѣ, 14-го числа.

[2]) Онъ командовалъ 5-мъ пѣхотнымъ (гвардейскимъ) корпусомъ, входившимъ въ составъ 1-й арміи.

[3]) „разсказалъ мнѣ о распоряженіяхъ своихъ и окружающихъ его особахъ, изъ числа коихъ упоминалъ съ похвалою объ отставномъ нашемъ генералѣ Бениксонѣ, извѣстномъ Шведѣ Армфельдѣ и Прусакѣ Фулѣ." (По рукописи 1818 г.).

[4]) Принцъ Георгій Ольденбургскій, женатый на вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ, впослѣдствіи королевѣ Виртембергской; умеръ 27 дек. 1812 г..

[5]) Принцъ Александръ, братъ императрицы Маріи Ѳедоровны.

Толли, главноначальствующій надъ войсками [1]); генералъ Бенигсенъ, давно служащій въ нашей службѣ [2]); графъ Румянцовъ, министръ иностранныхъ дѣлъ; графъ Кочубей [3]); графъ Толстой; князь Волхонскій; графъ Аракчеевъ (любимецъ государевъ); Балашовъ; Нессельродъ[4]) и нѣкоторые другіе. Между иностранцами былъ при немъ нѣкто Фуль, Прусакъ, въ великой у него, по части военнаго искуства, довѣренности [5]). Во время пребыванія нашего въ Вильнѣ, многія вещи казались мнѣ странными, или иначе сказать такими, которыхъ я понимать не могъ. Упомянемъ здѣсь о нѣкоторыхъ. Первое, — меня удивляло, что государь говорилъ о Барклаѣ, какъ бы о главномъ распорядителѣ войскъ; а Барклай отзывался, что онъ только исполнитель его повелѣній. Могло ли, думалъ я, такое разнорѣчіе между ими служить къ благоустройству и пользѣ? — Второе, — меня удивляло, что мы съ войсками зашли въ Вильну и завезли запасы, предполагая оставить оную безъ всякаго сопротивленія непріятелю, отступая до Дриссы, гдѣ Фулю поручено было сдѣлать укрѣпленіе, при которомъ надлежало остановиться и дать сраженіе. Зачѣмъ, думалъ я, идти въ Вильну съ намѣреніемъ оставить ее и нести какъ бы на плечахъ своихъ непріятеля внутрь Россіи, которая всю свою надежду полагала на войски, и гдѣ никакихъ новыхъ силъ для обороны ея не было приготовлено? Развѣ бы непріятель, безъ отступленія нашего, не пошелъ къ намъ? И къ чему иному отступленіе сіе, весьма похожее на бѣгство, могло служить, какъ не къ тому, чтобъ слухами о немъ разливать повсюду страхъ и ужасъ? — Третіе, — меня удивляло, что великій князь Константинъ Павловичъ, пріѣхавъ на короткое время въ Вильну, остановился въ какомъ-то объ одной комнатѣ домикѣ. Мы пришли къ нему и должны были стоять на дворѣ, покуда насъ позовутъ. Въ это

---

[1]) Военный министръ Михаилъ Богдановичъ Барклай де Толли, сдавъ управленіе министерствомъ кн. А. И. Горчакову, принялъ начальство надъ 1-й Западной арміей.

[2]) Бар. Леонтій Леонтіевичъ, впослѣдствіи бывшій начальникомъ штаба у Кутузова, противъ котораго не переставалъ интриговать, въ надеждѣ получить главное начальство надъ русской арміей.

[3]) Гр. Викторъ Павловичъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ; при императорѣ Николаѣ, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ, и, въ 1831 г., получившій княжескій титулъ.

[4]) Гр. Карлъ Васильевичъ, бывшій потомъ государственнымъ канцлеромъ, состоялъ тогда при Александрѣ Павловичѣ, въ должности статсъ-секретаря.

[5]) Бывшій генералъ-маіоръ прусской службы, составитель извѣстнаго плана войны, къ счастію скоро оставленнаго.

время, въ продолженіе болѣе часа, вводили къ нему, человѣкъ по человѣку, нѣсколько солдатъ съ ружьями. Я не могъ иного себѣ представить, какъ то, что онъ увѣщеваетъ ихъ быть храбрыми, стоять твердо, смыкаться, не разрывать рядовъ; наставляетъ, какъ проворнѣе заряжать ружье, не торопясь цѣлить мѣтко, или тому подобное; но когда позвали меня къ нему, то увидѣлъ я совсѣмъ иное: онъ показывалъ имъ въ какомъ положеніи держать тѣло, голову, грудь; гдѣ, у ружья, быть рукѣ и пальцу; какъ красивѣе шагать, повертываться; и другіе тому подобные пріемы, часто съ перемѣною мыслей перемѣняемые, и всегда связывающіе человѣка, отъемля у него ловкость и свободу движенія. Какъ! думалъ я, то-ли теперь время, чтобъ заниматься такими пустыми мелочами? Казалось великій князь угадалъ мою мысль, потому что, взглянувъ на меня, сказалъ мнѣ: — „Ты вѣрно смотришь на это, какъ на дурачество?“ — Вопросъ сей такъ смутилъ меня, что я, ничего не отвѣчая, только низко поклонился. — Четвертое, меня удивляло, что присланному отъ Наполеона генералу показывали ученье нашихъ войскъ[1]). На что это? думалъ я, для того ли, чтобъ похвастать передъ нимъ благоустройствомъ ихъ? но то-ли было время, чтобъ симъ его удивлять или устрашать? Затѣмъ ли, чтобъ сдѣлать ему почесть? но согласно ли съ величіемъ россійскаго двора такое уваженіе подданному идущаго на насъ съ оружіемъ врага? Могло ли это хотя малѣйше служить къ отвращенію войны? — Наконецъ пятое, — удивило меня также и слѣдующее. Въ одинъ день позваны были мы (Балашовъ и я) къ Румянцову обѣдать. Тутъ нашли мы, проѣзжавшаго случайно черезъ Вильну, шведскаго генерала, который между прочими разговорами сказалъ намъ: — „Какая необычайность, что морскому адмиралу Чичагову поручено начальство надъ сухопутными войсками[2]).“ — При сихъ словахъ, вытаращили мы съ Балашовымъ другъ на друга глаза: тутъ только, отъ сего проѣзжаго иностранца, узнали мы, окружающіе государя, о семъ какъ бы тайно сдѣланномъ и дѣйствительно необыкновенномъ обстоятельствѣ.

Всѣ таковыя дѣла и поступки погружали меня въ печаль и безнадежность на успѣхи нашего оружія. Мы жили съ такою безпечностью, что даже не слыхали о непріятелѣ, словно какъ бы онъ былъ за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насъ. Занимались веселостями. Строили галлерею или залу, чтобъ дать въ ней велико-

---

[1]) Это былъ генералъ-адъютантъ Наполеона, гр. Нарбоннъ.

[2]) Чичаговъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Дунайской арміей.

лѣпный балъ; но зала сія еще не доконченная, дни за два или за три до назначеннаго въ ней пиршества, повалилась; и строитель ея пропалъ безвѣсти [1]). Случайность ли то была, или злонамѣреніе, располагавшее, чтобъ ей обрушиться во время собранія и задавить многихъ, — никто не знаетъ. Въ одинъ день [2]), проводя вечеръ съ довольною пріятностью, пришелъ я домой и, ни о чемъ не помышляя, легъ спокойно спать; какъ вдругъ, въ два часа по полуночи, будятъ меня и говорятъ, что государь за мною прислалъ. Я съ торопливостью вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ нему. Онъ былъ уже одѣтъ, и сидѣлъ за письменнымъ столикомъ, въ своемъ кабинетѣ. При входѣ моемъ, сказалъ онъ мнѣ: — „Надобно теперь же написать *приказъ нашимъ арміямъ* и къ *фелдмаршалу графу Салтыкову* *) о вступленіи непріятеля въ наши предѣлы“ **). — Я тужъ минуту бросился домой, и какъ ни встревоженъ былъ симъ неожидаемо полученнымъ извѣстіемъ, однакожъ сѣлъ и написалъ двѣ вышепомянутыя бумаги (см. содержаніе ихъ въ Собраніи манифестовъ, стран. 7 и 9) [4]); принесъ къ государю, прочиталъ ему, и онъ тутъже ихъ подписалъ.

*) Находившемуся главнымъ начальникомъ въ Петербургѣ.

**) Извѣстіе о семъ привезъ случайно пріѣхавшій оттуда нѣкто г. Вейдемейеръ [3]).

---

[1]) Зала эта строилась въ саду замка Закретъ, только что купленнаго государемъ у генерала Бенигсена, за 12000 червонцевъ (Указъ министру финансовъ, 5 іюня 1812 г.). Строителемъ былъ профессоръ Шульцъ, о которомъ говорили, основываясь на найденной на берегу рѣки Виліи шляпѣ, что онъ будто съ отчаянія утопился. (Mémoires historiques de la C—sse Choiseul-Gouffier. 1829. p. 84—87. — Записки гр. Комаровскаго, въ Русск. Арх. 1867. ст. 766).

[2]) 12 іюня.

[3]) Не тотъ-ли это Вейдемейеръ, который въ 1814 году, нѣкоторое время управлялъ коллегіей иностранныхъ дѣлъ? По свидѣтельству г. Богдановича (Ист. Отеч. войны 1812 г. I. 129), извѣстіе о переправѣ непріятеля черезъ Нѣманъ доставилъ въ Вильну ковенскій городничій Бистромъ, въ ночь съ 12 на 13 іюня, въ то время, когда государь находился на праздникѣ, который давали ему, въ вышеупомянутомъ Закретѣ, лица, составлявшія его свиту. — Въ печатныхъ Запискахъ, къ приведеннымъ словамъ государя прибавлены еще слѣдующія: „и между прочимъ сказать, что я не помирюсь, покуда хоть одинъ непріятельскій воинъ будетъ оставаться въ нашей землѣ.“ Въ обѣихъ рукописяхъ (1818 г. и 1828 г.) этихъ словъ нѣтъ; не даетъ-ли это право предполагать, что мысль принадлежитъ Шишкову, и что онъ уступилъ ее, когда посвящалъ свои Записки высочайшему имени? За Александромъ все-таки остается слава рѣшимости возгласить такой торжественный обѣтъ; умалится-ли она, если за Шишковымъ останется честь возвращенія своему государю прежней безусловной любви и безграничной вѣры въ него Русскаго народа?

[4]) См. Приложенія II и III.

Отъ сего времени, пребываніе наше въ Вильнѣ сдѣлалось не безопасно: непріятель шелъ скорыми шагами; и для того мы немедленно выѣхали изъ ней, оставя безъ сопротивленія какъ сей, такъ и многіе другіе города, ему въ добычу. Главная квартера (подъ сими словами разумѣлся государь съ сопровождающими его), отъѣхавъ верстъ около двадцати пяти, остановилась въ мѣстечкѣ, называемомъ Свенціани. Число окружавшихъ государя особъ уменьшилось; многія изъ нихъ, какъ то: Румянцовъ, Кочубей, Армфельдъ [1]) и другіе разъѣхались по разнымъ мѣстечкамъ и деревнямъ. При главной квартерѣ остались изъ докладчиковъ только мы, то есть графъ Аракчеевъ, Балашовъ и я [2]); да при иныхъ должностяхъ — графъ Толстой, Волхонскій, Фуль, Нессельродъ, Анстедъ и нѣкоторые изъ генералъ-адъютантовъ. Послѣ обѣда государь позвалъ меня къ себѣ и сказалъ: — „Надобно бы собрать свѣденія и написать подробный манифестъ о началѣ и причинахъ нашей съ Французами войны.“ — Я хотѣлъ приступить къ исполненію сего повелѣнія; но не было никакой возможности, потому что надлежало имѣть время заняться сею трудною работою, сообразить всѣ прошедшія политическія сношенія и дѣянія, отобрать отъ графа Румянцова многія касающіяся до сего свѣденія; а мы, почти ежедневно, переѣзжали изъ мѣста въ мѣсто; и притомъ графъ Румянцовъ, съ своею канцеляріею, ѣздилъ и останавливался по отдаленнымъ отъ насъ мѣстамъ, такъ что ни о чемъ нельзя было снестись съ нимъ и справиться. Написать же такой манифестъ какъ нибудь, безъ всякихъ справокъ и свѣденій, безъ яснаго изложенія справедливыхъ причинъ, казалось мнѣ, было бы нѣчто недостойное обнародованія. По симъ обстоятельствамъ, при всемъ моемъ желаніи исполнить волю его величества, не могъ я къ тому приступить. Между тѣмъ, по недостатку хорошихъ жилищъ въ Свенціянахъ, отвели мнѣ ночлегъ въ жидовскомъ грязномъ и вонючемъ кабакѣ. Ввечеру, государь прислалъ ко мнѣ бумагу на нѣмецкомъ языкѣ, съ тѣмъ чтобъ я, какъ можно скорѣе, перевелъ ее по-русски. Она была вся измарана, содержала въ себѣ первыя извѣстія о бывшихъ съ непрія-

---

[1]) Бар. Густавъ Максимовичъ Армфельдтъ, перешедшій въ 1811 г. въ русскую службу, съ чиномъ генерала отъ инфантеріи, былъ пожалованъ императоромъ Александромъ генералъ-адъютантомъ и членомъ государственнаго совѣта, и возведенъ, въ 1812 г., въ графское достоинство. Умеръ въ 1814 г.

[2]) „При государѣ,“ говоритъ Комаровскій, (Русск. Арх. 1867. ст. 773) „находился комитетъ для отправленія государственныхъ дѣлъ, состоявшій изъ графа Аракчеева, Шишкова (государственнаго секретаря) и Балашова.“

телемъ стычкахъ, также о положеніи нашемъ, и посылалась съ курьеромъ въ Петербургъ, для напечатанія въ вѣдомостяхъ. Сочинитель ея былъ вышепомянутый Прусакъ Фуль. Съ трудомъ могъ я разобрать худо написанную бумагу сію и нашелъ ее больше удобною произвесть въ народѣ нашемъ уныніе, нежели подать надежду и ободреніе; ибо Наполеонъ изображался въ ней непобѣдимымъ, сила его — непреодолимою, и что мы должны были впустить его въ свои предѣлы, не имѣя ни какой возможности воспрепятствовать ему въ томъ, и проч.. Похвала сія непріятелю и великимъ силамъ его, а особливо при началѣ съ нимъ войны и для перваго извѣстія, показалась мнѣ весьма несовмѣстною и могущею породить худые толки. По сей причинѣ, рѣшился я написать свое коротенькое извѣстіе и побѣжалъ тотчасъ къ государю, чтобъ объяснить ему мое мнѣніе; но онъ взялъ сторону нѣмецкой бумаги и настоялъ, чтобъ скорѣе перевести ее: — „Курьеръ," примолвилъ онъ, „готовъ, и хотя скоро уже полночь, однакожъ я стану дожидаться и не лягу спать, покуда его не отправлю." — Не смѣя больше противурѣчить, возвратился я въ свою корчму и принялся переводить бумагу. Читатель да проститъ мнѣ маленькое описаньице тому состоянію, въ какомъ я въ это время находился. Корчма, или съ землянымъ поломъ кабакъ, который отведенъ былъ для меня, состоялъ изъ двухъ горницъ, одной большой и другой маленькой, гдѣ въ углу стояла худая кровать съ приставленнымъ подлѣ ней, къ стѣнѣ, деревяннымъ столикомъ, едва могшимъ помѣстить на себѣ чернильницу, сальную свѣчу и мою бумагу. Тутъ, трудясь надъ непріятнымъ переводомъ, сидѣлъ я на треножномъ стулѣ, противъ маленькаго окошка, къ которому поминутно, одинъ за другимъ, приходили солдаты стучать, чтобъ имъ отперли двери кабака; такъ что я всякій разъ принужденъ былъ вскакивать со стула и каждому изъ нихъ во все горло кричать: — „Поди прочь! здѣсь стоитъ генералъ!" — Мало сего: сверху безпрестанно падали на бумагу мою тараканы, которыхъ я, пиша съ торопливостью, каждый разъ долженъ былъ отщелкивать. Къ симъ досадамъ присовокуплялась еще та, что хотя домъ, гдѣ остановился государь, и недалеко отстоялъ отъ меня, — не болѣе семидесяти или осмидесяти саженъ, — однакожъ надлежало туда ночью, въ дождикъ, по грязной улицѣ, бѣгать. Я перевелъ кое-какъ нѣмецкую данную мнѣ бумагу: иное изъ ней выпустилъ, иное сократилъ, иное перемѣнилъ, и, окончa, спѣшилъ представить ее на утвержденіе. Я нашелъ государя, сидящаго еще на томъ же мѣстѣ, на которомъ его оставилъ. Я

сказалъ ему, что сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны, и прочиталъ бумагу. Онъ оставилъ ее у себя и меня отпустилъ.

Вскорѣ изъ Свенціянъ отправились мы далѣе внутрь Россіи. На нѣсколько дней остановились въ Видзахъ. Въ промежуткахъ сего времени, видѣлъ я, что Анстедъ и Нессельродъ ходили часто къ государю и нѣчто ему читали. Скоро потомъ Нессельродъ пришелъ ко мнѣ съ написанною по-французски, на нѣсколькихъ листахъ, тетрадью, сказывая, что его величество приказалъ мнѣ перевесть ее на русскій языкъ. Это былъ тотъ манифестъ, о которомъ государь говорилъ мнѣ прежде, и къ которому, по причинѣ вышеобъясненныхъ обстоятельствъ, не могъ я приступить. Я удивился скорости сего сочиненія; оставилъ у себя тетрадь и прочиталъ ее со вниманіемъ; но прочитавъ, удивился еще болѣе необдуманности, съ какою она была написана. Мнѣ казалось, что она не только не послужитъ къ оправданію и къ чести нашихъ поступковъ, но покажетъ ихъ въ видѣ весьма для насъ не выгодномъ. Въ ней хотѣли оправдать Тильзитскій миръ и другія наши унизительныя съ Бонапартіемъ связи, о которыхъ лучше надлежало бы, по моему мнѣнію, прейти молчаніемъ. Въ ней выставлялось также и нынѣшнее наше отступленіе, какъ бы нѣкая хитрость, обѣщающая намъ огромную побѣду. Сіи увѣренія, безъ всякой основательности, дѣлались тогда, когда войски наши вмѣстѣ съ нами отступали; непріятель шелъ по стопамъ нашимъ; и все, позади насъ, оставленное безъ защиты, предавалось ему, или отъ него бѣжало. Хотя не произошло еще ничего рѣшительнаго, но сей видъ бѣгства всей арміи, при самомъ началѣ войны, сіе быстрое стремленіе непріятеля и сіе, безъ всякаго сопротивленія, уступаніе ему столькихъ городовъ, земель и селеній — приводили всякаго въ уныніе. Самая надежда на войски ослабѣвала; ибо оныя раздѣлены были на три главныя части, изъ которыхъ одною, въ присутствіи государя императора, предводительствовалъ Барклай-де-Толли, другою — князь Багратіонъ [1]): непріятель почти уже находился между ими, не допуская ихъ до соединенія. Третья часть, возвращавшаяся по окончаніи войны съ Турками, шла отъ границъ ихъ, подъ начальствомъ недавно посланнаго туда морского адмирала Чичагова. Всѣ сіи обстоятельства представлялись въ нѣкоей устрашающей неблаговидности, тогда какъ съ другой стороны грозный Наполеонъ, съ силами всей Европы,

---

[1]) Кн. Петръ Ивановичъ Багратіонъ, командовалъ 2-ою Западною арміей.

вломясь въ предѣлы наши, текъ надежно и безпрепятственно въ самую грудь Россіи. Правда, въ утѣшеніе, нѣкоторые (какъ-то господа Фули и подобные имъ) увѣряли, что его нарочно заманиваютъ; но трудно было сему повѣрить: ибо торжество его, завоеваніе земель, овладѣніе городами было настоящее, въ очахъ нашихъ совершающееся; а предбудущія изъ того послѣдствія не могли никѣмъ быть предвидимы, выключая единаго Всевидящаго Ока, располагающагó, по сокрытымъ отъ насъ таинствамъ, судьбы смертныхъ. При всѣхъ сихъ воображеніяхъ, чувства мои, по прочтеніи вышесказанной французской бумаги, наполнились такою горестью, что я, не смотря ни на что, пошелъ немедленно къ государю и, объявя ему мнѣніе мое о ней, сказалъ съ твердостью: — „Воля ваша, государь! но я не могу перевесть сей бумаги: она, мнѣ кажется, наполнена такими объясненіями, которыя русскому народу скорѣе подадутъ поводъ къ печали, нежели къ утѣшенію.“ — Какъ ни были слова мои смѣлы, однакожъ, къ великой радости моей, государь на нихъ не прогнѣвался, но съ кротостью старался убѣдить меня къ переводу оной, позволяя мнѣ переправить въ ней что я хочу. Ободренный симъ снисхожденіемъ, я утверждалъ снова, что она отъ начала до конца не съ такимъ достоинствомъ написана, съ какимъ ей быть должно, и что переправить ее столько же трудно, какъ бы и вновь написать. Государь замолчалъ; и я вышелъ отъ него безъ всякаго рѣшительнаго приказанія. Наконецъ ежедневные наши изъ мѣста въ мѣсто переѣзды и другія занятія, казалось, привели у него бумагу сію въ забвеніе; ибо онъ не напоминалъ мнѣ больше объ ней. Можетъ быть не излишнее будетъ, когда я приведу здѣсь нѣкоторыя изъ ней выписки: читатель изъ сдѣланныхъ, въ то время, на нихъ примѣчаній моихъ увидитъ хотя отчасти, какъ ея содержаніе, такъ и мои мысли. Вотъ онѣ:

Au mois de février les armées françoises passèrent l'Elbe et l'Oder, pour se diriger vers la Vistule. Dès lors la guerre paraissait décidée

Можно было прежде, или по крайней мѣрѣ тогда же, удержать сіе движеніе вопросомъ, что ежели оное не будетъ остановлено, или не дастся въ скоромъ времени рѣшительнаго отвѣта, то примется сіе за объявленіе войны; и тогда же, заранѣе, въ случаѣ отказа (который, самъ по себѣ, былъ бы уже первый съ его стороны разрывъ), тотчасъ начинать дѣйствовать, предупреждая непріятеля во всѣхъ его намѣреніяхъ, укрѣпляясь союзами, и не допуская его усиливаться. Впрочемъ зломысліе фран-

цузскаго императора противъ Россіи не въ сіе только время открылось, но вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира, и, во все продолженіе времени, часъ отъ часу явнѣе становилось, такъ что никто не имѣлъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Sa majesté l'empereur résolut de s'en tenir à un système d'observation et disposa ses troupes en conséquence.

Первый шагъ не тотъ, какой надлежало употребить противъ Наполеона. Выше сказано, что намѣренія его были давно уже явны; а движеніе его въ февралѣ мѣсяцѣ (1812) показывало уже не приготовленіе или начало намѣреній, но начало самыхъ дѣйствій. И такъ тогда поздно было ограничиваться однѣми наблюденіями. Надлежало наблюдать прежде, то есть не давать ему дѣлаться, подъ видомъ союзника, полнымъ повелителемъ Австріи, Пруссіи, Саксоніи и Польши. Но довольствоваться тѣми только наблюденіями, чтобъ смотрѣть, когда онъ войдетъ въ предѣлы Россіи, было совершенное уступленіе ему всѣхъ способовъ приготовленія къ безпрепятственному, надежному и несомнѣнному исполненію своихъ предначертаній.

Ce plan d'opération se fondait sur l'intention de sa majesté de ne provoquer la guerre par aucune démarche, qui pût présenter un prétexte même apparent.

Намѣреніе его императорскаго величества уклоняться отъ войны, отъ сего лютаго зла, опустошающаго земли и проливающаго кровь человѣческую, призываетъ на главу его благословеніе Небесъ и наполняетъ сердца народовъ благодарностью. Но когда дѣло идетъ съ завоевателемъ, во всѣ времена явно и гласно возвѣщавшимъ, что онъ не признаетъ ни съ кѣмъ иного союза, кромѣ совершеннаго повиновенія волѣ его, хотя бы то было ко вреду собственной своей державы, то уже никакимъ образомъ не можно было устраниться отъ войны съ нимъ иначе, какъ быть у него въ зависимости и носить его оковы. Таковое состояніе могло отчасу болѣе истощать силы царства, не спасая оное отъ бѣдствій, приключаемыхъ войною. Слѣдовательно объявленіе войны съ его стороны не преставало существовать даже и въ самое мирное время. Непреложное намѣреніе возобладать надъ всѣми на твердой землѣ державами, чрезъ приведеніе ихъ, одной послѣ другой, въ разорительное и безсильное состояніе, никогда не измѣнялось. По таковымъ его явнымъ и всегда постояннымъ поступкамъ, не надлежало уже ласкаться сохраненіемъ миролюбиваго съ нимъ союза; а потому и должно было брать противъ него мѣры не кроткія, не выжидательныя, но самыя сильныя,

рѣшительныя, скорыя: идти на него прямо и быстро, какъ хаживалъ съ русскими воинами Суворовъ, возвѣщая всѣмъ упавшимъ въ рабство народамъ свободу и защиту, и неся въ самое сердце Франціи огонь и пламень*); тогда простое мужество нашихъ воиновъ опрокинуло бы всѣ хитрости, и всякое искуство непріятеля поблѣднѣло бы предъ ихъ храбростью.

Il fut surtout adopté, parceque l'expérience des dernières guerres et la situation de nos frontiéres durent le faire préférer à un système offensif que les grands moyens, que l'ennemi avait préparés sur les bords de la Vistule, auraient d'ailleurs rendu dans cette circonstance plus incertain encore.

Сіе разсужденіе, которымъ силятся оправдать наше отъ непріятеля отступленіе (чтобъ не сказать бѣгство), взято (какъ и многія другія въ семъ французскомъ переводѣ) изъ нѣмецкой, сочиненной Фулемъ, бумаги, гдѣ между прочимъ, въ подтвержденіе сего, упоминается еще *о несчастныхъ приключеніяхъ, какими сопровождаемы были доселѣ всѣ нападательные планы противъ величайшаго изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи полководцевъ.* Разсмотримъ теперь основательность сихъ разсужденій. Французы могли на берегахъ Вислы собрать такія силы и средства, что нападать на нихъ невозможно; почему же Русскіе не могли сдѣлать того же? и для чего Французы на нихъ нападаютъ? По словамъ господина Фуля, предводительствуетъ ими полководецъ, какому нѣтъ въ исторіяхъ примѣра. Судя по Германіи и Пруссіи, конечно такъ; но судя по Гишпаніи, сей великій полководецъ не сдѣлалъ ничего, кромѣ что наполнилъ землю ихъ костями своихъ воиновъ, и самъ не смѣетъ туда показаться. Скорѣе можно сказать, что нѣтъ въ исторіи примѣра толь скорому паденію царствъ, какое случилось съ Германіею и Пруссіею. Великость завоевателя ихъ, которому они удивляются, возникла и возсіяла отъ чрезвычайной ихъ слабости и малой любви къ отечеству. Но буде бы и положить, что повелитель французскихъ войскъ вподлинну великій полководецъ, то почто превозносить его во время войны съ нимъ? почто, собравшись на него идти, возвеличивать его похвалами? твердить о несмѣтномъ числѣ силъ его, о непреодолимыхъ приготовленныхъ имъ средствахъ, о удивительномъ его искуствѣ и тому подобномъ? Развѣ для того, чтобъ, при началѣ войны съ нимъ, придти тотчасъ въ страхъ и отчаяніе? Такъ

*) Могъ ли я въ то время, когда писалъ сіе, подумать, что скоро это сбудется? кому пришло бы это въ голову? и кто бы тому повѣрилъ?

начто же было собираться и выступать противъ него? Сими ли ложными, робкими, унизительными и вредными для народной гордости мнѣніями должны руководствоваться русскіе воины, которыхъ сердца никогда не кипѣли еще такимъ страшнымъ мужествомъ, и которыхъ оскорбленная слава горитъ оправдать себя, такъ что они готовы идти не на людей только, ихъ слабѣйшихъ, но даже, еслибы то были и огнедышущія, идущія на нихъ горы?

Vers la fin d'avril, les forces françoises se trouvèrent rassemblées. Malgré cela l'agression n'eut lieu que le 12 de juin. Ne serait-on pas autorisé à croire que l'ennemi respectait les mesures que nous lui opposons?

Да въ чемъ же состоятъ сіи наши противупоставляемыя ему мѣры (les mesures que nous lui opposons)? въ томъ, чтобъ безпрепятственно впустить его въ наши предѣлы, бѣжать отъ него, дать ему раздѣлить наши два войска и не прежде сразиться съ нимъ, какъ уступя ему великую часть нашей области съ городами и селеніями? Прекрасныя мѣры!..... *Непріятель приготовился еще въ апрѣлѣ, а напалъ на насъ въ іюнѣ:* сильное доказательство уваженія его къ нашимъ мѣрамъ! Хорошо еслибы онъ не смѣлъ напасть, или бы, напавши, былъ прогнанъ; но служитъ ли намъ то хотя къ малѣйшей чести, что онъ напалъ на насъ въ іюнѣ, а не въ апрѣлѣ? Дѣло въ томъ, что смѣлъ напасть, смѣлъ войти въ наши границы, — а не въ томъ, что могъ это сдѣлать вчера, а сдѣлалъ только сегодня. Кто повѣритъ, что онъ прежде не шелъ, *изъ уваженія къ взятымъ противъ него мѣрамъ?* Естественно представится вопросъ: почему же послѣ потерялъ онъ сіе уваженіе и пошелъ? Но когда еще, въ какое время и при какихъ обстоятельствахъ, печатается и возвѣщается сіе русскому царству? когда непріятель, безъ всякаго пушечнаго выстрѣла, занялъ Вильну и Гродню, идетъ смѣло къ Ригѣ, и мы, собирая разсѣянныя наши войска, отступаемъ къ Двинѣ, оставляя въ рукахъ его Курляндію и всѣ присоединенныя къ Россіи польскія области! Въ самое сіе время, смотрящимъ съ ужасомъ на то, Петербургу и Москвѣ мы говоримъ, что *непріятель уважаетъ взятыя нами противъ него мѣры!* Русскій, читая сіе, будетъ плакать; а иностранецъ — смѣяться.

Les corps commandés par les maréchaux d'Avoust [1]), Ney, Oudinot, Macdonald et prince Poniatoffsky et celui de la garde ont

---

[1]) Т. е. Davout, а не Davoust, какъ пишутъ нѣкоторые.

passé le Niemen à peu près en même temps à Jurbourg, Kowno, Olitta et Merecz.

Не всякъ-ли, услыша сіе, скажетъ: чегожъ смотрѣли войски наши? Пусть не хотѣли выходить изъ своихъ предѣловъ, дабы не быть зачинщиками (хотя и сіе, по всѣмъ вышеупомянутымъ обстоятельствамъ, есть несовмѣстное и вредное для народа снисхожденіе несомнѣнному врагу); но когда непріятель сталъ переправляться черезъ рѣку, для вступленія въ нашу землю, то неужли и сей поступокъ его былъ еще сомнителенъ, хочетъ ли онъ воевать съ нами? Для чегожъ не приготовились мы такъ, чтобъ, при первомъ шагѣ, встрѣтить его съ тою храбростью, которая понудила бы его раскаяться въ дерзости своего предпріятія? Зачѣмъ собраться туда для того единственно, чтобъ быть свидѣтелями его переправы и отъ него бѣжать? Можетъ быть, въ сіе время, разсыпанныя кости его по берегамъ Нѣмена успокоили бы уже Россію и обрадовали скованную Европу. Но что теперь съ отступательными планами Фулей дѣлается? Непріятель насъ гонитъ; мы бѣжимъ; оставляемъ во власть ему города, села, области; онъ собираетъ съ нихъ деньги, хлѣбъ, припасы, вооружаетъ нашихъ людей и ставитъ ихъ противъ насъ. Все сіе видя и зная, Фуль, Прусакъ, увѣряетъ, что кампанія началась въ нашу пользу, и что оборонительный планъ его есть изъ всѣхъ возможныхъ самый лучшій!

Aussitot que sa majesté fut informé de ces mouvements, elle donna ordre pour la réunion de son armée.

Но не поздо-ли давать повелѣніе соединиться войскамъ, когда бы уже надлежало имъ быть вмѣстѣ и присутствіемъ своимъ отнять у непріятеля смѣлость переправляться, или бы, видя сію смѣлость, оспоривать каждый шагъ его оружіемъ и кровью?

Des points de concentration cependant ne sauraient se trouver qu' à une certaine distance de la frontière, lorsque celle-ci offre une si grande étendue. D'après ce principe tous les corps qui avaient été placés en avant vont gagner les positions nécessaires et déterminées d'avance. Ce mouvement s'exécute dans ce moment-çi.

Вотъ планъ господина Фуля, согласный съ прежними, можетъ быть, его же внушеніями и совѣтами! Прежде (какъ уже выше было сказано), приготовляясь къ войнѣ, и не только не ища ни съ кѣмъ союзовъ, но даже отвергая ихъ, дали мы непріятелю нашему соединиться или, лучше сказать, взять подъ власть свою Австрію и Пруссію; а теперь говоримъ, что съ нимъ нельзя драться, покуда не впустимъ его глубоко въ нашу землю и не

отдадимъ ему, безъ всякаго сопротивленія, нѣсколько городовъ и губерній! Но сего еще мало. Посмотримъ ясную несообразность, каковою планъ сей оправдать стараются. Говорятъ: *d'après ce principe tous les corps qui avaient été placés en avant vont gagner les positions nécessaires et déterminées d'avance.* Какъ! ежели напередъ расчислено и опредѣлено было (déterminé d'avance), чтобъ всѣ русско-польскіе и курляндскіе города и цѣлыя губерніи уступить непріятелю безбранно и, собравшись воевать съ нимъ, не смѣть иначе противустать ему, какъ расположась оборонительною линіею при Двинѣ, то сколь ни странно такое предрасположеніе, но для чегожъ не сдѣлали сего прежде? Зачѣмъ миновали сію линію? Зачѣмъ со всѣми войсками пришли въ Вильну и завезли туда магазины? Затѣмъ-ли только, чтобъ сжечь ихъ, и преслѣдованнымъ отъ непріятеля бѣжать около двухъ сотъ верстъ, для занятія оборонительной линіи, съ начала предназначенной, и которую слѣдовательно тогдаже, не проходя оную, надлежало занять? Кто исчислитъ вредъ и зло, причиненные симъ возвратнымъ движеніемъ! Оставленныя безъ защиты, въ жертву непріятелю, провинціи возстенали. Все или покорилось ему или, вмѣстѣ съ бѣгущимъ нашимъ войскомъ, побѣжало спасаться. Армія наша раздѣлилась на двѣ части, безъ надежды соединиться. Европа ужаснулась. Россія вострепетала. Кипѣвшее доселѣ мужествомъ, храброе воинство, готовое кинуться на врага, лишь только его увидитъ, — утомилось, потеряло духъ, видя себя безъ брани бѣгущимъ. Отважнѣйшіе генералы и офицеры пришли въ уныніе. Справедливое негодованіе видѣть Прусака Фуля, располагающаго судьбою всего войска и всего царства россійскаго, растерзало поневолѣ сердца ихъ и души. Но еще повторю: кто исчислитъ бѣдственныя слѣдствія сего несчастнаго отступленія, сей оборонительной системы, выдуманной господиномъ Фулемъ и ему подобными!?...

Selon les rapports du jour: le corps du comte von-Wittgenstein est près de Wilkomir. Le corps du général Baggavout à Schirvintz, entre Wilkomir et Wilna. Les corps des généraux Toutckoff (Тучковъ) et Schouwaloff sont en avant de Wilna. La réserve composée de la garde est près de Swenziany. Le prince Bagration se dirige sur Wileyka. L'armée du général Tormassoff est en observation à Lutzk [1]).

---

[1]) Гр. Витгенштейнъ командовалъ первымъ (отдѣльнымъ) пѣхотнымъ корпусомъ и прикрывалъ отступленіе арміи; Баггевутъ — вторымъ пѣхотнымъ корпусомъ; Тучковъ 1-й — третьимъ; гр. Шуваловъ (съ 1-го іюля, на его мѣсто былъ назначенъ гр. Остерманъ-Толстой) — четвертымъ: всѣ эти корпуса входили

Вотъ отколѣ бѣгутъ войски наши, для занятія оборонительной линіи при Двинѣ, близъ Дрисы, оставляя непріятелю полную волю брать города, селы, земли, и простирать дерзкіе шаги свои куда хочетъ! Какое же наше намѣреніе? — стать у Двины, въ укрѣпленномъ мѣстѣ, въ томъ предположеніи, что онъ тутъ нападетъ на насъ, и мы оборонимся. Но ежели онъ не нападетъ, а станетъ дѣйствовать но сторонамъ? — тогда мы пойдемъ на него. Такъ для чегожъ было нейти прежде?

Cette combinaison exige d'éviter un engagement général, tant que le prince Bagration ne sera pas à portée de se réunir à la première armée, ce qui a obligé d'évacuer Wilna momentanément.

Армію князя Багратіона можно было сначала такъ поставить, чтобъ, для соединенія съ нимъ, не надлежало оставлять Вильны. Но теперь мы оставили Вильну, Гродню, Минскъ, Митаву, для соединенія съ нимъ; и, со всѣмъ тѣмъ, не имѣемъ надежды соединиться, потому что французскія войска между нами. Онъ или мы должны главное сраженіе дать, безъ соединенія другъ съ другомъ. Гдѣжъ превозносимое двумя или тремя иностранцами и опровергаемое всѣми русскими генералами превосходство выдуманнаго Фулемъ плана?

Les opérations ont commencé depuis cinq jours. Aucun des différents corps qui composent l'armée n'a été entamé. Cette campagne présente donc déjà un commencement, différent de celui qui a marqué les autres guerres de l'empereur Napoléon.

Что подумаютъ, читая сіе? не всякъ ли скажетъ: какъ! въ пять дней отъ начала войны потерять Вильну, предаться бѣгству, оставить столько городовъ и земель въ добычу непріятелю и, при всемъ томъ, хвастать началомъ кампаніи! Да чегожъ не достаетъ еще врагу нашему? — развѣ только того, чтобъ безъ всякой препоны приблизиться къ обѣимъ нашимъ столицамъ? — Боже милосердый! — горькія слезы смываютъ слова мои......

Можетъ быть нѣкоторые читатели, извиняя тогдашнія чувства мои, изображенныя въ сихъ примѣчаніяхъ, скажутъ однакожъ, что я съ излишествомъ вооружался противъ плана отступленія; что послѣдовавшія событія оправдали оный. Нѣтъ, милостивые государи! я и понынѣ остаюсь въ томъ же противъ него мнѣніи. Не онъ спасъ Россію: онъ приготовлялъ ей гибель, которую Богъ обратилъ въ ея торжество и славу. Кто могъ предвидѣть, что

въ составъ арміи Барклая. 3-я резервная обсерваціонная армія, подъ начальствомъ Тормасова, расположена была на Волыни.

Наполеонъ безразсудно зайдетъ такъ далеко; что пожаръ Москвы омрачитъ, усыпитъ его; что праведная месть за сожженіе столицы и поруганіе святыхъ мощей и храмовъ ея, соединясь съ любовью къ отечеству, ополчитъ руку дворянъ и народа неутолимымъ гнѣвомъ и мужествомъ; что нечаянно позовется къ войскамъ искусный, опытный полководецъ; и наконецъ, что зима необычайно лютыми мразами своими вооружится вмѣстѣ съ пушечными и ружейными огнями истреблять остатки бѣгущихъ непріятельскихъ полчищъ? — Нѣтъ! не человѣческій умъ предузналъ и расчислилъ сіи послѣдствія; но десница Божія гордыя враговъ нашихъ мечты и наши, болѣе для нихъ, нежели для насъ выгодныя, предначертанія превратила имъ въ пагубу, а намъ во спасеніе. Во всю сію войну она многократно являлась, творя сіи чудеса; и надпись на медали справедливо гласитъ: — *не намъ, не намъ, — но имени Твоему!*

Оставя Видзы, продолжали мы далѣе свой путь, переѣзжая изъ однаго мѣста въ другое. Часто случалось намъ останавливаться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, для ночлега и пребыванія нашего, иныхъ жилищъ не было, какъ для государя — маленькій домикъ, а для насъ — сараи, конюшни, голубятни и тому подобное. Однажды государь сказалъ мнѣ: — „Вы бы трое“ (разумѣя подъ симъ графа Аракчеева, Балашова и меня) „сходились иногда и что нибудь между собою разсуждали.“ — Слова сіи были для меня лестны; но состояніе дѣлъ представлялось мнѣ въ такомъ положеніи, что казалось не о чемъ было говорить, и ничего, кромѣ печальнаго, не приходило въ голову. Оставалась еще въ виду нѣкоторая надежда, если можно назвать надеждою то, что больше имѣло въ себѣ страха, нежели упованія: мы приближались къ Дрисѣ, гдѣ полагали при укрѣпленіи остановиться и дать бой. Пришли наконецъ. Но какое было мое удивленіе, когда я отъ нѣкоторыхъ искусныхъ и благомыслящихъ людей услышалъ, что мѣстоположеніе сіе, при построенной на берегу рѣки ничтожной бойницѣ, скорѣе можетъ послужить въ пользу непріятеля, нежели нашу; даже говорили, что это западня, въ которую всѣ безъ изъятія могутъ быть загнаны и пойманы! Хотя, служа всегда во флотѣ, былъ я не свѣдущъ о выгодныхъ или невыгодныхъ мѣстоположеніяхъ для битвы сухопутныхъ войскъ, однакожъ, по разсказамъ ихъ, находилъ опасеніе сіе весьма основательнымъ и справедливымъ. Тяжкая грусть овладѣла мною. Государь остановился неподалеку отъ сего укрѣпленія, на берегу рѣки Двины, въ небольшомъ домикѣ, при которомъ не было никакихъ другихъ

строеній, кромѣ житницъ и хлѣбныхъ амбаровъ. Мы ночевали въ одномъ изъ нихъ. Ночью Прусакъ Фуль и Полякъ генералъ-адъютантъ Ожеровскій[1]), лежа одинъ подлѣ другого, долго разговаривали нѣчто между собою и безпрестанно хохотали. Мнѣ досадно было, при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находились, слышать ихъ, такъ усердно веселящихся: вотъ, думалъ я, не ложный знакъ, если не зложеланія намъ, то по крайней мѣрѣ равнодушія къ нашему жребію. На другой день, отвели мнѣ, вмѣстѣ съ Балашовымъ, господскій домикъ, верстахъ въ двухъ отъ главной квартеры, по другую сторону рѣки, черезъ которую наведенъ былъ пловучій мостъ. Скоро послѣ сего я занемогъ, такъ что слегъ въ постелю. Мысль, во время моей болѣзни, о скорой, долженствующей на семъ мѣстѣ произойти битвѣ представлялась мнѣ ежечасно. Безнадежность на успѣхъ нашего оружія и худыя изъ того послѣдствія крайне меня устрашали. Нѣсколько уже дней предъ симъ, бродило у меня въ головѣ размышленіе, что, можетъ быть, положеніе наше приняло бы совсѣмъ иной видъ, еслибы государь оставилъ войски и возвратился, чрезъ Москву, въ Петербургъ. Я основывалъ разсужденіе мое на слѣдующихъ причинахъ: первое, изъ словъ государя императора (какъ уже и прежде было сказано) замѣчалъ я, что онъ считаетъ Барклая полнымъ предводителемъ войскъ, а себя — какъ бы нѣкіимъ тому очевидцемъ и, въ самоважнѣйшихъ случаяхъ, разрѣшителемъ дѣлъ. Напротивъ того, отъ Барклая случалось мнѣ слышать, что онъ, какъ первый подъ нимъ начальникъ, не самъ собою, но по его распоряженіямъ дѣйствуетъ. Сіе разногласіе ихъ и участвованіе въ томъ постороннихъ лицъ, таковыхъ какъ Фуля и другихъ, скорѣе можетъ приносить вредъ, нежели пользу. Вторая главнѣйшая, по моему мнѣнію, причина была та, что вся Россія, не предваренная и не приготовленная къ толь близкой опасности, обезпечивалась обороною войскъ, предводимыхъ самимъ государемъ; и ежели бы въ семъ ея уповаціи, непріятель, противъ всякаго ея чаянія, разбилъ и преслѣдовалъ насъ, то скорымъ и незапнымъ появленіемъ своимъ предъ вратами столицы распространилъ бы онъ повсюду самыхъ надежнѣйшихъ поборниковъ своихъ — страхъ и ужасъ, или тутъ-же на мѣстѣ принудилъ бы заключить съ нимъ постыдный миръ. Чѣмъ чаще помышлялъ я о семъ, тѣмъ больше возрастало во мнѣ желаніе произвесть намѣ-

[1]) Гр. Адамъ Петровичъ былъ потомъ генераломъ отъ кавалеріи и сенаторомъ; умеръ въ 1855 г..

реніе мое въ дѣйство. Но какимъ образомъ? Единственное средство было написать письмо къ государю; но, зная образъ мыслей его, что присутсвіе свое въ войскахъ почитаетъ необходимо нужнымъ и не быть при нихъ вмѣняетъ себѣ въ безславіе, — могъ ли я на мои слова и представленія столько понадѣяться, что онѣ преодолѣютъ въ немъ собственное его предубѣжденіе и силу славолюбія? Однакожъ, не впадая въ совершенную отчаянность, я хотѣлъ подкрѣпить себя испытаніемъ мнѣнія нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ къ нему особъ. Для того, за нѣсколько еще времени предъ симъ, многимъ о томъ заговаривалъ. Никто не опровергалъ моихъ мыслей; но всякъ считалъ это пустымъ покушеніемъ и невозможностью. Нѣкоторые даже утверждали, что если кто сдѣлаетъ ему такое предложеніе, то онъ сочтетъ его преступникомъ и предателемъ. Хотя не вѣрилъ я словамъ сихъ послѣднихъ, однакожъ, по собственному моему и по общему всѣхъ заключенію, терялъ всякую надежду на успѣхъ моего предпріятія. Когда же потомъ я сдѣлался боленъ и лежалъ въ моей горницѣ, то, размышляя одинъ на свободѣ, долго колебался сомнѣніемъ. Напослѣдокъ, увѣренный въ чистотѣ усердія и правости моего дѣла, рѣшился, всталъ съ постели и, не взирая, что уже была полночь, и что я жестоко страдалъ головною болью, сѣлъ и написалъ письмо. Потомъ съ чернаго своею же рукою переписалъ набѣло; подписалъ мое имя и легъ спать. Поутру проснулся; мнѣ стало полегче, но я не смѣлъ еще выдти. Въ это время, приходитъ ко мнѣ генералъ-адъютантъ Чернышевъ [1]) и приноситъ напечатанный, но еще не разосланный приказъ войскамъ, сказывая, что государь приказалъ у меня спросить, не найду ли я чего въ немъ поправить. Приказъ сей содержалъ въ себѣ извѣщеніе войскамъ о наступающемъ скоро сраженіи, ободрялъ ихъ быть храбрыми, и въ концѣ онаго сказано, что государь ни въ какое время отъ нихъ не отлучится и всегда будетъ съ ними. Прочитавъ сіи послѣднія слова, толь прямо противныя моему намѣренію, не могъ я удержаться въ предѣлахъ умѣренности и, не разсуждая ни о какихъ послѣдствіяхъ, взялъ перо и, вымаравъ сіи строки, сказалъ Чернышеву: — „Донесите государю, что это зависѣть будетъ отъ обстоятельствъ, и что онъ не можетъ сего обѣщать, не подвергаясь опасности не сдержать даннаго имъ слова." —

---

[1]) Александръ Ивановичъ, впослѣдствіи графъ, а потомъ князь, при императорѣ Николаѣ, былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

Между тѣмъ случай сей разрушилъ всю мою надежду, показавъ мнѣ ясно тщетность моего предпріятія. Однакожъ, при всей моей безнадежности, я не переставалъ думать, какимъ бы образомъ, какъ наискорѣе препроводить къ нему мое письмо. Тутъ вспомнилъ я о прежнихъ сказанныхъ мнѣ словахъ его, чтобъ мы трое совѣтовались иногда между собою. Это поселило во мнѣ мысль, что письмо, поданное ему отъ однаго моего имени, можетъ статься, не подѣйствуетъ надъ нимъ столько, сколько бы подѣйствовало, когда бы подписано было троими нами. Я увѣренъ былъ въ согласіи на то Балашова, съ которымъ и прежде говорилъ я объ этомъ; но графъ Аракчеевъ, ближайшій наперсникъ государевъ, не такъ мнѣ былъ знакомъ, чтобъ я могъ преждевременно ему открыться и узнать его мысли. Для сего, въ тожъ самое время, увидясь съ Балашовымъ, просилъ я его съѣздить въ главную квартеру и вывѣдать какого графъ Аракчеевъ о семъ мнѣнія; также чтобъ онъ привезъ мнѣ печатный листокъ приказа войскамъ, если онъ уже объявленъ. Балашовъ поѣхалъ и, скоро возвратясь назадъ, сказалъ мнѣ, что графъ не отвергаетъ моего мнѣнія, но не знаетъ какимъ средствомъ могу я до сего достигнуть. Тутъ же привезъ онъ ко мнѣ печатный листокъ отданнаго приказа, и я съ радостью увидѣлъ, что вычерненныя мною слова въ немъ не находятся. Ободренный симъ, переписалъ я письмо свое отъ общаго уже имени, отдалъ его Балашову (которое нарочно при немъ подписалъ ниже, дабы имъ двумъ оставить мѣсто) и просилъ его, чтобъ онъ, ни мало не мѣшкавъ, поѣхалъ опять въ главную квартеру, прочиталъ письмо сіе графу Аракчееву и оставилъ у него, если онъ подпишетъ и возьмется сегодня же отдать государю: а если нѣтъ, то возвратилъ бы оное ко мнѣ, ибо въ такомъ случаѣ я намѣренъ отъ однаго моего имени отослать его, съ надписаніемъ: въ собственныя его величества руки. Балашовъ возвратился и увѣдомилъ меня, что графъ и онъ подписали, и что графъ взялся, какъ скоро можно будетъ, отдать оное государю [1]). Письмо сіе было слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Вотъ что разсказываетъ объ участіи гр. Аракчеева въ этомъ дѣлѣ гр. Е. Ѳ. Комаровскій (Русск. Арх. 1867, ст. 774), который въ то время состоялъ инспекторомъ внутренней стражи и также находился при главной квартирѣ. Незначительная разница между обоими разсказами нисколько не отнимаетъ достовѣрности ни у однаго изъ нихъ: — „Шишковъ и Балашовъ, съ которыми я жилъ вмѣстѣ, сказывали мнѣ, что рѣшено сдѣлать воззваніе къ Москвѣ и ко всей Россіи, чтобы собрать добровольное ополченіе, что они на-силу могли убѣдить гр. Аракчеева, чтобъ онъ упросилъ государя оставить армію, и самому императору ѣхать въ Москву, гдѣ присутствіе его величества произведетъ большое

„Его императорскому величеству угодно было изъявить волю свою, чтобъ мы трое (нижеподписавшіеся) имѣли между собою сношеніе и разсуждали обо всемъ, что можетъ быть къ пользѣ государя и государства.

„Во исполненіе сего высочайшаго намъ порученія, входя обстоятельно во всѣ подробности настоящаго времени и состоянія дѣлъ, мы, по долгу присяги и по чувствамъ горячаго усердія и любви къ государю и отечеству, разсуждаемъ слѣдующее:

„Государь и отечество есть глава и тѣло. Едино безъ другого не можетъ быть ни здраво, ни цѣло, ни благополучно. А по сему сколько во всякое время, а наипаче военное, нуженъ отечеству царь, столько же царю нужно отечество. Утверждаясь на сей важной истинѣ, почитаемъ мы размышленіе о семъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, самонужнѣйшимъ, и дерзаемъ, аки вѣрные подданные, представить мнѣніе наше на высочайшее усмотрѣніе.

„Мы находимся въ слѣдующихъ обстоятельствахъ: войски наши раздѣлены; непріятель, имѣя во власти своей всѣ польскія губерніи, приближается быстрыми стопами къ самому сердцу Россіи. Хотя и полагаемъ мы надежду, что онъ отраженъ будетъ и возвратится вспять, но, желая сего и даже надѣясь, было бы крайнею неосторожностью несомнѣнно въ томъ увѣриться и не брать никакихъ мѣръ на случай несчастія, тѣмъ паче, что оное можетъ случиться весьма скоро; и если случится, то уже всякія тогда только начинаемыя мѣры будутъ поздны.

„Не надлежитъ скрывать отъ себя дѣйствительныхъ происшествій, но напротивъ должно ихъ представлять худшими, нежели оныя въ самомъ дѣлѣ есть. Первое обманываетъ и, открывшись вдругъ, вводитъ въ пагубное недоумѣніе; второе, внушая осторожность, спасаетъ отъ безплоднаго раскаянія. И такъ, при всей увѣренности и надеждѣ на храбрость войскъ нашихъ, на воспрепятствованіе непріятелю простирать далѣе стремленіе свое,

---

дѣйствіе въ эту критическую минуту. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли гр. Аракчееву, что необходимо государю ѣхать въ Москву, и что это единственное средство спасти отечество, гр. Аракчеевъ возразилъ: „Что мнѣ до отечества! Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?“ Они ему отвѣчали: „Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда еще не велика!“ Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его величество на отъѣздъ изъ арміи. Можно сказать, что душа и чувства гр. Аракчеева были совершеннаго царедворца и чужды любви къ отечеству.“

нужно и должно подумать о томъ, что можетъ и противное тому воспослѣдовать. Счастіе у судьбы въ рукахъ. Нынѣшнія обстоятельства таковы, что непріятель стремится быстро внутрь царства и мнитъ потрясеніемъ онаго какъ бы отдѣлить войски наши отъ связи со внутренностью имперіи. Самое опаснѣйшее для насъ намѣреніе! Сія быстрота его естественно должна приводить въ смятеніе не только тѣ стороны, къ которымъ онъ приближается, но даже и самыя столицы. Когда сіе смятеніе нынѣ существуетъ уже, то конечно, при малѣйшихъ его успѣхахъ, несравненно умножится, не столько отъ его дѣйствій, сколько отъ того, что самая внутренность государства, лишенная присутствія государя, и не видя никакихъ оборонительныхъ въ ней пріуготовленій, сочтетъ себя какъ бы оставленною и впадетъ въ уныніе и разстройство, тогда, когда бы, видя съ собою монарха своего, она имѣла сугубую надежду: первое — на войски, второе — на внутреннія силы, которыя безъ всякаго сомнѣнія мгновенно составятся окрестъ главы отечества — царя.

„При обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, необходимость требуетъ скораго и рѣшительнаго разсмотрѣнія, какъ и что дѣлать надлежитъ; ибо малѣйшее пропущеніе времени можетъ приключить невозвратное зло.

„Всего важнѣе зрѣлое изслѣдованіе, гдѣ наиболѣе нужно присутствіе государя, при войскахъ ли, или внутри Россіи? И такъ приступимъ къ разсмотрѣнію сего.

„1-е, Государь императоръ, находясь при войскахъ, не предводительствуетъ ими, но предоставляетъ начальство надъ оными военному министру, который хотя и называется главнокомандующимъ, но, въ присутствіи его величества, не беретъ на себя въ полной силѣ быть таковымъ съ полною отвѣтственностью.

„2-е, Присутствіе императора при войскахъ хотя и служитъ къ нѣкоторому ободренію оныхъ, но онѣ защищаютъ вѣру, свободу, честь, государя, отечество, семейства и домы свои: довольно для нихъ причинъ къ ободренію; при томъ же имя его всегда съ ними.

„3-е, Примѣры государей, предводительствовавшихъ войсками своими, не могутъ служить образцами для царствующаго нынѣ государя императора; ибо не тѣ были побудительныя причины. Петръ Великій, Фридрихъ Второй и нынѣшній нашъ непріятель Наполеонъ должны были дѣлать то: первый — потому что заводилъ регулярныя войска; второй — потому что все королевство его было, такъ сказать, обращено въ воинскія силы;

третій — потому что не рожденіемъ, но случаемъ и счастіемъ взошелъ на престолъ. Всѣ сіи причины не существуютъ для Александра Перваго.

„4-е, Храбрость безспорно есть достоинство, приносящее славу. Но часто она же самая служитъ къ помраченію славы того, кто ей излишно повинуется. Храбрость въ простомъ воинѣ всегда похвальна; ибо онъ во всякомъ случаѣ приноситъ чрезъ то пользу цѣлому воинству. Храбрость въ полководцѣ, подвергающемъ себя, безъ важныхъ причинъ, опасности, предосудительна; ибо онъ, для снисканія личной себѣ похвалы, забываетъ, что попеченію его ввѣрены войски. Храбрость въ царѣ тѣмъ предосудительнѣе быть можетъ, чѣмъ цѣлое царство больше войскъ; ибо ежели онъ будетъ убитъ, или взятъ въ плѣнъ, то государство, сдѣлавшись въ смутное время безъ главы, дорого заплатитъ за привязанность его къ личной славѣ. Представимъ себѣ двухъ царей, изъ которыхъ одинъ внутри государства своего, окруженный вельможами, распоряжаетъ обороною предѣловъ своихъ; другой послѣдуетъ всюду за своими войсками. Какую бы первый изъ нихъ ни велъ несчастную войну, сколько бы ни потерялъ провинцій, оставшіяся земли его составляютъ еще царство, и онъ въ нихъ царь посреди народа своего. Побѣдитель, вступая съ нимъ въ переговоры, почитаетъ въ немъ царя. Но ежели войски второго будутъ разбиты, тогда что останется ему дѣлать? — уйти внутрь земли своей? — но онъ найдетъ уже ее въ страхѣ, въ смятеніи, безъ довѣренности къ нему. Оставаться при разбитыхъ войскахъ и требовать помощи у народа? — но съ какимъ духомъ и скоро ли устрашенный, унылый народъ, не видя его посреди себя, будетъ собирать сію помощь, и кто приведетъ ее въ должное устройство? Между тѣмъ торжествующій побѣдитель, продолжая отдѣлять войски отъ царства и нападая на остатки оныхъ, можетъ самого царя захватить въ плѣнъ; тогда безславіемъ своимъ умножитъ онъ гордость побѣдителя, и сирое царство его должно будетъ упасть предъ врагомъ своимъ и ожидать отъ воли его горькой своей участи.

„Изъ всѣхъ сихъ разсужденій явствуетъ: первóе, что нѣтъ государю славы, ни государству пользы, чтобъ глава его присоединялась къ одной только части войскъ, оставляя всѣ прочія силы и части государственнаго управленія другимъ. Особливо же въ обстоятельствахъ затруднительныхъ и опасныхъ, необходимо нужно ему избирать пункты пребыванія своего такимъ образомъ, чтобы какъ всѣмъ частямъ военнымъ, такъ и всѣмъ государствен-

нымъ внутреннимъ мѣстамъ и обществамъ, могъ онъ подавать нужныя пособія, и повелѣніями и личнымъ присутствіемъ своимъ оживлять тѣ, которыя въ вящшую дѣятельность приводить должно. Второе, что и личная отъ того слава и честь не всегда пріобрѣтается: исторія не похваляетъ никогда поступки и царствованіе Карла XII, короля шведскаго. Феофанъ о Петрѣ Первомъ, вдавшемся опасности на ряду съ прочими, сказалъ: *вострепетала Россія единаго смертію вся умрети боящеся.* Ежели прямой долгъ царей есть жить для благоденствія ввѣренныхъ имъ народовъ, то едва-ли похвально допускать въ одномъ своемъ лицѣ убить цѣлое царство.

„Соображая все сіе и находя притомъ, что нынѣшнее наше положеніе требуетъ непремѣнно всевозможнаго вниманія и скорой рѣшимости, поспѣшаемъ мы поднесть его императорскому величеству мнѣніе наше, какъ долгъ вѣрноподданнаго и прямая любовь къ нему и къ отечеству въ насъ влагаетъ.

„Если государю императору угодно будетъ нынѣ же, не ожидая рѣшительной битвы, препоручить войски въ полное распоряженіе главнокомандующаго и самому отбыть отъ оныхъ ближе къ столицамъ, для воззванія къ дворянству и народу о вооруженіи новыхъ войскъ, которыя бы внутри государства, подъ назначеннымъ предводителемъ, составили вторыя отпорныя силы, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ встрѣченъ будетъ съ радостнымъ восторгомъ, и одушевленный присутствіемъ его народъ воздвигнется весь съ неслыханнымъ духомъ мужества*). Тогда положеніе здѣшнихъ войскъ, хотя бы они и не могли преодолѣть врага, не подвергнетъ царство опасности, и непріятель, встрѣчая отъ нихъ сопротивленіе, хотя бы и одерживалъ успѣхи, но, истощенный и разстроенный, страшился бы всегда новыхъ силъ

*) Послѣдствія показали, что изъявленная здѣсь твердая надежда на дворянъ и народъ была не обманчива. Нравы ихъ, просвѣщенные Божественною вѣрою, а не человѣческими лжемудрствованіями, были (О! да будутъ они всегда таковыми!) русскіе, не зараженные безвѣріемъ и вольнодумствомъ, на которыхъ Наполеонъ, по внушеніямъ посланника своего Колинкура и другихъ жившихъ въ Петербургѣ Французовъ, основывалъ главныя свои мечтанія не о завоеваніи исполинской Россіи, но только объ уничиженіи и сколько возможномъ раздробленіи и разореніи ея. Онъ, при вступленіи своемъ, думалъ прельстить народъ дарованіемъ ему мнимой свободы; но народъ, показавъ здравый умъ, превосходнѣйшій развратнаго ума тѣхъ, которыхъ чужеземные наставники сбили съ толку, не повѣрилъ ему и прельщателей колотилъ русскою палицей.

впереди. Единственная надежда его — привесть скоро къ окончанію войну была бы совершенно отнята.

„Мы отбытіе отселѣ государя императора прежде сраженія потому почитаемъ нужнымъ, что во-первыхъ время не терпитъ, и каждый день медленія здѣсь дѣлаетъ великій перевѣсъ въ дѣлахъ; во-вторыхъ, если непріятель нечаянно настигнетъ и, чего Боже сохрани! одержитъ знатную поверхность, тогда по неволѣ должно будетъ сдѣлать то, на что нынѣ, по доброй волѣ и къ общей всѣхъ радости и спасенію, рѣшиться можно. Нынѣ отзоветъ отселѣ государя должное попеченіе о государствѣ, превосходящее долгъ попеченія о части войскъ, ввѣренныхъ военачальнику; но тогда — отъѣздъ его покажется принужденнымъ, страхъ разсѣется уже по всей Россіи, прибытіе его будетъ меньше вожделенно, воззваніе къ народу — меньше дѣйствительно, и способы къ приготовленію новыхъ силъ — несравненно труднѣе. Непріятель выиграетъ время, шаги его будутъ смѣлѣе, дерзновеннѣе, и можетъ быть успѣетъ онъ уничтожить всѣ поздо предпріемлемыя противъ него мѣры.

„Всемилостивѣйшій государь! сіе мнѣніе наше основано на вѣрности и любви къ священной твоей особѣ. Обрати, надежда Россіи! обрати вниманіе свое на него. Молимъ тебя со слезами! Мы увѣрены, что сей нашъ гласъ и моленіе предъ твоимъ престоломъ есть гласъ всего отечества, всѣхъ вѣрныхъ твоихъ подданныхъ, и готовы въ томъ подписаться кровью.

„Вашего императорскаго величества вѣрноподданные“:

На подлинномъ подписано:

Графъ Аракчеевъ.
Александръ Балашовъ.
А. Ш......

На Двинѣ, близъ Полоцка, іюня 30 дня 1812 года.

Между тѣмъ какъ пересылки и переговоры сіи съ графомъ Аракчеевымъ продолжались, время день за день текло, слухи о приближеніи непріятеля отчасу больше носились, и я въ безпрестанномъ былъ страхѣ, что ежели онъ вдругъ появится, и начнется движеніе войскъ и приготовленіе къ бою, то бумага моя опоздаетъ, сдѣлается безполезною, и весь планъ мой разрушится. Въ семъ страхѣ, не упуская времени, съ усильною просьбою приступилъ я къ Балашову, чтобъ онъ потрудился еще разъ побывать въ главной квартерѣ и спросить у Аракчеева, отдалъ ли онъ письмо. Балашовъ исполнилъ сіе и, возвратясь, сказалъ мнѣ, что въ этотъ вечеръ графъ не имѣлъ удобнаго случая, а завтра

хотѣлъ непремѣнно отдать. Я всю ночь былъ въ безпокойствѣ, и хотя болѣзнь моя почти прошла, такъ что я могъ и самъ выдти, однакожъ, начавъ уже дѣйствовать чрезъ Балашова, я счелъ за лучшее чрезъ него же и продолжать освѣдомляться. Въ слѣдующій день, послѣ обѣда, онъ опять отправился узнать отдана ли бумага. Я ожидалъ возвращенія его съ нетерпѣніемъ; но онъ не принесъ мнѣ радостной вѣсти. Графъ сказалъ ему, что поутру пріѣзжалъ къ государю великій князь Константинъ Павловичъ, что они долго наединѣ разговаривали, и что государь, по отъѣздѣ его, былъ крайне растревоженъ и грустенъ, почему графъ счелъ сіе время неудобнымъ, а хочетъ, когда государь пойдетъ почивать, положить бумагу на письменный его столикъ, дабы онъ, поутру проснувшись съ свѣжею головою, увидѣлъ ее и прочиталъ *). Нетерпѣливость и безпокойство мое еще болѣе умножились. Въ наставшій день прошу я опять Балашова сходить и освѣдомиться. Онъ возвращается и говоритъ мнѣ: — „Бумага положена вчера на столикъ. Графъ Аракчеевъ сегодня поутру былъ у государя. Онъ сказалъ ему только: — *я читалъ ваше посланіе.*“ — Изъ словъ сихъ не можно было извлечь никакихъ заключеній. Любопытствуя сколько нибудь проникнуть въ мысли его величества, уговорилъ я Балашова попроситься къ нему съ какимъ-либо докладомъ, предполагая, не скажетъ ли онъ также и ему чего нибудь о томъ же. Балашовъ былъ, но онъ ему ни слова не сказалъ. Оставаясь въ томъ же недоумѣніи, пошелъ я самъ съ нѣкоторыми къ нему докладами, думая, что какъ онъ навѣрное и по слогу и по рукѣ моей знаетъ, что бумагу писалъ я, то можетъ быть войдетъ со мною хотя въ нѣкоторый о томъ разговоръ. Доложили обо мнѣ: онъ приказалъ меня позвать; слушалъ докладъ мой; но о бумагѣ также ни слова не сказалъ, а только, при входѣ моемъ, милостиво спросилъ о болѣзни моей и совѣтовалъ быть воздержну въ пищѣ. И такъ, при всѣхъ нашихъ испытаніяхъ, не могли мы ничего узнать, какое дѣйствіе произвела надъ нимъ наша бумага. Одно только то изъ пріема его могъ я сдѣлать заключеніе, что онъ на меня не гнѣвенъ; но это была слабая надежда на исполненіе того, о чемъ я къ нему пи-

*) Сказываютъ, будто великій князь пріѣзжалъ съ предложеніемъ къ государю, послать къ Наполеону просить у него мира съ какими бы то ни было пожертвованіями. Не зная о семъ достовѣрно, я не могу сего утверждать; но судя по тому, что государь такъ сильно растревоженъ и грустенъ былъ, надлежитъ думать, что разговоръ ихъ заключалъ въ себѣ что-нибудь подобное сему.

салъ. На другой день государь поѣхалъ верхомъ къ Барклаю, который стоялъ въ нѣскольких верстахъ отъ главной квартеры. Тутъ, по отъѣздѣ его, оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой отвелъ меня въ сторону и тихонько шепнулъ мнѣ на ухо: — „Знаешь-ли что? къ ночи велѣно приготовить коляски, ѣхать въ Москву.“ — Едва могъ я повѣрить словамъ его! Радость моя была неописанна. Теплѣйшая молитва пролилась изъ устъ моихъ къ подателю всѣхъ благъ, Творцу небесному. Государь возвращается, и я получаю повелѣніе написать воззваніе къ Москвѣ [1]). Я бѣгу безъ ума отъ восхищенія; беру перо; излагаю сію бумагу. Государь отъѣзжаетъ; на пути подписываетъ ее (см. въ Собраніи высочайшихъ манифестовъ, страница 12) и посылаетъ въ Москву съ генералъ-адъютантомъ Трубецкимъ [2]) *).

*) Нынѣ знаемъ уже мы (чего тогда, яко будущаго, не могли знать) какія послѣ того времени произошли послѣдствія и приключенія; и такъ разсмотримъ, сколько можно изъ событшагося усматривать и заключать, полезно ли или не полезно было отбытіе государя императора отъ войскъ. Отбытіе сіе было причиною слѣдующихъ обстоятельствъ: 1-е, Отступленіе Барклая-де-Толли безъ боя, вѣроятно по важнымъ причинамъ, отъ того мѣста, на которомъ, по плану Фуля, при сдѣланномъ имъ укрѣпленіи, предполагалось быть сраженію, и гдѣ государь (какъ мы уже видѣли) намѣревался дать оное 2-е, Повсемѣстныя, въ силу воззваній къ Москвѣ и Петербургу, вооружившіяся ополченія, ободрившія всѣхъ и каждаго и безсомнѣнія принесшія къ Наполеону страшную, никогда съ мыслью его не встрѣчавшуюся вѣсть, что мало ему побѣдить однѣ войски, но надлежитъ преодолѣть весь народъ. 3-е, Благовременное назначеніе главноначальствующимъ надъ всѣми войсками и ополченіями, многократно съ честью и славою предводительствовавшаго ими, князя Михайлы Ларивоновича Голенищева-Кутузова, названнаго потомъ Смоленскимъ. 4-е, Кровопролитное сраженіе подъ Бородинымъ, нанесшее непріятелю сильное пораженіе, но, при всевозможномъ мужествѣ и храбрости, не могшее однакожъ остановить шаги его. 5-е, Взятіе Москвы, но какое? — вмѣсто величавости и торжества, при вступленіи въ толь знаменитую столицу, погрузившее Наполеона и всѣ полчищи его въ мрачное предвѣстіе и ужасъ. 6-е,

[1]) „И манифестъ объ ополченіи,“ какъ сказано въ печатныхъ Запискахъ, — „и манифестъ для Петербурга,“ какъ сказано въ рукописи 1818 г.. Въ „Собраніи высочайшихъ манифестовъ“ и проч., эта бумага обозначена такъ: „Манифестъ съ объявленіемъ о вшествіи непріятеля въ предѣлы Россіи и о всеобщемъ противу него ополченіи.“ Пропускъ этотъ въ рукописи 1828 г. объясняется тѣмъ, что Шишковъ смѣшалъ этотъ манифестъ съ изданнымъ немного позже въ Москвѣ (см. ниже). — Воззваніе къ Москвѣ и Манифестъ о всеобщемъ ополченіи подписаны государемъ въ Полоцкѣ. См. Приложенія IV и V.

[2]) Кн. Василій Сергѣевичъ, который въ 1805 г., бывши тайнымъ совѣтникомъ, вступилъ въ военную службу маіоромъ и участвовалъ во всѣхъ войнахъ 1805—1815 гг..

Вскорѣ и мы за нимъ отправляемся. Путешествіе наше было довольно скорое. Государь нигдѣ не останавливался, кромѣ Смоленска, и то на короткое время. Я съ княземъ Волхонскимъ ѣхалъ позади его. Сначала проѣзжали мы деревни совершенно пустыя, въ которыхъ не только людей, даже никакихъ животныхъ не

Искусное и дальновидное отступленіе князя Кутузова съ войсками къ Тарутину, принудившее Наполеона возвращаться по той же опустошенной имъ дорогѣ, по которой пришелъ въ Москву. 7-е, Ежедневное истребленіе непріятеля въ окрестностяхъ сей столицы. 8-е, Бѣгство его изъ оной и безполезныя злодѣйства. 9-е, Многократныя пораженія на пути. 10-е, Совершенное всѣхъ силъ его разрушеніе. 11-е, Походъ нашъ за предѣлы Россіи. 12-е, Освобожденіе воевавшихъ противъ насъ нѣмецкихъ земель и вступленіе съ ними въ союзъ. 13-е, Многократныя сраженія и побѣды надъ новособранными войсками Наполеона, и наконецъ 14-е, Низверженіе его и взятіе Парижа. Таковы были послѣдствія, съ отбытіемъ государя императора отъ войскъ сопряженныя. Это мы видѣли и знаемъ. Но какія были бы онѣ, когда бъ онъ оставался при войскахъ, того, яко навсегда отъ очей нашихъ сокрытаго, по неимѣнію въ себѣ дара провидѣнія, знать не можемъ. Однакожъ, чрезъ сравненіе и соображеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, можемъ съ вѣроятностью о томъ разсуждать. И такъ представимъ себѣ нижеслѣдующее: 1-е, Сраженіе при укрѣпленіи въ Дриссѣ, къ которому приготовлялись, не могло быть благоуспѣшнѣе Бородинскаго, какъ по общему всѣхъ заключенію о невыгодности мѣстоположенія, такъ и потому, что число нашихъ войскъ, безъ соединенія съ Багратіономъ (не говоря уже объ ополченіи), было гораздо меньше; слѣдовательно прогнаніе насъ (еслибъ и не полагать въ немъ большой потери) и стремленіе непріятеля къ Смоленску и Москвѣ не могло бы остановлено быть. 2-е, Когда Кутузовъ, послѣ Бородинской битвы, жертвуя Москвою, не смѣлъ вторично сразиться, дабы, прежде соединенія съ новыми войсками, вовсе не обезсилить себя, то уже конечно, послѣ подобнаго сраженія въ Дриссѣ (еслибъ оно противъ всякой вѣроятности и было столь же упорное), оставалось бы еще меньше возможности дать вторую битву. 3-е, Буде же бы и случилось, чтобъ, не смотря на истощеніе силъ, остальными изъ нихъ и дано было вновь сраженіе подъ Смоленскомъ, или подъ Москвою, то какія бы изъ того произошли слѣдствія? Можно ли полагать, что непріятель былъ бы разбитъ, приведенъ въ безсиліе, прогнанъ за предѣлы Россіи? На какомъ вѣроподобіи основать таковое предположеніе? Бородинская, самая упорная и жестокая битва ясно доказываетъ, что никоимъ образомъ не могло бы сего случиться; а безъ того непріятель, при всѣхъ своихъ потеряхъ (буде бы и полагать ихъ великими), по разрушеніи всѣхъ нашихъ силъ, оставался бы еще силенъ, и Москва подпала бы тойже самой участи, съ тою токмо разностью, что мы лишились бы всякой надежды, а непріятель всякаго страха, и сіе необходимо бы долженствовало быть по слѣдующимъ причинамъ: первое, — внутреннія ополченія не были бы составлены. (Замѣтимъ здѣсь, что, по собственнымъ словамъ графа Витхенштейна, при всѣхъ его побѣдахъ, единственно тогда гремѣвшихъ, оставался онъ въ такомъ маломъ числѣ, что еслибъ не подоспѣло къ нему петербургское, изъ осмнадцати тысячъ мѣщанъ и крестьянъ состоящее, но храбро сражавшееся ополченіе, то онъ нашелся бы принужденнымъ отступить

видали. Потомъ стало становиться нѣсколько живѣе. Наконецъ по пріѣздѣ въ Смоленскъ, гдѣ мы нашли еще государя, предстало очамъ нашимъ великое множество народа и разныхъ чиновъ отставныхъ дворянъ, изъ которыхъ многіе приходили ко мнѣ сказывать, что они всѣхъ крестьянъ своихъ вооружатъ, и сами

къ Ригѣ [1]); и тогда Петербургъ могъ бы въ такой же быть опасности, какъ и Москва.) Второе, — князь Смоленскій не былъ бы позванъ предводительствовать войсками, или бы позванъ былъ поздно. Третіе, — непріятель, безъ предваренія обѣихъ столицъ воззваніями, внезапу нагрянувшій на Москву, привелъ бы всѣхъ въ такой трепетъ и ужасъ, что можетъ быть весьма трудно или и совсѣмъ невозможно было бы тогда только предпринимать какія либо мѣры. Четвертое, — отступленіе къ Тарутину съ войскомъ, еще довольно сильнымъ и, въ теченіе времени, прибытіемъ козаковъ съ Дона и другими многими средствами еще болѣе усилившимся, тогда не могло бы съ такимъ предусмотрѣніемъ и успѣхомъ быть сдѣлано. А сіе движеніе и сохраненіе войска еще въ цѣлости было причиною, что пребываніе въ Москвѣ непріятеля обратилось ему не въ торжество, но въ пагубу; ибо жители во всѣхъ окрестностяхъ Москвы, ободренные надеждою на войски свои, еще цѣлыя и грозныя, повсюду отважно и смѣло, иногда подъ руководствомъ наѣздниковъ, иногда сами одни, истребляли непріятельскіе отряды, посылаемые, по недостатку въ Москвѣ пищи, искать продовольствія. Дѣйствія сіи, ежедневно производимыя, до такой степени ослабили силы Наполеоновы, что исходъ его изъ Москвы былъ болѣе отчаянное бѣгство, нежели предначертанное намѣреніе. Пятое, — но всего важнѣе было то, что народъ видѣлъ государя своего безопасна, пребывающа въ отдаленной столицѣ, гдѣ не могъ онъ впасть въ руки врага, или подвигнутъ быть на какую-либо невольную рѣшительность. Наконецъ шестое, — хотя государь императоръ изрѣкъ твердое слово: не положить меча доколѣ не сотретъ непріятеля съ лица земли своей, но твердость сія не могла, независимо отъ мѣстопребыванія его, быть столь же непоколебима при войскахъ, сколько и въ Петербургѣ; ибо тамъ тысячи непредвидимыхъ обстоятельствъ и случаевъ, до отдаленной столицы не досягающихъ, могли бы на него напасть и перемѣну воли его сдѣлать необходимою. Изъ сего сравненія исчисленныхъ здѣсь событій и предположеній можно, если не со всею точностью, то по крайней мѣрѣ съ великою вѣроятностью. заключить о разности послѣдствій, какія бы могли произойти отъ сраженія при Двинѣ и дальнѣйшаго пребыванія государя императора при войскахъ. И такъ Богу благодареніе, что Онъ милосердымъ окомъ воззрѣлъ на Россію и, погася въ немъ чувство личнаго славолюбія, преклонилъ слухъ его ко вниманію гласа, вопіявшаго къ нему о спасеніи отечества!

[1]) Въ началѣ войны, подъ начальствомъ Витгенштейна было всего около 25000 человѣкъ; а дѣйствовать ему приходилось противъ Удино и Макдональда, имѣвшихъ не менѣе 40000 войска. Передъ вторымъ сраженіемъ при Полоцкѣ (6 окт.), по прибытіи къ значительно уменьшившемуся въ численности корпусу Витгенштейна большей части посланныхъ къ нему подкрѣпленій, у Витгенштейна считалось до 40000 человѣкъ, въ числѣ которыхъ 9 тысячъ ополченцевъ (Ист. Отеч. Войны, ген. Богдановича, т. III, стр. 161 и 162).

пойдутъ съ ними на встрѣчу непріятелю[1]). Тутъ, смотря на мужественный духъ и пылающее рвеніе, возродилась во мнѣ исчезавшая надежда, и я, въ восторгѣ души моей, самъ себѣ сказалъ: нѣтъ! Богъ милостивъ; Россія не погибнетъ! — Одно только меня смущало: почти всѣ приходившіе ко мнѣ дворяне единогласно говорили, что если дадутъ имъ предводителя, то они охотно ему повиноваться будутъ, лишь толькобъ это былъ Русскій; но въ тожъ самое время назначенъ предводительствовать ими не знающій ни слова по-русски, иностранецъ Винценгероде[2]).

Остальной путь нашъ до Москвы не представлялъ уже ни пустоты деревень и городовъ, ни бѣгства людей изъ жилищъ своихъ, но вездѣ сборищами и бодростью народа подкрѣплялъ мою надежду. Появленіе государя въ Москвѣ[3]) произвело всеобщее воспламененіе чувствъ и сердецъ, разлившееся отъ ней по окрестностямъ ея и по всему пространству Россіи. Достопамятенъ и не будетъ никогда забвенъ благородный восторгъ и ревность, исторженная присутствіемъ государя императора, произнесшаго краткую рѣчь, въ многочисленномъ дворянскомъ собраніи. При первомъ изрѣченіи словъ его о сборѣ людей и нужныхъ денежныхъ пособій, для повсемѣстнаго ополченія противъ врага, всѣ до единаго возопіяли: десятаго даемъ со всѣми потребными припасами; и если дойдетъ до надобности, станемъ всѣ поголовно![4]) — Таковъ былъ духъ усердія московскаго, или лучше сказать россійскаго дворянства[5]).

Во время пребыванія государя въ Москвѣ, поручено мнѣ было написать слѣдующія бумаги: 1-я, манифестъ о всеобщемъ ополченіи[6]); 2-я, главноначальствующему въ Москвѣ, генералу графу

---

[1]) Въ просьбѣ, поданной отъ имени смоленскаго дворянства губернскимъ предводителемъ Лесли (7 іюля), заявлялась готовность выставить 20 тысячъ воиновъ на защиту отечества (Ист. Отеч. Войны, т. I, стр. 179).

[2]) Ген. ад. Винценгероде былъ назначенъ начальникомъ сформированнаго въ Смоленскѣ отряда, который долженъ былъ способствовать соединенію Западныхъ армій (тамъ-же, т. I, стр. 180).

[3]) Государь пріѣхалъ въ Москву поздно вечеромъ, 11-го іюля.

[4]) 15-го іюля, въ Слободскомъ дворцѣ собрались не одни дворяне, а также и купцы и мѣщане. Кромѣ общаго сбора, московскіе граждане постановили открыть подписку на добровольныя пожертвованія; и въ первые два часа, подписка достигла полутора миліоновъ рублей (Ист. Отеч. Войны, т. I, стр. 183 и 184).

[5]) Къ этому, въ печатныхъ Запискахъ, прибавлено: „о которомъ по справедливости сказано: „вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа!“ — Слова манифеста 30 авг. 1814 г..

[6]) Объ ошибкѣ этой мы уже упомянули выше. Московскимъ манифестомъ объявлялось объ изъятіи нѣкоторыхъ губерній изъ всеобщаго ополченія и учрежденіи трехъ округовъ.

Растопчину; 3-я, рескриптъ московскому митрополиту Платону*); 4-я, господину генералъ-маіору Глухову[2]) (см. въ Собраніи манифестовъ, стран. 17, 19, 20 и 21)[3]). Въ исходѣ іюля, государь отправился въ Петербургъ[4]), и я за нимъ. Онъ любилъ ѣздить весьма скоро, такъ что лошади, подъ его коляскою, нерѣдко падали. Сначала не отставалъ я отъ него; но примѣтя, что одна изъ четверки прекрасныхъ лошадей, запряженныхъ въ мою коляску, стала шататься, и опасаясь, чтобъ она не пала, велѣлъ я извощику своему ѣхать тише. Онъ сколько ни сожалѣлъ о своей лошади, но не смѣлъ сего сдѣлать и продолжалъ гнать, покуда я съ угрозами не повторилъ ему моего приказанія. Я догналъ государя въ Твери, гдѣ онъ дни на два остановился, по причинѣ присутствія тутъ ея высочества Екатерины Павловны[5]). Изъ Твери поѣхалъ я также за нимъ, но дорогою отсталъ отъ него и пріѣхалъ цѣлыми сутками позже въ Петербургъ[6]). На пути видѣлъ я удивившее меня явленіе: день былъ ясенъ; на чистомъ небѣ примѣтны были только два облака, изъ которыхъ одно имѣло точное подобіе рака съ головою, хвостомъ, протянутыми лапами и разверстыми клешнями; другое такъ похоже было на дракона, какъ бы на бумагѣ нарисовано. Увидя ихъ, я удивился сему ихъ составу и сталъ смотрѣть на нихъ пристально. Онѣ сближались одно съ другимъ, и когда голова дракона сошлась съ клешнями рака, то она стала блѣднѣть, распускаться, и облако потеряло прежній свой видъ. Казалось ракъ побѣдилъ дракона, и не прежде, какъ минутъ черезъ пять, и самъ разрушился. Сидя одинъ въ коляскѣ, долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ ракъ, и кто — драконъ? напослѣдокъ пришло мнѣ въ голову, что *ракъ* означалъ Россію, поелику оба сіи слова начинаются съ буквы *р*, и эта мысль утѣшала меня во всю дорогу.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, нашли мы, что, по силѣ манифеста, земское ополченіе, для подкрѣпленія силъ графа Витхен-

---

*) Знаменитый сей первосвященникъ прислалъ, при письмѣ своемъ къ государю, образъ преподобнаго Сергія. Онъ въ сіе время лежалъ уже на смертномъ одрѣ, и вскорѣ потомъ жизнь его прекратилась[1]).

---

[1]) Митрополитъ Платонъ умеръ 11 ноября, на 76 мъ году жизни.

[2]) Относительно производимыхъ имъ въ Кіевѣ укрѣпленій.

[3]) См. Приложенія VI—IX.

[4]) Государь выѣхалъ изъ Москвы въ ночь съ 18 на 19 іюля.

[5]) Великая княгиня изъявила тогда желаніе сформировать на свой счетъ особый баталіонъ.

[6]) Государь пріѣхалъ въ Петербургъ 22-го іюля.

штейна, было уже стараніемъ графа Голенищева-Кутузова [1]) совсѣмъ готово, и скоро отправилось въ походъ [2]). Государь, будучи симъ доволенъ, приказалъ мнѣ заготовить двѣ бумаги: одну къ нему, чтобъ онъ сотрудникамъ своимъ объявилъ его благоволеніе, а другую — указъ сенату о возведеніи его, графа Кутузова, съ потомствомъ въ княжеское всероссійской имперіи достоинство, съ присовокупленіемъ титула свѣтлости (см. въ Собран. маниф., стран. 22 и 24) [3]). Когда бумаги сіи были подписаны, то съ великою радостью повезъ я ихъ къ нему, и нашелъ его, засѣдающаго въ гражданской палатѣ, съ гражданскими чиновниками, и съ такою же ревностью пекущагося объ устроеніи ополченія, съ какою подъ непріятелемъ распоряжалъ войсками *).

По полученіи отъ Барклая-де-Толли донесенія о соединеніи его со второю арміею (подъ предводительствомъ князя Багратіона) и направленіи движеній своихъ къ Смоленску, написанъ былъ къ нему рескриптъ, повелѣвающій ему дѣйствовать наступательно противъ непріятеля (см. въ Собран. маниф. стран. 28) [5]); но вскорѣ

*) Безсомнѣнія, послѣ знаменитой надъ Турками побѣды и заключенія съ ними полезнаго, предѣлы Россіи распространившаго, мира, должность сія не могла для него быть лестною; однакожъ онъ занимался ею съ великимъ усердіемъ. Государь не благоволилъ къ нему, со времени Тильзитскаго мира, потому что онъ, предводительствовавшій тогда, въ присутствіи государя, войсками, былъ различнаго съ нимъ мнѣнія о распоряженіи военныхъ движеній и дѣйствій, и какъ дѣйствія сіи были неудачны, то, относясь къ одному лицу государя, дѣлали ему непріятнымъ полководца, не раздѣлявшаго съ нимъ толковъ о сихъ неудачныхъ послѣдствіяхъ. Извѣстно что, по сближеніи нашихъ войскъ съ французскими, Наполеонъ съ нѣкоторою покорностью обращался къ нашему императору, прося его о примиреніи; но посланный отъ насъ, для переговоровъ съ нимъ [4]), молодой человѣкъ, генералъ-адъютантъ Долгорукой, возносчивостью своею привелъ его въ такое отчаяніе, что онъ напослѣдокъ осердясь сказалъ: — „Ну, такъ станемъ же драться." — Хотя государь послѣ того и обращался къ Кутузову, поручая ему главное надъ войсками начальство противъ Турокъ, и дѣлалъ ему вышеозначенныя награды, но оныя больше обстоятельствами, нежели сердечнымъ его на то согласіемъ, были исторгнуты.

[1]) Кутузовъ былъ выбранъ въ начальники петербургской земской силы, за пять дней до возвращенія государя.

[2]) Въ печатныхъ Запискахъ, сдѣлано къ этому мѣсту примѣчаніе: „Извѣстно съ какою храбростью ополченіе сіе сражалось подъ Полоцкомъ. Оно, едва оторванное отъ сохи и небывалое никогда въ походахъ и сраженіяхъ, столько же страшно было непріятелю, какъ и благоустроенное воинство."

[3]) См. Приложенія X и XI.

[4]) Въ ноябрѣ 1805 г., передъ Аустерлицкимъ сраженіемъ.

[5]) См. Приложеніе XII.

послѣ того получено извѣстіе, что Смоленскъ взятъ, и войски наши отступаютъ къ Москвѣ. Извѣстіе сіе всѣхъ потревожило, такъ что стали помышлять о порученіи войскъ новому военачальнику. Никого не было въ виду опытнѣе и знаменитѣе князя Кутузова; однакожъ государь не назначилъ его, но предоставилъ избраніе полководца особо собранному на тотъ разъ совѣту. Совѣтъ, ни мало не колеблясь, общимъ гласомъ избралъ Кутузова, и государь согласился[1]. Кутузовъ, сопровождаемый народными о немъ мольбами, отправился принять главное надъ войсками начальство. Вскорѣ за симъ, послѣдовала знаменитая Бородинская битва, упорная, кровопролитная. Въ ней многіе генералы и офицеры убиты, или смертельно раненые лишились жизни. Изъ числа оныхъ былъ ученикъ Суворова, князь Багратіонъ*) (см. въ Собран. маниф. рескриптъ къ нему государя императора, стран. 33)[3], генералъ Тучковъ[4], Кутайцовъ (братъ того, который ѣздилъ со мною въ чужіе краи), молодой человѣкъ, подававшій о себѣ великую надежду[5], и многіе другіе, съ честью и славою падшіе за отечество. Французы отступили, оставя насъ на мѣстѣ сраженія. У нихъ еще болѣе убито и ранено военачальниковъ, такъ что они прозвали сраженіе сіе *битвою генераловъ*[6]. Сколь ни знаме-

---

*) Державинъ изъ имени его Багратіонъ вывелъ смыслъ: **богъ рати онъ**[2].

---

[1]) Комитетъ, которому государь довѣрилъ избраніе главнокомандующаго, состоялъ изъ фельдмаршала графа Салтыкова, Вязмитинова, Аракчеева, Балашова, князя Лопухина и графа Кочубея. Прежде чѣмъ придти къ единогласному рѣшенію — ввѣрить начальство надъ всѣми арміями Кутузову, комитетъ началъ съ именъ Беннигсена, Багратіона, Тормасова и Палена.

[2]) Багратіонъ умеръ черезъ семнадцать дней послѣ полученія раны, т. е. 12 сентября, — въ имѣніи кн. Б. А. Голицына, селѣ Симахъ, Владимірской губерніи, Переяславль-Залѣсскаго уѣзда. — Четверостишіе Державина „На Багратіона“ (Соч. Держ., т. II, стр. 579):

О, какъ великъ На-поле-онъ!
Онъ хитръ и быстръ и твердъ во брани;
Но дрогнулъ, какъ простеръ лишь длани
Къ нему съ штыкомъ Бог-раті-онъ.

[3]) См. Приложеніе XIV.

[4]) Ген. лейт. Николай Алексѣевичъ, командовавшій 3-мъ пѣхотнымъ корпусомъ; при Бородинѣ же былъ убитъ и его младшій братъ, ген. маіоръ Александръ Алексѣевичъ.

[5]) 29-тилѣтній генералъ-маіоръ гр. Александръ Ивановичъ, начальникъ артиллеріи Первой арміи.

[6]) Съ нашей стороны, убито 4 генерала, ранено — 18; со стороны непріятеля, убито — 12, ранено — 37 (Ист. Отеч. Войны, т. II, стр. 223 и 550).

нита была сія побѣда, за которую князь Кутузовъ произведенъ въ фельдмаршалы (см. въ Собран. маниф. рескриптъ къ нему, стран. 32)[1]), однакожъ она не могла совершенно ослабить многочисленную, почти изъ всѣхъ европейскихъ народовъ составленную французскую армію. Наполеонъ собралъ, устроилъ ее снова и продолжалъ стремленіе свое къ Москвѣ. Князь Кутузовъ расчелъ, что если дать ему вторичную, подъ стѣнами Москвы, битву, и буде битва сія, при всей возможной храбрости, не сломитъ и не разрушитъ (чего и надѣяться нельзя) всѣхъ силъ непріятельскихъ, то Москва равно не уцѣлѣетъ, какъ бы и уступленная ему безъ брани; но разность будетъ та, что онъ, по вторичномъ сраженіи, если удастся ему превозмочь и разсѣять наши войска, войдетъ въ нее безъ опасенія отъ нихъ; напротивъ того, хотя и овладѣетъ онъ Москвою, но зная, что войски наши еще цѣлы и могутъ въ скорости быть пріумножены, — не будетъ пребывать въ ней спокойно. Основавшись на сихъ размышленіяхъ, князь Кутузовъ рѣшился съ болѣзненнымъ сердцемъ, для спасенія Россіи, оставить первопрестольный градъ ея на жертву врагамъ. Онъ написалъ къ государю: — „Смоленскъ открылъ путь въ Москву; по взятіи его, столица сія не могла быть спасена; но она не есть еще цѣлое царство“ [2]). — Предпринявъ сіе, онъ прошелъ чрезъ восътрепетавшую отъ ужаса Москву и направилъ путь свой въ одну, а потомъ ночью въ другую сторону, къ селенію, называемому *Тарутино*, такъ что Наполеонъ долго не зналъ, куда россійскія войска дѣвались *). Князь Кутузовъ избралъ сіе положеніе, первое — потому, чтобъ собрать разсѣявшихся людей, дать отдохнуть войскамъ и умножить ихъ ожидаемыми съ Дону козаками; второе — потому, чтобъ заслонить богатѣйшія губерніи отъ непріятеля, приготовясь отразить его, буде бы онъ путь свой предпринялъ въ сію сторону, и преслѣдовать его, если онъ пойдетъ обратно прежнимъ своимъ путемъ.

Наполеонъ, сопровождаемый знаменитѣйшими изъ своихъ приближенныхъ, въѣхалъ въ Москву на богато убранномъ конѣ. Онъ думалъ встрѣченъ быть первенствующими чинами, поднося-

---

*) Нѣкто князь Долгорукой, сдѣлавъ на имя Тарутинъ каламбуръ, сказалъ Кутузову: la routine a dérouté Napoléon.

---

[1]) См. Приложеніе XIII.

[2]) Шишковъ не буквально передаетъ слова донесенія Кутузова, отъ 4-го сентября; но въ немъ есть выраженія: „возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества“ и „послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска.“

щими ему съ покорностью ключи столицы. Надменный сими мыслями, проѣзжаетъ улицу, другую, третію; достигаетъ златоглаваго Кремля: вездѣ пусто; въ обширномъ градѣ семъ, какъ бы въ нѣкоемъ гробѣ, одна глубокая тишина царствуетъ; однѣ открытыя окна и двери у домовъ, какъ бы нѣкія отверстыя гортани окаменѣлыхъ чудовищъ на него зіяютъ. Радость и торжество гордаго побѣдителя превращается въ мрачную задумчивость. Онъ увидѣлъ, что Россіянамъ отечество свое драгоцѣннѣе, чѣмъ великолѣпныя жилища ихъ и сокровищи. Онъ увидѣлъ, что Москва еще не Россія. Зловѣщее предчувствіе сказало ему, что легче было въ нее войти, нежели выдти изъ ней. Полчищи его, забывшія Бога и вѣру, предаются всякаго рода буйствамъ и мерзостямъ; терзаютъ единственныхъ оставшихся въ жертву имъ больныхъ и убогихъ; томимыя гладомъ, питаются подобными себѣ хищными вранами; неистовствуютъ, грабятъ, жгутъ, оскверняютъ Божественные храмы..... Но накинемъ покрывало на сіи уничижающія человѣчество злодѣянія и возвратимся къ тому, что происходило въ Петербургѣ.

Сраженія графа Витгенштейна и побѣды его надъ французскими полководцами, направлявшими движенія свои къ городамъ Пскову и Ригѣ, успокоивали съ сей стороны опасеніе народное. Псковское купечество поднесло ему образъ Гавріила чудотворца, съ надписью: *спасителю* Пскова. Онъ писалъ къ государю, прося дозволенія о принятіи сего образа. Государь дозволилъ и приказалъ мнѣ заготовить къ нему рескриптъ. Вспомня, что въ одной изъ псковскихъ церквей хранится святаго благовѣрнаго князя Гавріила мечъ, съ надписью: *чести моей никому не отдамъ,* — я спросилъ у государя, не прикажетъ ли онъ сію надпись помѣстить въ рескриптѣ? — Государь согласился. Графъ, ничего о томъ не знавшій, крайне былъ тѣмъ доволенъ и послѣ испросилъ позволеніе внести ее въ свой гербъ (см. въ Собран. маниф., стран. 35.) [1]).

Между тѣмъ пришла вѣсть о взятіи Москвы [2]). Сперва тихіе шопоты смутно о семъ распространились, а потомъ государь, призвавъ меня къ себѣ, объявилъ мнѣ это и приказалъ написать бумагу во всенародное о томъ извѣстіе. Услышавъ сіе, пошелъ я домой съ сокрушеннымъ сердцемъ. Чувства мои, сначала пора-

---

1) См. Приложеніе XV.

2) Донесеніе Кутузова о вступленіи непріятеля въ Москву привезъ въ Петербургъ полковникъ Мишо, 9-го сентября.

женныя жестокою горестью, вдругъ воспламенились гнѣвомъ, родившимъ во мнѣ, вмѣсто унынія и отчаянія, гордость и надежду. Я сѣлъ и написалъ слѣдующую бумагу:

„Во всенародное извѣстіе, по высочайшему повелѣнію.

„Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалью, симъ возвѣщается, что непріятель, сентября 3 число *), вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій! Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ! Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ присутствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего, но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго царства и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать................**). Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по-неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія***). Положеніе его есть слѣдующее: онъ вошелъ въ землю нашу съ

*) Онъ вошелъ сентября 2-ое, но въѣздъ Бонапарте былъ сентября 3-го.

**) Здѣсь нѣсколько словъ выпущено, о чемъ мы ниже сего скажемъ.

***) Сколь ни казались тогда многимъ слова сіи гадательными мечтаніями, но послѣдовавшія событія совершенно ихъ оправдали. Дѣйствительно посылаемые изъ Москвы непріятельскіе отряды ежедневно въ немаломъ числѣ были нашими наѣздниками и поселянами истребляемы; и въ продолженіе пребыванія непріятеля въ сей столицѣ, силы его много убавились и упали духомъ.

тремя стами тысячъ человѣкъ *), изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнородной арміи его истреблена частью храбрыми нашими войсками, частью побѣгами, болѣзнями и голодною смертью. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безсомнѣнія смѣлое или лучше сказать дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи и даже въ самую древнѣйшую столицу, удовлетворяетъ его честолюбію и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло! Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ и преклоняетъ къ стопамъ его и войски и народъ! Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, вѣры, свободы, имущества. Она, съ послѣднею въ груди каплею крови, станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуетъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ, да не унываетъ никто! И въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышутъ мужествомъ и твердостью? когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна[2]) стоитъ противъ него, а другія три[3]) стараются пресѣкать ему возвратный путь и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? когда Гишпанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по-неволѣ ему, смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ подъ власти его тяжкой и нестерпимой? когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія его своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ со-

*) Извѣстно, что сіе число, въ послѣдствіи времени, оказалось гораздо превосходнѣйшимъ, а именно почти вдвое[1]).

[1]) По исчисленію Шамбре и Бутурлина, число войскъ Наполеона, при началѣ войны, включая конечно полки, сформированные въ Литвѣ, превышало 600.000 человѣкъ (Ист. Отеч. Войны, т. I, стр. 124 и 512).

[2]) Т. е. соединенныя 1-ая и 2-ая Западныя арміи.

[3]) Т. е. арміи Тормасова и Чичагова и корпуса Витгенштейна и Штейнгеля.

стояніи всего рода человѣческаго, не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостью и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей вмѣстѣ съ нимъ воюютъ?—Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую церковь! Даруй побораюшему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его и, спасая себя, спасетъ свободу и независимость царей и царствъ!"

(Сентября „ " дня 1812 года.)

Написавъ сію бумагу, я прочиталъ ее нѣсколько разъ, самъ сомнѣваясь въ предвѣщаніяхъ моихъ, толь мало тогдашнему положенію нашему соотвѣтствовавшихъ. Однакожъ ободрился, не перемѣнилъ ни слова и понесъ ее къ государю: онъ выслушалъ и приказалъ прочитать въ комитетѣ господъ министровъ, давъ повелѣніе засѣдать мнѣ въ ономъ. Въ комитетѣ выслушали меня съ молчаніемъ, выключая, что нѣкоторые члены находили сказанное въ ней о Наполеонѣ выраженіе: *„онъ затворился въ гробъ, изъ котораго не выдетъ живъ,"* — слишкомъ надежнымъ и гадательно предвѣщаемымъ. Я донесъ государю о семъ ихъ замѣчаніи. Онъ отдалъ мнѣ на волю — выпустить или не выпустить сіи слова. Я, хотя и не охотно, однакожъ, чтобъ не показать себя упрямымъ, исключилъ ихъ.

Извѣстіе о взятіи Москвы подало поводъ къ разнымъ толкамъ, обвинявшимъ фельдмаршала Кутузова. Примѣтя, что и самъ государь поставляетъ ему въ вину, для чего не далъ онъ вторичнаго подъ Москвою сраженія, я осмѣлился спросить у него: не думаетъ ли онъ смѣнить Кутузова? и очень обрадовался отвѣту его: — „Нѣтъ, я отнюдь сего не думаю."

Вскорѣ потомъ пріѣхалъ изъ Москвы нѣкто тамошній житель[1]). Онъ вырвался изъ ней послѣ начавшихся тамъ пожаровъ и былъ очевидцемъ многихъ происходившихъ внутри ея непрія-

---

[1]) Этотъ пріѣзжій былъ вѣроятно братъ нашего резидента въ Штутгардтѣ, замѣшкавшійся выѣздомъ изъ Москвы, Яковлевъ, котораго Наполеонъ снабдилъ письмомъ къ императору Александру Яковлевъ пришелъ на наши аванпосты, въ Черную Грязь и, по распоряженію Винценгероде, былъ отправленъ, въ сопровожденіи офицера въ Петербургъ, гдѣ на заставѣ онъ получилъ приказаніе ѣхать

тельскихъ, или лучше сказать злодѣйскихъ дѣйствій. Военный губернаторъ, дабы преждевремянно не разнеслись о томъ слухи, задержалъ его въ своемъ домѣ. Государь, по докладѣ о немъ, призвалъ меня и приказалъ мнѣ распросить у него о видѣнныхъ имъ происшествіяхъ. Я услышалъ отъ него ужасы, поразившіе меня до глубины души. Пересказалъ ихъ государю. Онъ велѣлъ мнѣ написать о томъ бумагу, подъ названіемъ *извѣстіе изъ Москвы*. Наполненный мрачными мыслями, я, помѣстя въ ней нѣкоторыя изъ слышанныхъ мною происшествій, присовокупилъ къ тому разсужденія мои о поврежденіи нравовъ нашихъ отъ привязанности и подражанія тому народу, который, въ недавнія времена, отступя отъ Бога и вѣры, впалъ въ язычество, казнилъ своихъ царей и съ такою же лютостью поступалъ съ собственными своими соотечественниками, съ какою нынѣ поступаетъ съ нами. Написавъ сіе, подумалъ я, что бумага моя не можетъ пріятна быть государю, потому что упреки сіи, если не прямо, то отчасти на него падаютъ. Мысль сія останавливала меня; но когда же, подумалъ я опять, и дать ему это почувствовать, какъ не при нынѣшнихъ обстоятельствахъ? Ободренный симъ размышленіемъ, рѣшился я идти къ нему; но прежде, нежели началъ читать, сказалъ ему: — „Государь, я не умѣю иначе говорить, какъ то, что чувствую. Позвольте мнѣ попросить васъ выслушать бумагу мою до конца, не прерывая чтенія оной. Послѣ того сдѣлайте съ нею что вамъ будетъ угодно.“ — Онъ обѣщалъ это, и я началъ читать. По окончаніи чтенія, взглянувъ на него, примѣтилъ я въ лицѣ его нѣкоторую краску и смущеніе. Онъ, помолчавъ нѣсколько, сказалъ мнѣ: — „Такъ, правда! я заслуживаю сію укоризны.“ — Тутъ, стараясь сколько можно смягчить почувствованное имъ огорченіе, осмѣлился я сказать ему: — „Государь! не вы тому причиною, и едва-ли въ царствованіе ваше могли отвратить сіе слишкомъ усилившееся зло, котораго начало идетъ отъ великаго впрочемъ, но въ семъ случаѣ не предусмотрѣвшаго послѣдствій, прародителя вашего Петра Перваго. Онъ, вмѣстѣ съ полезными искуствами и науками, допустилъ войти мелочнымъ подражаніямъ, поколебавшимъ коренныя обычаи и нравы. Прочіе цари не останавливали сего рождавшагося въ насъ пристрастія ко всему чуже-

---

прямо къ гр. Аракчееву. Государь прочелъ письмо, но оставилъ его безъ отвѣта и даже не захотѣлъ видѣть Яковлева, чтобы не подать повода къ толкамъ о существованіи какихъ либо сношеній съ Наполеономъ (Ист. Отеч. Войны, т. II, стр. 320–325).

земному, а особливо французскому. Великая Екатерина, бабка ваша, напослѣдокъ почувствовала сіе и старалась обращать насъ къ отечественнымъ доблестямъ; но то уже было поздо и требовало немалыхъ и долговременныхъ усилій." — На этомъ разговоръ нашъ кончился. Государь оставилъ у себя мою бумагу.

Вскорѣ послѣ сраженія подъ Бородинымъ, по поводу присланнаго отъ фельдмаршала донесенія объ отлучкѣ многихъ солдатъ изъ войскъ, посланы были двѣ бумаги, одна — къ нему, а другая — къ войскамъ*) (см. въ Собран. маниф., стран. 40 и 41)[1]. Первыя извѣстія о взятіи Москвы и пожарахъ ея навели немалый страхъ, такъ что, опасаясь пришествія непріятеля въ Петербургъ, готовились вывозить изъ него въ отдаленнѣйшія сѣверныя страны кадетскіе корпусы, дѣвицъ Смольнаго монастыря и проч.. Самый памятникъ Петра Великаго (статую его) намѣревались снять съ подножнаго камня и увезть въ городъ Архангельскъ. Я покушался представлять государю, что мѣры сіи, въ которыхъ не предвидится еще необходимой надобности, могутъ приводить народъ въ уныніе; однакожъ онъ не отлагалъ ихъ и только приказалъ мнѣ, въ отвращеніе о семъ толковъ, написать статью, подъ заглавіемъ *извѣщенія по высочайшему повелѣнію* (см. въ Собран. маниф., стран. 43) [2], гдѣ мѣрамъ симъ давался, при увѣреніи о безопасности столицы, видъ одной только на нечаянный случай предосторожности. Тогда же произошло приключеніе, что нѣкто, чиновный человѣкъ, войдя въ церковь, посматривалъ то на тотъ, то на другой образъ въ лорнетъ. Простой народъ, увидя сіе и подумавъ, что это какой нибудь Французъ, схватилъ его и потащилъ на съѣзжую. Вслѣдствіе сего приказано мнѣ было написать запретительную на подобные случаи бумагу, подъ заглавіемъ: *объявленіе отъ Управы благочинія* (см. въ Собран. маниф., стран. 45)[3]. Въ тоже время дошло до свѣденія государя, что Наполеонъ учреждаетъ въ Москвѣ надзирательныя за порядкомъ общества, употребляя къ тому нѣкоторыхъ изъ оставшихся тамъ русскихъ дворянъ и разночинцевъ, которымъ назначаетъ за то милости и

*) Сіе, послѣ Бородинской битвы, отсутствіе и неявка русскихъ воиновъ произошли болѣе отъ разсѣянія ихъ, нежели отъ бѣгства и укрывательства; ибо, въ послѣдствіе времени, многіе изъ нихъ явились и присоединились опять къ войску.

[1]) См Приложенія XVI и XVII.

[2]) См. Приложеніе XVIII.

[3]) См. Приложеніе XIX.

награды[1]). Государь приказалъ мнѣ обстоятельство сіе внести на разсужденіе въ комитетъ господъ министровъ. По докладѣ о семъ, иные изъ членовъ находили поступокъ сихъ людей достойнымъ наказанія; другіе же, хотя и немногіе, оправдывали ихъ, сказывая что, находясь во власти у непріятеля, они по-неволѣ должны ему повиноваться. На это отвѣчалъ я съ нѣкоторымъ жаромъ: — „Никакая власть не принудитъ меня, во вредъ моему отечеству, служить врагу.“ — Подобныя возраженія мои, нерѣдко случавшіяся, весьма не нравились тѣмъ, которые, заразясь новомысліемъ, называли таковыя чувства закоснѣлою стариною. Я пересказалъ государю о разности бывшихъ о томъ сужденій. Онъ приказалъ мнѣ заготовить извѣстительную о семъ бумагу, и я написалъ ее по-своему, давъ ей заглавіе: *по высочайшему повелѣнію, обвявляется отъ министра полиціи* (см. въ Собран. маниф., стран. 47)[2]).

Въ продолженіе сего времени, Наполеонъ, какъ будто заключенный въ темницу, сидѣлъ въ Москвѣ мраченъ и бездѣйственъ, лишаясь ежедневно изъ войскъ своихъ по нѣскольку сотъ человѣкъ, бродившихъ по ея окрестностямъ, для сысканія себѣ продовольствія, и вездѣ, вмѣсто пищи и добычей, отъ наѣздниковъ и поселянъ нашихъ находившихъ смерть и плѣнъ. Гордость и надменныя мысли о завоеваніи Россіи стали въ умѣ Корсиканца исчезать. Онъ засылалъ съ переговорами о мирныхъ предложеніяхъ къ фельдмаршалу[3]), который сказываютъ, питая въ немъ сію надежду, увѣрилъ его, что онъ немедленно увѣдомитъ о семъ дворъ свой, и безсомнѣнія въ скорости получитъ согласный на то отзывъ. Кутузову нужно было удерживать его въ пустой столицѣ, дабы отчасу болѣе ослабѣвалъ онъ въ силахъ своихъ. Напослѣдокъ Наполеонъ, видя что надежда его на миръ была тщетная, покушался, не можетъ ли, пробившись сквозь войски Кутузова, открыть себѣ путь въ изобильнѣйшія области россійскія; но, въ сильныхъ сопротивленіяхъ претерпя важные уроны, и не усматривая никакой возможности оставаться долѣе въ Москвѣ, спѣшитъ выдти изъ ней, насыщаетъ адскую злобу свою подорваніемъ

---

[1]) Свѣдѣнія объ учрежденномъ въ Москвѣ Французами муниципалитетѣ находятся въ Русскомъ Архивѣ, 1868 г., ст. 881—903.

[2]) См. Приложеніе XX.

[3]) Съ предложеніями этими пріѣзжалъ къ Кутузову, 23 сентября, генералъ Лористонъ. Отвѣтомъ на нихъ былъ рескриптъ къ Кутузову, отъ 9-го октября, въ которомъ изъявлялось ему неудовольствіе государя за допущеніе переговоровъ (Ист. Отеч. Войны, т. II, стр. 393).

Кремля *) и возвращается чрезъ Смоленскъ и Вильну по той дорогѣ, которую онъ, идучи въ Москву, ко вреду жителямъ и себѣ, разорялъ и опустошалъ. Тамъ на пути, сопровождаемаго мечемъ и огнемъ, встрѣчаютъ его гладъ и мразы, истребившіе всѣ его силы, и доставившіе въ руки побѣдителей всѣ воинскія его орудія, снаряды и припасы со всѣми награбленными въ Россіи добычами. Наполеонъ, при переходѣ чрезъ рѣку Березину, былъ свидѣтелемъ ужаснаго бѣдствія войскъ своихъ, которыя оставя ускакалъ съ немногими генералами своими, будучи личнымъ спасеніемъ своимъ обязанъ оплошности и нерадѣнію адмирала Чичагова, безъ чего не могъ бы онъ избѣгнуть отъ плѣна, или отъ общей всѣхъ сопутниковъ своихъ участи — лежать въ русской сырой землѣ. Я не распространяюсь о подробностяхъ сего бѣгства его изъ Россіи, во многихъ сочиненіяхъ описанныхъ, и обращаюсь къ тому, что собственно со мною происходило.

По полученіи донесеній о выходѣ изъ Москвы непріятеля, сказалъ я государю, что остававшаяся у него, написанная мною, по повелѣнію его, бумага, подъ названіемъ *извѣстіе изъ Москвы,* кажется ужъ болѣе не нужна: такъ не лучше-ли ее изодрать или сжечь, дабы она не оставалась сохраняющеюся. — „Нѣтъ," отвѣчалъ онъ, „я забылъ объ ней и чрезъ то упустилъ время; но можно и теперь это сдѣлать: на! возьми и вели ее напечатать." — Такимъ образомъ оная съ малою, въ одномъ только заглавіи перемѣною, издана въ свѣтъ (см. въ Собран. манифестовъ стран. 50) [1]). Въ остальную бытность государя въ Петербургѣ, по отъѣздъ его въ Вильну (то есть декабря по 6 число), написаны мною слѣдующія бумаги: 1-я, Фельдмаршалу князю Голенищеву-Кутузову, о пожалованіи ему золотой съ лавровыми вѣнками шпаги, украшенной алмазами. 2-я, Изъявленіе благодарности всѣмъ составляющимъ россійское царство состояніямъ. 3-я, О заключеніи союза

*) Онъ тоже сдѣлалъ и въ Смоленскѣ. Злая душа любитъ свирѣпствовать и разрушать. По возвращеніи своемъ въ Парижъ, не столько безпокоился онъ о погибели всѣхъ войскъ своихъ, сколько утѣшался мыслями, хвастуя, что Москва и во сто лѣтъ не поправится. Но она, чрезъ пять или шесть лѣтъ, изгладила слѣды разрушенія, возобновилась и стала краше прежняго. О фельдмаршалѣ Кутузовѣ напротивъ того сказываютъ, что какъ ни больно было ему оставить врагамъ древнюю столицу, но помышляя единственно о спасеніи Россіи, когда возвѣстили ему, что Наполеонъ вошелъ въ Москву, то онъ съ нѣкоторымъ восторгомъ вскричалъ: — „Слава Богу! это его послѣднее торжество!"

[1]) См. Приложеніе XXI.

съ королемъ гишпанскимъ. 4-я, Рескриптъ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, о призрѣніи разоренныхъ московскихъ жителей. 5-я, Ему же, о собираніи въ Москву всѣхъ взятыхъ у непріятеля пушекъ, для сооруженія изъ нихъ памятника. 6-я, О торжественномъ принесеніи Господу Богу благодарственнаго молебствія, за изгнаніе непріятеля и одержаніе надъ нимъ знаменитѣйшихъ побѣдъ. 7-я, Указъ правительствующему сенату, объ учрежденіи попечительнаго въ Санктъ-Петербургѣ сословія, для вспомоществованія всѣмъ пострадавшимъ отъ непріятеля; також и самое учрежденіе сего сословія. 8-я, Рескриптъ гражданскимъ губернаторамъ, объ отобраніи у поселянъ отбитыхъ ими у непріятеля ружей и пистолетовъ. 9-я, Объявленіе для чтенія въ церквахъ, о томъ же. 10-я, Рескриптъ вдовѣ убитаго въ сраженіи, генералъ-лейтенанта Багтавута*). 11-я, О наборѣ рекрутъ. 12-я, О пожалованіи фельдмаршалу князю Михайлѣ Ларивоновичу Голенищеву-Кутузову титула *Смоленскій* (см. въ Собран. маниф. стран. 59, 60, 65, 67, 69, 71, 72, 81, 83, 85, 86, 90[2]).

Въ началѣ декабря, государь отправился въ Вильну, куда вскорѣ и мы (я и князь Волконскій) за нимъ послѣдовали[3]). До-

*) Отъ сей бумаги имѣлъ я нѣкоторое огорченіе. Въ одно утро, дней черезъ пять по написаніи оной, государь прислалъ ко мнѣ своеручную записку съ гнѣвнымъ вопросомъ, требуя немедленнаго отвѣта, почему рескриптъ этотъ по сіе время не доставленъ вдовѣ Багтавутъ[1])? Вопросъ сей весьма меня смутилъ. По счастію не забросилъ я въ принятіи онаго росписку, данную, въ отсутствіе изъ города госпожи, управителемъ ея въ тотъ же самый день, въ который государь подписалъ сію бумагу. Вмѣсто отвѣта, послалъ я къ нему сію росписку, и послѣ никакихъ о томъ разговоровъ между нами не было. Также, за нѣсколько передъ тѣмъ, спросилъ онъ у меня, какъ бы съ нѣкоторымъ негодованіемъ, для чего не переведенъ тотъ о причинахъ войны манифестъ, о которомъ выше сего упомянуто было, въ скоромъ времени по отбытіи нашемъ изъ Вильны. Удивленный симъ напоминаніемъ, я отвѣчалъ ему, что я тогда же объяснилъ тому причины, и что теперь, по прошествіи столькаго времени и великой перемѣны обстоятельствъ, кажется мнѣ, еще менѣе прилично издавать оный. Изъ сихъ двухъ неудовольствій на меня и нѣкоторыхъ другихъ признаковъ, не безъ основанія видѣлъ я, что есть люди, старающіеся какими нибудь оклеветаніями отвращать его отъ милостиваго ко мнѣ благорасположенія; но я не смотрѣлъ на это, былъ спокоенъ и шелъ своей дорогой.

[1]) Баггевутъ, командовавшій 2-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, былъ убитъ 6-го октября, въ сраженіи при Тарутинѣ.

[2]) См. Приложенія XXII—XXXIII.

[3]) Шишковъ и кн. Волхонскій выѣхали изъ Петербурга, два дня послѣ отъѣзда государя, т. е. 8 декабря. Кромѣ нихъ, въ свитѣ находились Аракчеевъ, Толстой, Винценгероде и статсъ-секретарь Марченко.

ѣхавъ до тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходили военныя дѣйствія и движенія, взорамъ моимъ представились такія страшныя зрѣлища, которыя поразили душу мою неизвѣстными ей доселѣ мрачными чувствованіями. Дорога устлана была разбросанными подлѣ ней и на ней мертвыми тѣлами, такъ что сани наши часто стучали, проѣзжая по костямъ втоптанныхъ въ нее человѣческихъ труповъ. Отъ многихъ съ ужасомъ отвращалъ я свои глаза. Положеніе тѣлъ ихъ было нѣчто удивляющее и непостижимое. Иные изъ нихъ лежали полунагіе, или въ странныхъ, случайно попавшихся имъ одѣяніяхъ, сгорбленные, исковерканные, такъ сказать какъ бы живомертвые. У иныхъ, на лицахъ ихъ, на коихъ не успѣло еще водвориться спокойствіе вѣчнаго сна, изображалось нѣкое лютое, дикообразное отчаяніе. Смерть, повидимому, не давъ еще ни тѣлу ихъ протянуться, ни чувствамъ погаснуть, схватила ихъ хладною своей рукою и въ тожъ мгновеніе окаменила, такъ что съ приподнятою головою, съ незамкнутыми глазами и разинутымъ ртомъ казалось говорятъ они: смотрите, какъ казнятся богоотступники, и на мертвыхъ лицахъ нашихъ читайте, съ какимъ мученіемъ вылетала изъ насъ преступная и — о горе! — не умирающая душа наша! — Нѣкоторые однакожъ, хотя и немногіе, лежали спокойно заснувшими на постланномъ подъ ними, на снѣгу, рубищѣ. Въѣхавъ въ одну деревню, увидѣлъ я солдата съ шишакомъ на головѣ, хорошо обутаго и одѣтаго. Онъ, какъ живой, лежалъ простертый на улицѣ, подлѣ избы, не обращая на себя ни чьего вниманія: до такой степени множество валяющихся тѣлъ пріучили жителей смотрѣть на нихъ съ хладнокровіемъ! Невозможно исчислить и описать ни злочестивыхъ дѣлъ, ни бѣдствій, претерпѣнныхъ сею завлеченною Наполеономъ въ Россію громадою народовъ. Сперва — блестящіе великолѣпіемъ, сильные числомъ всадниковъ и орудій, надменные гордостью, свирѣпые убійцы, грабители, зажигатели, богохульники, ругающіеся надъ святынею; потомъ — уничиженные, нищіе, голодные, бродящіе въ трескучіе морозы по лѣсамъ и болотамъ, въ лахмотьяхъ, въ рубищахъ, пожирая другъ друга, или питаясь вранами и псами, приготовляя въ самихъ себѣ взаимную имъ пищу: таково напослѣдокъ было ихъ состояніе! Кто не познаетъ въ томъ праведнаго гнѣва Божія, карающаго смертныхъ, когда они, превзойдя беззаконіями своими мѣру милосердія Господня, ополчатъ десницу Его громомъ и молніями?!.... По пріѣздѣ нашемъ въ Вильну [1]),

[1]) 12 декабря.

чувства мои поражены были новыми ужасами: я увидѣлъ длинную, толстую, высокую, необычайнаго образа стѣну. Спрашиваю: что это такое? Мнѣ отвѣчаютъ, что это наваленныя однѣ на другія, смерзшіяся вмѣстѣ мертвыя тѣла, затѣмъ тутъ накиданныя, что выкапывать, для зарыванія ихъ, рвы требовало бы, по причинѣ мерзлой земли, многаго труда и времени [1]). Больницы въ Вильнѣ наполнены были изнуренными и ранеными такъ тѣсно, что находящіеся въ нихъ, не совсѣмъ еще ослабѣвшіе, для содѣланія себѣ больше простора, выбрасывали умирающихъ, но еще живыхъ товарищей своихъ изъ оконъ [2]). Въ городѣ и при выходѣ изъ домовъ, страшно было встрѣчаться съ оставшимися здѣсь Французами: они, съ блѣднымъ лицомъ и мутными глазами, походили больше на мертвыхъ, нежели на живыхъ людей. Иные идучи вдругъ падали и умирали; иные казались въ нѣкоторомъ одуреніи, такъ что, вытараща глаза, хотѣли нѣчто сказать, но испускали одни только невнятные звуки. Для прочищенія воздуха, вездѣ по улицамъ, раскладены были зажженныя кучки навоза, курящіяся дымомъ. Всѣ мы опрыскивали свое платье и носили съ собою чеснокъ и другіе предохранительныя отъ зараженія вещи [3]).

Нѣкоторые профессоры здѣшняго университета и другіе жители Вильны, во время пребыванія здѣсь Наполеона и войскъ его, предались ему, вступали въ назначаемыя отъ него званія и должности [4]), превозносили Францію и злословили Россію. Кроткій, не-

---

[1]) „Въ Вильнѣ наѣхали мы болѣе семнадцати тысячъ труповъ, складенныхъ въ кучу, и составлявшихъ высокую, смерзшуюся стѣну.“ (Рукопись 1818 г.)

[2]) „Въ больницахъ ежедневно до пяти сотъ человѣкъ умирало.“ (Тамъ же.). Положеніе виленскихъ больницъ было самое бѣдственное: медики, имѣвшіе случай наблюдать опустошенія, произведенныя тифомъ, свидѣтельствуютъ, что изъ больныхъ выздоравливала едва десятая часть. Посѣщеніе больницъ императоромъ Александромъ и порученіе ихъ надзору генералъ-адъютанту Сенъ-При благодѣтельно отозвались на участи несчастныхъ страдальцевъ. (См. Ист. Отеч. Войны, т. III, стр. 351).

[3]) Почти въ тѣхъже выраженіяхъ, описываетъ тогдашнюю Вильну графиня Шуазёль (Mémoires, p 132 et suiv.). Она говоритъ, что, по собраннымъ полиціей свѣдѣніямъ, найдено въ окрестностяхъ Вильны и въ самомъ городѣ, около сорока тысячъ непріятельскихъ труповъ.

[4]) Временное правленіе, учрежденное Наполеономъ въ Литвѣ, было ввѣрено коммиссіи, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ бывшаго литовскаго маршала Солтана, изъ семи членовъ, генеральнаго секретаря и французскаго коммиссара (барона Бивьона). Коммиссія была подчинена императорскому генералъ-адъютанту, графу Гогендорпу, назначенному литовскимъ генералъ-губернаторомъ (Ист. Отеч. Войны, т. II, стр. 95).

мстительный Александръ, лишь только предсталъ я предъ него, приказалъ мнѣ написать всепростительный манифестъ. Я исполнилъ это и въ тотъ же день поднесъ оный къ подписанію его (см. въ Собран. маниф., стран. 91) [1]). По пріѣздѣ своемъ въ Вильну, государь императоръ увѣнчалъ подвиги князя Смоленскаго возложеніемъ на него ордена св. Георгія перваго степени. Вскорѣ послѣ того и мнѣ пожалованъ былъ орденъ св. Александра Невскаго, съ весьма лестнымъ для меня въ рескриптѣ изрѣченіемъ: *за примѣрную любовь къ отечеству*. Въ бытность нашу здѣсь, имѣлъ я однажды съ фельдмаршаломъ княземъ Смоленскимъ слѣдующій разговоръ:

Я. — Разрѣшите мое сомнѣніе, зачѣмъ идемъ мы за границу?

Онъ. — Для продолженія войны.

Я. — Зачѣмъ продолжать ее, когда она кончена? Можно ли предполагать, что Наполеонъ, пришедшій сюда со всѣми своими и европейскими силами, и самъ, по истребленіи всѣхъ его полчищъ и снарядовъ, насилу отселѣ ускакавшій, можетъ покуситься вторично сюда придти?

Онъ. — Я думаю, что не придетъ. Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану.

Я. — А сидя въ своемъ Парижѣ, какое можетъ онъ сдѣлать намъ зло?

Онъ. — Намъ конечно нѣтъ; но господство его надъ другими державами, Австріею, Пруссіею, Саксоніею и проч., останется тоже, какое доселѣ было.

Я. — Если мы идемъ освобождать ихъ, то цѣль войны должна быть та, чтобъ Наполеона свергнуть съ престола; ибо, если въ нихъ самихъ не будетъ твердости, то онъ, и по замиреніи, рано или поздо снова возбладаетъ надъ ними: честолюбивыя намѣренія его не престанутъ въ немъ пылать. Буде же предполагается вырвать изъ рукъ его Францію, то это, по многимъ причинамъ, не такъ легко: 1-е, Пруссія безсильна, порабощена; во многихъ ея городахъ и крѣпостяхъ сидятъ Французы. 2-е, Наполеонъ женатъ на дочери австрійскаго императора и уже имѣетъ отъ ней сына. 3-е, Саксонскій король, по расчетамъ своимъ, или отъ страха, преданъ совершенно французскому двору. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, можетъ быть и самыя побѣды наши не ободрятъ ихъ столько, чтобъ поднять оружіе и вступить съ нами

---

[1]) См. Приложеніе XXXIV.

въ союзъ. И такъ, не будучи въ нихъ увѣрены, мы идемъ единственно для нихъ, оставляя сгорѣвшую Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію безъ призрѣнія, съ новыми надобностями требовать отъ ней и войскъ и содержанія ихъ.

Онъ. — Да! признаться должно, что этотъ великодушный нашъ поступокъ и ожидаемая отъ того слава сопряжены съ немалымъ пожертвованіемъ и великою отважностью.

Я. — Хорошо если предпріятіе наше увѣнчается успѣхами; но ежели, паче чаянія, мы, зашедши далеко, принуждены будемъ, прогнанные и съ потерями, возвратиться назадъ, то, поднявъ опять Наполеона, не лишимся ли мы тѣхъ преимуществъ, какія теперь надъ нимъ имѣемъ? Не скажетъ ли Европа: они сравнялись, прогнали взаимно другъ друга, и кто изъ нихъ одержитъ верхъ — неизвѣстно?

Онъ. — Да, это правда! будущаго нельзя знать.

Я. — Для чего бы не остаться намъ у себя въ Россіи, предлагая утѣсненнымъ державамъ, чтобъ онѣ воспользовались удобностью случая освободить себя изъ подъ ига Франціи? Можно, если онѣ ополчатся, обѣщать имъ вспомоществованіе частью нашихъ войскъ, какъ Павелъ I помогалъ Австріи, пославъ къ ней Суворова съ войсками, но не участвуя въ томъ всѣмъ своимъ царствомъ. Тогда, еслибъ и послѣдовали какіе неуспѣхи, уваженіе другихъ державъ къ могуществу Россіи, особливо же низложеніемъ исполинскихъ Наполеоновскихъ силъ пріобрѣтенное, ни мало бы чрезъ то не уменьшилось.

Онъ. — Я самъ такъ думаю; но государь предполагаетъ иначе, и мы пойдемъ далѣе.

Я. — Если и вы такъ думаете, то для чего же не настоите въ томъ предъ государемъ? Онъ, по вашему сану и знаменитымъ подвигамъ, конечно уважилъ бы ваши совѣты.

Онъ. — Я представлялъ ему объ этомъ; но первое, онъ смотритъ на это съ другой стороны, которую также совсѣмъ опровергнуть не можно; и другое, скажу тебѣ про себя откровенно и чистосердечно: когда онъ доказательствъ моихъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и поцалуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ.

Симъ кончился разговоръ нашъ. Да не подумаетъ кто, что я сіи послѣднія слова, по особливой ко мнѣ довѣренности сказанныя, привожу для помраченія славы того, кто, по заслугамъ своимъ отечеству, соединилъ въ себѣ Пожарскаго съ Румянцовымъ и Суворовымъ. Нѣтъ, я чту память его священною; но что правда

то правда! Кутузовъ, искусный и храбрый предъ непріятелемъ полководецъ, былъ робокъ и слабъ передъ царемъ. Онъ пошелъ бы за отечество на вѣрную смерть; но ни въ какомъ случаѣ не могъ бы сдѣлать того, что сдѣлалъ Сюлли съ Генрихомъ IV, оттащивъ его насильно отъ слезъ любимой имъ женщины, преклонявшей его къ предосудительному поступку. Сія слабость въ толь знаменитомъ мужѣ, каковъ былъ Кутузовъ Смоленскій, показываетъ только, что человѣку не свойственно совершенство. Чтожъ принадлежитъ до мнѣнія моего, изложеннаго въ семъ разговорѣ, то хотя послѣдовавшія событія и опровергли оное, однакожъ и теперь не стыжусь я тогдашнихъ моихъ мыслей. Мнѣ внушала ихъ опасность, чтобъ Россія, жертвуя собою для другихъ, и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась съ ущербомъ благоденствія своего какимъ либо новымъ злоключеніямъ. Человѣкъ судитъ по обстоятельствамъ, ему представляющимся, не зная Божескихъ, сокрытыхъ отъ него, предопредѣленій. Я и по нынѣ въ толь скоромъ паденіи возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновой не иное что вижу, какъ особенное произволеніе Творца вселенной. Властолюбіе, соединясь съ безвѣріемъ, достигло до такой степени кровопійственнаго буйства, что возмутило спокойствіе всѣхъ народовъ и навлекло на себя гнѣвъ Божій. Его, а не человѣческая рука поразила сіе чудовище. Она, безъ всякаго насилія и принужденія, соединила всѣхъ разнодержавныхъ и разномыслящихъ людей въ одну душу, воздвигла справедливую сторону противъ несправедливой и всѣ ея, даже иногда несогласныя, или необдуманныя, или противныя успѣхамъ начинанія и предпріятія неисповѣдимыми путями Своими обращала ей въ пользу и торжество. Многія, видимыя мною въ продолженіе сей брани дѣйствія совершенно меня въ томъ удостовѣрили.

Въ продолженіе пребыванія нашего въ Вильнѣ, по приказанію государя императора, написаны мною слѣдующія бумаги: 1-я, Провозвѣщеніе жителямъ варшавскаго герцогства, удостовѣряющее ихъ не въ мщеніи нашемъ, но въ покровительствѣ. 2-я, Манифестъ о намѣреніи, въ память избавленія Россіи отъ враговъ, воздвигнуть въ Москвѣ церковь во имя Спасителя Христа [1]). 3-я, Инженеръ генералу Де Воланту, о принятіи въ свое вѣдѣніе

[1]) Мысль о сооруженіи храма во имя Христа Спасителя принадлежитъ дежурному генералу 1-й арміи П. А. Кикину. (См. въ Перепискѣ, письмо его къ Шишкову).

дѣлъ, оставшихся послѣ кончины принца Георгія Голштейнъ-Ольденбургскаго [1]). 4-я, Генералъ-лейтенанту Бетанкуру, о томъ же [2]). 5-я, Калужскому гражданскому губернатору Каверину, о вспомоществованіи жителямъ Смоленской губерніи [3]). 6-я, Министру финансовъ о томъ же (см. въ Собран. маниф. стран. 101, 103, 105, 106, 107, 108 [4]). Сверхъ сихъ написаны еще двѣ бумаги (манифестъ и приказъ къ войскамъ), которыя мы, по причинѣ что объ нихъ послѣ упомянуто будетъ, здѣсь помѣщаемъ:

„Манифестъ.

„Божіею милостію мы и проч. объявляемъ всенародно:

„Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ почти со всѣхъ европейскихъ державъ страшныя силы, и подвизаемый алчностью завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой нашей имперіи, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій его приготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростью вступающаго въ наши предѣлы, принуждены мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечь свой и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобы она, хотя единожды, о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ воздохнула. Казалось съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась лю-

---

1) Принцъ Ольденбургскій умеръ отъ заразительнаго больничнаго тифа.

2) Бетанкуръ былъ инспекторомъ института инженеровъ путей сообщенія; этимъ рескриптомъ повелѣвалось ему, по случаю кончины принца, сноситься о дѣлахъ заведенія прямо съ государемъ.

3) Каверинъ завѣдывалъ въ это время и дѣлами смоленской губерніи.

4) См. Приложеніе XXXV—XXXVIII.

бовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія едва ли имовѣрныя, едва ли когда слыханныя. Да представятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надменный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ нашу землю! Полмиліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовало за нимъ. Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется и начинаетъ повсюду разливать огнь и опустошеніе. Но едва проходитъ шесть мѣсяцевъ отъ вступленія его въ наши предѣлы, — и гдѣ онъ? Здѣсь прилично сказать слова священнаго пѣснопѣвца: *видѣхъ нечестиваго, превозносящася и высящася, яко кедры ливанскіе, и мимоидохъ, и се не бѣ, и взысках его, и не обрѣтеся мѣсто его.* По истинѣ сіе высокое изрѣченіе совершилось во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ нашимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? — разсыпались какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровью землю, лежитъ покрывая пространство московскихъ, калужскихъ, смоленскихъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ полей. Другая, великая часть, въ разныхъ и частыхъ битвахъ, взята со многими военачальниками и полководцами въ плѣнъ, и такимъ образомъ что, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое предъ ними преклоняли. Остальная, столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ своемъ, гонимая побѣдоносными нашими войсками, и встрѣчаемая мразами и гладомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, обозами, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы самомалѣйшая, ничтожная часть изнуренныхъ и безоружныхъ воиновъ, едва ли полумертвая можетъ придти въ страну свою, дабы, къ вѣчному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ, возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостью

и горячею къ Богу благодарностью, объявляемъ мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже и самую надежду нашу, и что объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? — мертвые, раненые и плѣнные! Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать?!.... Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, принесшаго безсмертныя отечеству заслуги, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ Его престоломъ и, видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ Своемъ! Пойдемъ благостью дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ, — единственнымъ ведущимъ къ Нему путемъ, — въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость Свою надъ нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду — желанный миръ и тишину!“

(На подлинномъ подписано: Александръ.
Вильна. 25 декабря, 1812 года.)

„Приказъ войскамъ нашимъ.

„Воины! Храбрость и терпѣніе ваше вознаграждены славою, которая не умретъ въ потомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ преходить изъ устъ въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ вашимъ, до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему!

рука Господня съ нами и насъ не оставитъ. Уже нѣтъ ни единаго непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ и костямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи. Остается еще вамъ прейти за оные, не для завоеванія, или внесенія войны въ земли сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной и прочной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а имъ — свободу и независимость. Да будутъ они друзья наши! Отъ поведенія вашего зависѣть будетъ ускореніе мира. Вы — Русскіе! вы — Христіане! нужно ли при сихъ именахъ напоминать вамъ, что должность воина есть — быть храбру въ бояхъ и кротку, во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ земляхъ. Я не угрожаю вамъ наказаніями; ибо знаю, что никто изъ васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли въ землѣ нашей грабителей, расхищавшихъ домы невинныхъ поселянъ. Вы праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ, и наказали злодѣевъ! Ктожъ захочетъ имъ уподобиться? Если же кто, паче чаянія, таковой сыщется, да не будетъ онъ Русскій! да исторгнется изъ среды васъ!.... Воины! сего требуютъ и ожидаютъ отъ васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и царь вашъ."

(На подлинномъ подписано: Александръ.
Вильно. 25 декабря, 1812 года.)

Въ концѣ декабря, отправились мы въ пограничное мѣстечко Меричи, откуда посланъ къ рижскому военному губернатору Паулучи рескриптъ, повелѣвающій объявить курляндскимъ жителямъ благоволеніе, а нѣкоторымъ изъ нихъ виновнымъ — прощеніе (см. въ Собран. маниф., стран. 110) [1]).

Въ 1-й день генваря 1813 года, отслужа молебенъ, перешли мы, черезъ рѣку Меречанку [2]), за границу. Ѣзда наша, или лучше сказать ежедневные, верстъ по двадцати, переходы по варшавскому герцогству и прусскимъ мѣстечкамъ весьма мнѣ наскучивали. Живучи ни на мѣстѣ, ни въ дорогѣ, нельзя было ничѣмъ постоянно заняться. Сверхъ сего, повсюду слышимъ о господствующихъ болѣзняхъ и смерти. Французы, гдѣ ни проходили, вездѣ заражали воздухъ: они не только огнемъ и оружіемъ, но и собственною своею погибелью губили людей. Вездѣ слышны

---

[1]) См. Приложеніе XXXIX. — Замѣчательно, что это упоминаніе о рескриптѣ къ Маркизу Паулуччи не находится въ нѣмецкомъ переводѣ Записокъ. Вотъ какъ ревниво охраняютъ свою репутацію вѣрноподданныхъ наши балтійскіе соотечественники!

[2]) Въ печатныхъ Запискахъ, сказано „черезъ рѣку Нѣманъ." — Мѣстечко睡 Мречь стоитъ при впаденіи Мерeчанки въ Нѣманъ.

были на нихъ страшные жалобы. Въ одномъ прусскомъ селеніи, видѣлъ я нѣмецкіе стишки, которыхъ начала не упомню; въ концѣ же, хотя и худымъ, ломанымъ языкомъ, но очень хорошо о насильствѣ Французовъ сказано, что они принуждали обывателей

Sich' conscriptiren,
Mit marschiren,
Haus ruiniren,
Frau, Tochter entführen
Und nicht resoniren.

То есть: запишись къ нимъ въ солдаты, ступай съ ними, отдай домъ на разореніе, жену съ дочерью на поруганіе, и молчи, не говори ни слова.....

По пріѣздѣ въ мѣстечко Ликъ [1]) (генваря 8), государь приказалъ мнѣ написать рескриптъ графу Платову [2]), изъявляющій похвалу и благоволеніе его величества всему донскому воинству (см. въ Собран. маниф. странн. 111) [3]). Въ прусскомъ городкѣ Филипсбергѣ, куда прибыли мы генваря 16 [4]), служащій при мнѣ чиновникъ Тимковскій [5]) приходилъ просить у меня нѣкоторыхъ, переведенныхъ на нѣмецкій и французскій языкъ, нашихъ манифестовъ, сказывая, что онъ имѣлъ ихъ нѣсколько, но всѣ роздалъ пасторамъ, которые у него просили, и теперь еще просятъ ихъ, для прочитыванія въ бесѣдахъ и церквахъ. Я отдалъ ему послѣдніе, сколько имѣлъ, сожалѣя, что взялъ ихъ мало съ собою. Пруссаки дѣйствительно оказывали великую радость, при появленіи нашемъ, хотя король ихъ, видя еще многія крѣпости свои въ рукахъ Французовъ, не смѣлъ гласнымъ образомъ соединиться съ нами. Въ Полякахъ, напротивъ, не примѣтно было никакихъ восторговъ; одни только Жиды собирались съ веселыми лицами къ домамъ, гдѣ останавливался государь, и при выходахъ его кри-

---

[1]) Пограничный прусскій городъ.

[2]) Наказный атаманъ Донскаго войска былъ возведенъ въ графское достоинство 29 окт. 1812 г..

[3]) См. Приложеніе XL.

[4]) „По пріѣздѣ въ Филипсбергъ (генваря 16), писалъ я письма къ моимъ домашнимъ и пріятелямъ. Я былъ довольно здоровъ, но ежедневные переѣзды и перемѣны мѣстъ наводили мнѣ скуку, для избѣжанія которой, дабы не всегда быть одному, сговорились мы съ министромъ полиціи Балашовымъ ѣздить въ одной коляскѣ и останавливаться на одномъ ночлегѣ. Доѣхавъ до Плотска, мы пробыли въ немъ нѣсколько дней. Здѣсь написана мною бумага, подъ заглавіемъ: калужскому гражданскому головѣ Торубаеву, подписанная государемъ февраля 2 дня." (Рукопись 1818 г.).

[5]) Впослѣдствіи цензоръ.

чали: ура! [1]) — Въ мѣстечкѣ Клодавѣ, повелѣно мнѣ было написать слѣдующую бумагу:

„Войскамъ нашимъ.

„Воины! Славный и достопамятный годъ, въ который неслыханнымъ и безпримѣрнымъ образомъ поразили и наказали вы дерзнувшаго вступить въ отечество наше лютаго и сильнаго врага, славный годъ сей минулъ; но не пройдутъ и не умолкнутъ содѣянныя въ немъ громкія дѣла и подвиги ваши. Потомство сохранитъ ихъ въ памяти своей. Вы кровью своею спасли отечество отъ многихъ совокупившихся противъ него народовъ и царствъ. Вы трудами, терпѣніемъ и ранами своими пріобрѣли благодарность отъ своей и уваженіе отъ чужихъ державъ. Вы мужествомъ и храбростью своею показали свѣту, что гдѣ Богъ и вѣра въ сердцахъ народныхъ, тамъ хотя бы вражескія силы подобны были волнамъ океана, но всѣ онѣ о крѣпость ихъ, какъ о твердую, непоколебимую гору, разсыплются и сокрушатся: изъ всей ярости и свирѣпства ихъ останется одинъ только стонъ и шумъ погибели. Воины! Въ ознаменованіе сихъ незабвенныхъ подвиговъ вашихъ повелѣли мы выбить и освятить сребряную медаль, которая съ начертаніемъ на ней прошедшаго, толь достопамятнаго 1812 года, долженствуетъ на голубой лентѣ украшать непреодолимый щитъ отечества — грудь вашу. Всякъ изъ васъ достоинъ носить на себѣ сей достопочтенный знакъ, сіе свидѣтельство трудовъ, храбрости и участія въ славѣ; ибо всѣ вы одинакую несли тяготу и единодушнымъ мужествомъ дышали. Вы, по справедливости, можете гордиться симъ знакомъ: онъ являетъ въ васъ благословляемыхъ Богомъ истинныхъ сыновъ отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещутъ, вѣдая, что подъ нимъ пылаетъ храбрость, не на страхѣ или корыстолюбіи основанная, но на любви къ вѣрѣ и отечеству, и слѣдовательно ничѣмъ не побѣдимая!"

(На подлинномъ подписано: Александръ.
Клодава. 5 февр. 1813 года.)

Между тѣмъ какъ мы переѣзжали изъ одного мѣстечка въ другое, останавливаясь въ иномъ одинъ, въ иномъ два дни и болѣе, — передовыя войски наши выгоняли Французовъ и союзниковъ ихъ изъ польскихъ и прусскихъ городовъ и крѣпостей. Уже Варшава, по выходѣ изъ ней австрійскаго военачальника, князя

[1]) Тоже замѣчаніе дѣлаетъ С. Г. Хомутовъ, въ своемъ Дневникѣ (Русск. Арх. 1869, ст. 221—223).

Шварценберга, отступилась отъ мнимыхъ защитниковъ и возстановителей своихъ — Французовъ и поднесла ключи свои полководцу нашему Милорадовичу [1]). Пиллау, Познань, Люблинъ, Калишъ были также освобождены отъ непріятелей. Пруссія, такъ сказать, поднималась на ноги, ободрялась и начинала дышать прежнимъ своимъ мужествомъ. Переѣхавъ изъ Клодавы въ Коло, услышалъ я лестное и пріятное для меня извѣстіе: посланникъ нашъ Барятинскій [2]) пишетъ къ графу Толстому, что манифесты наши въ нѣмецкихъ краяхъ съ жадностью читаются, возбуждаютъ духъ народный и производятъ великое дѣйствіе надъ умами. Съ одного экземпляра присланнаго къ нему изъ Вильны послѣдняго манифеста [3]), въ два дни (продолжаетъ онъ), списано было пять сотъ экземпляровъ, и что жалуются, для чего не переводятъ и не присылаютъ ихъ больше. Пріѣхавшій сюда прусскій офицеръ тожъ самое говорилъ государю. Можетъ быть, обвинятъ меня за упоминаніе о томъ въ моихъ запискахъ и назовутъ это тщеславіемъ или самолюбіемъ: я не оправдываюсь и не утверждаю, чтобъ самолюбіе ни мало въ томъ не участвовало; но знаю, что радость моя происходила больше отъ благопріятности судьбы или случая, доставившаго мнѣ такое званіе, въ которомъ, въ самое нужное время, могъ я быть полезенъ моему отечеству. Другое, случившееся со мною здѣсь удовольствіе состояло въ томъ, что удалось мнѣ, при помощи князя Смоленскаго, извѣстной по успѣхамъ въ словесности дѣвицѣ нашей Буниной исходатайствовать весьма нужной для недостаточнаго ея состоянія пенсіи, по двѣ тысячи рублей въ годъ [4]).

Я не могу удержаться, чтобъ не помѣстить здѣсь нѣкотораго весьма непріятнаго для меня происшествія. Однажды случилось мнѣ разговаривать съ почтеннымъ впрочемъ, но приверженнымъ къ иностраннымъ нравамъ и обрядамъ вельможею, который (можетъ быть слишкомъ разгоряченный моими ему прекословіями) хотѣлъ меня увѣрить, что если мы бросимъ французскій языкъ, перестанемъ отдавать дѣтей нашихъ на воспитаніе имъ и прого-

---

[1]) 27 января.

[2]) Тайн. сов. кн. Иванъ Ивановичъ находился посланникомъ въ Мюнхенѣ.

[3]) Т. е. изданнаго 25 декабря.

[4]) Въ именномъ указѣ, данномъ министру финансовъ (2 марта 1813 г.) сказано, что эта пенсія жалуется „дѣвицѣ Буниной, которая при бѣдномъ состояніи своемъ сама себя воспитала и прилежностью къ ученію и трудамъ пріобрѣла отличные въ словесности и стихотворствѣ таланты, которыми уже многіе опыты оказала.“

нимъ отъ себя театральныя французскія зрѣлища, то впадемъ въ прежнюю неуклюжесть и невѣжество*). Вскорѣ послѣ сего, сей самый вельможа (я изъ уваженія не хочу назвать его по имени) [1], за столомъ у государя, сталъ тожъ самое утверждать, ходатайствуя за французскій театръ, чтобъ, не взирая на военныя обстоятельства, позволить ему въ Петербургѣ (для чего уже и не на пеплѣ сожженной Москвы!) продолжаться по-прежнему [2]), приводя въ доказательство сей необходимой надобности то, что

*) Жаль, что я не зналъ и не могъ показать ему тогда походныхъ записокъ Ф. Н. Глинки, изданныхъ потомъ имъ подъ названіемъ: **Письма русскаго офицера**, въ которыхъ (см. часть IV, стран. 147), проѣзжая въ прошедшемъ 1812-мъ году черезъ Борисовъ, говоритъ онъ слѣдующее: — „Мы остановились въ разоренномъ и еще дымящемся отъ пожара Борисовѣ. Несчастные Наполеонцы ползаютъ по тлѣющимъ развалинамъ и не чувствуютъ, что тѣло ихъ горитъ! Тѣ, которые по-здоровѣе, втѣсняются въ избы, живутъ подъ лавками, подъ печьми и заползаютъ въ камины. Они странно воютъ, когда начнутъ ихъ выгонять. Недавно вошли мы въ одну избу и просили старую хозяйку протопить печь. — „Нельзя топить,“ отвѣчала она, „тамъ сидятъ Французы.“ — Мы закричали имъ по-французски, чтобъ они выходили скорѣе **ѣсть хлѣба**. Это подѣйствовало. Тотчасъ трое, черные какъ арапы, выпрыгнули изъ печи и явились передъ нами. Каждый предлагалъ свои услуги: одинъ просился въ повара, другой — въ лѣкари, третій — въ учители!.... Мы дали имъ по куску хлѣба, и они поползли подъ печь. — Въ самомъ дѣлѣ (продолжаетъ сочинитель, обращаясь къ тѣмъ, которые думаютъ, что безъ французскаго языка и воспитанія нельзя быть порядочнымъ человѣкомъ), если вамъ ужъ очень надобны Французы, то вмѣсто того, чтобы выписывать ихъ за дорогія деньги, присылайте сюда побольше подводъ и забирайте даромъ. Ихъ можно ловить легче раковъ. Покажи имъ кусокъ хлѣба — и цѣлую колонну сманишь! Сколько годныхъ въ повара, въ музыканты, въ лѣкаря, въ друзья дома (amis de la maison) и — въ учители!!!.... За недостаткомъ русскихъ мужчинъ, сражающихся за отечество, они могутъ блистать и на балахъ нашихъ богатыхъ помѣщиковъ, которые знаютъ о разореніи Россіи только по слуху. — И какъ ручаться, что этиже запечные Французы, доползя до Россіи, прихолясь и пріосанясь, не вскружатъ головъ прекраснымъ Россіянкамъ, воспитанницамъ Француженокъ! Нѣкогда случилось въ древней Скиѳіи, что **рабы отбили у господъ своихъ, бывшихъ на войнѣ**, женъ и невѣстъ ихъ. Чтобъ не съиграли такой же шутки и прелестные людоѣды съ героями русскими!“ — Мнѣ кажется, сочинитель сихъ записокъ шутитъ около правды.....

[1]) Изъ письма Шишкова къ женѣ (Калишъ, 7-го марта 1813 г.) ясно, что рѣчь идетъ о князѣ Кутузовѣ.

[2]) Французскій театръ въ Петербургѣ былъ закрытъ по приказанію государя, въ то время когда, въ концѣ лѣта 1812 г., онъ совершенно былъ брошенъ публикой.

спектакель ихъ въ совершенствѣ, что мы давно привыкли имъ услаждаться, и что русскіе наши актеры никогда не могутъ сравниться съ французскими. Признаюсь, что въ это время вся моя внутренность кипѣла отъ досады, а особливо примѣчая, что государь не противорѣчилъ ему и, казалось, во многомъ съ нимъ соглашался. Я молчалъ, не смѣя вмѣшаться въ ихъ рѣчи, и чувствуя, что не могъ открыть рта съ тѣмъ спокойствіемъ и равнодушіемъ, какихъ царское присутствіе и образъ мыслей его требовали. Долго разговоръ сей не выходилъ изъ моей памяти. Душа моя отвращалась отъ подобныхъ мыслей, и мнѣ казалось, что если бы она заражена была ими, то бы я вырвалъ ее изъ самого себя. Какъ! думалъ я, это передъ русскимъ царемъ говоритъ тотъ, кто самъ рожденъ отъ русскаго отца, дворянина посредственнаго состоянія, воспитанъ дома безъ чужеземныхъ дядекъ, одаренъ разумомъ, пріобрѣлъ познанія, достигъ самъ собою до высокаго сана, и при всемъ этомъ думаетъ, что Россія, безъ французскаго воспитанія и спектаклей ихъ, не можетъ быть просвѣщенною! Утверждая, что русскіе актеры, или по нашему лицедѣи, не могутъ никогда сравниться съ французскими, не знаю почему не утверждать того же о русскихъ живописцахъ, ваятеляхъ, зодчихъ, судіяхъ, полководцахъ и проч. и проч.. Вотъ (продолжалъ я размышлять) какъ сильно предразсудки дѣйствуютъ надъ нами и, всосанные такъ сказать съ молокомъ, пріучаютъ насъ не чувствовать, что мы такимъ образомъ мыслей презираемъ или по крайней мѣрѣ уничижаемъ себя и народъ свой! Какъ! я самъ собою ничто? не имѣю и не могу имѣть въ себѣ иного достоинства, какъ только то, которое вложитъ въ меня французскій выходецъ, или учитель, или писатель, или актеръ? безъ нихъ я пропалъ? буду невѣжа, варваръ? Возможно ли такъ низко о себѣ мыслить; между тѣмъ однакожъ многіе изъ насъ такъ думаютъ. Мы обманываемъ сами себя, говоря: *я сужу безпристрастно; я отдаю справедливость талантамъ: мѣшаетъ ли это патріотизму?* и проч.. Сими и подобными тому сужденіями стараемся оправдать свое ослѣпленіе, и платимъ за науку одѣваться и кланяться по-французски не токмо деньгами, но даже нравами и народною гордостью, безъ которой истинной любви къ отечеству быть не можетъ. Мы почитаемъ обезьянство сіе нужною для свѣтской жизни образованностью и просвѣщеніемъ; жертвуемъ для нихъ благами отечества своего и не видимъ худыхъ, рождающихся изъ того, послѣдствій; не видимъ, что художники наши собственныя рукодѣлія свои выдаютъ за чужеземныя, чтобъ придать имъ

больше цѣны, и даже перемѣняютъ или ломаютъ имена свои, чтобъ онѣ, походя на иностранныя, были въ лучшей славѣ; не видимъ, что каретники, булошники, портные, сапожники, конфетчики, модныя торговки и проч. и проч., работая руками Русскихъ, наживаютъ великія богатства, обращая на себя единственно вниманіе наше, и подавляя чрезъ то въ народѣ духъ изобрѣтенія и хозяйственнаго управленія; не видимъ, что такъ ихъ же словомъ называемый *бомондъ* отличается тѣмъ, что одѣвается по присылаемымъ изъ Парижа картинкамъ, стыдится говорить по-русски, читать русскія книги, ѣздить въ русскій театръ, и словомъ — все то, что носитъ на себѣ русское имя, теряетъ у него цѣну свою. Какъ ни велико зло сіе, но оно становится еще больше потрясеніемъ коренныхъ нашихъ добродѣтелей, какъ то: гостепріимства, родственныхъ связей, уваженія къ престарѣлымъ лѣтамъ, воздержанія отъ роскоши, вѣрности къ престолу и благоговѣнія къ православной нашей вѣрѣ. Какому благонравію и благочестію научимся мы отъ тѣхъ, которые Божественные наши храмы, долженствовавшіе по единству вѣры быть и для нихъ священными, превращали въ свои конюшни, ругались надъ мощами святыхъ, разрывали для грабежа могилы умершихъ и осквернились такими поступками, какими и Татары, во время нашествія своего, никогда себя не обезчестили? Можетъ быть, приверженный къ Французамъ Русскій, читая сіе обвинитъ меня ненавистью къ нимъ; но онъ сдѣлаетъ несправедливое обо мнѣ заключеніе. Я во всякомъ народѣ уважаю благомыслящихъ людей; но чтожъ, судя вообще объ нихъ, могу иное сказать, какъ не то, что сами дѣла ихъ говорятъ? Притомъ же, я думаю, долгъ сына отечества велитъ мнѣ представлять соотечественникамъ моимъ истину, удаленіе которой отъ взоровъ нашихъ наноситъ намъ вредъ и зло. Я прибавлю еще къ сему, что если, послѣ всего что съ нами было, привязанность наша къ сему народу не ослабѣетъ, то уже я и вычислить не могу до какой степени простираться будетъ нравственное наше рабство. Но Богъ великъ и милостивъ! я надѣюсь, что со временемъ чадъ этотъ пройдетъ, и что мужички наши Минины и ему подобные, съ простымъ но здравымъ своимъ умомъ и честностью, будутъ въ глазахъ нашихъ почтеннѣе, чѣмъ всѣ пустоголовые говоруны и театральные маркизы*). Тогда мо-

*) Иностранные писатели большею частью честятъ насъ именами непросвѣщенныхъ невѣждъ и варваровъ, а особливо почитаютъ таковыми предковъ нашихъ, до времень Петра Великаго; и мы, развѣся уши, вѣримъ имъ.

жемъ мы съ достоинствомъ говорить и разсуждать о языкѣ своемъ и любви къ отечеству, не называя ихъ иностранными именами — *литература, патріотизмъ* (русскому уху надлежитъ свои звуки любить), но наблюдая прямую пользу оныхъ и чувствуя ихъ, какъ должно, въ сердцѣ своемъ. Однакожъ я далеко отступилъ отъ путешествія своего; возвратимся къ нему.

Февраля 11 дня пріѣхали мы въ Калишъ, городокъ варшавскаго герцогства. Съ недѣлю тому назадъ было здѣсь сраженіе. Войски наши [1]) разбили саксонскій корпусъ, подъ начальствомъ французскаго генерала Ренье, котораго со многими офицерами и двумя тысячами рядовыхъ взяли въ плѣнъ. Мы въѣзжали въ городъ по той самой дорогѣ, на которой происходило сіе сраженіе; и хотя сказываютъ тысячъ до трехъ было убитыхъ, однакожъ мы никакихъ уже слѣдовъ сей битвы не видали, выключая, что въ прекрасномъ здѣшнемъ паркѣ, по которому протекаютъ рѣчки и простираются усаженныя высокими тополями дороги, нѣкоторыя изъ сихъ деревъ повреждены ядрами. Въ Калишѣ остановились мы на нѣсколько дней. Прибытіе наше оживило городъ. Многіе сюда съѣхались. Завелись обѣды и балы; но правду сказать, сіи вечернія увеселенія возмущались утренними страхами и слухами о болѣзняхъ; а особливо домъ, въ которомъ мы жили съ Бала-

Но нѣкоторые, благоразумнѣйшіе изъ нихъ, думаютъ иначе. Мнѣ случилось прочитать въ одной французской книгѣ (я съ намѣреніемъ сказалъ въ одной, ибо ихъ весьма немного) слѣдующія сужденія: „Alexis Mikaëlovitsch (то есть Алексѣй Михайловичъ, отецъ Петра Великаго) fut le seul souverain d'Europe qui refusa d'accorder audience aux ministres plénipotentiaires de Cromwel. Ainsi, dans cette circonstance, la barbarie se montra plus fidèle à l'honneur et à la légitimité que la civilisation.“ Еслибъ мы подобные поступки предковъ нашихъ выискивать и выказывать старались, то сочинитель сихъ строкъ не имѣлъ бы надобности сказать dans cette circonstance, ибо такихъ обстоятельствъ нашлось бы весьма много. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „je vois plusieurs grandes dames vêtues à la russe. Rien de si noble, ni de plus gracieux que ce costume; non seulement il relève la beauté des femmes, mais il en donne à celles qui en sont dépourvues; on s'étonne d'après cela qu'elles l'aient volontairement abandonné pour les modes méridionales.“ Гдѣжъ онъ видѣлъ это? гдѣ прельстился сими нарядами? увы! — въ однихъ только маскерадахъ! — Въ третьемъ мѣстѣ разсуждаетъ онъ о петербургскихъ нашихъ купчихахъ: „les femmes renoncent, je ne sais pourquoi, au costume national pour porter fort gauchement la caricature de nos modes.“ И это совершенно справедливо. Обезьянство даже и купчихамъ нашимъ вскружило голову. Онѣ изъ величавыхъ и красивыхъ нарядовъ своихъ, переодѣвшись въ какое-то безобразное рубище, похожи стали на лысыхъ обезьянъ.

[1]) Подъ начальствомъ Винценгероде.

шовымъ, отстоявшій не подалеку отъ церкви, много тому способствовалъ; ибо всякое утро, мимо оконъ нашихъ, провозили не меньше десятка гробовъ, такъ что по-неволѣ вспомнишь латинскую пословицу — *memento mori* (помни смерть), не выходившую и при забавахъ изъ ума. По слухамъ и въ Россіи много больныхъ и умирающихъ. Да и мудрено ли свирѣпствовать заразѣ? Министръ полиціи недавно получилъ донесеніе, что въ двухъ губерніяхъ, смоленской и московской, собрано и сожжено девяносто семь тысячъ тѣлъ, и что многіе трупы еще и по сю пору валяются на поверхности земной [1]).

На дняхъ случилось съ нами, можно сказать, и смѣшное и не очень смѣшное приключеніе: нѣкто здѣшній дворянинъ, живущій въ четырехъ или пяти верстахъ за городомъ, позвалъ насъ (меня и Балашова) къ себѣ на *чай съ танцами*. Мы отправились въ дорожной своей коляскѣ; но какъ люди наши не знали куда ѣхать. то и взяли мы съ собою одного живущаго здѣсь Нѣмца, который увѣрилъ насъ, что знаетъ дорогу. Мы поѣхали ввечеру, когда уже смерклось; и вскорѣ ночь сдѣлалась такъ темна, что ничего не видно. Отъѣхавъ версты двѣ или три отъ города, поворотили, по словамъ провожатаго, въ сторону и потащились по какой-то узкой ущелинѣ, такъ что лошади и коляска наша, между двумя съ обѣихъ сторонъ возвышенностями, едва протискиваться могли. Мы уже не ѣхали, но такъ сказать ползли, и казалось отчасу становилось хуже. Напослѣдокъ, впереди себя услышали мы журчаніе воды, и провожатай нашъ вдругъ закричалъ: стой! — Что такое? — Я не по той дорогѣ поѣхалъ: здѣсь нельзя проѣхать. — Остановились; пошли вокругъ себя не столько осматривать, сколько ощупывать дорогу. Впередъ ѣхать не можно: течетъ рѣчка, и поворотить назадъ весьма трудно. Бились, бились; насилу кой-какъ между горами и холмами поворотили.

[1]) Въ бумагахъ А. Я. Булгакова, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ гр. Растопчину, и состоявшаго у него на службѣ, во время отечественной войны, сохранилась записка слѣдующаго содержанія: „Въ Бородинѣ, по распоряженію Растопчина, сожжено 56811 человѣческихъ и 31664 лошадиныхъ тѣлъ. Стоило 2101 р. 50 к. деньгами, 776 саженей дровъ и 2 бочки вина.“ Другое свѣдѣніе о томъ же записано А. Н. Оленинымъ (Русск. Арх. 1868 г., ст. 1994): „По полученнымъ къ 11-му марту 1813 г. свѣдѣніямъ отъ чиновниковъ, занимающихся схороненіемъ и сожженіемъ человѣческихъ тѣлъ, — схоронено и сожжено уже въ однѣхъ Московской, Смоленской и Витебской губерніяхъ 213000 съ сотнями, а въ Вильнѣ и вокругъ оной на двѣ только версты 53000 (Выше приведенная цифра 40000, на основаніи словъ гр-ни Шуазель, касается только тѣлъ непріятельскихъ.), и того по сіе время — 266000 съ сотнями.“

Не до чаю! какъ бы домой попасть. Ѣдемъ, зги не видя. Въ одномъ мѣстѣ — бухъ съ коляскою на бокъ! Слава Богу, упали на песокъ и не больно ушиблись. Пошли пѣшкомъ, и наконецъ коекакъ, около полуночи, доплелись до своего дому. Поутру, лишь только я проснулся, говорятъ мнѣ: отъ государя присланъ фельдъегерь. — Позови сюда . . . . Зачѣмъ? — „Государь приказалъ спросить у васъ о здоровьѣ: онъ слышалъ, что вы ночью ѣздили за городъ и опрокинулись.“ — Я крайне удивился, какимъ образомъ сіе приключеніе съ нами могло такъ скоро дойти до государя.

По полученіи извѣстія о занятіи войсками нашими Берлина[1]), было здѣсь молебствіе. Государь послѣ сего отправился въ Бреславу, гдѣ принятъ былъ, какъ избавитель Пруссіи, съ чрезвычайною радостью и восторгами[2]). Это показываетъ подъ какимъ тяжкимъ игомъ стеналъ народъ. Вскорѣ по возвращеніи государя, пріѣхалъ сюда прусскій король[3]). Онъ пробылъ здѣсь только два дни. Въ бытность его были парады, освѣщеніе города, обѣды и балъ. Князь Михайло Ларивоновичъ Кутузовъ-Смоленскій получилъ отъ него орденъ чернаго орла и богатую съ портретомъ его величества табакерку. Пруссія вступила съ нами въ союзъ. По сему случаю, приказано было мнѣ написать слѣдующую бумагу:

„Приказъ войскамъ нашимъ.

„Воины! Слава, увѣнчавшая васъ неувядаемыми лаврами, вѣчно памятное истребленіе вами пришедшаго къ намъ врага, быстрое движеніе ваше въ чужія земли, не для покоренія, но для защиты оныхъ, и наконецъ мирное и великодушное обращеніе ваше даже и съ тѣми народами, которые, по слѣпотѣ разсудка своего, наиболѣе намъ непріятствовали, — все сіе привлекло къ намъ сердца сосѣдей нашихъ. Изъ числа оныхъ прусское королевство, издревле славное и храброе, соединяетъ нынѣ длань свою съ нашею простертою къ нему дланью. Оно кипитъ тѣмъ же, какъ и мы, духомъ народной чести и достоинства и, подъемля оружіе свое, идетъ вмѣстѣ съ нами положить конецъ сему нестерпимому киченію, которое, не смотря на собственную

---

[1]) 20-го февраля авангардъ Витгенштейна вытѣснилъ изъ Берлина войска вице-короля италіянскаго. Нѣсколько дней передъ тѣмъ, вступалъ въ Берлинъ съ своимъ отрядомъ Чернышевъ; но онъ долженъ былъ оставить городъ, уступая многочисленности непріятеля.

[2]) Государь поѣхалъ въ Бреславль, для свиданія съ прусскимъ королемъ, въ первое воскресенье великаго поста, окончивъ свое говѣнье.

[3]) 20-го марта.

свою и другихъ земель пагубу, алчетъ рѣками крови и грудами костей человѣческихъ утвердить господство свое надъ всѣми державами. Воины! Отнынѣ взаимная дружба и общая польза да сопрягаетъ насъ тѣсно съ благородными Пруссаками! Вездѣ, гдѣ только потребуетъ надобность, подавайте имъ, какъ братьямъ, руку помощи. Они тоже будутъ дѣлать съ вами. Да составится изъ ихъ и нашего усердія единая грудь! Дѣло наше общее и праведное. Мы стоимъ за вѣру противъ безвѣрія, за свободу — противъ властолюбія, за человѣчество — противъ звѣрства. Богъ видитъ нашу правду! Онъ покоритъ подъ ноги наши гордаго врага и посрамитъ ползающихъ къ стыду человѣчества предъ нимъ рабовъ."

(На подлинномъ подписано: Александръ. Калишъ. 25 марта, 1813 года.)

Здѣсь, вмѣстѣ съ ключами Дрездена, получено извѣстіе, что городъ сей нашими и прусскими войсками взятъ и освобожденъ отъ Французовъ [1]), которые вездѣ не перестаютъ выказывать похвальныхъ своихъ поступокъ — грабить и разрушать: полководецъ ихъ Даву, при отступленіи изъ Дрездена, велѣлъ подорвать мостъ, бывшій нѣсколько вѣковъ украшеніемъ города. Саксонскій король, какъ сказываютъ, писалъ къ нему письмо: просилъ, чтобъ онъ пощадилъ городъ и особливо мостъ, увѣряя его, что самъ Наполеонъ ему, какъ вѣрному союзнику своему, это обѣщалъ; и сверхъ того, для лучшаго подкрѣпленія просьбы своей, послалъ къ нему рѣдкій и драгоцѣнный подарокъ. Даву подарокъ взялъ, а мостъ велѣлъ подорвать. Какъ не восхищаться такими прекрасными поступками Французовъ! какъ не удивляться ихъ просвѣщенію и не хотѣть, чтобъ дѣти наши обучались ихъ языку, обычаямъ и нравамъ! На этихъ дняхъ, случилось мнѣ прочитать въ недавно изданной объ насъ нѣмецкой книжкѣ, что на Дону посадили двухъ, пріѣхавшихъ изъ арміи, козаковъ подъ стражу за то, что одинъ изъ нихъ привезъ туда лорнетъ, а другой одѣлся также въ привезенное имъ съ собою французское платье. Я спросилъ у графа Платова, правда ли это? — и онъ мнѣ сказалъ: правда. Козаки съ Дона писали къ нему о сихъ двухъ молодыхъ людяхъ, и онъ велѣлъ ихъ наказать, чтобъ не вводили новизнъ въ ихъ станицы и тѣмъ не портили ихъ нравовъ и обычаевъ. Я поблагодарилъ Платова за такое его благоразумное рѣшеніе и подумалъ: хорошо еслибъ и мы, послѣ сожженія Москвы, опомнились и восхотѣли быть самими собою, а не обезьянами другихъ.

[1]) 15-го марта.

Мы пробыли въ Калишѣ около шести недѣль, и 27 марта отправились снова въ путь. Проводя государя, я спѣшилъ зайти домой, чтобъ тотчасъ ѣхать за нимъ; но нашелъ у себя много бѣдныхъ, просящихъ милостыни *) Я роздалъ имъ нѣкоторое число денегъ, и между прочими одной въ бѣдномъ одѣяніи жидовкѣ далъ талеръ; она взяла его и залилась горькими слезами. Это побудило меня узнать подробнѣе о ея обстоятельствахъ; и она разсказала мнѣ, что мужъ ея, нѣсколько дней тому назадъ, посланъ былъ отъ начальника нашего въ одну изъ крѣпостей, бывшихъ въ осадѣ, съ тѣмъ чтобъ тайнымъ образомъ отнесъ туда письмо. Французъ, начальствовавшій надъ сими осажденными, поймалъ его съ симъ письмомъ и велѣлъ повѣсить. Она осталась послѣ него вдовою съ десятерыми малолѣтными дѣтьми. Услышавъ это отъ ней и справясь о достовѣрности сего происшествія, я далъ ей пятьдесятъ червонцевъ и увидѣлъ въ глазахъ ея, если не радость, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое утѣшеніе.

При выѣздѣ нашемъ изъ Калиша, погода сдѣлалась прекрасная. Хотя деревья еще не распустились, однакожъ многіе кусты позеленѣли, и трава съ первыми весенними цвѣтами показалась. Сіяніе солнца и теплота воздуха часто выманивали меня изъ коляски, чтобъ идучи пѣшкомъ лучше ими наслаждаться и внимать пѣнію жаворонковъ. Въ Кроточинѣ получили мы извѣстіе о побѣдѣ, одержанной нашими войсками подъ Линебургомъ (не далеко отъ Гамбурга) [1]: три тысячи пять сотъ человѣкъ Французовъ разбиты, и всѣ до единаго съ ихъ генераломъ [2]) и двѣнадцатью

*) Во время путешествія до Калиша, многіе при парадахъ подавали государю просительныя бумаги, которыя онъ принималъ у нихъ и отсылалъ ко мнѣ. Но какъ, при ежедневныхъ переѣздахъ нашихъ, нѣкогда было ни государю заниматься разсмотрѣніемъ сихъ просьбъ, ни мнѣ докладывать ему объ оныхъ, то челобитчики сіи, большею частью просившіе денегъ, оставались безъ отвѣта; и нѣкоторые изъ нихъ, въ надеждѣ получить что нибудь, ѣхали за нами отъ одного мѣстечка до другого и, узнавъ что просьбы ихъ хранятся у меня, приступали ко мнѣ съ требованіемъ рѣшенія на оныя, чего я, не имѣя отъ государя позволенія приходить къ нему съ сими докладами, никакимъ образомъ исполнить не могъ. По пріѣздѣ въ Калишъ, я принесъ къ нему краткія выписки изъ сихъ, оставшихся безъ всякаго удовлетворенія просьбъ, пересказалъ затрудненіе мое и предложилъ, не угодно ли будетъ ему приказать отпускать мнѣ каждый разъ по тысячи рублей, которые когда всѣ выдутъ, тогда я представлю отчетъ съ требованіемъ другой тысячи, и такъ буду продолжать. Государь согласился, и съ тѣхъ поръ раздача денегъ по симъ просьбамъ отъ меня зависѣла.

[1]) 21-го марта, отрядами Чернышева и Дорнберга.

[2]) Мораномъ.

пушками взяты въ плѣнъ. На переѣздѣ изъ Кроточина въ Миличь, выступивъ изъ варшавскаго герцогства вступили мы въ Силезію*). Съ приближеніемъ къ предѣламъ Пруссіи, общее къ намъ уваженіе и любовь отчасу болѣе возрастали. Подъѣзжая къ городку, называемому Сдуни, версты за полторы отъ онаго, увидѣли мы, что весь народъ высыпалъ на встрѣчу государю. Старшины и чиновники — въ мундирахъ; а прочіе составили изъ себя разныя толпы, изъ коихъ каждая особеннымъ отъ другой образомъ приготовилась изъявить намъ свою о прибытіи нашемъ радость: иные въ разноцвѣтномъ платьѣ, съ турбанами на головахъ, ѣхали верхами; другіе шли пѣшкомъ, неся на шестахъ балдахины; иные, одѣтые скороходами, бѣжали и хлопали бичами, для очищенія дороги; иные пороховыми хлопушками, замѣнявшими пушечную пальбу, поздравляли наше прибытіе; иные держали въ рукахъ обнаженныя шпаги съ воткнутыми на нихъ лимонами. Всѣ сіи толпы, при проѣздѣ каждаго изъ насъ, кричали изо всей мочи — ура! Передъ городомъ сдѣланы были торжественныя врата съ надписью: *des Allmächtigen Hand schütze dich* (т. е. рука Всемогущаго да защититъ тебя). По обѣимъ сторонамъ оныхъ, стояли въ бѣлыхъ одѣяніяхъ пятьдесятъ или шестьдесятъ дѣвицъ съ гирляндами, корзинками и цвѣтами. Государь ѣхалъ верхомъ; и какъ скоро появился онъ за воротами, то поднялся колокольный звонъ и безпрестанныя восклицанія. Весь, встрѣчавшій насъ и ожидавшій внутри города, народъ побѣжалъ за нимъ съ крикомъ, хлопаньемъ и всякимъ изъявленіемъ восторга своего. На улицѣ, по которой мы ѣхали, стоялъ столбъ съ указательною рукою, на которой написано было — *Alexanders Strasse* (т. е. Александрова улица). Въ городѣ, когда государь сошелъ съ лошади, говорили ему рѣчь, поднесли стихи и просили войти въ домъ. Хозяйки, богато разряженныя, встрѣтили его у крыльца. Подали тотчасъ на серебряныхъ подносахъ чай, кофій, шоколадъ и гобель-мобель. Въ другой комнатѣ накрытъ былъ столъ. Просили государя позавтракать; но онъ не остался; и мы всѣ поѣхали за нимъ, не смотря на усильную просьбу хозяекъ, убѣждавшихъ насъ остаться и хоть не много покушать. Черезъ два часа пріѣхали мы въ мѣстечко Миличь. Здѣсь нашли прекрасный домъ и садъ графа Мальзама, осмидесяти-лѣтняго старика, но еще здороваго и свѣжаго, который нашу аннинскую ленту, надѣтую на него Пе-

---

*) При въѣздѣ въ оную увидѣли мы недавно поставленный столбъ, на которомъ русскими буквами написано было — прусская граница.

тромъ Третьимъ, носитъ слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ [1]). Ввечеру садъ его, гдѣ видѣли мы и аистовъ, и лебедей, и орловъ, и оленей, и дикихъ козъ или сернъ, былъ иллюминованъ, и такъ хорошо, что могъ назваться образчикомъ петергофскаго праздника. На торжественныхъ воротахъ, при входѣ въ оный, написано было съ одной стороны: *der Teutsche dem Russen* (Нѣмецъ Русскому), а съ другой — *Gott mit dir* (съ тобою Богъ). Восхищенія, радости и привязанности къ намъ народной не можно описать. Повсюду, гдѣ только идешь, мужчины и женщины смотрятъ тебѣ въ глаза и поклонами и веселымъ лицомъ стараются изъявить удовольствіе, что тебя видятъ. Иныхъ словъ не слышишь, какъ: избавители наши, снимающіе съ насъ самыя тяжелыя оковы. Признаюсь, что, при подобныхъ привѣтствіяхъ, часто на глазахъ моихъ навертывались слезы радости и удовольствія. На другой день, проводя съ такою пріятностью вечеръ, оставили мы Миличь и пріѣхали въ Трахенбергъ, при продолжавшейся прекрасной погодѣ, такъ что казалось дневное время съ ночнымъ спорили, которое изъ нихъ лучше. Отселѣ послана въ Петербургъ написанная мною, по приказанію государя, слѣдующая бумага:

„Указъ правительствующему сенату.

„Изъ народныхъ государственныхъ силъ, толь единодушно и ревностно въ защиту отечества вооружавшихся, прежде всѣхъ составились смоленское и московское ополченіе. Онѣ первыя встрѣтили непріятеля и мужественнымъ сопротивленіемъ и многократными съ нимъ битвами оказали усердіе свое и заслуги. Нынѣ, по истребленіи врага въ предѣлахъ нашихъ, уже далеко за оными не дерзаетъ онъ предъ побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ появляться. Почему, въ силу обнародованнаго нами обѣщанія, освобождая смоленское и московское ополченіе отъ пребыванія на службѣ, повелѣваемъ мы, изъявляя къ нимъ монаршее наше благоволеніе и признательность, распустить оныя по домамъ. Да обратится каждый изъ храбраго воина паки въ трудолюбиваго земледѣльца, и да наслаждается посреди родины и семейства своего пріобрѣтенною имъ честью, спокойствіемъ и славою.“

(На подлинномъ подписано: Александръ.
Трахенбергъ. 30 марта 1813 года).

---

[1]) Въ печатныхъ Запискахъ, онъ названъ графомъ Мальцаномъ. При дворѣ императрицы Елисаветы, находился датскимъ посланникомъ, послѣ Линара и прежде фонъ-Остена, баронъ Мальцанъ; но въ изслѣдованіи г. Васильчикова „Семейство Разумовскихъ“ (Осмнадцатый Вѣкъ, кн. II, стр. 528, прим. 376), онъ означенъ умершимъ въ Петербургѣ, въ 1756 г..

Въ остальномъ путешествіи нашемъ по Саксоніи до самого Дрездена, вездѣ были мы встрѣчаемы и провожаемы съ такими же восторгами, какъ и въ Силезіи. Вездѣ, при въѣздахъ нашихъ, крики радости, а по вечерамъ — освѣщеніе разноцвѣтными огнями выставляемыхъ изъ оконъ въ похвалу нашу изображеній или картинъ, изъ коихъ иныя были весьма замысловаты, такъ напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, видѣлъ я вверху картины прозрачную надпись: post nubile (послѣ тучи), а внизу — восхожденіе лучезарнаго солнца и подъ нимъ вензловое имя императора Александра Перваго. Саксонцы, не взирая на тѣсный союзъ короля ихъ съ Наполеономъ, не меньше Пруссаковъ изъявляли свою намъ преданность и благодарность [1].

Съ нами ѣхали двѣ княгини Волхонскія, Софья Григорьевна и Зенеида Александровна [2]. Дорогою, во время роздыховъ нашихъ,

[1] „Такимъ образомъ сіе путешествіе наше могло бы назваться безпрерывнымъ торжествомъ, если бы приключившаяся князю Смоленскому болѣзнь, остановившая его въ Бауцинѣ, позволяла въ полной мѣрѣ наслаждаться сими утѣшительными для всякаго Русскаго зрѣлищами“ (Рукопись 1818 г.). — „Въ одномъ изъ сихъ мѣстечекъ, по которымъ мы проѣзжали, написалъ я къ государынѣ императрицѣ Маріи Θедоровнѣ письмо, описавши въ немъ всѣ дѣлаемыя намъ встрѣчи, и получилъ отъ нея слѣдующій отвѣтъ: „Александръ Семеновичъ! я имѣла удовольствіе въ письмѣ вашемъ изъ Любена, отъ 3 сего мѣсяца, читать повтореніе и подтвержденіе тѣхъ пріятнѣйшихъ извѣстій о путешествіи императора, любезнѣйшаго моего сына, которыя по другимъ перепискамъ до меня доходятъ: онѣ столь утѣшительны для моего сердца, что я не могу довольно часто ими наслаждаться, и я искренно вамъ благодарна за начертаніе зрѣлища общаго восторга, и за сообщеніе трогательныхъ стиховъ, изображающихъ народныя чувствованія къ императору. Никакое названіе конечно не можетъ быть его сердцу пріятнѣе, и никакое не приноситъ болѣе истинной славы, какъ имя избавителя Европы, единогласно ему данное, и столь справедливо пріобрѣтаемое. Я соединяюсь съ вами въ моленіи, да благословитъ Всевышній благія его намѣренія, и увѣнчаетъ желаніе народовъ! Вы весьма меня обяжете сообщеніемъ и впредь печатаемыхъ въ мѣстахъ вашего пребыванія сочиненій разнаго рода, обстоятельствами рождаемыхъ, которыя наиболѣе сочтете заслуживающими вниманіе: онѣ составляютъ драгоцѣнные для всякаго Россіянина памятники. Доставленныя вами рѣшенія императора по разнымъ моимъ представленіямъ мною получены, и я совершенно увѣрена, что произшедшее замедленіе приписать должно стеченію обстоятельствъ и важнѣйшихъ занятій. Зная довольно ваше усердіе, я въ полной мѣрѣ на оное полагаюсь и съ удовольствіемъ повторяю изъявленіе уваженія и доброжелательства, съ коими пребываю вамъ благосклонною.“ — (На подлинномъ подписано: Марія. Въ С. Петербургѣ, апрѣля 17 дня 1813 года. No. 1155).“ (Краткія Записки адмирала А. Шишкова, 2-ое изд., стр. 103—105.)

[2] Первая, рожденная княж. Волконская, жена начальника главнаго штаба, впослѣдствіи фельдмаршала, кн. Петра Михайловича. Вторая, рожденная княж. Бѣлосельская-Бѣлозерская, жена кн. Никиты Григорьевича, впослѣдствіи егермейстера.

государь часто ихъ посѣщалъ. Приближаясь къ Дрездену, вздумалось имъ, по пріѣздѣ въ него, дать государю маленькій праздникъ, въ которомъ онѣ двѣ и третья, также путешествовавшая съ нами, госпожа Салданша, урожденная Хитрова[1]), хотѣли сами, дома у себя, сыграть передъ нимъ сочиненную на походъ нашъ піеску. Онѣ просили меня написать оную. Желая услужить имъ, я охотно за это взялся и, написавъ для опыта одно только начало, принесъ къ нимъ, чтобъ прочитать и узнать, то ли имъ надобно, и такъ ли я началъ. Опытъ сей имъ понравился, и онѣ на нѣкоторое время оставили его у себя. На другой день пришелъ я къ нимъ и услышалъ, что намѣреніе ихъ не имѣло успѣха: государь былъ у нихъ и, неизвѣстно по какой причинѣ, на то не согласился. Такимъ образомъ начало сего маленькаго сочиненьица осталось безъ продолженія. Для могущаго полюбопытствовать о томъ читателя, я здѣсь оное прилагаю.

МАЛЕНЬКІЙ ПРАЗДНИКЪ,

или

СЛАБАЯ ДАНЬ БЛАГОДАРНОСТИ РУССКИМЪ ВОИНАМЪ, ВЪ ЛИЦѢ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩАГО НАДЪ НИМИ.

Явленіе первое.

(Вдали слышенъ приближающійся голосъ, повторяемый хоромъ.)

Хожу я по улицѣ,
  Да не нахожуся.
То-то люли,
  То-то люшеньки люли.

*

Смотрю я на воина,
  Да не насмотрюся.
То-то люли,
  То-то люшеньки люли.

*

Славѣ дѣлъ его дивлюсь,
  Да не надивлюся.
То-то люли,
  То-то люшеньки люли.

* * *

---

[1]) Если не ошибаемся, эта г-жа Солданъ приходилась внучкой фельдмаршалу Кутузову, дочь котораго, Анна Михайловна, была за-мужемъ за ген. маіор. Николаемъ Захаровичемъ Хитрово.

(Появляются Софья и Салданша, сопровождаемыя толпою разнаго народа и дѣтей въ русскихъ и нѣмецкихъ одѣяніяхъ.)

Салдан.

Гдѣ мы? — на берегахъ Эльбы! Россійскій орелъ летитъ и подъ сѣнь крилъ его стекаются народы.

Соф.

По всему пути услаждали насъ ясные дни, свѣтлыя ночи, благорастворенный воздухъ. Иного не видали и не слыхали мы, какъ сіяніе торжественныхъ огней и крики радостей и восторговъ. Казалось небо насъ благословляетъ, и земля, разцвѣтая подъ ногами нашими, празднуетъ нашъ приходъ.

Салдан.

Ахъ, моя милая! какъ пріятно видѣть славу своего отечества! кто возвелъ насъ на высоту сего блаженства?

Соф.

Въ началѣ всемогущій Богъ.

Салдан.

Потомъ, отъ упованія на Него, твердый духомъ государь.

Соф.

Потомъ посѣдѣвшій во браняхъ искусный полководецъ.

Салдан.

Потомъ всѣ отъ великихъ до малыхъ чиновъ мужественные военачальники.

Соф.

Потомъ храбрые воины.

Салдан.

Потомъ вѣрный народъ.

Соф.

Дивно ли прославиться тому царству, котораго всѣ члены, всѣ состоянія съ такимъ единодушіемъ служатъ главѣ, съ какою мудростью глава управляетъ ими?

Салдан.

Я не столько дивлюсь успѣхамъ нашихъ войскъ, сколько любви, съ какою повсюду ихъ встрѣчаютъ.

Соф.

Можетъ ли это быть иначе? — Съ одной стороны чуждая власть и мучительство говоритъ имъ: *вы мои рабы; почитайте за счастіе и честь ползать передо мною и отдавать мнѣ все свое имущество.* — Съ другой стороны, гласъ человѣколюбія и кротости вопіетъ къ нимъ: *будьте свободны; продолжайте обогащаться трудами своими; живите спокойно подъ своими законами; я ничего отъ васъ не требую, кромѣ любви и дружбы.* — Мудрено

ли, что въ томъ, кто такъ благосклонно вѣщаетъ къ нимъ, видятъ они ангела-избавителя своего и повсюду, гдѣ онъ появляется, созидаютъ ему изъ благодарныхъ сердецъ своихъ храмъ славы?

Салдан.

Богъ да увѣнчаетъ благое намѣреніе его, и да совершитъ начатое имъ къ благополучію рода человѣческаго великое дѣло!

Соф.

Дай Богъ! да потушитъ онъ брани и водворитъ вездѣ миръ и тишину! Мы между тѣмъ повеселимся. Послушай, моя милая! ты хорошо поешь; спой что нибудь въ честь знаменитаго нашего полководца.

Салдан. (поетъ.)

Выду-ль я на рѣченьку,
Посмотрю на быструю:
Какъ она сильна весною,
Такъ ужасенъ онъ врагамъ;
Какъ она тиха средь лѣта,
Такъ любезенъ онъ друзьямъ.

(Повтореніе хора: хожу я по улицѣ, и проч.).

Явленіе второе.

(Приходитъ Зенеида съ дѣтьми. Она въ тирольскомъ, а дѣти въ нѣмецкомъ одѣяніи.)

Зен.

Здравствуйте, сударыни!

Соф.

Ба! Тиролька говоритъ по-русски. Здравствуй, душинька! гдѣ ты научилась нашему языку?

Зен.

Отецъ и мать моя были въ Россіи. Я тамъ родилась. Да сверхъ того всегда любила этотъ языкъ, а теперь еще и больше люблю.

Салдан.

Почему же теперь больше прежняго?

Зен.

Потому что дѣла Русскихъ сдѣлали давно уже почтенное имя и языкъ ихъ нынѣ еще почтеннѣйшими тому, чья душа не терпитъ уничиженія и рабства, не любитъ пресмыкаться подъ игомъ чужеземцевъ.

Соф.

Слова твои показываютъ, что ты Тиролька.

Зен.

Да! я горжусь симъ именемъ, и развѣ только одному имени Россіянки уступлю преимущество.

Салдан.

Зачѣмъ ты сюда пришла?

Зен.

Посмотрѣть на русскаго царя, который сколько величествомъ сана и блескомъ славы своей страшенъ, столько же, какъ сказываютъ, пріятнымъ и ласковымъ видомъ привлекаетъ къ себѣ сердце каждаго.

Соф.

Ты можешь зрѣніе свое насытить. Онъ всегда для всякаго доступенъ.

Зен.

Ахъ, какъ я буду счастлива! Мнѣ также хотѣлось взглянуть на сего полководца, который, по словамъ нашихъ стариковъ, у этой страшной, всему свѣту гибелью грозящей кометы умѣлъ такъ искусно отрѣзать хвостъ, что уже какъ она ни силится снова распустить его и возблистать, но лучи ея стали тусклы.

Салдан.

И въ этомъ не трудно тебѣ удовольствовать свое любопытство. Онъ также ласковъ и привѣтливъ.

Зен.

Сердце мое не нарадуется, слыша отъ васъ это. Но я хотѣла бы еще увидѣть и тѣхъ, которые въ толь знаменитыхъ подвигахъ съ нимъ соучаствовали.

Соф. (указывая на присутствующихъ.)

Иныхъ ты видишь здѣсь, другіе отсутственны.

Зен.

Я смотрѣла давичь на воинскія движенія русскихъ воиновъ: какое устройство! какая величавость и красота! на лицѣ у нихъ написана спокойная храбрость и любовь къ отечеству.

Салдан.

Что это за дѣти съ тобою пришли?

Зен.

Одинъ — братъ мой. Другіе — къ нему пристали. Юность любопытна. Огонь славы удобно зажигаетъ сердца ихъ. Всѣ хотятъ видѣть Русскихъ.

Соф.

Ты, я думаю, умѣешь пѣть. Спой намъ тирольскую пѣсенку.

Зен.

Охотно.

(Поетъ тирольскую пѣсню.)

Соф.

Спасибо, моя милая! какъ ты хорошо поешь!

Зен.

Я очень рада, если могла вамъ угодить. Какъ нарядъ вашъ меня прельщаетъ! Я столько же, сколько русскій языкъ, люблю и русское платье: этотъ сарафанъ, эта повязка на головѣ, дѣлаютъ и лицо моложе и станъ красивѣе.

Соф.

Да хочешь ли ты въ него нарядиться и остаться съ нами нѣсколько времени?

Зен.

Очень хочу. Какъ вы добры и ласковы!

Соф.

Поди. Наши дѣвушки тебя одѣнутъ.

Явленіе третіе.

(Тѣже, кромѣ Зенеиды.)

Салдан.

Какое для русскаго сердца удовольствіе видѣть Русскихъ въ такомъ почтеніи у другихъ народовъ!

Соф.

Да! и притомъ въ почтеніи не принужденномъ, не наружномъ, но дѣйствительно добровольномъ и чистосердечномъ.

Салдан.

Оно и не можетъ быть иное. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы разсмотримъ поступки наши, то безъ всякаго пристрастія и самолюбія должны отдать сами себѣ справедливость. Мы защитили отечество свое отъ сильнаго врага; мы, низложивъ властолюбіе и гордость его, мечтавшую овладѣть всѣмъ свѣтомъ, пришли въ земли тѣхъ людей, которые, хотя и по-неволѣ, однакожъ вмѣстѣ съ нимъ, воевали противъ насъ: чѣмъ же мы платимъ имъ за причиненное отъ нихъ намъ зло? — дружбою, помощью, покровительствомъ! Мы говоримъ имъ: — „Мнимый другъ вашъ приковалъ васъ, какъ невольниковъ, къ побѣдоносной колесницѣ своей, разорилъ, ограбилъ и впредь помышляетъ господствовать надъ вами, разорять и грабить васъ. Мы, напротивъ, которымъ вы, не по своей, но по его мучительской волѣ, ко вреду самимъ себѣ, были врагами, мы пришли освободить васъ отъ него, возвратить вамъ спокойствіе, свободу; пришли проливать за васъ кровь свою и въ возмездіе за то желаемъ одной вашей дружбы.“ — Можетъ-ли сей божественный языкъ не проницать во глубину сердецъ?

Соф.

Это правда. Одни закоренѣлые въ порокахъ люди не чувствительны къ великодушію и добродѣтелямъ; но не всѣ таковы: благія дѣла въ добрыхъ сердцахъ рождаютъ любовь и благодарность.

(Оглянувшись на дѣтей и видя, что они строятся рядами)

Что эти мальчики дѣлаютъ?

(Къ нимъ.)

Was machen sie?

Одинъ изъ мальчиковъ.

Wir wollen russische Soldaten spielen, marschiren.

Соф.

Gut. А! да вотъ стоятъ клавикорды; я на нихъ поиграю.

(Къ мальчикамъ.)

Ich will ihnen einen Marsch vorspielen.

Мальчики (всѣ вдругъ.)

Wir danken, wir danken!

(Софья садится за клавикорды; играетъ, а мальчики маршируютъ; она, смотря на нихъ, въ приличныхъ мѣстахъ восклицаетъ: браво! браво!)

Явленіе четвертое.

(Тѣже и Зенеида.)

Соф. (переставъ играть.)

А! ты ужъ одѣлась? какъ мила!

Зен.

Нѣтъ ли здѣсь зеркала? дайте мнѣ на себя полюбоваться.

(Увидя зеркало, подходитъ къ нему и осматриваетъ себя съ головы до ногъ.)

Соф.

Полно, полно. Успѣешь наглядѣться. Теперь ты наша. Споемъ русскую пѣсню.

Зен.

О! я очень люблю русскія пѣсни, и часто ихъ пѣвала; но можетъ быть не знаю той, какую вы спѣть хотите. Спойте вы напередъ; а послѣ и я къ вамъ пристану.

Салдан.

Не пѣвала ль ты когда нибудь: *Ѣхалъ козакъ за Дунай?*

Зен.

Нѣтъ, не пѣвала; но какая прекрасная пѣсня! Козакъ! имя это сдѣлалось громко. Я давичь на нихъ смотрѣла: какія почтенныя бороды! какъ важно и грозно, съ копьемъ въ рукѣ, сидятъ они на коняхъ! иные изъ нихъ совершенные молодцы. Я и Платова, храбраго атамана ихъ, видѣла.

Соф.

Ну, послушай; мы споемъ.

Ѣхалъ козакъ за Дунай,
Сказалъ дѣвчинѣ: прощай!
Вы коненьки, вороненьки,
На силу гуляй. —
Постой, постой, козаче,
Твоя дѣвчина плаче.
Ахъ! ты мене покидаешь,
Только подумай.

Зен.

Люблю козака. Онъ любитъ страстно; однако долгъ и славу всему предпочитаетъ. — Наши Тирольцы таковы же. Ну, теперь и я могу съ вами пѣть.

(Всѣ три поютъ.)

Симъ кончилось начало сей піэски; и послѣ не было продолженія.

На канунѣ Свѣтлаго Воскресенія [1]), пріѣхали мы въ Дрезденъ. Великолѣпіе въѣзда нашего было нѣчто очаровательное: — картина, которую никакимъ перомъ, ни кистью изобразить невозможно. Надлежало видѣть ее въ самой сущности. День былъ прекраснѣйшій, и солнце посреди чистаго неба сіяло во всемъ своемъ блескѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги стояли въ парадѣ наши и прусскія войска. Къ нимъ присоединялась саксонская гвардія. Толпящійся народъ версты за три выбѣжалъ къ намъ на встрѣчу. Государь съ прусскимъ королемъ ѣхали верхами. За ними многочисленная свита чиновниковъ, верхами и въ коляскахъ. Музыка гремѣла. Радостные крики раздавались. По въѣздѣ въ городъ, государь и король остановились на площади, гдѣ всѣ войски, при множествѣ зрителей, наполнявшихъ улицы и окна домовъ, проходили мимо ихъ. По окончаніи сего, прусскій король проводилъ государя въ такъ называемый Брилевъ дворецъ*) и откланявшись отправился въ отведенный для него домъ. Между тѣмъ, государю представлялись всѣ здѣшніе чиновники и съѣхавшіеся

---

*) Настоящій дворецъ, гдѣ живетъ саксонскій король, оставался пустъ, потому что король, не преставая быть въ союзѣ съ Франціею, со всѣмъ своимъ семействомъ уѣхалъ изъ него; но государю не угодно было занять оный.

---

[1]) Т. е. 12-го апрѣля.

сюда изъ разныхъ городовъ посланники наши: Ханыковъ, Головкинъ, Барятинскій, Олопеусъ, Мальтицъ и нѣкто, давно живущій здѣсь, Путятинъ. Отпустя ихъ, государь ходилъ осматривать дворецъ, и очень былъ веселъ. Онъ сказалъ намъ шутя: — „Здѣсь нѣтъ у насъ экипажей, — мы можемъ ходить пѣшкомъ.“ — И въ самомъ дѣлѣ пошелъ пѣшкомъ къ прусскому королю въ домъ, отведенный ему за рѣкою, съ полъ-версты отъ Брилева дворца. Лишь только онъ вышелъ, народъ тотчасъ окружилъ его, и мы шли, какъ туда, такъ и оттуда, посреди многочисленной толпы, которая за нимъ и передъ нимъ бѣжала и почти безпрестанно кричала: ура! Отобѣдавъ во дворцѣ, пошелъ я походить по городу. Мнѣ казалось, какъ будто я изъ него не выѣзжалъ: такъ живо, черезъ пятнадцать лѣтъ бытія моего въ немъ, возобновились въ памяти моей всѣ мѣста и улицы. Намъ съ Балашовымъ отвели домъ, въ который, не знаю почему, захотѣлось переѣхать прусскому королю: и такъ онъ остановился въ нашемъ домѣ, а намъ уступилъ свой, для него приготовленный, стоящій на берегу Эльбы[1]), противъ Брилева дворца, подлѣ того прекраснаго моста, который теперь, по милости Французовъ, обезображенъ подорваніемъ въ немъ двухъ сводовъ*). Пріятная погода часто вызывала меня прохаживаться по городу, гдѣ встрѣчались со мною случаи, удостовѣрявшіе меня о нелицемѣрной дружбѣ и привязанности

---

*) Я не могъ надивиться дружбѣ саксонскаго короля съ Наполеономъ[2]). Мнѣ казались нравы ихъ совершенно противуположными. Одного изъ нихъ жизнь была кроткая, смиренная, набожная; другой радъ былъ половину человѣческаго рода истребить, дабы владычествовать надъ другою. Если мысль саксонскаго короля была та, что онъ, будучи безсиленъ сопротивляться Наполеону, не можетъ иначе спасти царства и подданныхъ своихъ отъ разоренія, какъ совершенною покорностью, то по крайней мѣрѣ въ то время, когда уже всѣ европейскія державы соединились противъ Франціи, надлежало бы ему къ нимъ пристать. Но онъ, оставя подданныхъ своихъ, радующихся избавленію своему изъ подъ ига Французовъ, и не раздѣляя съ ними сей ихъ радости, продолжалъ одною своею особою быть въ связи съ Наполеономъ, испытавъ уже, что покорность и союзъ его съ нимъ не освобождаютъ Саксонцевъ отъ тяжкаго рабства и угнетенія. Буде и въ сіе время дѣйствовалъ надъ нимъ страхъ, то кажется страхъ сей и опасеніе были чрезъ мѣру велики.

---

[1]) „По старинному славенскому названію Лаба“ (Рукопись 1818 г.).

[2]) „Въ прежнюю бытность мою здѣсь, король саксонскій (тогда еще курфирстъ) часто приглашалъ меня къ обѣденному столу и по вечерамъ. (Я былъ въ то время генералъ-адъютантъ Павла Перваго). По сему случаю, знавъ его лично, я не могъ надивиться дружбѣ его съ Наполеономъ“ (Краткія Записки, изд. 2-ое, стр. 120).

Саксонцевъ къ нашимъ войскамъ. Къ Пруссакамъ напротивъ, какъ мнѣ случалось отъ нихъ слышать, не питали они сихъ чувствъ. Дѣйствительно поведеніе нашихъ войскъ въ чужихъ земляхъ заслуживало всякую похвалу. Нигдѣ не слышно было на нихъ ни малѣйшихъ жалобъ. Часто попадались мнѣ мальчики съ нѣкоторою ношею. Я останавливалъ ихъ и спрашивалъ: куда они идутъ и что такое несутъ? Отвѣтъ ихъ былъ всегда: — „къ такому-то солдату (называя его по имени), который живетъ у насъ въ домѣ и теперь стоитъ на караулѣ. Батюшка и матушка приказали мнѣ отнести къ нему этотъ узелокъ съ кушаньемъ и напитками." — „Да развѣ вы его любите?" — „Очень любимъ: онъ такой добрый!" — Однажды, проходя мимо воздвигнутаго на площади памятника, видѣлъ я лежащаго у подножія онаго лѣтъ пятидесяти козака, вокругъ котораго около десятка ребятишекъ бѣгали, хохотали, ползали по немъ, хватали его за бороду. Онъ игралъ съ ними, какъ бы съ родными своими дѣтьми. Я любовался, смотря на это, и подумалъ: вѣрно не одинъ этотъ козакъ пріучилъ ихъ быть такъ смѣлыми съ собою; но повидимому отъ многихъ, ласково съ ними обращающихся, привыкли они ихъ не бояться.

Въ одинъ день поѣхали мы въ Мейсенъ, на фарфоровую здѣшнюю фабрику [1]). Общество наше составляли: Тормазовъ, Балашовъ, Кикинъ [2]), Ожаровскій, я и два офицера. Мы поплыли водою, по рѣкѣ Эльбѣ. Плаваніе наше продолжалось три часа. День былъ прекраснѣйшій. Мы безпрестанно восхищались видами, по обѣимъ сторонамъ рѣки намъ представлявшимися. Кикинъ въ восторгѣ закричалъ: — „Это галлерея, состоящая изъ миліона ландшафтовъ!" — Когда мы пріѣхали и пристали къ берегу, насъ встрѣтилъ, стоявшій тамъ съ отрядомъ войскъ, нашъ полковникъ съ нѣсколькими офицерами, и за ними превеликая толпа народа. Мы пошли осматривать фабрику, лежащую на высокой горѣ; и вся сія толпа повалила за нами: всѣ бѣгутъ, опереживаютъ другъ друга, чтобъ заглянуть намъ въ глаза. Тотчасъ явились съ поклонами и поздравленіями всѣ должностные и чиновники здѣшніе. Вездѣ, по пути нашему, разставлены индѣ наши, а индѣ саксонскіе солдаты во фрунтъ: отдаютъ честь и бьютъ въ барабаны. Мы проходили до шести часовъ по полудни: осмотрѣли всѣ ра-

---

[1]) Эта первая въ Европѣ основанная фарфоровая фабрика существуетъ съ 1710 года и помѣщается въ прежнемъ герцогскомъ замкѣ Альбрехтсбургѣ.

[2]) Дежурный генералъ 1-й арміи, впослѣдствіи статсъ-секретарь и докладчикъ всеподданнѣйшихъ прошеній.

боты, заведенія; были въ церкви, гдѣ погребены многіе саксонскіе герцоги, изъ коихъ надъ каждымъ положена желѣзная плита. На одной изъ сихъ плитъ, увидѣлъ я на груди изображеннаго на ней человѣческаго тѣла пробитую скважину; я спросилъ: отъ чего это? мнѣ сказали: отъ громового удара. Мы всходили на верхъ церкви, отколѣ открывалась прелестнѣйшая картина, представлявшая взорамъ берега Эльбы, простираясь черезъ Дрезденъ до самаго Кенигштейна*). По осмотрѣніи всего примѣчанія достойнаго, пошли мы обѣдать. Столъ, приготовленный для насъ здѣшними чиновными господами, былъ уже накрытъ; и у дверей стояли два саксонскихъ часовыхъ, весьма хорошо одѣтыхъ. Покуда мы обѣдали, передъ окнами нашими играла музыка; и вся площадь покрыта была народомъ. Передъ обѣдомъ, чиновники здѣшніе стали насъ звать на балъ, нарочно для насъ приготовленный (они узнали о намѣреніи нашемъ пріѣхать въ Мейсенъ, потому что мы наканунѣ дали о томъ знать нашимъ офицерамъ); но какъ мы спѣшили возвратиться назадъ, то и отказались отъ бала. Однакожъ примѣтя, что сіе ихъ опечалило, и услыша отъ нашихъ офицеровъ, что они къ сему приготовлялись, мы въ срединѣ уже обѣда сказали, что если бы балъ сей скоро могъ начаться, то бы мы, хоть на короткое время, на немъ побывали. Одинъ изъ чиновниковъ, услыша сіе, тотчасъ всталъ изъ-за стола и ушелъ; и лишь только мы отобѣдали, какъ уже онъ явился съ извѣщеніемъ, что балъ готовъ. Мы пошли туда. Входимъ въ большую залу, наполненную людьми. Музыка играетъ, и паръ тридцать стоятъ, составя кругъ и держась рука за руку. Лишь только мы вошли, они начали танцовать и, по нѣкоторыхъ движеніяхъ, сдѣлавъ изъ себя букву *А* (вензловое имя государя императора), произнесли въ честь ему громкое восклицаніе. По окончаніи сего танца, мы прошли съ ними польскій и хотѣли тихонько уйти; но всѣ чиновники, примѣтя сіе, побѣжали насъ провожать и весьма благодарили, что мы, хотя на одинъ часъ, удостоили посѣтить ихъ собраніе. На балѣ семъ было женщинъ до пятидесяти, весьма изрядно одѣтыхъ и хорошо танцующихъ. Мы возвратились уже берегомъ и не прежде одиннадцати часовъ пріѣхали домой.

Не долго пробыли мы въ Дрезденѣ. Скоро услышали, что Наполеонъ съ великимъ числомъ новонабранныхъ войскъ приближается къ Лейпцигу. Надлежало туда скакать, для начатія снова

---

*) Саксонская. на берегу Эльбы лежащая, крѣпость (см. описаніе о ней на стран. 53). Она, въ это время, была еще въ рукахъ Французовъ,

битвъ и браней. Передъ отъѣздомъ изъ Дрездена, пришло къ намъ печальное извѣстіе сперва о болѣзни, а потомъ и о смерти знаменитаго полководца нашего, князя Кутузова-Смоленскаго [1]). Вѣсть сія была громовой ударъ. Государь приказалъ до времени утаить ее отъ войскъ, дабы передъ самымъ наступающимъ сраженіемъ не привесть ихъ въ уныніе.

Въ сіе время (т. е. апрѣля 13 дня), написана мною, по приказанію государя, грамота войсковому атаману графу Платову и всѣмъ донскимъ атаманамъ и воинству (см. въ Собран. маниф., стран. 129) [2]).

Апрѣля 17 дня, отправились мы вслѣдъ за государемъ. Выѣхали поздо. Ночь была такъ темна, что ничего не видно. Ѣдемъ по худой дорогѣ. Въ одномъ мѣстѣ коляска наша опрокинулась, и хотя я довольно крѣпко стукнулся головою, однакожъ, благодаря Бога, ничего худшаго не случилось. За двѣ почты отъ Лейпцига, государь и вся свита его сѣли на коней. Я одинъ долженъ былъ остаться въ моей коляскѣ. Балашовъ, ѣхавшій досслѣ со мною, къ нимъ присоединился. Не зная что дѣлать, я спросилъ у государя: какъ онъ прикажетъ, здѣсь ли мнѣ остаться, или ѣхать далѣе? Онъ отвѣчалъ: — „Я отдаю тебѣ на волю, — дѣлай самъ что хочешь.“ — Такимъ образомъ приведенъ я былъ въ крайнее недоумѣніе. Съ одной стороны, казалось мнѣ, быть далеко отъ мѣста сраженія худо, потому что не скоро узнаешь, кто кого прогналъ: мы ли непріятеля, или онъ насъ; а съ другой стороны, быть близко тоже худо, потому что, въ случаѣ отступленія нашихъ войскъ и непріятельской за ними погони, не успѣешь уѣхать, а особливо по худымъ дорогамъ, русскому кучеру неизвѣстнымъ, и которыя такъ загромождены обозами, что индѣ часа два надобно стоять, прежде нежели съ ними разъѣдешься. Я бы съ радостью поѣхалъ за государемъ, зная, что мнѣ безопаснѣе быть тамъ со всѣми, чѣмъ одному, въ нѣкоторой отдаленности, ѣздить въ коляскѣ; но по несчастію я никогда не ѣзжалъ верхомъ, и сверхъ того слабость силъ моихъ не позволила бы мнѣ сидѣть долго на лошади. Признаюсь, я пуще смерти боялся попасть въ плѣнъ. Мнѣ воображалось, что Наполеонъ, по званію моему, навѣрное знаетъ, кто при государѣ пишетъ манифесты, которые безсомнѣнія не могли ему нравиться; притомъ же люби-

---

[1]) Онъ умеръ 16-го апрѣля, въ Бунцлау, городкѣ прусской Силезіи, гдѣ ему потомъ поставленъ былъ памятникъ. Главнокомандующимъ союзныхъ войскъ былъ назначенъ Витгенштейнъ.

[2]) См. Приложеніе XLI.

мецъ его, Колинкуръ, въ бытность свою посломъ въ Петербургѣ, весьма не благоволилъ ко мнѣ, наслышась можетъ быть о моемъ образѣ мыслей, далеко несогласномъ съ ихъ дѣлами и поступками. Мысль сія устрашала меня попасть въ руки человѣка, который всѣхъ приверженныхъ къ отечеству своему почитаетъ уголовными противъ него преступниками. Долго колеблясь и размышляя, напослѣдокъ рѣшился я продолжить путь мой за государемъ до тѣхъ поръ, покуда позволено будетъ ѣхать въ колясках. Въ тотъ же день пріѣхалъ я въ мѣстечко Борнъ, неподалеку отъ Лейпцига, гдѣ нашелъ еще государя; и тутъ уже долженъ былъ остановиться. не могши далѣе за нимъ слѣдовать. На другой день, то есть апрѣля 20 числа, въ четвертомъ часу поутру, государь и всѣ съ нимъ поскакали на поле битвы. Оставшись одинъ въ скучномъ и безпокойномъ ожиданіи, сталъ я, чтобъ проводить какимъ нибудь занятіемъ время, писать письмо къ женѣ моей; и что въ немъ тогда написано было здѣсь излагаю:

„Въ 8 часовъ утра.

„Я проснулся вмѣстѣ со всѣми. Проводилъ ихъ, и не могу опять лечь: духъ и мысли встревожены ожиданіемъ слѣдствій долженствующей скоро начаться брани. Хожу сряду четыре часа, взадъ и впередъ по горницѣ. Подали мнѣ кофію; насилу могъ чашку выпить. Въ эти два дни, я почти не спалъ: измучился, ослабѣлъ, и голова болитъ. Воображаю какъ опечалитъ васъ вѣсть о смерти князя Смоленскаго, и какой будетъ это ударъ для его супруги и дочерей! Скажи, пожалуйста, имъ, что я въ горести ихъ принимаю душевное и совершенное участіе. Вся Россія о немъ потужитъ..... Время свободно, хотѣлъ бы долѣе заочно съ тобою побесѣдовать, но въ голову ничего нейдетъ. Пойду проходиться по улицѣ, чтобъ хоть не много освѣжиться.

„Въ 11 часовъ утра.

„Пальба началась. Страшный громъ раздается. Боже! доверши милость свою надъ нами! да услышу я добрыя вѣсти! Не дай губителю народовъ снова восторжествовать!.... Голова и сердце мое стѣснены. Балашовъ и Кикинъ обѣщали меня увѣдомить, когда что нибудь рѣшительное произойдетъ; но будетъ ли имъ случай написать ко мнѣ хоть строчку? съ кѣмъ пошлютъ? и могутъ ли, въ это время, вспомнить обо мнѣ? — сомнѣваюсь.

„Въ 3 часа по полудни.

„Я не могъ съѣсть куска хлѣба; всталъ изъ за стола и пошелъ въ поле посмотрѣть, не увижу ли кого нибудь. Безпрестанная пальба продолжается по-прежнему; но пріѣзжаго оттуда ни-

кого нѣтъ. Что тамъ происходитъ и дѣлается, — неизвѣстно. Сто разъ былъ бы я спокойнѣе, если бы находился тамъ со всѣми. Отроду въ первый разъ грущу о томъ, что, разъѣзжая по морю на корабляхъ, не привыкъ и не въ силахъ ѣздить на лошади верхомъ. Ничего нѣтъ скучнѣе, какъ быть вдали, слышать трескотню, громъ битвы, и нѣсколько часовъ сряду никого не видать и ничего не знать.

„Въ 6 часовъ по полудни.

„Опять ходилъ я далеко въ поле прислушиваться къ пушечному грому: маленькая надежда мнѣ польстила, и я веселѣе возвратился домой. По гулу слышно, что пальба удаляется; изъ сего заключаю я, что непріятель отступаетъ; ибо, думаю, ежели бы мы отступали, то пальба становилась бы слышнѣе, и тогда, при уменьшеніи разстоянія между нами, можетъ быть кто нибудь появился бы уже здѣсь. Такъ размышлялъ я и молилъ Бога, чтобъ заключеніе мое было справедливо. Тогда какъ голова моя наполнена была сими мечтаніями, вдругъ увидѣлъ я жалкое зрѣлище: на встрѣчу мнѣ ѣдутъ нѣсколько телѣгъ, на которыхъ везутъ тяжело раненыхъ солдатъ нашихъ. Стонъ сихъ несчастныхъ поразилъ меня, такъ что я, сжавъ сердце, пробѣжалъ мимо ихъ. Хотѣлъ подойти къ нимъ и спросить что нибудь; но что можно отъ нихъ узнать? и до разговоровъ ли имъ бѣднымъ?

„Въ 8 часовъ по полудни.

„Нѣтъ возможности усидѣть на мѣстѣ! Опять отдохнувъ немного ходилъ я туда же. Надежда моя исчезла и превратилась въ опасеніе. Бой продолжается, но громъ пушечный сталъ ближе и гораздо сильнѣе. Сраженіе, какъ думать должно, происходитъ жестокое и упорное. Сверхъ того услышалъ я непріятныя вѣсти: мужикъ, пришедшій повидимому изъ той стороны, встрѣтясь близко меня съ другимъ, идущимъ отселѣ мужикомъ, сказалъ ему: *ну, братъ, пропали мы! Французы въ Лейпцигѣ: грабятъ ярманку!* — Услыша это, подошелъ я къ нему разспросить о подробностяхъ. Онъ не умѣлъ ничего мнѣ больше сказать; но сего было довольно для возмущенія чувствъ моихъ. Городъ этотъ, подумалъ я, былъ въ нашихъ рукахъ; если мы не въ силахъ были его удержать, то стало быть побѣда (и кто знаетъ какая!) на сторонѣ Французовъ. Мысль сія исторгла изъ груди моей тяжелый вздохъ. Идучи дорогою восклицалъ я внутренно: Боже милосердый! не дай мнѣ услышать что нибудь худое о государѣ, о войскахъ нашихъ, о пріятеляхъ и знакомыхъ моихъ, которые тамъ! Послѣ

сего ты можешь себѣ представить, какъ грустенъ возвратился я домой, и въ какой скукѣ пишу къ тебѣ.

„Въ 10 часовъ по полудни.

„Ночь такъ темна, что ничего не видно. Погода сырая, и небо покрыто облаками. Пальба недавно умолкла. Послѣдніе залпы были прежестокіе. Теперь все тихо; но боюсь, чтобъ тишина эта не разрушилась вдругъ какимъ-либо незапнымъ шумомъ и тревогою. Извѣстій никакихъ нѣтъ. На всякій случай велѣлъ я, чтобъ коляски наши (то есть моя и моихъ чиновниковъ) [1]) были запряжены, и кучера отъ нихъ не отходили. Самъ не раздѣваюсь; хочу прилечь, но не думаю, чтобъ могъ заснуть. По крайней мѣрѣ отдохну и подремлю немного.

„На другой день, въ 6 часовъ поутру.

„Сію минуту прислано повелѣніе, чтобъ всѣ экипажи немедленно отправились въ мѣстечко Пенингъ. Это значитъ назадъ. Слѣдовательно мы отступаемъ. Справляться какъ, что и зачѣмъ — не у кого и нѣкогда. Поскорѣй въ коляску, и дай Богъ ноги. Прости.

„По прибытіи моемъ въ Пенингъ.

„Слава Богу! я пріѣхалъ сюда безъ большихъ затрудненій, думая здѣсь дожидаться государя; но какъ велико было мое удивленіе, когда я нашелъ его и всѣхъ, съ нимъ бывшихъ, давно уже тутъ! Они съ мѣста сраженія проѣхали ночью, мимо меня, другими дорогами. Ну! думалъ я, этакъ не мудрено попасть въ руки непріятелю, когда, считая главную квартеру впереди себя, станешь находить ее позади, не имѣя между собою и непріятелемъ никого, не только защищающаго, ниже остерегающаго тебя заблаговременнымъ извѣщеніемъ..... Увѣряютъ, что во вчерашнемъ сраженіи, при мѣстечкѣ Люцинѣ, ничего рѣшительнаго не произошло; однакожъ мы направляемъ путь свой обратно къ Дрездену, откуда надѣюсь я отослать къ тебѣ сіе письмо."

По прибытіи въ Дрезденъ, написаны мною, по приказанію государя, двѣ слѣдующія бумаги:

Первая.

„Приказъ войскамъ нашимъ.

„Воины! Происходившее двадесятаго числа сего мѣсяца, знаменитое при Гершенѣ" (тоже что при Люцинѣ) „сраженіе покрыло васъ новыми лаврами. Устройство, соединенное съ мужествомъ,

[1]) Это были вышеупомянутый Тимковскій и Журавлевъ, помощникъ статсъ-секретаря въ департаментѣ законовъ государственнаго совѣта.

присутствовало во всѣхъ вашихъ движеніяхъ. Непріятель, не смотря на стараніе свое держаться въ закрытыхъ мѣстахъ, не могъ въ нихъ отъ пораженій вашихъ укрыться и, съ проліяніемъ многой крови своей, уступая ихъ, долженъ былъ почувствовать силу вашей руки. Храбрые союзники наши, Пруссаки, явили себя достойными той славы, какую изъ давнихъ временъ пріобрѣли. Вы видѣли твердость ихъ и мужество. Какихъ успѣховъ не должно ожидать отъ дружелюбной связи и соревнованія толь храбрыхъ народовъ? Воины! вся Европа на васъ смотритъ и ожидаетъ отъ васъ своего спасенія. Собственное ваше и общее благо зоветъ васъ къ новымъ подвигамъ. Нанесите еще ударъ, и врагъ вашъ вострепещетъ предъ вами; спокойствіе повсюду водворится, и слава увѣнчаетъ васъ вѣнцомъ безсмертія. Правда на нашей сторонѣ; а гдѣ правда, — тамъ и Богъ! Какая разность между нашею и непріятелей нашихъ причиною брани! Мы умираемъ, какъ сыны отечества, за собственную свою честь и свободу; а они, какъ рабы, — въ угодность единой корыстолюбивой и ненасытной воли: ихъ жизнь хуже нашей смерти!“

Вторая.

„Рескриптъ супругѣ покойнаго генералъ-фельдмаршала, князя Голенищева-Кутузова-Смоленскаго.

„Княгиня Катерина Ильинишна! Судьбы Вышняго, которымъ никто смертный воспротивиться не можетъ, а потому и роптать не долженъ, — опредѣлили супругу вашему, свѣтлѣйшему князю Михаилу Ларіоновичу Кутузову-Смоленскому, посреди громкихъ подвиговъ и блистательной славы своей, преселиться отъ временной жизни къ вѣчной. Болѣзненная и великая не для однѣхъ васъ, но для всего отечества потеря! Не вы однѣ проливаете о немъ слезы: съ вами плачу я, и плачетъ вся Россія. Богъ, позвавшій его къ себѣ, да утѣшитъ васъ тѣмъ, что имя и дѣла его остаются безсмертными. Благодарное отечество не забудетъ никогда заслугъ его. Европа и весь свѣтъ не престанутъ ему удивляться и внесутъ имя его въ число знаменитѣйшихъ полководцевъ. Въ честь ему воздвигнется памятникъ, при которомъ Россіянинъ, смотря на изваянный образъ его, будетъ гордиться, чужестранецъ же — уважать землю, порождающую толь великихъ мужей. Все получаемое имъ содержаніе повелѣлъ я производить вамъ. Пребываю вамъ благосклонный.“

(Обѣ сіи бумаги подписаны государемъ въ Дрезденѣ, апрѣля 25 дня 1813 года).

Тогожъ числа, отправились мы изъ Дрездена; а на другой

день, вступили въ него Французы. Мы возвращались по той же самой дорогѣ, по которой сюда пришли. Отступленіе наше было бѣдственно для Саксоніи: войски Наполеоновы непріятелей и союзниковъ равно грабятъ и разоряютъ. Какая разность въ чувствахъ жителей, когда мы шли впередъ, и когда возвращались назадъ! радости и восхищенія вдругъ превратились въ плачъ и уныніе. Какъ должны были озабочены быть продавцы книгъ и эстамповъ! Заходя къ нимъ, видѣлъ я въ лавкахъ ихъ множество книжекъ, въ которыхъ описывались лютости Французовъ; видѣлъ эстампы и рисунки, изображавшіе Наполеона въ разныхъ карикатурныхъ положеніяхъ: въ иномъ изъ нихъ голова его составлена была изъ костей человѣческихъ; въ иномъ представленъ онъ въ безобразномъ или смѣшномъ видѣ. Все это надлежало въ самоскорѣйшемъ времени убирать и прятать *).

*) Я не могу воздержаться, чтобъ не выписать здѣсь прекраснаго описанія, сдѣланнаго въ „Письмахъ русскаго офицера," Ф. Н. Глинки, бывшаго въ Дрезденѣ, когда городъ сей, по одну сторону рѣки, занятъ былъ французскими, а по другую (то есть Нейштадтъ) нашими войсками. Въ одномъ письмѣ, изъ мѣстечка Гельдгейма, пишетъ онъ: — „самая бурная осень не такъ обнажаетъ природу, какъ война опустошаетъ цвѣтущія области. Что сдѣлалось съ Саксоніею? мы не узнаемъ ее! какая разительная во всемъ перемѣна! домы пусты, лица мрачны; у насъ голодъ, у жителей стонъ!" — А въ другомъ письмѣ изъ Дрездена, или Нейштадта: — „быстро обскакали мы Дрезденъ, спѣша переправиться чрезъ понтонный мостъ, потому что большой уже горѣлъ. Каштановыя алеи цвѣли; въ воздухѣ разливалось благоуханіе. Великолѣпный Дрезденъ, увѣнчанный цвѣтами и зеленью садовъ, уподоблялся жертвѣ, обреченной на закланіе. — Около второго часа по полудни, Французы ворвались въ городъ и, какъ вода, разлились по улицамъ; прибѣжали къ мосту и, казалось, хотѣли перескочить черезъ Эльбу, чтобъ грабить Нейштадтъ, который мы охраняли; но не могши сего сдѣлать, начали стрѣлять. Наши егери, засѣвшіе въ развалинахъ моста, отвѣчали имъ, и перестрѣлка не умолкала. Вскорѣ раздался по всему Дрездену колокольный звонъ, возвѣщавшій прибытіе Наполеона. И такъ, въ сію минуту, владычество Александра и противника его раздѣляла только одна рѣка: по сю сторону, благословляли добродѣтельнаго защитника правъ Европы; а по ту, — со стономъ покорялись извергу. Французскіе офицеры, богато одѣтые, расположа въ разныхъ мѣстахъ музыку, прогуливались въ набережномъ саду съ дрезденскими женщинами. Они конечно хотѣли осуществить мечту о золотомъ вѣкѣ и доказать, что тигры могутъ гулять съ агнцами. Хотя съ ихъ и съ нашей стороны стрѣляли только вдоль по мосту, однакожъ пули и картечи далеко хватали черезъ и свистали по улицамъ. Съ нашей стороны, на концѣ моста, возвышенъ былъ земляной траверзъ. Пули жужжали какъ пчелы; вездѣ носилась смерть. Можно было быть убиту на гуляньѣ, у окна, переходя изъ улицы въ улицу, сидя въ кругу мирнаго семейства, за столомъ, за стаканомъ мороженаго...... Опасность была одинакова для обѣихъ сторонъ. Многіе изъ французскихъ

Продолжая отступать изъ Дрездена, приблизились мы къ окрестностямъ Бауцена. Тутъ войски остановились въ намѣреніи ожидать Французовъ, чтобъ снова вступить съ ними въ бой. Государь остановился при войскахъ, а я поѣхалъ въ городокъ Герлицы (имя испорченное изъ славенскаго слова *Горълицы*). Мнѣ отвели прекрасный домъ. На одной половинѣ, въ трехъ чистыхъ комнатахъ жилъ я; а на другой — хозяинъ, здѣшній гражданинъ, человѣкъ очень добрый, съ женою, уже не молодою, но также весьма доброю и ласковою женщиною. Они полюбили меня: поили, кормили, возили прогуливаться и всячески за мною ухаживали; а о заплатѣ за то не хотѣли и слышать, такъ что я не зналъ ничѣмъ инымъ изъявить имъ мою благодарность, какъ только щедрою наградою прислуживавшихъ мнѣ человѣка ихъ и дѣвки. Въ первые дни я занемогъ и очень опасался, чтобъ болѣзнь моя не усилилась до невозможности выѣхать отселѣ. Хозяйка, сама слабаго здоровья женщина, лѣчила меня мятнымъ чаемъ и какими-то своими каплями. Не знаю, отъ нихъ ли, нѣтъ ли, но, благодаря Бога, мнѣ сдѣлалось легче. Въ смежности съ моими комнатами былъ маленькій, украшенный картинками, чистинькій кабинетецъ, съ однимъ окошкомъ, къ которому придѣлана была гладкая площадка, вся по бокамъ уставленная розами и лилеями. Изъ сего окна, черезъ небольшой но пріятный садикъ, зрѣніе далеко простиралось, и представлялся прелестнѣйшій видъ, такъ что я часто, по цѣлымъ часамъ, сиживалъ съ книгою въ рукахъ въ сей уютной горинкѣ, провождая время съ великимъ наслажденіемъ ума и очей. По вечерамъ, почти каждый день, навѣщали меня живущіе здѣсь, по тѣмъ же какъ и я причинамъ, господа: Олопеусъ, Комнено, Биллеръ и нѣкоторые другіе чиновники. Однажды Биллеръ, видавшійся часто съ моимъ хозяиномъ, сказалъ мнѣ, что у него, здѣсь же въ городѣ, есть еще другой прекрасный домъ и садъ. Онъ такъ расхвалилъ мнѣ ихъ, что возбудилъ во мнѣ любопытство побывать тамъ. Увидясь съ хозяиномъ, я пересказалъ ему это и просилъ, чтобъ онъ свозилъ меня туда; но весьма удивился, что онъ обѣщалъ мнѣ это съ нѣкоторымъ смущеніемъ и какъ бы неохотно. Я скоро узналъ тому причину. На другой день, Биллеръ пришелъ ко мнѣ и говоритъ: — „Хозяинъ вашъ горюетъ,

---

офицеровъ, подходившіе на линію выстрѣловъ, упадали мертвые къ ногамъ своихъ красавицъ. Музыка мѣшалась съ пальбою; стоны умирающихъ — съ пѣснями веселящихся; жизнь — съ смертью. Многіе граждане, даже женщины и дѣти были ранены. Вотъ въ какомъ состояніи была прелестная столица Саксоніи."

и хозяйка въ слезахъ." — „Отъ чего?" спросилъ я. — „Отъ того," отвѣчалъ онъ," что вы сбираетесь ѣхать къ нимъ въ тотъ домъ: тамъ у него много хорошихъ картинъ и другихъ рѣдкихъ вещей и украшеній; они думаютъ, что вы туда переѣдете жить и всѣ сіи вещи возьмете себѣ." — Я захохоталъ и просилъ его увѣрить ихъ, что я не Французъ, не хочу и не могу сдѣлать сего, и чтобъ они подобнаго оскорбительнаго для меня страха отнюдь не имѣли. Послѣ сихъ объясненій, хозяинъ пришелъ ко мнѣ, извинялся передо мною и повезъ меня туда въ коляскѣ, запряженной двумя прекрасными лошадьми. Возвращаясь оттуда, я похвалилъ его лошадей. Онъ сказалъ мнѣ: — „Купите у меня ихъ: я вамъ продамъ за бездѣлицу; или возьмите даромъ." — Я отказался и отъ покупки и отъ подаренія; но между тѣмъ спросилъ у него, почему онъ мнѣ это предлагаетъ? — Онъ отвѣчалъ: — „Ежели Французы придутъ сюда, они у меня навѣрное ихъ отнимутъ, такъ пусть онѣ достанутся лучше тому, кого мы полюбили, и кому не жалѣемъ отдать." — Я поблагодарилъ его за доброе мнѣніе обо мнѣ и старался сколько можно боязнь его успокоить, говоря, что можетъ сего и не случится. Въ другой разъ, возилъ онъ меня на одну, лежащую въ трехъ верстахъ отселѣ, высокую гору, называемую *Ландсъ-кронъ*. Часъ цѣлый шелъ я на нее, и очень усталъ. Видъ съ нея чрезвычайный: съ одной стороны синѣющіеся вдалекѣ Богемскія горы; а съ другой, — верстъ на пятьдесятъ кругомъ, пестрѣютъ разные города, деревни, поля и лѣса. Мнѣ хотѣлось было также съѣздить и къ Гернгутерамъ: городъ ихъ отстоитъ отселѣ верстахъ въ тридцати [1]; но побоялся, чтобъ не случилось въ это время какой-либо скорой тревоги. Пребываніе мое въ Герлицахъ продолжалось около двухъ недѣль. Сначала слышны были нѣкоторыя перепалки; а потомъ все затихло и умолкло, такъ что мы какъ будто и далеки стали отъ ратнаго поля [2]. Но вдругъ, въ одинъ день, загрохотали громы, заревѣли пушки, и мы почувствовали, что началось сраженіе между войсками [3]. Громъ день цѣлый не умолкалъ и ввечеру, когда уже

---

[1] Въ мѣстечкѣ Гернгутъ, основанномъ гр. Цинцендорфомъ, нашли убѣжище, въ 1722 г., гонимые отовсюду моравскіе братья, которые, по имени селенія, и сами стали называться гернгутерами.

[2] „Недавно одержанная Барклаемъ надъ частью французскихъ войскъ побѣда, и проведенные чрезъ здѣшній городъ человѣкъ до семи сотъ плѣнныхъ, нѣсколько насъ порадовали; но главное сраженіе было еще впереди" (Рукопись 1818). — Выигранное Барклаемъ сраженіе, о которомъ здѣсь упоминается, происходило при Кенигсвартѣ, 7-го мая.

[3] Бауценское сраженіе, 8-го и 9-го мая.

смерклось, еще былъ слышанъ. Мы съ хозяиномъ пошли въ это время за городъ и видѣли, въ разныхъ мѣстахъ, заревы горящихъ селъ и деревень. Возвратясь домой, я велѣлъ, чтобъ коляски наши были готовы; однакожъ, не ожидая никакой скорой тревоги, легъ спать. Поутру рано будятъ меня и говорятъ, что государь со всею свитою проѣхалъ уже черезъ городъ, и непріятель въ него вступаетъ. Я вскочилъ; бросился въ коляску и, оставя хозяевъ своихъ въ горѣ и слезахъ, ну скорѣе скакать!

Въ продолженіе дальнѣйшихъ отступленій нашихъ, были въ разныхъ мѣстахъ многія частныя съ непріятелемъ битвы, описанныя въ разныхъ сочиненіяхъ, а потому и пропускаемыя мною, безъ упоминанія объ нихъ. Со мною же ничего особеннаго не происходило, кромѣ сопровождавшихъ меня иногда скучныхъ мыслей, видѣть непріятеля своего, шествующаго по слѣдамъ нашимъ торжественными стопами. Привычка, послѣ совершеннаго разгромленія войскъ его въ Россіи, воображать силы его ничтожными, дѣлала сіе гордое движеніе его несноснымъ. По прибытіи, въ маѣ мѣсяцѣ, главной квартеры въ саксонскій городокъ, Рейхенбахъ, приказано мнѣ было написать бумагу: *войскамъ нашимъ*, содержащую въ себѣ благодарность имъ за бывшее при Бауценѣ, или Будисинѣ*), храброе противъ превосходнѣйшихъ силъ сраженіе (см. въ Собран. маниф., стран. 135)[1].

Напослѣдокъ сдѣлалось перемиріе[2]. Мы уклонились въ Силезію, въ мѣстечко, называемое Петерсвальдау. Государь жилъ въ господскомъ, довольно огромномъ домѣ, съ обширнымъ при немъ, но запустѣвшимъ садомъ. Намъ съ Балашовымъ отвели обывательскую избу (ибо иныхъ домовъ тамъ не было). Мы жили въ двухъ маленькихъ горницахъ, — онъ внизу, а я вверху, — часто, а особливо въ ненастную погоду, провождая время скучнымъ образомъ. Балашовъ на время отлучался отселѣ. Въ уединеніи моемъ, посѣщалъ меня иногда пріѣзжавшій сюда виртембергскій герцогъ Павелъ, отецъ великой нашей княгини Елены Павловны,

*) Почти всѣ названія нѣмецкихъ городовъ и мѣстечекъ суть исковерканныя славенскія имена. Имя Бауценъ испорчено изъ Будисынъ. Въ историческомъ описаніи сего мѣстечка повѣствуется, что первоначальный построитель онаго далъ ему имя сіе, значащее на славенскомъ языкѣ буди сынъ, по той причинѣ, что жена его въ это время была брюхата, и онъ желалъ, чтобъ она родила сына.

[1]) См. Приложеніе XLII.

[2]) Перемиріе было заключено 23-го мая, сначала по 8-ое іюля, а потомъ продолжено по 4-ое августа.

бывшей тогда еще въ дѣвицахъ [1]). Не имѣвъ долго случая докладывать государю о накопившихся у меня дѣлахъ, началъ я ходить къ нему съ докладами. Однажды, по полученіи извѣстія о смерти президента Россійской Академіи Нартова [2]), донеся о томъ, сказалъ я ему, что я охотно принялъ бы на себя сіе званіе, еслибъ это мое желаніе не противно было волѣ его величества. Государь весьма для меня лестно и милостиво отозвался, что онъ *со свѣчкою не сыщетъ лучшаго человѣка,* и приказалъ заготовить указъ, который тогда же и подписалъ [3]). Между тѣмъ, продолжая часто ходить съ докладами, я не могъ надивиться скучному, уединенному и, какъ мнѣ казалось, несносному образу жизни государя императора. Въ пустомъ, огромномъ домѣ, жили они только двое: графъ Толстой — въ одномъ, а государь — въ другомъ, далекомъ отъ него углу. Передъ окнами кабинета его, гдѣ онъ цѣлые дни, всегда почти одинъ, препровождалъ, находился обширный, запустѣвшій садъ съ грязнымъ, покрытымъ тиною прудомъ, въ которомъ по вечерамъ, довольно длиннымъ и темнымъ, безпрестанно квакали лягушки, такъ что всякій разъ, когда, сидя одинъ со свѣчкою, передъ его кабинетомъ, дожидался я иногда болѣе часа, покуда онъ позоветъ, находилъ на меня въ этой пустотѣ комнатъ, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе. Приведя къ окончанію нужнѣйшіе изъ моихъ докладовъ, попросился я съѣздить въ Карлсбадъ. Сперва государь не охотно на то соглашался; но когда я сказалъ ему, что чувствую себя очень нездоровымъ, и что постараюсь

---

[1]) Будущей русской великой княгинѣ было тогда всего шесть лѣтъ; за вел. кн. Михаила Павловича вышла она за-мужъ въ 1824 г.. Отецъ ея былъ младшій сынъ короля Фридриха I.

[2]) Андрей Андреевичъ Нартовъ умеръ 2-го апрѣля 1813 г.; званіе президента россійской академіи носилъ съ 29 мая 1801 г.; онъ былъ также предсѣдателемъ вольнаго экономическаго общества; въ послѣднемъ замѣстилъ его митрополитъ римскихъ церквей въ Россіи, Сестренцевичъ Богушъ.

[3]) 29-го мая. — Гр. Хвостовъ, въ письмѣ къ (митрополиту) Евгенію (Сборникъ статей, читанныхъ въ Отд. русск. яз. и словесн. имп. акад наукъ, т. V, вып. 1-й, стр 147, письмо отъ 24 іюня 1813 г.), не вѣрно передаетъ обстоятельства назначенія Шишкова; онъ пишетъ: „Догадка моя совершилась. Шишковъ — президентъ и очень блистательнымъ образомъ. Министръ представлялъ нѣкоторыхъ членовъ кандидатами на утвержденіе государя съ тѣмъ, чтобы изъ оныхъ выборъ президента предоставить академіи. Государь пожаловалъ Шишкова въ то самое время, когда сей послѣдній былъ въ отлучкѣ отъ главной квартиры, находясь у водъ. Онъ уже пишетъ къ Соколову (секретарю академіи), возвратясь въ Петерсварденъ (Петерсвальдау), чтобы къ нему присылали всѣ по академіи бумаги."

какъ можно скорѣе возвратиться, то онъ дозволилъ, и я немедленно отправился.

По пріѣздѣ моемъ въ Карлсбадъ, нашелъ я тамъ многихъ изъ нашихъ русскихъ, а имянно: Анну Степановну Протасову [1]), графа Милорадовича [2]), Волхонскаго, Орлова [3]) и нѣкоторыхъ другихъ. Вскорѣ туда жъ пріѣхали великія наши княгини Екатерина Павловна и Марія Павловна [4]). Онѣ часто приглашали насъ къ своему столу; а мы, сложась, дали имъ великолѣпный балъ [5]). Въ одинъ день, Екатерина Павловна, послѣ обѣда, отозвала меня къ сторонѣ и сказала слѣдующее: — „Я знаю, что вы въ прошедшемъ году, въ Дрисѣ, писали къ государю письмо, по которому онъ рѣшился оставить войски и поѣхалъ въ Москву. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, дайте прочитать это письмо.“ — Я крайне удивился, откуда она это узнала, и съ нѣкоторымъ смущеніемъ отвѣчалъ ей: — „Государыня! вы вводите меня въ великое затрудненіе. Отказать вамъ я не могу; но между тѣмъ примѣчаю, что государь императоръ никогда о томъ не говоритъ и повидимому не хочетъ, чтобъ это было кому нибудь извѣстно. Письма сего никто, кромѣ меня, не имѣетъ. И такъ если онъ какимъ нибудь образомъ о семъ узнаетъ, то будетъ имѣть причину отнести нескромность сію прямо ко мнѣ и на меня прогнѣваться.“ — „Не опасайтеесь,“ продолжала она, „я даю вамъ вѣрное слово никому о томъ не сказывать.“ — Послѣ сего принужденъ я былъ обѣщать ей, и она позвала меня на другой день опять къ себѣ обѣдать, сказавъ, чтобъ я пришелъ поранѣе, и что у ней никого, выключая меня, не будетъ. Я въ назначенный часъ явился. Она позвала меня въ кабинетъ свой, и я прочиталъ ей упоминаемое письмо. Когда я кончилъ и взглянулъ на нее, то увидѣлъ, что она вся въ слезахъ. — „Я,“ сказала она, „просила васъ прежде только прочитать; а теперь усильно прошу дать мнѣ оное списать. Будьте увѣрены, что оно сохранится у меня въ совершенномъ таинствѣ. Пожертвуй для меня нѣкоторою скукою посидѣть здѣсь, покуда я своею рукою спишу его, и свое оставлю у себя, а ваше

---

[1]) Каммеръ-фрейлина, получившая титулъ графини, 15 сентября 1801 г., одновременно съ матерью столь извѣстнаго потомъ гр. Николая Александровича, Варварой Алексѣевной. Анна Степановна умерла 12 апр. 1826 г..

[2]) Ген. отъ инф. гр. Михаилъ Андреевичъ.

[3]) Алексѣй Өедоровичъ, впослѣдствіи графъ и князь.

[4]) Герцогиня Веймарская.

[5]) Праздникъ этотъ былъ данъ въ Петровъ день; описаніе его находится въ Carlsbads Memorabilien (стр. 187—193).

вамъ возвращу. Вы сдѣлаете мнѣ величайшее одолженіе, если, положась на вѣрность моего слова, мнѣ въ томъ не откажете." — Не могши воспротивиться толь убѣдительной просьбѣ, я оставилъ у ней свое письмо и, чтобъ не мѣшать ей, вышелъ изъ ея кабинета въ другую комнату. Она тотчасъ принялась списывать; и когда окончила, то, позвавъ меня, показала мнѣ своеручный списокъ и, по изъявленіи благодарности, возвратила мнѣ мой подлинникъ съ новымъ увѣреніемъ, что никто о томъ знать не будетъ.*) Съ тѣхъ поръ, въ обращеніи со мною, всегда оказывала она отличное ко мнѣ уваженіе.

Употребленіе водъ, во время пребыванія моего въ Карлсбадѣ, не облегчило ни мало тѣхъ припадковъ, какими я часто страдалъ, и потому, особливо же давъ слово государю не долго быть въ отсутствіи, спѣшилъ я возвратиться въ Петерсвальдау, гдѣ продолжалъ жизнь свою по-прежнему.

Напослѣдокъ, бывшій въ Прагѣ конгресъ разрушился; перемиріе кончилось; и военныя дѣйствія долженствовали снова возгремѣть. Силы наши умножились: австрійскій императоръ вступилъ съ нами въ союзъ и объявилъ войну Французамъ. Государь отправился въ Прагу. Я послѣдовалъ за нимъ; но едва успѣлъ выѣхать, какъ принужденъ былъ остановиться, по причинѣ почувствованія сильной головной боли. Черезъ ночь стало мнѣ получше, и я продолжалъ путь. По пріѣздѣ въ Прагу (августа 3 числа), отвели мнѣ покои во дворцѣ. На другой день былъ я у государя, у великихъ нашихъ княгинь, недавно сюда прибывшихъ; и приглашенъ былъ на обѣдъ къ австрійскому императору. Сюда пріѣхалъ изъ Америки, сосланный туда Наполеономъ, вмѣстѣ и сотоварищъ его и соперникъ, извѣстный французскій генералъ Моро[2]), воевавшій нѣкогда противъ Суворова и побѣжденный имъ. Онъ принятъ былъ съ великою и, можно сказать, излишнею честью: россійскій императоръ и король прусскій, какъ скоро услы-

*) Она не могла предвидѣть, что въ послѣдствіе времени слово ея не исполнится. По смерти ея, послѣдовавшей спустя немногіе годы[1]), всѣ оставшіяся послѣ ней бумаги, въ томъ числѣ и сей съ письма моего списокъ, запечатаны были и присланы къ государю. Онъ безсомнѣнія видѣлъ его, но никогда меня о томъ не спросилъ, изъ чего я заключаю, что онъ полагалъ меня сообщившимъ ей оное.

[1]) 28 дек. 1818 г..

[2]) Замѣшанный въ извѣстный заговоръ Кадудаля и Пишегрю (1804), Моро былъ осужденъ на двухлѣтнее тюремное заключеніе, замѣненное ссылкой. Онъ отправился въ Соединенные Штаты, гдѣ прожилъ около девяти лѣтъ.

шали о его прибытіи, тотчасъ поѣхали къ нему съ поклономъ и поздравленіемъ *).

Мы пробыли здѣсь не долѣе двухъ дней, и всѣ отправились подъ Дрезденъ, гдѣ Наполеонъ съ главною частью войскъ своихъ пребывалъ. Я поѣхалъ вскорѣ за государемъ и нашелъ его въ Кометау **), но въ самое то время, когда онъ выѣзжалъ уже изъ него. Положеніе мое сдѣлалось опять затруднительно: я не имѣлъ никакого приказанія, куда ѣхать, гдѣ быть, — и долженъ былъ самъ собою распоряжать, зная навѣрное, что ни въ какомъ случаѣ

*) Моро конечно былъ искусный и храбрый полководецъ. Онъ съ Наполеономъ раздѣлялъ народное о нихъ мнѣніе и славу, домогаясь вѣроятно также получить верховную власть; и, можетъ быть, будучи лучшей нравственности, получа оную, не былъ бы такимъ, какъ тотъ, кровожаждущимъ для возвышенія своего извергомъ; однакожъ онъ вмѣстѣ съ нимъ предводительствовалъ революціонными войсками, и если теперь противъ него, то это не по намѣренію видѣть отечество свое управляемое по-прежнему наслѣдіемъ законныхъ государей (ибо прежде не имѣлъ сего намѣренія), но единственно по оскорбленію отъ него и личной съ нимъ враждѣ. И такъ, мнѣ кажется, не было приличія двумъ самодержавнымъ главамъ тотчасъ поскакать къ нему, какъ бы къ нѣкоему превышающему всѣхъ, или съ небесъ ниспосланному существу. Полководцамъ нашимъ, несравненно славнѣйшимъ его, Румянцову, Суворову, Кутузову, не было никогда оказано подобной чести. Если не своя, то народная гордость не долженствовала бы до сего допустить. Имѣть уваженіе къ достоинствамъ хорошо, но съ нѣкоторымъ приличіемъ. Екатерина Великая умѣла цѣнить ихъ, но безъ уничиженія себя и народа своего.

**) Мѣстечко на богемской границѣ, верстахъ въ осьмидесяти отъ Дрездена. Имя сіе испорчено изъ славенскаго, какъ то можно видѣть изъ надписи: Homutovo (т. е. Хомутово), начертанной на воротахъ онаго [1]).

[1]) Хомутовъ давно потерянный для славянства городъ. Всюду люди, — въ Хомутовѣ Нѣмцы (Všude lidé, v Chomútově Němci), говорятъ и теперь Чехи, повторяя старинную поговорку, сложившуюся еще въ то время, когда на ихъ землѣ только въ одномъ Хомутовѣ судъ и расправа творились на нѣмецкомъ языкѣ. Совершилось это, въ XIII вѣкѣ, вліяніемъ Нѣмецкихъ рыцарей, которымъ мѣстный владѣлецъ подарилъ Хомутовъ съ окрестными деревнями. Орденъ основалъ здѣсь командорство, исчезнувшее во время гусситскихъ войнъ. — Въ примѣчаніи, на страницѣ 145 „Краткихъ Записокъ“ (изд. 2-ое), сказано: „Я уже выше сказалъ, что нынѣшнія названія многихъ нѣмецкихъ городовъ и мѣстечекъ суть имена искаженныя изъ славенскихъ словъ, какъ-то: изъ Хомутовъ — Кометау, изъ Липецка — Лейпцигъ, изъ слова прагъ (въ смыслѣ обитанія, жительства) — Прага, изъ Кралевъ-градецъ — Кенигъ-гретцъ, изъ Болеславъ — Бунслау, изъ Бориславъ — Бреслау, изъ Будисынъ — Будисинъ или Бауценъ, и проч..“ Въ объясненіи названій Праги и Будисина (см. выше), Шишковъ руководствовался авторитетомъ чешскаго ученаго Гаека (Hajek), съ гадательными объясненіями котораго многіе другіе изслѣдователи не согласны.

никто меня ни о чемъ не увѣдомитъ. Сначала рѣшился я остаться здѣсь, въ томъ предположеніи, чтобъ ожидать слуховъ, чѣмъ кончится сраженіе подъ Дрезденомъ, дабы потому расположиться куда ѣхать; но графъ Платовъ пришелъ ко мнѣ и уговорилъ меня продолжать путь. Онъ далъ мнѣ въ провожатые двухъ козаковъ; и я поѣхалъ за нимъ вслѣдъ. Почти всю ночь тащился я по горамъ, по лѣсамъ, въ проливной дождь, того только и ожидая, что гдѣ нибудь сломлю себѣ голову. Наконецъ, переѣхавъ верстъ около тридцати, добрался гораздо уже за полночь до саксонскаго мѣстечка, называемаго Маріенбергъ. Мѣстечко сіе набито было и генералами, и офицерами, и солдатами всѣхъ союзныхъ войскъ, такъ что я принужденъ былъ часа три стоять на улицѣ, покуда добился, что отыскали и пустили меня въ одинъ никѣмъ незанятый домъ. Поутру проснулся я, чувствуя себя не очень здоровымъ и при томъ скучнымъ, какъ отъ худой погоды, такъ и отъ непріятныхъ моихъ обстоятельствъ, не зная гдѣ мнѣ быть и куда еще ѣхать. Въ задумчивости о семъ, подошелъ я къ окошку и увидѣлъ высокое и прекрасное вишневое дерево, осыпанное зрѣлыми ягодами, и такъ близко отъ окна, что, высунувъ изъ него руку, можно было нарвать ихъ сколько угодно. Мнѣ очень захотѣлось поѣсть ихъ, тѣмъ больше, что время имъ прошло, и уже нигдѣ ихъ не продавали. Однакожъ я посовѣстился рвать ихъ и ни къ одной изъ нихъ не прикоснулся. Между тѣмъ дѣвка приноситъ ко мнѣ кофій. Я спрашиваю у ней, нельзя ли гдѣ купить здѣсь вишенъ? Она, усмѣхнувшись, отвѣчаетъ, что теперь ужъ поздо, и нигдѣ ихъ не продаютъ. Часа черезъ два потомъ, приходитъ ко мнѣ хозяинъ и приноситъ полное блюдо вишенъ. Я догадался, что дѣвка пересказала ему вопросъ мой и не хотѣлъ принять, отговариваясь тѣмъ, что безсомнѣнія сорвалъ онъ ихъ съ этого дерева, которое повидимому для какой нибудь надобности сохраняетъ. — „Не я,“ отвѣчалъ онъ, „но жена моя до нихъ охотница: и это свое любимое дерево холитъ и бережетъ какъ глаза, чтобъ въ то время снимать съ него ягоды, когда онѣ нальются самымъ зрѣлымъ сокомъ и въ другихъ мѣстахъ станутъ проходить.“ — „Тѣмъ меньше,“ сказалъ я, „можно мнѣ на то согласиться, что вы для меня отнимаете удовольствіе у вашей супруги.“ — Однакожъ онъ сталъ меня усильно просить, сказывая, что она сама его послала, и что для ней много еще остается. Напослѣдокъ я съ великою благодарностью ихъ принялъ; половину съѣлъ, а другую оставилъ. На другой день, проснулся поутру и пошелъ взглянуть на прекрасное дерево; но какъ уди-

вился, увидя, что не только нѣтъ на немъ ни одной ягодки, но и сучья всѣ поломаны. Тажъ дѣвка приноситъ ко мнѣ кофій, и я спрашиваю у ней: какимъ образомъ это сдѣлалось? Она сказываетъ, что проходившіе и ночевавшіе здѣсь австрійскіе солдаты рано поутру напали на него смѣлѣе чѣмъ на непріятеля и такъ его изуродовали. Я позвалъ хозяина: изъявилъ мое сожалѣніе и хотѣлъ отдать ему назадъ оставшуюся у меня половину вишенъ; но онъ никакъ на то не согласился. Такимъ образомъ, мы вмѣстѣ съ нимъ потужили, погоревали и побранили сихъ хищныхъ вороновъ, которые невинныхъ жителей разоряютъ и грабятъ безъ пощады. Покрытое черными тучами небо, худость моего состоянія и здоровья, уединеніе, скука и это, хотя и малое, но непріятное приключеніе — погрузили меня въ мрачныя мысли: сколько (размышлялъ я, ходя взадъ и впередъ по комнатамъ), сколько золъ и бѣдствій человѣческому роду приключаетъ война! Теперь къ Дрездену и къ окрестностямъ его стеклись многія тысячи войскъ. Съ утра до вечера тянутся туда тяжелыя повозки, влекомыя четырьмя или шестью лошадями. Вся эта громада людей и животныхъ тащится усталая, голодная, по худымъ, грязнымъ дорогамъ, по крутымъ горамъ, по тѣснымъ ущеліямъ, тогда какъ на нее безпрестанно льютъ дожди, и цѣлую половину сутокъ покрываютъ ее сырыя, темныя ночи. Бѣдные жители видятъ у себя не только всѣ поля потоптанными, но и домы свои расхищаемыми. Кто сіи грабители? — чуждые къ нимъ пришельцы, воины! Но они, приключая другимъ зло, сами благоденствуютъ ли? — нѣтъ! они столько же, или еще больше терпятъ: стянутые, навьюченные, обремененные оружіемъ, бредутъ въ знойныя времена, высуня языкъ, въ ненастныя, — промокшіе до костей, верстъ по тридцати въ день; часто спятъ на голой землѣ, подъ открытымъ небомъ; и кудажъ, послѣ изнурительныхъ и тяжелыхъ трудовъ, приходятъ? къ покою и отдохновенію что-ли? — нѣтъ! къ дракѣ, гдѣ имъ должно стоять противъ ядръ и пуль, колоться, рѣзаться, рубиться, сами не зная за что. О люди! люди! въ какое бѣдствіе вы сами себя ввергаете! Вы называетесь христіанами, — но если бы святая вѣра владычествовала въ умахъ и сердцахъ вашихъ, вы бы, для общаго всѣхъ благополучія, старались одинъ другому помогать, а не истреблять другъ друга! Такъ размышлялъ я, и утомленный мыслями легъ въ постелю.

Между тѣмъ всѣ отсюду ускакали, и мѣстечко сіе совершенно опустѣло. Я, долго самъ съ собою боровшись, напослѣдокъ рѣшился остаться въ немъ. Многія причины меня къ тому по-

буждали. Во-первыхъ, я опасался ѣхать далѣе, видя столько дней сряду проливныхъ дождей и проѣхавшихъ мимо насъ обозовъ. Если паче чаянія, думалъ я, войски наши не устоятъ подъ Дрезденомъ, то мнѣ надобно будетъ по грязной дорогѣ, загроможденной обозами, скакать назадъ; отчего или лошади мои устать, или коляска изломаться можетъ. Во-вторыхъ, здѣсь въ Маріенбергѣ оставались съ гофъ-фурьеромъ придворныя коляски, при которыхъ, для охраненія ихъ, находился козачій полковникъ съ ротою козаковъ, служившихъ и мнѣ надежною обороною. Наконецъ въ-третьихъ, здоровье мое было такъ слабо, что я боялся еще болѣе занемочь. По всѣмъ симъ причинамъ, разсудилъ я за лучшее остаться здѣсь, хотя и въ крайней скукѣ, ожидать развязки предстоящей битвы. На третій день, приходитъ ко мнѣ хозяинъ мой и говоритъ, что, передъ входомъ войскъ нашихъ въ сіе мѣстечко, находилось здѣсь человѣкъ до четырехъ сотъ Поляковъ, которые въ это время разбѣжались, и многіе изъ нихъ, не имѣя чѣмъ себя прокормить, скитаются въ окрестности по лѣсамъ; что въ прошедшую ночь, неподалеку отселѣ, выбѣжали они изъ лѣсу вооруженные и напали на проѣзжающихъ обывателей, которыхъ ограбили и отняли у нихъ всѣ съѣстные припасы. При семъ разсказѣ, изъявилъ онъ опасеніе, чтобъ они ночью не забѣжали сюда и не сдѣлали того же съ нами, потому что, для охраненія придворныхъ колясокъ, находятся здѣсь только четыре козака, а прочіе стоятъ въ окружности, по деревнямъ, отдаленнымъ отселѣ версты на три, на четыре и болѣе. Въ слѣдствіе сего, послалъ я тотчасъ попросить къ себѣ полковника ихъ Ефремова и пересказалъ ему слышанное мною. Онъ въ тотъ же день перевелъ сюда человѣкъ до пятидесяти козаковъ и съ тѣхъ поръ приходилъ ко мнѣ всякое утро съ донесеніемъ о своихъ распоряженіяхъ, и спрашивалъ моихъ приказаній, словно какъ бы состоялъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ. Это приносило мнѣ, по крайней мѣрѣ, ту отраду, что я почиталъ себя огражденнымъ отъ нечаяннаго приближенія и набѣговъ непріятельскихъ. Но и сіе единственное мое утѣшеніе чуть было не разрушилось: гофъ-фурьеръ, не получая долго никакихъ повелѣній, и опасаясь быть еще долѣе въ отдаленности отъ главной квартеры, вздумалъ съ придворными своими колясками ѣхать туда. Сколько я ни уговаривалъ его остаться здѣсь, до полученія извѣстій; но онъ боялся больше брюжжаній графа Толстого, нежели предстоящихъ ему опасностей*). До него мнѣ было мало нужды; но полковникъ

*) Полковникъ Ефремовъ поступилъ по старому екатерининскому, а гофъ-

Ефремовъ съ козаками своими долженъ былъ слѣдовать за нимъ, и это наводило мнѣ крайнее безпокойство. По счастію, пронеслись хотя невѣрные слухи, что подъ Дрезденомъ двои сутки продолжалась сильная пальба [1]), но что конецъ сраженія неизвѣстенъ. Это удержало на время гофъ-фурьера отъ исполненія своихъ намѣреній. Скоро послѣ того, хозяинъ мой увѣдомилъ меня, что пріѣхавшая сейчасъ изъ деревни женщина сказываетъ, что она видѣла Французовъ не далѣе какъ мили за три отселѣ. Вѣсть сія весьма меня потревожила и тѣмъ болѣе, что не вѣрить ей опасно, а повѣрить и располагать себя по ней — могло быть скоропостижно и опрометчиво. Однакожъ я послалъ за козачьимъ полковникомъ. Онъ обнадежилъ меня, что разставитъ по дорогѣ козаковъ, которые, въ случаѣ приближенія непріятеля, дадутъ заблаговременно знать. Такимъ образомъ успокоясь, рѣшился я остаться, покуда чего вѣрнѣе не услышимъ. Вскорѣ потомъ стали появляться возвращающіеся назадъ австрійскіе обозы. Это подало мнѣ еще больше сомнѣнія. Подъ вечеръ пришли мнѣ сказать, что пріѣхалъ австрійскій генералъ. Я тотчасъ пошелъ къ нему, велѣлъ о себѣ доложить, и меня пустили. Онъ сидѣлъ и ужиналъ. Голова у него обвязана была платками. Я извинился, что его обезпокоилъ и спросилъ о пребываніи нашихъ войскъ и вообще о происшествіяхъ. Онъ отвѣчалъ, что о нашихъ войскахъ и государѣ ничего не вѣдаетъ, а о своихъ знаетъ только то, что они разбиты, бѣгутъ, и за ними гонятся. — „Не ранены ли вы?“ — спросилъ я. — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ, „но скакавъ сюда въ коляскѣ, по худой чрезвычайно дорогѣ, нѣсколько разъ былъ я опрокинутъ, и разбилъ себѣ всю голову. Въ это самое время, съ растревоженнымъ видомъ, приходитъ ихъ полковникъ. Генералъ потчиваетъ его виномъ, а онъ отвѣчаетъ: — „До вина ли мнѣ теперь?!... Весь мой полкъ загнанъ въ ровъ и взятъ въ плѣнъ. Одинъ я насилу ускакалъ.“ — Видя изъ разговоровъ ихъ, что пріѣхавшая женщина сказала правду, я спѣшилъ отъ нихъ уйти; послалъ увѣдомить о томъ гофъ-фурьера и велѣлъ, чтобъ лошади были готовы. Но какъ, за темнотою ночи, выѣхать было не можно, то принужденъ я былъ, хотя и со страхомъ, остаться до утра. Поутру приходитъ ко мнѣ козачій полковникъ и говоритъ, что не худо отселѣ уѣхать. Я тотчасъ велѣлъ заложить лошадей, сѣлъ въ коляску и отпра-

---

фурьеръ — по новому порядку службы, въ которомъ служащій прапорщикъ во всякомъ случаѣ можетъ не послушаться отставного, хотя бы фельдмаршала.

---

[1]) 14 и 15 августа.

вился вмѣстѣ съ придворными повозками и козаками. Французы (какъ слышно), черезъ два часа послѣ насъ вошли въ Маріенбергъ *).

Между тѣмъ мы пріѣхали въ Кометау, и какъ лошади наши устали, то мы расположились тутъ ночевать. По дорогѣ видѣли вездѣ смятеніе: всякъ, кто имѣлъ у себя что нибудь, укладывался и сбирался уѣхать изъ своего жилища. Въ Кометау нашли мы тужъ тревогу. Но со всѣмъ тѣмъ никто не умѣлъ намъ сказать о положеніи нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Говорили только, что Французы идутъ къ Теплицамъ. Это, не зная гдѣ наши войски, навело намъ опять новое опасеніе попасть къ непріятелю въ руки; потому что Теплицы, хотя были и въ сторонѣ, но впереди насъ, такъ что дорога ѣхать въ Лаунъ, отстоящій отъ Кометау въ четырехъ нѣмецкихъ миляхъ, вела близко къ нимъ и подвергала насъ страху повстрѣчаться съ Французами. Однакожъ нечего было дѣлать: надлежало пробираться въ Прагу. На другой день поутру, собираясь ѣхать изъ Кометау, пошелъ я пройтиться по улицѣ и вижу скачущаго верхомъ мимо меня русскаго офицера. Я остановилъ его и спросилъ, не знаетъ-ли онъ, гдѣ наша главная квартера? Онъ отвѣчалъ мнѣ: въ Лаунѣ; государь и всѣ войски тамъ. Можно себѣ представить мое удивленіе: ѣдучи за нею къ Дрездену, я остановился въ Маріенбергѣ, слишкомъ въ пятидесяти верстахъ позади ея; жилъ тамъ нѣсколько дней, ничего не вѣдая; отъѣхалъ оттуда тридцать верстъ назадъ, считая себя еще больше отдалившимся отъ ней; и вдругъ слышу, что она въ Лаунѣ, то есть тридцать верстъ позади меня! Вотъ какъ надежно и безопасно ѣздить за нею!.... При выѣздѣ изъ Кометау, хотя слухи о близости непріятеля и тревожили насъ, однакожъ не случилось съ нами ничего непріятнаго, выключая, что въ одномъ мѣстѣ, равняясь противъ Теплицъ и опасаясь наѣхать на Французовъ, напротивъ наѣхали на австрійскихъ солдатъ, которые съ ружьями и во всемъ воинскомъ одѣяніи лежали, раскидавшись версты на двѣ по дорогѣ, и всѣ, какъ убитые, спали мертвымъ сномъ. Мы съ немалымъ трудомъ должны были объѣзжать ихъ стороною. По прибытіи въ Лаунъ (августа 17 дня), узналъ я, что главная квартера здѣсь, но государь уѣхалъ въ Теплицы, гдѣ при деревнѣ, называемой *Кульма*, происходило сраженіе [1]), въ

*) Балашовъ, увидясь послѣ со мною, сказывалъ мнѣ, что онъ въ это время отправилъ къ намъ офицера съ козакомъ; но Французы на дорогѣ захватили ихъ: офицера взяли въ плѣнъ, а козака изъ подлой мести убили. Гофъ-фурьеру, еслибъ онъ поѣхалъ, не миновать бы тогоже.

[1]) 17 и 18 августа.

которомъ гвардія наша увѣнчалась безсмертною славою. Французскій полководецъ Вандамъ шелъ съ сильнымъ корпусомъ прямо на Прагу, но встрѣченный нашими войсками разбитъ и опрокинутъ. Нѣсколько тысячъ рядовыхъ со многими пушками, офицерами, и самъ Вандамъ взяты въ плѣнъ *). Изъ нашихъ нѣкоторые офицеры убиты, иные тяжело ранены. У графа Остермана оторвало ядромъ руку. Особенно Ермолову приписываютъ въ семъ дѣлѣ великую честь. Подобныя же извѣстія получены о побѣдахъ, одержанныхъ въ одной сторонѣ прусскимъ полководцемъ Блюхеромъ, а въ другой — шведскимъ принцемъ Бернадотомъ, гдѣ также, въ обоихъ мѣстахъ, войска наши много участвовали [1]). Такимъ образомъ обстоятельства наши, казавшіяся при отступленіи отъ Дрездена весьма худыми, благодаря Бога, поправились. Мѣстечко Лаунъ такъ наполнено было разныхъ державъ министрами, генералами и всякаго званія чиновными людьми, что я, въѣхавъ въ него, не могъ сыскать ни одного дома для пристанища. Наконецъ графъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ пригласилъ меня къ себѣ: онъ изъ двухъ худыхъ комнатъ, въ которыхъ самъ жилъ, уступилъ мнѣ одну. Отъ него услышалъ я, что, во время сраженія подъ Дрезденомъ, у извѣстнаго (вышеупомянутаго нами) французскаго генерала Моро, тогда какъ онъ стоялъ рядомъ съ государемъ императоромъ, оторвало ядромъ обѣ ноги. Вотъ за чѣмъ человѣкъ спѣшилъ пріѣхать изъ Америки!

Хотя побѣды наши были довольно громки, но какъ это былъ еще не конецъ войны, то я, наскуча безполезнымъ и опаснымъ для меня скитаніемъ съ главною квартерою, гдѣ, при каждомъ сраженіи, надлежало мнѣ отставать отъ ней и подвергаться затруднительнымъ обстоятельствамъ, а притомъ и чувствуя здоровье мое разстроеннымъ, — просилъ государя отпустить меня въ Прагу, гдѣ бы я могъ полѣчиться и пробыть хотя нѣсколько времени въ покоѣ. Долго не имѣлъ я на просьбу мою отвѣта; однако наконецъ получилъ позволеніе. Въ ожиданіи сего продолжалъ я жить въ Лаунѣ (государь же большею частью находился въ Теплицахъ), и не за излишнее считаю пересказать нѣкоторыя видѣнныя мною

*) Счастливо случившаяся побѣда сія была причиною благополучнаго пріѣзда моего въ Лаунъ. Лежавшіе по дорогѣ австрійскіе солдаты повидимому были въ семъ дѣлѣ и утомленные не могли дойти до лучшаго пристанища.

[1]) Въ сраженіи, выиграннымъ Блюхеромъ подъ Кацбахомъ (14 авг.), особенно отличился начальникъ русской кавалеріи, Илларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ. 11 (23) августа, Бернадотъ разбилъ маршала Удино подъ Гросъ-Бэреномъ.

здѣсь приключенія. На третій день пріѣзда моего сюда, пошелъ я прогуливаться по дорогѣ къ Теплицамъ. Вдругъ вижу впереди себя нѣчто необыкновенное: на встрѣчу мнѣ идутъ и ѣдутъ верхами много людей. Посреди сей толпы народа, нѣсколько человѣкъ несутъ носилки подъ балдахиномъ. Шествіе тихое, подобное погребальному. Я сперва не зналъ что такое, но скоро отъ окружавшихъ меня зрителей услышалъ: Моро! Моро! — Я сначала подумалъ, что несутъ тѣло его; ибо, по блѣдности лица, не можно было узнать, живъ ли онъ, или мертвъ; но вскорѣ увидѣлъ, что онъ поднялъ руку и, хватаясь за висячую кисть, какъ будто хотѣлъ приподняться. Добрая о немъ слава, тяжкое страданіе и толь несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ, и вездѣ слышны были ему похвалы. Онъ жилъ послѣ сего только два дни. Тѣло его отвезено въ Петербургъ [1].

Другое зрѣлище было совсѣмъ противное сему. Я также прогуливался по тойже дорогѣ, и вижу, что на встрѣчу мнѣ ѣдетъ коляска, въ которой сидитъ нашъ русскій фельдъегерь, и съ нимъ — французскій генералъ. Тотчасъ всѣ закричали: Вандамъ! Вандамъ! и всѣ побѣжали за нимъ. Любопытство понудило и меня возвратиться назадъ. Лишь только подъѣхалъ онъ къ почтовому двору, какъ вся эта улица заперлась разныхъ чиновъ и званія людьми. Покуда онъ сидѣлъ на почтѣ (что продолжалось около часа), народъ не отходилъ прочь. Я нарочно похаживалъ между кучами людей и слушалъ что говорятъ. Не было человѣка, который не придумывалъ бы ему всякихъ ругательныхъ словъ и названій. Напослѣдокъ фельдъегерь, которому надлежало везти его въ Москву [2]), мужичинище дороднѣе самого Вандама, появился. Лошади были готовы, и коляска подъѣхала къ почтовому двору. Нетерпѣніе народа увидѣть его сдѣлалось живѣе и примѣтнѣе: всѣ стали толпиться къ коляскѣ. Иной говоритъ почталіону: „зачѣмъ не запрягъ ты навозную телѣгу; и той для него много." Другой: „смотри, братъ, вези его тихонько; дай людямъ наплевать ему въ рожу." Третій: „опрокинь его гдѣ нибудь такъ, чтобъ ему голову размозжить." Четвертый: „тебѣ было везти его на свиньяхъ, а не на лошадяхъ." Подобныя рѣчи, съ присовокупленіемъ презрительныхъ насмѣшекъ, безпрестанно твердились.

---

[1]) Моро умеръ 21 авг. (2 сент.).

[2]) Вандамъ былъ возвращенъ изъ плѣна въ 1814 г.

Почталіонъ, шутя и самъ на счетъ его со всѣми, напослѣдокъ взялъ свой рогъ и затрубилъ. Всѣ засмѣялись и закричали: хорошо! хорошо! зови его скорѣе. Тѣ, которые были въ горницѣ съ Вандамомъ, сказывали, что онъ въ это время отъ страха измѣнился въ лицѣ и поблѣднѣлъ; однакожъ скрѣпился и вышелъ, спѣша поскорѣе сѣсть въ коляску. Тутъ окружила его толпа людей. Иной съ горькою и упрекательною насмѣшкою говорилъ ему: „что прикажешь въ Гамбургъ?" другой: „что въ Любекъ?" третій: „что въ Бременъ?" (Города сіи больше всѣхъ другихъ мѣстъ были свидѣтелями и жертвою его грабительствъ и лютостей.) Иной кричалъ ему: „добрый путь въ Сибирь!" Иной: „лови тамъ соболей!" Иной: „копай руду въ Нерчинскѣ." Иной съ гнѣвомъ восклицалъ: „du Tiger!" иной: „du Crocodil!" иной: „du giftige Schlange! (ядовитая змѣя)!" Одинъ, не говоря ни слова, съ яростью скрыпѣлъ на него зубами и показывалъ ему сжатые кулаки. Вандамъ былъ въ чрезвычайной робости, поминутно кланялся на обѣ стороны. Смѣшно было видѣть его, откланивающагося съ трусостью на слова: тигръ! крокодилъ! Наконецъ фельдъегерь принудилъ почталіона скорѣе уѣхать, и народъ мало по малу отсталъ отъ коляски. Сіи два толь разныя зрѣлища доказываютъ, что какая бы ни была участь добраго и худого человѣка, добрый всегда счастливѣе худого: сей и въ счастіи только наружно, а тотъ и въ несчастіи внутренно благополученъ.

Скажу еще о нѣкоемъ случаѣ маловажномъ, но который необычайностью своею меня удивилъ. Въ одинъ прекрасный день, Платовъ позвалъ меня къ зятю своему [1]), стоявшему въ одномъ изъ окрестныхъ селеній, обѣдать. Мы поѣхали въ коляскѣ, сопровождаемые нѣсколькими козаками. Проѣзжая по полю, увидѣли мы стадо слетѣвшихъ куропатокъ. Платовъ велѣлъ козакамъ ловить ихъ. Я разсмѣялся этому, какъ мнѣ казалось, пустому приказанію, не понимая какимъ образомъ человѣкъ на лошади, безъ ружья, можетъ поймать свободно летающую птицу. Козаки поскакали: куропатки перелетѣли на другое мѣсто. Козаки за ними. Куропатки опять летѣть: козаки опять за ними. Я съ удивленіемъ и смѣхомъ смотрѣлъ на эту гоньбу. Чтожъ напослѣдокъ вышло? — Козаки такъ замучили куропатокъ, что послѣдніе перелеты ихъ были только по нѣскольку саженъ; и наконецъ онѣ совсѣмъ подняться не могли: тутъ козаки перебили ихъ своими нагайками.

---

[1]) Изъ двухъ дочерей гр. Платова, старшая, Анна Матвѣевна, была за полковникомъ Харитоновымъ, — младшая, Марія Матвѣевна за ген.-маіор. Грековымъ.

Я сказалъ съ усмѣшкою Платову: — „Отъ козаковъ твоихъ не только Французы уходить, но даже и птицы улетать не могутъ."

Въ бытность мою здѣсь, написаны мною три бумаги. Первая: россійской императорской гвардіи, слѣдующаго содержанія:

„Въ достопамятный день седьмаго на десять числа сего мѣсяца*), храбрые гвардейскіе воины! покрыли вы себя новыми неувядаемыми лаврами и оказали важную отечеству услугу. Вы въ маломъ числѣ удержали и съ неслыханнымъ мужествомъ поразили превосходнаго въ силахъ врага, порывавшагося съ лютостью при Теплицахъ**) простирать далѣе шаги свои въ Богемію. Вы грудью своею остановили его, нанесли ему страшный ударъ и тѣмъ открыли путь къ послѣдовавшей потомъ на другой день совершенной побѣдѣ. Знатный непріятельскій корпусъ весь безъ остатка побитъ, истребленъ и разсѣянъ. Главнокомандующій онымъ, со всѣми прочими генералами, штабъ- и оберъ-офицерами и двѣнадцатью тысячами рядовыхъ, взятъ въ плѣнъ; восемьдесятъ одна пушка, со множествомъ зарядныхъ ящиковъ и обозовъ, достались въ наши руки. Воины, тѣлохранители и защитники государства! вы доказали, что достойно и праведно честь имени сего на себѣ носите. Изъявляю вамъ всего отечества и мою благодарность: вы, вмѣстѣ съ безсмертною славою, купили ее кровью своею и дѣлами. Въ знакъ должной признательности дарую вамъ: преображенскому и семеновскому полкамъ и гвардейскому морскому экипажу — георгіевскія знамена, измайловскому же и егерскому — георгіевскія трубы. Рука Господня да сохраняетъ васъ, поборающихъ по вѣрѣ и правдѣ!" (На подлинной подписано: Александръ. Теплицы. Августа 26 дня 1813 года).

Другія двѣ бумаги, одна: *грамота псковскому дворянству*, другая: *грамота псковскому купечеству, мѣщанству и прочимъ сословіямъ*, — подписаны государемъ въ Теплицахъ***), сентября „ " дня 1813 года. (См. Собран. маниф., стран. 139 и 141.) [1]).

По полученіи позволенія ѣхать въ Прагу, я отправился туда. Платовъ далъ приказаніе тремъ козакамъ меня проводить и при мнѣ остаться. Въ Прагѣ отвели мнѣ домъ огромный, но пустой

*) Въ тотъ самый день, въ который ѣхалъ я изъ Кометау въ Лаунъ, мимо Теплицъ. Лежавшіе по дорогѣ Австрійцы, повидимому вышедъ изъ сраженія, повалились тутъ спать.

**) Тоже что при Кульмѣ.

***) На сихъ двухъ бумагахъ, въ Собраніи манифестовъ, о пребываніи государя ошибкою вмѣсто Теплицы сказано Кометау.

[1]) См. Приложенія XLIII и XLIV.

и слѣдовательно весьма для меня скучный, а особливо въ тѣ дни, когда припадки мои усиливаясь не позволяли мнѣ выходить. Въ Прагу привезены были многіе наши, раненые при Кульмскомъ сраженіи, офицеры и солдаты. Изъ числа первыхъ бѣдному Войновичу[1]) два раза отнимали ногу, — сперва ниже, а потомъ выше колѣна. Сего послѣдняго онъ самъ желалъ и сердился на мѣшканіе и нерѣшительность врачей, говоря что, безъ сей второй операціи (ибо при первой пуля не отыскана), онъ навѣрное умретъ, а претерпя вторичную можетъ быть и выздоровѣетъ; но по несчастію сія надежда его не сбылась: онъ умеръ. За нѣсколько часовъ передъ смертью, прислали ему св. Анны второй степени орденъ. Онъ просилъ, чтобъ на него надѣли, и любуясь имъ окончилъ жизнь свою. Вотъ какъ человѣкъ честолюбивъ! Прага обязана много симъ русскимъ воинамъ, пролившимъ за нее кровь свою: еслибы они допустили Вандама, шедшаго, какъ увѣряютъ, съ местью и злобою, ворваться въ нее, то городъ сей былъ бы совершенно опустошенъ[2]).

Мнѣ, при слабости моего здоровья, было бы, безъ всякаго здѣсь знакомства, очень скучно, еслибъ по счастію не наѣхали сюда многіе изъ нашихъ Русскихъ. Здѣсь жили графиня Остерманъ[3]) и съ нею двѣ княжны Туркистановы, графиня Витгенштейнъ[4]), двѣ княгини Волхонскихъ, княгиня Репнина[5]), князь Зубовъ, Олопеусъ, Кикинъ и еще нѣкоторые на время пріѣзжавшіе. Я почти всякій день былъ у графини Остерманъ; познакомился съ почтеннѣйшею графинею Витгенштейнъ и былъ ею обласканъ. Иногда хаживалъ ко мнѣ здѣшній ученый, довольно по сочиненіямъ своимъ извѣстный, абатъ Добровскій, съ которымъ провождали мы время въ разговорахъ о славенскомъ языкѣ и его

---

[1]) Гр. Войновичъ, поручикъ лейбъ-гвардіи егерскаго полка.

[2]) Въ рукописи 1818 г. слѣдуетъ: „Здѣсь въ вѣдомостяхъ недавно появилось писанное отъ 13 мая сего лѣта шведскимъ принцемъ Бернадотомъ къ Наполеону письмо, весьма по содержанію своему любопытное, которое перевелъ я на русскій языкъ и послалъ въ Петербургъ (см. переводъ сей въ письмахъ къ моей женѣ, письмо изъ Праги, отъ 23 сентября 1813 г.).“

[3]) Елисавета Алексѣевна, жена гр. Александра Ивановича Остермана-Толстаго, рожденная княжна Голицына.

[4]) Антуанета Станиславна, жена графа (потомъ князя) Петра Христіановича, рожденная Снарская.

[5]) Варвара Алексѣевна, рожденная графиня Разумовская; мужъ ея, кн. Николай Григорьевичъ Рѣпнинъ-Волконскій, съ октября 1813 г. по ноябрь 1814 г., былъ генералъ-губернаторомъ королевства саксонскаго.

нарѣчіяхъ [1]). Такимъ образомъ могъ я жить здѣсь съ удовольствіемъ; но припадки мои стали умножаться, и для того, чтобъ не сидѣть часто одному въ пустомъ домѣ, разсудилъ я за лучшее переѣхать къ Кикину, гдѣ жилъ съ нимъ еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Ивашевъ [2]). Перебираясь къ нимъ, я встрѣтился нечаянно съ докторомъ Груберомъ, который, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, лѣчилъ меня въ Петербургѣ [3]). Мы очень об-

[1]) Знаменитый Іосифъ Добровскій, отецъ славянской филологіи, посѣтилъ въ 1792 г. Россію, куда влекли его сокровища московской патріаршей библіотеки (Litterarische Nachrichten von einer im Jahre 1792 unternommenen Reise nach Schweden und Russland. Prag. 1796. Стр. 6 и 100). Изъ переписки его, хранящейся въ чешскомъ народномъ музеѣ, и нынѣ приготовляемой къ печати однимъ молодымъ чешскимъ ученымъ, видно, что начало сношеніямъ Добровскаго съ русскими учеными положилъ нашъ неутомимый ревнитель просвѣщенія гр. Николай Петровичъ Румянцевъ, въ бытность свою, въ царствованіе Екатерины II, посланникомъ во Франкфуртѣ на Майнѣ. Вотъ что пишетъ къ Добровскому братъ извѣстнаго министра-дипломата, гр. Стадіонъ, въ письмѣ изъ Вюрцбурга, 15 февр. 1791 г.: „...... Позвольте мнѣ обратиться къ Вамъ по одному обстоятельству, которое прямо касается древней исторіи и взаимныхъ сношеній славянскихъ народовъ между собою. Графъ Румянцевъ, русскій посланникъ въ Майнцѣ и Прирейнскихъ областяхъ, человѣкъ большого ума и съ обширными познаніями, и особенно усердно занимающійся изученіемъ своей отечественной исторіи, отыскалъ въ старинныхъ русскихъ историкахъ указанія на то, что Россія, въ первыя времена своего существованія, находилась во всякаго рода сношеніяхъ съ Чехіей и Моравіей, посредствомъ войнъ, договоровъ и браковъ князей. Такъ что даже одинъ изъ русскихъ князей, вѣроятно весьма уже давно, былъ избранъ въ правители чешскаго народа.“ (Корибутъ, сынъ новгородъ-сѣверскаго князя Дмитрія Ольгердовича, въ 1422 г., былъ провозглашенъ главой чешскаго народа гусситскимъ вождемъ Жижкой.) „Но его русскія извѣстія слишкомъ неполны, чтобы можно было вывести изъ нихъ что-либо опредѣленное, вѣрное и цѣльное; и онъ надѣется, что можетъ быть найдутся ближайшія разъясненія о томъ въ чешскихъ и моравскихъ писателяхъ. Исторія г-на Пелцля и ваше предисловіе“ (Въ 3-мъ изданіи Kurzgefasste Geschichte der Böhmen, 1782, — Добровскій помѣстилъ Abhandlung über den Ursprung des Namens Tschech, Tschechen.) „убѣдили его, что вы скорѣе всякаго другого могли бы надлежащимъ образомъ удовлетворить его желаніямъ; а такъ какъ онъ узналъ отъ меня, что я лично знакомъ съ вами, то и просилъ оказать ему содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Позвольте обратиться къ вамъ съ просьбою — сообщить мнѣ: не встрѣчались-ли вамъ въ изслѣдованіяхъ вашей древней исторіи данныя о сношеніяхъ съ Россіей? и вмѣстѣ съ тѣмъ указать и самые источники, къ которымъ гр. Румянцевъ могъ бы обратиться, для дальнѣйшихъ справокъ. Этимъ обязательнымъ сообщеніемъ вы оказали бы крайнее одолженіе ему и мнѣ и возбудили бы между обоими вами обмѣнъ свѣдѣній, который и вамъ могъ бы доставить извѣстія, касающіяся вашихъ историческихъ изслѣдованій, и быть можетъ упущенныя вами изъ вида, вслѣдствіе малой распространенности русскихъ сочиненій.“

[2]) Вѣроятно авторъ „Записокъ о Суворовѣ,“ П. Н. Ивашевъ (Отеч. Записки, 1844, No. 1).

[3]) Не слѣдуетъ смѣшивать этого неизвѣстнаго намъ Грубера съ ученымъ

радовались увидясь другъ съ другомъ; и я тѣмъ больше былъ доволенъ, что онъ вызвался ходить ко мнѣ и пользовать меня. Кикинъ жилъ здѣсь по нѣкоторымъ дѣламъ и для надзора за ранеными, изъ которыхъ многіе офицеры и солдаты померли. Сіе произвело въ немъ желаніе соорудить имъ памятникъ. Онъ сообщилъ мнѣ мысль свою, которую, какъ основанную на любви къ отечеству и правдѣ, я совершенно одобрилъ. Но для произведенія сего въ дѣйство, надлежало собрать достаточное число денегъ. Хотя въ этомъ и не можно было имѣть полной удостовѣренности, однакожъ, предоставляя времени успѣхъ сего предпріятія и вѣдая что безъ начала конца не будетъ, приступили мы къ подпискѣ, при которой, съ переводомъ на нѣмецкій языкъ, написалъ я слѣдующее возвѣщеніе:

„Прага, послѣ жестокихъ битвъ, происходившихъ при отдѣляющихъ Саксонію отъ Богеміи горахъ, содѣлалась гробомъ не малаго числа россійскихъ офицеровъ и солдатъ, изъ которыхъ многіе при одной, а иные и при двухъ ранахъ, не хотѣли оставить поля сраженія. Тѣла ихъ всѣ погребены въ одномъ избранномъ для сего мѣстѣ. Сіи храбрые воины, защитившіе свое отечество, пришли изъ сѣверныхъ странъ съ таковымъ же мужествомъ и правотою свергнуть со всѣхъ нѣмецкихъ земель иго насилія и порабощенія. За невольную вражду ихъ заплатили они имъ добровольною пріязнію и, не пощадя за нихъ крови своей, легли на полѣ чести, жертвою своего великодушія. Достопамятныя числа 17 и 18 сего августа мѣсяца 1813 года не могутъ никогда быть забвенны въ бытописаніяхъ кровопролитнѣйшихъ браней. Въ первый изъ сихъ дней, россійская гвардія остановила прорывавшуюся въ Прагу въ восемь разъ превосходнѣйшую противъ себя непріятельскую силу, а во второй, — съ подоспѣвшими къ ней своими и союзными войсками, совершенно истребила и уничтожила сорокатысячный, подъ предводительствомъ Вандама, корпусъ. Вотъ дѣла сихъ погребенныхъ здѣсь въ Прагѣ подвижниковъ и соучастниковъ въ знаменитой сей побѣдѣ! Кто не пожелаетъ въ память имъ воздвигнуть ограду и соорудить памятникъ съ приличною надписью и начертаніемъ именъ ихъ? Сверхъ достодолжнаго отданія справедливости симъ отличнымъ воинамъ, кто отречется доставить чрезъ то нѣкоторое утѣшеніе сѣтующимъ родственникамъ и друзьямъ ихъ. Союзники и прочіе народы евро-

гидрографомъ, іезуитомъ Гавріиломъ Груберомъ, который, въ качествѣ медика, получилъ свободный доступъ ко двору императора Павла и умеръ въ Петербургѣ, въ 1805 году.

пейскіе да видятъ, сколь уважается между нами духъ истинной воинской славы и честолюбія! Путешественники, взирая на сей памятникъ, да читаютъ въ немъ благодарность Прагскихъ жителей, да воспомнятъ великія происшествія сего времени и умиленіемъ благородной души своей да почтутъ прахъ сихъ героевъ, надшихъ за честь и правду! — Здѣсь прилагается рисунокъ, описаніе и примѣрная смѣта сего сооружаемаго памятника. Желающіе участвовать въ семъ благомъ намѣреніи, почтенные соотечественники наши или кто другіе, да благоволятъ подписать имена свои съ означеніемъ удѣляемаго ими отъ избытковъ своихъ числа денегъ.“ — (Памятникъ сей, въ послѣдствіе времени, сооруженъ и находится въ Прагѣ.) [1]).

Послѣ многихъ носившихся здѣсь слуховъ, худыхъ и хорошихъ, о движеніи нашихъ и союзныхъ войскъ, наконецъ пришло извѣстіе, что Блюхеръ имѣлъ дѣло съ французскимъ корпусомъ и одержалъ надъ нимъ побѣду [2]); а потомъ возгремѣла уже и ра-

---

[1]) Этотъ гранитный, тяжелаго рисунка памятникъ находится на военномъ кладбищѣ, въ пражскомъ предмѣстьи — Карлинъ, у подножія Жижковой горы; подъ нимъ, какъ видно изъ надписи, покоятся 45 русскихъ офицеровъ, въ числѣ которыхъ и вышеупомянутый гр. Войновичъ. — Дальше, въ другомъ отдѣлѣ Записокъ, еще будетъ рѣчь о томъ, какъ выразила Богемія свою признательность русскимъ воинамъ, сражавшимся подъ Кульмомъ. Здѣсь же помѣщаемъ письмо императора Александра къ графу Коловрату, переведенное нами съ нѣмецкой копіи, хранящейся въ пражскомъ городскомъ архивѣ:

„Господинъ оберстъ-бургграфъ, графъ Коловратъ!

„Съ глубокой благодарностью узналъ я о томъ ревностномъ попеченіи и о томъ добродушномъ и человѣколюбивомъ пріемѣ, которыя нашли въ Прагѣ мои раненые воины.

„Я чувствую потребность выразить жителямъ этой древней столицы сколько я умѣю цѣнить поступокъ, который приноситъ честь ихъ патріотизму и сердцу.

„Прошу васъ, господинъ оберстъ-бургграфъ, передать имъ мой образъ мыслей о семъ. Увѣрьте ихъ, что каждый, безъ различія чина, который только вернется подъ свое знамя, будетъ сражаться съ обновленнымъ мужествомъ, вспоминая о врачевавшей его рукѣ. Такимъ образомъ укрѣпится духъ взаимнаго братства и тѣснѣе свяжется тотъ союзъ, который заключенъ для благополучія и спокойствія Европы, и обѣщаетъ торжество самому благородному, справедливому и безкорыстному дѣлу. Господинъ оберстъ-бургграфъ! тотъ, который стоитъ во главѣ управленія, имѣетъ, вмѣстѣ съ дворянствомъ и остальными сословіями, равное право на мою признательность, которую я симъ гласно заявляю. Примѣръ, подаваемый правительствомъ, въ случаяхъ великой важности, есть самая могучая пружина; излишни поэтому будутъ дальнѣйшія увѣренія въ томъ, что вы, господинъ оберстъ-бургграфъ, пріобрѣли полное мое уваженіе и благосклонность.“

Александръ.

Теплицъ.
17 (29) сентября 813 г..

[2]) 21 сентября, при переправѣ черезъ Эльбу, у Эльстера.

достная вѣсть, что Наполеонъ въ главномъ сраженіи подъ Лейпцигомъ совершенно разбитъ и прогнанъ [1]). Въ день полученія сего важнаго извѣстія, реляція о семъ была удержана, дабы на другой день, по представленіи нарочно сочиненнаго на сей случай зрѣлища, прочитать ее на театрѣ. Какъ я ни боленъ былъ, однакожъ потащился ее услышать. Нѣмецкая радость показалась мнѣ холодна. Хотя и были нѣкоторыя рукоплесканія и восторги, но далеко не такъ жарки, какъ наши. Ежелибъ у насъ, вскорѣ послѣ такой побѣды, представлено было подобное зрѣлище и въ концѣ онаго прочитали въ первый разъ реляцію, о которой никто еще подробно не зналъ, и гдѣ упоминались имена царей и полководцевъ, дѣйствовавшихъ въ сей судьбу царствъ рѣшившей битвѣ, то я думаю безумолкный крикъ и плески не дали бы окончиться представленію до самаго утра. Черезъ день потомъ сказали, что на томъ же театрѣ представлены будутъ всѣ союзныя войска. Я полюбопытствовалъ увидѣть это, но вышелъ какой-то вздоръ, больше похожій на игрище, нежели на хорошее представленіе.

Сюда пріѣзжалъ графъ Остерманъ. Отъ жены его таили случившееся съ нимъ несчастіе; и она не прежде о томъ узнала, какъ передъ свиданіемъ съ нимъ. Также мимоѣздомъ былъ здѣсь Балашовъ: онъ отправленъ въ Англію съ орденами королю, въ соотвѣствіе за орденъ *подвязки*, присланный государю.

Пребываніе мое въ Прагѣ продолжалось до половины октября. Въ сіе время получилъ я съ пріѣхавшимъ сюда изъ Веймара, флигель-адъютантомъ Волхонскимъ, словесное отъ государя приказаніе, чтобъ я какъ можно скорѣе пріѣхалъ въ главную квартеру, находившуюся тогда въ Веймарѣ. Докторъ мой не совѣтовалъ мнѣ ѣхать; однакожъ я, не взирая на разстроенное состояніе свое и на ліющіеся почти безпрестанно дожди, на другой же день туда отправился. 18 числа поутру пріѣхалъ я въ Карлсбадъ (гдѣ, два мѣсяца тому назадъ, проводилъ я время съ пріятностью), и хотя могъ еще продолжать путь, но имѣя нужду въ отдохновеніи, остался тутъ ночевать. Передъ обѣдомъ пошелъ я прогуляться по городу, который въ это время совершенно былъ пустъ. Иду задумавшись по улицѣ и вдругъ слышу, что меня кто-то кличетъ по имени. Я оглянулся, и вижу на крыльцѣ толстую, веселонравную женщину, которая въ мою прежнюю здѣсь бытность сидѣла въ лавкѣ и торговала разными товарами. Я

---

[1]) 4—6 октября.

часто захаживалъ къ ней иногда покупать что нибудь, иногда слушать ея сужденій обо всемъ, а особливо о политическихъ дѣлахъ, о которыхъ она охотница была разговаривать. Мы, какъ знакомые, обрадовались увидя другъ друга. Она зазвала меня въ домъ свой, весьма порядочный; и какъ столъ у нея былъ уже накрытъ, то и просила меня съ нею отобѣдать. Я согласился. Она разсказала мнѣ всѣ подробности о сраженіи подъ Кульмомъ и о томъ, что недавно Французы изъ саксонской крѣпости Кенигштейнъ, гдѣ они еще держатся, сдѣлали нападеніе на ополченіе наше, въ окрестности находившееся, и нанесли ему нѣкоторый вредъ. Она была въ восторгѣ отъ побѣды подъ Лейпцигомъ и говорила: — „Недавно проѣхалъ здѣсь нашъ императоръ Францъ. Я его видѣла. Бывало, онъ всегда ходитъ сгорбившись; а теперь, — голову поднялъ и шагаетъ гораздо смѣлѣе.“ — Я разсмѣялся сему ея замѣчанію и сказалъ ей въ отвѣтъ: — „Безъ Русскихъ онъ бы не разгорбился.“ — Она согласилась съ этимъ, и скоро потомъ мы разстались.

На другой день пріѣхалъ я въ Францъ-брунъ. Мнѣ отвели весьма холодную комнату. Я велѣлъ ее затопить: сдѣлалось дымно. Я пошелъ покамѣсть проходиться внизу. Ко мнѣ подошла женщина и, взявъ меня за руку, сказала: — *„На горѣ зимно“* (то есть вверху холодно), *„подь въ мою избу, ту тепло.“* — (Надобно знать, что въ здѣшнемъ краю по-богемски уже совсѣмъ не говорятъ; и такъ это меня немножко удивило.) Я пошелъ за нею; и вподлинну она привела меня въ теплую горницу, въ которой чугунная печка раскалена была и еще не простыла. Всѣ здѣшнія жилища таковы, что покуда печь горяча, по тѣхъ поръ въ нихъ и тепло; а она обыкновенно черезъ часъ или два простываетъ. Я сѣлъ и спросилъ у этой женщины, кто она такая? Отвѣтъ ея былъ, что она хозяйка этого дома, родилась въ Прагѣ и уже семь лѣтъ за-мужемъ. Между тѣмъ, какъ я съ нею разговариваю, входятъ шесть человѣкъ извощиковъ, мужиковъ, которые везутъ разные припасы въ австрійскую армію. Ихъ по дорогѣ множество. Она приготовила имъ ужинъ, придвинула стулья, налила чего-то въ чашу и поставила на столъ. Извощики сѣли ужинать. Я спросилъ у ней: что такое они ѣдятъ? Она отвѣчала: — „Кашицу изъ развареннаго въ водѣ картофеля.“ — „Съ мясомъ что-ли?“ — „Нѣтъ.“ — „Такъ по крайней мѣрѣ съ масломъ?“ — „И того нѣтъ.“ — „Для чего же?“ — „Для того, что имъ заплатить нечѣмъ.“ — „Не ужъ-ли никогда у нихъ лучшей пищи не бываетъ?“ — „Никогда.“ — Послѣ сего разговора, я сказалъ ей: — „При-

неси имъ масла и скажи, чтобъ они за ужинъ свой не платили; я за нихъ заплачу." (Я говорилъ это на нѣмецкомъ языкѣ, а она пересказала имъ по-богемски, изъ чего видно было, что они по-нѣмецки не разумѣютъ.) Не можно себѣ представить, какъ они обрадовались, и какъ жадно ѣли, когда хозяйка принесла имъ масла и положила въ чашу! Послѣ ужина, каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ и въ знакъ благодарности обнималъ мои колѣна. Я спросилъ: сколько за столъ ихъ заплатить должно? Хозяйка отвѣчала: три гульдена. Это сдѣлаетъ на наши деньги около шести рублей, почти по рублю съ человѣка. Вотъ какъ въ чужихъ земляхъ, о которыхъ намъ столько кричатъ, благоденствуетъ народъ!

Изъ Францъ-бруна, переѣхавъ по худой весьма дорогѣ богемскую границу, остановился я ночевать въ саксонскомъ мѣстечкѣ Эльсницъ. Третій уже разъ, по выѣздѣ изъ Саксоніи, въѣзжалъ я опять въ нее, и всегда съ новымъ удовольствіемъ, потому что вездѣ находилъ отмѣнную ласку и вѣжливость. Какъ скоро куда пріѣдешь и велишь о себѣ сказать, тотчасъ отводятъ лучшій домъ и только спрашиваютъ: что угодно? что прикажешь? Нигдѣ съ такимъ добродушіемъ и уваженіемъ насъ не принимали. Всѣ вообще, даже до солдатъ, не могутъ Саксонцами нахвалиться.

23 числа, проѣхавъ мѣстечки Цейленродъ, Кало и Гену [1]), пріѣхалъ я въ Веймаръ. Великой нашей княгини Маріи Павловны здѣсь не было, а потому, спѣша отправиться скорѣе въ путь, не зашелъ я къ герцогу и навѣстилъ только живущихъ здѣсь, путешествующую съ нами для дѣтей своихъ Ланскую [2]) и раненаго Раевскаго [3]). Главная квартера давно уже отсель уѣхала и, по слухамъ, должна въ сіе время находиться около Франкфурта на Майнѣ. При переѣздѣ изъ послѣдняго мѣстечка сюда, повстрѣчали мы много плѣнныхъ Французовъ, которыхъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ стычкахъ, при погонѣ за ними, брали. *) Лошади наши,

*) Здѣсь случилось со мною небольшое приключеніе. которое я для смѣха разскажу: по пріѣздѣ моемъ сюда, покуда отыскивали для меня ночлегъ, сидѣлъ я въ коляскѣ, остановившейся на площади, гдѣ много было народа. На правомъ боку, въ карманѣ коляски моей, стоялъ простой глиняный

[1]) Kahla, Jena.

[2]) Современники еще не забыли этой нѣжной матери, съ самоотверженіемъ переносившей всѣ невзгоды походной жизни, и наложившей на себя обѣтъ строгаго поста на всю жизнь, въ благодарность за сохраненіе жизни ея сыновей.

[3]) Знаменитый генералъ Николай Николаевичъ Раевскій, имя котораго дорого еще тѣмъ, что связано съ воспоминаніями о Пушкинѣ.

таская насъ по худымъ дорогамъ, довольно поизмучились; а всѣхъ ихъ было тринадцать: шесть у меня, четыре у моихъ чиновниковъ, да три козачьихъ съ сѣдоками. Въ иныхъ мѣстахъ даже трудно было доставать для нихъ корму. Изъ Веймара, чтобъ избѣжать проселочныхъ дорогъ, совѣтовали мнѣ ѣхать на Готу; но какъ по сей дорогѣ надлежало въ самой близости объѣзжать крѣпость Эрфурхтъ, которую занимали еще Французы, то я былъ я въ великой раздумчивости. Хотя и увѣряли меня, что вездѣ, въ окрестностяхъ ся, стоятъ австрійскія войски, и что Французы не могутъ изъ ней выходить, однакожъ я, не полагаясь на сихъ охранителей, предпочелъ лучше ѣхать по худой дорогѣ, нежели, объѣзжая крѣпость, обладаемую еще непріятелемъ, подвергнуться какой-нибудь легко могущей случиться опасности. И очень хорошо сдѣлалъ; ибо по выѣздѣ моемъ изъ Веймара, пріѣхавъ ночевать въ деревню Ильмъ, отстоящую верстахъ въ двадцати отъ Эрфурхта, услышалъ отъ хозяина, что сегодня Французы сдѣлали вылазку и сожгли небольшую деревню, верстахъ въ пяти отъ крѣпости. По расчету часовъ, вылазка сія происходила около того времени, когда бы мы, ѣхавъ по той дорогѣ, объѣзжали сію крѣпость, и слѣдовательно ежелибъ и ничего не случилось, такъ по крайней мѣрѣ не обошлось бы безъ страха и тревоги, а можетъ статься было бы что нибудь и хуже. Правда, что мы, по избѣжаніи отъ волка, почти попали на медвѣдя: дурная, грязная дорога лежала по горамъ, по рытвинамъ, по дремучему лѣсу (Thüringer-Wald), такъ что мы съ великою нуждою тащились. Уже не до жалобъ было на качанье и толчки, а только о томъ и заботились, чтобъ коляски наши не изломались. Я не могъ надивиться какимъ образомъ проходило здѣсь наше войско съ артиллеріею и всѣми снарядами. Австрійцы на подобные случаи смѣтливы: сами пошли по большой дорогѣ, а насъ пустили по этой, вѣрно въ томъ намѣреніи, чтобъ имъ первымъ придти въ Франкфуртъ; но, говорятъ, мы первые пришли: и такъ Русь перемудрила.

кувшинъ, въ который клалъ я иногда булки, иногда конфекты, или что-нибудь съѣстное, дабы имѣть у себя подъ рукою, когда на дорогѣ ѣсть захочется. На этотъ разъ онъ былъ пустой. Сидя довольно долго въ коляскѣ, позаглядѣлся я въ лѣвую сторону, и когда взглянулъ на-право, то и примѣтилъ тотчасъ, что кувшина моего нѣтъ больше въ карманѣ: его, такъ сказать, изъ подъ носа моего, между мною и кучеромъ вытащили. Я удивился смѣлости вора и внутренно смѣялся, представляя себѣ его досаду, когда онъ увидитъ, что подвергался опасности быть пойману за покражу вещи, не стоющей ни гроша.

Въ слѣдующій день, ѣхавъ не болѣе какъ версты по двѣ или по три въ часъ, на-силу дотянулись мы до одной деревнишки, гдѣ я, мало сказать усталый, но измученный, радъ былъ отдохнуть у мужика очень добраго, который отъ всего сердца старался меня угощать и довольно весело разсказывалъ, какъ его, при проходѣ разныхъ войскъ, то одинъ, то другой солдатъ, хоть немножко, по неимѣнію многаго, пограбитъ. Я распросилъ его, сколько они платятъ подати; и когда разсказалъ ему о моихъ собственныхъ крестьянахъ, сколько я съ нихъ получаю, то онъ и жена его, оба, сплеснувъ руками, говорили: да мы бы такое житье раемъ почитали. А многіе наши (или лучше сказать не наши) кричатъ о ихъ просвѣщеніи, благоденствіи, свободѣ! и потому справедлива пословица: тамъ хорошо, гдѣ насъ нѣтъ.

Напослѣдокъ, послѣ худой, проселочной, выѣхали мы на большую, довольно хорошую дорогу и ѣхали по ней съ пріятностью, какую обыкновенно чувствуешь послѣ минувшей трудности. Однакожъ и въ этотъ день не прошло безъ приключенія. Проѣзжая одно мѣстечко, показалось намъ рано еще остановиться, и такъ поѣхали далѣе; но другое было далеко, лошади устали, и наступила темная ночь. Въ самое это время, нагнали мы обозъ нашъ, котораго начальникъ (г-нъ Кондратьевъ) предложилъ мнѣ проночевать въ деревнѣ, куда они ѣдутъ, сказывая, что онъ пошлетъ напередъ заготовить для меня добрый ночлегъ. Я согласился. Мы своротили съ большой дороги и поѣхали въ сторону. Сказали очень близко, однакожъ вышло довольно далеко. Ѣхали, ѣхали, и вдругъ остановились. — Что такое? — Гора крута, и надобно въ темнотѣ спускаться въ преглубокую долину. Пѣшкомъ по дорогѣ идти очень грязно, и при слабомъ моемъ здоровьѣ весьма для меня трудно, а въ коляскѣ сидѣть опасно, потому что по обѣимъ сторонамъ лежатъ ямы и пропасти, куда при малѣйшей неосторожности можно опрокинуться и разбиться до смерти. Какъ же быть? У начальника были дрожки, запряженные тройкою. Онъ велѣлъ двѣ лошади отложить, а третью — человѣку вести подъ поводъ, и еще двумъ идти по сторонамъ дрожекъ, на которыя меня посадилъ. Такимъ образомъ, версты съ двѣ потихоньку спускаясь, добрались мы до селенія, гдѣ отвели мнѣ ночлегъ у пастора, великаго краснобая, безпрестанно извинявшагося передо мною, что онъ о пріѣздѣ моемъ не былъ предупрежденъ. Между тѣмъ какъ онъ суетился и хлопоталъ объ угощеніи насъ, мы сказали, что намъ ничего не надобно, кромѣ чайныхъ чашекъ и горячей воды, а чай и сахаръ у насъ свой. Подали чай. Мы

стали пить и его потчивать, разсказывая какой это славный чай, и что привезенъ къ намъ прямо изъ кладовой китайскаго императора. Онъ выпилъ чашку съ великимъ благодареніемъ. Ему налили другую пополамъ съ ромомъ. Эту пилъ онъ и морщася говорилъ: — „Мы, Нѣмцы, не привыкли къ такому горячему напитку; врядъ могу ли я допить.“ — „Пей, не бось, господинъ пасторъ,“ говорили мы, „это здорово.“ — Онъ выпилъ и сдѣлался еще говорливѣе. Сталъ величать побѣды наши и оканчивалъ всегда желаніемъ, чтобъ возвратить папѣ прежнюю его духовную и свѣтскую власть. Это повидимому весьма лежало у него на сердцѣ, потому что онъ сіе желаніе ко всякой рѣчи приклеивалъ. Я въ утѣшеніе ему увѣрялъ его, что это конечно иначе и быть не можетъ.

Поутру разстались мы съ нашимъ пасторомъ и выѣхали опять на большую дорогу, которая черезъ городъ Виртсбургъ вела мимо самой крѣпости онаго, гдѣ находился еще Французскій гарнизонъ, держимый въ осадѣ баварскими и виртембергскими войсками. Вотъ какъ оборотились дѣла! тѣ самые народы, которые приходили съ ними къ намъ въ Россію, теперь стоятъ на стражѣ и держатъ ихъ взаперти. Обстоятельство сіе снова привело меня въ раздумье: хотя увѣряли насъ, что съ осажденныхъ въ крѣпости Французовъ, коихъ число, какъ сказываютъ, простирается до четырехъ тысячъ, взято честное слово не стрѣлять по проѣзжающимъ мимо крѣпости, но я не очень вѣрилъ честному ихъ слову. Они на насъ злы: кто-жъ поручится, чтобъ увидя русскую коляску, не вздумалось имъ нарушить свое обѣщаніе? Однакожъ худость проселочныхъ дорогъ такъ мнѣ надоѣла, что я рѣшился лучше, проѣзжая мимо крѣпости, быть нѣсколько минутъ въ страхѣ, нежели нѣсколько часовъ терпѣть еще безпрестанные толчки. Но приближаясь къ Виртсбургу, за милю отъ онаго, нашли мы тутъ нашего чиновника, нарочно оставленнаго для объявленія всѣмъ Русскимъ, ѣдущимъ по сему пути, чтобъ не ѣхали мимо крѣпости, но объѣзжали бы ее окольною дорогою. Отъ него узнали мы о пребываніи главной квартеры въ Франкфуртѣ, о чемъ прежде не вѣдая и ѣздя по слѣдамъ ея, сдѣлали много крюку. Хотя и хотѣлось мнѣ посмотрѣть города, но опасаясь ослушаться приказанія, принуждены мы были своротить въ сторону и верстъ около десяти ѣхать по такой дорогѣ, по которой бѣдныя лошади надсажаясь насилу могли насъ тащить. Мы пріѣхали къ мосту, верстахъ въ трехъ отъ крѣпости и, переѣхавъ черезъ рѣку Майнъ, выѣхали опять на большую дорогу. Берега

рѣки Майна очень мнѣ понравились: по обѣимъ сторонамъ, на нѣкоторое разстояніе отъ Виртсбурга, идутъ горы, покрытыя виноградными садами, и между ими, при самой рѣкѣ, лежатъ нѣсколько прекрасныхъ снаружи селеній; но проѣзжая одно изъ нихъ я нашелъ внутренность онаго, не соотвѣтствующую наружности: идущая черезъ него длинная, весьма узкая и грязная улица наполнена была всякаго рода нечистотою, такъ что надобно было затыкать себѣ носъ и по обѣимъ сторонамъ видѣть худыя, запачканыя стѣны домовъ. Ежели и всѣ прочія селенія внутри таковы же, то видно, что у нихъ однѣ только крышки отдѣланы и выкрашены для того единственно, чтобъ издали привлекать зрѣніе, въ противность пословицы: не красна изба углами, красна пирогами. На бывшемъ послѣ сего ночлегѣ, въ деревнѣ Рерингенъ, нѣсколько насъ перепугали, говоря, что изъ разсѣянной французской арміи, многіе бродяги скрываются въ лѣсахъ, которыми намъ проѣзжать должно. Встрѣтившійся съ нами, нашъ русскій солдатъ сказывалъ, что назадъ тому три дни напала на нихъ, шедшихъ въ маломъ числѣ, такая выбѣжавшая изъ лѣсу шайка бродягъ и нѣкоторыхъ убила, а его ранила. Слухи сіи хотя и навели намъ немалое безпокойство, однакожъ мы, благодаря Бога, пріѣхали въ Ашафенбургъ, безъ всякихъ непріятныхъ приключеній. Городокъ сей набитъ былъ всякаго рода людьми: Русскіе, Австрійцы, Пруссаки, Баварцы, плѣнные Французы, словомъ смѣсь всѣхъ государствъ. Долго не могли мнѣ отыскать пристанища; но напослѣдокъ отвели комнаты во дворцѣ, гдѣ для меня и моихъ чиновниковъ приготовленъ былъ богатый ужинъ на серебрѣ, съ десертомъ, винами и нарядною услугою. Самъ пристольникъ, или метръ-дотель, подносилъ намъ шампанское вино. Это называется поневолѣ угощать гостей безъ хозяина; ибо хозяинъ, владѣтельный герцогъ, преданный Наполеону, при вступленіи нашихъ войскъ, принужденъ былъ бѣжать изъ малаго своего царства.

На другой день (31 октября), окончa длинное и многотрудное путешествіе свое, пріѣхалъ я въ Франкфуртъ. Явился къ государю; онъ принялъ меня милостиво и, не смотря на безпрестанную суетливость, обѣщалъ назначить мнѣ день, для выслушанія докладовъ, которыхъ у меня много накопилось. Городъ здѣшній наполненъ всякаго званія и достоинствъ людьми: императорами, королями, владѣтельными князьями, принцами, герцогами [1];

---

[1] Во Франкфуртѣ былъ подписанъ союзными государями манифестъ 1-го дек. (19 ноября) 1813 г..

у всякаго — дворъ, министры, генералы; а у этихъ — секретари, адъютанты; всѣ скачутъ, ѣздятъ, бѣгаютъ, верхами, въ каретахъ, въ колясхахъ, пѣшкомъ, въ разныхъ одѣяніяхъ, въ лентахъ, въ звѣздахъ, въ шишакахъ съ высокими перьями. Сверхъ того пропасть разнодержавныхъ войскъ. По утрамъ маршируютъ, бьютъ въ барабаны, кричатъ ура! по вечерамъ театры, балы, маскерады, клобы. Какъ весело! да только не мнѣ, у котораго почти ежедневно то грудь болитъ, то голова. Однакожъ я не оставлялъ посѣщать иногда сихъ собраній. Черезъ нѣсколько дней, государь позвалъ меня къ себѣ и приказалъ написать бумагу о послѣднемъ при Лейпцигѣ сраженіи. Я написалъ, при титулѣ, обыкновенный манифестъ. Онъ былъ имъ очень доволенъ, но оставилъ у себя, для прочтенія еще разъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, онъ возвратилъ мнѣ мою бумагу, сказавъ чтобъ издать ее не въ видѣ манифеста, но въ видѣ частнаго извѣщенія, безъ его подписи[1]). Я перемѣнилъ въ ней заглавіе и конецъ. Онъ еще разъ прочиталъ ее и приказалъ отослать въ Петербургъ, для напечатанія. Она была слѣдующаго содержанія:

„Извѣстіе

„о сраженіи, происходившемъ подъ Лейпцигомъ, октября 4 и 5 числъ 1813 года. Съ береговъ Рейна.

„Приводя на память себѣ едва ли слыханныя происшествія, въ одинъ годъ и пять мѣсяцовъ совершившіяся, невозможно ни единому изъ Россіянъ не почувствовать въ умиленномъ сердцѣ своемъ живѣйшей благодарности къ Тому, кто маніемъ Своимъ управляетъ небо и землю. Онъ располагаетъ судьбами царствъ, возноситъ славу народа, умудряетъ главу его, ополчаетъ десницу, укрѣпляетъ мышцы, ускоряетъ къ побѣдамъ стопы: во всемъ ономъ удивилъ Богъ милость Свою надъ нами.

„Въ прошедшемъ году видѣли мы, Русскіе, обширную страну нашу безчисленными непріятельскими силами наводненную. Казалось свирѣпое море сіе горами волнъ своихъ покроетъ и поглотитъ насъ. Кто могъ поставить имъ оплотъ? Сомнительна была надежда и трудно спасеніе! Мы стояли на краю гибели, и съ нами гибла вся Европа. Но крѣпокъ и силенъ человѣкъ упованіемъ на Бога! Не проходитъ четырехъ мѣсяцовъ, какъ грозныя волны сіи, сокрушась о камень твердости народной, и попирае-

[1]) „Вѣроятно потому что много уже прошло времени безъ всякаго о томъ извѣщенія" (Кратк. Зап., стр. 180). — Такое промедленіе относительно сраженія, рѣшившаго не только исходъ войны, но и судьбу Европы, фактъ по малой мѣрѣ любопытный.

мыя сильною грудью войскъ нашихъ, съ такимъ ужасомъ текутъ назадъ, съ какою лютостью къ намъ стремились: текутъ, одна другую давитъ, и всѣ погибаютъ. Кто могъ сотворить сіе чудное и почти мгновенное превращеніе величайшей силы въ величайшую немощь? не тотъ ли Единый, о комъ божественный пророкъ сказалъ: *дхнетъ духъ Его и потекутъ воды, коснется горамъ и воздымятся?*

„Исчезли силы врага; растаяли какъ воскъ отъ лица гнѣва Божія. Но праведнымъ судьбамъ угодно было, чтобъ неукротимый, непримиримый повелитель ихъ спасся. Извѣстны зложеланіе и ненависть его къ Россійской державѣ, или паче ко всему роду человѣческому. Ненасытимая жадность къ бранямъ принесла уже безчисленное множество жертвъ безпредѣльному его властолюбію. Земля дымится пролитою имъ милюновъ людей кровью. И такъ, не взирая на истребленіе войскъ его, не было никакой возможности достигнуть съ нимъ до желаемаго спокойствія и тишины. Увѣренность набрать въ землѣ своей новое, уже заблаговременно приготовленное имъ воинство, надежда на повиновеніе чужихъ порабощенныхъ имъ земель, неволею и противъ пользъ своихъ съ нимъ соединенныхъ, не давали погаснуть кипящему въ сердцѣ его духу брани. Надлежало, для достиженія сего, двигнуть побѣдоносное россійское воинство за предѣлы сей великой имперіи. Приближеніе наше къ Пруссіи возбудило въ семъ храбромъ народѣ мужество, радость и соревнованіе: онъ, свергнувъ съ себя иго насилія, присоединился къ намъ и составилъ съ нами единую душу. Воспослѣдовавшія потомъ сраженія при Люцинѣ и при Бауцинѣ хотя нанесли тяжкіе непріятелю удары, однакожъ силы его оставались еще такъ велики, что, для надежнѣйшаго преодолѣнія оныхъ, нужно было показать видъ нѣкотораго уступленія, дабы чрезъ то приблизиться къ Богеміи. Перемиріе доставило намъ способъ пріумножить наши силы и дало время колеблющейся въ рѣшительности своей австрійской имперіи приготовиться и ополчиться противъ общаго врага, отвергавшаго всякое предложеніе о мирѣ, въ которомъ ничего не требовалось, кромѣ спокойствія Европы и отреченія его отъ неправаго преобладанія надъ царствами и народами, ему не подвластными. Такимъ образомъ Богъ благословилъ союзу сему распространиться и утвердиться. Побѣдоносная Россія, вмѣстѣ съ ободренною примѣромъ ея Пруссіею, шествовала освободить Европу. Австрія возстала. Гишпанія и Англія отъ долговременнаго на нихъ однѣхъ устремленія великихъ силъ непріятельскихъ отдохнули. Швеція, столь же какъ и прочія дер-

жавы угнетенная, присоединяетъ подъ предводительствомъ наслѣднаго принца своего силы свои къ нашимъ силамъ. Одна Саксонія и Рейнскій союзъ воздыхали еще подъ насильственною властью.

„Въ семъ состояніи дѣлъ россійское воинство вступаетъ въ австрійскіе предѣлы и приближается къ Саксоніи. Угрожаемый, но ни мало не уменьшающій киченія своего непріятель, видя приближеніе къ себѣ наше, кидается съ яростью на три разные корпуса союзныхъ нашихъ войскъ и вездѣ претерпѣваетъ пораженіе. Съ одной стороны, гвардія наша, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта графа Остермана, и потомъ подоспѣвшіе къ ней армейскіе полки, подъ начальствомъ главнокомандующаго всѣми войсками генерала Барклая-де-Толли, истребляютъ сорокатысячный непріятельскій корпусъ, посланный подъ предводительствомъ извѣстнаго лютостью своею *Вандама* ворваться въ Богемію и овладѣть столичнымъ городомъ ея Прагою; но судьба Всевышняго предаетъ его со всѣми другими подъ нимъ началниками, войсками и орудіями въ наши руки. Съ другой стороны, наслѣдный принцъ шведскій, повелѣвающій частью россійскихъ и прусскихъ войскъ, одерживаетъ знаменитую побѣду, отъемлетъ знатное число орудій, и беретъ въ плѣнъ многихъ генераловъ, офицеровъ и солдатъ. Съ третьей стороны, прусскій генералъ (нынѣ фельдмаршалъ) Блюхеръ со своими и нашими войсками наноситъ страшные сопротивнику удары, и также лишаетъ его знатной части войскъ и великаго числа орудій.

Раздраженный сими потерями непріятель собираетъ всѣ свои силы подъ стѣнами Лейпцига и еще дышетъ мщеніемъ и надеждою возстать и возвеличиться. Между тѣмъ стремящіеся по разнымъ направленіямъ корпусы наши со всѣхъ сторонъ его окружаютъ. Страшное число войскъ стѣсняется на малой округѣ земли, и жаркая, лютѣйшая брань, долженствующая рѣшить судьбу царствъ, возгарается и начинаетъ пылать. Непріятель сильно упорствуетъ. Огнь и смерть разстилаются по всему пространству полей, и густой градъ ядеръ и пуль сыплется во всѣ страны. Долго въ стонѣ воздуха и затмѣніи свѣта побѣда стоитъ сомнительною. Слухъ не слышитъ ничего, кромѣ грома и треска; око не видитъ ничего, кромѣ мрака и дыма. Напослѣдокъ праведное оружіе блистаетъ во всей своей славѣ, и утѣснитель народовъ съ остатками разбитыхъ и разсѣянныхъ войскъ своихъ, оставя поле сраженія, бѣжитъ укрыться въ городѣ; но не укрывается: побѣдоносное наше воинство течетъ за нимъ и поражаетъ его въ самыхъ стѣнахъ града. Но что еще? о промыслъ Божій! о праведное воздаяніе хищности

и насилію! войски угнѣтенныхъ народовъ, поневолѣ присоединенныя къ войскамъ поработителя своего, свергаютъ съ себя, во время самаго сраженія, поносное иго рабства, исторгаются изъ среды оскорбителей своихъ и, обратя на нихъ оружіе, съ удивительною храбростью смываютъ съ себя стыдъ притѣсненія кровью притѣснителей [1]). Наконецъ вездѣ врагу предстоитъ погибель. Въ единой быстротѣ бѣгства остается ему искать спасенія. Знамена его, орудія, снаряды, полководцы, начальники, воины, въ невѣроятномъ множествѣ падаютъ и преклоняются предъ побѣдителями.

„Тако рѣшилась важная, воцаряющая правду, всѣ племена и народы воскрешающая битва! Плоды ея неисчетны, слѣдствія спасительны для нынѣшнихъ и будущихъ родовъ всего человѣчества. Очарованіе разрушено, гордость низринута, слѣпота умовъ и страхъ сердецъ развѣяны, злочестіе и злоба скованы. Непріятель съ малыми остатками изнуренныхъ силъ своихъ вогнанъ въ предѣлы своего царства. Мы на берегу Рейна, и Европа освобождена.“ *)

*) Остальной конецъ сей бумаги, по превращеніи оной въ частное извѣстіе, не могъ уже оставаться. Конецъ сей былъ слѣдующаго содержанія:

„Проходя мыслію всѣ сіи дивныя событія, предъ очами нашими происходившія, хотя съ совершенною признательностью отдаемъ, мы всю должную справедливость искуству вождей и храбрости нашихъ и союзныхъ войскъ, — заслуги и дѣла ихъ не изгладятся никогда изъ памяти потомства; — но вникая въ цѣпь различныхъ случаевъ, часто неудобопредвидимымъ образомъ обращавшихся въ нашу пользу, не можемъ мы въ благоговѣйномъ чувствованіи души нашей не признать явно и очевидно нисходящаго свыше на насъ промысла и благодати Божіей. Его неисповѣдимая премудрость водитъ насъ по стезямъ чести; Его всесильный перстъ указуетъ намъ путь спасенія; Его святая воля, коснувшись душъ и тѣлесъ нашихъ творитъ ихъ твердыми и крѣпкими. И такъ да умолкнетъ предъ Нимъ всякая слава человѣческая; да принесется она отъ каждаго изъ насъ, яко жертва смиренія, Тому, отъ Кого имѣетъ свое начало, и безъ Котораго всѣ наши дѣянія и способности суть ничтожны. Не забудемъ Бога, да не забудетъ Онъ насъ. Мы увѣрены, что всякъ изъ вѣрноподданныхъ нашихъ всегда, наипаче же послѣ толикихъ изліянныхъ на насъ милостей Господнихъ почувствуетъ сіе во глубинѣ души своей и чувствовать не престанетъ. Сего ради повелѣваемъ: да отворятся во всемъ пространствѣ области нашей всѣ Божественные храмы; да принесется во всѣхъ церквахъ торжественное молебствіе и колѣнопреклоненіе Всемогущему Творцу; да проліются отъ всего народа горячія слезы благодарности за неизреченное Его къ намъ милосердіе; Онъ высокою мышцею своею изъялъ насъ изъ хлябей бездны и поставилъ на высоту славы. Что воздадимъ Ему, кромѣ радостныхъ слезъ и рыданій?“

[1]) Измѣна саксонскихъ и польскихъ войскъ подъ Лейпцигомъ доставила окончательную побѣду союзникамъ.

Въ бытность мою въ Прагѣ, также дорогою оттуда и по пріѣздѣ моемъ въ Франкфуртъ, изъ разныхъ со многими разговоровъ, и даже изъ словъ государя самаго, довольно я наслышался, что Наполеонъ, послѣ сраженія подъ Лейпцигомъ, худо былъ преслѣдованъ. Какимъ образомъ съ разбитымъ войскомъ, котораго оставалось у него не болѣе семидесяти тысячъ человѣкъ, могъ онъ спастись и придти во Францію, имѣя впереди себя сто тысячъ союзныхъ войскъ, да за собою всю, идущую по стопамъ его, побѣдоносную армію? Какимъ образомъ обошелъ онъ передовыя союзныя войска, допустившія его безпрепятственно опередить ихъ, и такъ отъ него отставшія, что баварскій генералъ Вреде, ожидавшій его съ сорокатысячнымъ корпусомъ своимъ въ Ганау, долженъ былъ сражаться съ нимъ одинъ, безъ всякой подоспѣвшей къ нему помощи [1]? Могло ли бы сіе статься, еслибъ въ дѣйствіяхъ противъ него не было или грубыхъ ошибокъ, или явнаго потворства, доставившаго ему средство, по возвращеніи во Францію, господствовать еще надъ нею и ополчать ее къ продолженію войны? Въ одномъ мѣстѣ, говорятъ, австрійскій генералъ пропустилъ непріятеля, давъ ему безвозбранно пройти мимо себя; въ другомъ — Блюхеру не дали идти по той дорогѣ, по которой бы онъ его легко настигнуть могъ; въ третьемъ — воротили назадъ или задержали Витгенштейна, быстро за нимъ стремившагося. Даже, сказываютъ, выходили изъ того нѣкоторыя размолвки и крупныя объясненія между Шварценбергомъ (главнымъ начальникомъ надъ всѣми союзными войсками) *), и генералами Блюхеромъ и Барклаемъ-де-Толли. Во всѣхъ австрійскихъ дѣйствіяхъ, военныхъ и политическихъ, примѣчалась нѣкоторая слабость и не-

*) Порученіе главнаго начальства и предводительства надъ всѣми союзными, въ томъ числѣ и нашими войсками, не было ни малѣйше согласно съ русскою славою. Въ прежнія времена, гремѣвшій побѣдами Суворовъ, по приглашенію австрійскаго императора, принялъ начальство надъ войсками его, и спасъ Вѣну отъ нашествія Французовъ. А нынѣ, тѣжъ самые Россіяне, которые, побѣдя всю Европу, пришли вторично освободить Австрію и всѣ нѣмецкія земли отъ уничижительнаго рабства, должны состоять подъ повелительствомъ австрійскаго полководца, далеко въ воинскихъ подвигахъ не равняющагося съ Суворовымъ, и который нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ безславнымъ образомъ принужденъ былъ служить противъ насъ подъ знаменами Наполеона! Могло ли сіе для русскаго сердца быть не больно? не ужъ-ли бы тожъ самое случилось и при жизни князя Смоленскаго? но тогда, если не естественною смертью, то бы долженъ онъ былъ умереть отъ огорченія.

[1]) Почему не могъ воспрепятствовать переправѣ французскихъ войскъ черезъ Рейнъ. Вреде былъ въ этомъ сраженіи раненъ.

чистосердечіе. Манифестъ ихъ, изданный по разрывѣ конгреса, хотя и объявлялъ Наполеону войну, но въ безпрестанныхъ, едва не въ каждой строкѣ, величаніяхъ его почтительными выраженіями и титуломъ *императорскаго величества,* казалось изъявлялъ предъ нимъ робость свою, и какъ бы, въ случаѣ поворота французской власти, напередъ испрашивалъ у него прощенія и помилованія. Извѣстно, что подъ Лейпцигомъ побѣда была бы не столь полная еслибъ государь нашъ самъ не рѣшился принудить Австрійцевъ войти въ Лейпцигъ, чего Шварценбергъ не хотѣлъ, довольствуясь одержанною поверхностью на полѣ битвы. Австрійцы, а особливо славенскаго поколѣнія, сами не довѣряли предводителю своему Шварценбергу и управляющему политическими дѣлами Меттерниху. Въ Прагѣ однажды пронесся слухъ, что оба они смѣнены и подъ стражею отправлены въ Вѣну. Несогласіе между ихъ и нашими людьми оказывалось часто. Въ Богеміи, также и въ другихъ мѣстахъ, во время похода, нѣсколько нашихъ солдатъ, козаковъ и даже офицеровъ, были отъ нихъ убиты, и убійцы оставались ненаказанными*). Графъ Витгенштейнъ, предводительствуя иногда прикомандированными къ нему Австрійцами, не спрашивалъ у начальниковъ ихъ, какъ велико съ ними число людей, но сколько у нихъ паръ башмаковъ? ибо они часто за неимѣніемъ ихъ отговаривались выходить во фрунтъ. Онъ отдавалъ иногда въ приказахъ: *„marschiren ohne kochen“* (идти не доваривая каши), потому что они часто не шли въ походъ или въ сраженіе, отзываясь, что еще кашу варятъ. Полицейскій генералъ нашъ Гертель [1]) говаривалъ мнѣ, что еслибы дали ему волю сбирать по дорогѣ отстающихъ отъ похода цесарцевъ, то бы онъ набралъ ихъ цѣлые полки. Войски бывшаго Рейнскаго союза хотя и вооружались, чтобъ соединиться съ нами, но съ великою медленностью и подъ сомнѣніемъ. Шведскій принцъ Бернадотъ, хотя и хорошо дѣйствовалъ, но берегъ своихъ людей и казалось больше помышлялъ о Датчанахъ и Норвегіи, нежели о

*) Однажды слышалъ я, что на русскаго солдата напали нѣсколько человѣкъ Австрійцевъ и стали его бить. Въ это время шелъ мимо ихъ офицеръ нашъ, и солдатъ закричалъ ему: „Ваше благородіе! меня бьютъ до смерти, а я не смѣю обороняться: — не приказываютъ; прикажите только, я одинъ всѣхъ ихъ на повалъ положу.“ Государь самъ сказывалъ мнѣ, что онъ терпѣлъ такія людямъ своимъ отъ нихъ обиды для того, чтобъ они не отстали отъ союза. Снисхожденіе слишкомъ великое! Наполеонъ не такъ поступалъ съ ними, и они, вмѣсто гордости, предъ нимъ трепетали.

[1]) Эртель, бывшій при Павлѣ оберъ-полицмейстеромъ въ Москвѣ.

дѣлѣ общемъ. И такъ вся надежда была на Русскихъ и Пруссаковъ, которые одни только усердно и дружно во всѣхъ битвахъ кровь свою проливали. Политическія дѣла, не меньше какъ и военныя, приводили меня въ недоумѣніе. Миръ съ Наполеономъ былъ невозможенъ; ибо Франція, подъ его правительствомъ, не могла долго оставаться спокойною; а потому надлежало заключить оный или съ нею, или съ тѣмъ, кто послѣ него будетъ ею управлять. Для сего казалось бы слѣдовало, вмѣстѣ съ намѣреніемъ идти во Францію, торжественно объявить ей, что въ нее идутъ не для завоеванія или раздробленія ея, но единственно для низверженія Наполеона, безъ чего въ Европѣ не можетъ водвориться прочная тишина и спокойствіе. Тогда пользы французскаго народа съ обладателемъ его были бы раздѣлены, и вѣроятно Франція не захотѣла бы жертвовать собою для личныхъ его выгодъ. Но это не такъ дѣлалось. Союзныя державы ничего положительнаго не изъявляли и часто перемѣняли свои требованія, чрезъ что подавали Наполеону поводъ, а особливо при его безстыдныхъ лжахъ, вселять недовѣренность къ словамъ ихъ и представлять намѣреніе ихъ идти во Францію въ видѣ желанія стѣснить ея предѣлы, разграбить и раздробить ее на части. Таковыя противъ него политическія дѣйствія связывали собственную пользу его съ пользою народною, способствовали ему сохранять еще повелительный и грозный видъ, поддерживать пограничныя крѣпости, явиться въ Парижѣ, и требовать отъ сената и отъ народа новыхъ усилій и вооруженій. Всѣ сіи обстоятельства, не взирая на великіе наши успѣхи и растрату войскъ его, представляли мнѣ конецъ войны не только отдаленнымъ, но и сомнительнымъ. Я воображалъ: первое, что на австрійскія войска нельзя много надѣяться; второе, что можетъ быть Франція, видя стремящагося внутрь ея непріятеля, съ такою же твердостью ополчится противъ насъ, съ какою Россія ополчалась противъ ней; третіе, что если паче чаянія мы и Пруссаки прогнаны будемъ изъ Франціи, то уже конечно Наполеонъ утвердится на своемъ престолѣ, и легко можетъ статься, что въ краткое время до такой же, какъ и прежде, степени возвысится. Сверхъ сего не слышно было ни о какихъ общихъ между союзными державами предположеніяхъ на какомъ основаніи быть Франціи. Казалось каждая изъ нихъ, не сносясь съ другою, предполагала нѣчто про себя, и что за тѣмъ только хотѣли идти за Рейнъ, чтобъ побывать за нимъ, безъ всякой общей цѣли и преднамѣреннаго постановленія. Судьба должна была это рѣшить. Наполненный сими сомнѣніями, я раз-

говаривалъ о томъ съ нѣкоторыми нашими генералами; но и они не могли ни въ чемъ меня успокоить и были одинакихъ со мною мыслей. Въ это время я сдѣлался боленъ, и нѣсколько дней не могъ выходить изъ горницы. Сидя одинъ дома и устрашаемый размышленіями, чтобъ Россія, воюя уже не за свою, но за чужія земли, не лишилась той славы, до которой она столькими трудами и пролитіемъ крови своей достигла, написалъ я мысли свои о положеніи нашемъ, съ тѣмъ, чтобъ при письмѣ послать бумагу сію къ государю императору. Долго я колебался. Первое представлялось мнѣ, что я о подробности сихъ дѣлъ не довольно былъ извѣстенъ; второе, что не имѣю никакого права въ толь важныхъ обстоятельствахъ подавать государю свои совѣты; третіе, что хотя бы разсужденія мои и были основательны, то уже по принятымъ мѣрамъ и расположеннымъ движеніямъ войскъ не могутъ онѣ быть приняты ни въ какое уваженіе. Мысли сіи меня останавливали; но съ другой стороны думалъ я: на что мнѣ скрывать то, къ чему подвигнутъ я усердіемъ и любовью къ моему отечеству? Знаю, что безполезно покушаюсь на невозможное, но по крайней мѣрѣ сниму съ души моей отягощающее меня бремя и буду правъ передъ собою. Мысль сія рѣшила меня, и я послалъ къ государю слѣдующее письмо:

„Всемилостивѣйшій государь!

„Я виноватъ: вхожу не въ свое дѣло. Осмѣливаюсь обременить тебя прочтеніемъ безполезныхъ, но по моему понятію правдивыхъ строкъ. Усердіе мое тому причиною. Я въ сужденіяхъ моихъ руководствовался простымъ разсудкомъ, и не могъ скрыть отъ тебя своихъ мыслей. Прости великодушно, ежели ошибаюсь и пишу не дѣло.

„В. и. в. вѣрноподданный А. Ш.“

При письмѣ семъ приложена была слѣдующаго содержанія бумага:

„Разсужденіе
„о нынѣшнемъ положеніи нашемъ.
„(Франкфуртъ на Майнѣ, ноября 6 дня 1813 года).

„Освобожденіе Европы отъ ига властолюбиваго обладателя Франціи, спасеніе всѣхъ народовъ и возвращеніе имъ прежняго ихъ достоинства, спокойствія и свободы, есть конечно дѣло важное, великое и благодѣтельное для всего свѣта. Оно покрыло благословеніями и вѣчною славою россійскаго императора, яко единственнаго по Богѣ совершителя сей чрезвычайной перемѣны, сего сорванія покрова рабства съ лица всея земли. Но при всѣхъ на-

шихъ дѣлахъ, худыхъ и добрыхъ, есть предѣлы, на которыхъ нужно останавливаться. При всякомъ достиженіи цѣли своей, надлежитъ помыслить, должно ли цѣль сію отодвигать еще далѣе; ибо сіе заманчивое всегда отодвиганіе оной далѣе и далѣе впередъ можетъ напослѣдокъ довесть насъ до того, что мы лишимся всѣхъ пріобрѣтенныхъ прежде многими трудами плодовъ. Наполеонъ изъ простолюдина дѣлается консуломъ, потомъ императоромъ, потомъ завоевателемъ многихъ земель, потомъ поработителемъ почти всей Европы; но отодвигая цѣль свою далѣе и далѣе, наконецъ приходитъ завоевать Россію: лишается всѣхъ своихъ войскъ, бѣжитъ, собираетъ новыя силы, низлагается снова и теряетъ всю свою прежнюю власть, величество и славу. Происшествіе съ нимъ есть живой урокъ для обузданія стремленій своихъ во время успѣховъ и счастія.

„Обратимся теперь къ Россіи. Наполеонъ приходитъ въ нее со множествомъ своихъ и чужихъ силъ, съ лютыми и злодѣйскими намѣреніями, наноситъ ей страшное разореніе и глубокія раны; но погубляетъ въ ней всѣ лучшія свои войска, и едва самъ съ горстью оставшихся людей уходитъ изъ ея предѣловъ. Вотъ первая цѣль, до которой Россія желала достигнуть. Достигла и положила прочное основаніе своему спокойствію, независимости и славѣ; ибо вторичное покушеніе Наполеона придти въ нее, послѣ нанесеннаго ему сокрушительнаго удара, не можетъ быть предполагаемо *); и если положить оное въ возможности вещей, то почему не полагать въ той же возможности вторичное сокрушеніе онаго? И такъ Россія истребленіемъ врага окончила и совершила свое дѣло. Самая безопаснѣйшая и нужнѣйшая ограда была для ней: исцѣленіе внутреннихъ ранъ и возстановленіе разстроенныхъ силъ своихъ. Но оставался еще важный предметъ, достойный вниманія великой имперіи и великодушнаго ея монарха: главная часть европейскихъ державъ стонала еще подъ игомъ, повиновалась жестокому притѣснителю своему, и умножала поневолѣ силы его противъ себя самой и ко вреду всего человѣчества. Не взирая на громкое паденіе его, она не смѣла еще поднять главы своей. Освобожденіе сихъ царствъ сопрягало троякую для Россіи пользу: первое, неукротимый и дерзкій врагъ уменьшался въ силахъ своихъ; второе, возстановлялся оплотъ между имъ и нами; третіе, великодушно и достойно всякой чести и славы

*) Наполеонъ, при вторичномъ выходѣ своемъ изъ Франціи, долженъ былъ, какъ увѣряютъ, обѣщать новонабранному воинству своему, что онъ не пойдетъ болѣе въ Россію.

— исторгнуть невинную жертву изъ когтей лютаго хищника. И такъ праведно двигнулся самъ россійскій царь съ побѣдоноснымъ воинствомъ за предѣлы царства своего. Россія должна была радоваться толь великому предпріятію, и не смотря на текущую кровь свою и раны, отложить на время уврачеваніе оныхъ, и сдѣлать новыя усилія, принесть новыя жертвы для пользы и славы своей. Богъ благословилъ праведное начинаніе благодушнаго ея царя. Се къ благой и праведной сторонѣ, освобождаясь отъ узъ, пристаютъ, едино за другимъ, всѣ царства и княжества, и въ теченіе десяти мѣсяцовъ, послѣ многихъ жестокихъ и кровопролитныхъ битвъ, побѣжденный и вновь потерявшій почти все свое воинство непріятель уходитъ и запирается въ предѣлахъ своей области.

„Теперь настоитъ вопросъ: достигла ли Россія до своей цѣли? окончила ли дѣло свое? и что остается ей предпріять? Разсмотримъ для сего нынѣшнее состояніе царствъ, и потомъ станемъ выводить изъ того свои заключенія.

„Состояніе Франціи:

„Она истощена въ силахъ своихъ, потеряла одну послѣ другой двѣ сильныя арміи, составлявшія до осьми сотъ тысячъ человѣкъ, лишилась всей конницы и артиллеріи. Рейнскій союзъ разрушенъ, отторженъ отъ ней. Гишпанія угрожаетъ ея предѣламъ. Мнѣніе о непреодолимомъ искуствѣ Наполеоновомъ уничтожено. Обладавшій умами страхъ исчезъ. Уста злонамѣренныхъ заграждаются. Гласъ гордости и лжи его становится посмѣшищемъ и умолкаетъ предь гласомъ правды. Коль великая перемѣна въ дѣйствительномъ могуществѣ его и волшебномъ очарованіи!

„Состояніе Нѣмецкой земли:

„Австрія, Пруссія и всѣ нѣмецкія области, чрезъ уничтоженіе Рейнскаго союза, вступаютъ въ прежнее свое достоинство. Вмѣсто чтобъ быть имъ раздѣленнымъ и воевать противъ самихъ себя за Францію, онѣ теперь соединены, и всѣ совокупно могутъ противупоставить силы гораздо превосходнѣйшія силъ истощенной Франціи. Коль великій для нихъ перевѣсъ!

Состояніе Россіи:

Удаленная отъ французскаго царства, миролюбивая, но купно и грозная Россія, показавшая въ низложеніи силъ всей Европы ужасный примѣръ великаго могущества своего, и еще большій примѣръ великодушія; ибо забывъ нанесенныя ей оскорбленія и самыя не зажившія еще раны свои, приходитъ за зло воздать

добромъ, избавить воевавшую противъ ней Европу — приходитъ, ободряетъ, подкрѣпляетъ и избавляетъ! Чегожъ еще желать отъ ней?

„Скажутъ: но врагъ ушедшій въ свои предѣлы не склоняется еще на миръ, онъ помышляетъ о новомъ ополченіи. Слѣдственно дѣло еще не кончено.

„Отвѣчаю: какая нужда, хочетъ ли онъ мира или нѣтъ? дѣло кончено. На что дожидаться отъ него согласія и подтвержденія миромъ того, что я исторгъ у него изъ рукъ, и чѣмъ безъ него располагать могу? Нѣмецкой землѣ данъ великій противъ него перевѣсъ: она можетъ составить и держать всегда превосходнѣйшія противъ него силы. Войски ея будутъ жить у себя, дома, всегда готовы собраться и двигнуться при малѣйшихъ покушеніяхъ врага.

„Скажутъ: быть всегда въ осторожности и ополченіи, содержать много войскъ и наблюдать между всѣми тѣсный союзъ, требуетъ неусыпнаго вниманія, трудовъ и великихъ издержекъ.

„Отвѣчаю: но не таже ли самая осторожность необходимо нужна для Нѣмецкой земли и тогда, когда Наполеонъ заключитъ миръ? Что для него миръ? можно ли на оный полагаться? Миръ возвратитъ ему болѣе ста тысячъ плѣнныхъ, умножитъ собранныя имъ вновь силы, и какъ скоро онъ будетъ готовъ, тотчасъ пойдетъ возвращать свои завоеванія. Можно-ли полагать въ немъ дѣйствительное отреченіе отъ властолюбія? Скорѣе, какъ говоритъ священное писаніе, канатъ продѣнется сквозь игольныя уши. И такъ, чтобъ быть безопасну, не должно-ли имѣть отъ него равную осторожность въ мирѣ, подобно какъ и въ войнѣ?

„Скажутъ: но съ миромъ освободятся многія крѣпости, занимаемыя нынѣ гарнизонами его.

„Отвѣчаю: дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ, видя взятыя противъ него сильныя мѣры, не смѣлъ онъ выходить изъ предѣловъ своей земли, или бы вышедшій прогнанъ былъ назадъ: тогда крѣпости сами по себѣ упадутъ. А если не будетъ достаточныхъ силъ воспротивиться движеніямъ его внутрь чужихъ земель, тогда, хотя бы крѣпости и очищены были, опять по-прежнему отдадутся.

„Скажутъ: пребываніе здѣсь россійскаго императора и войскъ его необходимо нужно; ибо онъ душа всего союза, и самая величайшая всѣхъ надежда. Безъ него все можетъ расклеиться, и Наполеонъ не упуститъ тѣмъ воспользоваться.

„Отвѣчаю: все это несомнѣнная правда; но если Наполеонъ

заключить миръ, и россійскій императоръ съ войсками своими возвратится въ Россію, Нѣмецкая земля не въ томъ ли же самомъ останется положеніи, въ какомъ и теперь? Ибо мы уже выше сказали, что съ симъ человѣкомъ миръ и война есть одно и тоже. Когда возвышенный онъ алкалъ всегда болѣе возвышаться, то уничиженный престанетъ ли того желать? Если примѣтитъ онъ противъ себя твердость и осторожность, то будетъ миренъ, а если увидитъ слабость и возможность побѣдить, то среди мира пойдетъ войною.

„Скажутъ: но можно еще болѣе стѣснить его, отобрать пограничныя крѣпости, и внутри Франціи принудить къ миру. Тогда Нѣмецкая земля совершенно будетъ безопасна.

„Отвѣчаю: въ такомъ случаѣ надобно будетъ отодвинуть цѣль свою еще далѣе, то есть устремиться на покореніе Франціи, если она не захочетъ отказаться отъ своего Наполеона. За успѣхъ сего трудно отвѣчать, и тогда надобно будетъ рѣшить вопросъ: полезно ли для Россіи, претерпѣвшей при защищеніи себя тяжелыя раны, и не смотря на то напрягшейся на освобожденіе Европы, истощать еще имущество и напрягать силы свои для сомнительнаго покоренія Франціи, дабы обезопасить Нѣмецкую землю, которая и теперь приведена уже въ безопасное состояніе, какъ скоро сама будетъ бдительна и осторожна?

„Франція великою утратою людей своихъ конечно должна быть истощена; однакожъ непріятель не былъ въ ея предѣлахъ, не пожегъ ея градовъ, не разорилъ селеній; и такъ, хотя и должно думать, что отбита у ней охота помышлять о завоеваніяхъ и преобладаніи надъ другими; но можетъ быть не меньше, какъ и Россія, окажетъ она единодушія, силы и твердости въ защитѣ собственныхъ своихъ предѣловъ. Наполеонъ думалъ найти миръ въ Москвѣ, и обманулся. Почему же во Франціи не можетъ случиться того же, что случилось въ Россіи? можетъ быть и мы не найдемъ мира даже и въ самомъ Парижѣ. Сверхъ сего предпріятіе идти во Францію противно торжественнымъ возвѣщеніямъ, что предѣлы ея останутся неприкосновенны, и слѣдственно сіе нарушеніе долженствуетъ непремѣнно самыми тѣсными узами связать Наполеона съ народомъ его. Нынѣ пользы ихъ нѣкоторымъ образомъ раздѣлены: властолюбивому Наполеону не хочется разстаться съ господствомъ своимъ надъ Европою и потерять громкость имени своего; утомленной войнами Франціи не хочется поддерживать сіе господство его, тѣмъ паче, что надлежитъ снова идти покорять народы и снова проливать кровь свою рѣками. Но тогда

сіе раздѣленіе пользъ ихъ превратится въ самую крѣпчайшую связь. Народъ станетъ стоять за себя, и будетъ видѣть въ Наполеонѣ спасителя своего. И ежели (чего Боже сохрани!) союзныя войски потерпятъ во Франціи такое же или подобное пораженіе, какое Французы претерпѣли въ Россіи, тогда Европа упадетъ снова подъ иго ихъ, опаснѣйшее и крѣпчайшее прежняго. Мудрено усомниться въ возможности подобнаго оборота счастія, имѣя предъ собою сильнѣйшій и недавно случившійся тому примѣръ.

„По всѣмъ симъ обстоятельствамъ другого лучшаго и надежнѣйшаго средства кажется нѣтъ, какъ всей Нѣмецкой землѣ, подъ покровомъ главы своей, австрійскаго императора, составить сильное ополченіе, къ которому Пруссія должна присовокупить всѣ свои силы, поелику она имѣетъ нужду въ освобожденіи крѣпостей своихъ изъ рукъ непріятельскихъ. Сіе ополченіе, могущее безъ всякаго изнуренія земель простираться по крайней мѣрѣ до четырехъ сотъ тысячъ оруженосцевъ, долженствуетъ содержать непріятеля въ предѣлахъ земли его, доколѣ не пожелаетъ онъ примириться. Россія, съ своей стороны, въ союзѣ семъ участвовать будетъ оставленіемъ здѣсь (буде надобно) корпуса своего отъ пяти до шестидесяти тысячъ человѣкъ, и арміею своею расположенною на границахъ земли своей и частью въ герцогствѣ Варшавскомъ. Изъ сего положенія Франція увидитъ: первое, что до предѣловъ ея отнюдь не касаются, и второе, что для преградденія успѣховъ ея приготовлены препоны, могущія продолжиться годъ, два и болѣе. Тогда конечно, при всемъ рвеніи Наполеоновомъ, отречется она быть жертвою его властолюбія, и пожелаетъ дѣйствительнаго мира.

„Между тѣмъ Россія, первѣйшая виновница освобожденія Европы, и слѣдовательно первая въ семъ общемъ союзѣ держава, сохранитъ всегда и силу, и славу, и права свои въ постановленіяхъ мирныхъ договоровъ. Въ противномъ же случаѣ, продолженіе нести на раменахъ своихъ всю тяжесть войны, и долговременнѣйшее еще пребываніе всѣхъ войскъ ея въ толь отдаленномъ краю, можетъ сильно истощить всѣ ея способы, и жребій ея останется еще неизвѣстенъ.“

Бумагу сію написалъ я вскорѣ по пріѣздѣ моемъ и хотѣлъ самъ отдать государю; но не имѣя долго случая быть у него въ кабинетѣ, напослѣдокъ занемогъ и долженъ былъ нѣсколько дней сидѣть дома. Въ это время неоднократно приходило мнѣ въ голову отослать мою бумагу; но останавливали меня два размы-

шленія: первое, я зналъ, что она не можетъ сдѣлать никакой перемѣны въ предпріятыхъ уже дѣйствіяхъ; и второе, хотя и надѣялся, что она, какъ не содержащая въ себѣ ничего, кромѣ чистаго усердія къ отечественнымъ пользамъ, не поставится мнѣ въ какое-либо дерзновеніе, однакожъ колебался въ моемъ намѣреніи, опасаясь несогласными съ общимъ расположеніемъ дѣлъ мыслями моими безъ всякихъ успѣховъ не понравиться и показаться страннымъ. Вотъ какъ трудно говорить съ царями! Льстецы никогда безпокойствъ сихъ не чувствуютъ: они напередъ знаютъ, что сказанное ими принято будетъ съ благосклонностью; но когда человѣкъ даетъ волю чистосердечному чувствъ своихъ изліянію, то и опасается, чтобъ послѣ не сказать самому себѣ: кто тебя спрашивалъ не къ статѣ говорить правду? При всѣхъ однакожъ сомнѣніяхъ моихъ насталъ такой часъ, въ который рѣшился я и отправилъ мое посланіе.*) Это было подъ вечеръ. На другой день поутру пришелъ ко мнѣ графъ Толстой отъ имени государя про-

---

*) Я долженъ припомнить здѣсь о разговорѣ моемъ въ Вильнѣ съ княземъ Смоленскимъ. Тѣжъ самыя причины, то есть опасеніе мое, чтобъ Россія, вступаясь всѣми своими силами за чужія земли, не лишилась собственныхъ своихъ выгодъ, побудили меня къ написанію сего письма. Благодареніе Богу, что послѣдовавшія благополучныя событія не оправдали сего моего страха [1]).

---

[1]) Примѣчаніе въ рукописи 1818 г.: „Происшедшія въ послѣдствіи времени событія, перемѣна во Франціи правительства и слава взятія Парижа, даютъ бумагѣ сей видъ неосмотрительнаго или по крайней мѣрѣ неблаговременнаго предложенія; но надлежитъ судить о ней по настоящему времени, а не по собывшимся послѣ обстоятельствамъ. Будущее отъ насъ сокрыто, а настоящее далеко не представляло полной увѣренности въ томъ, что произошло. Весьма могло случиться противное тому, и тогда бумага моя, основанная на единой любви къ пользамъ отечества, безъ всякаго прельщенія себя блесками славы, имѣла бы совсѣмъ иную цѣну и достоинство. Впрочемъ, соображая все бывшее, я и понынѣ совершенно увѣренъ, что не человѣческие предусмотрѣнія и расчеты, но рука Божія низвергла исполинскую власть и силу Наполеона.“

Примѣчаніе въ печатныхъ „Краткихъ Запискахъ“ (2-ое изд., стр. 201): „Послѣдствія показали, что опасенія мои были напрасны, и что тамъ, гдѣ мечталась мнѣ подобная нашей твердость народа, вышло напротивъ, при всѣхъ Наполеоновыхъ побужденіяхъ, лжахъ и угрозахъ, одно только спокойное равнодушіе, доставившее намъ не погибель, но громкую славу. Народъ и самыя войски его, очнувшіяся отъ ослѣплявшаго ихъ очарованія, не имѣли уже прежняго киченія своего и гордости. Парижъ (по особой, какъ сказываютъ, рѣшительности государя императора идти на него, оставя позади себя Наполеона съ войсками) не только безъ сопротивленія, но можно сказать съ радостью отворилъ намъ врата свои. По таковыхъ счастливыхъ происшествіяхъ, не надлежало бы мнѣ упоминать о семъ письмѣ моемъ, но я охотно о немъ упоминаю, и благодарю Бога, что Онъ опасеніе мое преобратилъ въ пустое мечтаніе.“

вѣдать о моемъ здоровьѣ, и, обвиняя доктора Велье за поздое о болѣзни моей увѣдомленіе, сказалъ, что его величество желаетъ меня видѣть и сбирается самъ ко мнѣ придти. Я удивился и не зналъ чему приписать сію неожидаемую мною честь, — бумагѣ ли моей, или чему иному. Вскорѣ послѣ того присланъ былъ отъ государя фельдъегерь узнать, гдѣ я живу; и потомъ также отнюдь неожидаемо навѣстилъ меня графъ Аракчеевъ. Я ожидалъ весь день сего монаршаго посѣщенія, однакожъ не дождался. На другое утро пришелъ ко мнѣ докторъ Велье и сказывалъ, что государь разспрашивалъ у него съ подробностью о моей болѣзни и заботился, чтобъ меня хорошо лѣчили. Милость сія съ одной стороны была мнѣ пріятна, но съ другой, чувствуя себя не въ силахъ таскаться за главною квартерою, я опасался, что въ случаѣ просьбы моей отстать отъ ней, меня не отпустятъ. Два дни послѣ того ожидалъ я имѣть счастіе увидѣть у себя государя, а особливо въ послѣдній день, потому что въ этотъ вечеръ противъ самыхъ моихъ окошекъ былъ балъ, на которомъ всѣ цари и принцы находились; но ожиданіе мое было тщетно. Наконецъ, не вѣдая что побудило государя вознамѣриться придти ко мнѣ, и потомъ отложить сіе намѣреніе, написалъ я къ графу Толстому, что хотя я не выхожу, однако, ежели его величеству угодно, то я во всякое время придти къ нему смогу. Но какъ присылки за мною никакой не было, то и оставался я сидѣть дома, удивляясь придворнымъ хитростямъ, отъ чего такъ вдругъ загорѣлось, и такъ скоро простыло. Получа нѣкоторое облегченіе отъ болѣзни, одѣлся я и пошелъ безъ всякаго позыва къ государю съ докладами. Онъ принялъ меня, и когда я, по прочтеніи нѣсколькихъ бумагъ, сталъ просить извиненія, что осмѣлился послать къ нему размышленія мои о нынѣшнихъ нашихъ обстоятельствахъ, то онъ сказалъ мнѣ: — „Напротивъ, я очень доволенъ твоею бумагою, и прочиталъ ее не одинъ разъ; въ ней много правды, и хотя я не то буду дѣлать, однакожъ во многомъ согласенъ съ тобою.“

Я упомяну здѣсь о нѣкоторомъ, хотя не весьма важномъ, но довольно любопытномъ обстоятельствѣ: въ слѣдствіе написаннаго въ Клодавѣ, февраля 5 дня 1813 года (см. выше сего, стран. 175) провозглашенія войскамъ, что грудь ихъ украшена будетъ серебряною медалью съ надписью 1812 года, отправлено было въ Петербургъ повелѣніе начеканить по данному образцу нѣкоторое количество сихъ медалей и прислать въ главную квартеру. Нынѣ оныя присланы были и хранились у господина Канкрина [1]), для

[1]) Егоръ Францовичъ, впослѣдствіи графъ и министръ финансовъ (съ 1823 по 1844 г.), былъ въ то время генералъ-интендантомъ арміи.

раздачи тѣмъ, кому приказано будетъ. Положеніе сдѣлано такое, чтобъ ихъ давать однимъ только военнымъ чинамъ и солдатамъ. Всѣ прочіе изъ сего исключались, такъ что и оберъ-гофмаршалу графу Толстому, сопровождавшему повсюду государя, было въ томъ отказано. Мнѣ казалось, что такое ограниченіе одними военнаго званія людьми не соотвѣтствуетъ установленію сего знака, долженствующаго изъявлять всякую принесенную въ семъ достопамятномъ году заслугу отечеству. Я написалъ противъ сего слѣдующаго содержанія бумагу:

„Медаль сія изображаетъ сліянное, вообще отъ всѣхъ состояній, къ вѣрѣ, государю и отечеству ревность и усердіе, отъ которыхъ родилась и возросла сила народнаго духа. А потому всякъ участвовавшій въ составленіи сей силы какими бы то ни было дѣяніями своими, имѣетъ право медаль сію носить. Въ ней не разбирается ни санъ, ни званіе человѣка, ни родъ, ни великость заслуги. Полководецъ и простой воинъ, вельможа и гражданинъ, покоритель области и добровольно ополчившійся противъ врага землedѣлецъ, равно украшаются, равно гордятся ею, не пó различію чиновъ и заслугъ, но единственно по духу усердія своего къ отечеству. Таковое въ установленіи ея намѣреніе важно и велико. Но если назначить ее исключительно для однихъ воиновъ, то она уклонится отъ своей цѣли и потеряетъ главную важность свою; ибо въ такомъ случаѣ будетъ означать одну только храбрость; но храбрость означается уже георгіевскимъ крестомъ. Что же будетъ тогда медаль? слабое изъявленіе того же, что изображаетъ георгіевскій крестъ. Носящій на себѣ оба сіи знака однимъ (то есть крестомъ) будетъ говорить: *я храбръ*; а другимъ (то есть медалью): *я въ 1812 году былъ храбръ*. Ясно, что сія послѣдняя мысль при первой ни мало не нужна, и только потвореніемъ своимъ ослабляетъ оную. Медаль сія ничего не прибавитъ къ честолюбію воина; и весьма огорчитъ того купца, гражданина, земледѣльца, или иного, который, удѣля въ сіе нужное время знатную часть своего имущества, или воспаля рукою своею домъ свой да не найдетъ въ немъ врагъ пристанища, или добровольно отъ жены и малыхъ дѣтей ополчась оружіемъ, пошелъ воспротивиться непріятелю, по справедливости вопіять будетъ: *меньше-ли я сдѣлалъ, чѣмъ простой въ шеренгѣ воинъ?*

„Истинная цѣль сей медали есть слѣдующая: на воинѣ означаетъ она *службу его въ семъ славномъ и достопамятномъ году*, на всѣхъ же другихъ состояніяхъ — *всякаго рода усердіе и ревность къ общей пользѣ*. Сіе усердіе различнымъ образомъ могло быть

приносимо и возлагаемо на жертвенникъ любви къ отечеству: поставщикъ, безкорыстно снабдившій войско потребными вещами, гонецъ, отнесшій съ опасностью жизни нужную бумагу, крестьянинъ, указавшій войску враговъ, священникъ, ободрившій людей, женщина, подавшая собою примѣръ мужества или отличнаго усердія, и тысячи подобныхъ тому дѣяній, всѣ безъ изъятія должны симъ правомъ пользоваться.

„Для порядка раздачи по требованіямъ и просьбамъ, надлежитъ учредить думу, которая бы сіи требованія разсматривала. Между тѣмъ должно поставить себѣ правиломъ, что медаль сія не есть орденъ: она не разумъ мой показываетъ, но душу; не достоинство и способность мою, но простое усердіе; не отличаетъ меня отъ другихъ, но присоединяетъ къ нимъ. Орденъ тѣмъ больше меня веселитъ, чѣмъ меньше вижу себѣ подобныхъ; медаль, напротивъ, тѣмъ больше восхищаетъ духъ мой, чѣмъ больше вижу въ отечествѣ моемъ усердныхъ къ нему людей. И такъ да не будетъ дума сія скупа въ раздачѣ медалей; да не помыслитъ, что великое число уменьшитъ къ ней уваженіе. Нѣтъ! хотя и должно наблюдать, чтобъ не участвовавшіе въ семъ году никакими дѣяніями своими, не носили оной; но, благодаря Бога, видъ правды несомнителенъ: духъ народный въ сіе время оказался вездѣ и повсюду въ такомъ величествѣ и славѣ, что, мнѣ кажется, я бы тогда еще болѣе гордился симъ драгоцѣннымъ знакомъ, когда бы вся Россія надѣла его на себя.

„Установленіе сей медали имѣетъ въ себѣ слѣдующій недостатокъ, который надлежитъ дополнить. Она должна оставаться въ роды родовъ для сохраненія памяти о семъ великомъ происшествіи; но память сія чрезъ полвѣка совсѣмъ истребится; а потому надлежитъ издать новый манифестъ, что первородный сынъ имѣетъ право наслѣдовать ее послѣ отца своего[1]). Если бы Петръ Великій на гвардейскомъ знакѣ изображеніе года сдѣлалъ для одныхъ въ то время бывшихъ офицеровъ, тогда бы давно уже случившееся въ томъ году дѣйствіе, не представляясь болѣе очамъ нашимъ, вышло изъ нашей памяти" *). (Франкфуртъ на Майнѣ. Ноября 25 дня 1813 года).

*) Нынѣ знакъ сей, установленный при взятіи Орѣховца (Шлиссельбурга), и носимый гвардейскими преображенскаго полку офицерами, со времени Павла Перваго не существуетъ болѣе.

[1]) Эта мысль, хотя и не вполнѣ, осуществилась въ учрежденіи манифестомъ 30 авг. 1814 г. бронзовой медали, получившей въ общежитіи названіе дворян-

Я далъ бумагу сію любопытствующимъ прочитать, и желалъ, чтобъ она показана была государю; но не слыша ничего объ ней, и тщетно ожидая присылки ко мнѣ медали, крайне тѣмъ оскорбился. Я не испрашивалъ и не получалъ никакихъ наградъ, которыми другихъ, меньше меня достойныхъ, щедро осыпали: это меня не безпокоило; но видѣть себя не удостоеннаго получить простой значикъ, тѣмъ единымъ лестный, что напоминалъ о всеобщемъ въ сіе важнѣйшее время участвованіи въ дѣлахъ отечественныхъ, признаюсь, что это меня крайне огорчило. Какъ! думалъ я, не ужъ-ли заслуги мои въ семъ году были меньше заслугъ послѣдняго изъ служившихъ въ войскахъ? Мысль сія до того возгордило самолюбіе мое, что я не имѣть сего значка почиталъ за обиду, а выпрашивать его за стыдъ еще большій, чѣмъ сія обида. Въ сихъ размышленіяхъ послалъ я къ Канкрину взять у него оный и принести ко мнѣ. Онъ отвѣчалъ, что имени моего нѣтъ въ спискѣ, и потому онъ не смѣетъ сего сдѣлать. Я послалъ къ нему вторично съ приказаніемъ сказать ему, что онъ не можетъ знать по какимъ обстоятельствамъ я требую того, и что не онъ, а я за требованіе мое отвѣчаю. Послѣ сего значикъ сей принесли ко мнѣ. Я надѣлъ его на себя и пошелъ къ государю, думая: пусть лучше будетъ онъ снятъ съ меня, нежели не данъ. При входѣ моемъ государь посмотрѣлъ на него, но ни слова не сказалъ, и былъ со мною довольно ласковъ. Такимъ образомъ дѣло сіе кончилось нѣмымъ между нами объясненіемъ.

Въ бытность нашу здѣсь часто приглашаемъ я былъ къ столу великихъ нашихъ княгинь Екатерины Павловны и Маріи Павловны. Изрѣдка посѣщалъ театръ и клобъ, въ которыхъ часто забывался, думая, что я въ Петербургѣ, ибо куда не оглядывался, вездѣ видѣлъ нашихъ офицеровъ. Въ одинъ день опечаленъ я былъ извѣстіемъ о смерти князя Кудашева. Онъ былъ раненъ, оставался въ Лейпцигѣ и тамъ умеръ. Всѣ единогласно говорятъ, что войско лишилось въ немъ отличнаго и храбраго генерала, въ которомъ со временемъ могъ бы процвѣсти искуснѣйшій полководецъ; да и въ общежитіи былъ онъ добрый и пріятный человѣкъ. Многія подобныя же вѣсти огорчали меня и о другихъ знакомыхъ. Изъ Дрездена (который тогда очищенъ уже былъ отъ Французовъ, но не очищенъ отъ занесенныхъ ими болѣзней) писали, что тамъ въ шесть дней умерло слишкомъ тысяча человѣкъ. Проклятая

ской. Изъ остальныхъ сословій, только нѣкоторые, особенно отличившіеся купцы получили туже медаль, на анненской лентѣ; да духовенству, до священническаго сана включительно, даны были особые кресты съ надписью 1812 года.

война! ты и послѣ убійствъ, творимыхъ на полѣ брани, продолжаешь еще быть убійственною!

Въ началѣ декабря оставили мы Франкфуртъ и чрезъ нѣсколько дней пріѣхали въ Баденскую столицу Карлсруге. Болѣзнь моя стала опять увеличиваться: я не въ силахъ былъ показываться при дворѣ, не могъ идти къ государю, и потому не представлялся ни маркграфинѣ (матери императрицы нашей Елисаветы Алексѣевны), ни сыну ея владѣтельному герцогу, ни дочери ея шведской королевѣ*), словомъ никому. Въ семъ состояніи моемъ, чувствуя себя отчасу болѣе слабѣющимъ, просилъ я графа Аракчеева сказать обо мнѣ государю, что я боленъ, не могу слѣдовать далѣе за главною квартерою, и прошу позволенія ѣхать въ Россію, или по крайней мѣрѣ въ Вѣну или Берлинъ, гдѣ бы я могъ жить на мѣстѣ и лѣчиться. Въ отвѣтъ сказано мнѣ было, что государь желаетъ самъ меня видѣть и поговорить со мною. Между тѣмъ мнѣ стало нѣсколько получше. Я пошелъ къ нему не одѣтый, въ сертукѣ и безъ шпаги. Онъ принялъ меня милостиво, разспрашивалъ о моихъ припадкахъ, совѣтовалъ лѣчиться у Велье, употреблять одинакую пищу и дѣлать больше движенія. Наконецъ сказалъ: — „*Мнѣ кажется ты не столько боленъ тѣломъ, сколько мыслями.*“ Я увѣрялъ его въ противномъ, присовокупилъ къ тому, что ежели бы болѣзнь моя была мысленная, то бы я не далъ ей во мнѣ усилиться, но отъ тѣлесной болѣзни избавить себя не могу. Разговоръ сей кончился нѣкоторыми докладами моими по дѣламъ, послѣ чего я вышелъ, не получа никакого на просьбу мою рѣшенія. Это было поздо ввечеру. Въ самое то время, какъ я откланивался, государь изволилъ мнѣ сказать: — „*Надобно написать манифестъ о заключеніи мира съ Персіею*“ [2]).

---

*) Королева сія, женщина лицомъ и обращеніемъ весьма пріятная, разставшись съ мужемъ, лишеннымъ престола [1]), жила у матери своей съ сыномъ и дочерьми.

---

[1]) Густавъ IV, послѣ революціи 1809, изгнанный изъ Швеціи, проживалъ то въ Голландіи, то въ Швейцаріи, подъ имянемъ графа Голштейнъ-Готторпскаго и полковника Густавсона.

[2]) Въ „Краткихъ Запискахъ,“ на стр. 206, слова государя переданы такъ: — „Надобно написать манифестъ о принесеніи Богу благодарности за достиженіе наше до сихъ мѣстъ, и также манифестъ о заключеніи мира съ Персіею. Первый, если можно, пришлите ко мнѣ сегодня же.“ — Я пошелъ домой, написалъ и отослалъ къ нему оный (см. въ Собран. маниф., стран. 149); но второго за скорымъ отъѣздомъ написать не успѣлъ.“ — Первый манифестъ см. тутъ-же въ слѣдующемъ примѣчаніи автора Записокъ.

На другой день поутру его величество и мы за нимъ отправились въ Фрейбургъ. Я пріѣхалъ туда въ полдень (декабря 12 дня), и очень усталъ отъ дороги. Велѣлъ подать себѣ супу и, поѣвъ немного, легъ въ постелю. Едва успѣлъ я немного отдохнуть, какъ принесли ко мнѣ своеручную отъ государя записку, въ которой написано: — *„Я желаю, буде возможно, получить манифестъ сего же вечера.“* Не имѣя времени въ дорогѣ приготовить оный, я при всей своей слабости принужденъ былъ встать, отыскать нужныя для заготовленія онаго бумаги, написать его, дать переписать набѣло, и потомъ отнести къ подписанію. Государь изъявилъ мнѣ благоволеніе свое за скорое исполненіе; подписалъ манифестъ*), и спросилъ меня о моемъ состояніи. Я отвѣчалъ, что оно не лучше прежняго. Между тѣмъ осмѣлился по-

*) Манифестъ сей не включенъ въ Собраніи манифестовъ [1]). Также забылъ я выше сего упомянуть о манифестѣ, подписанномъ въ Карлсруге (декабря 6 дня) слѣдующаго содержанія:

„Божіею милостію мы, и проч., объявляемъ всенародно.

„Годъ тому, любезные наши вѣрноподданные, приносили мы благодареніе Богу за избавленіе царства нашего отъ лютыхъ и сильныхъ враговъ. Не проходитъ еще года, какъ уже побѣдоносныя наши знамена вѣютъ на берегахъ Рейна, и ополчавшаяся противъ насъ Европа нынѣ добровольно шествуетъ съ нами. Всѣ лежащія между предѣлами Россіи и Франціи державы, послѣдуя примѣру нашему, несутъ оружіе свое, соединенное съ нашимъ оружіемъ, противу притѣснителя свободы царствъ. Толь великая на всемъ лицѣ земли перемѣна не могла совершиться безъ особливой на то власти Божіей. Его всемогущая десница возноситъ и низлагаетъ судьбы народовъ и царствъ. Обратимъ къ Нему умъ и сердце наше, не возгордимся дѣлами своими и не возмечтаемъ въ себѣ быть нѣчто высшее немощи смертныхъ. Что мы? доколѣ рука Бога надъ нами, до тѣхъ поръ мудрость и сила съ нами: безъ него ни что же бысть, еже бысть. И такъ да умолкнетъ предъ Нимъ всякая слава человѣческая; да принесется она отъ каждаго изъ насъ во всесожженіе Тому, Кто даровалъ намъ оную: истинная слава и честь наша есть благоговѣйное предъ Нимъ смиреніе. Мы увѣрены, что всякъ изъ вѣрноподданныхъ нашихъ всегда, наипаче же послѣ толикихъ изліянныхъ на насъ милостей Божескихъ, чувствуетъ сіе во глубинѣ души своей. Сего ради, внимая гласу собственнаго нашего и ихъ благоговѣнія, повелѣваемъ: да отворятся и нынѣ во всемъ пространствѣ области нашей всѣ Божественные храмы; да принесется во всѣхъ церквахъ торжественное молебствіе и колѣнопреклоненіе всемогущему Творцу; да пролiются отъ всего народа горячія слезы благодарности за неизреченное Его къ намъ милосердіе: Онъ высокою мышцею своею изъялъ насъ изъ хлябей бездны, и поставилъ на высоту славы. Что воздадимъ Ему, кромѣ радостныхъ слезъ и рыданій?“

[1]) „По забвенію,“ сказано въ „Краткихъ Запискахъ“ (стр. 207).

просить, чтобъ онъ меня въ другой разъ принялъ, сказывая, что у меня много дѣлъ, требующихъ разрѣшенія. На это отвѣчалъ онъ мнѣ: — „*Какъ скоро удосужусь, то пришлю за тобою.*“ Черезъ нѣсколько дней въ самомъ дѣлѣ позванъ я былъ къ нему съ дѣлами. По разрѣшеніи бывшихъ со мною докладовъ, онъ опять спросилъ у меня: каковъ я? Отвѣтъ мой былъ, что я все таковъ же и ни малѣйшаго облегченія не чувствую. — „*Какъ же ты думаешь быть?*“ — „Я самъ не знаю, государь; знаю только, что ѣздя за главною квартерою легко могу слечь въ постелю, и тогда принужденъ буду остаться въ какомъ-нибудь непріятельскомъ городкѣ или деревнѣ безъ всякой помощи и призрѣнія.“ — „*Однако въ Вѣну или въ Берлинъ далеко; поѣзжай, коли хочешь, въ Минхенъ.*“ — „Государь! тамъ никого нѣтъ нашихъ Русскихъ; и я, ежели не отъ болѣзни, такъ отъ скуки умру. А вотъ (продолжалъ я) сказываютъ ея высочество Екатерина Павловна будетъ въ это время жить въ Цирихѣ, такъ не позволите-ли мнѣ ѣхать къ ней?“ — „*Къ сестрѣ?* (перервалъ государь) *Очень хорошо; это близко и всего лучше. Она теперь въ Шафгаузенѣ; я скоро туда поѣду и самъ поговорю ей о тебѣ.*“ — Я поблагодарилъ его за толь милостивое обѣщаніе, откланялся и пошелъ съ моими бумагами домой*).

*) Здѣсь долженъ я упомянуть нѣчто о прошедшемъ: два или три мѣсяца тому назадъ прислана была ко мнѣ изъ Петербурга для поднесенія государю третья часть законовъ (двѣ первыя изданы были прежде) [1]) и при ней приложенъ былъ списокъ о наградѣ трудившихся надъ сочиненіемъ ея. Мнѣ о составленіи сихъ законовъ извѣстно было по одному только слуху, потому что до вступленія моего въ званіе государственнаго секретаря никогда не входилъ я въ это и не читалъ ихъ [2]). Но тутъ показалось мнѣ, что я не исполню долга моего, когда поднесу государю толь важную книгу, не имѣя о достоинствѣ и содержаніи ея ни малѣйшаго понятія. Для сего приступилъ я напередъ къ прочтенію оной; но читая нашелъ въ ней много неразумительнаго и даже противнаго здравому разсудку; увидѣлъ, что многія въ ней статьи выписаны, но весьма худо, и въ иныхъ мѣстахъ противосмысленно

[1]) О семъ подробнѣе будетъ въ другомъ отдѣлѣ Записокъ, въ примѣчаніи къ статьѣ: „Примѣчанія мои на первую главу проэкта гражданскаго уложенія.“

[2]) Неоднократно Шишковъ упоминаетъ о хожденіи къ государю съ докладами; иногда жалуется, что много накопилось недоложенныхъ дѣлъ; при случаѣ говоритъ и о предметѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ докладовъ; такъ что замѣчаніе барона Корфа (Жизнь графа Сперанскаго. С. П. Б. 1861, т. II, стр. 42), что Шишковъ назначенъ былъ въ званіе государственнаго секретаря единственно для составленія государственныхъ актовъ и сопутствованія государю въ армію, — должно быть принято съ оговоркой. — Цитируемъ изъ книги бар. Корфа, по примѣчанію Я. К. Грота, во II т. Соч. Держ., стр. 727.

Послѣ того дни черезъ два государь опять прислалъ за мною. Въ это время выѣзжалъ онъ навстрѣчу входящимъ въ городъ виртембергскимъ войскамъ. Мы дожидались въ передней. Когда онъ возвратился и проходилъ черезъ нашу горницу, то увидя

подлиннику переведены изъ французской книги, называемой Code Napoléon. Удивясь такой небрежности и безтолковицы въ составленіи русскихъ законовъ, выписалъ я нѣкоторые изъ оныхъ и сдѣлалъ на нихъ мои примѣчанія. При докладѣ его величеству не могъ я объ этомъ умолчать, и, представляя мои выписки, спросилъ: не угодно ли Ему прочитать ихъ, дабы въ томъ удостовѣриться? Слова мои, казалось, не понравились государю; онъ отвѣчалъ мнѣ сухо и довольно сурово: — „Ихъ составляла коммисія законовъ подъ руководствомъ Сперанскаго. Мнѣ теперь некогда читать; оставь это до другого времени." — Такимъ образомъ докладъ сей оставался нерѣшеннымъ до пріѣзда нашего въ Фрейбургъ. Здѣсь вторично доложилъ я о семъ, напомня притомъ и о спискѣ представленныхъ къ наградѣ чиновниковъ. Государь сказалъ мнѣ на это: — „Да ты находишь законы сіи худо написанными." — „Мой долгъ," отвѣчалъ я, „принудилъ меня не скрыть отъ васъ моего мнѣнія; но впрочемъ я не выдаю онаго за непреложное. Извольте разсмотрѣть." — „За что же и награждать ихъ? (сказалъ государь) Оставь это до возвращенія нашего въ Петербургъ." — „Но меня (примолвилъ я) будутъ тамъ винить за медленность моего доклада." — „Напиши (отвѣчалъ государь), что ты не имѣешь времени доложить мнѣ." — Принужденный удовольствоваться симъ, я откланялся ему; но можно себѣ представить мое удивленіе, когда возвратясь домой увидѣлъ я привезенныя въ тотъ день изъ Петербурга вѣдомости, въ которыхъ напечатано, что упоминаемые по сему представленію въ спискѣ чиновники получили уже свои за то награды! Какимъ образомъ было сіе сдѣлано, — я ни мало о томъ не извѣстенъ.

Скажу также любопытному читателю и о другомъ не упомянутомъ прежде случаѣ: Около того же времени, занимаясь чтеніемъ священныхъ книгъ, находилъ я въ нихъ разныя описанія и выраженія весьма сходныя съ нынѣшнею нашею войною. Я не перемѣняя и не прибавляя къ нимъ ни слова выписалъ и только сблизилъ ихъ одно съ другимъ, изъ чего вышло полное описаніе нашихъ военныхъ дѣйствій. Я въ томъ самомъ видѣ прилагаю здѣсь оное:

Вшествіе врага въ царство и гордый помыслъ его.

Іерем. гл. 46. „Кто есть той, иже яко рѣка восходитъ, и яко рѣки воздвижутся волны его? — Сердце его аки камень; окрестъ зубовъ его Іовъ гл. 41. страхъ; очи горятъ яко углие [1]). Сей речетъ во умѣ своемъ: на небо взыду, выше звѣздъ небесныхъ поставлю престолъ мой, сяду

---

[1]) Примѣчаніе на стр. 81-й „Краткихъ Записокъ": — „Тексты сіи выбраны изъ священнаго писанія, а именно изъ пророковъ: Ісаіи, Іезекіиля, Аввакума, Іереміи, Плача его; изъ книгъ Іудиѳы, Маккавейскихъ, Псалтири, и проч.. Всѣ реченія и выраженія въ оныхъ безъ всякой перемѣны и прибавленія взяты изъ разныхъ мѣстъ, и только сдвинуты и приставлены одно къ другому."

меня стоящаго съ докторомъ Велье, спросилъ у него о моемъ состояніи. Велье отвѣчалъ ему, что мнѣ лучше прежняго, но что по моей болѣзни нуженъ для меня покой. Тогда государь сказалъ ему съ нѣкоторою досадою: —„Это обыкновенная ваша ухватка:

на горахъ высокихъ, яже къ Сѣверу; взыду выше облакъ, буду подобенъ вышнему. Азъ есмь царь царей! и се азъ на тя Росъ[1]), и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими, и обвалятъ стѣны градовъ твоихъ, и разорятъ столпы твои, и развѣю прахъ ихъ, и дамъ ихъ въ гладокъ камень. — Вниду съ коньми и колесницами и собраніемъ многихъ языковъ зѣло. — Сыны и дщери твои на поли мечемъ избію, и приставлю на тя стражбу, и огражду тя, и окопаю тя ровомъ, и сотворю окрестъ тебе острогъ, и обставлю оружіемъ, и копія своя прямо тебѣ поставлю. — Отъ множества всадниковъ моихъ покрыетъ тя прахъ ихъ, и отъ ржанія коней моихъ, и отъ колесъ колесницъ моихъ, потрясутся стѣны твоя. Копытами коней моихъ поперу вся стогны твоя, люди твоя мечемъ изсѣку, и составъ крѣпости твоея на землю повергну, и плѣню силу твою, и возьму имѣнія твоя, и разсыплю стѣны твоя, и домы твоя вожделѣнныя разорю, и древа твоя, и каменіе твое, и персть твою среди моря ввержу, и упраздню множество мусикій твоихъ, и гласъ пѣвницъ твоихъ не услышится въ тебѣ. Отъ гласа паденія твоего, егда возстенутъ язвеніи твои, потрясутся вси прочіи земли и острови, и снидутъ со престолъ своихъ вси князи, и языкъ морскій, и свергнутъ вѣнцы съ главъ своихъ, и ризы своя испещренныя совлекутъ съ себе, ужасомъ ужаснутся. На земли сядутъ и убоятся погибели своея, и возстенутъ о тебѣ, и пріимутъ о тебѣ плачь, глаголюще: како погиблъ и разсыпался еси граде хвалимый, иже былъ крѣпокъ на земли и на мори, ты и живущіе въ тебѣ, иже даялъ еси страхъ твой всѣмъ обитающимъ на земли? и убоятся вси отъ дне паденія твоего, и грады возстенаютъ на суши и смятутся острови въ мори. — Тако глаголющъ, яко потокъ наводняющій потопляетъ землю и исполненіе ея, грады и живущія въ нихъ: отъ шума устремленія его, отъ оружія ногъ его, отъ гремѣнія колесницъ и отъ звука колесъ его, вострепета земля.“

(Margin notes: Ісаія гл. 14. — Іезекіиль гл. 26. — Ієрем. гл. 47.)

Разореніе Іерусалима.

„Горе тебѣ Іерусалиме! како единъ сѣдиши, градъ умноженый людьми? бысть яко вдовица во языцѣхъ; владѣяй странами бысть подъ властью! — Путіе твои рыдаютъ, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ. Вся врата твоя разорена, жрецы твоя воздыхаютъ, дѣвицы ведомы, и самъ огорчеваемъ въ себѣ. Отъяся отъ тебе вся лѣпота твоя. — Простре врагъ руку свою, ступаяй на вся вожделѣнная твоя. — Вся красная твоя разори яростію

(Margin note: Плачь)

---

[1]) Въ печатныхъ Запискахъ (стр. 81), стоитъ какъ въ Писаніи — Соръ; а въ примѣчаніи сказано: — „Переставя слоги выходитъ Росъ или Россъ, то есть Россіянинъ.“

когда вы кого вылѣчить не можете, то сживаете его съ рукъ своихъ долой.“ — Изъ словъ сихъ могъ я видѣть, что государю не хотѣлось меня отпустить. Желая сдѣлать ему угодное, часто, когда становилось мнѣ хоть немного получше, вознамѣривался я

Іере- своею; твердыни сверже на землю, и оскверни храмы; возже огнь и пояде основанія твоя. — Видѣхъ бо языки вшедшіе во святыню твою, имъ же бы не подобало входити въ церковь твою. Гласъ
мі- даша въ дому господни, яко въ день праздника. — Матерѣмъ рекоша: гдѣ пшеница и вино? Внегда разслабленнымъ быти имъ, яко язвеннымъ на стогнахъ градскихъ! егда изливахуся въ лоно ихъ души младенцевъ ихъ! Кто тя спасетъ Іерусалиме? кто тя утѣшитъ? яко возвеличися чаша сокрушенія твоего, кто тя исцѣ-
инъ. литъ? восплеснуша рукама о тебѣ вси минующіи путемъ, позвиздаша и покиваше главою своею, рекуще: сей ли градъ вѣнецъ славы, веселіе всея земли? не вѣроваша царіе земстіи и вси живущіи во вселенной, яко внидетъ врагъ сквозѣ врата твоя.“

Молитва Царева.

Плачь Іерем. „Виждь, Господи, яко скорблю! утроба моя смятеся во мнѣ, и превратися сердце мое, яко горести исполнися; отвнѣ обезчади мене мечь, яко смерть въ дому. — Пріиде врагъ издалече, пріиде во тьмахъ силы своея, ихъ же множество загради источники, и
Іудифъ гл. 16. конница ихъ покры холмы, рече пожещи предѣлы моя, и юноши моя убити мечемъ, и ссущія моя положити въ помостъ, и младенцы моя дати въ расхищеніе, и дѣвы моя плѣнити. Господи Вседержителю! посли еси духа твоего, и нѣсть, иже противостанетъ гласу твоему: горы бо отъ основаній съ водами подвигнутся, каменіе же отъ лица Твоего яко воскъ растаетъ. — Святъ храмъ твой. Дивенъ въ правдѣ; услыши ны, Боже, Спасителю нашъ!
Псал. 64. препоясанъ силою, смущаяй глубину морскую, шуму волнъ твоихъ кто постоитъ? смятутся языцы, и убоятся живущія въ концахъ земли отъ знаменій твоихъ. — Надъ боящимися тебе ты умилостивишися. — Да почіетъ на мнѣ и на воинствѣ и на всемъ на-
Исаія гл. 11. родѣ моемъ духъ твой, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣденія и благочестія. — Живъ Господь и благо-
Псал. 17. словенъ Богъ! покоривый люди подъ мя, той избавитъ мя отъ врагъ моихъ гнѣвливыхъ, отъ мужа неправедна, спасетъ и вознесетъ мя. — Богъ мой помощникъ мой, и уповаю на него.“

Гласъ съ небеси.

„Гряди во имя мое. Азъ избавлю тя отъ сѣти ловчи, и отъ словесе мятежна: плѣщама своима осѣню тя, и подъ крылѣ свои
Псал. 90. воспріиму. Оружіемъ обыдетъ тя истинна моя. Не убоишися отъ страха нощнаго, отъ стрѣлы летящія во дни, отъ паденія бѣса полуденнаго. — Очима твоима воздаяніе грѣшникамъ узриши. Падетъ отъ страны твоея тысяща, и тьма одесную тебе, къ тебѣ же зло не пріидетъ, и рана не приближится; яко Ангеламъ своимъ заповѣдаю о тебѣ сохранити тя во всѣхъ путѣхъ твоихъ; на ру-

пойти къ нему и сказать, что хочу остаться при немъ; но снова, почувствовавъ себя хуже, отъ того удерживался. Во время пребыванія моего здѣсь повстрѣчались со мною хотя не отлично достопамятные, однакожъ довольно необыкновенные случаи: первое,

---

кахъ возьмутъ тя, да некогда преткнеши о камень ногу твою. На Аспида и Василиска наступиши и попреши льва и змія, яко на мя уповалъ еси.“

Воззваніе царя къ народу.

„Возмите, чада моя, оружіе и щиты, возсядите на кони, и устройте колесницы, и налящающе лукъ изыдите на брань. Соберитеся, возглаголите, возгласите трубою: да услышится гласъ вашъ. Да воздвигнется левъ отъ ложа своего, и да изыдетъ отъ сѣвера страхъ и трепетъ и сотреніе велико. — Возстанемъ за истребленіе людей нашихъ, и ополчимся за чадъ нашихъ и за святыню. — Пожену враги моя, и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются. — Да не грядутъ отселѣ во множествѣ укоризны и беззаконія своего. Сей есть иже воцарися и состави брани многи, и одержи твердыни многи, и сверже цари земскія, и пройде даже до краевъ земли, и взя корысти многихъ языковъ, и умолче земля предъ нимъ, и возвысися, и вознесеся сердце его. И собра силу крѣпку зѣло, и возначальствова надъ странами, и покоришася ему вси князи и владыки. Но да не убоится сердце ваше того: не во множествѣ воевъ одоленіе есть, токмо отъ небесе крѣпость. Сіи грядутъ во злобѣ и нечестіи; мы же ополчаемся за души наша, и законы наша. День сей Господа Бога Вседержителя, день отмщенія врагамъ, и пожретъ я мечь Господень, и насытится и упіется кровію ихъ, яко жертва Господу Вседержителю въ земли полунощной. — Крѣпокъ и силенъ побораяи по васъ: земля потрясется отъ основаній своихъ въ день, въ онь же пріидетъ ярость его. И будутъ оставшія яко серна бѣжащая, и яко овца заблуждшая, и не будетъ собираяй. Вы же паче орловъ легцы явитеся, и паче львовъ крѣпцы: зане ярость Господня на всѣ языки, и гнѣвъ на число ихъ, еже погубити ихъ и предати на закланіе, да взыдетъ отъ нихъ смрадъ и намокнутъ горы кровію ихъ. Приступите языцы и услышите князи; да слышитъ земля и живущія на ней, вселенная и людіе, иже на ней: всяка плоть сѣно, и всяка слава человѣча яко цвѣтъ травный; изше трава и цвѣтъ отпаде, глаголъ же Бога нашего пребываетъ во вѣки.“

Книги Маккавейскія. Исаія гл. 40.

Паденіе кипариса.

„Се кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отрасльми, и высокъ величествомъ, и частъ покровомъ, и средѣ облакъ бысть власть его. Вода воспита его, бездна вознесе его, рѣки приведе окрестъ кореній своихъ, и составы своя испусти во вся древеса полевая. Сего ради вознесеся величество его паче всѣхъ древесъ польныхъ, расширишася вѣтвія его, и вознесошася отрасли его отъ воды многи, егда протяжеся. Сосны неподобны отраслямъ его, и еліе не бысть подобно вѣтвіямъ его, во отросляхъ его возгнѣздишася вся птицы

Iезе-

скоро по пріѣздѣ моемъ сюда увидѣлъ я здѣшнія вѣдомости, въ которыхъ прочиталъ на новый годъ стихи, сочиненные живущимъ здѣсь въ престарѣлыхъ уже лѣтахъ, извѣстнымъ нѣмецкимъ писателемъ Якоби [1]). Онъ, прославляя наши подвиги, и желая

небесныя, и подъ вѣтьвми его раждахуся вси звѣріе польніи.
кіиль, Подъ сѣнію его вселися все множество языковъ. И возгордеся величествомъ своимъ, и вознесеся сердце его, и далъ власть свою
гл. въ средину облакъ. — Тогда прогнѣвался на него Богъ, и предалъ
31. его въ руцѣ князя, и сотворилъ ему пагубу по нечестію его, и погнаша и потребиша его, и повергоша на горахъ и во всѣхъ дебрѣхъ падоша вѣтви его, и сотрошася отрасли его на всякомъ полѣ, и снидоша отъ покрова его вси людіе языковъ, и разориша его. Въ паденіи его почиша вся птицы небесныя, и на стебліяхъ быша вси звѣри сельніц, яко да не возносятся величествомъ своимъ вся древеса, яже въ водѣ, и не дадятъ власти своея средѣ облакъ. Плакася о немъ бездна, и померче о немъ Ливанъ. Отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его древеса, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча, и живущіи подъ покровомъ его среди жизни своей погибоша. Тако возліяся на него бездна, и покры его вода многа, яко пустыню вѣчную: да не населится, ниже возстанетъ; да взыщется, и не обрящется во вѣкъ."

Пророчество.

„Господь воцарися: да радуется земля, да веселятся острови
Псал. мнози! облакъ и мракъ окрестъ его. Огнь предъ нимъ предыдетъ
97. и попалитъ враги. Освѣтиша молнія его вселенную, видѣ и воздвижеся земля. Горы яко воскъ растаяша отъ лица Господня, отъ лица Господа всея земли. Возвѣстиша небеса правду его, и видѣши вси людіе славу его. Да постыдятся вси кланяющіися истуканамъ,
Авва- хвалящіися о идолѣхъ своихъ. — Господи! се воздвижеся солнце,
кумъ и луна ста въ чинѣ своемъ, яко изшелъ еси въ блистаніи молній
гл. 3. твоихъ во спасеніе людей, спасти помазанныя твоя. Вложилъ еси
Псал. во главы беззаконныхъ смерть, яко уста ихъ глаголаша суету, и
143. десница ихъ десница неправды. Ты же возстани, Іерусалиме, совлецы ризы плачевныя, и облецыся въ одежду правды, въ лѣпоту славы твоея. Забуди скорбь твою и возложи на главу твою вѣнецъ. Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме, пріиде бо твой свѣтъ, и слава Го-
Исаія сподня на тебѣ возсія. Се тьма покрыла землю и мракъ на языки,
гл. 60. на тебѣ же явится Господь, и слава его на тебѣ узрится. И пойдутъ царіе свѣтомъ твоимъ, и языцы свѣтлостію твоею. Се пріидоша сынове твои издалече: возстани, Іерусалиме, и стани на высоцѣ, и поглядай, и виждь собранная чада твоя отъ востокъ

---

[1]) Съ 1784 по 1812 годъ онъ занималъ въ Фрейбургскомъ университетѣ каѳедру философіи и долгое время былъ въ немъ ректоромъ. Съ 1774 по 1776 г., въ сотрудничествѣ съ Гейнзе, Гёте и друг., онъ издавалъ журналъ Iris; участвовалъ въ изданіи „Нѣмецкой Библіотеки" и „Нѣмецкаго Меркурія"; но почетное мѣсто въ литературѣ доставили Якоби преимущественно его лирическія произведенія.

чтобъ мы потушили давно пылающій пожаръ кровопролитныхъ браней, между прочимъ сказалъ о себѣ, что онъ, какъ лебедь, при концѣ своей жизни воспѣваетъ насъ послѣднимъ гласомъ. Стихи сіи такъ мнѣ понравились, что я хотѣлъ тотчасъ идти къ нему, чтобъ съ нимъ познакомиться; но вдругъ увидѣлъ несомый мимо оконъ моихъ гробъ. Я спросилъ кого похороняютъ? мнѣ сказали: — Якобія. Онъ умеръ на другой день по написаніи своихъ стиховъ. И такъ правду, бѣдный, напророчилъ о себѣ, что поетъ послѣднимъ гласомъ! — Второе, мнѣ отвели домъ, въ которомъ жили мы почти въ однихъ покояхъ съ хозяиномъ и хозяйкою, а вверху надъ нами жилъ старикъ французскій генералъ, во время революціи удалившійся изъ Франціи. Хозяйка моя была молодая еще пріятная и очень неглупая женщина, но до того слабая здоровьемъ и унылая духомъ, что жалко было на нее смотрѣть. Однажды я спросилъ у ней о причинахъ ея страданій, и она сказала мнѣ слѣдующее: — „Насъ было у отца и матери пятнадцать дочерей. Я съ самаго дѣтства наклонна была къ унынію, и хотя старалась развеселять себя, но чувствовала, что я рождена

солнца до запада. Враги твои пріидоша къ тебѣ въ багряницѣхъ и на конѣхъ, и изыдоша отъ тебе наги и пѣши; совѣща бо Господь смиритися горѣ высоцѣй, и пасти отъ руки твоея въ ровень съ юдоліемъ. — Возрадуйся, яко пріидутъ къ тебѣ вси раздражившіе тя, и поклонятся слѣдамъ ногъ твоихъ, и нарѣчишися: миръ правды и слава благочестія. Возрадуйся, яко людіе твои раскуютъ мечи своя на рало, и сулицы своя на серпы, и не возметъ языкъ на языкъ меча, и престанутъ воевати. И почіетъ кійждо подъ лозою своею, и кійждо подъ смоковницею своею, и не будетъ устрашающаго. — Возрадуйся, яко приложится къ тебѣ богатство морское, и пріидутъ къ тебѣ стада вельблюдъ, носяще злато и ливанъ и камень честенъ. Се корабли фарсистіи аки облацы къ тебѣ летятъ, и яко голуби со птенцы своими. — Бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся. — Поля твоя исполнятся тука, овцы будутъ многоплодни и волове твои толсти; удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся. Не услышится неправда на земли твоей, ни сокрушеніе, ни бѣдность въ предѣлахъ твоихъ; но прозовутся забрала твоя спасеніе, и врата твоя хвала. Не зайдетъ бо солнце тебѣ; и луна не оскудѣетъ тебѣ: будетъ бо Господь тебѣ свѣтъ вѣчный.“

Мих. гл. 4. Маккав. кн. 1. гл. 14. Исаія гл. 60. Псал. 64. Исаія гл. 60.

Сблизивъ сіи тексты, выбранные изъ разныхъ мѣстъ священныхъ писаній, находилъ я ихъ толь ясно и подробно описующими всѣ происходившія съ нами приключенія, что бывши послѣ съ докладами у государя попросилъ я у него позволенія прочитать ему сіи сдѣланныя мною выписки. Онъ согласился, и я прочиталъ ихъ съ жаромъ и со слезами. Онъ также прослезился, и мы оба съ нимъ довольно поплакали.

больше для монастыря, нежели для замужства. Меня выдали замужъ; я родила сына, младенца отличной красоты, къ которому въ два года такъ пристрастилась, что все свое благополучіе въ немъ полагала. На третьемъ году онъ занемогъ, и нѣсколько времени страшнымъ образомъ страдалъ. Я не спускала его съ рукъ, и часто видѣла его въ такихъ обморокахъ, что всякій разъ почитала мертвымъ. Напослѣдокъ онъ дѣйствительно умеръ. Во все это время мнѣ казалось, что я вмѣстѣ съ нимъ умирала. Тоска моя была такъ велика, что я сдѣлалась больна. Меня стали лѣчить, но вмѣсто чтобъ пособить мнѣ, пуще меня разстроили: я вся разслабла, и при малѣйшихъ непріятныхъ приключеніяхъ или мысляхъ чувствую несносныя страданія." — Третіе, хозяинъ мой Нѣмецъ и генералъ Французъ такъ полюбили меня, что всякій день по нѣскольку часовъ у меня провождали. Это мнѣ было пріятно и нужно; ибо безъ того сидѣлъ бы я одинъ дома. Въ одинъ день, старикъ генералъ, человѣкъ лѣтъ подъ девяносто, но еще довольно свѣжій и бодрый, позвалъ меня къ себѣ обѣдать. Мы сѣли за столъ трое: онъ, сестра его и я; да при столѣ служила дѣвка. Во время обѣда сосчитали мы, сколько всѣмъ намъ четверымъ лѣтъ. Вышло: триста тридцать четыре года! сестра и служанка были обѣ *дѣвушки*, каждая еще старѣе самаго генерала.

Государь прислалъ за мною. Онъ приказалъ мнѣ, по случаю вступленія войскъ нашихъ въ предѣлы Франціи, написать имъ приказъ: — „Надобно (примолвилъ онъ) чтобъ приказъ этотъ сегодня же былъ написанъ; и когда будетъ готовъ, то самъ не приходи, а пришли его ко мнѣ." — Я тотъ же часъ написалъ и отослалъ оный къ нему. Бумага сія была слѣдующаго содержанія:

„Приказъ россійскимъ войскамъ.

„Воины! Мужество и храбрость ваша привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Онѣ ведутъ насъ далѣе: мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правительства своего властью и законами благополучно! да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля! Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства на-

него, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли за оное страшную казнь. Гнѣвъ Божій покаралъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава Россіянина — низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ *святопочитаемая* въ душахъ нашихъ православная вѣра; она божественными устами вѣщаетъ намъ: *любите враги ваша, и ненавидящимъ васъ творите добро.* Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и соединяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца желаній нашихъ, всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что начальствующіе надъ вами не оставятъ взять нужныхъ для сего и строгихъ мѣръ, дабы несогласные съ симъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили къ общему вашему прискорбію того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь."

Государь возвратилъ мнѣ назадъ сію бумагу безъ подписанія, съ приказаніемъ вновь переписать и прислать къ нему поскорѣе. Причина сему была слѣдующая: въ приказѣ семъ стояла рѣчь: *неизгладимая никогда въ душахъ нашихъ православная вѣра.* Государю, повидимому, выраженіе въ сей рѣчи *неизгладимая никогда* не понравилось; оно было вычернено и вверху собственною его рукою карандашомъ написано: *горящая, или пылающая, или чтимая.*" Я тотчасъ отдалъ переписать бумагу, а между тѣмъ послалъ къ нему слѣдующую записку: — „*Горящая* или *пылающая* кажется немножко стихотворно; *чтимая* немножко мало; не прикажете-ли поставить *священночтимая* или *святопочитаемая?*" Онъ возвратилъ мнѣ сію записку съ слѣдующею отмѣткою: — „*Святопочитаемая* кажется всего приличнѣе."

Въ исходѣ мѣсяца, государь собрался ѣхать отселѣ. Я пошелъ его провожать. Онъ проходя мимо меня сказалъ мнѣ: — „*Я твоего дѣла не забуду.*" — На другой день вслѣдъ за нимъ поѣхалъ я въ Шафгаузенъ. Любопытно было для меня проѣзжать черезъ такъ называемую *Адскую долину* (Höllenthal): она состоитъ въ узкой дорогѣ, лежащей между двухъ хребтовъ превысокихъ горъ, изъ

которыхъ иныя возвышаются на подобіе прямой стѣны; иныхъ же вершины кажется висятъ надъ головою. Странно ѣхать: того и смотришь, чтобъ въ узкостяхъ съ кѣмъ не повстрѣчаться, потому что разъѣхаться трудно; или чтобъ сверху не упалъ на тебя камень, или какой отломокъ дерева; ибо на высотѣ ихъ растетъ лѣсъ. — Переѣхавъ мѣстечко называемое Черный лѣсъ (Schwartzen-wald), гдѣ много дѣлаютъ деревянныхъ часовъ, пріѣхалъ я къ обѣду въ Донау-Эшингенъ, и остался тутъ ночевать у находящагося здѣсь съ казною генералъ-маіора Иванова. Узнавъ отъ него, что здѣсь живетъ графиня Барклай-де-Толли [1]) съ нѣкоторыми другими русскими барынями, зашелъ я къ нимъ. Потомъ осмотрѣлъ источникъ или ключъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Дунай. Ключъ сей обдѣланъ камнемъ; вода въ немъ очень чистая; рѣка начинаетъ течь изъ него по жолобу такой ширины, что можно перешагнуть черезъ него, и всякій это дѣлаетъ дабы послѣ сказать, что онъ шагалъ черезъ Дунай. Здѣсь находится дворецъ принцессы Фирштенбергской съ нѣсколькими каменными зданіями и садами [2]), которые, сказываютъ, лѣтомъ прекрасны, но теперь покрыты снѣгомъ. Возвратясь домой услышалъ я, что сегодня будетъ здѣсь театръ, на которомъ играютъ нѣмецкую оперу *Волшебная Флейта* (Zauber-Flöte). Я отнюдь не любопытенъ былъ ее видѣть, воображая, что надобно одѣваться, идти туда, и что какому хорошему театру можно быть въ такомъ глухомъ мѣстѣ; но Ивановъ сказалъ мнѣ, что я не выходя изъ горницы могу видѣть эту оперу. — „Какъ это?“ (спросилъ я съ удивленіемъ). — „Да она будетъ представляться здѣсь за этими дверьми; намъ стоитъ только отворить ихъ“ (отвѣчалъ онъ). — „Хорошо (сказалъ я) имъ посмотримъ.“ — Въ назначенный часъ дверь отворилась; мы переступили черезъ нее, и пьеса въ другой, такой же какъ наша, комнатѣ началась. Зрителями были человѣкъ десять русскихъ офицеровъ, и больше никого. По окончаніи оперы, сыгранной двумя актерами, я ушелъ, но слышалъ продолженіе начавшихся еще при мнѣ рукоплесканій и вызововъ по именамъ актеровъ, которые, выходя изъ за ширмъ, откланиваются публикѣ. Вотъ, подумалъ я, меньше-ли веселятся здѣсь театральными представленіями, чѣмъ въ Парижѣ или Петербургѣ?

По пріѣздѣ моемъ въ Шафгаузенъ, пошелъ я тотчасъ къ государю и велѣлъ о себѣ доложить. Онъ по обыкновенному принялъ

---

[1]) Елена Ивановна, рожденная фонъ-деръ-Смиттенъ.

[2]) Въ нихъ-то и находится источникъ Дуная.

меня милостиво и сказалъ мнѣ: — *„Ну вотъ! обстоятельства перемѣнились: сестра не остается въ Швейцаріи, а ѣдетъ въ Ольденбургъ; тебѣ далеко туда ѣхать. Что же ты будешь дѣлать?“* — „Когда такъ,“ отвѣчалъ я, „то уже непремѣнно должно мнѣ хоть черезъ силу тащиться за главною квартерою.“ — *„Поѣзжай“*, сказалъ онъ, *„держись поближе къ намъ.“* — Тутъ я откланялся ему, и вскорѣ потомъ онъ отправился. Отъѣздъ его возвѣщенъ былъ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Послѣ сего я зашелъ также откланяться великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и поѣхалъ взглянуть на славный Рейнскій водопадъ. Но при малой бывшей тогда водѣ видъ его былъ не столь величавъ. Мнѣ очень понравилось смотрѣть на него въ темнишникѣ (камера-обскюръ), нарочно для сего построенномъ на берегу; и хотя день не довольно для того былъ свѣтелъ, однакожъ всѣ части водопада, быстрота его паденія, и каждая летящая отъ него разноцвѣтная брызга, ясно изображающаяся, составляли живую, прекраснѣйшую картину. Остальную часть дня проводилъ я у князя Гагарина, (находившагося при великой княгинѣ), и на другой день поутру, заплатя за постой свой корыстолюбивому трактирщику чрезмѣрно дорого, отправился въ путь, переночевалъ въ Лауфенбургѣ, и въ самый новый (1814) годъ пріѣхалъ въ Базель. Въ прошедшемъ году въ этотъ день, перейдя въ Меричахъ чрезъ рѣку Вилейку, выступили мы изъ предѣловъ Россіи, а теперь, ровно черезъ годъ, перейдя въ Базелѣ черезъ Рейнъ, вступаемъ въ предѣлы Франціи [1]). Въ самый часъ пріѣзда моего сюда два императора и третій король прусскій, смотрѣли проходящія мимо ихъ войски. Дорогою я опять занемогъ, и хотя иногда становилось мнѣ получше, такъ что я могъ бродить, но чрезвычайная слабость и круженіе головы, казалось, съ дня на день умножались. Я почти никуда не выходилъ, и только въ одинъ день взманили меня посмотрѣть здѣшнее книгохранилище, гдѣ всего достойнѣе примѣчанія показалась мнѣ книга извѣстнаго писателя Эразма, хвалившаго глупость весьма остроумнымъ и забавнымъ слогомъ [2]). На этой книгѣ, тожъ извѣстный отличнымъ искуствомъ своимъ живописецъ Голбейнъ сдѣлалъ перомъ множество рисунковъ, соотвѣтствующихъ содержанію сего сочиненія.

Наконецъ видя, что государь неохотно меня отпускаетъ, хотя и взялъ было я твердое намѣреніе слѣдовать за нимъ, но

---

[1]) Шишковъ говоритъ о главной квартирѣ; союзныя же войска перешли Рейнъ, частью въ ноябрѣ, частью (главныя силы) 9 (21) декабря 1813 г.

[2]) Въ извѣстной сатирѣ „Похвала дурачеству.“

чувствуя, что по-неволѣ долженъ буду отъ него отстать, рѣшился я снова просить его объ увольненіи меня. Наканунѣ отъѣзда его написалъ я къ графу Толстому, чтобъ онъ предувѣдомилъ его о томъ; но опасаясь не получить отвѣта и чрезъ то остаться въ недоумѣніи, поутру, собравшись съ силами, пошелъ я самъ къ его величеству. Онъ идучи отъ обѣдни увидѣлъ меня на крыльцѣ и оборотясь ко мнѣ сказалъ: — *„Мнѣ есть надобность поговорить съ тобою.“* — Я пошелъ за нимъ. Долго дожидался. Напослѣдокъ меня позвали. Онъ распрашивалъ меня о моей болѣзни, и по довольно долгомъ разговорѣ, видя, что я насилу передъ нимъ могу стоять, спросилъ: *„Чтожъ ты хочешь, здѣсь остаться, или куда ѣхать?“* — Я отвѣчалъ, что думаю ѣхать въ Карлсруге. — *„Очень хорошо!* (примолвилъ онъ) *туда будетъ моя жена, и сверхъ того я напишу о тебѣ къ маркграфинѣ.“* — Я кинулся обнимать его со слезами, пожелалъ ему благополучныхъ успѣховъ, и просилъ, чтобъ онъ, ежели случится со мною общая всѣмъ смертнымъ участь, не оставилъ оставшихся послѣ меня моихъ ближнихъ. Государь съ нѣкоторою чувствительностью сказалъ мнѣ на это: — *„Я надѣюсь, что тебѣ будетъ лучше; впрочемъ мое дѣло о тебѣ помнить* [1]).“ — Такимъ образомъ мы разстались, и я скоро послѣ него отправился въ Карлсруге.

---

[1]) Примѣчаніе на страницѣ 218 „Краткихъ Записокъ“: — „Могъ ли я въ тогдашнемъ состояніи моемъ представить себѣ, чтобъ тотъ, кого я прошу, и та, за которую прошу (жена моя), оба прежде меня жизнь свою скончали? Опечаленнаго кончиною супруги моей, государю угодно было почтить меня слѣдующимъ письмомъ: — „Александръ Семеновичъ! Съ живѣйшимъ прискорбіемъ узналъ я о кончинѣ супруги вашей, и искренно раздѣляю съ вами горесть вашу, желая, чтобъ вы съ покорностью къ святой волѣ Всемогущаго, перенесли оную, и обрѣли утѣшеніе въ уповании на благость Его. Пребываю впрочемъ всегда къ вамъ благосклоннымъ.“ (На подлинномъ подписано: Александръ. Въ Таганрогѣ. Сентября 25 дня 1825 года). Не долго послѣ сего и самъ пребывалъ онъ въ здѣшнемъ свѣтѣ. Сопровождая гробъ его не могъ я, при всемъ холодѣ старости моей, воздержаться, чтобъ не воздохнуть о немъ слѣдующими стихами:

Тебя, монархъ, не столь еще въ годинѣ давной,
Воююща въ войнѣ преславной,
Повсюду я сопровождалъ,
И гласъ твоихъ велѣній сильныхъ,
И громъ побѣдъ твоихъ предивныхъ,
Народамъ возвѣщалъ;
А днесь . . . . . о что сказать дерзаю!
Остатки тлѣнные твои
(Теките слезъ ручьи!)
Въ могилу темную сопровождаю!

Ѣзда моя была самая тихая: я не могъ больше двухъ или трехъ миль ѣхать въ сутки. Дорога умножала внутреннія мои страданія и производила безпрестанное круженіе головы. Мы встрѣтились съ ѣдущимъ въ главную квартеру англинскимъ статсъ-секретаремъ Кастельре[1]). Доѣхавъ до Фрейбурга остановился я у старыхъ моихъ хозяевъ дни на два отдохнуть. Они мнѣ были очень рады; старикъ французскій генералъ накормилъ меня и подарилъ мнѣ двѣ бутылки старой малаги, совѣтуя всякій день пить по рюмкѣ. Въ полдень слышна была здѣсь пальба, но гдѣ, и какое было сраженіе, неизвѣстно. Можетъ быть, думалъ я, союзныя войски, приступаютъ къ крѣпости Генингенъ, подлѣ Базеля, мимо которой я проѣзжалъ подъ самыми пушками, и признаюсь поглядывалъ, не вздумается ли Французамъ, увидя русскихъ кучеровъ, попугать насъ нѣсколькими выстрѣлами. Однакожъ нѣтъ. А сказываютъ, что передъ симъ проходили тутъ наши солдаты и запѣли пѣсню; Французы не вытерпѣли, и выпаля нѣсколько разъ, однаго изъ нихъ убили. Хозяинъ мой разсказывалъ мнѣ между прочимъ, что многіе Нѣмцы для того только ѣздятъ за Рейнъ, чтобъ составить счастіе свое женитьбою, потому что богатыя Француженки, по недостатку жениховъ, которые всѣ или служатъ или перебиты, часто выходятъ за бѣдныхъ Нѣмцевъ. Я этому очень вѣрю. Вотъ до чего Наполеонъ довелъ Францію!

Создатель неба и земли,
Моленью нашему внемли:
Разставшись съ жизнію земною
Да будетъ онъ съ Тобою!"

Примѣчаніе наше, на страницѣ 79-й, гдѣ говорится о двухъ бракахъ Шишкова, слѣдуетъ дополнить такъ: во второй разъ Шишковъ женился уже въ преклонныхъ лѣтахъ на вдовѣ генералъ-маіора Лобаржевскаго, Юліи Осиповнѣ Нарбутъ.

[1]) Заклятый врагъ французской революціи, дѣятельный устроитель коалицій противъ Наполеона, Кастельри (Castlereagh) былъ осыпанъ ласками и отличіями со стороны союзныхъ государей. — Въ печатныхъ „Краткихъ Запискахъ" здѣсь слѣдуетъ: „Также вскорѣ послѣ того имѣлъ я счастіе повстрѣчаться и видѣть, проѣзжавшихъ изъ Россіи въ армію, ихъ императорскихъ высочествъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича." — По поводу этой поѣздки великихъ князей, бар. Корфъ (Русск. Арх. 1868, ст. 337 и 338) говоритъ: „Въ 1814 году, по перенесеніи войны въ предѣлы Франціи, государыня (Марія Θеодоровна) и императоръ Александръ, уступая давнишнимъ, горячимъ желаніямъ Николая и Михаила Павловичей, дозволили имъ слѣдовать за нашими войсками, хотя впрочемъ потомъ, отъ разныхъ замедленій, они достигли Парижа лишь тогда уже, когда все было кончено." Великихъ князей сопровождалъ воспитатель ихъ, (графъ) Матвѣй Ивановичъ Ламсдорфъ.

Выѣхавъ изъ Фрейбурга переночевалъ я въ Гербольсгеймѣ, а потомъ въ Оффенбургѣ, гдѣ остановился у епископа, у котораго Бонапарте отнялъ всѣ его владѣнія. Отселѣ, хотя и не по дорогѣ, заѣхалъ я въ Баденъ, чтобъ поговорить съ докторами, не присовѣтуютъ ли они мнѣ употреблять баденскія воды. Мнѣ сказали, что можно и зимою садиться въ ванны, но надобно остаться жить здѣсь по крайней мѣрѣ недѣли на три. Не рѣшась на это, я хотѣлъ проѣхать прямо въ Карлсруге, но почувствовавъ себя хуже обыкновеннаго, остановился въ Раштадтѣ. Послѣ нѣсколькихъ часовъ отдохновенія мнѣ стало немного получше. Узнавъ, что здѣсь живетъ графиня Витгенштейнъ, я послалъ сказать ей о моемъ пріѣздѣ. Она прислала за мной карету, и я поѣхалъ къ ней обѣдать, или лучше сказать посидѣть за столомъ, потому что я ничего не ѣлъ, кромѣ нѣсколькихъ ложекъ супу и печенаго яблока. Ввечеру я простился съ нею, собираясь на другой день рано уѣхать въ Карлсруге; но такъ ночью занемогъ, что принужденъ былъ послать за докторомъ, который, распрося о моей болѣзни и прописывая мнѣ лѣкарство, сказалъ: — „Я буду васъ лѣчить тѣми самыми средствами, какими недавно помогъ одному больному, страдавшему точно такими же припадками, какъ вы. Правда, онъ былъ помоложе васъ; но можетъ быть и вамъ тѣже самыя средства помогутъ. Только надлежитъ уже остаться здѣсь. Скорой пользы ожидать не можно. По крайней мѣрѣ надобно мнѣ будетъ увидѣть, какое дѣйствіе производитъ надъ вами мое лѣкарство.“ — Я былъ доволенъ его чистосердечіемъ, рѣшился остаться, и отдался ему на руки. Графиня Витгенштейнъ жила въ примыкающихъ къ дворцу покояхъ; она по добротѣ сердца своего безпокоясь, что я стою въ трактирѣ, прислала мнѣ сказать, что велитъ у себя опростать для меня двѣ комнаты; однакожъ я, опасаясь ее стѣснить, и притомъ зная, что въ самомъ дворцѣ жилъ проѣздомъ прусскій принцъ, собиравшійся скоро уѣхать, остался въ моемъ жилищѣ. Дни черезъ три, принцъ уѣхалъ, и я перешелъ на его мѣсто. Дворецъ сей пустой, довольно огромный, достопамятенъ бывшимъ въ немъ въ 1805 году конгрессомъ, на которомъ французскіе члены онаго были убиты [1]). Докторъ мой ежедневно меня посѣщалъ. Видъ его и простое обращеніе со мною рождали во мнѣ довѣренность. Дней черезъ десять дѣйствительно почувствовалъ я въ себѣ нѣкоторую перемѣну: сонъ и позывъ на

[1]) Переговоры, веденные въ Раштадтѣ между Франціей и Германіей, и прерванные убійствомъ французскихъ коммиссаровъ Робержо и Боньe, происходили въ 1799 году.

пищу сдѣлались лучше, а особливо обрадовался я, что голова моя стала меньше кружиться, и хотя время отъ времени возвращались тѣ же припадки однако рѣже и не такъ сильны. Въ бытность мою въ Раштадтѣ я много обязанъ какъ бы родственному обо мнѣ попеченію графини Витгенштейнъ. Я почти всякій день съ утра до вечера провождалъ у ней, любуясь на милыхъ играющихъ вокругъ нея дѣтей ея. Она была такъ добра, что не смотря на тягость близкаго разрѣшенія своего отъ беременности, никогда не скучала моими посѣщеніями, безъ чего долженъ бы я былъ цѣлые дни проводить въ грустномъ и по моей болѣзни весьма вредномъ для меня уединеніи.

Почувствовавъ себя нѣсколько здоровѣе и веселѣе, сталъ я болѣе заниматься и любопытствовать о происходившихъ во Франціи дѣйствіяхъ. Разносившіеся безпрестанно слухи часто оказывались невѣрными, но получаемыя графинею отъ мужа своего письма снабжали насъ нѣкоторыми свѣдѣніями. Сначала думалъ я, что гордая Франція, кичащаяся побѣдами и преобладаніемъ своимъ надъ столькими державами, но наконецъ побѣжденная и уничиженная Россіею, увидя вступленіе войскъ нашихъ въ свои предѣлы, воскипитъ гнѣвомъ и мщеніемъ, ополчится, подобно нашему народу, поголовно, и будетъ всѣми силами защищаться; но услыша противное тому, что войски наши идутъ внутрь Франціи безпрепятственно, что жители спокойны, никуда не разбѣгаются, нигдѣ не противятся, и даже изъ новонабранныхъ Наполеономъ войскъ многіе перебѣгаютъ къ намъ и отъ насъ по домамъ распускаются, — почерпнулъ я радостную надежду, что мы скоро достигнемъ до конца войны. Въ сей надеждѣ, и что можетъ быть по вступленіи въ Парижъ понадобится манифестъ, занялся я написаніемъ онаго предварительно, дабы, при первомъ полученіи извѣстія о покореніи сей столицы, тотчасъ отослать оный къ государю*).

Между тѣмъ Наполеонъ до вступленія войскъ нашихъ во Францію распускалъ, сказываютъ, не только безстыдныя и нелѣпыя, но даже и смѣшныя лжи, прежде досаждавшія, а нынѣ забавлявшія меня. Онъ увѣрялъ, что хотя армія его, отступая отъ Лейпцига, имѣла видъ побѣжденной, но въ самомъ дѣлѣ побѣда была на его сторонѣ. Объ насъ, Русскихъ, разглашалъ онъ, что мы варвары, дышущіе злобою и мщеніемъ; что между нами есть дикіе народы, которые жарятъ и ѣдятъ малыхъ робятъ; что мы

---

*) Мы послѣ будемъ имѣть случай говорить о семъ манифестѣ.

не имѣемъ ни малѣйшаго уваженія къ женскому полу, и что ежели придемъ въ ихъ землю, то смѣшаемъ нечистую кровь свою съ ихъ чистою кровью и произведемъ въ отечествѣ ихъ варварскую породу людей. Не знаю вѣрили-ль Французы побѣдѣ его подъ Лейпцигомъ, но выходцы изъ Франціи увѣряютъ, что Француженки не очень баснями его напуганы, и что напротивъ многія изъ нихъ любопытствуютъ увидѣть сихъ варваровъ, и почитаютъ невеликою бѣдою, если чрезъ нѣсколько времени будутъ вокругъ ихъ прыгать маленькіе козаки и Башкирцы. Впрочемъ кажется не трудно согласиться, что наша оставленная у нихъ порода причинитъ имъ меньше зла, нежели ихъ привитая къ намъ безнравственность.

Подобныя Наполеоновы басни не долго однакожъ рождали во мнѣ смѣхъ. Съ одной стороны рѣшительныя дѣйствія союзниковъ идти во Францію, а съ другой провозглашенія ихъ, отнюдь не изъявляющія торжественнаго и положительнаго намѣренія, съ какимъ идутъ въ нее, казались мнѣ темною и непонятною загадкою. Это меня безпокоило. Я всегда имѣлъ такое мнѣніе, что всеобщая война сія была не о земляхъ или границахъ: главное дѣло состояло въ томъ, чтобъ привесть всѣ царства въ прежнее ихъ состояніе, низринуть беззаконіе, воцарить истину и благонравіе, низложить примѣръ соблазна, возстановить права народныя, снять съ нихъ руку насильственнаго преобладанія, и потушить пожаръ лжи и пороковъ, угрожавшихъ во всемъ свѣтѣ попрать правду, любовь къ отечеству и добродѣтель. Событія сего въ царствованіе Наполеона никоимъ образомъ полагать было невозможно. Состязаніе Европы съ Франціею, или лучше сказать благомыслія съ зломысліемъ, не иначе называлось, какъ *доброю* и *худою* стороною (la bonne et mauvaise cause). И такъ, защищая *добрую сторону* оружіемъ, надлежало бы защищать ее купно и языкомъ, то есть безъ всякихъ хитростей или потворствъ говорить прямо, громко и чистосердечно. Примѣръ правоты долженствовалъ предшествовать силѣ оружія. Благодушіе, для сокрушенія могущества злобы, хотя не свирѣпствуетъ, однакожъ и не потакаетъ. Языкъ его — не цвѣтами украшенная лесть, но строгая правда. Судъ его — не жестокость и не милость, но истина. Правило его — прощать даже и самую злобу, но не иначе, какъ по отнятіи у ней возможности вредить. Въ противномъ случаѣ пощада хуже непощады, поелику оставляетъ въ рукахъ закоренѣлаго преступленія мечь на пораженіе невинности. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ по вступленіи во Францію можно было съ Наполео-

номъ помириться. Всякій съ нимъ миръ, какой бы онъ ни былъ, казалось мнѣ, былъ бы для союзныхъ державъ крайнее безславіе и потеря столькими трудами и пролитіемъ крови достигнутыхъ успѣховъ, а для него великая слава и надежда: слава, — что доведенный до крайности удержалъ санъ свой и владычество; надежда, — что со временемъ дѣла свои поправитъ, и надежда не пустая; ибо Франція оставалась еще та же; онъ глава ея и предводитель, всему свѣту извѣстный и страшный; она къ тщеславію и гордости, войски ея къ войнамъ и грабительству привыкшія; онъ и она уничиженіемъ раздраженные и мщеніемъ дышущіе; оба основывающіе самовластіе свое на торжествѣ пороковъ; а гдѣ, въ которой землѣ нѣтъ легковѣрныхъ, порочныхъ? гдѣ языкъ и книги ихъ не развратили нравовъ[1])? Все сіе осталось бы не потушеннымъ, горящимъ, и примѣръ, что вся соединенная Европа, сломя и преодолѣвъ всѣ силы, ограждавшія гнѣздо зла, приближилась къ нему, и какъ бы нѣкіимъ волшебствомъ очарованная, не посмѣла или не восхотѣла разорить его, ужасный примѣръ сей къ ободренію *разврата* и къ отчаянію *благонравія* показалъ бы, что *зло* непобѣдимо, и сіе пагубное мнѣніе въ краткое время, усиля *худую* и ослабя *добрую* сторону, могло бы обратно отдать Наполеону въ прежнее порабощеніе всѣ крѣпости и царства. И такъ вступленіе союзныхъ войскъ во Францію сопряжено было нераздѣльнымъ образомъ или съ славою низверженія его, или съ безславіемъ безполезнаго входа въ нее и постыднаго выхода. Если надлежало помириться съ Наполеономъ, то лучше было сдѣлать сіе не входя во Францію; по крайней мѣрѣ тогда существовали еще благовидныя причины, что союзныя державы, довольствуясь освобожденіемъ Европы, не хотятъ съ пролитіемъ новой крови вступать въ землю, которую онѣ, какъ всегда увѣряли, ни разорять, ни раздѣлять не помышляютъ. Но если сіе невозможно было, и надлежало непремѣнно рѣшиться нести пламенникъ войны внутрь французской области, то уже въ ту минуту должно было отдѣлить Наполеона отъ Франціи и торжественно, по согласію всѣхъ державъ, объявить его простымъ Бонапартіемъ, оказавшимъ себя во время самозванства своего врагомъ человѣчества, съ которымъ ни едино изъ европейскихъ царствъ

[1]) Примѣчаніе на страницѣ 226-й „Краткихъ Записокъ": — „Одинъ изъ бывшихъ въ Россіи писателей ихъ (Дидеротъ), увидя преосвященнаго Платона, сказалъ ему: — „Вы человѣкъ просвѣщенный, безсомнѣнія не вѣрите, чтобъ было Всевышнее Существо." — Платонъ отвѣчалъ ему на это стихомъ Псалтири: рѣче безуменъ въ сердцѣ своемъ, нѣсть Богъ."

не можетъ входить ни въ какое сношеніе. Словомъ, по принятіи рѣшительнаго намѣренія *идти во Францію* не оставалось уже для союзниковъ никакой средины: надлежало или восторжествовать надъ зломъ, или дать ему восторжествовать надъ собою. Примиреніе съ Наполеономъ, оставляя его по-прежнему императоромъ, было бы для него побѣда, превышающая всѣ одержанныя надъ нимъ побѣды.

Наполненному сими размышленіями, всѣ издаваемыя полководцемъ союзныхъ войскъ провозглашенія казались мнѣ больше слабыми, боязливыми загадками, нежели приличными обстоятельствамъ, твердыми и рѣшительными вѣщаніями. Я не могъ согласить словъ сихъ бумагъ съ послѣдствіями происходившихъ дѣяній. Шварценбергъ при переходѣ за Рейнъ возвѣстилъ Франціи, *что мы не съ нею воюемъ, и что прежде вступленія въ нее, не найдя мира, идемъ искать его въ ней.* Что значатъ сіи слова? говоритъ, что мы *идемъ искать мира,* но какъ и съ кѣмъ, о томъ ничего не сказать! не есть ли это непонятная загадка? съ кѣмъ помириться, ежели не съ Наполеономъ? а буде миръ предполагалось заключить съ нимъ, то какимъ образомъ воюя съ повелителемъ Франціи воевать не съ нею? Подобное противорѣчіе могло ли успокоивать народъ? — Далѣе Шварценбергъ говоритъ Французамъ: *„должностные люди, хозяевы, земледѣльцы, оставайтесь въ домахъ своихъ,"* то есть, будьте спокойными и мирными зрителями военныхъ нашихъ противъ васъ дѣйствій; но могло-ли сіе увѣщаніе быть для нихъ убѣдительно и надежно, когда въ тожъ самое время съ царемъ ихъ Наполеономъ союзныя державы входятъ въ переговоры, и что всего страннѣе, англинскій дипломатъ и наши генералы съ ихъ генералами угощаютъ другъ друга обѣдами! Мало сего: братъ Людвига XVI, несчастнаго короля французскаго, Дартуа, пріѣзжаетъ во Францію; Французы приняли его съ подобающею честью; но союзныя державы, вмѣсто поддержанія сего, смотрѣли на то съ неудовольствіемъ [1]). Когожъ при такихъ обстоятельствахъ должны были французскіе граждане и поселяне слушать: непріятельскаго-ли на краткое время пришедшаго къ нимъ полководца, увѣщевающаго ихъ быть мирными и спокойными, или остающагося навсегда съ ними императора своего, угрожающаго имъ тяжкими наказаніями, если они всѣми возможными средствами, оружіемъ, кинжалами, и даже ядомъ не станутъ истреблять своихъ

[1]) Графъ д'Артуа подписалъ въ это время съ союзными державами договоръ, на основаніи котораго Франція отказывалась отъ всѣхъ крѣпостей, пріобрѣтенныхъ ею съ 1792 г., обязывалась уменьшить свои морскія силы и проч..

непріятелей? Таковы были повеленія Наполеоновы. Чтожъ противъ оныхъ значили скромныя и холодныя Шварценберговы провозглашенія? Что значило несовмѣстное съ достоинствомъ своимъ превозношеніе народа, оскорблявшаго Божество и человѣчество, поставя надъ собою владыкою чужеземца, раба, проливавшаго, для возвышенія и славолюбія своего, ихъ и чужую кровь? — Къ симъ тревожившимъ меня мыслямъ присовокупились еще пронесшіеся слухи, что союзныя наши войска, встрѣтя сильный отпоръ, остановились и отступаютъ; что Наполеонъ дѣйствуетъ съ великою отважностью и удачею [1]); что многія селенія, бывъ сперва мирными, стали ополчаться и убивать нашихъ людей. Слухи сіи въ уединеніи моемъ рождали вмѣстѣ и страхъ и негодованіе, такъ что я въ досадѣ моей едва не разорвалъ написаннаго мною манифеста о взятіи Парижа, полагая, что никогда сего не сбудется. Въ семъ состояніи раздраженныхъ чувствъ моихъ, размышляя и строя (какъ говорится пословица) замки на воздухѣ, возмечталъ я себя *повелителемъ*, пошелъ самъ съ мнимыми моими войсками за Рейнъ и, вмѣсто Шварценбергова *), написалъ къ Французамъ мое собственное провозглашеніе слѣдующаго содержанія:

„Французы! Ежели мнимые ваши мудрецы ложными своими умствованіями не совсѣмъ васъ ослѣпили; ежели совѣсть и здра-

*) Воззваніе его къ Французамъ подъ надписью: „Союзныя силы французской державѣ,“ заключалось въ слѣдующихъ словахъ:

„Народъ французскій! Побѣда привела союзныя войски на вашу границу; они ее переходятъ. Мы не воюемъ съ Франціею, но отвергаемъ отъ себя иго, какое правительство ваше хотѣло наложить на наши земли, имѣющія право быть столь же независимыми, какъ и ваша. Должностные люди, хозяева, земледѣльцы, оставайтесь въ домахъ своихъ. Соблюденіе общественнаго порядка, неприкосновенность къ собственности частныхъ людей, подчиненность самая строгая, ознаменовываютъ успѣхи и пребываніе союзныхъ войскъ. Они не желаютъ отплатить Франціи и возвергнуть на нее безчисленныя бѣдствія, которыми двадцать лѣтъ отягощала она сосѣдей своихъ, и даже страны самыя отдаленнѣйшія. Другія правила и другіе виды, различные отъ тѣхъ, какими войски ваши въ нашихъ земляхъ руководствовалися, предприняты въ совѣтѣ союзныхъ монарховъ: славу свою полагаютъ они въ скоромъ окончаніи злополучія Европы. Единая побѣда, въ чемъ поставляютъ они свое честолюбіе, есть миръ; но миръ такой, который бы народамъ ихъ, Франціи и Европѣ, доставилъ истинное спокойствіе. Мы надѣялись найти оный прежде вступленія во Францію. Мы идемъ въ нее искать его.“ (На подлинномъ подписано: Фельдмаршалъ князь Шварценбергъ, главноначальствующій надъ великою союзною арміею. Главная квартера Лоррахъ, 9—21 Декабря 1813 года).

[1]) Союзныя войска, въ концѣ января и началѣ февраля, потерпѣли нѣсколько пораженій, — при Шампоберѣ, у Монмираля, Шатотьери.

ній разсудокъ не навсегда въ васъ погаснлъ; ежели осталась въ душахъ вашихъ хотя малая искра любви къ первѣйшему достоинству человѣка, — благонравію: то конечно сами вы сознаетесь, что сколь язикъ сего къ вамъ провозглашенія ни укоризненъ для васъ, но онъ есть языкъ правды. Приведите себѣ на память дѣла свои, и да постыдится изъ васъ тотъ, кто можетъ еще стыдиться. Отпадшіе отъ вѣры и богопочитанія, остроумные, но злочестивые писатели, изгнавъ изъ сердецъ вашихъ страхъ Божій, подняли въ нихъ бурю страстей, помрачившихъ умъ вашъ и погрузившихъ васъ въ бездну пороковъ и преступленій. Отселѣ всѣ безбожныя дѣла, братоубійство, грабежъ, насиліе, сдѣлались вашею пищею. Вы, играя и веселясь, проливали кровь ближнихъ и согражданъ своихъ; вы употребляли огнь и воду, изобрѣтали новыя мученія, новыя орудія на пагубу достоинства, невинности и заслугъ; вы не щадили ни пола, ни возраста; старость трясущеюся своею главою и младенчество безбоязненною своею улыбкою не могли смягчать вашей лютости и свирѣпства; вы посреди текущей ежедневно крови казнимыхъ на площадяхъ невинныхъ собратій вашихъ увеселялись зрѣлищами игрищъ, и хладнокровно дѣлили оставшееся послѣ нихъ имущество, пріобрѣтенное долговременными трудами; вы неистовымъ образомъ заточили, мучили и убили законнаго короля своего почти со всѣмъ его семействомъ; злонравнѣйшіе изъ васъ подобно христоубійцамъ кричали: *возьми, возьми, распни его!* Низринувъ съ престола благословенный домъ святаго Людовика и Генриха IV, вы избрали надъ собою царемъ, или справедливѣе сказать атаманомъ, рожденнаго въ Корсикѣ простолюдина, превосходящаго всѣхъ васъ безчеловѣчіемъ, коварствомъ и злобою. Онъ довершилъ низвергнуть васъ въ бездну злодѣйствъ и беззаконій. Онъ самовластіемъ своимъ, мучительствомъ, казнями, ужасами, заточеніями, привелъ васъ самихъ въ трепетъ, въ уничиженіе, въ рабство; онъ раздачею раболѣпнѣйшимъ изъ васъ всякихъ почестей и чужихъ, награбленныхъ имъ имуществъ, сдѣлалъ васъ алчными къ завоеваніямъ и кровожадными. Вы при немъ имѣли душу безъ добродѣтели, умъ безъ разсудка, сердце безъ жалости, совѣсть безъ стыда и раскаянія. Онъ увѣрилъ васъ, что ноги даны вамъ на то единственно, чтобъ изъ страны въ страну ходить; руки, чтобъ вездѣ жечь и грабить; мечь, чтобъ всякаго убивать; разумъ, чтобъ обманывать; языкъ, чтобъ лгать. Французы! измѣрьте пространство опустошенныхъ вами земель; сочтите число областей, городовъ, селъ, деревень, домовъ, вами сожженныхъ, разоренныхъ, ограбленныхъ, истреб-

земныхъ; приведите себѣ на память, съ какою гордостью вы всѣхъ уничижали; съ какимъ презрѣніемъ обо всѣхъ говорили: съ какою неправотою и насиліемъ дѣлили чужія земли, свергали законныхъ и поставляли беззаконныхъ царей; вооружали народы противъ другихъ дружелюбныхъ и даже единоземныхъ съ ними народовъ; заточали и казнили чужихъ подданныхъ за вѣрность и любовь ихъ къ своему отечеству. Исчислите, буде возможно, сколько въ двадцать лѣтъ безпрестанно, иногда какъ звѣри свирѣпствуя, иногда неправедно воюя, погубили вы своихъ и чужихъ людей огнемъ, водою, чугуномъ, свинцомъ, желѣзомъ, голодомъ, холодомъ, трудами, болѣзнями, печалью, отчаяніемъ! Какой небесный громъ можетъ наказать васъ достойно за всю пролитую вами кровь и нанесенныя бѣдствія? Истребленіе всѣхъ васъ съ лица земли не удовлетворитъ достаточно правосудію. Тщетно во всѣхъ сихъ лютостяхъ станете вы обвинять одного Наполеона. Нѣтъ! вы прежде его показали до какой степени разврата и свирѣпства безвѣріе довело нравы ваши; оно издавна между вами посѣянное росло, распространялось и созрѣвало; оно, одержавъ надъ вами силу, изъ глубины ада изрыгало къ вамъ воспитанниковъ и любимцевъ своихъ Маратовъ, Робеспьеровъ, и наконецъ послало Наполеона. Вы для того избирали ихъ владыками надъ собою, что видѣли въ нихъ умъ самый зловреднѣйшій, сердце самое жестокое. Наполеоновы злодѣйства въ Египтѣ, убійство Ангенскаго дюка [1]), и другія подобныя дѣла были въ глазахъ вашихъ самыя блистательнѣйшія въ немъ достоинства. Такой человѣкъ надобенъ вамъ былъ для заглушенія гласа любви къ человѣчеству, для погашенія въ сердцахъ вашихъ послѣднихъ искръ благонравія, и для соединенія всѣхъ васъ въ одно злотворное тѣло и душу. Вамъ нужно это было; ибо съ какимъ благочестивымъ и богобоязненнымъ владыкою могли бы вы дѣлать то, что дѣлали съ нимъ? Кто, безъ сатанинской гордости, угождая алчбѣ вашей къ корыстолюбію, и опасаясь съ вами быть кроткимъ и миролюбивымъ государемъ, повелъ бы васъ разорять и грабить всѣ обитающіе окрестъ васъ народы? И такъ, хотя въ цѣломъ и многолюдномъ царствѣ не можетъ конечно быть безъ добрыхъ и благомыслящихъ людей; но Французы! не огорчайтесь сими упреками; разберите сами себя безпристрастно: какимъ образомъ оправдать васъ? какимъ образомъ при общихъ богопротивныхъ поступкахъ вашихъ различить между вами добраго съ худымъ,

1) Т. е. герцога Энгіенскаго.

праваго съ виноватымъ? Все, что самая кроткая правда, смотря на дѣла ваши, заключить и сказать можетъ, есть, что народъ вашъ долженъ состоять изъ главной части отпадшихъ отъ Бога и вѣры, развращенныхъ людей, рабовъ нечестивой власти и собственныхъ своихъ страстей, и наконецъ изъ части добрыхъ и несчастныхъ, оплакивающихъ втайнѣ стыдъ и злополучіе своего отечества. Неразрывная связь ваша съ Наполеономъ и ревностное ему служеніе дѣлаютъ имя ваше нераздѣльнымъ съ его именемъ. Одно изъ двухъ: или онъ съ вами честенъ, или вы съ нимъ безчестны. Онъ осквернился убійствами и кровію миліоновъ людей; онъ нанесъ неисчетный вредъ и опустошеніе всей Европѣ; онъ попиралъ ногами короны и олтари; онъ ругался надъ человѣчествомъ, надъ Божествомъ! Но кѣмъ онъ все сіе дѣлалъ? — вашими руками, вашими страстями, вашимъ отпаденіемъ отъ Бога, отъ совѣсти, отъ чести, и рабскимъ повиновеніемъ злодѣйству. Что былъ онъ безъ васъ? — простой Корсиканецъ, никому неизвѣстный. Но что сталъ онъ съ вами? — разоритель свѣта. Вы превозноситесь просвѣщеніемъ, славою, храбростью: постыдитесь! Развѣ просвѣщеніе состоитъ въ неистовствѣ? развѣ слава пріобрѣтается преступленіями? развѣ храбрость грабителей и разбойниковъ, наказуемая во всѣ времена и всѣми законами висѣлицею и презрѣніемъ, развѣ храбрость сія похвальна? Вы двадцать лѣтъ иного не дѣлаете, какъ помрачаете честь своихъ предковъ, посрамляете имя свое. Вы прежде были народъ остроумный, пріятный, храбрый; но нынѣ что иное вы, какъ не презрѣнное, подлое орудіе въ рукахъ гнуснѣйшаго изъ людей? Вы величаетесь служеніемъ отечеству; нѣтъ! вамъ говорятъ это тѣ, которымъ нужно простоту вашу обманывать, нужно ослѣплять васъ, прикрывая порочныя дѣла именами добродѣтелей. Нѣтъ, Французы! вы не отечеству своему служите; вы служите разбойнику, у котораго нѣтъ отечества, кромѣ самого себя: онъ съ равнымъ хладнокровіемъ приноситъ въ жертву себѣ ваше отечество, какъ и всякое другое. Чтожъ иное вѣрность и повиновеніе ваше ему, какъ не слѣпота, кровожадность, изступленіе, бѣшенство? Пройдите въ умѣ своемъ времена рабства и стыда вашего подъ желѣзнымъ его жезломъ; посмотрите, что вы подѣлали, и что сдѣлалось съ вами: всѣ народы стонутъ, всѣ царства дымятся кровью! Какая страна не разорена вами, и въ какой землѣ нѣтъ труповъ вашихъ, терзаемыхъ вранами и псами? Лучшій цвѣтъ всего вашего царства лежитъ пожатъ на поляхъ гишпанскихъ и россійскихъ. Если бы всѣ на неизмѣримомъ пространствѣ земель содѣянныя

согражданами вашими злодѣянія и убійства, вмѣстѣ съ страшнымъ образомъ бѣдствія и смерти ихъ самихъ, могли вы обозрѣть очами своими, то самые окаменѣлые сердцемъ и безбожнѣйшіе изъ васъ содрогнулись бы и познали мстителя Бога! Что пріобрѣли вы своими завоеваніями, своимъ разбоемъ, своими лютостями и грабежами? — навлекли на себя гнѣвъ Божій и ненависть отъ всѣхъ народовъ. Силы ваши истощены и разрушены. Всѣхъ оскорбленныхъ вами европейскихъ державъ воинства идутъ отовсюду въ предѣлы ваши. Вы малочисленны и слабы, — онѣ многочисленны и сильны. На вашей сторонѣ стыдъ, преступленіе и ложь; на ихъ сторонѣ — честь, добродѣтель и правда. Вы умираете за Наполеона, — онѣ умираютъ за отечество; васъ покрываетъ срамъ, — ихъ озаряетъ слава; съ вами духъ злобы, — съ ними десница Вышняго; се различіе состояній между ими и вами! Но посмотримъ еще на величайшую разность въ благородствѣ мыслей и чувствованій: онѣ со всѣми великими силами своими, со всѣми преимуществами и правотою, при всѣхъ нанесенныхъ имъ отъ васъ оскорбленіяхъ, убійствахъ, грабежахъ, зажигательствахъ, вмѣсто праведнаго мщенія, предлагаютъ вамъ миръ, спокойствіе, безопасность, защиту. Вы въ изнеможеніи, въ помраченіи ума, утопая въ порокахъ, еще злобствуете, еще жаждете крови, еще идола своего, Наполеона, хотите поддерживать въ его неисчислимыхъ злодѣйствахъ, въ его ругательствѣ и посмѣяніи надъ вами, надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, надъ самимъ Богомъ. Но Французы! доколѣ сіе несродное человѣку неистовство и ослѣпленіе? Наконецъ вы непремѣнно желаете, чтобъ царство ваше со всѣми другими царствами истощилось, превратилось въ пустыню, которую бы Наполеонъ съ немногими подобными себѣ извергами могъ въ злобѣ и гордости попирать ногами? Ибо что иное значитъ упорная заступа ваша за него? Вы думаете снова съ нимъ возстать и достигнуть до прежнихъ вашихъ побѣдъ и завоеваній; но надежда ваша сколько злонравна, столько же и безразсудна: ежели вы не хотите видѣть въ ней зловреднаго для всѣхъ, и для самихъ васъ, желанія, то по крайней мѣрѣ взгляните на очевидную невозможность. Когда съ величайшимъ напряженіемъ всѣхъ лучшихъ силъ своихъ и силъ главной части Европы обладатель вашъ не могъ удержаться на высотѣ завоеваній своихъ и упалъ въ совершенное изнеможеніе, то не ужъ ли думаете вы, что посрамленный, изнеможенный, возстанетъ онъ и достигнетъ до прежней своей власти? Такое мнѣніе ваше показало бы, что вы ни собственныхъ потерь своихъ не считаете, ни способовъ не взвѣ-

шиваете, ни великаго содѣлавшагося противъ васъ перевѣса въ числѣ людей не видите, ни возникшаго духа раздраженныхъ вами народовъ не соображаете; и тогда было бы, что вы, какъ совершенно очарованные, больше лжамъ и самохвальствамъ уничиженнаго идола своего вѣрите, нежели собственному своему разсудку и глазамъ. Посмотрись въ зеркало правды, взгляни на себя, великая нація, просвѣщенный народъ! ты увидишь въ какомъ ты срамѣ ползаешь и пресмыкаешься: простолюдинъ, чужеземецъ, гнусный злодѣй, говоритъ о тебѣ съ надменностью и презрѣніемъ, что *онъ тебѣ больше надобенъ, нежели ты ему**). Какъ? вся Франція не стоитъ однаго Корсиканца? и ты гордишься, тщеславишься, стоишь на колѣняхъ, лобызаешь руку того, кто изъ устъ своихъ, изрыгнувшихъ столько лжей и мерзостей, удостоиваетъ тебя симъ уничижительнымъ изреченіемъ! Лежащая у ногъ его и презираемая имъ, ты хочешь, чтобъ цари и народы тебя уважали! — Наконецъ время настало, Французы, рѣшиться вашему и всей Европы жребію. Часъ ударилъ, въ который надлежитъ вамъ, отложа всякую слѣпоту и легкомысліе, подумать о себѣ и о другихъ. Пора умолкнуть злочестію и крови престать течь; или, когда нѣтъ другого средства, то да прольется она еще единожды, но уже въ послѣдній разъ. Собравшаяся у предѣловъ вашихъ вся Европа требуетъ отъ васъ торжественно и громко мира или войны. Миръ не можетъ быть иной, какъ съ вами, когда вы возвратитесь подъ законное правленіе царей, отрекшись отъ обладающаго нынѣ надъ вами самозванца, похитителя престола ихъ. Съ нимъ нѣтъ и не можетъ быть мира. Сіе было бы противно Богу, противно добродѣтели, противно всѣмъ земнымъ владыкамъ и народамъ. Какъ? уничижитель Австріи, разоритель Пруссіи, зложелатель Англіи, истребитель Голландіи, притѣснитель Италіи, врагъ Гишпаніи и Португаліи, мучитель Рима, зажигатель Москвы, подрыватель Кремля и Смоленска, по паденіи своемъ, по приведеніи Франціи въ совершенную немощь, по привлеченіи къ предѣламъ ея силъ всей соединенной Европы, останется торжествующъ на похищенномъ имъ престолѣ, и не взирая на проклинаемое всѣмъ свѣтомъ имя его, будетъ владыкамъ сихъ державъ называться *братомъ*, и посылать къ нимъ пословъ своихъ! Кто изъ васъ столько безразсуденъ, чтобъ могъ почитать сіе возможнымъ? — Французы! вся Европа сего отъ васъ требуетъ, и требуетъ настоятельно и

*) Многія подобныя изреченія показываютъ надменность и презрѣніе Бонапартіево ко всему роду человѣческому: онъ между прочимъ называлъ людей пищею для пушекъ (chair à canons).

непремѣнно: и такъ рѣшитесь! Союзныя державы не хотятъ вамъ мстить; ибо законъ христіанскій учитъ прощать враговъ. Союзныя державы не хотятъ водворять между вами вражды и неустройства; ибо желаютъ доставить вамъ благоденствіе, и столько же вашу кровь щадятъ, сколько и свою. Союзныя державы не хотятъ трогать вашихъ имуществъ и вашей собственности; ибо онѣ воюютъ не для грабительства. Союзныя державы не хотятъ терзать и раздроблять вашего царства (какъ вы то дѣлали съ другими) и оставляютъ прежніе ваши предѣлы неприкосновенными. Союзныя державы не хотятъ посаженіемъ въ крѣпости ваши войскъ своихъ (какъ вы то дѣлали) держать васъ во всегдашнемъ порабощеніи; не хотятъ, подобно вамъ, жечь и подрывать городовъ и столицы вашей; ибо берегутъ честь имени народовъ своихъ. Онѣ желаютъ токмо спокойствія и тишины въ цѣломъ свѣтѣ; желаютъ за нанесенное имъ отъ васъ тяжкое зло и вредъ снять съ васъ безславіе, подъ которымъ вы двадцать лѣтъ чернѣете; желаютъ возвратить вамъ прежнее ваше достоинство, честь, добродѣтель и счастіе. Французы! опять повторяю: если глаза ваши не совсѣмъ еще ослѣплены, если обитаетъ еще въ душахъ вашихъ искра совѣсти и правды, то не можете вы ни минуты оставаться въ сомнѣніи. Между тѣмъ время приспѣло; рѣшиться неминуемо должно, и за рѣшеніемъ невозвратно послѣдуетъ или общая радость, или такія слезы, какихъ не осушатъ и самые долгіе вѣки. Соединеніе противъ васъ всѣхъ европейскихъ державъ и достиженіе ихъ до сего благополучнаго положенія пролитіемъ толикой крови, требуетъ и налагаетъ на нихъ священный долгъ предложить вамъ въ послѣдній разъ о мирѣ, и если оный отвергнутъ будетъ, то купить его новою кровію; но тогда раздробить уже главу дракона; и сей драконъ, Французы, будетъ уже не одинъ презрѣнный Корсиканецъ, но всѣ тѣ, которые, не отрицаясь быть единодушными съ нимъ, взяты будутъ съ оружіемъ въ рукахъ. На сей конецъ союзныя державы положили предувѣдомить васъ и ожидать отвѣта, который если въ назначенное время полученъ не будетъ, то всѣ союзныя войска вступятъ во Францію съ слѣдующимъ всенароднымъ возвѣщеніемъ:

„1-е. Наполеонъ Бонапарте объявляется отъ всѣхъ европейскихъ державъ простымъ корсиканскимъ гражданиномъ.

„2-е. Въ повинующихся ему войскахъ, которыя съ сего времени уже не отечество свое защищать будутъ (ибо союзныя державы даютъ торжественное слово до него не касаться), но лично Наполеона, не почитать никого генералами, офицерами, солда-

тами, но всѣхъ наравнѣ служителями избраннаго ими надъ собою атамана. И потому, если кто изъ нихъ на полѣ брани взятъ будетъ въ плѣнъ, таковыхъ, не смотря на ихъ чины и должности, содержать какъ простыхъ людей, пойманныхъ въ шайкѣ разбойника, и при заключенiи мира внесть въ статью договоровъ, чтобъ имъ (ктобъ такiе ни были) прежнихъ званiй ихъ не возвращать, и никакимъ преимущественнымъ предъ простыми гражданами правомъ не пользоваться.

„3-е. Всѣхъ, кто изъ Французовъ, при занятiи союзными войсками города, мѣстечка или деревни, надѣнетъ знакъ королевскiй, почитать настоящими Французами и поступать съ ними дружелюбно; тѣхъ же, которые знака сего имѣть не будутъ, называть не *Французами*, а *Наполеонцами*, и поступать съ ними, какъ со врагами всякаго благоустройства.

„4-е. Военныхъ людей, добровольно приходящихъ подъ королевское знамя, распускать по домамъ; желающiе же могутъ собираться въ занятомъ союзными войсками городѣ и составлять *королевское отечественное войско*, подъ начальствомъ своего вождя или градоначальника. Таковые, по перемѣнѣ правительства, не останутся безъ награжденiя, за обращенiе свое прежде всѣхъ къ законной власти.

„5-е. Если кто уличенъ будетъ, что, по возложенiи на себя королевскаго знака, послѣ скинулъ оный и возвратился опять подъ прежнюю беззаконную власть, таковой, какъ измѣнникъ, наказанъ будетъ безъ пощады.

„6-е. Градоначальники, признавшiе королевскую власть, отвѣчаютъ за городъ и окрестныя селенiя, чтобъ вездѣ наблюдалось единомыслiе. Сами жители для собственной безопасности своей должны за симъ смотрѣть и дерзкихъ или легкомысленныхъ между ими строго воздерживать, дабы невиннымъ не пострадать за нихъ; ибо, при малѣйшемъ буйствѣ въ какомъ-нибудь краю или селенiи, союзныя войски получатъ тотчасъ повелѣнiе обратиться съ огнемъ и мечемъ на противуборствующихъ общей тишинѣ и спокойствiю. Словомъ, Францiя спасена и благополучна быть можетъ однимъ токмо единодушнымъ отверженiемъ власти хищника престола и строжайшимъ обузданiемъ всѣхъ тѣхъ, которые столько слѣпы разсудкомъ и мрачны душою, что еще зло сiе ко вреду отечества своего и всего свѣта поддерживать и защищать не чувствуютъ стыда.

„Французы! Союзныя державы повторяютъ вамъ, и повторяютъ въ послѣднiй разъ, а паче всего повторяютъ войскамъ: рѣ-

шитесь свергнуть съ себя иго беззаконной власти; престаньте, повинуясь разбойнику, носить на себѣ постыдное имя служителей его! Упорствуя въ томъ и сражаясь за него, вы можете пролить еще нѣсколько крови нашей; но знайте, что отнынѣ, послѣ сего объявленія, за каждую пролитую вами каплю сей крови заплатите вы ручьями своей, и нанесете отечеству своему неисцѣльныя раны. Не льститесь, чтобъ союзныя державы когда-нибудь отстали отъ своихъ требованій; не льститесь, чтобъ неправое дѣло ваше могло когда-нибудь одержать верхъ. Не пеняйте на насъ, если вы простертую къ вамъ въ послѣдній разъ руку примиренія еще отрините, и превратите чрезъ то кротость нашу въ неукротимый гнѣвъ и мщеніе. Самъ Богъ долготерпѣливъ, но не вѣчнотерпѣливъ. Есть и терпѣнію и злодѣйству конецъ: за терпѣніемъ слѣдуетъ гнѣвъ, истребляющій злодѣйство. Безконечное терпѣніе противъ ожесточеннаго злодѣйства есть такое же злодѣйство, и миръ съ порокомъ есть война противъ добродѣтели. Если вы не хотите быть съ нами, мы съ вами быть не можемъ. Избирайте любое: честь или срамъ, — Наполеона или свѣтъ.“

Читатель да проститъ мнѣ помѣщеніе здѣсь сего мечтательнаго и пустого провозглашенія моего: оно конечно отзывается тѣмъ отвращеніемъ или лучше сказать омерзеніемъ, какое чувствовалъ я всегда ко многимъ издаваемымъ французскими писателями злочестивымъ сочиненіямъ, распространившимъ между ими безвѣріе и безнравственность, за которыми послѣдовали гнусныя, богомерзкія дѣла ихъ, когда они, отрекшись отъ Бога и вѣры, поправъ всякое человѣколюбіе и разсудокъ, пустились свирѣпѣе дикихъ звѣрей, сперва на растерзаніе новоизобрѣтаемыми мученіями, казнями, убійствами, самихъ себя; а потомъ, избравъ или лучше сказать допустя владычествовать надъ собою лютѣйшаго чужеземца, устремились съ нимъ на разореніе и покореніе подъ желѣзное иго его всѣхъ царствъ и земель. Къ симъ чувствамъ моимъ, питаемымъ при болѣзни моей въ скукѣ и уединеніи, присовокуплялись еще тревожившіе меня слухи объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Наполеона, о переговорахъ съ нимъ, о принятіи всею Франціею сильныхъ мѣръ къ оборонѣ своей, и тому подобномъ. Досадуя на сіи, хотя бы и отчасти справедливыя обстоятельства, находилъ я въ провозглашеніяхъ австрійскаго полководца нѣкую несмѣлую, похожую на боязнь, кротость и мягкость противу оскорбительной гордости, съ какою надменный Корсиканецъ поступалъ всегда съ царями и народами, иначе не относясь къ нимъ, какъ повелительнымъ гласомъ. Сверхъ сего я увѣренъ былъ,

что сіе провозглашеніе мое не пойдетъ ходить по бѣлому свѣту останется въ четырехъ стѣнахъ моей комнаты, и никѣмъ, кромѣ пріятелей моихъ, читано не будетъ. По всѣмъ симъ причинамъ, можетъ быть съ нѣкоторою излишностью далъ я полную мыслямъ и выраженіямъ моимъ свободу и пылкость; однакожъ и нынѣ (то есть въ 1830-мъ году), когда чрезъ семнадцать лѣтъ тогдашнее кипѣніе и жаръ мой довольно уже простыли, остаюсь я при томъ мнѣніи, что если бы въ самомъ дѣлѣ былъ я полководецъ союзныхъ войскъ, вступающій въ предѣлы Франціи съ тѣмъ, чтобъ сломить рогъ гордости и положить конецъ долговременной войнѣ, то развѣ въ маломъ чемъ смягчилъ бы мой грозный и укоризненный гласъ; ибо думаю, что грубая правда въ подобномъ случаѣ сильнѣе дѣйствуетъ надъ умами, и сообразнѣе съ благодушіемъ[1]) человѣческимъ, нежели мягкая лесть, или учтивая ложь, вперяющія всегда подозрѣніе скрывающейся въ нихъ слабости или обмана[2]). Но мечтанія мои отвели меня отъ настоящихъ событій; обратимся къ нимъ.

Пробывъ около двухъ недѣль въ Раштадтѣ, и почувствовавъ себя нѣсколько лучше, отправился я въ Карлсруге. Врачь мой предписалъ мнѣ употреблять тѣжъ самыя средства, и совѣтовалъ продолжать далѣе, хотя бы мнѣ и гораздо легче стало. Передъ отъѣздомъ моимъ получилъ я отъ Кикина письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что при Шалонѣ (то есть верстахъ во стѣ отъ Парижа) было сраженіе, и Французы порядочно побиты. Это меня порадовало. Но въ тоже время прочиталъ я во французскихъ вѣдомостяхъ слѣдующую небылицу: „что императоръ (Наполеонъ) никогда не имѣлъ такой, какъ теперь, большой надежды освободить Нѣмецкія земли и всю Европу отъ нашествія Русскихъ и Англичанъ! что онъ собралъ великія силы, и во всемъ его царствѣ всѣ идутъ съ радостью на службу, приводятъ лошадей, даютъ сколько хочешь денегъ, вездѣ сами вооружились, оборо-

---

[1]) Въ рукописи 1818 г., вмѣсто — съ благодушіемъ, сказано — съ достоинствомъ.

[2]) Въ печатныхъ „Запискахъ," это мѣсто нѣсколько измѣнено и оканчивается такъ: „Бумага въ подобныхъ случаяхъ дѣйствуетъ иногда сильнѣе пушекъ, отвращая силою и правдою своею громъ оныхъ. Правда груба, но при здравомъ разсудкѣ убѣдительнѣе мягкой лести. Снисхожденіе въ борьбѣ съ неукротимою злобою рѣдко бываетъ полезно. Поступокъ съ Наполеономъ, при первомъ его низверженіи, человѣколюбивъ, — но человѣколюбивъ для него, а не для тѣхъ, которые, по возвращеніи его съ Эльбы, должны были, для вторичнаго низверженія его, пролить свою кровь, которая безъ того не была бы пролита." (Изд. 2-ое, стр. 247 и 248.)

няются и прогоняютъ непріятелей! повсюду жители ласкаютъ солдатъ, даютъ имъ всего, чтобъ только они защищали ихъ! что императоръ Наполеонъ помирился съ гишпанскимъ королемъ, и что изъ Гишпаніи везутъ по почтѣ двѣсти тысячъ войскъ! что Русскіе вездѣ грабятъ и жгутъ! что одинъ козакъ ударилъ по щекѣ какую-то знатную барыню, которая поднесла ему *французской* водки, а не такой, какой ему хотѣлось! что въ каждый домъ ставятъ по сороку и по пятидесяти козаковъ и Башкирцовъ, которымъ всякій день надобно давать по цѣлой бочкѣ водки и вина!" — Нелѣпая ложь сія меня разсмѣшила, и я удивился, какъ могутъ Французы, видя себя доведенными до крайности, читать безъ отвращенія такое безстыдное хвастовство, и еще раболѣпствовать, повиноваться, умирать за того, кто ихъ, какъ бы совсѣмъ лишенныхъ разсудка, такимъ пустословіемъ обманывать хочетъ! Но подумалъ опять: О! ежели бы не твердая русская грудь, и не Пруссаки, то бы онъ скоро ложь сію превратилъ въ правду, и легковѣріе Французовъ отнюдь не было бы такъ странно.

По пріѣздѣ моемъ въ Карлсруге, скоро явился ко мнѣ находившійся здѣсь при гросъ-герцогѣ графъ нашъ Пушкинъ, и часто меня посѣщалъ. Ослабѣвъ нѣсколько отъ дороги я долженъ былъ дни на два остаться дома. Императрица наша пріѣхала въ Бруксалъ (загородный марграфининъ домъ, отстоящій отселѣ верстахъ въ тридцати). Мать ея марграфиня уѣхала къ ней; и тамъ расположились онѣ пробыть нѣсколько дней. Я хотѣлъ туда ѣхать, но первое, — погода была такъ худа, что я боялся простудиться, и второе, подумалъ, что можетъ быть онѣ хотятъ нѣсколько времени пробыть въ уединеніи. Для того рѣшился дождаться и встрѣтить ихъ здѣсь. Графиня Витгенштейнъ также пріѣхала сюда для свиданія съ императрицею. На третій день, гросъ-герцогъ прислалъ поздравить меня съ пріѣздомъ и просить къ себѣ обѣдать. Какъ ни тяжело мнѣ было, не одѣваясь два мѣсяца, одѣться, и быть на такомъ чинномъ обѣдѣ, однакожъ отказать ему счелъ за неучтивость. Онъ и супруга его Стефанида, женщина очень пріятная, племянница Наполеонова[1]), приняли меня благосклонно. Въ тотъ же день (то есть 28 генваря), часу въ шестомъ по полудни, съ великимъ стеченіемъ народа пріѣхала сюда императрица. Я встрѣтилъ ее на улицѣ и пошелъ за нею. Она представила меня марграфинѣ, которая между прочими ласками и

[1]) Она была изъ фамиліи Богарне; Наполеонъ выдалъ ее за марграфа Карла Фридриха, когда, въ 1806 г., вознаграждалъ его за потерянныя владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна и далъ ему титулъ гросъ-герцога.

привѣтствіями сказала мнѣ, что хотя прежде не имѣла она удовольствія видѣть меня, однакожъ много обо мнѣ наслишалась *). Потомъ подошла ко мнѣ опять и пригласила меня на ужинъ. Это хотя въ первый день выхода моего и было для меня трудновато, но за то вознагражденъ я былъ пріятнымъ зрѣлищемъ видѣть почтенную мать сію съ тремя дочерьми, изъ которыхъ двѣ, сидѣвшія рядомъ, наша императрица и бывшая шведская королева, сколько были равны любезностью, столько различны участью. Съ императрицею пріѣхали Александръ Львовичъ Нарышкинъ[1]), князь Голицынъ[2]), секретарь ея Лонгиновъ[3]) и докторъ Штофрегенъ[4]); да изъ женщинъ — княгиня Прозоровская[5]), простая Русская, но предобрая и препочтенная барыня, фрейлины Валуева[6]) и Стурзи[7]). Всѣ мы Русскіе, съѣхавшись съ разныхъ сторонъ, обрадованы были свиданіемъ другъ съ другомъ. Въ чужой землѣ встрѣчающіеся одноземцы обыкновенно скорѣе познакомливаются и дружнѣе бываютъ, чѣмъ въ своей. Я показалъ Штофрегену рецепты раштадтскаго доктора; онъ одобрилъ ихъ и совѣтовалъ продолжать по нимъ употребленіе лѣкарствъ.

Въ началѣ февраля, погода сдѣлалась хорошая, такъ что я могъ ходить прогуливаться. На дняхъ были мы съ Нарышкинымъ и Голицынымъ въ прекрасномъ маргрaфининомъ саду, гдѣ между прочимъ видѣли преизрядную бесѣдку или домикъ, убранный эстампами, изображающими многіе виды зданій и частей Петербурга. Въ пребываніе мое здѣсь почти всякій день, когда при-

---

*) Въ прежнюю бытность мою здѣсь съ государемъ, по причинѣ болѣзни моей, я никуда не выходилъ.

---

[1]) Оберъ-камергеръ, „главный надъ театральными зрѣлищами и музыкою директоръ,“ извѣстный острякъ, богачъ, оставившій своимъ сыновьямъ нѣсколько миліоновъ долгу.

[2]) Вѣроятно кн. Александръ Михайловичъ, дѣйствительный камергеръ и гофмейстеръ.

[3]) Николай Михайловичъ.

[4]) Лейбъ-медикъ.

[5]) Статсъ-дама, княг. Анна Михайловна, рожденная Волконская, вдова фельдмаршала кн. Александра Александровича.

[6]) Екатерина Петровна, дочь главнаго начальника московской кремлевской экспедиціи, Петра Степановича.

[7]) Любимая фрейлина императрицы, Александра Скарлатовна Стурдза, о которой Вигель говоритъ (Воспом., ч. V, стр. 66): она была „одна изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ женщинъ, которыхъ я знавалъ. Съ воображеніемъ пламеннымъ, она имѣла великую наклонность къ мистицизму; и это сблизило ее въ Вѣнѣ съ самимъ Александромъ.“

падки мои, время отъ времени возобновляющіеся, не удерживали меня дома, обѣдалъ и вечерніе часы провождалъ я у маркграфини со всѣми пріѣхавшими съ императрицею и здѣшними господами и госпожами. Часто бывалъ я у графини Витгенштейнъ, покуда она здѣсь жила; и тутъ познакомился съ бароншею Криднеръ, извѣстною своими особенными о вѣрѣ и набожности умствованіями и дѣлами. Также подобный ей нѣкто господинъ Штилингъ[1]), человѣкъ уже въ престарѣлыхъ лѣтахъ, посѣтилъ меня, и хотя мнѣ сказывали, что государь въ проѣздъ свой неоднократно принималъ его и охотно съ нимъ бесѣдовалъ, однакожъ видъ его и нѣкоторая открывающаяся иногда странность въ мысляхъ не понравились мнѣ, такъ что сухимъ моимъ пріемомъ отнялъ я у него охоту впредь посѣщать меня. Между тѣмъ однакожъ, при всемъ отвращеніи моемъ отъ всякаго рода ханжества, любопытствовалъ я подробнѣе освѣдомиться о Криднершѣ, и для того пошелъ къ ней. Въ разговорахъ ея со мною сперва показалась она мнѣ остроумною женщиною; но скоро примѣтилъ я, что она, возносясь иногда выше предѣловъ ума, терялась въ высокопарныхъ умствованіяхъ, и вмѣсто смиренномудрія тщеславилась показать себя вдохновенною. Это, чтобъ узнать ее короче, возбудило во мнѣ желаніе черезъ нѣсколько дней вторично къ ней придти. По нѣкоторомъ довольно долгомъ бесѣдованіи нашемъ, пришла къ ней дочь ея и пошептала ей нѣчто на ухо. Я, наслышась уже, что къ ней на поученіе или на молитву собираются люди, догадался, о чемъ было сіе шептаніе; но притворяясь, будто ничего не знаю, продолжалъ сидѣть на мѣстѣ. Она помялась нѣсколько и напослѣдокъ принуждена была мнѣ это объявить. — „Для чегожъ,“ сказалъ я, „и мнѣ съ вами не помолиться? я также христіанинъ.“ — „Пожалуйте,“ отвѣчала она, „ежели это вамъ угодно.“ — Тутъ сошли мы съ нею внизъ, и я увидѣлъ въ довольно просторной комнатѣ сидящихъ вокругъ оной немалое число разнаго званія мужчинъ и женщинъ. Въ концѣ сей комнаты сидѣлъ человѣкъ съ лежащими подлѣ него на столикѣ бумагами. Онъ началъ чтеніемъ Давидова псалма, и по окончаніи каждаго стиха останавливался. Все собраніе тихимъ пѣніемъ повторяло то, что онъ прочитаетъ. Окончa такимъ образомъ псаломъ, сталъ онъ читать довольно длинную, но весьма нравоучительную проповѣдь, которую собраніе слушало съ великимъ вниманіемъ и

[1]) Юнгъ-Штилингъ былъ учителемъ баронессы Крюденеръ; но ученица превзошла мистицизмъ учителя. Вліяніе ея на императора Александра довольно извѣстно.

тишиною. Послѣ чего, также какъ и прежде и съ такимъ же пѣніемъ, прочиталъ онъ другой псаломъ. Симъ молитва кончилась, и всѣ разошлись по домамъ. Прощаясь съ Криднершею, я поблагодарилъ ее за доставленное мнѣ удовольствіе, и подумалъ: если одно только это въ собраніяхъ ея происходитъ, то хотя и хочется ей прослыть у легковѣрныхъ людей посланною отъ небесъ жрицею, и хотя такое суетное въ ней тщеславіе предосудительно, однакожъ дѣйствіе, мною видѣнное, ничего въ себѣ худого не заключаетъ.

Хотя мнѣ и лучше было, однакожъ припадки мои не совсѣмъ меня оставляли. Иногда дни по два и по три не могъ я выходить изъ моего жилища. Въ это время нерѣдко навѣщалъ меня господинъ Полье, Швейцарецъ, человѣкъ хорошій и умный. Онъ оставилъ домъ свой и посвятилъ себя быть наставникомъ и воспитателемъ юнаго девяти или десятилѣтняго шведскаго королевича въ надеждѣ, что можетъ быть когда-нибудь взойдетъ онъ на престолъ отца своего. Остальные дни, когда здоровье мое позволяло мнѣ, обыкновенно провождалъ я у маркграфини. Упражненія наши были весьма единообразны: въ три часа обѣдъ, а потомъ по крайней мѣрѣ цѣлый часъ разговоровъ, стоя на ногахъ; въ семь часовъ — чай, и послѣ того игра по двѣнадцати крейцеровъ (грошей) въ бостонъ, до самаго ужина. Партію нашу составляли: дармштатскій принцъ, супругъ младшей императрицыной сестры, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, или въ отсутствіи его княгиня Прозоровская, гофмаршалъ здѣшній и я. Цѣна недорогая, но за то презабавная партія, по причинѣ учтивой торопливости принца и скупости гофмаршала. За обѣдомъ были мы всѣ вмѣстѣ, но по вечерамъ вся царская фамилія ужинала особо отъ насъ, во внутреннихъ своихъ покояхъ. О маркграфининомъ образѣ жизни хотя и нельзя сказать того, что императрица Екатерина Великая говаривала о нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьяхъ: *чѣмъ богатѣе мундиръ и ливрея, тѣмъ меньше дворъ*, однакожъ это совершенно справедливо: въ Баденскомъ герцогствѣ считаютъ семнадцать дворцовъ, а вся земля меньше одной нашей губерніи. Сюда пріѣзжалъ на время баварскій король съ супругою своею, сестрою нашей императрицы. Онъ веселъ и шутливъ, а она, хотя и не очень хороша лицомъ, но ловкая и престатная собою женщина. Также на короткое время была здѣсь великая княгиня Анна Ѳедоровна, супруга Константина Павловича. Въ одно время императрица съ матерью поѣхали прогуливаться и меня взяли съ собою. Маркграфиня предувѣдомила меня, что она, не сказывая императрицѣ, везетъ ее въ то мѣстечко и рощицу, гдѣ она въ первый

разъ объявила ей о присланномъ за нее отъ россійскаго двора сватовствѣ. По пріѣздѣ туда я съ любопытствомъ смотрѣлъ на императрицу, но не примѣтилъ въ лицѣ ея никакой перемѣны; она ни слова о томъ не говорила, и казалось съ равнодушіемъ вошла и гуляла по сей рощицѣ. Въ исходѣ мѣсяца маргграфиня со всѣми своими дочерьми отправилась въ Брукзаль. Мы послѣдовали за ними. Жизнь и упражненія наши въ семъ загородномъ домѣ были такія же, какъ и въ Карлсруге, съ прибавленіемъ, что тутъ въ примыкающемъ къ нему саду можно было прогуливаться. Въ одинъ день зазвалъ я къ себѣ на чашку шоколада шведскаго принца съ его наставникомъ, Нарышкина, и всѣхъ нашихъ и двухъ здѣшнихъ фрейлинъ, изъ которыхъ одна была очень хороша собою. Я прозвалъ ее *прелесть*, и всѣ стали ее такъ называть. Онѣ увидѣли у меня книгу, не помню какой-то романъ, и стали надо мною смѣяться, что я читаю романы. Это пересказано было императрицѣ, и она, увидя меня, сказала шутя Нарышкину: — „Онъ совсѣмъ здѣсь избалуется, даетъ прозвищи красавицамъ, угощаетъ ихъ и читаетъ романы: надобно его отправить въ главную квартеру.“ — Послѣ сего случилось мнѣ въ день моего рожденія сидѣть за обѣдомъ между дѣвицами Стурзи и Боде; я смѣючись сказалъ имъ: — „Знаете-ли, что я, двадцать лѣтъ тому назадъ, сегодня родился?“ — Онѣ стали меня поздравлять, пересказали это своимъ сосѣдямъ. Дошло до императрицы и маргграфини. Столъ былъ многолюдный. Онѣ и всѣ другіе, шутя надъ моею молодостью, стали пить за мое здоровье, такъ что я, со стыдомъ откланиваясь столькимъ царицамъ, царевнамъ и принцамъ, винилъ себя за свою нескромность. На нѣсколько дней общество наше поуменьшилось: Голицынъ и Лонгиновъ уѣхали навѣстить въ печали графа Строганова, у котораго убили сына [1]). Нарышкинъ отправился въ Франкфуртъ, куда изъ Россіи пріѣхала супруга его Марья Алексѣевна. Я хотѣлъ ѣхать съ нимъ, но почувствовавъ себя не очень здоровымъ, остался дома. Онъ черезъ два дни возвратился безъ ней, оставшейся въ Франкфуртѣ; и мы поѣхали съ нимъ прокатиться въ Раштадтъ къ графинѣ Витгенштейнъ. Путешествіе наше было весьма пріятно, по причинѣ гладкой дороги и прекраснѣйшей погоды. Въ исходѣ великаго поста хотѣлось намъ, Русскимъ, говѣть; но не было священника. Мы очень тужили, что и въ Свѣтлое Воскресеніе не будетъ у насъ заутрени; однакожъ на-

[1]) Девятнадцатилѣтній сынъ любимца императора Александра, гр. Александръ Павловичъ Строгановъ былъ убитъ въ битвѣ при Краонѣ (25 февр. 1814 г.).

послѣдокъ одинъ священникъ обрадовалъ насъ своимъ пріѣздомъ; и хотя не имѣлъ онъ съ собою ничего для служенія обѣдни нужнаго, но по крайней мѣрѣ прочиталъ намъ нѣсколько молитвъ и провозгласилъ: *Христосъ воскресе!*

Пронесшіеся изъ Франціи худые слухи опечалили насъ, но не надолго. Скоро услышали мы радостную вѣсть о взятіи Парижа. Войски наши вступили въ него 19 марта (1814 года). Дней черезъ шесть получили уже мы слѣдующія о томъ увѣдомленія: „Императоръ нашъ въѣхалъ въ Парижъ верхомъ съ многочисленною свитою, и принятъ былъ съ чрезвычайною радостью: народъ бѣжитъ за нимъ толпами; цалуютъ у него ноги; называютъ избавителемъ своимъ, ни съ кѣмъ несравненнымъ. Женщины выпрашиваютъ у нашихъ офицеровъ лошадей, чтобъ ѣхать за нимъ и только на него взглянуть. Сто тысячъ рукъ изъ оконъ машутъ бѣлыми платками, подтверждая раздающіеся повсюду крики: *миръ! миръ! какой хотите.* Всѣ надѣваютъ бѣлые банты восклицая: *vive le roi Ludwig XVIII, à bas le tyran*! И при сихъ словахъ, накидывая петли на воздвигнутый на площади Наполеоновъ истуканъ, свергаютъ его съ подножія долой на землю.“ Вотъ какая разность между шествіями Наполеона въ Москву и Александра въ Парижъ! Можно себѣ представить здѣшнюю нашу, по полученіи сего извѣстія, радость! Но что я говорю здѣшнюю? — она вездѣ была одинакова. Вотъ до какой степени одинъ человѣкъ могъ возмутить спокойствіе всѣхъ державъ! Между тѣмъ не явно-ли видна здѣсь рука Божія? Никто не думалъ о взятіи Парижа, о низверженіи Наполеона, и еще меньше о возведеніи Людовика XVIII на прародительскій престолъ, и все это само собою сдѣлалось! — Сказываютъ, что положеніе войскъ нашихъ, находясь между Парижемъ и осмьюдесятью тысячами войскъ Наполеоновыхъ, имъ самимъ предводительствуемыхъ и шедшихъ зайти въ тылъ Шварценбергу, наводило сомнѣніе куда обратиться, назадъ-ли отступить, или продолжать путь свой впередъ; но государь нашъ, не смотря на опасность сего положенія, рѣшился идти на Парижъ. Рѣшительность сія произвела, что вся Франція и войски Наполеоновы, отрекшись отъ своего повелителя, предали его въ наши руки. Такимъ образомъ простолюдинъ сей, вознесшійся изъ ничего выше всѣхъ, и надувавшійся какъ пузырь, вдругъ лопнулъ, и всѣ отъ него отказались. Дѣльно! люблю видѣть гордость въ уничиженіи, невѣжество въ презрѣніи, и злодѣя въ поруганіи. Все кажется, что другіе, смотря на то, исправятся; но тщетная надежда! много было и будетъ такихъ, для которыхъ подобные уроки, при всей

ихъ великости, безполезны. Признаюсь, что какъ Наполеонъ, когда входилъ въ Россію, такъ и я, когда писалъ мое письмо къ государю въ Франкфуртѣ, и мнимое воззваніе мое въ Раштадтѣ къ Французамъ, оба мы обманулись: онъ, надѣясь Русскихъ найти слабыми; а я, думая Французовъ найти твердыми. Мнѣ казалось, что когда мы вступимъ во Францію, то держава сія, тщеславившаяся быть *великою,* покажетъ себя въ самомъ дѣлѣ таковою; но нѣтъ! сего не случилось. Какая разность между ихъ вступленіемъ въ нашу, и нашимъ въ ихъ землю! У насъ всякъ безоружный поселянинъ, не могшій противустать непріятелю, оставлялъ свое жилище, уходилъ и, кроясь въ лѣсахъ, тамъ противъ него ополчался; а здѣсь встрѣчали насъ какъ избавителей или гостей, и не слышно было чтобъ, кромѣ войскъ, кто-нибудь оборонялся. Видно, что французскому народу наскучило жертвовать собою для личной славы Наполеона. Одни только пріученные имъ къ грабежамъ полководцы и солдаты не хотѣли разстаться съ такимъ повелителемъ, который, указывая на Москву, говорилъ имъ: *„ступайте, — вотъ вамъ награда; возьмите себѣ, — я васъ ею дарю!“* Какое сравненіе между взятіемъ ими Москвы, и взятіемъ нами Парижа! Они жгутъ, неистовствуютъ, грабятъ, не уважаютъ ни человѣчества, ни святыни; а мы, вмѣсто мщенія, входимъ къ нимъ съ миромъ, съ тишиною, не прикасаясь ни къ чему имъ принадлежащему, и наблюдая спокойствіе ихъ не меньше своего собственнаго! Словомъ послѣ ознаменованнаго всѣми лютостями вшествія Наполеона въ Москву, великодушное вшествіе Александра въ Парижъ приноситъ ему безсмертную честь и славу. Одно только было не по моимъ мыслямъ: входу сему данъ такой видъ, какъ будто-бы мы изъ уваженія къ Французамъ больше не смѣли, нежели не хотѣли поступить съ ними такимъ-же образомъ, какимъ они съ нами и съ другими державами поступали. По моему, я бы напередъ исчислилъ всѣ дѣла ихъ, и потомъ сказалъ имъ: — „Французы! мы входимъ въ столицу вашу съ такимъ-же, какъ и въ прочіе города ваши, миролюбіемъ и кротостью. Будьте въ домахъ своихъ и на торжищахъ безопасны и спокойны; но знайте, что кротость сія не есть соотвѣтственность вашимъ съ нами поступкамъ, которые могли бы руку нашу поднять на справедливое отмщеніе, еслибъ мы, подобно вамъ, забывъ вѣру и Бога, не исполняли заповѣдей его, повелѣвающихъ за зло воздавать добромъ.“ — Можетъ быть многіе нынѣшняго свѣта люди при сихъ словахъ моихъ разсмѣются и скажутъ: „къ чему такая проповѣдь?“ — Къ тому, чтобъ не имѣть низости льстить пороку, и не давать ему, прикрывая вну-

треннюю безобразность дѣлъ своихъ благовидною или еще блестящею наружностью, превозноситься и торжествовать. Украшенная ложь помрачаетъ истину, и служитъ къ повреждению нравовъ. Посмотримъ, напримѣръ, какимъ образомъ князь Беневентъ Тальеранъ [1]), Наполеоновъ вельможа, отъ лица сената привѣтствуетъ австрійскаго императора Франца, и какъ сей отвѣтствуетъ ему; посмотримъ, и скажемъ, видѣнъ ли въ рѣчахъ ихъ языкъ чистосердечія и правды. Тальеранъ говоритъ Францу *):

„Ваше величество хотѣли, по великодушному подвигу, скрѣпить между Франціею и Австріею прочный союзъ, который бы совокупилъ ихъ пользы, и могъ подать надежду къ примиренію Европы . . . . .“

(Такое ли при Наполеонѣ было во Франціи правительство, чтобъ могъ съ нимъ сдѣланъ быть прочный союзъ? Какимъ образомъ Австрія могла имѣть общія пользы съ Франціею, когда Наполеонъ хотѣлъ быть одинъ господиномъ надъ всѣми державами? Могла-ли и императора Франца дочь, которой Бонапарте для возвышенія своего и ея уничиженія приказалъ быть своею женою, могла-ли она, такому какъ онъ человѣку, воспрепятствовать его властолюбивымъ видамъ, для которыхъ не щадилъ онъ ни крови, ни преступленій? Наконецъ какая надежда могла быть къ примиренію Европы, когда Бонапарте союзниковъ своихъ считалъ подвластными себѣ и противъ воли ихъ бралъ у нихъ войски для покоренія остальной части Европы? Кто сего не знаетъ? Какъ-же не краснѣясь напоминать о томъ Францу и называть это *великодушнымъ подвигомъ* (un dévouement magnanime)? Ежели-бы кто среди ночи сталъ увѣрять о сіяніи солнца, не должно-ли бы было удивиться безстыдству и наглости сего человѣка, что онъ всѣхъ почитаетъ слѣпыми? Таковъ однакожъ языкъ нынѣшняго вѣка!)

„ . . . . но тщетно вдохновенная вашимъ разумомъ (!) великоименитая и достойная дщерь цесарей . . . . .“

(Увы! *великоименитая и достойная дщерь цесарей* по несчастію жена Корсиканца Бонапарте! и еще какая жена? непризнанная церковью!).

---

*) Переводъ статьи изъ Supplém. de la Gaz. de France du 22 Avril (1814), съ прибавленіемъ моихъ примѣчаній.

---

[1]) Т. е. извѣстный министръ и дипломатъ Талейранъ, князь Беневентскій, тогда начавшій переговоры съ союзными государями о возстановленіи Бурбоновъ на престолѣ Франціи.

„.... употребляла все, что мудрость и кротость имѣютъ въ себѣ убѣдительнаго и умиляющаго. Ваши, ея и наши желанія были обмануты....“

(Но кто и тогда, когда бракъ сей заключался, не зналъ, что желанія сіи будутъ обмануты? Отъ чудовища, устремляющагося поглотить царство, дочерью не защитишься. Оно возьметъ, обезчеститъ дочь, родъ, и разоритъ царство. Россія показала примѣръ, какую *дочь* надлежало противупоставить чудовищу, и еслибъ не она, что такое была бы нынѣ Австрія? — „*Ваши, ея и наши желанія,*“ — какъ! Французъ хочетъ увѣрить, что ихъ желанія были одинакія съ желаніями Австріи? но ихъ желанія, отъ начала до конца дѣлами утверждаемыя, состояли въ томъ, чтобъ обрѣзать и поработить Австрію, дабы войсками ея воевать съ другими державами; такъ и желанія Австріи были тѣже? развѣ послѣ женитьбы Бонапартіевой Австрія не была подъ игомъ его, тягчайшимъ всякихъ веригъ? Взгляните на прошедшее время; прочитайте писанныя о семъ книги; спросите у каждаго Нѣмца. Но таковъ языкъ нынѣшняго вѣка!)

„..... Тогда, заключа себя въ должности царскаго величія, вы помышляли, что прежде всего были монархъ: вы спасли Европу, оставя жребію своему того, кто хотѣлъ погубить ее, и погубить самого себя слѣпымъ упрямствомъ ....“

(Австрійскій дворъ, не взирая на истребленіе французскихъ войскъ въ Россіи, ниже на соединеніе Пруссаковъ съ нами, ниже на приближеніе союзныхъ войскъ къ Эльбѣ, ниже на крайнія обиды и разоренія претерпѣнныя и претерпѣваемыя Нѣмецкою землею отъ Французовъ, долго колебался соединиться съ прочими союзниками, и не иначе на то рѣшился, какъ принужденный общимъ гласомъ всего своего народа. Россія пришла единственно для освобожденія и пользъ австрійскаго двора; а дворъ австрійскій медлилъ, размышлялъ, и какъ будто изъ милости соглашался пристать къ ней! Да когда и присталъ, то надобно спросить у нашихъ и прусскихъ полководцевъ и солдатъ, такимъ-ли образомъ Австрійцы вели войну сію, и такъ-ли поступали, чтобъ можно было называть ихъ спасителями Европы? Но таковъ языкъ нынѣшняго вѣка!)

„.... Зри, государь, свѣтъ спокойнымъ, послѣ пятнадцати судорожныхъ лѣтъ, Европу утвержденную на прежнихъ своихъ основаніяхъ, и всѣ народы, кои суть первыя семейства царей, составляющими нѣкоторымъ образомъ единую семью. Наслаждайся

симъ прекраснымъ зрѣлищемъ, и жертвы великой души твоей вознаградятся.“

Какъ? Французскій сенатъ называетъ прошедшія пятнадцать лѣтъ *судорожными*, Европу опрокинутою, утопающею въ бѣдствіяхъ; величаетъ возстановленное якобы австрійскимъ императоромъ *спокойствіе свѣта;* и говоритъ ему, чтобъ онъ наслаждался симъ прекраснымъ зрѣлищемъ, вознаграждающимъ великую душу его за пожертвованіе своею дочерью?—Престранная рѣчь въ устахъ французскаго сената, въ которомъ засѣдали еще убійцы Людвига XVI, и творцы всѣхъ революціонныхъ ужасовъ и мерзостей! Естественно представляются при семъ два вопроса: первый: да развѣ сія великая перемѣна, сіе прекрасное зрѣлище, есть слѣдствіе побѣдъ австрійскаго императора, извлеченнаго Александромъ Первымъ изъ порабощенія, въ какомъ онъ и царство его находились у властолюбиваго Корсиканца? или плодъ Бонапартіева съ дочерью его бракосочетанія? Но самъ господинъ краснобай недавно говорилъ, что бракъ сей *обманулъ общее ихъ желаніе;* почему же теперь наслажденіемъ сего прекраснаго зрѣлища вознаграждаетъ великую душу его за пожертвованіе? — Второй вопросъ: да ктожъ всѣхъ сихъ бѣдъ, сихъ пятнадцатилѣтнихъ судорогъ (convulsions), сего потрясенія основаній Европы, вѣры, правды, чести, нравственности, добродѣтели, былъ причиною? не ты-ли, господинъ Бонапартіевъ сенатъ? не вы-ли, господа Наполеоновы маршалы, генералы, офицеры, конскрипты, грабители, зажигатели, палачи, шпіоны, и проч. и проч.? Ежели Наполеонъ вашъ былъ чудовище, какъ весь свѣтъ и вы сами его называете; ежели онъ *хотѣлъ погубить себя и Европу,* какъ вы то сами теперь говорите; то зачѣмъ же вы, свергнувъ поставленнаго Богомъ законнаго короля своего съ престола, и казня его на площади, выбрали сіе посланное отъ дьявола чудовище, и повиновались ему пятнадцать лѣтъ сряду? Когда же вы повиновались ему и всѣ злодѣйскія повелѣнія его исполняли, то зачѣмъ же его однаго вините? Европу жгли и грабили миліоны вашихъ рукъ, а не двѣ Бонапартіевы руки. Онъ приказывалъ, а вы дѣлали: зачѣмъ же приказанія его браните, а дѣла свои величаете, называя ихъ *службою, храбростью, славою, любовью къ отечеству?* Служба похвальна законному государю, а не чужому хищнику престола; храбрость приноситъ славу въ защищеніи земли своей, а не въ грабежѣ другихъ земель, не въ сожженіи городовъ, не въ поруганіи храмовъ Божіихъ, чего и самые закоснѣлые въ буйствѣ разбойники не дѣлаютъ. Любовь къ отечеству состоитъ въ охра-

неніи народной чести, а не въ помраченіи оной всѣми гнусными дѣлами. И такъ еслибы вы, отрекшись отъ Бонапарте, вмѣстѣ съ нимъ и себя винили, то бы можно было хоть нѣсколько повѣрить обращенію вашему на истинный путь; но когда вы не перестаете тщеславиться дѣлами своими, когда тѣмъ же языкомъ лжи говорите, какимъ и при немъ говорили, то вы тотъ же *просвѣщенный* и *великій* народъ, который просвѣщеніе поставляетъ въ развратности нравовъ, а величіе — въ порокахъ и преступленіяхъ.

Отвѣтъ императора Франца:

„Я двадцать лѣтъ противуборствовалъ правиламъ опустошавшимъ свѣтъ......“

(Такъ, это правда, — посылали солдатъ воевать противъ Французовъ; но такъ-ли воевали, какъ должно? Повидимому въ тоже время французскіе воспитанники у двора, въ министерствахъ, между генералами, и вездѣ напередъ приготовленные, отнимали духъ у народа и связывали у войскъ руки.)

„....... Я бракосочетаніемъ дочери моей, какъ царь и отецъ, принесъ безмѣрную жертву желанію поставить конецъ бѣдамъ Европы ......“

(Мы выше сего сказали уже что средство сіе не могло поставить конца бѣдамъ Европы, но могло умножить ихъ, какъ и дѣйствительно умножило. Бракъ сей, заключенный слабостью и страхомъ (а не *великодушнымъ подвигомъ*, какъ называетъ это господинъ Тальеранъ,) усилилъ Наполеона въ намѣреніяхъ его сдѣлаться повелителемъ Европы. Безъ того не пришло бы ему никогда въ голову идти завоевать Россію, послѣ чего, еслибы ему то удалось, неминуемо сдѣлался бы онъ господиномъ всего свѣта, и Австрія вмѣстѣ съ другими державами была бы совершенною его рабою. Однимъ словомъ бракъ сей былъ новый шагъ къ возвышенію и утвержденію Бонапартіевой власти, новыя цѣпи наложенныя на Австрію, новое угрожавшее бѣдствіе Европѣ, и новое распространеніе тѣхъ опустошавшихъ свѣтъ правилъ, о которыхъ Францъ говоритъ, что „онъ двадцать лѣтъ имъ противоборствовалъ.“ Но таковъ языкъ нынѣшняго вѣка! — Замѣтимъ еще слѣдующее: здѣсь и въ изданномъ въ Прагѣ при началѣ объявленія войны манифестѣ, австрійскій императоръ ясно и громко сказываетъ, что онъ дочерью своею *пожертвовалъ*. Въ какомъ иномъ смыслѣ слово сіе принять можно, какъ не въ томъ, что онъ почитаетъ Наполеона не настоящимъ французскимъ императоромъ, но самозванцемъ и злодѣемъ? иначе что будетъ значить слово *пожертвовалъ?* Ежели Наполеонъ подлинно французскій импера-

торъ, то слово сіе для австрійскаго императора, а особливо сдѣлавшагося уже его тестемъ, неприличнымъ образомъ высокомѣрно, а для французскаго императора неприличнымъ образомъ уничижительно, и притомъ несправедливо; ибо когда одинъ императоръ выдаетъ дочь свою за другого равнаго ему императора, то онъ не *жертвуетъ* ею, но возводитъ ее на степень величія и славы. Слѣдовательно слово *пожертвовалъ* само собою яснымъ и неоспоримымъ образомъ говоритъ: *„я принужденъ былъ, уступая обстоятельствамъ, отдать дочь свою не за монарха, но за самозванца и хищника престола.“* Когда же оно не можетъ иного значить какъ то, и притомъ всенародно сказано, то для чего же въ томъ же самомъ манифестѣ, и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ къ Наполеону, признается онъ императоромъ и дается ему, даже съ нѣкоторымъ особымъ уваженіемъ и утвердительностью, титулъ императорскаго величества? Чѣмъ господа дипломаты оправдаютъ такое двоязычіе? какимъ образомъ согласятъ оное съ достоинствомъ, честью, мужествомъ и правдою? Они назовутъ сіе осторожностью и скажутъ, что успѣхъ войны у судьбы въ рукахъ, и что можетъ случиться опять надобность ублажать Наполеона и просить у него пощады. Вотъ съ какимъ духомъ начинаютъ они войну! вотъ какъ готовятся стоять за правду! и вотъ какой примѣръ твердости подаютъ народу и войскамъ! Можно ли при таковомъ расположеніи чувствъ правительства ожидать отъ чувствъ народныхъ стойкости и успѣховъ? Но таковъ языкъ нынѣшняго вѣка! — Впрочемъ выраженіе: *„я симъ бракосочетаніемъ, какъ царь и отецъ, принесъ безмѣрную жертву,“* конечно справедливо; но можно-ли то, что сдѣлано было по слабости и боязни, представлять въ видѣ великодушія и мужества? можно ли тѣмъ тщеславиться и величаться, что въ самой вещи не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ стыда и печали? Отцу больно было дочь свою выдать за проклинаемаго всѣми злодѣя; царю неприлично и постыдно было выдать рожденную отъ крови его царевну за безславнаго родомъ и гнуснаго дѣлами хищника престола; но худые совѣтники умѣли возбудить въ царѣ и отцѣ такой страхъ, который преодолѣлъ въ немъ чувство стыда и чадолюбія. Вотъ все дѣло. Чтожъ тутъ великодушнаго? чѣмъ этимъ тщеславиться и величаться? Худые совѣтники прикроютъ совѣтъ свой словами: *великодушіе состоитъ въ пожертвованіи дочери для спасенія царства.* Опять языкъ нынѣшняго вѣка! Да чѣмъ докажутъ они, что злодѣй, взявшій насильно дочь, не возьметъ насильно же и царства, или не захочетъ располагать имъ по своей волѣ и прихо-

тятъ? Развѣ не знали они Наполеона? но въ такомъ случаѣ не должны были имѣть ни ушей, ни глазъ, ни души; а были совѣтники!)

„....Жертва сія (продолжаетъ Францъ) была безполезна; но я не стану никогда сожалѣть о томъ, что исполнилъ долгъ свой.“

(Еслибы такъ было, чтобъ Наполеонъ прислалъ сказать Францу: дочь твоя у меня въ рукахъ, и ежели ты не помиришься со мною и не обратишь войскъ своихъ противъ союзниковъ для удержанія меня на французскомъ престолѣ, то ты лишишься своей дочери; и ежели бы Францъ отказалъ ему въ томъ, тогда бы не онъ самъ о себѣ, но цѣлый свѣтъ о немъ сказалъ: *онъ, какъ царь, исполняя долгъ свой, преодолѣлъ въ себѣ отца, и жертвовалъ своею дочерью.* Сія похвала, сія слава была бы истинная, достойная царя, достойная отца. Но обращать самому непохвальное дѣло въ похвальное, малодушное въ мужественное, называть робость свою долгомъ, и не сожалѣть о томъ, суть вещи весьма далеко отстоящія отъ истинной славы. Царь — человѣкъ; а никто изъ людей несовершенъ. Всякъ это знаетъ. И такъ когда царь сдѣлаетъ какую нибудь ошибку и скажетъ: я ошибся! народъ возлюбитъ его за сіе чистосердечіе; лесть устрашится, и правда приближится къ его престолу. Но когда онъ ошибку свою начнетъ прикрывать ложнымъ языкомъ, и поставлять въ достоинство себѣ то, что въ самомъ существѣ своемъ предосудительно, тогда онъ отвратитъ отъ себя сердца честныхъ людей, отворитъ къ себѣ доступъ льстецамъ, и всегда будетъ обманутъ.)

Многія подобные вѣсти и слухи, приходившіе къ намъ изъ Франціи, часто радовали, но иногда огорчали меня. Сказываютъ, что Бонапарте, за нѣсколько времени передъ взятіемъ Парижа, видя невозможность ему уцѣлѣть, прислалъ туда повелѣніе привезть къ нему жену свою, а буде не поѣдетъ, то ее утопить, и городу подорваніемъ пороховыхъ хранилищъ нанести всевозможный вредъ. Человѣколюбивое повелѣніе! Пожалуй, люди нынѣшняго вѣка и это поставятъ ему въ достоинство и великость духа! Послѣ сего не могъ я безъ удивленія услышать, что ему въ обладаніе данъ островъ Эльба съ содержаніемъ по шести миліоновъ рублей годового дохода: есть за что!*) Самое пріятнѣйшее для

*) Онъ, по взятіи его, отосланъ былъ туда, и генералъ-адъютанту графу Шувалову[1]) велѣно было его препроводить. При проѣздѣ ихъ чрезъ одно

[1]) Павлу Андреевичу. О поѣздкѣ своей съ Наполеономъ изъ Фонтенбло до береговъ Средиземнаго моря, также и о другихъ политическихъ происшествіяхъ (онъ былъ одно время посланникомъ въ Вѣнѣ) онъ оставилъ Записки, доселѣ неизданныя.

меня извѣстіе было услышать, что тамъ, гдѣ во время революціи звѣрское буйство, ругаясь надъ вѣрою и святынею, проливало кровь невинныхъ, тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, священнослужители наши въ торжественномъ облаченіи совершали благодарственное молебствіе [1]), при которомъ, такъ сказать, вся присутствовавшая Европа, и сами Французы, убійцы законныхъ царей своихъ и рабы Наполеоновы, должны были съ колѣнопреклоненіемъ благодарить Бога за низверженіе всеобщаго зла: какое восхитительное зрѣлище для русскаго благочестиваго сердца! Но были и досаждавшія меня извѣстія. Однажды передъ самымъ обѣдомъ въ марграфининыхъ покояхъ, увидя лежавшія на столикѣ вѣдомости, взялъ я ихъ и между прочимъ прочиталъ въ нихъ слѣдующее: „Россійскій императоръ пожаловалъ Лагарпу андреевскій орденъ, и возлагая на него оный сказалъ, что онъ обязанъ ему воспитаніемъ своимъ, и безъ него не былъ бы то, что онъ есть" *). Я бросилъ съ негодованіемъ вѣдомости, и оборотясь къ стоявшему подлѣ меня Александру Львовичу Нарышкину, сказалъ: — „Не могу безъ крайняго огорченія слышать о подобныхъ наградахъ, и еще сопровождаемыхъ такими неприличными выраженіями!" — Въ это самое время, въ непримѣту мнѣ, вошла императрица, и услыша слова мои, усмѣхнувшись сказала: — „Мнѣ очень хочется узнать, что такое васъ растревожило." — Промолвя сіе, взяла вѣдомости и стала читать. Я былъ въ великомъ смущеніи, воображая, что она догадается; но по счастію вслѣдъ за нею вышла марграфиня, и она должна была, оставя вѣдомости, идти съ нею къ столу. Не знаю любопытствовала-ли она послѣ дочитать ихъ, или нѣтъ; это осталось отъ меня сокрыто, потому что я никакихъ больше о томъ вопросовъ отъ ней не слыхалъ.

Я собирался ѣхать въ Парижъ, но еще не чувствовалъ себя столько здоровымъ, чтобъ могъ предпринять сіе путешествіе; а притомъ и по слухамъ, что государь не долго тамъ пробудетъ, опасался не найти его тамъ. Чрезъ нѣсколько времени дошелъ

мѣсто, озлобленные имъ жители хотѣли на него напасть и его убить. Графъ Шуваловъ, узнавъ о семъ, скрылъ его, и самъ, нарядясь въ его одѣяніе, сѣлъ въ его карету, подвергая себя опасности быть за него убиту. Слишкомъ великодушно!

*) Подъ конецъ Лагарпъ этотъ кажется уронилъ себя въ высокомъ о немъ мнѣніи государя императора.

---

[1]) Молебствіе это было совершено на площади Согласія, служившей во время террора первой революціи мѣстомъ казней, и гдѣ былъ обезглавленъ Лудовикъ XVI.

до насъ изданный государемъ о взятіи Парижа манифестъ; но онъ былъ не тотъ, который я къ нему послалъ*). Причиною сему полагалъ я, что можетъ быть написанный мною манифестъ показался государю слишкомъ строгимъ и укорительнымъ для Французовъ, и потому онъ не хотѣлъ его издать; но не та была тому причина, какъ мы послѣ о томъ услышимъ. Теперь же оставимъ Парижъ и обратимся опять къ повѣствованію о здѣшнемъ моемъ пребываніи.

Императрица съ маркграфинею поѣхали изъ Брукзаля въ Карлсруге, и мы за ними. Любо теперь Русскимъ разъѣзжать: во всякой деревнѣ и мѣстечкѣ нѣтъ человѣка, который бы съ веселымъ лицомъ не снялъ шляпы и не кланялся; женщины въ окнахъ присѣдаютъ; ребятишки, лишь только увидятъ русскую повозку, откуду возьмутся, бѣгутъ кучами и кричатъ: *ура козакъ!* Это слово у всѣхъ у нихъ затвержено. Правда и до взятія Парижа было тоже, но теперь гораздо больше усилилось. Вечеръ въ этотъ день былъ прекрасный; городъ весь освѣщенъ; народу пропасть; и было бы очень весело ходить по улицамъ, еслибъ тишина и порядокъ лучше наблюдались; но странный обычай препятствовалъ прогуливаться съ удовольствіемъ: здѣсь всякій, кто хочетъ, можетъ палить, иной изъ окна, иной въ воротахъ изъ маленькой пушечки; иной въ тѣснотѣ подлѣ самаго твоего уха выстрѣлитъ изъ пистолета; иной подъ ноги къ тебѣ броситъ пороховую хлопушку; и это вездѣ, по всѣмъ улицамъ, такъ что непривыкшему покажется будто непріятель ворвался и происходитъ сраженіе. Я думаю, еслибы у насъ вдругъ это сдѣлать, то вѣрно не прошло бы безъ несчастныхъ приключеній, или по крайней мѣрѣ на другой день множество женщинъ отъ испуга лежали бы въ постелѣ. Впрочемъ не было никакихъ увеселительныхъ огней, или ракетъ, но только одна пальба и хлопанье. Праздникъ этотъ данъ былъ по случаю пріѣзда императрицы, но сказываютъ, что это и передъ тѣмъ нѣсколько дней сряду здѣсь продолжалось. По сю пору не могутъ опомниться отъ радости: такъ имъ Наполеонъ былъ солонъ! На другой день императрица и маркграфиня отправились въ Раштадтъ къ графинѣ Витгенштейнъ: она разрѣшилась отъ бремени и просила императрицу окрестить новорожденнаго мла-

---

*) См. въ Собраніи манифестовъ страницу 153 [1]). Въ семъ собраніи одна только сія бумага не мною, но сказываютъ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ написана.

---

[1]) См. Приложеніе XLV.

денца. Нарышкинъ и я туда же пріѣхали. Послѣ обѣда начались крестины. Воспріемниками были императрица съ матерью своею, да мы съ Нарышкинымъ, онъ за короля, а я за наслѣдника прусскаго. Нарышкинъ показывалъ мнѣ сдѣланный графинѣ подарокъ: ожерелье цѣною въ десять тысячъ рублей. Въ это время нашелъ я случай сказать императрицѣ о здѣшнемъ докторѣ, который меня лѣчилъ: она пожаловала ему золотую табакерку, и онъ былъ безъ ума отъ радости. Послѣ крестинъ поѣхалъ я съ графинею Остерманъ въ Баденъ, и, пробывъ тамъ два дни, возвратился назадъ. Подъѣзжая къ Карлсруге встрѣтился я съ Марьею Алексѣевною Нарышкиною; мы очень обрадовались увидясь другъ съ другомъ; она ѣздила прогуливаться; я зашелъ къ нимъ, просидѣлъ у нихъ до ночи, и на другой день отправился на прежнее жилище мое въ Бруkзаль.

Въ половинѣ апрѣля императрица и всѣ наши съ нею, также и весь здѣшній дворъ, то есть маргграфиня съ прочими дочерьми своими и внучатами, собрались недѣли на двѣ ѣхать въ Рорбахъ. Это маленькая маргграфинина деревенька съ небольшимъ домомъ, лежащая неподалеку отъ городка Гейдельберга, верстахъ въ сорокахъ отселѣ. Зная, что тамъ по малости строенія негдѣ будетъ жить, я хотѣлъ на это время ѣхать въ Баденъ; но маргграфиня пригласила меня пріѣхать къ нимъ. И такъ я остался, чтобъ на другой день слѣдовать за ними, но вдругъ захворалъ и дни съ четыре не выходилъ изъ горницы. Наконецъ, получа нѣкоторое облегченіе, отправился въ путь. Въ Рорбахѣ такъ было тѣсно, что я нигдѣ не могъ найти пристанища, и долженъ былъ помѣститься въ такой избушкѣ, или лучше сказать клѣти, въ которой едва кровать моя могла уставиться; но какъ мнѣ нужно было только ночевать тутъ, и притомъ никакой другой хижины не было, то поневолѣ надлежало мнѣ тѣмъ удовольствоваться. На другой день послѣ обѣда пошли мы съ императрицею и всѣмъ здѣшнимъ дворомъ въ отстоящую съ полъ-версты деревеньку пить кофій, по сказкамъ, что въ ней хорошо умѣютъ его варить. Тамъ въ крестьянскомъ огородѣ поставлены были два стола накрытые скатертями. За одинъ сѣла вся маргграфинина семья, а за другой мы составлявшіе ихъ свиту. Вся деревня отъ стараго до малаго собралась вокругъ насъ. Хозяйка дома, деревенская простая баба, подвела къ императрицѣ маленькую дѣвочку, дочь свою, худо одѣтую и запачканую. Императрица стала ее ласкать, а она испугалась и заревѣла во все горло. Государыня, чтобъ не взять на руки такую грязную, и чтобъ утѣшить ее, не пере-

стающую кричать и плакать, присѣла передъ нею на колѣни и стала ее цаловать. Рѣдкость зрѣлища сего такъ меня поразила, что я въ восторгѣ, обращаясь къ сидѣвшимъ со мною, не утерпѣлъ громко воскликнуть: — „Посмотрите, посмотрите на рѣдкій примѣръ снисхожденія и кротости: тогда какъ передъ супругомъ ея Парижъ и вся Франція преклоняютъ свое колѣно, она стоя здѣсь на колѣняхъ цалуетъ крестьянскую дѣвочку!“ — Возвратясь изъ деревни мы нашли пріѣхавшаго сюда изъ Парижа графа Витгенштейна съ женою. Онъ сказывалъ мнѣ, что дорога изъ Франціи въ Россію устанавливается опять чрезъ здѣшнія мѣста, и чрезъ то возбудилъ было во мнѣ снова желаніе отправиться въ Парижъ, но не получая отъ государя повелѣнія пріѣхать туда, и не надѣясь еще на свое здоровье, я опять раздумалъ.

Спустя два дни, императрица съ одною изъ сестеръ своихъ, шведскою королевою, и съ нами, то есть съ Нарышкинымъ и со мною, поѣхала для прогулки въ Мангеймъ, городъ довольно большой и многолюдный, отстоящій отселѣ верстахъ въ семнадцати. Онъ построенъ слишкомъ правильно, то есть состоитъ изъ однѣхъ прямыхъ, широкихъ улицъ, пересѣкающихся между собою, и чрезъ то не показался мнѣ пріятнымъ. Мы пріѣхали туда въ четыре часа по полудни, и пошли гулять въ садъ, лежащій на берегу Рейна; но гулянье наше не было похоже на гулянье, потому что императрица должна была идти между двухъ непрерывныхъ стѣнъ народа, и только на крики и восклицанія ихъ на обѣ стороны безпрестанно откланиваться. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ останавливалась она для принятія поздравленій и цвѣтовъ отъ разряженныхъ дѣвушекъ. Послѣ того поѣхали мы въ театръ, гдѣ передъ началомъ зрѣлища приготовлена была для ней рѣчь [1]). Потомъ ужинали; потомъ проѣхали немного по городу, очень хорошо освѣщенному; и во второмъ часу по полуночи возвратились домой.

На третій день въ десять часовъ утра поѣхали мы (то есть весь дворъ, кромѣ принцесы Амаліи) [2]) въ такъ называемую *Не-*

---

[1]) „Странно было для русскаго уха слышать, что въ сей рѣчи громогласно и съ восторгомъ произносили одно только отечественное имя ея: Алексѣевна. Нельзя было не разсмѣяться, когда народъ кричалъ: ура Алексѣевна! виватъ Алексѣевна! Они думали поддѣлаться этимъ подъ русскій языкъ, потому что у насъ отечественное имя въ употребленіи; но того не могли знать, что безъ приложенія къ нему собственнаго имени оно дико, и только о простыхъ и пожилыхъ женщинахъ говорится.“ (Кратк. Зап. изд. 2-ое, стр. 269.)

[2]) Старшая сестра императрицы; принцеса Амалія съ королевой баварской были двойни. Все герцогское семейство состояло изъ семи сестеръ и брата, владѣтельнаго герцога.

керскую долину. Она простирается отъ Гейдельберга по обоимъ берегамъ рѣки Некера между хребтами высокихъ горъ. День былъ прекраснѣйшій. Повсюду зелень и цвѣты. Мы ѣхали верстъ около десяти въ открытыхъ колясках отъ Гейдельберга вверхъ по берегу рѣки до мѣстечка Некердеминдъ [1]). Это была не просто ѣзда, а можно сказать заглядѣнье. По обѣимъ сторонамъ такіе прелестные виды, что казалось мы движемся въ картинѣ, начертанной не кистью художника, но рукою неподражаемой природы, и видимъ, не черезъ длинные переѣзды, но почти на каждомъ шагу, новое зрѣлище, одно другого лучше: тамъ превысокая гора какъ бы съ надѣтою на нее кругло-зеленою шапкою, индѣ изъ густого кустарника, индѣ изъ крупнаго лѣса; тамъ или простирающаяся между горъ испещренная цвѣтущими деревьями долина, или глубокая и мрачная пещера; тамъ голая, утесистая скала съ зеленою вершиною и развалинами древняго замка; тамъ иное что-нибудь подобное, поражающее взоръ величіемъ и красотою. Въ Некердеминдѣ встрѣтила насъ толпа народа. У пристани приготовлены были восемь большихъ лодокъ, изъ которыхъ самая большая украшена была цвѣтами съ зеленымъ по срединѣ ея шатромъ. Мы всѣ помѣстились на ней. На прочихъ сѣли, — на иныхъ музыканты, на иныхъ люди наши и всякій, кто хотѣлъ. На семъ флотѣ отправились мы далѣе вверхъ по Некеру. По обоимъ берегамъ противъ нашей лодки ѣхали верхами трубачи, играя на трубахъ. Вдоль береговъ, по ту и по другую сторону, стояло множество людей, не вмѣстѣ и не кучами, но протянувшись нитью, и составляя въ ней разныя перемѣны: гдѣ мальчики рядомъ, гдѣ большіе люди, гдѣ маленькія нарядныя дѣвочки державшіяся рука за руку, гдѣ взрослыя дѣвицы и женщины. Все это разными голосами, тонкими, толстыми, женскими, мужскими, кричало: *виватъ русская императрица Елисавета Алексѣевна!* Нить эта и крикъ, начинаясь отъ сего селенія, продолжались безпрерывно почти во всю дорогу; потому что людей было множество, повидимому стекшихся изъ другихъ близкихъ селеній, и сверхъ того, по проѣздѣ нашей лодки, задніе безпрестанно забѣгали впередъ и, примыкая къ другимъ, становились по-прежнему рядомъ. Передъ нами на лодкѣ ѣхали музыканты, играя на скрыпкахъ и волторнахъ; а передъ ними плыли двѣ лодки, съ которыхъ палили изъ пушекъ. Сія пальба сопровождалась еще другою съ высокихъ горъ изъ развалинъ замковъ, крѣпостей и

---

[1]) Некаргемюнде.

каменныхъ ломокъ, гдѣ вмѣсто пушекъ служили просверленныя въ камняхъ жерлы. Къ сему звуку присовокуплялся иногда въ селахъ, мимо коихъ мы проѣзжали, колокольный звонъ. Мы пристали къ нѣкоторому селенію, подлѣ котораго находились четыре развалины древнихъ замковъ, извѣстныя подъ именемъ Ландшаденъ (т. е. земное поврежденіе) [1]). Замки сіи лежатъ на горѣ. Мы полюбопытствовали осмотрѣть одинъ изъ нихъ болѣе сохранившійся. Дорога, по которой мы шли, уставлена была березками и усыпана цвѣтами; по обѣимъ сторонамъ стояли люди съ ружьями, чиновники съ знаменами и народъ. Пушечная пальба, колокольный звонъ, и радостныя восклицанія: *виватъ Елисавета Алексѣевна!* повторялись повсюду. Въ замкѣ накрытъ былъ столъ, уставленный разными пирожными и сластями. Видъ сверху безподобный, такъ что не сошелъ бы оттуда. Тутъ опять пошли подарки отъ нарядныхъ дѣвочекъ: иная принесла пучокъ цвѣтовъ, другая корзинку съ цвѣтами, иная барашка сдѣланнаго изъ масла, иная привела настоящую живую овечку на лентѣ и украшенную лентами, иная поднесла на блюдѣ парочку живыхъ горлинокъ, и тому подобное. Пріятно было смотрѣть на сіе простое, но искреннее изъявленіе любви и усердія. Осмотрѣвъ чудесное положеніе сего мѣста, мы тѣмъ же порядкомъ и съ тѣми же проводами и шумомъ поѣхали назадъ. Флотилія наша еще болѣе умножилась отъ скопившихся на рѣкѣ маленькихъ съ зрителями лодокъ. На семъ возвратномъ пути не хочу я въ молчаніи оставить двухъ случившихся съ нами приключеній. Первое: мы стоимъ вмѣстѣ на кормѣ судна, шведская королева, Нарышкинъ и я; а сынъ ея [2]) въ это время былъ на носу лодки и сидѣлъ на якорѣ. Мы тотчасъ это замѣтили и сказали ей: „посмотрите на чемъ сынъ вашъ сидитъ!“ Она усмѣхнулась и отвѣчала: — „Только ему и осталось, что сидѣть на якорѣ.“ *) — При этомъ разговорѣ хотя всѣ

*) Извѣстно, что якорь въ иносказательномъ смыслѣ означаетъ надежду или ожиданіе чего нибудь.

[1]) Объясненіе и переводъ этого слова невѣрны. Landschaden есть прозваніе, данное одному мѣстному владѣльцу, Билгеру-фонъ-Стейнахъ, прославившемуся своими разбоями, которые причиняли значительный вредъ странѣ. Прозваніе Ландшаденъ сохранилось и за его потомками. Фамилія эта угасла въ половинѣ XVII вѣка. Развалины четырехъ замковъ, ей принадлежавшихъ, — Шадекъ, Фордербургъ, Миттелбургъ и Гинтербургъ, — находятся въ весьма живописной мѣстности, часто посѣщаемой туристами.

[2]) Онъ носилъ имя Густава Вазы и впослѣдствіи женился на своей двоюродной сестрѣ, старшей дочери баденскаго герцога и Стефаніи (Богарне).

мы имѣли смѣющіяся лица, однакожъ внутренно, поглядывая на сего невиннаго и любезнаго юношу, равно съ нею погружены были въ нѣкоторое уныніе. Сіи печальныя мысли прерваны были вторымъ слѣдующимъ приключеніемъ: къ судну нашему пристаетъ лодка. Что такое? рыбаки сію минуту поймали три большія рыбы. Добыча по здѣшнему рѣдкая. Приносятъ ихъ въ большой лаханѣ къ императрицѣ; онѣ скачутъ, прыгаютъ, выбрасываются изъ лахани; ихъ ловятъ и опять туда сажаютъ. Кончилось тѣмъ, что государыня приказала мнѣ дать рыбакамъ по червонцу, а рыбы бросить назадъ въ рѣку. Я раздаю червонцы, рыбаки берутъ ихъ съ радостью; но услыша повелѣнное, останавливаются, колеблются: какъ такихъ прекрасныхъ рыбъ пустить обратно въ воду! Однакожъ я, наблюдая строго, чтобъ они не оставили которую нибудь у себя, кричу имъ грозно: *schmeissen sie alle ins Wasser* (бросьте всѣхъ въ воду). Они, хотя и неохотно, однакожъ напослѣдокъ кидаютъ ихъ, и бѣдныя рыбы, вырвавшись изъ рукъ смерти, летятъ стрѣлою въ прежнее свое жилище. Въ три часа по полудни возвратились мы въ то мѣстечко откуда поѣхали, то есть въ Некердеминдъ. Тутъ приготовленъ былъ обѣдъ. Послѣ обѣда отпустили мы коляски свои въ Гейдельбергъ, а сами поплыли туда на тѣхъ же лодкахъ внизъ по рѣкѣ, со всѣми тѣми же почестями и проводами. Однимъ словомъ народу и шуму не только не уменьшилось, но еще болѣе прибавилось. Подъѣзжая къ Гейдельбергу, увидѣли мы, что каменный мостъ, подъ который надлежало намъ плыть, весь усыпанъ людьми. Лишь только мы приближились къ нему, всѣ окружающіе насъ въ тысячи голосовъ закричали: ура! Тутъ пристали мы къ берегу, сѣли въ свои коляски и въ восемь часовъ вечера пріѣхали домой, можно сказать утомленные удовольствіемъ.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Рорбахѣ, отправились мы обратно въ Бруксаль. Всѣ уѣхали прежде меня. Когда я собрался ѣхать, хозяйка убогой моей хижинки приходитъ просить у меня за постой. Я, чтобъ показать себя щедрымъ, даю ей двадцать рублей. Она не беретъ и проситъ полтораста. — „Съ ума ты сошла, голубушка! да этого не потребовали бы съ меня и въ самой лучшей гостинницѣ.“ — „Можетъ быть,“ отвѣчаетъ она, „но туда часто пріѣзжаютъ; а мнѣ отроду въ первый разъ случилось имѣть у себя такого постояльца.“ — Что дѣлать? — поворчавши немного, заплатилъ. Пріѣзжаю въ Бруксаль и разсказываю это Нарышкину. Онъ говоритъ мнѣ: — „Какъ? да она это число поставила за тебя въ счетѣ, который подала императрицѣ;

и получила за то деньги." — Удивясь наглости этой бабы, я хотѣлъ поступокъ ея довесть до свѣденія маркграфини, но опасаясь, чтобъ это не принято было за жалобу мою и отыскиваніе моихъ денегъ, разсудилъ лучше промолчать.

Въ Бруксалѣ провождали мы по-прежнему, хотя не пышную, но довольно пріятную жизнь. Всѣ парижскія новости знали мы только изъ вѣдомостей, да изрѣдка отъ проѣзжающихъ. Признаюсь, многія изъ нихъ казались мнѣ странными. Я къ языку нынѣшнихъ бумагъ не могу привыкнуть. Какъ? въ однѣхъ и тѣхъ же вѣдомостяхъ, въ одномъ мѣстѣ читаешь о неслыханныхъ злодѣйствахъ Наполеона, а въ другомъ, — какимъ образомъ на Эльбѣ встрѣчаютъ его съ пушечною пальбою, и кто же? — люди ему неподвластные! Между тѣмъ какъ во Франціи описываютъ сколько онъ подѣлалъ зла[1]), и что въ самыя послѣднія господства своего минуты далъ повелѣніе подорвать и сжечь Парижъ (начальнику не исполнившему сего звѣрскаго повелѣнія пожалованъ отъ нашего императора орденъ св. Анны), между тѣмъ, говорю, какъ все это описываютъ и даютъ ему гнуснѣйшія имена, онъ въ провозглашеніяхъ своихъ пишетъ: *j'ai sacrifié mes droits aux intérets de la patrie* (я правами своими пожертвовалъ пользамъ отечества), и генералъ его, вмѣсто чтобъ стыдиться носить на себѣ сіе названіе, съ раболѣпствомъ даетъ ему имена: *l'empereur Napoléon, auguste monarque!* Какъ же можно къ такимъ вещамъ привыкнуть? Сравнимъ жизнь и участь Людовика XVI, короля можетъ быть слабаго, но впрочемъ добродушнаго и человѣколюбиваго, съ жизнію и участью его губителя народовъ: одинъ не хотѣлъ возставшихъ противъ него подданныхъ своихъ усмирять пролитіемъ крови ихъ, и за то былъ мучимъ и казненъ; а другой, для утвержденія беззаконной власти своей, алкалъ всѣхъ жечь, губить, истреблять, и теперь, по низверженіи своемъ, гордится еще и наслаждается почестями![2]) Видно слова священнаго писанія: *въ ню*

---

[1]) „Смотри прокламацію генеральнаго французскаго совѣта, изданную въ Парижѣ, апрѣля 1 дня 1814 года." (Прим. на стр. 276 „Краткихъ Записокъ.")

[2]) „Я думалъ такъ, когда не зналъ еще о судьбѣ, ожидавшей Наполеона, и которую онъ самъ себѣ вторичнымъ покушеніемъ возвыситься устроилъ. Многіе и нынѣ, благоговѣя къ нему, полагаютъ въ немъ необычайныя способности, и называютъ его великимъ человѣкомъ. Не спорю; но тотъ, кто по любви къ одному себѣ употребляетъ умъ свой и способности не къ благоденствію, но ко вреду человѣчества, тотъ чѣмъ больше симъ умомъ своимъ и способностями сдѣлалъ зла, тѣмъ въ глазахъ моихъ меньше и презреннѣе. Гораздо бы лучше было для него и для другихъ, когда бы онъ, не имѣя сихъ буйныхъ способностей, имѣлъ простой

же мѣру мѣрите, возмѣрится и вамъ, сказаны не для здѣшняго, но для будущаго свѣта. — Добро! лучше перестать объ этомъ думать. Скажемъ что-нибудь другое.

Сюда пріѣхалъ нѣкто Англичанинъ, путешествовавшій въ Камчатку и въ Китай, откуда вывезъ двухъ тамошнихъ уроженцовъ, изъ которыхъ одинъ игралъ передъ нами нѣчто изъ ихъ театральныхъ произведеній. Зрителями были весь дворъ и множество людей, смотрѣвшихъ сквозь окна и двери. Китайская трагедія его, или комедія, или драмма (не знаю что такое) состояла, сколько изъ тѣлодвиженій и перемѣнъ голоса понять было можно, въ представленіи звѣриной ловли. Нѣкоторыя мѣста выражалъ онъ такъ живо, что не зная словъ можно было разумѣть изъявляемыя имъ чувства и страсти. — Другая рѣдкость: здѣсь въ лѣсу нашли молодого мертваго оленя съ осмью ногами, и приносили его показывать.

Пробывъ еще нѣсколько времени въ Бруксалѣ, и узнавъ, что государь императоръ изъ Парижа поѣхалъ въ Лондонъ, императрица съ маркграфинею и всѣ мы за ними отправились въ Баденъ, гдѣ пользовался я тамошними ваннами и прогулками по горамъ и долинамъ. Изъ Стразбурга пріѣхали туда многіе съ разными играми и товарами, чрезъ что сдѣлался родъ ярмонки, привлекавшей къ себѣ людей; а особливо при играхъ собиралось много игроковъ и зрителей. Въ денежномъ обращеніи находилось не мало нашихъ русскихъ большею частью сторублевыхъ ассигнацій, которыя ходили почти въ настоящей ихъ цѣнѣ. Проводя нѣсколько недѣль съ довольною пріятностью, отправились мы обратно въ Бруксаль, и тамъ услышали о скоромъ прибытіи къ намъ государя императора. Въ одинъ день, императрица, узнавъ о приближеніи его, поѣхала въ худую весьма погоду на-встрѣчу къ нему въ Рорбахъ, гдѣ ночевала, и на другой день, дождавшись его, вмѣстѣ съ нимъ пріѣхала. Государь принялъ меня милостиво, разспрашивалъ о моей болѣзни, и когда услышалъ, что мнѣ стало нѣсколько лучше, то изъявилъ удовольствіе свое и сожалѣніе, что я не могъ съ нимъ быть при взятіи Парижа. На это отвѣчалъ я ему: — „Государь! судьба лишила меня счастія сопровождать васъ и быть свидѣтелемъ сего великаго происшествія; но и въ отсутствіи моемъ старался я исполнить мою должность: послалъ

умъ и доброе сердце. Божественное писаніе велитъ намъ быть мудрыми яко змія, но и смиренными яко голуби. Кто сего послѣдняго правила не держится, весь умъ того, по моему, никуда не годится.“ („Кратк. Зап.,“ стр. 276 и 277, въ примѣчаніи.)

къ вашему величеству заготовленный мною на сей случай манифестъ; но какъ вмѣсто онаго изданъ другой*), то и полагаю я, что по какимъ нибудь обстоятельствамъ, о которыхъ заочно не могъ я знать, написанъ онъ не такъ, какъ бы вамъ угодно было." — „Когда ты послалъ его ко мнѣ?" спросилъ меня государь. — „Въ самый тотъ день," отвѣчалъ я, „когда дошелъ до насъ слухъ о взятіи Парижа. Я написалъ письмо къ вашему величеству и вложилъ въ него оный." — „Можетъ быть я и получилъ твое письмо," сказалъ мнѣ государь, „но какъ множество приходило ко мнѣ писемъ, а я очень былъ занятъ, то легко станется, что я не прочиталъ его и оставилъ нераспечатаннымъ. Я бы очень желалъ услышать этотъ манифестъ." — „Если угодно, государь, я вамъ его прочитаю; онъ остался у меня вчернѣ." — „Прочитай пожалуй." — Я началъ читать, и когда окончилъ, то его величество изволилъ мнѣ сказать: — „Жаль, что я не зналъ о немъ прежде, однакожъ ты сохрани его: я найду случай и время обнародовать оный" **).

Между тѣмъ изъ Петербурга отъ лица святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената, прислано было къ государю императору съ тремя знаменитыми особами [2]) прошеніе о принятіи на себя подносимаго ему отъ всѣхъ сословій наименованія *Благословенный*, и позволеніи воздвигнуть ему памятникъ***). Государь получа сіе, призвалъ меня къ себѣ и приказалъ мнѣ въ отвѣтъ на поднесенное ему прошеніе написать къ вышепомянутымъ сословіямъ указъ, въ которомъ бы изъявлено было что его величество, благодаря за ихъ къ нему любовь и усердіе, отъ воздвигнутія ему памятника, и принятія наименованія *Благословенный* отрицается и не соизволяетъ. Выслушавъ приказаніе его, я нѣсколько позадумался, и когда онъ спросилъ меня о причинѣ моего сомнѣнія, то я сказалъ ему: — „Государь! мнѣ кажется, вы по скромности мыслей вашихъ и чувствъ, можете отрещися отъ воздвигнутія вамъ памятника; но отказаться отъ на-

*) О семъ манифестѣ выше сего, во время пребыванія моего въ Раштадтѣ, было уже упомянуто.

**) Манифестъ сей, съ нѣкоторымъ принаровленіемъ къ обстоятельствамъ настоящаго времени, изданъ генваря въ 1 день 1816 года. См. въ Собраніи маниф. стран. 194 [1]).

***) См. о семъ подробнѣе въ Собраніи маниф. стран. 159 [3]).

[1]) См. Приложеніе XLVII.

[2]) Сенаторами.

[3]) См. Приложеніе XLVI.

именованія *Благословеннымъ* требуетъ нѣкотораго особеннаго размышленія, потому что словомъ симъ не иное что испрашивается, какъ называть васъ *благимъ*, добрымъ государемъ: какъ же можно не желать сего и еще воспрещать, чтобъ народъ вашъ не называлъ васъ симъ именемъ? по-истинѣ я въ недоумѣніи, какимъ образомъ объяснить это. Позвольте мнѣ хорошенько объ этомъ подумать и написать такъ, чтобъ не видно было ни явнаго въ томъ утвержденія, ни совершеннаго отрицанія вашего.“ — „Хорошо,“ сказалъ государь, „напиши, какъ лучше придумаешь; это не требуетъ поспѣшности.“ — На другой день принесъ я къ нему слѣдующаго содержанія бумагу:

„Указъ, и проч. — Внимая посланному ко мнѣ отъ святѣйшаго синода, государственнаго совѣта и правительствующаго сената прошенію о воздвигнутіи мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятія проименованія *Благословенный*, не могъ я во глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованія россійскихъ государственныхъ сословій, подносящихъ мнѣ имя самое для меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на себя и на ввѣренный мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ мнѣ вѣрноподданныхъ моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ моихъ желаній и моего благополучія! Но при всемъ тщаніи моемъ достигнуть до сего, не позволяю себѣ, яко человѣкъ, дерзновеніе мыслить, что я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю я оное съ правилами и образомъ мыслей моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную мою признательность, убѣждаю государственныя сословія оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ! Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!“ (Бруксаль. Іюня 30 дня 1814 года). — Государь безъ всякой перемѣны утвердилъ бумагу сію своимъ подписаніемъ.

Наконецъ настало давно ожиданное мною время возвратиться

въ Россію. Я просилъ государя отпустить меня напередъ, для того что по слабости здоровья моего не могъ съ такою же, какъ онъ, скоростью за нимъ ѣхать. Онъ позволилъ; и я, собравшись въ дорогу, пошелъ откланяться императрицѣ. Она была одна въ кабинетѣ своемъ, и показалась мнѣ очень скучною. Когда я увѣдомилъ ее о причинѣ моего къ ней прихода, то она сказала мнѣ со слезами: — „Я завидую вашей участи: вы ѣдете въ Россію, и я желала бы того же, но государь хочетъ, чтобъ я оставалась еще здѣсь.“ — Слова сіи удивили меня и растрогали: я также не могъ удержаться отъ слезъ, и сказалъ ей съ чувствомъ усердія и сострадания: — „Государыня! какой Россіянинъ, слыша о сей вашей привязанности къ Россіи, не почувствуетъ во глубинѣ сердца своего живѣйшей къ вамъ благодарности?“ — Она пожаловала мнѣ поцаловать руку свою и отпустила меня, пожелавъ мнѣ счастливаго пути. Послѣ сего зашелъ я къ маргрaфинѣ, поблагодарилъ ее за всѣ оказанныя мнѣ милости и ласки, простился со всѣми здѣшними, и отправился въ путь.

Возвратное путешествіе мое въ Россію было безъ всякихъ особенныхъ приключеній. Въ Веймарѣ, гдѣ ожидали скораго прибытія государя, зашелъ я на короткое время къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ, и видѣлъ тутъ извѣстнаго [1]) нѣмецкаго писателя Гёте. Черезъ нѣсколько дней государь императоръ на дорогѣ обогналъ меня; остановился, и отдалъ мнѣ для храненія нѣкоторыя бумаги. Потомъ пріѣхалъ и я за нимъ въ Петербургъ [2]). Вскорѣ по прибытіи моемъ приказано мнѣ было написать милостивый манифестъ, который изложилъ я слѣдующимъ образомъ:

„Божіею милостію, мы Александръ Первый, и проч., объявляемъ всенародно:

„Долговременное отсутствіе изъ отечественной страны наводило сердцу нашему тяжелую скорбь, которая при всѣхъ успѣхахъ и благополучныхъ дѣлахъ не преставала намъ сопутствовать. Единое то служило намъ утѣшеніемъ, что мы многотрудное и громоносное оружіе свое не для тщетной славы толь далеко отъ предѣловъ земли нашея несли, но какъ для ея собственной чести и безопасности, такъ и для спокойствія всей Европы. Богъ неизреченною своею милостью возградилъ наше терпѣніе и труды. Онъ сокрушающуюся о чадахъ своихъ Россію обрадовалъ возвращеніемъ ихъ въ нѣдра ея съ миромъ и славою. Никогда

[1]) Въ печатныхъ Запискахъ, вмѣсто извѣстнаго стоитъ знаменитаго.

[2]) Государь возвратился въ Петербургъ 13-го іюля.

не чувствовали мы толь великаго блаженства, какъ при вступленіи въ предѣлы благословенной области нашей, куда несли мы сердце, исполненное любовью къ достойному оной народу нашему, и гдѣ встрѣчены были всеобщимъ усердіемъ и радостью. Нынѣ хотя постановленіе и устроеніе дѣлъ въ Европѣ для общаго всѣхъ народовъ успокоенія и требуетъ отбытія нашего изъ Россіи, но сіе отбытіе, уповаемъ на милость Божескую, будетъ уже недолговременное[1]) и съ полнымъ окончаніемъ внѣшнихъ дѣлъ возвратитъ насъ къ безпрепятственному попеченію о внутреннемъ государства нашего благѣ. Между тѣмъ въ ознаменованіе всѣхъ взаимныхъ чувствованій, на любви, благодарности и благополучіи основанныхъ, которыя мы днесь вкушаемъ, и въ сохраненіе памяти безпримѣрнаго единодушія и ревности, увѣнчанныхъ отъ руки Всевышняго толь знаменитыми произшествіями, возжелали мы учредить и постановить слѣдующее:

„I. Для принесенія всемогущему Богу теплыхъ и усердныхъ молитвъ за избавленіе державы нашей отъ лютаго и сильнаго врага, и въ прославленіе въ роды родовъ сего совершившагося надъ нами промысла и милости Божіей, постановляемъ мы ежегодное празднованіе въ день Рождества Христова: о чемъ съ подробнѣйшими объясненіями данъ будетъ святѣйшему синоду особый указъ.

„II. Священнѣйшее духовенство наше, призывавшее предъ олтаремъ Всевышняго теплыми молитвами своими благословеніе Божіе на всероссійское оружіе и воинство, и примѣрами благочестія ободрявшее народъ къ единодушію и твердости, въ знакъ благоговѣнія къ вѣрѣ и любви къ отечеству, да носитъ на персяхъ своихъ, начиная отъ верховнаго пастыря включительно до священника, нарочно учрежденный для сего крестъ съ подписью 1812 года.

„III. Побѣдоносное воинство наше, котораго храбрость и прежде, даже и въ самыя отдаленнѣйшія времена, всему свѣту была извѣстна, и которое нынѣ новыми подвигами не токмо отечество свое, но и всю Европу спасло и удивило, да вкуситъ сладкую награду въ душѣ и совѣсти своей. Всякое иное возмездіе не сравнится съ дѣлами его и доблестью. Но мы однакожъ, въ знакъ памяти содѣяннаго имъ великаго произшествія, желаемъ ознаменовать оное особою учрежденною для него медалью съ из-

---

[1]) Государь выѣхалъ въ Вѣну на конгрессъ 1-го сентября (1814) и, вслѣдствіе неожиданно вновь возгорѣвшейся борьбы съ Наполеономъ, только 1-го декабря слѣдующаго года возвратился въ свою столицу.

ображеніемъ на оной года и числа вступленія въ Парижъ. Такожъ надѣемся, что продолженіе мира и тишины подастъ намъ способъ не токмо содержаніе воиновъ привесть въ лучшее и обильнѣйшее прежняго, но даже дать имъ осѣдлость и присоединить къ нимъ ихъ семейства*).

„IV. Благородное дворянство наше, вѣрная и крѣпкая ограда престола, умъ и душа народа, издревле благочестивое, издревле храброе, издревле многократными опытами доказавшее ничѣмъ ненарушимую преданность и любовь къ царю и отечеству, наипаче же нынѣ изъявившее безпримѣрную ревность щедрымъ пожертвованіемъ не токмо имуществъ, но и самой крови и жизни своей, да украсится бронзовою на владимирской лентѣ медалью съ тѣмъ самымъ изображеніемъ, каковое находится уже на медали учрежденной на 1812 годъ. Сію бронзовую, крѣпости духа ихъ сообразную медаль, да возложатъ на себя отцы или старѣйшины семействъ, въ которыхъ, по смерти носившихъ оную, остается она въ сохраненіи у потомковъ ихъ, яко знакъ оказанныхъ въ семъ году предками ихъ незабвенныхъ заслугъ отечеству. Впрочемъ мы несомнѣнно увѣрены, что хотя дворянство въ необычайную нынѣшнюю войну сильно пострадало и претерпѣло великіе убытки, но пріобрѣтенная имъ истинная и неувядаемая слава исцѣлитъ раны его, утѣшитъ въ скорби, умножитъ еще болѣе должную и справедливую гордость быть Россіяниномъ; и увеличитъ заботу и попеченіе его о благосостояніи ввѣренныхъ ему Богомъ и законами достойныхъ любви его домочадцевъ; воздержность отъ роскоши, матери пороковъ, и хозяйственное домостроительство, источникъ изобилія, спокойствія и чистоты нравовъ, вознаградитъ сторицею всѣ претерпѣнныя разстройства и убытки.

*) Подъ симъ обѣщаніемъ нѣсколько разъ поправляемымъ, и наконецъ по точнымъ словамъ государя императора написаннымъ, разумѣлось военное поселеніе, тогда еще только въ мысляхъ предначертаваемое, и потомъ уже приведенное въ исполненіе [1]). Нѣкто довольно долго жившій здѣсь Французъ, въ сочиненной имъ книгѣ (L'Hermite en Russie), говоритъ о семъ поселеніи слѣдующее: „Rien ne me parait plus dissonnant que le mélange du bruit des armes et de la paix des champs. Labourer le matin et faire l'exercice le soir, passer subitement de l'étable au corps-de-garde, apprendre en même temps l'art de nourrir les hommes et l'art de les tuer, voilà de ces alliances que le coeur et la raison semblent repousser également. Je ne voudrais pas jurer que de tant d'efforts il ne résultât ni bons soldats ni braves laboureurs." Чуть не походитъ ли это на правду.

[1]) Учредителемъ и первымъ главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній былъ, какъ извѣстно, гр. Аракчеевъ.

„V. Именитое купечество, принимавшее во всеобщей ревности и рвеніи знатное участіе, да пріиметъ изъ устъ нашихъ благоволеніе и благодарность. Въ ознаменованіе же тѣхъ изъ нихъ, которые принесли отличныя и важныя заслуги, повелимъ мы разсмотрѣть оныя, и по представленіи вознаградимъ ихъ тою же бронзовою, о каковой выше упомянуто, медалью на лентѣ ордена св. Анны.

„VI. Почтенное мѣщанство и крестьяне, которые трудолюбіемъ своимъ извлекаютъ изъ земли первоначальную для всѣхъ пищу, изъ среды коихъ исходитъ воинъ на защиту отечества, и которые въ самое грозное время самолютѣйшей войны показали духъ православія, вѣрности и мужества, едва ли когда имѣвшій примѣръ въ бытописаніяхъ, — крестьяне, вѣрный нашъ народъ, да получитъ мзду свою отъ Бога. Мы же, въ отраду понесенныхъ ими трудовъ и претерпѣній, извѣщаемъ, что какъ войски наши изъ запасовъ достаточно пополнены, такъ что состоятъ нынѣ въ сугубомъ противъ того числѣ людей, въ какомъ состояли при началѣ войны, то не только на нынѣшній годъ, но уповательно и на предбудущій, или болѣе, останутся они безъ набора рекрутъ [1]). Между тѣмъ мы предполагаемъ и ожидаемъ несомнѣнно, что они въ наставшее послѣ жестокой брани мирное и спокойное время, пребывая вѣрны долгу и званію своему, умножатъ прилежаніе свое къ сельскимъ трудамъ и ремесленнымъ промысламъ, и тѣмъ исправятъ нанесенныя непріятелемъ разоренія. Господи! молю Тя, да сбудутся съ ними словеса пророка Твоего Давида: *бразды твоя упоятся и жита твоя умножатся; поля твоя исполнятся тука; овцы будутъ многоплодни и волове твои толсти; удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвеселятся и холмы радостію препояшутся.* Тако да взыщетъ ихъ милость Твоя. Со стороны же человѣческаго попеченія въ удовлетвореніе всякой нуждѣ и недостатку ихъ, правительство о казенныхъ крестьянахъ приложитъ стараніе доставлять имъ всевозможныя пособія; чтожъ принадлежитъ до помѣщичьихъ крестьянъ, то мы увѣрены, что забота наша о ихъ благосостояніи предупредится попеченіемъ о нихъ господъ ихъ. Существующая издавна между ими, *на обоюдной пользѣ основанная**), русскимъ нравамъ и добродѣтелямъ

---

*) Слова сіи были выпущены изъ манифеста, чему причину скажемъ мы ниже сего.

---

[1]) Но обстоятельства измѣнились, и, 12-го октября 1815 г., государь подписалъ въ Парижѣ указъ о рекрутскомъ наборѣ, по одному человѣку съ 500.

свойственная связь, прежде и нынѣ многими опытами взаимнаго ихъ другъ къ другу усердія и общей къ отечеству любви ознаменованная, не оставляетъ въ насъ ни малаго сомнѣнія, что съ одной стороны помѣщики отеческою о нихъ, яко о чадахъ своихъ, заботою, а съ другой они, яко усердные домочадцы, исполненіемъ сыновнихъ обязанностей и долга, приведутъ себя въ то счастливое состояніе, въ какомъ процвѣтаютъ добронравныя и благополучныя семейства.

„VII. Наконецъ сколь ни велики были въ толь огромную и тяжкую войну государственные расходы, однакожъ мы при толико радостномъ и благополучномъ окончаніи дѣлъ не можемъ удержаться отъ поспѣшенія изъявить народу нашему не исходящую никогда изъ мыслей нашихъ готовность ко всевозможному тягостей его облегченію; почему и даруемъ ему разныя льготы и милости въ нижеслѣдующихъ статьяхъ состоящія“ и проч.*).

(На подлинномъ подписано: Александръ.
Данъ въ С. Петербургѣ, августа 30 дня
1814 года.)

---

*) Мы не выписываемъ здѣсь сихъ статей, состоящихъ въ числѣ осьмнадцати (См. въ Собран. маниф. стран. 171). Послѣдняя изъ нихъ заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„Напослѣдокъ въ главнѣйшемъ и почти всецѣломъ числѣ вѣрноподданныхъ намъ народовъ къ сожалѣнію находимъ мы нѣкоторое, но къ утѣшенію весьма малое число заблуждшихъ людей, изъ которыхъ иные отъ страха и угрозъ непріятельскихъ, иные отъ соблазна и обольщеній, иные же отъ развратныхъ нравовъ и худости сердца, забывъ священный долгъ любви къ отечеству и вообще къ добродѣтели, пристали къ неправой, Богу и людямъ ненавистной сторонѣ злонамѣреннаго врага; сихъ, по мѣрѣ вины ихъ, правосудіе долженствовало бы наказать; но мы, при толь благополучномъ и радостномъ всего свѣта торжествѣ, уступая гласу вопіющаго въ насъ милосердія, даруемъ имъ безъ всякаго изъятія в с е о б щ е е п р о щ е н і е, въ слѣдствіе котораго повелѣваемъ во всемъ пространствѣ области нашей всѣхъ по симъ обстоятельствамъ взятыхъ, сосланныхъ, или инымъ какимъ образомъ задержанныхъ, освободить; такожъ имѣнія или имущества ихъ, по сему случаю конфискованныя или инымъ какимъ образомъ подъ надзоръ взятыя и по сіе время удерживаемыя, по-прежнему владѣльцамъ ихъ возвратить, и всѣ слѣдствія надъ ними пресѣчь и никакихъ притязаній къ нимъ не дѣлать; словомъ, поставить ихъ въ то состояніе, въ какомъ находились они прежде, до впаденія въ сію вину, которую мы всемилостивѣйше прощаемъ и предаемъ забвенію, въ надеждѣ, что сіе препобѣжденіе милосердія нашего надъ правосудіемъ приведетъ ихъ въ полезное для нихъ раскаяніе, и что они впредь безпорочностью жизни своей изгладятъ изъ памяти людской тѣ свои поступки, которые лишали ихъ драгоцѣннѣйшаго для человѣка преимущества, уваженія

По написаніи сего манифеста, неоднократно читалъ я оный государю, и всегда въ присутствіи графа Аракчеева, чего при прежнихъ чтеніяхъ писанныхъ мною бумагъ никогда не бывало. При первомъ чтеніи, государь съ нѣкоторою суровостью спросилъ у меня: для чего дворянство поставилъ я выше воинства? (ибо такъ сперва у меня было). Я отвѣчалъ, что дворянство есть первое государственное сословіе, снабжающее войско изъ среды себя полководцами, военачальниками, ратниками, и словомъ всѣми потребными силами; а потому, яко цѣлое, долженствуетъ преимуществовать предъ частью самаго себя. — „Вотъ,“ сказалъ мнѣ съ насмѣшкою государь, „стану я равнять такого-то съ такимъ-то!“ (Онъ назвалъ здѣсь два лица по именамъ). — На это отвѣчалъ я: — „Государь! сравненіе двухъ частныхъ лицъ не даетъ справедливаго заключенія о двухъ сословіяхъ, происходящихъ одно отъ другого.“ — Я хотѣлъ продолжать еще далѣе мои доводы; но государь, не слушая меня, повелительнымъ голосомъ приказалъ мнѣ статью о воинствѣ поставить выше статьи о дворянствѣ, и я, въ первый разъ увидя его гнѣвнаго, принужденъ былъ замолчать. На другой день, переписавъ бумагу, принесъ я къ нему оную для подписанія. Прочиталъ еще разъ. Онъ взялъ перо; но вдругъ остановился, оттолкнулъ отъ себя бумагу и сказалъ: — „Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я нимало не согласенъ.“ — Я съ удивленіемъ взглянулъ на него и увидя, что онъ отъ досады весь покраснѣлъ, сказалъ ему съ твердостью: — „Государь! вы нигдѣ при чтеніяхъ моихъ не изволили сдѣлать замѣчанія вашего, и потому я не знаю, какое мѣсто или слова мои противны мнѣнію и волѣ вашего величества.“ — Онъ указалъ мнѣ на статью о помѣщикахъ и крестьянахъ, гдѣ о существующей между ими связи сказано: *„на обоюдной пользѣ основанная.“* Выраженіе сіе находилъ онъ съ мнѣ-

благомыслящихъ людей.“ — По пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, графъ Аракчеевъ, между прочими бумагами, содержащими въ себѣ сіи статьи для внесенія ихъ въ милостивый манифестъ, отдалъ мнѣ особую бумагу, написанную, какъ онъ сказывалъ, Черторижскимъ, о всепрощеніи тѣхъ, кои въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, измѣня намъ, предались Наполеону. Аракчеевъ отдалъ мнѣ оную съ тѣмъ, чтобъ я поднесъ ее для подписанія государю, сказывая, что онъ уже утвердилъ ее, и только не успѣлъ подписать. Бумага сія показалась мнѣ слишкомъ милостивою, или лучше сказать потакающею преступникамъ, безъ всякихъ должныхъ укоризнъ и увѣщаній, и даже доставляющею имъ нѣкоторыя выгоды, какихъ они прежде не имѣли. Я не поднесъ сей особой бумаги къ подписанію и только доложилъ государю, что она при сей общей статьѣ уже болѣе не нужна.

ніемъ своимъ несогласнымъ и несправедливымъ. Я хотѣлъ объяснить ему, что всякая связь между людьми, изъ которыхъ одни повелѣваютъ, а другіе повинуются, на семъ токмо основаніи нравственна и благотворна; что самая вѣра и законы предписываютъ сіе правило, и что помѣщики, не наблюдающіе онаго, лишаются власти управлять своими подчиненными; но онъ, не допустивъ меня ни до какихъ объясненій, вычернилъ одно только сіе выраженіе, оставя все прочее, тожъ самое подтверждающее, и отдалъ мнѣ назадъ бумагу для переписанія *). По выходѣ моемъ отъ него, не могъ я удержаться, чтобъ графу Аракчееву, наблюдавшему во всѣ сіи споры глубокое молчаніе, не сказать: — „Я думаю ваше сіятельство находите меня правымъ, и еслибы государю угодно было выслушать меня безъ гнѣва, то я увѣренъ, что и онъ согласился бы со мною.“ — На это графъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, и мы разстались безъ всякихъ другихъ объясненій.

*) Сіе несчастное въ государѣ предубѣжденіе противъ крѣпостнаго въ Россіи права, противъ дворянства, и противъ всего прежняго устройства и порядка, внушено въ него было находившимся при немъ Французомъ Лагарпомъ, и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками Французовъ, отвращавшихъ глаза и сердце свое отъ одежды, отъ языка, отъ нравовъ, и словомъ отъ всего русскаго.

II.

ПИСЬМА КЪ ЖЕНѢ.

(1813—1814.)

ПИСЬМА МОИ КЪ ЖЕНѢ, ВО ВРЕМЯ ПОХОДА*).

1.

Филипсбергъ. Генваря 16, 1813 года.

Другъ мой Дарья Алексѣевна! Не знаю право что къ тебѣ писать. Увѣдомлять не о чемъ. Ежели сказать, что мы ѣздимъ изъ однаго мѣста въ другое, такъ это ты и безъ того знаешь. По сіе время, благодаря Бога, я здоровъ; но признаюсь тебѣ, что очень скучно таскаться такимъ образомъ въ мои лѣта и съ моимъ нравомъ. Какъ быть! не такъ живи какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Мнѣ писалъ А. С. Хвостовъ[2]), что у васъ будетъ Бесѣда[3]). Увѣдоми, пожалуйста, меня великъ-ли будетъ съѣздъ, что будутъ читать, и понравится-ли слушателямъ. — Въ одномъ изъ писемъ твоихъ, пишешь ты ко мнѣ и спрашиваешь: кто писалъ рескриптъ на орденъ мой? не я ли самъ? Странный ты дѣлаешь мнѣ во-

---

*) Многія изъ сихъ писемъ потеряны, а особливо всѣ начальныя, 1812 года[1]).

---

[1]) Письма эти печатаются не съ подлинниковъ, а со списковъ находящихся въ двухъ тетрадяхъ, въ которыхъ А. С. Шишковъ собралъ и собственноручно переписалъ часть своей переписки. Сборникъ этотъ занимаетъ особый отдѣлъ настоящаго изданія; а Письма къ женѣ мы помѣщаемъ здѣсь, въ видѣ дополненія къ первому отдѣлу, такъ какъ содержаніе ихъ послужило матеріаломъ для составленія Записокъ за 1813 и 1814 года. Избѣгая повтореній, мы исключили изъ нихъ мѣста, которыя почти буквально вошли въ текстъ Записокъ. Можетъ быть, мы этимъ лишили ихъ главнаго интереса; тѣмъ не менѣе не сочли себя въ правѣ не печатать ихъ вовсе, имѣя въ виду, что нѣкоторыя мелкія подробности и указанія на личныя сношенія Шишкова могутъ дать хотя нѣсколько чертъ для характеристики и біографіи какъ его самаго, такъ и другихъ упоминаемыхъ имъ лицъ.

[2]) Александръ Семеновичъ (см. выше, стр. 93, прим. 2-ое). При Екатеринѣ онъ былъ посланникомъ въ Царьградѣ, при Александрѣ — директоромъ государственнаго заемнаго банка.

[3]) Т. е. засѣданіе Бесѣды любителей русскаго слова.

просъ. Какъ можно мнѣ самому себѣ дѣлать похвалы [1])? вопервыхъ не поручили бы мнѣ сего, а во вторыхъ, еслибъ и поручили, такъ бы я отъ того отказался. И могъ-ли онъ мнѣ быть пріятенъ, если бы я это самъ себѣ написалъ? — Поклонись А. С. (Хвостову) и извини меня передъ нимъ, что я не пишу къ нему особаго письма. Хоть дѣла нѣтъ, а некогда, и притомъ посланные приходятъ за письмами передъ самымъ ихъ отъѣздомъ, такъ и не успѣешь написать. Письмо его я отдалъ князю (Смоленскому). — Отъ тебя я ужъ давно не получалъ писемъ. Два курьера пріѣхали, но ни съ однимъ изъ нихъ я не получилъ. Поклонись Варварѣ Ивановнѣ (Бакуниной) [2]) и скажи, что Василій Михайловичъ (сынъ ея) здоровъ. Я всякій разъ видаю его, когда бываю у князя. — Кланяйся нашимъ, также и всѣмъ Тарсуковымъ [3]). Приложенныя при семъ письма вели отослать по надписямъ. Прощай мой другъ. Грустно, что ѣздишь, ѣздишь, и не знаешь какой и когда будетъ тому конецъ. — Каковъ братъ [4])? ты никогда о немъ меня не увѣдомляешь; но изъ этого заключаю я, что ему по крайней мѣрѣ не хуже. Скажи Катеринѣ Алексѣевнѣ (Хвостовой), что она бывало ко мнѣ писывала, а нынѣ ни строчки не напишетъ. Такая стала спѣсивая! Прощай. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

2.

Млава. Генваря отъ 20-го (1813).

Другъ мой Д. А.! Хотя я недавно къ тебѣ писалъ, однакожъ опасаясь, чтобъ не было большого промежутка, пишу еще. Въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъявляешь ты безпокойство свое о неполученіи отъ меня, писемъ, чему я очень удивляюсь; ибо пишу къ тебѣ не рѣдко, и кажется письма мои должны вѣрно до тебя доходить. Я не воображаю, чтобъ изъ курьеровъ полѣнился кто тебя отыскать и отдать. Письмо отъ брата Ардаліона меня очень

---

[1]) Шишковъ говоритъ о рескриптѣ на пожалованіе ему ордена св. Александра Невскаго (см. выше, стр. 167).

[2]) Варвара Ивановна, дочь адмирала Ив. Лог. Голенищева-Кутузова, слѣдовательно была въ свойствѣ съ Шишковымъ (см. выше, стр. 1, прим. 4-ое, и стр. 3, прим. 4-ое). Мужъ ея, Михаилъ Михаиловичъ Бакунинъ, былъ сенаторомъ.

[3]) Екатерина Васильевна Тарсукова, племянница Марьи Савишны Перекусихиной и жена умершаго въ 1810 г. оберъ-гофмейстера Ардаліона Александровича Тарсукова, имѣла дочь, которая вышла замужъ за статсъ-секретаря и сенатора Петра Андреевича Кикина.

[4]) Ардаліонъ Семеновичъ. У Шишкова было три брата: Николай, Ардаліонъ, женатый на Софіѣ Александровнѣ Хвостовой, и Дмитрій, женатый два раза: на Екатеринѣ Юрьевой и на графинѣ Вѣрѣ Толстой.

опечалило; но можетъ быть онъ больше опасается своей болѣзни, нежели она въ самомъ дѣлѣ опасна. — Изъ Мерича, въ самый новый годъ, послалъ я къ тебѣ съ Борисомъ Борисовичемъ Фокомъ посылку: сукно и три штуки полотна. Ежели тебѣ понадобится изъ сукна сдѣлать что-нибудь дѣтямъ [1]), то ты можешь употребить его. — Ардаліонъ писалъ ко мнѣ о братѣ Дмитріѣ. Я всячески стараюсь что-нибудь для него сдѣлать, и кажется есть надежда. Можетъ быть опредѣлятъ его въ Тамбовъ (губернаторомъ), о чемъ ты и къ нему отписать можешь. Хотя сего еще не сдѣлано, однако уже обѣщано, и надѣюсь, что сдѣлается, ежели не повстрѣчается какихъ нечаянныхъ препятствій. — Я, слава Богу, здоровъ. Переѣзжаю изъ мѣста въ мѣсто. Третьяго дни былъ въ прусскомъ городкѣ Филипсбергѣ, а сего дня въ Млавѣ, мѣстечкѣ Варшавскаго герцогства. Куда завтра повезутъ, не знаю. Вотъ моя жизнь! Она очень весела, только бы я перекрестился три раза, если бы она перемѣнилась. Прощай. Приложенное при семъ письмо отдай брату.

От 21 числа.

Я теперь лишь проснулся. Курьеръ зашелъ за письмами, и я хочу еще строчку написать. Кланяйся отъ меня Шихматову [2]) за хорошіе стихи, и Аннѣ Петровнѣ Буниной, за сочиненіе, которое читалъ я вчера въ Сынѣ Отечества [3]). Бѣдный нашъ Александръ Ивановичъ (Казначеевъ) [4]) занемогъ и остался въ Филипсбергѣ. Я узналъ объ этомъ уже пріѣхавши сюда отъ Фукса. Стану о немъ навѣдываться.

---

[1]) Племянникамъ.

[2]) Кн. Сергѣй Александровичъ Шихматовъ, лирическій поэтъ, бывшій въ большомъ почетѣ въ Шишковской Бесѣдѣ, служилъ капитанъ-поручикомъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Указомъ отъ 18 октября 1812 г., императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ ему 1500 руб. пожизненной пенсіи за то, что онъ, „трудами своими и прилежаніемъ къ наукамъ усовершенствовавъ природныя дарованія къ стихотворству, обратилъ оныя въ сочиненіяхъ своихъ на пользу словесности и благонравія.“ Шихматовъ постригся въ монахи, подъ именемъ Аникиты.

[3]) Журналъ, основанный Н. И. Гречемъ въ 1812 г.. Въ Словарѣ русскихъ писательницъ (Русск. Арх. 1865, ст. 1150 и 1151) показаны два стихотворенія, помѣщенныя Буниной въ „Сынѣ Отечества“ 1813 г.: „Стихи на смерть капитана гвардейской артиллеріи, Ростислава Ивановича Захарова,“ и „Спасеніе несчастнаго семейства.“

[4]) Служилъ подъ начальствомъ гр. Мих. Сем. Воронцова, съ которымъ оставался во Франціи, пока корпусъ графа охранялъ спокойствіе возстановленнаго королевства; потомъ былъ правителемъ канцеляріи гр. Воронцова, во время управленія его новороссійскимъ краемъ; позднѣе находился сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Дмитріевнѣ Волконской, умной и образованной женщинѣ, страстной любительницѣ литературы.

3.

Плотскъ. Отъ 30 генваря (1813).

Другъ мой Д. А.! Хотя я очень недавно къ тебѣ писалъ, но услыша, что сегодня опять отправляется курьеръ, хочу еще нѣсколько строкъ написать. Вчера, получилъ я письмо твое, въ которомъ ты описываешь бывшее у васъ чтеніе (въ Бесѣдѣ), также пишешь объ Аннѣ Петровнѣ. Ты знаешь, что я очень ее люблю, и таланты ея цѣню, какъ должно; а потому во всякомъ случаѣ готовъ объ ней стараться. Дѣйствительно она по талантамъ своимъ заслуживаетъ не меньше награждена быть, какъ и другіе награжденные за таланты. Двѣ тысячи рублей пенсіи я почитаю за самую умѣренную для ней награду. Но желаніе можно всегда имѣть, а къ исполненію желанія надобенъ случай и счастіе. Мнѣ очень жаль, что она меня объ этомъ не предупредила, и скрыла имя свое, когда прислала стихи [1]). Это была такая минута, въ которую конечно я бы весьма надеженъ былъ исполнить по ея желанію. Можетъ быть другого такого случая и не будетъ. И такъ сама она виновата. Часто въ годъ того не сдѣлаешь, что въ одинъ часъ. — Еще ты пишешь о сукнѣ, и говоришь, для чего я не прислалъ синяго: но синяго послано десять локтей, ты вѣрно, не посмотрѣвъ его, ко мнѣ пишешь. — Я теперь остался одинъ. Товарищъ мой Балашовъ поѣхалъ въ Варшаву, дни на три. Хотѣлось было и мнѣ съѣздить, но полѣнился таскаться сто верстъ взадъ и впередъ. У насъ сдѣлалась теплая погода, и по улицамъ стало такъ грязно, что ходишь по водѣ и грязи. — Казначееву становится получше. — Приложенныя при семъ письма отошли пожалуйста по надписанію. Прошу тебя именемъ дружбы не безпокоиться, увидя письмо къ Ч.....: она писала ко мнѣ о томъ же, о чемъ и ты пишешь, то есть о распечатаніи ошибкою, и говоритъ, что пріѣзжала къ тебѣ съ благодарностью за присылку письма, но ты ее не приняла. Мнѣ очень жаль, ежели ты подобными случаями будешь безпокоиться; и жаль потому единственно, что твое спокойствіе мнѣ драгоцѣнно. Прощай, мой другъ; будь здорова. — Кланяйся всѣмъ нашимъ. Я думаю мы отселѣ завтра или послѣ-завтра отправимся куда-нибудь далѣе. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

---

[1]) Есть стихотвореніе Буниной: „Пѣснь Александру Великому, побѣдителю Наполеона и возстановителю царствъ,“ напечатанная отдѣльно въ 1814 г., и считающаяся библіографической рѣдкостью (Русск. Арх. 1865, ст. 1151). Можно было бы предполагать, что объ этихъ именно стихахъ говоритъ Шишковъ, если бы выраженіе — „возстановителю царствъ“ для начала 1813 года не было нѣсколько преждевременнымъ.

P. S. — Еще нѣчто вспомнилъ: ты все писала ко мнѣ о шаляхъ, что по случаю покупали ихъ дешево, и что нельзя-ли для тебя купить. Нѣтъ, мой другъ, такія дешевыя вещи попадались отъ козаковъ, когда гнали непріятеля; но когда ужъ мы пріѣхали въ Вильну, такъ уже ничего достать было не можно.

4.

Кладово. Отъ 4 февраля (1813).

Другъ мой Д. А.! Слышу, что курьеръ сегодня отправляется, и скоро; хочу хоть нѣсколько строкъ къ тебѣ написать, хотя и недавно къ тебѣ писалъ. Ничего не имѣю тебѣ сказать, кромѣ что я, слава Богу, здоровъ; но чрезвычайно надоѣло безпрестанно переѣзжать изъ мѣста въ мѣсто, и быть, такъ сказать, ни на мѣстѣ ни въ дорогѣ. Сверхъ того теперь сдѣлалось вездѣ топко и грязно, такъ что пройти нельзя не запачкавшись. Вчерашній и сегодняшній день я провожу у кузнеца въ избѣ, наполненной ребятишками, которые кричатъ и плачутъ безъ умолку. Можешь себѣ представить какъ весело! Завтра ѣдемъ отселѣ, чтобъ опять попасть къ такому же другому кузнецу. — Приложенное при семъ письмо отдай Катеринѣ Ильинишнѣ (княгинѣ Смоленской [1]), и скажи, что я съ Михайломъ Ларивоновичемъ (супругомъ ея) отнюдь не на политикѣ обхожусь, а чистосердечно. Сегодня онъ и я, оба хлопотали мы объ Аннѣ Петровнѣ Буниной, и кажется дѣло идетъ на-ладъ. Надѣюсь вскорѣ о чемъ-нибудь пріятномъ ее увѣдомить. Ну прощай, мой другъ. Будь здорова. А. Ш.

Приписка къ К. А. Хвостовой:

Весьма благодарю васъ, милая Катерина Алексѣевна, за письмо ваше. Живите въ кабинетѣ моемъ и шейте сколько хотите чепчиковъ и шемизетокъ. Не похоже на то, чтобъ я скоро васъ изъ него выгналъ. Успѣете еще множество написать изъ него ко мнѣ писемъ, если только захотите. Мои теперешніе кабинеты ежедневно перемѣняются, и часто бываютъ то дымные, то сырые, то холодные. Изъ нихъ лишь ногою выступишь, то и въ грязь. Прощайте. Еслибъ было досужно, то написалъ бы къ вамъ больше; но сегодня вышелъ для меня день хлопотливый. — Вчера Нарышкинъ пріѣхалъ сюда курьеромъ съ извѣстіемъ, что подъ Калишемъ было сраженіе, въ которомъ наши разбили корпусъ саксонскій, подъ начальствомъ Ренье (французскаго полководца): взяли генерала, нѣсколько полковниковъ и офицеровъ съ двумя

[1]) См. выше прим. 4, на стр. 1 и 3.

тысячами рядовыхъ въ плѣнъ. При чемъ также взято семь пушекъ и два знамя. Вотъ вамъ свѣжія вѣсти. Остаюсь усердный и покорный А. Ш.

5.

Коло. Отъ 6 февраля (1813).

Другъ мой Д. А.! Вчера я очень доволенъ былъ тѣмъ, что государь пожаловалъ Аннѣ Петровнѣ Буниной двѣ тысячи рублей по смерть ея въ годъ пенсіи [1]). Кажется это ее успокоитъ и сдѣлаетъ довольною. Она должна поблагодарить за сіе Катерину Ильинишну, потому что Михайло Ларивоновичъ много въ томъ содѣйствовалъ. — Вчера подписаны двѣ новыя бумаги: одна — грамота донскимъ козакамъ, а другая — назначеніе медали для всего войска. Обѣ сіи бумаги пошлются въ Петербургъ для напечатанія. Первую я не посылаю къ тебѣ для того, что ты увидишь ее печатную; а со второй прилагаю здѣсь копію. Хотя и оная будетъ у васъ извѣстна печатная, но можетъ быть не успѣютъ такъ скоро напечатать, и ты получишь письменную скорѣе. И такъ это будетъ покамѣстъ новостью.

Здѣсь къ намъ доходятъ слухи изъ Пруссіи и изъ другихъ мѣстъ, что сего рода бумаги наши, манифесты и проч., производятъ надъ умами великое дѣйствіе; но жалуются, что ихъ не переводятъ, и не разсылаютъ повсюду. Къ графу Толстому пишетъ Барятинской, что съ однаго присланнаго къ нему экземпляра послѣдняго манифеста въ короткое время списано было пять сотъ экземпляровъ. Одинъ пріѣзжій суда прусскій офицеръ сказывалъ самому государю, что обращеніе всегда къ Богу и духъ благочестія въ сихъ бумагахъ привлекаетъ къ себѣ умы и сердца всѣхъ. Дай Богъ, чтобъ языкъ правды и благомыслія восторжествовалъ надъ языкомъ лжи и злонравія! — Я очень доволенъ, что ты познакомилась съ Оленой Петровной Балашовой и сестрою его [2]). Пожалуйста поклонись имъ отъ меня, и скажи, что мнѣ весьма пріятно быть вмѣстѣ съ Александромъ Дмитріевичемъ; мы съ нимъ дѣлимъ время; ежели бы не онъ, мнѣ бы было очень скучно. Попроси ихъ, чтобъ онѣ его за меня поблагодарили. — Когда будешь у Осипа Петровича Козодавлева, то поклонись ему отъ меня и поблагодари за напоминовеніе обо мнѣ. Прощай. Будь здорова. Кланяйся всѣмъ нашимъ, также Варварѣ Ивановнѣ и Тарсуковымъ. Поздравь отъ меня Никол. Петр. Новосильцова

---

[1]) См. выше стр. 176.

[2]) „Его" — т. е. Александра Дмитріевича Балашова. Екатеринѣ Дмитріевнѣ Балашовой Державинъ написалъ альбомное стихотвореніе (Соч. Держ. т. III, стр. 509).

съ невѣстою или женою, и скажи, что есть съ чѣмъ поздравить: она всегда казалась мнѣ прелюбезною дѣвицею [1]). — Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

6.

Калишъ. Отъ 12 февраля (1813).

Другъ мой Д. А.! Уже давно не имѣю я отъ тебя писемъ. Послѣднее получилъ генваря отъ 28. Правда, что мы теперь далеко отъ васъ уѣхали, и письма гораздо долѣе бываютъ въ дорогѣ, чѣмъ прежде. Вчера пріѣхалъ я въ Калишъ, городокъ въ Варшавскомъ герцогствѣ. Не знаю долго ли здѣсь пробудемъ и куда пойдемъ. Въ послѣдніе дни погода была прекрасная. Такъ тепло, какъ въ маѣ мѣсяцѣ. Снѣгу же совсѣмъ не видно, и хотя трава еще не показывается, однакоже пасущіяся на поляхъ стада и поющіе жаворонки являютъ совершенную весну. Только очень грязно. Людямъ трудно ходить; а на бѣдныхъ лошадей смотрѣть жалко. Городокъ здѣшній довольно великъ и каменныхъ строеній много, но грязенъ, нечистъ, и все очень дорого. Однако я радъ, что до него добрались. Авось либо здѣсь сколько нибудь пробудемъ. Надоѣло всякій день, или черезъ день, тащиться по грязи и безпрестанно перемѣнять ночлеги, иногда въ изрядной комнаткѣ, а иногда въ скверной избѣ. Вотъ уже два мѣсяца, какъ я такую жизнь веду. Скучно, мой другъ, очень скучно, и какъ-то отчасу скучнѣе становится. За благополучные часы считаю, когда сплю. Чувствую, что пришла старость, и что уединеніе и спокойствіе были бы для меня всего дороже. Но видно не такъ жить, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ. Прощай, мой другъ. Поклонись отъ меня всѣмъ нашимъ. Не знаю когда письмо сіе къ тебѣ отправлю. Проготовилъ заранѣе. Можетъ быть еще что-нибудь напишу, коли сегодня не будутъ отправлять курьера. — Вели отыскать Павла Юрьевича Львова [2]) и приложенное при семъ письмо ему доставь. Онъ ожидаетъ отъ меня отвѣта.

Отъ 13 числа.

Написавъ вчера поутру письмо сіе, пошелъ я ходить по городу и нѣкоторымъ образомъ съ нимъ примирился. Хотя часть

---

[1]) Николай Петровичъ, сынъ генералъ-провіантмейстера и сенатора Петра Ивановича Новосильцова и Екатерины Александровны, рожденной Торсуковой, — женился на гр. Екатеринѣ Ивановнѣ Апраксиной. Былъ сенаторомъ и товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Плохой писатель, сторонникъ Шишкова, терпѣвшій безпрестанныя насмѣшки Арзамасцевъ, какъ авторъ „Русской Памелы" и „Михаила Романова во храмѣ славы россійскихъ героевъ."

видная изъ оконъ моихъ показалась мнѣ грязною и нечистою, однакожъ послѣ увидѣлъ я изрядныя улицы и прекрасное зданіе, въ которомъ помѣщенъ кадетскій корпусъ. Потомъ прошедъ еще одну улицу, вышелъ я въ такое мѣсто, которое и нынѣ меня прельстило, а лѣтомъ, я думаю, не вышелъ бы изъ него: такъ оно хорошо. Это гулянье, состоящее изъ парка, изъ рѣчекъ, протекающихъ сквозь оный, изъ алей подобныхъ нашей адмиралтейской, съ тою только разностію, что вмѣсто липъ онѣ усажены тополями. Я только что прошелъ по немъ, и ничего не замѣтилъ, а сказываютъ, что нѣкоторыя деревья въ немъ сломаны нашими ядрами въ бывшее недавно здѣсь сраженіе. Мы въѣзжали въ городъ по самой той дорогѣ, на которой оно происходило, и хотя, сказываютъ, тысячъ до трехъ было убитыхъ, однако мы уже никакихъ слѣдовъ сраженія не примѣтили. Все было прибрано и очищено. — Сейчасъ приходили мнѣ сказать, что сегодня ѣдетъ курьеръ, и такъ спѣшу приготовить и запечатать. Вчера пріѣхалъ сюда курьеръ изъ Петербурга. Я навѣрное считалъ, что получу отъ тебя письмо, однакожъ не получилъ, и это меня опечалило. Говорятъ, что скоро другой будетъ. Стану ожидать съ нетерпѣливостію. Теперь лишь прибрелъ ко мнѣ Казначеевъ; очень еще слабъ, и принесъ письмо къ тебѣ, которое при семъ прилагаю. Онъ былъ очень боленъ, но теперь лучше. Однакожъ я наказывалъ ему, чтобъ крайне берегся; ибо много опытовъ было, что кто начавши выздоравливать хоть чуть не побережется и снова впадетъ въ болѣзнь, тотъ уже рѣдко отъ ней освобождается. Прощай, мой другъ; будь здорова. Поклонись брату Ардаліону, и поцѣлуй дѣтей его. Какъ скучно, что и разстояніе между нами велико, и времени, когда возвратимся, конца не видать. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

7.

Калишъ. Отъ 18 февраля (1813).

Другъ мой Д. А.! Третьягодня я получилъ отъ тебя письмо. Очень радъ, что картинки мои, посланныя изъ Плотска, сдѣлали вамъ столько удовольствія. Но какъ долго нынѣ идутъ письма! не меньше одиннадцати дней бываютъ въ дорогѣ. Почти цѣлый мѣсяцъ надобно дожидаться отвѣта. — Что тебѣ сказать, мой другъ? — ничего, кромѣ что я, слава Богу, здоровъ. Поживаемъ здѣсь изрядно. Всякій вечеръ играемъ въ бостонъ. Только я прожился, и очень несчастливо играю. Тулупъ, халатъ мой изодрался. Кладу на нихъ новыя крышки; и какъ это подало поводъ къ покупкѣ матерій, то я и прилагаю здѣсь образчики съ нихъ, цѣною локоть

по рублю серебряному, и слѣдовательно аршинъ не съ большимъ четыре рубли на ассигнаціи. Ежели бы я зналъ, что это противу петербургскихъ цѣнъ дешево, и тебѣ такія вещи надобны, то купилъ бы ихъ и при случаѣ переслалъ; но не зная сего навѣрное, я рѣшиться на то не могу, опасаясь или ненужное купить, или не такой цвѣтъ выбрать. Гладкія сего рода матеріи немножко подешевле. Говорятъ, что въ Силезіи дѣлаются лучшія столовыя полотна; но мы хотя и близки отъ ней, однакожъ здѣсь нѣтъ сихъ товаровъ, а обѣщаютъ привезти. Ежелибъ надежда была скоро возвратиться, то бы я хоть наудачу чего-нибудь накупилъ, но какъ ничего о семъ неизвѣстно, то купить и таскать съ собою, или послать не зная довезутъ-ли, не хочется. — Въ прошедшее воскресеніе былъ здѣсь балъ, за который брали по талеру съ человѣка. Мы всѣ изъ любопытства были на немъ.

Ничего особливаго о немъ сказать не можно. Однакожъ было довольно женщинъ, и танцовали очень порядочно. Вчера былъ я у Михаила Ларивоновича; онъ сказывалъ мнѣ, что Катерина Ильинишна пишетъ къ нему и снова заботится о Буниной. Я отвѣчалъ ему, что все уже сдѣлано и послано. Прощай, мой другъ. Кланяйся всѣмъ нашимъ и будь здорова. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

8.

Калишъ. Отъ 22 февраля (1813).

Другъ мой Д. А.! Проснувшись довольно поздо послѣ вчерашняго бала, который дворянство здѣшнее давало государю, и долженствуя идти къ обѣдни и, сказываютъ, къ молебну о занятіи Берлина, спѣшу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ съ отправляющимся сегодня курьеромъ. А между тѣмъ ввечеру сегодня опять балъ у князя Смоленскаго. И такъ ты видишь, что я въ бальныхъ хлопотахъ, и подумаешь, что мнѣ очень весело. Сіе веселье бываетъ по вечерамъ, а по утрамъ все возятъ мимо меня гробы и такъ часто, что поневолѣ вспомнишь латинскую пословицу: *memento mori* (помни смерть). По слухамъ и у васъ много больныхъ. Французы, и мертвые, не перестаютъ воевать и наносить зло всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ побывали. Да и мудрено-ли? Министръ полиціи недавно получилъ донесеніе, что въ двухъ губерніяхъ (Смоленской и Минской) собрано и сожженно девяносто семь тысячъ тѣлъ; многія, сказываютъ, и по сю пору еще валяются не прибраны. — Разскажу тебѣ бывшее съ нами приключеніе. Третьягодня нѣкоторый здѣшній дворянинъ позвалъ насъ къ себѣ *на чай съ танцами.* Онъ живетъ отселѣ четыре вер-

сты..............[1]). Вотъ, мой другъ, я тебѣ не сказку, а быль разсказалъ. — Я недавно получилъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты описала мнѣ свои хлопоты съ полицейскими офицерами въ отыскиваніи вора; а я заплатилъ тебѣ такимъ же разсказомъ о своихъ хлопотахъ. — Ты пишешь ко мнѣ, что получила 1-й и 3-й номеръ моихъ писемъ, а 2-го не получила, и думаешь, что я ошибся номеромъ. Нѣтъ, мой другъ; я вѣрно ихъ выставлялъ, и ежели ты не получила 2-го, такъ видно онъ пропалъ. Ежели увидишь графа Григорья Григорьевича Кушелева [2]), поклонись ему отъ меня, и скажи, что я все сбираюсь написать къ нему письмо, и все не успѣваю. Ежели долго не увидишь, то пошли сказать ему это. Масловымъ поклонись, также и всѣмъ нашимъ. Прощай. Будь здорова. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

9.

Калишъ. Отъ 7 марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Нѣсколько времени, за случившимися многими переписками, я къ тебѣ не писалъ, и можетъ быть наведу тебѣ чрезъ то нѣкоторое безпокойство. Зато сегодня намѣряюсь написать побольше. Однаго изъ писемъ, въ которомъ было письмо къ Буниной, ты не получила, потому что бывшій при мнѣ (какъ я въ первый разъ ѣхалъ въ Вильну) фельдъегерь Федоровъ какимъ-то образомъ потерялъ въ дорогѣ всѣ бумаги, между прочими и указъ о пожалованіи пенсіи А. П. Буниной; о чемъ извѣстясь, принужденъ я былъ вторично подносить сей указъ къ высочайшему подписанію. Хорошо еще, что скоро удалось поднести, а еслибы сіе вторичное подписаніе продлилось мѣсяцъ, другой, то бы это сдѣлало ей рублей двѣсти убытку. — Между тѣмъ получилъ отъ тебя нѣсколько писемъ, изъ которыхъ на послѣднее буду отвѣчать. Я удивился, что ты пересказываешь мнѣ бывшій о французскихъ актерахъ за столомъ у государя разговоръ съ такою точностію, какъ-бы кто изъ находившихся при томъ свидѣтелей тебѣ пересказалъ оный. Ежели княгиня наша хвастуетъ такими подвигами своего князя, то мало дѣлаетъ она ему и себѣ чести, а особливо въ глазахъ тѣхъ людей, которые эту вещь подалѣе и получше видятъ, чѣмъ она. Есть люди, хотя и одаренные умомъ, но тамъ, гдѣ пристрастіе въ нихъ дѣйствуетъ, разсуждаютъ они какъ младенцы. Къ числу таковыхъ, съ крайнимъ сожалѣніемъ по родству и по человѣколюбію, причисляю я поч-

[1]) См. стр. 181 и 182.

[2]) См. прим. 2-ое, на стр. 4-й.

тенную впрочемъ нашу княгиню, о которой давно уже знаю, что у ней какую нибудь Филису или Дюпора [1]) не перетянутъ не только того же ремесла русскіе люди, но ниже Минины и Пожарскіе. Князь ея утверждаетъ, ... [2]). Между тѣмъ многіе у насъ подобно сему разсуждаютъ. Но всего чуднѣе мысль сія въ человѣкѣ, который самъ собою доказываетъ противное тому, что говоритъ. Онъ родился отъ русскаго отца, дворянина посредственнаго состоянія; воспитанъ не Французами; спасъ отъ нихъ отечество свое; достигъ до великихъ почестей и славы, и совсѣмъ этимъ думаетъ, что Россія безъ ихъ воспитанія и спектакелей не можетъ быть просвѣщенною! Вотъ какъ сильно предразсудки дѣйствуютъ надъ нами . . . . [3]). Вотъ ты письмомъ своимъ завела меня въ такія объясненія, о которыхъ бы я безъ того молчалъ. Но довольно сего. Поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Третьягодня государь поѣхалъ отселѣ въ Бреслау. Я остался здѣсь въ Калишѣ. Сказываютъ, что онъ встрѣченъ былъ съ чрезвычайною радостію. Повсюду сопровождаемъ былъ восторгами и криками. Это показываетъ подъ какимъ тяжкимъ игомъ стеналъ народъ. Дай Богъ, чтобъ въ Пруссакахъ и другихъ державахъ воспрянулъ духъ бодрости; чтобъ они опомнились и перестали думать, что они рождены покоряться Французамъ. Неужъ-ли примѣръ нашъ не ободритъ ихъ?!... Ну вотъ, мой другъ, кажется я довольно къ тебѣ написалъ, такъ что и бумаги не достало продолжать. Беру другой листокъ. Прощай покамѣстъ. Курьеръ не скоро отправиться: успѣю еще что-нибудь написать.

На третій день.

Сей часъ приходилъ ко мнѣ Тимковскій и увѣрялъ меня, что письмо, которое считаю я пропадшимъ, послано къ тебѣ не съ тѣмъ фельдъегеремъ, у котораго пропалъ чемоданъ, и что ты должна его получить; но меня приводитъ въ сомнѣніе то, что кажется по времени ты бы могла уже увѣдомить меня о полученіи онаго; однакожъ ни ты, ни Бунина, о томъ не упоминаете. Посланный отъ тебя съ Тарасовымъ сыръ, и съ Рогеномъ звѣзды, я получилъ. Сюда пріѣхали три петербургскія барыни: двѣ Вол-

---

[1]) Филисъ — французская оперная пѣвица, долгое время бывшая любимицей петербургской публики. Дюпоръ — балетный танцовщикъ, пріѣхавшій въ Россію, вмѣстѣ съ знаменитой Жоржъ.

[2]) См. стр. 178.

[3]) См. стр. 178—180.

хонскія и Салданьша. — Нѣсколько уже дней, послѣ бывшей весьма худой погоды, время настало прекрасное; но я мало имъ пользуюсь. Обыкновенно по утрамъ до двухъ часовъ сижу за бумагами, а тамъ, отобѣдавши и отдохнувъ немного, сажусь за другія бумаги, за бостонъ, который у насъ теперь разрушился отъѣздомъ Балашова въ Бреслау, а Маркова въ Москву; но думаю опять скоро составится; ибо безъ того скучно проводить вечера. На этихъ дняхъ получилъ я письма отъ Варвары Ивановны и Катерины Ильинишны; но не думаю, чтобъ съ нынѣшнимъ курьеромъ успѣлъ имъ отвѣчать. Истинно такъ много надобно писать, что никакъ не успѣешь. Между тѣмъ поклонись имъ отъ меня. Вчера видѣлъ я Вас. Мих. Бакунина и онъ сказывалъ мнѣ, что получилъ письмо отъ Саши. Ну, прощай, мой другъ; будь здорова. Приложенное при семъ письмо отдай Аннѣ Петровнѣ. Кланяйся всѣмъ нашимъ, также и Агафьѣ Ивановнѣ Ланговой, когда ее увидишь. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

P. S. — Вчера государь возвратился изъ Бреслау. Ожидая, что скоро посланъ будетъ курьеръ, спѣшу къ отправленію приготовить множество бумагъ.

10.

Калишъ. 12 марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Я къ тебѣ третьяго дня писалъ. Но теперь услышалъ, что сегодня опять отправляется курьеръ съ извѣстіемъ о занятіи нашими войсками Гамбурга [1]). И такъ спѣшу еще написать къ тебѣ хоть нѣсколько строкъ. Вчера я получилъ отъ тебя письмо. Поблагодари А. П. Бунину за ея ко мнѣ письмо и стихи; скажи ей, что я всегда то сдѣлаю, что могу, и если не сдѣлаю, такъ стало быть невозможно было. Поклонись также отъ меня Александ. Семен. Хвостову. Цѣлую недѣлю сбираюсь къ нему писать, и не удается. Истинно нѣтъ возможности отвѣчать на всѣ тѣ письма, которыя я получаю; надобно съ утра до вечера сидѣть за бумагою; и такъ извини меня передъ нимъ, что я на его письмо по сіе время не отвѣчалъ, и скажи, что я прошу его быть увѣреннымъ въ моей къ нему преданности. Въ разсужденіи же печатанія Бесѣды [2]), о чемъ онъ ко мнѣ писалъ, я разрѣшаю его дѣлать все, что онъ заблагоразсудитъ. Ежели Павелъ Ивано-

---

[1]) Генералъ Тетенборнъ занялъ Гамбургъ 7-го марта.

[2]) Т. е. „Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова.“ Съ 1811 по 1815 г. этихъ „Чтеній“ вышло дѣвятнадцать книжекъ, изъ которыхъ вторая раздѣлена на двѣ части.

вичъ Кутузовъ [1]) въ Петербургѣ, какъ я слышалъ, то пожалуйста скажи ему, что письмо его объ отпускѣ я получилъ, но не имѣлъ еще случая доложить, и даже сказать не могу, когда буду имѣть оный. — Послѣ-завтра отправляется отсель въ Варшаву Василій Сергѣевичъ Ланской [2]); я просилъ его купить что надобно, по той росписи, которую ты ко мнѣ прислала. Онъ обѣщалъ; и какъ онъ уже сюда не возвратится, то и условились мы, чтобъ онъ купя отправилъ оттуда къ тебѣ; а ко мнѣ бы только прислалъ роспись, что куплено и послано, дабы я могъ тотчасъ переслать къ нему деньги. И такъ я надѣюсь, что ты, можетъ быть не скоро, но черезъ мѣсяцъ мѣста, получишь отъ него посылку, и тогда меня увѣдомишь. Прощай; будь здорова. А когда Богъ велитъ намъ увидѣться, про то и слуху нѣтъ. Кажется конца тому не будетъ. Отъ брата Дмитрія получилъ я письмо отъ 22 генваря. Онъ очень желаетъ быть тамбовскимъ губернаторомъ, не зная, что онъ уже опредѣленъ туда. Но между тѣмъ Ниловъ [3]) совершенно правъ; и когда по учиненному надъ нимъ слѣдствію, какъ думать должно, оправданъ будетъ, то по всей справедливости надлежало бы возвратить ему прежнее мѣсто; и я, не взирая на то, что братъ уже опредѣленъ на оное, не сталъ бы нимало домогаться объ удержаніи его; ибо сіе было бы несправедливо. На подъемъ пожаловано ему двѣ тысячи рублей. Остаюсь вѣрный твой другъ А. Ш.

11.

Калишъ. Отъ 20 марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Я началъ къ тебѣ писать съ номерами, но часто не помню, и думаю иногда повторяю тотъ же. Прежде не приготовилъ, а сейчасъ приходили сказать, что курьеръ отправляется, и такъ спѣшу хоть строчку написать. На многія изъ писемъ твоихъ буду отвѣчать послѣ, а теперь не успѣю. Началъ было писать письмо къ Варварѣ Ивановнѣ, но не кончилъ, и до будущаго курьера не успѣю кончить. Завтра мы ждемъ сюда прусскаго короля. Сегодня былъ такой прекрасный день, что я съ утра до вечера гулялъ во фракѣ. Поутру пошелъ, и на встрѣчу попался мнѣ Тормасовъ съ своими адъютантами, и съ нимъ Кикинъ: — ѣдутъ верхами. Стали меня звать съ собою. Кикинъ

---

[1]) Сенаторъ и попечитель московскаго университета, переводчикъ Пиндара, издатель, въ товариществѣ съ гр. Д. И. Хвостовымъ и гр. Г. С. Салтыковымъ, журнала „Другъ Просвѣщенія“ (Москва. 1804—1806. — 36 книжекъ).

[2]) Съ 1823 по 1827 онъ управлялъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

[3]) Андрей Петровичъ, пріятель Державина (Соч. Держ. т. I, стр. 336).

уступилъ мнѣ лошадь свою, а самъ сѣлъ на другую. Я поѣхалъ съ ними; проѣхали верстъ пять; и я съ непривычки очень усталъ. Однакожъ возвратясь ходилъ еще до самаго обѣда, а тамъ — послѣ обѣда до самаго вечера; и лишь только пришелъ домой, какъ сказываютъ мнѣ, что курьеръ приходилъ за письмами. И такъ я сѣлъ поскорѣе написать нужное письмо къ брату Дмитрію, да если успѣю къ тебѣ хоть нѣсколько строкъ. Между тѣмъ пришли къ намъ гости и надобно садиться за бостонъ. По счастію ихъ безъ меня четверо; и такъ я условился быть пятымъ, чтобъ выиграть время написать къ тебѣ, покуда они играютъ два тура. Сегодня получено извѣстіе, что войски наши вмѣстѣ съ прусскими заняли Дрезденъ. Я думаю, что мы послѣ королевскаго отсель отъѣзда не замедлимъ идти туда. Считаютъ, что на переходъ надобно употребить 25 дней. По сему расчету мы не прежде можемъ быть въ Дрезденѣ, какъ въ исходѣ апрѣля; и если долго тамъ пробудемъ, то мнѣ хочется съѣздить къ Карлсбадъ къ той порѣ, когда пьютъ воды. Однако хотя я расчитываю тебѣ время, но все это невѣрно. Лучше не угадывать напередъ, а положиться на волю Божію: гдѣ Онъ велитъ, — тамъ и буду. Приложенное при семъ письмо отошли повѣрнѣе на почту, и напиши сама къ брату Дмитрію, чтобъ онъ тебя о полученіи онаго увѣдомилъ. — Писалъ ко мнѣ Федоръ Петровичъ Опочининъ о рескриптѣ на пожалованіе ему ордена [1]). Я не успѣлъ къ нему отвѣчать. Пожалуйста поклонись ему и скажи, что я не могъ добиться толку, подписанъ-ли и посланъ-ли къ нему рескриптъ. Спрашивалъ фельдмаршала; спрашивалъ Аракчеева: никто не знаетъ; я также не знаю, потому что черезъ меня это не шло. Увѣрь его, что я, сколько могу, буду о томъ хлопотать, не по должности своей, но единственно по моей къ нему привязанности; только не смѣю увѣрить его, скоро-ли могу добиться. Прощай, мой другъ! Ты все пишешь о покупкахъ. Я уже увѣдомлялъ тебя съ прежнимъ курьеромъ, что далъ коммиссію въ Варшаву; а здѣсь ничего нѣтъ. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

12.

Калишъ. Отъ 23 марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Время такъ хлопотливо, что я сбираюсь написать къ тебѣ письмо подлиннѣе, начать заранѣе, — а кончится тѣмъ, что скажутъ: курьеръ заходилъ за письмами, и сказалъ,

---

[1]) Опочининъ занималъ въ это время должность петербургскаго вицъ-губернатора. Рескриптъ на пожалованіе ему анненской ленты былъ подписанъ 26 марта 1813 г..

что скоро ѣдетъ. Поспѣшишь написать; отошлешь; и послѣ услышишь, что еще цѣлыя сутки пробылъ. Сегодня обѣдалъ я у фельдмаршала, и тутъ увидѣлъ Михайлу Михайловича Бороздина [1]), который вызвался мнѣ отвезти письма. Онъ сегодня въ ночь ѣдетъ въ Петербургъ съ дрездинскими ключами. Это письмо посылаю я съ нимъ: но онъ вѣрно проѣдетъ долго, и можетъ быть ты еще прежде получишь отъ меня другое, ежели курьеръ скоро послѣ него отправится.

Вчера уѣхалъ отселѣ прусскій король; слышно, что и мы дни черезъ два отправимся. Въ бытность его здѣсь были парады, освѣщеніе города, обѣды и балъ. Князь Михайло Ларивоновичъ получилъ орденъ чернаго орла и табакерку съ королевскимъ портретомъ. Пруссаки всѣ дышатъ войною, и Саксонцы тоже. Я писалъ объ этомъ къ Варварѣ Ивановнѣ. Она покажетъ тебѣ свое письмо. — Въ одномъ изъ твоихъ писемъ писала ты ко мнѣ о Сашѣ [2]), что если бы онъ былъ со мною, то могъ бы отданъ быть въ здѣшнія училища. Нѣтъ, мой другъ, этого бы нельзя было сдѣлать. Но между тѣмъ признаюсь, ежели бы зналъ я, что мы такъ далеко поѣдемъ, то рѣшился бы взять его съ собою, не для того, чтобъ онъ здѣсь въ училищахъ чему нибудь научиться могъ, но чтобъ побывалъ въ чужихъ земляхъ. Правда, что неудобность состояла бы въ томъ, что мы, вмѣсто пребыванія въ большихъ городахъ, большую часть времени бываемъ въ дорогѣ, останавливаясь тамъ, гдѣ войска останавливаются, то есть въ деревняхъ. И такъ не много было бы прибыли отъ такого путешествія. Поклонись отъ меня княгинѣ Катеринѣ Ильинишнѣ. Я виноватъ передъ нею: все сбираюсь писать къ ней, и по сю пору не собрался. Да скажи Федору Петровичу Опочинину, что я всячески о рескриптѣ его хлопочу. Прости, мой другъ; сегодня писать больше некогда; притомъ же я третьягодня къ тебѣ писалъ и можетъ быть завтра или послѣ-завтра опять писать буду; а теперь спѣшу отнесть письмо къ Бороздину. Онъ поѣдетъ черезъ Варшаву. Можетъ быть Ланской, по данному отъ меня порученію, пришлетъ съ нимъ къ тебѣ какія нибудь посылки, или ты о семъ отъ него узнаешь. Приложенныя при семъ письма отошли по надписямъ. Остаюсь, и проч.. А. Ш.

P. S. — Голицынъ [3]) писалъ ко мнѣ, что Архирей, по просьбѣ

---

[1]) Генералъ-лейтенантъ, командиръ осьмого пѣхотнаго корпуса; дочь его Анна Михайловна была за ген. лейт. Ник. Ник. Раевскимъ.

[2]) Племянникъ Шишкова, Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ.

[3]) Кн. Александръ Николаевичъ, нося званіе статсъ-секретаря, и управляя духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, оставался въ тоже время и оберъ-прокуроромъ въ синодѣ.

нашихъ мужиковъ, обѣщалъ опредѣлить священника. Ежели увидишь поблагодари его отъ меня.

13.

Кроточинъ. Отъ 28 марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Вчера, передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ Калиша, получилъ я отъ тебя письмо отъ 14 февраля, и намѣренъ немножко за него съ тобою поссориться. Ты пеняешь мнѣ, что давно не получала отъ меня писемъ, и вычисляешь, что я 19 дней къ тебѣ не писалъ. Расчисленіе твое не вѣрно. Отъ самаго отбытія моего изъ Петербурга конечно никогда не проходило шести дней, чтобъ я къ тебѣ не писалъ, а часто писывалъ черезъ три и черезъ два дни. Не знаю, какимъ образомъ ты ихъ получаешь, но знаю, какъ я пишу. Назадъ тому не съ большимъ мѣсяцъ, какъ я началъ ставить номера, и теперь ужъ двѣнадцатый, да вѣрно есть у тебя письма подъ одинакимъ номеромъ, такъ что число писемъ больше, нежели номеровъ, и притомъ иное письмо вмѣщаетъ въ себѣ два и три дни, въ которые я писалъ. И такъ ежели бы ты все это расчислила, то увидѣла бы, что я очень часто къ тебѣ пишу, и вмѣсто пеней должна бы была сказать мнѣ спасибо, тѣмъ больше, что я лѣнивъ писать, и долженъ отвѣчать на множество приходящихъ ко мнѣ писемъ. Въ концѣ говоришь ты: *можетъ быть я наскучила тебѣ своими длинными письмами;* поэтому и я тебѣ наскучилъ, потому что всѣ мои письма длиннѣе твоихъ. Индѣ пеняешь ты мнѣ, что я не на всѣ твои письма отвѣчаю; а мнѣ кажется, что я ничего не оставляю безъ отвѣта. Теперь нарочно многія изъ твоихъ писемъ перечиталъ и кажется обо всемъ писалъ. Не отвѣчалъ я тебѣ на нѣкоторыя просьбы, о которыхъ ты ко мнѣ писала; но что могу отвѣчать? все, что возможно, я стараюсь сдѣлать; а чего не могъ, или не имѣлъ случая, о томъ нечего и писать. Не увидишь-ли ты П. Ю. Львова? — скажи ему, что я все что могъ дѣлалъ для него, но безъ всякаго успѣха. Также Гавр. Ром. Державинъ писалъ ко мнѣ объ исходатайствованіи пенсіи дочери Баженова [1]). Я не отвѣчалъ ему за недосугами, и хотя самъ знаю, что онъ старается о должномъ и справедливомъ, но покуда не придетъ часъ (который долго, долго иногда не приходитъ), то надобно дожидаться.

---

[1]) Василій Ивановичъ Баженовъ, знаменитый архитекторъ, пользовался, какъ масонъ, особеннымъ благоволеніемъ императора Павла, который назначилъ его вице-президентомъ академіи художествъ. Баженовъ умеръ въ 1799 г., на 62-мъ году жизни.

Поклонись отъ меня Гаврилѣ Романовичу и Алексан. Сем. Хвостову, покуда не сберусь самъ къ нимъ написать. Бѣлостоцкому скажи, что я письмо его съ письмомъ Николая Семеновича (Мордвинова) получилъ, и благодарю его за присылку онаго, а писать право некогда, особливо же теперь на походѣ. Вчера мы выѣхали изъ Калиша, въ которомъ слишкомъ шесть недѣль прожили. Погода стоитъ такая прекрасная, что я съ удовольствіемъ ѣхалъ. Часто выходилъ изъ коляски и шелъ пѣшкомъ. Хотя деревья еще не распустились, однакожъ многіе кусты зелены и трава показалась. Небо чистое, и такъ тепло, что въ сертукѣ жарко. Мы сдѣлали два перехода, и по расчисленію пріѣдемъ въ Дрезденъ наканунѣ Свѣтлаго Воскресенія. Съ нами путешествуютъ нѣсколько русскихъ барынь. Вчера пріѣхала Несельротша [1]). Здѣсь получено извѣстіе о побѣдѣ подъ Линебургомъ (недалеко отъ Гамбурга): три тысячи пять сотъ человѣкъ Французовъ разбиты, и всѣ до единаго съ ихъ генераломъ и двѣнадцатью пушками взяты. По сіе время, слава Богу, все идетъ хорошо; но надобно посмотрѣть что будетъ далѣе. Французы не перестаютъ вездѣ выказывать свойство свое: при отступленіи въ Дрезденѣ подорвали мостъ . .
. . . . [2])
Какъ не восхищаться такими прекрасными поступками Французовъ! Какъ не любить ихъ актеровъ, торговокъ, учителей и проч.! Они препріятные люди, а всѣ другіе особливо же мы, nous sômmes des мужикъ, но, слава Богу, что сіи наши *мужики* не похожи на насъ баръ! Недавно здѣсь вышла книжка (которую я при семъ къ тебѣ посылаю). Ты увидишь изъ отмѣченнаго въ ней мѣста, что на Дону посадили двухъ козаковъ подъ караулъ за то . .
. . . . [3]).
Ежели бы съ нами такъ поступать, то бы всѣхъ надлежало посадить подъ караулъ. — Ну, мой другъ, чего я къ тебѣ не пишу, — а ты все еще недовольна. — Недавно писалъ я къ тебѣ съ Бороздинымъ; только мнѣ кажется, что ты это письмо скорѣе получишь: курьеръ его обгонитъ. Бороздина просилъ я, что ежели В. С. Ланской купилъ въ Варшавѣ то, о чемъ я его просилъ, и ежели не успѣлъ еще послать къ тебѣ, то послалъ бы съ нимъ. Не знаю какъ это будетъ; хорошо-ли онъ исполнитъ мое порученіе, и все

---

[1]) Графиня Марія Дмитріевна, жена статсъ-секретаря (впослѣдствіи государственнаго канцлера) гр. Карла Васильевича Нессельроде, была дочь министра финансовъ и удѣловъ, гр. Дм. Александр. Гурьева.

[2]) См. стр. 183.

[3]) См. тамъ-же.

ли то пришлетъ, что тебѣ надобно. Когда получишь, то увѣдоми меня обо всемъ. Приложенное при семъ письмо отдай Ф. П. Опочинину; я очень радъ, что мнѣ скоро удалось выхлопотать ему рескриптъ. — Вас. Мих. Бакунинъ сказалъ мнѣ, что Варвара Ивановна наняла тужъ дачу, на которой вы прошлаго лѣта жили. Я надѣюсь, что ты опять будешь вмѣстѣ съ ними, чего бы я очень желалъ; ибо знаю, что тебѣ тамъ было веселѣе, чѣмъ одной жить въ этомъ большомъ домѣ. Пора мнѣ идти обѣдать, и потомъ пришедши домой запечатать и отослать это письмо. Кланяйся отъ меня Марьѣ Савишнѣ (Перекусихиной), Катеринѣ Васильевнѣ и Марьѣ Ардаліоновнѣ (Тарсуковымъ). Ни Саша о себѣ, ни ты о немъ не пишешь ни строчки. Теперь лишь вспомнилъ, что ты писала ко мнѣ о Митинькѣ[1]), что братъ Ардаліонъ хочетъ отдать въ Царскосельскій лицей[2]). Я на это ничего сказать не умѣю; не могу ни присовѣтовать, ни отсовѣтовать. По просьбѣ Павла Ивановича Кутузова я исполнилъ. Приказано его уволить на 4 мѣсяца съ жалованьемъ и столовыми деньгами, о чемъ и писалъ я къ нему и къ министру просвѣщенія[3]). Ну! кажется все сказалъ. Прощай! Будь здорова. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

P. S. — Теперь лишь заходилъ къ Несельротшѣ. Она сказала мнѣ, что передъ отъѣздомъ тебя видѣла, и что ты хотѣла съ ней писать, но не прислала письмо.

14.

Миличъ. Отъ 29. марта (1813).

Другъ мой Д. А.! Я вчера писалъ къ тебѣ и отослалъ письмо, а сегодня опять пишу. Хочу сказать тебѣ нѣчто о достойномъ примѣчанія путешествіи нашемъ. Мы выѣхали изъ Кроточина въ самый полдень. Погода стоитъ прекрасная. Деревья стали распускаться, поля позеленѣли, и уже первые весенніе цвѣты появились. Мы въ семъ переходѣ выѣзжаемъ изъ Варшавскаго княжества и вступаемъ въ предѣли Силезіи. Хотя вездѣ доселѣ жители изъявляли намъ знаки радости, выѣздомъ на встрѣчу, разными изъ домовъ вывѣсками, восклицаніями, освѣщеніями, и проч., — но все это въ маломъ числѣ большою частью дѣлали Жиды; что принадлежитъ до Поляковъ, то не взирая на всѣ ласковые съ ними поступки, радость ихъ оказывалась очень умѣренною и готовою при малѣйшихъ неудачахъ превратиться совсѣмъ въ про-

---

1) Племянникъ Шишкова, Дмитрій Ардаліоновичъ.

2) Онъ былъ открытъ въ 1811 г..

3) О. П. Козадавлеву.

тивное. Но съ приближеніемъ къ предѣламъ Пруссіи общее къ намъ уваженіе и любовь отчасу болѣе возрастали. Сегодняшнее вступленіе наше въ Силезію было совершенное торжество . . . .[1].

15.

Дрезденъ. Отъ 12 апрѣля, ввечеру (1813) *).

. . . . Наконецъ я въ Дрезденѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ назадъ тому пятнадцать лѣтъ, жилъ нѣсколько мѣсяцовъ. Городъ этотъ такъ мнѣ знакомъ, что когда я сегодня въѣзжалъ въ него, то мнѣ казалось, что я не больше какъ за недѣлю въ немъ былъ. Я остановился въ томъ домѣ, который приготовленъ былъ для прусскаго короля; но не знаю для чего захотѣлось ему имѣть домъ поменьше; и такъ онъ остановился тамъ, гдѣ было мы съ Алексан. Дмитр. Балашовымъ расположились, а мы перешли въ этотъ. Прекрасный домъ, только слишкомъ для насъ огроменъ. Мы живемь на двѣ половины, и еще множество между нами общихъ комнатъ. Передъ моими окнами маленькій садъ, за которымъ течетъ Эльба, или по старинному названію Лаба, а за нею, прямо противъ меня, Брилевъ дворецъ, гдѣ живетъ нашъ государь императоръ. Подлѣ насъ тотъ славный мостъ, по которому я прежде такъ часто хаживалъ, и который теперь обезображенъ: подорваны двѣ арки, для засвидѣтельствованія почтенной нравственности того народа, котораго языкъ, театръ, воспитаніе, и всѣ обычаи такъ намъ любезны, что мы безъ нихъ считаемъ себя пропадшими. Изъ прежнихъ описаній моихъ о проѣздѣ нашемъ по маленькимъ городамъ можешь ты себѣ представить, каковъ былъ въѣздъ нашъ въ Дрезденъ . . . .[2]. Я, отобѣдавъ во дворцѣ, пришелъ домой; очень усталъ; полежалъ немного и сѣлъ къ тебѣ писать.

Теперь дожидаюсь полуночи, чтобъ идти ко всенощной. Поздравляю тебя, мой другъ, съ наступающимъ праздникомъ. Христосъ Воскресе! Вотъ гдѣ привелъ Богъ взять этотъ праздникъ, чего я поѣхавъ изъ Петербурга никакъ не ожидалъ. — Давичь поутру получилъ я отъ тебя еще письмо отъ 29 и 31 марта. Ты

*) Начало сего письма, также и съ дороги отъ Милича до Дрездена посланныя, въ которыхъ описаны были торжественныя встрѣчи, дѣланныя намъ при въѣздахъ въ разные города и мѣстечки, потеряны.

[1] См. стр. 185 и 186.

[2] См. стр. 194 и 195.

опять мнѣ пеняешь, что давно не имѣешь отъ меня писемъ. Я право не знаю какъ чаще писать: не пропускаю почти ни одного курьера, а они очень часто ѣздятъ. Неужли многія письма мои до тебя не доходятъ? Вотъ и Опочинина рескриптъ давно уже посланъ, а ты все напоминаешь мнѣ о немъ. Прощай, мой другъ. Не знаю могу-ли уснуть до всенощной.

Отъ 13 числа.

Христосъ Воскресе! другъ мой Д. А.! Христосъ воскресе! любезный братъ Ардаліонъ Семеновичъ, Сашинька, Митинька и Сенюшка [1]). Христосъ Воскресе! Александръ Ивановичъ, Катерина Алексѣевна, Дарья Александровна, Варвара Александровна. — Скажи въ домѣ у Михайлы Михайловича (Бакунина), у Марьи Савишны (Перекусихиной), что я поздравляю ихъ съ праздникомъ и съ ними христосаюсь. — Тожъ въ домѣ Гаврилы Романовича (Державина), Ивана Ивановича Кушелева [2]); и поздравь всѣхъ моихъ пріятелей и знакомыхъ, которые обо мнѣ спросятъ. Я, побывавъ у всенощной и разговѣвшись паскою, уснулъ; всталъ, и къ тебѣ пишу. Думаю, что сегодня отправленъ будетъ курьеръ, и для того намѣренъ заблаговременно приготовить и запечатать мое письмо. Не можешь пожаловаться, чтобъ мало написалъ. Прощай. Богъ съ тобою. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

16.

Дрезденъ. Отъ 16 апрѣля (1813).

Другъ мой Д. А.! Я третьягодня написалъ и послалъ къ тебѣ длинное письмо; а сегодня опять принимаюсь за перо. И такъ не могу упрекнуть себя, чтобъ я рѣдко къ тебѣ писалъ. Но что же тебѣ сказать? Опять приниматься за разсказы. Вчера ѣздили мы въ Мейсенъ, на фарфоровую здѣшнюю фабрику . . . . . .
. . . . [3]).
Ты изъ сего описанія подумаешь, что мнѣ весело. Очень обманешься, мой другъ. Въ другое время видѣть Русскихъ въ такой чести, и жить въ городѣ, изобилующемъ многими удовольствіями, могло бы меня утѣшать. Но теперь не то время настоитъ, чтобъ чувствовать какое-нибудь веселіе.

Отъ 17 числа.

Мы сегодня покидаемъ Дрезденъ и ѣдемъ туда, гдѣ кажется скоро должна быть рѣшена участь наша. Надежда на Бога! Онъ

---

[1]) Семенъ Ардаліоновичъ Шишковъ.

[2]) При Павлѣ Петровичѣ, былъ сенаторомъ.

[3]) См. стр. 196 и 197.

былъ доселѣ милосердъ къ намъ; можетъ быть продлитъ милость Свою. Болѣзнь Михайлы Лиривоновича сокрушаетъ меня. Прощай, мой другъ. Будь здорова. Остаюсь твой вѣрный другъ А. Ш.

От 18 числа, ввечеру [1]).

Письмо это было уже запечатано; однако за скорымъ выѣздомъ изъ Дрездена я не успѣлъ его отослать. И такъ опять распечатываю и пишу. Незапное извѣстіе о приближеніи Наполеона, какъ сказываютъ съ великимъ числомъ новонабранныхъ имъ войскъ, вызвало насъ изъ Дрездена, гдѣ мы надѣялись долѣе пробыть. Непріятель нашъ какъ стоглавая гидра повидимому не дремлетъ и не унываетъ. Сколько у него ни сломлено головъ, опять съ новою силою является въ полѣ и не оборониться только, но нападать помышляетъ. А тотъ, кѣмъ онъ такъ славно сокрушенъ и выгнанъ изъ Россіи, воевода нашъ, князь Смоленскій......! Его уже нѣтъ на свѣтѣ! И въ какое время! Богу такъ угодно было. Смерть его таятъ, скрываютъ отъ войскъ; и для того я не прежде пошлю къ тебѣ письмо сіе, какъ когда уже то сдѣлается гласнымъ. Все это смущаетъ мысли, наводитъ уныніе, и сверхъ того мое собственное положеніе весьма непріятно. Мы теперь подъѣзжаемъ къ нашей арміи, отъ которой близко непріятель, и должно ожидать скораго сраженія. Въ это время обыкновенно всѣ поскачутъ туда верхами, чего я сдѣлать не въ силахъ, а съ коляскою не пускаютъ, да и ѣхать опасно: кучера наши здѣшнихъ дорогъ не знаютъ, и въ случаѣ отступленія могутъ въ тревогѣ сбиться съ пути и завезть въ такое мѣсто, гдѣ тотчасъ попадешь въ руки непріятелю. Въ этомъ сомнѣніи я рѣшился спросить у государя, какъ онъ мнѣ прикажетъ, здѣсь ли оставаться или ѣхать далѣе; но онъ отвѣчалъ мнѣ: — „Какъ хочешь, такъ и дѣлай." — Балашовъ, ѣхавшій доселѣ въ коляскѣ со мною, сѣлъ на коня. А я думалъ, думалъ и рѣшился продолжать путь вмѣстѣ со всѣми, чтобъ быть ближе къ извѣстіямъ и слухамъ. Вчера, ѣхавъ ночью, мы опрокинулись; но, благодаря Бога, ничего не случилось, кромѣ что я довольно крѣпко стукнулся головою. Могло бы гораздо хуже быть. Чѣмъ-то развяжется дѣло, къ которому мы теперь приступаемъ? Одному Богу это извѣстно. Прощай, мой другъ; не могу больше писать ни слова. Будь здорова. Богъ съ тобою. Брату кланяйся. Сашу, Митю и Сенюшку цалую и благословляю. Когда велитъ Богъ всѣхъ васъ увидѣть!

---

[1]) Писано въ мѣстечкѣ Боркъ.

17.

Борнъ. Отъ 20 апрѣля (1813), поутру въ 6 часовъ.

Другъ мой, Д. А.! Я написалъ къ тебѣ письмо еще изъ Дрездена, но за скорымъ отъѣздомъ не могъ отдать курьеру; и такъ довезъ его сюда съ собою, а здѣсь отдалъ уже Алексан. Дмитр. Балашову, чтобъ онъ, въ случаѣ отправленія курьера, переслалъ. Ты не можешь себѣ представить, въ какомъ я безпокойномъ и грустномъ состояніи. Всѣ уѣхали. Я одинъ теперь въ мѣстечкѣ Борнъ, недалеко отъ Лейпцига. Сижу и дожидаюсь вѣстей радостныхъ или печальныхъ, по которымъ долженъ буду себя располагать. Важный сегодняшній день можетъ быть рѣшитъ судьбу царствъ. Въ двадцати верстахъ отселѣ, въ сію минуту или очень скоро, начнется страшное между столькими войсками побоище. Здѣсь остались со мною нѣкоторое малое число императорскихъ экипажей, и никого больше. Суди, каково быть одному и ожидать толь страшной развязки! Въ случаѣ какого либо несчастія, должно по первому полученному извѣстію тотчасъ отселѣ убираться: въ такомъ близкомъ разстояніи не успѣешь оглянуться, какъ будешь въ рукахъ у непріятеля. Сохрани Боже! это для меня хуже смерти. Больше всего страшитъ меня дорога, по которой мы сюда ѣхали, если по ней надобно будетъ возвращаться назадъ. Она такъ дурна, идетъ по такимъ горамъ, ущеліямъ, что едва проѣхать можно. На ней же теперь премножество повозокъ, которыя тѣснятся, и часто съ ними разъѣхаться нельзя. Надобно стоять. Притомъ же коляска изломаться можетъ и тысяча такихъ вещей случиться, которыя наведутъ безпокойство. Уже и такъ я измучился: два дни спалъ не раздѣвшись. Голова болитъ, и чувствую слабость. Къ тому же и съ твоей стороны я крайне обезпокоенъ: третій уже курьеръ пріѣхалъ изъ Петербурга, а писемъ отъ тебя нѣтъ.

Въ 8 часовъ поутру.

Сейчасъ получилъ письмо отъ Катерины Ильинишны (княгини Смоленской). Увидя руку ея, долго не могъ распечатать письма; и наконецъ съ слезами распечаталъ. Желалъ бы отвѣчать ей, но не имѣю духа писать. Она упрекаетъ меня какою-то лѣностью и несмѣлостью, увѣряя, что говоритъ это отъ чистосердечія и привязанности ко мнѣ. Могъ бы я оправдать себя передъ нею, и напротивъ изобличить ее въ нѣкоторыхъ противъ меня несправедливостяхъ; но теперь не то время. Я не спорю: можетъ быть и подверженъ я симъ порокамъ; но можетъ также быть, что и она, не знавъ обстоятельствъ, излишне меня въ томъ винитъ.

Она описываетъ мнѣ, что ты съ нею за меня поссорилась. Жаль не ко времени случилась ваша размолвка. Я не могу безъ жалости представить себѣ той печальной вѣсти, которую она скоро получитъ. Я надѣюсь, мой другъ, что ты примиришься съ нею и увѣришь ее въ моей искренней къ ней приверженности. Ахъ! ежелибы она знала, какое я пріемлю участіе въ ней, и сколько разъ приходила она мнѣ на мысль въ эти дни, то конечно, прочитавъ во глубинѣ души моей, повѣрила бы, что я изъ дѣтства привыкъ ее любить, не взирая на ея не совсѣмъ благое ко мнѣ расположеніе.

От 11 часовъ поутру.

Пальба началася . . . .
. . . .[1]). Варвара Ивановна будетъ въ заботѣ о своемъ сынѣ; его здѣсь нѣтъ: онъ поѣхалъ, сказываютъ, увидѣть больного фельдмаршала, но уже не увидитъ. Впрочемъ я просилъ объ немъ князя Волхонскаго; и онъ обѣщалъ его взять къ себѣ, когда возвратится. Ну что тебѣ еще сказать? время свободно, да въ голову ничего нейдетъ. Пойду, хоть прохожусь немножко по улицѣ, не увижу-ли кого скачущаго съ изъвѣстіемъ. Боже! доверши милость свою надъ нами! Да услышу хорошее! . . . .
. . . .[2]).

18.

Бауценъ. Отъ 28 апрѣля (1813).

Другъ мой Д. А.! Я писалъ къ тебѣ третьягодня изъ Дрездена въ одинъ день два письма, — одно съ Репнинскимъ, а другое съ Кондратьевымъ *), и съ обоими послалъ по маленькой посылочкѣ. Теперь хочу также написать нѣсколько строкъ, хотя и не знаю, когда письмо сіе могу отправить. Недавно я получилъ отъ тебя письмо, въ которомъ ты меня увѣдомляешь о смерти Нартова, и говоришь много о россійской академіи. Можетъ быть въ другое время я бы подумалъ объ этомъ, но теперь не до того. — Безпрестанное движеніе, соединенное съ крайнимъ безпокойствомъ, весьма меня изнуряетъ. Неизвѣстность будущаго не позволяетъ ни о чемъ думать. Я не знаю какъ еще Богъ подкрѣп-

*) Писемъ сихъ не достаетъ.

[1]) См. стр. 199.

[2]) См. стр. 199—201. — Хотя въ „Запискахъ" извлеченія изъ писемъ Шишковъ и поставилъ въ ковычкахъ, но текстъ писемъ измѣненъ; впрочемъ эти измѣненія исключительно редакціонныя.

ляетъ меня, что я довольно здоровъ. Милость Его неизреченна ко мнѣ. Даже и тѣ припадки, которымъ я часто подверженъ былъ, не приходятъ; а и они нанесли бы мнѣ много заботы, мученія и вреда. Далеко (а особливо по неизвѣстности обстоятельствъ), далеко, мой другъ, я отъ васъ! и какъ скоро воображу разстояніе между нами, то прихожу въ великую скуку и уныніе. Когда, и велитъ-ли Богъ увидѣться? Надѣюсь на Его милость, и сія только надежда утѣшаетъ. — Поклонись отъ меня Катеринѣ Ильинишнѣ и увѣрь въ моемъ искреннемъ участіи. Я не имѣю духа къ ней писать, и самъ столько огорченъ смертью Михаила Ларивоновича, что не могу того изъяснить.

Здѣсь похоронена часть тѣла его послѣ анатомированія [1]). Надѣюсь, что она посланнымъ къ ней рескриптомъ (который по повелѣнію государя написанъ мною) будетъ довольна. — Я получилъ отъ Логина Ивановича (Кутузова) [2]) письмо, въ которомъ онъ проситъ, чтобъ племянницу его [3]) сдѣлать фрейлиною. Я тотчасъ по немъ доложилъ и употребилъ всякое стараніе, какое только могъ, и хотя не совсѣмъ отказано мнѣ, однакожъ ничего достовѣрнаго сказать ему не могу. Вотъ, мой другъ, причина, по которой многіе на меня ропщутъ, думая, что когда я на письма ихъ не отвѣчаю, то уже ничего для нихъ и не дѣлаю. Но можно-ли въ безпрестанныхъ переѣздахъ съ мѣста на мѣсто отвѣчать всѣмъ на тысячи получаемыхъ мною писемъ? Всякъ, не зная обстоятельствъ, думаетъ, что просьбу его легко и тотчасъ исполнить можно, и вмѣсто благодарности за всевозможное стараніе мое, ему неизвѣстное, обвиняетъ меня за мое молчаніе. Но воля ихъ, — я не охотникъ увѣрять попустому. — Послушай, мой другъ, я намѣренъ тебѣ нѣчто поручить. Пожалуйста, постарайся это исполнить: есть нѣкто въ Петербургѣ женщина *Софья, дочь полковника Искольскаго; она живетъ во 2-й адмиралтейской части, во 2-мъ кварталѣ, въ домѣ статскаго совѣтника Охлопкова, противъ Новаго переулка, подъ No. 90.* Госпожа эта, передъ отъѣздомъ моимъ, подала письмо на имя государя, которое я было и отдалъ; но оно возвращено ко мнѣ назадъ, и я никогда не имѣлъ случая

---

[1]) Не знаемъ почему эта часть тѣла оказалась похороненною въ Бауценѣ, между тѣмъ какъ Кутузовъ умеръ въ Бунцлау. Тѣло фельдмаршала было отвезено въ Петербургъ и похороненно въ Казанскомъ соборѣ, 13-го іюня того-же года.

[2]) Былъ генералъ-лейтенантомъ флота, генералъ-казначеемъ адмиралтействъ коллегіи и наконецъ предсѣдателемъ морского ученаго комитета.

[3]) Дочь сенатора и попечителя московскаго университета, Павла Ивановича Кутузова, Евдокія Павловна, вышедшая замужъ за Ѳедора Николаевича Глинку.

попросить объ ней. Нынѣ она снова пишетъ ко мнѣ, и повидимому находится въ обстоятельствахъ весьма жалкихъ. Пожалуйста, провѣдай объ ней; пусть она у тебя побываетъ. Скажи ей, что я всякое стараніе употребить готовъ; но какимъ образомъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно что-либо сдѣлать? никакъ нельзя. Для того поговори съ нею, и ежели она вподлинну въ великой крайности, то сдѣлай ей вспоможеніе; дай рублей сто или полтораста: больше я не могу; а если откроется случай, то буду-ли не буду-ли имѣть успѣхъ, но поговорю объ ней.

На другой день.

Сегодня ѣдетъ курьеръ, и для того спѣшу еще нѣсколько строкъ написать. Отъ Логина Ивановича получилъ я еще письмо; повтореніе о тойже просьбѣ. Въ желаніи моемъ и усердіи могу я его увѣрить, но въ прочемъ ни въ чемъ. Какъ скоро буду имѣть случай, то возобновлю мою просьбу; но между тѣмъ случай этотъ такъ рѣдокъ, что можетъ быть и Богъ знаетъ покуда не случится, а особливо при нынѣшнихъ обстоятельствахъ. — Мы сегодняшній день еще здѣсь въ Бауцинѣ; а того, что завтра будетъ, или можетъ быть еще къ вечеру, никто не знаетъ. Быть всегда въ неизвѣстности и не знать долго-ли это безпокойное состояніе продолжится, нѣтъ ничего тяжеле и несноснѣе. — Кланяйся брату и поцѣлуй дѣтей его. Сашѣ спасибо за письмо. Поклонись также Катеринѣ Ильинишнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ. Пожелай, мой другъ, чтобъ Богъ скорѣе возвратилъ меня въ Россію: дождь и градъ пріятнѣе для меня будетъ здѣшнихъ ясныхъ дней. Прости. Остаюсь и проч..

19.

Герлицы. Отъ 3 мая (1813).

Другъ мой Д. А.! Сейчасъ сказали мнѣ, что отправляется курьеръ, и я спѣшу написать къ тебѣ нѣсколько строкъ. Я уже четвертый день какъ, отдѣленный отъ главной квартеры, живу въ Герлицахъ, то есть верстахъ въ двадцати отъ ней. Прежде мы слышали пушечные выстрѣлы, а теперь ничего не слышимъ. Что за тишина сдѣлалась, — не знаю. Видно непріятель взялъ какое нибудь другое направленіе, или чего-нибудь выжидаетъ. Скучно, что должно часто быть въ отдаленности, и ничего происходящаго не знать, а только слушать разные и часто пустые слухи. Я хотя не боленъ, однако другой день чувствую себя нехорошо: желудокъ разстроенъ и голова побаливаетъ. Сохрани Богъ въ это время крѣпко занемочь: ѣхать худо, а оставаться еще хуже. Изъ военныхъ здѣсь никого нѣтъ, а навѣщаютъ меня

штатскіе: третьягодня и вчера приходили ко мнѣ Комнино и Биллеръ[1]), и мы по здѣшнему грошу играли въ бостонъ. Чѣмъ кончится мое здѣсь пребываніе и куда велятъ ѣхать, — не знаю. Можетъ быть всѣ сюда прискачутъ, а можетъ быть пришлютъ какое-либо приказаніе. Вчера я получилъ отъ тебя письмо отъ 20 апрѣля. Ты не чувствовала, что писала его подъ громомъ пушекъ, въ тотъ самый день, когда происходило сраженіе подъ Люциномъ. Я воображаю какое наведетъ у васъ безпокойство вѣсть о смерти фельдмаршала, и какой это будетъ ударъ для его семейства! — Третьягодня поѣхалъ отселѣ князь Кудашевъ[2]), и какъ онъ имѣлъ надобность въ деньгахъ, то я далъ ему пять сотъ рублей съ тѣмъ, чтобъ онъ тебѣ ихъ отдалъ. Я писалъ уже къ тебѣ объ Логинѣ Ивановичѣ. Онъ просилъ государя о пожалованіи во фрейлины дочери Павла Ивановича, что было бы весьма справедливо. Я отдалъ письмо государю и говорилъ, какъ объ ней, такъ и о Бакуниной[3]), что обѣ онѣ внуки покойнаго фельдмаршала, и что оказаніе сего знака благоволенія къ памяти его было бы сколько справедливо, столько и утѣшительно для всѣхъ его родственниковъ. Онъ на это согласился, но сказалъ, что прежде не можетъ сдѣлать сего, какъ описавшись съ матушкою. И такъ это осталось безъ рѣшенія. Обстоятельства нынѣшнія лишаютъ меня всѣхъ способовъ о чемъ либо докладывать; но какъ скоро будетъ можно, то я снова представлю. За успѣхъ отвѣчать не могу, но покрайней мѣрѣ настоятельствомъ моимъ сдѣлаю все то, чего требуютъ отъ меня и правда и благодарность моя къ двумъ покойнымъ фельдмаршаламъ[4]). — Приложённое при семъ письмо отошли на почту и вели попросить Калинина, чтобъ отправилъ

---

[1]) Этотъ Биллеръ долженъ быть бар. Андрей Яковлевичъ Бюлеръ (впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и сенаторъ), женатый на сестрѣ Павла и Логина Ивановичей Кутузовыхъ, вдовѣ Степанидѣ Ивановнѣ Бакуниной.

[2]) Вѣроятно партизанъ кн. Николай Даниловичъ Кудашевъ, боевой товарищъ Давыдова, Сеславина и Фигнера. Онъ былъ женатъ на одной изъ дочерей кн. Смоленскаго (Екатеринѣ Михайловнѣ) и умеръ отъ раны въ Лейпцигѣ, 6-го октября 1813 года (см. стр. 248). Княг. Екатерина Михайловна во второмъ бракѣ была за ген.-маіоромъ Ильею Степановичемъ Сарачинскимъ.

[3]) Двѣ двоюродныя сестры кн. Смоленскаго были замужемъ за Бакуниными: Степанида Ивановна Голенищева-Кутузова за тайн. сов. Модестомъ Петровичемъ Бакунинымъ (см. выше), а Варвара Ивановна — за тайн. сов. Михайломъ Михайловичемъ Бакунинымъ (см. стр. 314).

[4]) Т. е. князю Смоленскому и Ивану Логиновичу Голенищеву-Кутузову, котораго императоръ Павелъ Петровичъ, 31 окт. 1798 г., пожаловалъ адмираломъ 1-го класса, со всѣми правами и преимуществами генералъ-фельдмаршала.

въ Москву къ Валуеву [1]). — Поклонись отъ меня Державину и Хвостову. День и ночь только и прошу Бога, чтобъ допустилъ насъ скорѣе возвратиться въ Россію и сколько нибудь отъ этой кочевой жизни успокоиться. Прощай. Будь здорова. Остаюсь и проч..

20.

Герлицы (имя испорченное изъ славенскаго Горѣлицы).
Отъ 4 мая (1813).

Другъ мой Д. А.! Вчера отправилъ къ тебѣ письмо, а сегодня опять принимаюсь писать. Хотя я живу въ прекрасныхъ покояхъ, у весьма добраго хозяина и хозяйки, которые меня поятъ, кормятъ, возятъ гулять, и ходятъ за мною какъ Богъ знаетъ за кѣмъ; однакожъ все это не веселитъ тогда, какъ ежеминутно ожидаешь тревоги. Четвертый уже день не слышимъ ни однаго выстрѣла. Все тихо; но знаемъ, что тишина эта передъ громомъ и бурею. Сегодня ѣздили мы на одну лежащую въ трехъ верстахъ отселѣ высокую гору, называемую Ландсъ-кроне. Часъ цѣлый шелъ я на нее и очень усталъ. Видъ съ нея чрезвычайный: съ одной стороны видны Богемскія горы, а съ другой — верстъ на пятьдесятъ вокругъ разные города, деревни, поля и лѣса. Я всходилъ на самую вершину и сорвалъ тамъ нѣсколько цвѣтковъ, которые ты найдешь въ приложенной при семъ бумажкѣ. Хотѣлось было съѣздить къ Гернгутерамъ; городъ ихъ въ четырехъ миляхъ отселѣ; но побоялся отлучиться; неловко разъѣзжать, будучи отъ непріятеля такъ близко. Сегодня провели чрезъ здѣшній городъ сотъ до семи плѣнныхъ, взятыхъ во время бывшей недавно частной битвы [2]). Ожидаютъ ежедневно главнаго сраженія, и думаютъ, что будетъ завтра. Тогда наша тишина разрушится, и надобно будетъ куда-нибудь ѣхать. Сегодня мнѣ, слава Богу, получше; не знаю каково будетъ завтра. Теперь ложусь спать. Прощай, мой другъ; надѣюсь еще къ тебѣ писать.

От 6 числа, въ полдень.

Благодарю Бога, со стороны припадка я успокоиваюсь: вчера и сегодня не чувствую того, что прежде чувствовалъ. Биллеръ, Комнино и Олопеусъ продолжаютъ меня посѣщать. Все тихо по прежнему: ничего не слышно, ни пальбы, никакихъ вѣстей. Какъ скучно жить цѣлую недѣлю въ безпрестанномъ безпокойствѣ и

---

[1]) Петръ Степановичъ Валуевъ, главный начальникъ московской кремлевской экспедиціи.

[2]) Сраженіе при Кенигсвартѣ, выигранное Барклаемъ 7-го мая.

ожиданіи! День кое-какъ проводишь. Ввечеру, ложась спать, только и думаешь: ну что завтра будетъ? Завтра новое ожиданіе, и опять ничего. Такъ всякій день. Хозяйка моя очень добрая женщина, сама слабая здоровьемъ и всѣ лѣкарства знаетъ: поитъ меня мятнымъ чаемъ; даетъ капли въ водѣ и на сахарѣ; столъ всякій день не жирный, но превкусный; вина отмѣнно хорошія; чистота въ домѣ преудивительная. Такъ что мнѣ совѣстно жить у нихъ. За все за это я бы лучше платилъ деньги, но объ этомъ и заикнуться нельзя. — Разскажу тебѣ смѣшное: Биллеръ дни два тому назадъ сказалъ мнѣ . . . .
. . . . [1]).

На другой день.

Сейчасъ курьеръ зашелъ за письмомъ. Я обѣдаю; и всталъ изъ-за стола, чтобъ запечатать и отдать ему. По сію пору все еще тихо, но съ часу на часъ ожидаютъ сраженія. Прости, мой другъ. Остаюсь, и проч..

21.

Петерсвальдау. Отъ 15 іюля (1813) *).

Другъ мой Д. А.! Въ одномъ изъ послѣдне-полученныхъ мною писемъ твоихъ жалуешься ты, для чего я не писалъ къ тебѣ изъ Карлсбада, и говоришь, что оттуда ходитъ почта. Нѣтъ, мой другъ, по почтѣ письмо мое не дошло бы къ тебѣ и въ полтора мѣсяца; а писалъ я къ тебѣ оттуда, какъ скоро былъ случай. Надѣюсь, что ты то мое письмо уже получила. По возвращеніи моемъ сюда, я уже два раза писалъ къ тебѣ: одинъ разъ съ курьеромъ, а другой съ Егоромъ Борисовичемъ Фуксомъ, съ которымъ послалъ и маленкую посылочку. Но думаю, что онъ не скоро доѣдетъ. — Очень я радъ узнавъ достовѣрно, что съ Анною Степановною (Протасовою) ничего несчастнаго не случилось, кромѣ что можетъ быть она испугана была. Вообрази мое состояніе, когда я въ прошедшемъ письмѣ моемъ написалъ къ тебѣ о ея смерти, и послѣ узналъ, что это неправда! Нельзя было не повѣрить сказанному; но не меньше того мнѣ крайне было досадно, что отъ меня въ Петербургѣ получатъ ложное извѣстіе. Какъ скоро я узналъ о томъ, то бросился тотчасъ провѣдать не уѣхалъ-ли курьеръ, которому письмо мое было уже отдано. По счастію онъ задержанъ былъ цѣлыя сутки, и только въ эту минуту уѣхалъ. Я остановилъ его и успѣлъ, распечатавъ письмо,

*) Здѣсь многихъ писемъ не достаетъ.

[1]) См. стр. 204 и 205.

приписать нѣсколько строкъ о несправедливости разгласившагося извѣстія. — Ты спрашиваешь меня какую сдѣлать надпись на гробѣ покойнаго брата? Я думаю, мой другъ, самую простую, а имянно: *Здѣсь почиваетъ тѣло* (такого-то), *предавшаго духъ свой Богу* (такого-то числа, отъ рожденія своего на такомъ-то году), и прибавить что-нибудь краткое изъ молитвъ, какъ-то: *Боже! упокой душу его!,* или подобное тому. — Еще пишешь ты, что надѣешься скоро увидѣться со мною. Нѣтъ, мой другъ, этимъ благополучіемъ не могу я льститься. Кажется далека пѣсня. По сю пору не видалъ я ни красныхъ дней, ни лѣта, а уже осень наступаетъ. Кромѣ скуки жить въ деревнѣ, здѣсь почти безпрестанные дожди и сырость. Ты знаешь, что я охотникъ до ягодъ и плодовъ, и того нѣтъ. Принесутъ землянику: на взглядъ хороша и крупна, а возьмешь въ ротъ, никакого вкуса нѣтъ. Вишенъ множество, но все черешня, въ которой нѣтъ ни пріятной кислоты, ни сочности. Впрочемъ ничего нѣтъ: ни клубники, ни малины, ни смородины, ни персиковъ, ни априкосовъ, ни апельсиновъ, ни дынь, ни арбузовъ, однимъ словомъ ничего. И такъ ничто не утѣшаетъ, даже и послѣдняя вещь, — ѣда. А всего хуже неизвѣстность, долго ли это продолжится. По сіе время были у насъ мирные дни, а кажется опять возобновятся громы; но произведутъ-ли они тишину, Богъ знаетъ! Прощай, мой другъ, такъ много надобно было написать писемъ, что ужъ другой день за ними сижу; а сейчасъ пришли сказать, что курьеръ скоро отправляется, и такъ спѣшу кончить. — Въ Карлсбадѣ одна графиня хотѣла вышить мнѣ тесемку на часы съ козакомъ (которые здѣсь вездѣ въ модѣ), но не успѣла и только вышила однаго козака. Мнѣ его дѣвать некуда, и для того посылаю къ тебѣ. — О Перхуровыхъ поручилъ я навѣдаться и сказать имъ, чтобъ у меня побывали: денегъ дамъ имъ сколько надобно. Остаюсь, и проч..

22.

Петерсвальдау. Отъ 24 іюля (1813).

Другъ мой Д. А.! Вчера получилъ я письмо твое отъ 13 іюля, въ которомъ ты пишешь, что не имѣешь отъ меня писемъ. Кажется, мой другъ, чтобы ты должна уже была получить то письмо, которое я послалъ изъ Карлсбада. Развѣ здѣсь безъ меня оно залежалось. А теперь надѣюсь, что уже и то до тебя дошло, которое по возвращеніи моемъ послалъ я отселѣ. Тѣ, мой другъ, которые тебѣ говорили, что я ѣду въ Петербургъ, сказали неправду; а желалъ бы, какъ говорится пословица, ихъ устами медъ пить.

Но кажется до этого еще далеко. — Однаго изъ Перхуровыхъ вчера я къ себѣ призывалъ. Они стоятъ отселѣ верстахъ въ десяти. Я хотѣлъ ему дать деньги, но онъ сказалъ мнѣ, что поговоритъ съ братомъ, и когда имъ надобность въ нихъ будетъ, то они придутъ за ними или пришлютъ. И такъ въ ихъ волѣ состоитъ взять когда они хотятъ. Я на этихъ дняхъ получилъ отъ Ан. Степ. Протасовой письмо (приложенное при семъ отъ нея письмо къ княгинѣ Голицыной отошли пожалуйста). Она здорова и ничего съ нею не сдѣлалось; но была въ большой опасности: карета ея дѣйствительно однимъ колесомъ свѣсилась съ высокаго моста, но по счастію не опрокинулась, и ее насилу могли изъ нея вытащить. — Ты пишешь, мой другъ, что на посланныя ко мнѣ многія просьбы я ничего не отвѣчаю. Но какой отвѣтъ тебѣ сказать? Когда исполнится по нимъ, такъ и отвѣтъ сдѣланъ; а не исполняется, такъ нечего и отвѣчать. Я думаю не одна ты мнѣ пеняешь. Но какъ быть! у меня тысячи просьбъ: я стараюсь приводить ихъ къ исполненію сколько могу; но обѣщать и попустому увѣрять просителя не умѣю. — Не худо, коли бы ты прислала ко мнѣ французскаго табаку, хотя бы одну жестянку. Здѣсь его совсѣмъ нѣтъ. Я по табакерочкѣ выпрашиваю у графа Толстого, да и тотъ скоро перестанетъ меня ссужать, потому что уже и у него не много остается. Также пришли хоть фунта два чаю. — Ежели увидишь Крузенштерна, то скажи ему, что я письмо его получилъ, также и отъ Гамалея. О первомъ доложу, но о второмъ надобно, чтобъ онъ прислалъ послѣдній томъ своего сочиненія [1]). Прощай. Цѣлую дѣтей. Остаюсь, и проч..

23.

Петерсвальдау. Отъ 29 іюля (1813).

Другъ мой Д. А.! Во всѣхъ прежнихъ письмахъ твоихъ ты меня увѣдомляла, что съ того времени, какъ я поѣхалъ въ Карлсбадъ, ты писемъ отъ меня не получала. Теперь желалъ бы услышать, что ты ихъ уже получила. Кажется по времени можно бы уже было имѣть отъ тебя отвѣтъ, потому что первымъ изъ нихъ скоро будетъ мѣсяцъ, какъ онѣ посланы. Послѣднее письмо, дня съ четыре тому назадъ, послалъ я съ курьеромъ, съ которымъ (о чемъ я уже послѣ узналъ) поѣхалъ адъютантъ Балашова Крюковской. Я съ нимъ отправилъ къ тебѣ свертокъ карлсбадскихъ

---

[1]) Не идетъ-ли рѣчь о масонѣ Семенѣ Ивановичѣ Гамалѣѣ, доживавшемъ свою полную добра жизнь въ извѣстномъ Новиковскомъ Авдотьинѣ? М. Н. Лонгиновъ („Новиковъ,“ стр. 163) говоритъ о немъ, что онъ „написалъ и перевелъ невѣроятное множество мистическихъ сочиненій, но большей части не напечатанныхъ.“

булавокъ; но въ письмѣ объ нихъ не упомянулъ, потому что Крюковской вдругъ собрался ѣхать, а письмо было уже отослано. Не знаю почему карлсбадскія булавки славятся. Услыша о томъ, я взялъ ихъ нѣсколько для тебя, не зная, надобны-ли онѣ тебѣ или нѣтъ.—Я вожу съ собою нѣкоторыя вещи (какъ то скатерти и салфетки) за тѣмъ, что переслать не съ кѣмъ. Курьеры ѣздятъ налегкѣ. — Напослѣдокъ мы оставляемъ Петерсвальдау и ѣдемъ въ Прагу, откуда я недавно пріѣхалъ. Товарищъ мой Балашовъ сегодня уѣхалъ, а я ѣду послѣ-завтра, на своихъ лошадяхъ, и думаю въ дорогѣ пробыть дня четыре или пять. Главная квартера будетъ тамъ, или неподалеку оттуда. Перемиріе кончилось; должны опять начаться военныя дѣйствія. Долго-ли онѣ продлятся, —Богъ знаетъ. Силы наши велики: вся Европа въ союзѣ съ нами; но со всѣмъ тѣмъ, что Богъ велитъ, то и будетъ.—Я, мой другъ, по прежнему скучаю, для того что не люблю этой тревожной и волокитственной жизни, въ которой скитаешься и проводишь время въ праздности, безъ всякой пользы себѣ и другому.

На другой день.

Сейчасъ получилъ я отъ тебя письмо, въ которомъ ты очень много распространяешься объ Аннѣ Степановнѣ и Салданшѣ, дивясь, что я, будучи въ Карлсбадѣ, часто у нихъ бывалъ, не бывъ прежде съ ними знакомъ. Въ чужихъ краяхъ всѣ Русскіе очень скоро знакомятся между собою. Тутъ не разбираютъ кто какого нрава, или какой жизни, а только кто каковъ на этотъ разъ: пріятенъ или непріятенъ, ласковъ или неласковъ, уединенную ведетъ жизнь или гостепріимную. Салданша жила очень хорошо: по вечерамъ почти всегда была у ней музыка, пѣніе, и всѣ лучшіе люди, мужчины и женщины, къ ней приходили. Чегожъ мнѣ больше? — Чтожъ принадлежитъ до сожалѣнія, какое изъявлялъ я объ Аннѣ Степановнѣ, когда услышалъ вѣсть (послѣ оказавшуюся ложною) о ея смерти, признаюсь, что мнѣ ее очень жаль было. Да и нельзя не такъ. Я не успѣлъ разстаться съ человѣкомъ, который оказалъ мнѣ столько пріязни, и вдругъ слышу о немъ самое несчастное извѣстіе! Дѣйствительно, когда я писалъ къ тебѣ объ этомъ, то совершенно былъ растроганъ. Но оставимъ это. — Денегъ Перхуровымъ семь сотъ рублей я далъ. — Ты пишешь, мой другъ, о слухахъ у васъ, что будто на мое мѣсто опредѣленъ Марченко: какой вздоръ! Здѣсь я этого не слышу, и даже похожаго не вижу. Впрочемъ ежелибъ это и случилось, не подумай чтобъ я опечалился. Я къ моему мѣсту и къ двору отнюдь не привязанъ. Велятъ мнѣ что дѣлать, — я дѣлаю охотно; а не велятъ

и не станутъ мнѣ ничего поручать,—такъ мнѣ и дѣла нѣтъ. Я не стану и неспособенъ напрашиваться и выставляться, чтобъ меня примѣтили. — Къ Варварѣ Ивановнѣ я два раза писалъ по пріѣздѣ моемъ изъ Карлсбада. О жалованьѣ княгини Смоленской я не знаю ничего. Объ указѣ на фрейлинство маленькой Тизенгаузеной [1]) также не вѣдаю, и толку добиться не могъ. Иные говорятъ данъ указъ, другіе — не данъ. Вы скорѣй тамъ въ придворной конторѣ узнать это можете, нежели я здѣсь. О фрейлинствѣ двухъ другихъ Авдотій (Кутузовой и Бакуниной), изъ которыхъ я обѣимъ, но одной еще болѣе желаю, также ничего сказать не могу. Однакожъ на всякій случай въ бумажникѣ моемъ держу бумагу, но подпишется-ли она и когда, — неизвѣстно. Бумажникъ мой лежитъ и спитъ при шумѣ военныхъ обстоятельствъ. А я доселѣ сравнивалъ богемское нарѣчіе съ русскимъ, но теперь и это упражненіе пресѣкается. Поѣду опять дѣло дѣлать, то есть ѣздить изъ мѣста въ мѣсто. — Я забылъ тебѣ сказать (хотя ты это и безъ моего увѣдомленія услышишь), что я названъ президентомъ Россійской Академіи. Это случилось слѣдующимъ образомъ: при донесеніи о смерти Нартова, я вызвался государю, чтобы я охотно принялъ на себя сіе званіе, если это мое желаніе не противно будетъ волѣ его величества. Государь отвѣчалъ мнѣ на это весьма милостиво: сказалъ, что онъ *со свѣчкою лучше человѣка не сыщетъ,* и приказалъ заготовить указъ, который въ тотъ же день и подписалъ. — Прощай! будь здорова. Пора укладываться и сбираться къ завтрешней поѣздкѣ. Хотя въ Петерсвальдау было и скучно, однакожъ мнѣ жаль съ нимъ разстаться. Это уединеніе и сады, окружавшіе меня, съ орѣховыми и другими хорошими деревьями, начинали мнѣ нравиться. Прага хоть и хорошъ городъ, но я не думаю, чтобъ мы тамъ долго пробыли. — Приложенное при семъ письмо къ тетушкѣ Аннѣ Ермолаевнѣ (Денисьевой) [2]) отошли съ первою почтою. Остаюсь, и проч..

---

[1]) Родная внучка фельдмаршала Кутузова, гр. Екатерина Ѳедоровна Тизенгаузенъ, дочь убитаго подъ Аустерлицомъ флигель-адъютанта гр. Ѳедора Ивановича Тизенгаузена. Мать ея, Елисавета Михайловна, рожденная Голенищева-Кутузова, во второмъ бракѣ была за ген. маіоромъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово. Кромѣ ея и упомянутыхъ, на стр. 188 и 338, Хитрово и Кудашевой, кн. Смоленскій имѣлъ еще двухъ дочерей: старшую, Прасковью, за сенаторомъ Матвѣемъ Ѳедоровичемъ Толстымъ, и младшую, Дарью, за оберъ-гофмейстеромъ Ѳед. Петр. Опочининымъ (см. стр. 326).

[2]) Объ этомъ родствѣ можемъ сказать только то, что отецъ Шишкова, Семенъ Никифоровичъ, былъ женатъ на Прасковьѣ Николаевнѣ Денисьевой.

24.

Прага. Отъ 4 августа (1813).

Другъ мой Д. А.! Письмо шесть дней тому назадъ писанное прилагаю здѣсь. Въ Петерсвальдау у меня его не взяли: сказали, что курьера нѣтъ, и не прежде поѣдетъ какъ изъ Праги. И такъ я, вмѣсто чтобъ послать къ тебѣ, принужденъ былъ везти его съ собою. При выѣздѣ изъ Петерсвальдау сдѣлалось было мнѣ очень дурно: головная боль и тошнота стали меня мучить; но на другой день, благодарю Бога, сдѣлалось получше, такъ что я могъ продолжать путь, и только дня два или три послѣ того чувствовалъ нѣкоторую слабость. Вчера пріѣхалъ я сюда (въ Прагу), и въ тотъ же день, вмѣстѣ съ государемъ и дворомъ нашимъ, обѣдалъ у австрійскаго императора; а послѣ обѣда ѣздили въ театръ. Всѣ наши Русскіе сюда собрались. Передъ обѣдомъ успѣлъ я побывать у обѣихъ нашихъ великихъ княгинь (Екатерины и Маріи Павловны). Говорятъ, что мы не останемся здѣсь долѣе двухъ дней. Жаль! не худо бы было пожить здѣсь нѣсколько времени. Изъ жилищъ большею частью по избамъ, мы съ Балашовымъ живемъ здѣсь во дворцѣ, въ прекрасныхъ покояхъ; то и не хочется такъ скоро съ ними разстаться. — Передъ отъѣздомъ изъ Петерсвальдау долго не видался я съ княземъ Волхонскимъ, а когда здѣсь увидѣлись мы, то онъ сказалъ мнѣ, что Вас. Мих. Бакунинъ въ гвардію переведенъ; но я не знаю сходно-ли это будетъ съ его желаніемъ, потому что онъ тогда просилъ меня переводомъ симъ повременить, а я не могъ въ то время увидѣться съ Волхонскимъ, и притомъ тогда же слышалъ, что это было уже сдѣлано. — Я не слышу, мой другъ, чтобъ курьеръ ѣхалъ, и не знаю когда пошлю къ тебѣ письмо. — Дѣло опять у насъ завязалось. Богъ знаетъ, чѣмъ оно развяжется. Но между тѣмъ надобно опять скитаться по бѣлу свѣту, и надежда къ возвращенію нашему снова отдалилась. Я завидовалъ, читая въ письмѣ твоемъ, что вы сряду цѣлый мѣсяцъ могли обѣдать на открытомъ воздухѣ. Здѣсь я ничего не вижу кромѣ дождей и грязи. — Приложенныя при семъ отъ Анны Степановны [1]) письма отошли къ Голицыной или Растопчиной [2]). — Увѣдоми когда получишь посланный къ тебѣ съ Фуксомъ столикъ, и доѣдетъ-ли онъ до тебя.

---

[1]) Протасовой (см. стр. 208).

[2]) Гр. Екатерина Петровна, жена знаменитаго гр. Θедора Васильевича, была урожденная Протасова.

На другой день.

Хотя не слышу, чтобъ отправлялся курьеръ, однакожъ въ нынѣшнихъ большихъ суетахъ отправятъ вдругъ и не сказавши. Для того спѣшу письмо сіе запечатать и заранѣе отослать. Кажется мы завтра оставимъ Прагу. Здѣсь новое у насъ то, что пріѣхалъ сюда изъ Америки извѣстный французскій генералъ Моро. Онъ принятъ съ такою честью, съ какою едва ли бы приняли Рымникскаго (побѣдителя его), Задунайскаго и Смоленскаго. — Также перешелъ изъ французской арміи извѣстный генералъ ихъ и писатель Жоменвиль, который кажется поступитъ въ нашу службу[1]). Прощай. Будь здорова. Остаюсь, и проч..

P. S. — Сейчасъ вышелъ здѣсь манифестъ, въ которомъ Австрія объявляетъ войну Франціи, сказывая, что никакія старанія, съ ея стороны употребленныя, не могли преклонить французскаго императора къ миру.

25.

Маріенбергъ. Отъ 12 августа (1813).

Другъ мой Д. А.! Послѣднее мое къ тебѣ письмо послалъ я изъ Праги. Я началъ оное еще въ Петерсвальдау, но не могши тамъ отправить долженъ былъ его везти съ собою, и послать вмѣстѣ съ другимъ, написаннымъ уже по пріѣздѣ моемъ въ Прагу. Не знаю получишь-ли ты ихъ оба вмѣстѣ. Между тѣмъ пройдетъ довольно времени, и ты будешь скучать, что я долго не писалъ. Теперь такія обстоятельства, что и начиная сіе письмо не знаю, когда могу къ тебѣ послать. Я, такъ сказать, гоняюсь только за главною квартерою, ѣзжу за нею въ слѣдъ, и никогда въ ней не бываю. Желалъ бы пропустить сіе время, дабы не сообщать тебѣ ничего скучнаго. Положеніе мое таково, что я не буду умѣть какъ возблагодарить Бога, когда изъ него вырвусь. Тебѣ мудрено покажется, отъ чего я такъ скучаю, да правда и растолковать трудно. Столько причинъ вмѣстѣ слилось, что и пересказать не могу. Вчера изъ Комметау (по подписи на воротахъ *Homutovo*), куда я пріѣхалъ въ то самое время, какъ главная квартера изъ него выѣзжала, спустя сутки отправился я вслѣдъ за нею. Я хотѣлъ тамъ остаться; но Платовъ пришелъ ко мнѣ и уговорилъ меня ѣхать за собою, давъ мнѣ въ провожатые двухъ козаковъ.

---

[1]) Т. е. баронъ Генрихъ Вильямовичъ Жомини, недавно (въ мартѣ 1869 г.) умершій въ Парижѣ на 91-мъ году жизни. Онъ былъ принятъ въ русскую службу съ званіемъ генералъ-адъютанта, а нѣсколько дней спустя онъ получилъ чинъ генералъ-лейтенанта.

Тебѣ странно покажется, что я самъ собою распоряжаюсь; но въ томъ-то и состоитъ главная моя бѣда. Ежелибъ сказали: поѣзжай туда, будь тамъ; тебя, когда надобно будетъ, увѣдомятъ куда ѣхать; такъ бы я былъ спокойнѣе. Но нѣтъ! объ этомъ ни слова, и даже не доспросишься. Будь гдѣ хочешь, дѣлай что хочешь, навѣдывайся какъ хочешь. При тебѣ никого нѣтъ, и къ тебѣ никого не пришлютъ. Презабавное состояніе быть подъ непріятелемъ и не знать что вокругъ тебя происходитъ! Всю вчерашнюю ночь тащился я по горамъ, по лѣсамъ, въ проливной дождь, того только на каждомъ шагу и ожидая, что гдѣ нибудь сломишь себѣ голову. Сюда пріѣхалъ уже гораздо за полночь; нашелъ всѣ домы набиты постоемъ нашихъ и прусскихъ войскъ. Съ великимъ трудомъ, долго стоя на улицѣ, добился, что меня пустили въ какой-то пустой домъ. Сегодня всѣ отсюда скачутъ; я остаюсь одинъ, и не знаю, ѣхать ли мнѣ впередъ, или здѣсь дожидаться развязки наступающаго сраженія. Сверхъ трудности дорогъ и безпрестанныхъ дождей, я еще и нездоровъ, не могу ничего ѣсть и очень ослабъ. Сегодня чувствую себя еще хуже: можетъ быть вчера простудился. Изъ сего ты видишь, что я въ весьма непріятномъ положеніи, хотя всѣхъ непріятностей не описалъ тебѣ и половины.

От 13 числа.

Нездоровье мое не проходитъ: проснулся съ болью въ груди, съ дурною очень головою и продолжающеюся слабостью. Сегодня цѣлый день валялся, то на канапе, то въ постелѣ. Скука смертельная. Пройду раза два по горницѣ и тотчасъ опять ложусь отъ безсилія и отъ безпокойства духа. Только и отрады, что къ тебѣ пишу; но и того не знаю о чемъ писать. На досугѣ разскажу тебѣ сегодняшнее приключеніе. Вчера, проснувшись поутру, увидѣлъ я подъ окномъ моимъ большое вишневое дерево . . . . [1]).

Послѣ обѣда.

Всѣ отселѣ уѣхали кромѣ меня съ моими секретарями (Журавлевымъ и Тимковскимъ) и гофъ-фурьера съ придворными повозками, при которыхъ находится рота козаковъ, подъ начальствомъ полковника ихъ (Ефремова). Хорошо еще, что козаки есть: безъ нихъ было бы очень опасно. Сейчасъ приходилъ ко мнѣ хозяинъ . . . . [2]).

---

[1]) См. стр. 211 и 212.

[2]) См. стр. 213.

От 14 числа.

По утрамъ мнѣ всегда хуже. Нездоровъ и скучно. Живемъ здѣсь безъ всякихъ извѣстій. Гдѣ наши, гдѣ непріятель, что дѣлается, ничего не знаемъ. Положеніе самое несносное! Лишь только станешь приближаться къ мѣсту, гдѣ должна быть рѣшительная битва, то и оставайся одинъ тамъ, гдѣ хочешь, и гдѣ никто не увѣдомитъ тебя ни о чемъ происшедшемъ. Близко быть худо, и далеко тоже. Въ обоихъ случаяхъ, послѣ неудачнаго сраженія всѣ ускачутъ, или въ сторону, или мимо тебя по другимъ дорогамъ назадъ, такъ что ты о томъ не скоро и провѣдаешь. Тогда, по доходящимъ до тебя постороннимъ и часто невѣрнымъ слухамъ, гонись за ними по такимъ путямъ, гдѣ отъ ущелинъ, или горъ, или стѣснившихся обозовъ, иногда проѣхать трудно, или совсѣмъ нельзя, и въ этомъ прекрасномъ состояніи того и жди, что, или непріятель на тебя наскачетъ, или самъ ты пожалуешь къ нему въ гости. Въ первомъ изъ сихъ положеній находился я когда сраженіе было подъ Люциномъ, во второмъ когда подъ Бауциномъ, а въ третьемъ нахожусь теперь. О мой другъ! Пусть бы въ молодости досталось мнѣ вести такую жизнь, такъ бы я не чувствовалъ всѣхъ скукъ ея, хотя и тогда не могла бы она мнѣ нравиться; но теперь, когда и слабое здоровье и лѣты мои требовали бы тихихъ упражненій и спокойствія, я безъ всякой пользы и надобности страдаю, мучусь, таскаюсь самъ не зная зачѣмъ и куда, и можетъ быть попадусь въ руки къ непріятелю, гдѣ, если и живъ останусь, то по слабости моего здоровья не перенесу всѣхъ горестей и несчастія. Вотъ въ добавокъ къ болѣзни какими мыслями наполненъ я съ утра до вечера!

После полудня.

Никакихъ вѣстей! Съ ума сойти можно! Четвертый день безъ всякаго извѣстія, въ такое время, когда каждый часъ, каждую минуту ожидаешь съ нетерпѣніемъ! Даже постороннихъ слуховъ нѣтъ, а которые и есть, то одни другимъ противны, такъ что ни которымъ вѣрить нельзя. Вотъ новая для меня забота: придворный обозъ оставленъ здѣсь съ тѣмъ, чтобъ ожидать приказанія куда ѣхать; но находящійся при немъ гофъ-фурьеръ, не получая такъ долго никакихъ повелѣній, опасается далеко отстать отъ главной квартеры и хочетъ завтра ѣхать, чтобъ быть ближе къ ней. Сколько я ни уговаривалъ его остаться здѣсь до полученія вѣрныхъ извѣстій, но онъ больше боится графа Толстого, нежели предстоящихъ ему опасностей. Отъѣздъ его не навелъ бы мнѣ никакой печали, но то бѣда, что съ нимъ козаки уѣдутъ. Полков-

никъ ихъ такой хорошій офицеръ, что всякое утро приходитъ ко мнѣ съ отчетомъ о своихъ распоряженіяхъ и спрашиваетъ моихъ приказаній, словно какъ бы состоялъ подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ. Я зналъ обо всемъ и почиталъ себя огражденнымъ, покрайней мѣрѣ отъ нечаяннаго приближенія и набѣговъ непріятельскихъ. Но теперь остаюсь совершенно одинъ, безъ всякой ограды и защиты, такъ что не знаю, здѣсь ли остаться, или ѣхать за обозомъ. Первое не хорошо тѣмъ, что будешь въ безъизвѣстности и безпрестанномъ страхѣ, а второе тѣмъ, что поѣдешь по грязнымъ, избитымъ дорогамъ, гдѣ за множествомъ прошедшихъ по нимъ войскъ и обозовъ не достанешь корму для лошадей, или можетъ быть такъ изломаешь коляску, что принужденъ будешь брести пѣшкомъ, или жить въ какой-нибудь глухой деревнишкѣ, гдѣ также ничего о происшествіяхъ заблаговременно не услышишь. Вотъ, мой другъ, мое состояніе! выбирай изъ двухъ золъ любое! да пусть бы одинъ разъ такъ это случилось; а то нѣтъ! я знаю, что и завтра, и послѣ-завтра, и Богъ знаетъ покуда, всегда будешь въ такомъ положеніи. Ожидай лучшаго когда война кончится, а скоро-ли она кончится, этому и конца не видать. Полно. Надоѣмъ тебѣ моими жалобами. Но правду сказать, ты не можешь себѣ представить, какъ мнѣ грустно. Нездоровъ, растревоженъ мыслями, и ко всему этому какая погода! туманъ, сырость, дождь, и небо, съ утра до вечера покрытое черными и багровыми облаками, кажется какъ будто изображаетъ ужасы войны.

Отъ 15 числа поутру.

Сегодня, благодарю Бога, я проснулся нѣсколько посвѣжѣе и чувствую себя получше, какъ по здоровью, такъ и по обстоятельствамъ. Изъ главной квартеры пріѣзжалъ сюда фельдъ-егерь. Онъ посланъ искать государевой кухни, которую отыскать не могутъ. Объ обозѣ, здѣсь ли ему оставаться, или куда ѣхать, ничего не приказано; а обо мнѣ уже и говорить нечего, никто ни полъ-словечка. Можно о семъ фельдъ-егерѣ сказать по пословицѣ: *пріѣхалъ посолъ нѣмъ, привезъ грамоту неписанную.* Все, что мы отъ него узнать могли, состоитъ въ томъ, что онъ отправился изъ главной квартеры въ то время, когда она была въ четырехъ или пяти миляхъ отселѣ по дрезденской дорогѣ, а гдѣ находится теперь, того не знаетъ. Между тѣмъ и онъ подтвердилъ тоже, что мы отъ проѣзжихъ слышали, а имянно, что третьягодня и вчера подъ Дрезденомъ было сраженіе и долго продолжалась пушечная пальба; но чѣмъ оно кончилось, никто не вѣдаетъ.

Словомъ, мы послѣ сего должны оставаться въ той же неизвѣстности, въ какой были прежде. Однакожъ изъ того произошла та для меня отрада, что придворный обозъ остается здѣсь и козаки со мною.

Передъ обѣдомъ.

Сюда пріѣхала Аракчеева канцелярія. Она была позади. Ко мнѣ прислали за письмами, сказывая, что сей же часъ отправляется въ Петербургъ курьеръ. Я колебался, послать ли къ тебѣ это письмо, наполненное такими скучными описаніями и печальными мыслями; но подумалъ, что не послать еще хуже: ты станешь безпокоиться неполученіемъ писемъ. И такъ спѣшу запечатать и отослать. Какъ быть, мой другъ? Авось либо это тревожное время пройдетъ и сдѣлается по-отраднѣе. Прости. Будь здорова и спокойна. Варварѣ Ивановнѣ и всѣмъ нашимъ знакомымъ поклонись. Остаюсь, и проч..

26.

Лаунъ. Отъ 17 августа (1813).

Другъ мой Д. А.! По письму моему, отправленному третьяго дня изъ Маріенберга, ты будешь обо мнѣ въ безпокойствѣ, не зная чѣмъ кончилось мое тамъ пребываніе. Теперь могу разсказать тебѣ. Въ скоромъ времени по отсылкѣ моего письма приходитъ ко мнѣ мой хозяинъ и сказываетъ, что одна женщина . . . .
. . . .[1]).
Хорошо еще что я оставался въ Маріенбергѣ и не поѣхалъ далѣе. Я почитаю это Божескою къ себѣ милостью. Тамъ могло бы со мною случиться гораздо хуже, чѣмъ съ австрійскимъ генераломъ, котораго я видѣлъ съ перевязанною головою. По разсказамъ пріѣхавшихъ оттуда, я бы при моей слабости и нездоровьѣ не вынесъ тѣхъ трудовъ, какіе они тамъ претерпѣли. Изъ Комметау сюда пріѣхали мы благополучно, выключая что въ одномъ мѣстѣ наѣхали на австрійскихъ солдатъ . . . .
. . . .[2]).
По прибытіи сюда услышали, что въ сраженіи подъ Дрезденомъ у извѣстнаго французскаго (который однакожъ былъ съ нашей стороны) генерала Моро оторвало ядромъ обѣ ноги: вотъ зачѣмъ человѣкъ спѣшилъ пріѣхать изъ Америки! — Городокъ здѣшній такъ набитъ разныхъ державъ министрами, генералами, и всякаго званія чиновными людьми, что я долго ѣздилъ по улицамъ, не

---

[1]) См. стр. 214 и 215.

[2]) См. стр. 215.

могши сыскать ни однаго дома для пристанища. Увидя въ окнѣ графа Аракчеева, зашелъ я къ нему. Онъ послалъ отъ себя офицера искать для меня квартеры, но нигдѣ найти не могли. Напослѣдокъ, идучи мимо однаго домика, увидѣлъ я Матвѣя Ивановича Платова. Онъ, спасибо, пригласилъ меня къ себѣ, и уступилъ мнѣ одну изъ двухъ комнатъ, въ которыхъ самъ жилъ. Главная квартера здѣсь, но государь въ Теплицахъ. Къ ночи ожидаютъ его сюда.

На другой день.

Здѣсь радостные носятся слухи: побѣды со всѣхъ сторонъ! Гвардія наша оказала чудеса храбрости и получила безсмертную себѣ славу . . . .[1]. Ежели Богъ подержитъ руку Свою надъ нами, такъ можетъ быть и сломится рогъ сильнаго къ радости и спокойствію всей Европы. Государь не пріѣхалъ сюда, а остался въ Теплицахъ. Балашовъ пишетъ ко мнѣ и зоветъ туда, однакожъ я не ѣду. Мнѣ хотя и получше, но все нездоровится. Хочу проситься, чтобъ меня отпустили въ Прагу, гдѣ бы я безъ скитанія могъ полѣчиться.

На третій день.

Сегодня видѣлъ я два зрѣлища достойныя примѣчанія . . . .[2].

На четвертый день.

На сихъ дняхъ пріѣхало сюда четыре курьера, а писемъ ко мнѣ ни отъ тебя, ни отъ кого нѣтъ. Стану ожидать пятаго. — Съ поѣхавшимъ отселѣ въ главную квартеру (въ Теплицы) графомъ Аракчеевымъ писалъ я къ государю письмо; просилъ его объ увольненіи меня въ Прагу, по причинѣ слабости моего здоровья. Не знаю, какой будетъ отвѣтъ. Балашовъ увѣдомлялъ меня, что онъ по желанью моему заговаривалъ о семъ однажды, но государь промолчалъ. Я очень буду скучать, ежели не получу позволенія. Мнѣ это нужно по многимъ причинамъ. Первое по нездоровью; второе потому, что при этихъ воинскихъ движеніяхъ и суетахъ дѣло до меня не доходитъ. Я ѣзжу за главною квартерою попустому, подвергаясь безъ всякой надобности и трудамъ и опасностямъ. Я бы въ Маріенбергѣ, или ѣдучи оттуда, непремѣнно попался въ руки Французамъ, ежелибъ нечаянно Богъ не послалъ намъ подъ Кульмомъ побѣды, которая не допустила ихъ

---

[1] См. стр. 216.

[2] См. стр. 217 и 218.

отрѣзать насъ, и оборотила дѣла такъ, что они изъ преслѣдующихъ сдѣлались разбитыми и бѣгущими. Сказываютъ, что отъ Дрездена съ извѣщеніемъ къ намъ въ Маріенбергъ посланъ былъ курьеръ, и сверхъ того Балашовъ отправилъ туда же адъютанта своего съ козакомъ; но никто изъ нихъ по сю пору не явился, и должно думать что они или убиты или взяты въ плѣнъ. Въ главной квартерѣ считали, что и съ нами сдѣлалось тоже, и конечно бы сдѣлалось, ежелибъ, благодаря можетъ австрійскаго генерала съ завязанною головою, мы не скоро оттуда уплелись, или ежелибъ войски наши успѣли отступить далѣе Теплицъ, или бы къ счастію нашему не одержали тутъ побѣды. Теперь хотя обстоятельства и поправились, но дѣло еще не кончено. Тѣжъ безпрестанныя движенія и заботы продолжаться будутъ. Зачѣмъ же мнѣ больному таскаться? если паче чаянія и случится во мнѣ какая надобность, то можно за мною прислать, и я немедленно пріѣду. — Прощай, мой другъ! Письмо отсылаю. Остаюсь, и проч..

27.

Лаунъ. Отъ 23 августа (1813).

Другъ мой, Д. А.! Еще пріѣхалъ курьеръ, и я получилъ письма отъ 8-го августа, но отъ тебя ни строчки. Это меня безпокоитъ. Послѣднее письмо твое было отъ 28-го іюля, и такъ мнѣ очень сомнительно, чтобъ ты не писала ко мнѣ двѣнадцать дней сряду. Развѣ письмо не дошло, но этому кажется быть нельзя. Стану съ нетерпѣніемъ ожидать еще курьера. Между тѣмъ я сбираюсь ѣхать въ Прагу и тамъ оставаться, покуда дѣла примутъ какую нибудь извѣстность. Государь мнѣ позволилъ. Въ разлученіи съ главною квартерою нельзя мнѣ будетъ въ скорости получать твоихъ писемъ и самому къ тебѣ писать, потому что курьеры можетъ быть не черезъ Прагу будутъ ѣздить; а по почтѣ письма идутъ долго. И такъ не скучай, если не скоро ихъ получать станешь. Въ Прагѣ, я надѣюсь, будетъ мнѣ спокойнѣе; но съ другой стороны неловко долгое время быть въ отлучкѣ отъ главной квартеры. Надежда на то, что кажется непріятель много потерялъ и сильными войсками крѣпко стѣсненъ, такъ что безъ особливаго съ нами несчастія уповательно не возникнетъ; а ежели Богу угодно будетъ привесть его въ изнеможеніе, то дѣла не могутъ долго быть сомнительными, и тогда я опять соединюсь съ главною квартерою. Дастъ ли Богъ, чтобъ сказали: ну! теперь все кончено; ѣдемъ въ Россію. Тогда бы только я успокоился. — Моро умеръ, и тѣло его везутъ въ Петербургъ. Какая странность: два

французскихъ полководца ѣдутъ къ намъ: одинъ добрый, но мертвый; а другой живой, но худой! — Я очень доволенъ Платовымъ: онъ даетъ мнѣ трехъ козаковъ съ тѣмъ, чтобъ они оставались со мною въ Прагѣ, и повсюду бы меня провожали, куда мнѣ ѣхать случится. Сюда пріѣхала замужняя дочь его и остановилась въ загородномъ домѣ, верстъ пять или шесть отселѣ. Вчера возилъ онъ меня къ ней обѣдать и дорогою показалъ такую птичью ловлю, какой я никогда себѣ не представлялъ. Съ нами было человѣкъ до десятка козаковъ верхами . . . .
. . . .[1]).
Ну! полно мнѣ всякіе вздоры къ тебѣ писать. Прости; отсылаю письмо, и ѣду въ Прагу. Остаюсь, и проч..

28.

Прага. Отъ 20 сентября (1813).

(Здѣсь не достаетъ нѣсколько писемъ; также и отъ слѣдующаго нѣтъ начала).

. . . . Вчера пишетъ ко мнѣ Ал. Дм. Балашовъ, что онъ посылается въ Англію съ орденами въ соотвѣтствіе за орденъ *Подвязки,* присланный государю. Я очень радъ за него, зная, что ему этого хотѣлось, и ожидаю его сюда. Ну чтожъ еще тебѣ сказать? кажется я все сказалъ . . . . Къ Николаю Семеновичу (Мордвинову), это правда, я ни разу не писалъ. Все сбираюсь, и не удается. Отпиши пожалуйста къ нему и поздравь его и Генріету Александровну съ бракосочетаніемъ дочери[2]). Скажи, что я буду къ нимъ писать; но что писать?! Сердце мое желало бы видѣться съ ними и разговаривать, а не писать. — Кикинъ здѣсь, немножко нездоровъ; хлопочетъ о раненыхъ, изъ числа которыхъ бѣдный Войновичъ недавно умеръ . . . . . .
. . . .[3]).
Репнинскій еще не пріѣхалъ и чаю не привезъ, а у меня теперь нѣтъ ни щепотки, и я поневолѣ пью кофій. — Недавно поѣхалъ отселѣ съ тѣломъ Моро бывшій при немъ адъютантъ Рапатели. Онъ просилъ у меня письма къ тебѣ и хотѣлъ самъ отдать; но я не далъ, затѣмъ что онъ долго проѣдетъ. Можетъ быть онъ у

---

[1]) См. стр. 218 и 219.

[2]) Адмиралъ Н. С. Мордвиновъ былъ женатъ на дочери англійскаго консула въ Ливорно, Кобле. Онъ имѣлъ сына и трехъ дочерей: старшая была за сенаторомъ Аркадіемъ Алексѣевичемъ Сталыпинымъ; вторая, Вѣра, — за тайн. сов. Александромъ Николаевичемъ Львовымъ.

[3]) См. стр. 220.

тебя будетъ, такъ прими его повѣжливѣе. — Прощай. Будь здорова. Остаюсь, и проч..

29.

Прага. Отъ 23 сентября (1813).

Другъ мой Д. А.! Три дня какъ написано и запечатано къ тебѣ письмо, и лежитъ безъ отправленія. Курьеръ зашелъ и сказалъ, что онъ въ тотъ день еще не ѣдетъ, и зайдетъ за нимъ ко мнѣ завтра. Но вмѣсто того и на другой и на третій день не бывалъ. Видно, что онъ уѣхалъ. Пришлось ожидать другого курьера и уже оба письма вмѣстѣ къ тебѣ отправить. — Недавно появилось здѣсь въ вѣдомостяхъ хотя и давно уже написанное письмо шведскаго принца (Бернадота) къ Наполеону. Вѣроятно и у васъ оно извѣстно; однакожъ я на дорогѣ его перевелъ и здѣсь вписываю. Можетъ быть у васъ и нѣтъ печатнаго, а потому и немногіе о немъ знаютъ.

Переводъ съ письма наслѣднаго Шведскаго принца къ Наполеону.

Отъ 13 мая 1813 года.

„Государь,

„Покуда ваше величество дѣйствовали и приказывали дѣйствовать противъ меня собственно, до тѣхъ поръ я былъ спокоенъ и молчалъ; но теперь, когда нота Дюка де Бассано [1]) къ г-ну Орсону ищетъ посѣять между королемъ и мною тѣже самыя искры несогласія, которыя способствовали в. в. войти въ Гишпанію, то по причинѣ прерванія всѣхъ министерскихъ сношеній, я обращаюсь прямо къ особѣ вашей, чтобъ привесть вамъ на память честные и справедливые поступки Швеціи, даже и въ самыя затруднительнѣйшія времена.

„На сообщеніе, сдѣланное по препорученію в. в. господиномъ Сеньелемъ, король приказалъ отвѣчать, что Швеція будучи увѣрена, что она по вашимъ единственно проискамъ лишилась Финляндіи, не можетъ никогда надѣяться на вашу къ ней дружбу, покуда вы не вознаградите ее Норвегіею за зло, вами ей содѣянное.

„Противъ всего, что въ нотѣ дюка де Бассано сказано о занятіи Помераніи и о поступкахъ французскихъ корсеровъ, сами дѣйствія вопіютъ, и надлежитъ только сличить числа, чтобъ узнать кто правъ, — ваше ли величество, или шведское правленіе. Сто шведскихъ кораблей были уже захвачены, и двѣсти человѣкъ матросовъ закованы въ желѣзы, когда правительство принуждено

[1]) Маре, министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона.

было арестовать морского разбойника, который подъ французскимъ флагомъ пришелъ въ наши порты брать наши суда и ругаться нашею довѣренностію къ договорамъ.

„Дюкъ де Бассано говоритъ, что не в. в. начали войну; но между тѣмъ вы, государь, перешли черезъ Нѣманъ съ четырью стами тысячъ человѣкъ. Съ того времени, какъ в. в. вступили внутрь сей имперіи, ожидаемыя происшествія не были сомнительны; императоръ Александръ и король предвидѣли уже съ августа мѣсяца конецъ кампаніи и чрезвычайныя оной послѣдствія. Всѣ военныя соображенія увѣряли, что в. в. попадетесь въ плѣнъ; вы избѣгнули отъ сей опасности, государь; но армія ваша, состоявшая изъ отборныхъ французскихъ и итальянскихъ воиновъ, вся погибла. Тамъ легли безъ погребенія всѣ храбрые, которые грудью своею спасли Францію при Фліорюсѣ, побѣждали въ Италіи, преодолѣли зной Египта, и приковали къ знаменамъ вашимъ побѣду въ Маренгѣ, въ Остерлицахъ, въ Генѣ, въ Галлѣ, въ Любекѣ, въ Фридландѣ, и проч. и проч.. О! да смягчится при семъ страшномъ изображеніи душа ваша, государь! и если нужно еще подвигнуть ее къ жалости, да воспомнитъ она о смерти миліона Французовъ, падшихъ на полѣ чести жертвою браней, вашимъ величествомъ предпріятыхъ.

„Ваше величество возвѣщаете права свои на дружбу короля! Да позволено мнѣ будетъ напомнить вамъ, государь, малое в. в. вниманіе къ оной въ то время, когда взаимность чувствъ могла полезна быть для Швеціи.

„Когда король, послѣ потери Финляндіи, писалъ къ в. в., прося объ оставленіи Швеціи Аландскихъ острововъ, вы отвѣтствовали: *„отнеситесь къ императору Александру: онъ великъ и щедръ,“* и къ дополненію мѣры вашей холодности, приказали, при самомъ отъѣздѣ моемъ въ Швецію, въ издаваемомъ отъ правительства журналѣ напечатать (см. Мониторъ 25 сент. 1810), что во время междуцарствія въ семъ королевствѣ производилась съ Англичанами безпрестанная торговля.

„Король отсталъ отъ союза 1792 г., потому что союзъ сей стремился раздѣлить Францію, а король не хотѣлъ участвовать въ раздѣленіи сего великолѣпнаго царства. Онъ подвигнутъ былъ на сіе дѣяніе, памятникъ политической славы, сколько по привязанности своей къ французскому народу, столько же и по надобности исцѣлить раны государства. Сіе поведеніе, мудрое и доброе, снованное на томъ, что всякая держава имѣетъ право управ-

ляться своими законами, своими обычаями и волею, сіе самое поведеніе служитъ ему и нынѣ правиломъ.

„Ваша система, государь, хочетъ воспретить державамъ пользоваться правами, отъ природы имъ данными, правами торговать другъ съ другомъ, помогать другъ другу, имѣть взаимное сношеніе, и жить въ мирѣ и тишинѣ. А между тѣмъ существованіе Швеціи зависитъ отъ обширности торговыхъ сношеній, безъ которыхъ она пробыть не можетъ.

„Далеко отъ того, чтобъ видѣть въ поведеніи короля перемѣну системы, человѣкъ просвѣщенный и безпристрастный найдетъ въ немъ продолженіе той же постоянной и справедливой политики, которая долженствуетъ обнаружиться, когда государи соединятся противъ свободы Франціи, и которой нынѣ послѣдуетъ онъ съ твердостью, въ то время, когда французское правительство продолжаетъ вооружаться противъ свободы народовъ и царей.

„Мнѣ извѣстны добрыя расположенія императора Александра и Сентъ-Ямескаго кабинета къ миру; бѣдствія всей твердой земли требуютъ онаго, и вашему величеству не надлежало бы того отвергать. Обладатель прекраснѣйшаго на землѣ царства, всегда-ли станете вы питать въ себѣ желаніе распространять предѣлы онаго, и оставить рукѣ слабѣйшей, чѣмъ ваша, печальное наслѣдство непрестанныхъ бурь войны?

„Неужели в. в. не обратите никогда вниманіе на излѣченіе язвъ революціи, отъ которой Франція не имѣетъ ничего кромѣ воспоминанія о военной славѣ и о существовавшихъ внутри ея несчастіяхъ? Государь! уроки бытописанія опровергаютъ мысль о всеобщемъ преобладаніи, и чувствованія независимости могутъ на время быть потушены, но не гаснутъ никогда въ сердцахъ народовъ. Взвѣсьте в. в. всѣ сіи разсужденія и подумайте единожды о семъ общемъ мирѣ, отъ поруганія имени котораго пролилось столько крови.

„Я родился въ сей прекрасной Франціи, управляемой вами, государь; слава и благоденствіе ея не могутъ быть для меня чужды; но не преставая никогда желать ей счастія, я буду всѣми силами души моей защищать и права призвавшаго меня народа, и честь монарха, удостоившаго назвать меня своимъ сыномъ. Въ сей борьбѣ между свободою свѣта и насильствіемъ я сказалъ Шведамъ: я сражаюсь за васъ и съ вами, и усилія наши сопровождаться будутъ благословеніями свободныхъ державъ.

„Въ государственныхъ дѣлахъ, государь, нѣтъ ни дружбы,

ни ненависти, а надлежитъ только исполнять долгъ свой къ народамъ, надъ которыми Провидѣніе поставило насъ правителями. Ихъ законы и права суть драгоцѣнныя для насъ блага, и, если для сохраненія оныхъ должно отречься отъ прежнихъ связей и семейственныхъ склонностей, правитель, желающій исполнить свои обязанности, не долженъ никогда колебаться въ выборѣ.

„Дюкъ де Бассано возвѣщаетъ, что в. в. не допустить разорваться миру; но не вы-ли, государь, прервали торговыя сношенія и повелѣли среди мира взять шведскіе корабли? не жестокость-ли сихъ повелѣній три года лишала насъ всякаго съ твердою землею сообщенія, и которая послѣ сего времени въ продолженіи мира задержала еще пятьдесятъ шведскихъ судовъ въ Ростокѣ, въ Висмарѣ, и въ другихъ балтійскихъ портахъ?

„Дюкъ де Бассано присовокупляетъ еще, что в. в. не перемѣните никогда системы, и что всячески воспрепятствуете быть войнѣ, которую сочли бы междуусобною войною: изъ сего явствуетъ, что в. в. хотите удержать Шведскую Померанію, и что отнюдь не оставляете надежды повелѣвать Швеціею, и безъ всякаго труда и опасности уничижить такимъ образомъ имя и достоинство шведскаго народа.

„Подъ словомъ *междоусобной войны* в. в. безсомнѣнія разумѣете войну между союзниками; но извѣстно какую участь вы имъ опредѣляете. Вспомните, государь, неудовольствіе оказанное вами, когда вы узнали о перемиріи, данномъ мною сей храброй державѣ въ апрѣлѣ 1809 года, и вы сами почувствуете необходимость, въ какую земля сія приведена была, все то дѣлать, что она по сіе время дѣлала для сохраненія своей независимости и для отвращенія опасности, въ которую вовлекла бы ее ваша, государь, политика, если бы оная была ей меньше извѣстна.

„Ежели происшествія, четыре мѣсяца тому назадъ случившіяся, побудили васъ сложить на генераловъ вашихъ вину обезоруженія и отсылки во Францію войскъ Шведской Помераніи, какъ бы военноплѣнныхъ, то невозможно, государь, найти столь же легкаго предлога къ отрицанію намѣреній вашихъ, когда в. в. отнюдь не хотѣли утвердить мнѣнія суда о призахъ, и когда три года уже тому назадъ дѣлаете вы особенныя исключенія противъ Швеціи, не взирая на рѣшеніе суда сего въ нашу пользу. Впрочемъ, государь, никто въ Европѣ не заблуждается; всѣ знаютъ, какъ справедливы тѣ обвиненія, которыя ваше величество приписываете своимъ генераламъ.

„Нота королевскаго министра иностранныхъ дѣлъ и отвѣтъ, сдѣланный ему г-мъ Кабри, генваря 4 дня 1812 года, доказываютъ вамъ, государь, что его величество предупредилъ желанія ваши освобожденіемъ всѣхъ людей французскаго корсера. Правительство тогда же простерло уваженіе свое даже до того, что отослало Португальцевъ, Алжирцевъ и Негровъ, которые, будучи съ тѣмъ же корсеромъ взяты, назвали себя подданными вашего величества. И такъ ничто не препятствовало вамъ, государь, приказать отпустить шведскихъ офицеровъ и солдатъ; но со всѣмъ тѣмъ они и теперь стонутъ еще въ оковахъ.

„Что касается до угрозъ, содержимыхъ въ нотѣ дюка де Бассано, и до сорока тысячъ войскъ, обѣщаемыхъ вашимъ величествомъ Даніи, я не считаю за нужное входить въ сіи обстоятельства, тѣмъ больше, что я сомнѣваюсь, чтобъ король датскій могъ воспользоваться сею помощью.

„Чтожъ принадлежитъ до личнаго моего честолюбія, оно во мнѣ велико, признаюсь, и состоитъ въ томъ, чтобъ служить благу человѣчества, и утвердить независимость полуострова Скандинавскаго. Въ достиженіи сего я надѣюсь на правость дѣла, котораго защиту поручилъ мнѣ король, на твердость государства, и на праводушіе союзниковъ.

„Впрочемъ на что бы вы ни рѣшились, государь, — на миръ или войну, я не меньше сохраню всегда къ вашему величеству чувствованія стараго вамъ по службѣ сотоварища." (На подлинномъ подписано имя принца). —

Вотъ, мой другъ, тебѣ переводъ съ письма довольно длиннаго, за которымъ я два дня сидѣлъ. Во многомъ я согласенъ съ принцемъ, но только не такими глазами, какъ онъ, смотрю на *великолѣпную* и *прекрасную* Францію, гдѣ столько охотниковъ и большихъ и малыхъ служить тому же Наполеону, котораго онъ, не смотря на частое величанье *вашимъ величествомъ* и *государемъ,* такими черными красками изображаетъ. Мудрено, кажется, ему одному быть лютымъ звѣремъ, а они, помощью коихъ онъ всѣ свои свирѣпства производитъ, не иное что, какъ кроткіе агнцы. — Но полно разсуждать о военныхъ и политическихъ дѣлахъ: и такъ уже наполнены ими и слухъ, и глаза, и сердце, и мысли. Разскажу тебѣ лучше случившуюся вчера со мною печаль. Мнѣ подарили прекрасную собачку (шпица), которая была у меня мѣсяца съ три, и очень меня забавляла. Я думалъ было отослать ее къ тебѣ съ Егор. Борис. Фуксомъ, но пожалѣлъ разстаться и оставилъ съ собою. Третьягодня она пришла ко мнѣ и что-то не

весела, не рѣзвилась по-обыкновенному. Я посадилъ за пазуху. Она долго лежала очень смирно. Я вынялъ ее и хотѣлъ съ нею играть, чтобъ ее развеселить; нѣтъ, она противъ обычаю своего продолжала быть скучною. Подумавъ, что она нездорова, я отнесъ ее къ себѣ на постелю, положилъ тамъ и закуталъ, а самъ пошелъ въ другую горницу писать. Писаніе мое длилось часа съ три. Напослѣдокъ пришло время ложиться спать. Я кликнулъ человѣка, раздѣлся, отпустилъ его, и, пробывъ еще съ полчаса, пошелъ въ свою спальню. Открылъ одѣяло, и вижу, что постеля моя вся измарана, и собачка очень больна. Не хотѣлось мнѣ кликать и будить человѣка: и такъ я самъ снялъ простыню, вытеръ одѣяло и легъ; а собачкѣ изъ той же простыни сдѣлалъ постельку подлѣ кровати и положилъ ее тутъ, думая, что къ завтрему это у ней пройдетъ. Поутру просыпаюсь, и вообрази мое состояніе! вижу, что бѣдная собачка растянувшись хрипитъ и умираетъ! Я кликнулъ тотчасъ человѣка, велѣлъ ему тихонько взять ее и, отнеся въ людскую, положить попокойнѣе. Черезъ часъ кличу его и спрашиваю: что собачка? Петрушка мой съ обыкновеннымъ своимъ грубымъ видомъ отвѣчаетъ: околѣла. Потомъ черезъ часъ опять пришелъ и говоритъ: собачка ожила, встала и ходитъ. Я пошелъ посмотрѣть ее и удивился перемѣны, какую болѣзнь произвести могла въ нѣсколько часовъ: изъ статной и довольно полной сдѣлалась она длинна, худа, и какъ тѣнь ходя шатается. Не зная чѣмъ ей помочь, я велѣлъ ей сдѣлать теплую постельку и положить, гдѣ она еще почти сутки промучалась и напослѣдокъ умерла. Не могу придумать отчего ей вдругъ такая болѣзнь могла сдѣлаться. — Ты станешь можетъ быть смѣяться, что я съ такою подробностью описываю тебѣ смерть собачки, но мнѣ ее очень жаль, и всякій разъ, когда приду домой, или стану спать ложиться, она у меня въ глазахъ. Бѣдный шпицъ! Нѣтъ ужъ не стану другого искать. Имъ у меня не водъ: одинъ пропалъ, другой умеръ.

На другой день.

Какъ мнѣ досадилъ курьеръ! увѣрилъ меня, что зайдетъ за письмами и пропалъ. Теперь жду другого, и не знаю когда будетъ. Мнѣ, мой другъ, здѣсь очень скучно и накладно жить. Погода всегда предурная: сырость, дождь и холодъ безпрестанно. У меня три большія горницы, въ большомъ и пустомъ домѣ отведенныя, съ одною маленькою печкою и каминомъ, изъ которыхъ ни того ни другого топить нельзя, и я всегда дрогну и сплю не скидая тулупа. Третьягодня обѣдалъ я у графини Остерманъ и

такъ озябъ, что она и графиня Витгенштейнъ принудили меня надѣть шинель, и въ шинели сидѣлъ за столомъ. Онѣ обѣ также жалуются на холодъ, и Остерманша говоритъ, что она завидуетъ мухамъ, которыя на зиму умираютъ, а на лѣто оживаютъ. Она еще не знаетъ объ оторваніи руки у ея мужа: отъ нея таятъ. Я бываю у ней почти всякій день, и провожу время весьма пріятно. Съ нею живутъ еще двѣ княжны Туркистановы. Мы иногда разговариваемъ, иногда читаемъ. Графиня Витгенштейнъ, съ которой я здѣсь познакомился, препочтенная женщина. Она также часто составляетъ наше общество. Сверхъ сего я бываю изрѣдка у княгинь Волхонскихъ, у Алопеуса, у князя Зубова, и проч.. Иногда видаюсь съ здѣшними учеными, какъ-то Добровскимъ и другими. Съ этой стороны я бы и могъ быть доволенъ моимъ состояніемъ, если бы оно было постоянное, и всегдашнее ожиданіе перемѣны его меня не безпокоило. Но жить и не знать что дѣлать, всего хуже. Ничего рѣшительнаго нѣтъ: дѣла все въ томъ же положеніи, и конца имъ не видать. Жду сюда Балашова; онъ недавно писалъ ко мнѣ, что надѣется со мною увидѣться. Думаю иногда ѣхать въ главную квартеру; но всегда здѣсь пройдутъ слухи, что она оттуда, куда я ѣхать хочу, скоро выступаетъ въ другое мѣсто. А непріятель все еще въ Дрезденѣ. И такъ чтожъ я туда пріѣду? опять, чтобъ оставаться одному въ деревняхъ, или и съ нею ѣздя быть праздну. Не знаю долго-ли продлится скучное это положеніе, но признаюсь, что крѣпко надоѣло скитаться по-пустому.

На третій день.

Сегодня былъ здѣсь Балашовъ, и только что отобѣдалъ, то и отправился въ путь свой въ Англію, отколѣ позволено ему возвратиться въ Россію. Мнѣ очень жаль, что онъ уѣхалъ. Я во все время имѣлъ въ немъ хорошаго сотоварища, и могу сказать, что безъ него какъ будто осиротѣлъ. Онъ привезъ ко мнѣ твоихъ два письма, да третье черезъ часъ послѣ него еще, не знаю откуда, ко мнѣ принесли. И такъ я теперь всѣ твои письма получилъ, да только не одно за другимъ, а вдругъ, въ одинъ разъ пять, а въ другой три. Ты безпокоишься, что отъ меня писемъ не будешь получать. Правда можетъ быть не такъ часто, однакоже курьеры ѣздятъ черезъ Прагу и случаи, надѣюсь, будутъ. Сверхъ сего я не пробуду здѣсь долго, потому что обстоятельства скоро перемѣнятся, и надобно будетъ куда нибудь ѣхать. — Ты пишешь ко мнѣ о Гресершѣ. Я письмо ея получилъ, но скажи и ей, что доложить не пропущу, а когда? — этого не знаю. — Ты, мой

другъ, удивляешься, что получаешь иногда отъ меня скучныя письма, и уговариваешь, чтобъ я былъ терпѣливѣе. Я бы и радъ тебя послушаться, да многое дѣлаетъ меня скучнымъ и нетерпѣливымъ, а главное, что я часто чувствую себя нездоровымъ, и не въ силахъ такую жизнь вести, какую здѣсь вести должно. Вотъ теперь настаетъ глубокая осень, и потомъ зима. На одномъ мѣстѣ усидѣть нельзя, а ѣздить въ дожди и слякоти, и ѣздить безпрестанно, надобно имѣть и лѣта моихъ по-моложе, и здоровье покрѣпче. Сверхъ того и непріятно быть при должности, таскать съ собою груду дѣлъ, и не имѣть способа исправлять ихъ съ надлежащимъ порядкомъ и успѣхомъ, отчего многіе, безъ всякой моей вины, могутъ на меня роптать и досадовать. — Но оставимъ эту длинную матерію, — она безъ конца. Ты повторяешь мнѣ въ письмахъ своихъ о Варварѣ Ивановнѣ (Бакуниной), заботящейся о своемъ сынѣ. Онъ здоровъ, но находится въ корпусѣ у шведскаго принца, такъ можетъ быть не имѣетъ случая часто писать. Впрочемъ я сколько могъ объ немъ навѣдывался, и ежели бы что нибудь было нехорошее, такъ бы отъ кого ни на есть услышалъ. — Скажи пожалуйста гдѣ наша Бунина? ужъ столько времени я ничего объ ней не слышу. Ну! прощай. Цѣлую тетрадь къ тебѣ написалъ, а не знаю когда отправлю.

На четвертый день.

Сейчасъ прислано сюда извѣстіе, что Блюхеръ имѣлъ дѣло съ французскимъ корпусомъ, одержалъ побѣду и взялъ двадцать пушекъ, и двѣ тысячи человѣкъ въ полонъ. По начавшимся движеніямъ главной квартеры ожидаютъ скоро важнаго сраженія. Писать больше некогда. Прощай, мой другъ, будь здорова. Остаюсь, и проч..

30.

Прага. Отъ 3 октября (1813).

Другъ мой Д. А.! Дожидаясь курьера, заранѣе приготовляю къ тебѣ письмо, хотя и недавно писалъ. Я все еще въ Прагѣ, и не знаю когда и куда отселѣ поѣду. Ничего еще рѣшительнаго не произошло. Мы всякій день ожидаемъ важныхъ извѣстій, по которымъ и я себя располагать долженъ. Но между тѣмъ, мой другъ, не очень мнѣ здоровится. Я не знаю что со мною сдѣлалось. Совсѣмъ другого рода припадки чувствую, нежели какіе чувствовалъ прежде. Бывало голова заболитъ, сонъ склонитъ, и черезъ сутки или много двое проходитъ. А нынѣ кажется я и сплю и ѣмъ порядочно, и голова не болитъ, а совсѣмъ тѣмъ, ходя и на ногахъ, часто дѣлается такая дурнота, что подходитъ близко

къ обмороку. Когда я былъ въ Маріенбергѣ, тамъ въ первый разъ это почувствовалъ; послѣ того прошло, однако возобновлялось и по сю пору продолжается. Третьягодня я принужденъ былъ начать лѣчиться, сидѣть дома и быть на строгомъ діэтѣ; но какъ дома одному скучно, то я рѣшился перейти къ Кикину, съ которымъ еще живетъ Ивашевъ. Съ ними я не одинъ и мнѣ веселѣе. Доктора я взялъ Грубера, того самаго, который меня лѣчилъ, когда мы жили у Шенина. Онъ здѣсь, ѣздитъ съ графинею Салтыковой, и я нечаянно съ нимъ на мосту повстрѣчался. Сегодня третій день, что я сижу дома.

От 5 числа ввечеру.

Вчера и сегодня я продолжалъ принимать лѣкарства и нѣсколько ослабъ. Груберъ всякій день ходитъ ко мнѣ поутру и вечеру, велѣлъ еще завтра принять, а тамъ погодить. Я не чувствую себя ни лучше ни хуже; кажется какъ будто дурнота и круженіе головы поуменьшается, не такъ часто дѣлается, какъ прежде. Я очень доволенъ, что перешелъ къ Кикину; они оба съ Ивашевымъ всегда со мною, а тамъ большую часть времени сидѣлъ бы я одинъ. Правду сказать и за то долженъ я благодарить Бога, что нахожусь теперь въ Прагѣ; а ежели бы при этой слабости здоровья былъ въ главной квартерѣ, и надлежало бы въ эти безпрестанные дожди и холоды переносить еще всякаго рода переѣзды и тревоги, то не знаю могъ-ли бы я сіе вынести. — Здѣсь ничего не слышно о дѣйствіяхъ войскъ, или носятся только такіе слухи, которымъ безъ подтвержденія отъ правительства нельзя вѣрить. Знаемъ только, что непріятель со всѣми своими силами въ Лейпцигѣ, а наши всѣ вокругъ онаго. Сказываютъ, что во многихъ мѣстахъ дерутся, но все это невѣрно. Ожидаемъ съ нетерпѣливостью извѣстія. Курьеровъ давно уже не вижу, ни отъ васъ ни къ вамъ. Затѣмъ рѣшился письмо сіе послать съ ѣдущимъ завтра отселѣ офицеромъ. Хотя онъ и долго проѣдетъ; но лучше отправить съ нимъ, потому что не знаю когда настоящаго курьера дождусь. Сказываютъ дороги такъ худы, что едва есть возможность проѣзжать; да и нельзя иначе, — льютъ безпрестанные дожди. — Говорятъ, что завтра будетъ сюда великая княгиня Марія Павловна, и что займетъ тотъ домъ, гдѣ я жилъ. Тамъ еще многія мои вещи, и такъ надобно будетъ совсѣмъ оттуда перебраться. Я здѣсь довольно семьянистъ: кромѣ канцеляріи, со мною три козака. Съ своими двумя кормлю пять человѣкъ, да еще и лошадямъ по недостатку фуража принужденъ иногда прикупать. Здѣсь же все чрезвычайно дорого. Фунтъ сахару семь

рублей. Когда вынесетъ Богъ отселѣ? хотя бы маленькая надежда была, такъ бы легче было ожидать этого времени, а то судя по обстоятельствамъ кажется и еще годъ это не кончится. Грустно, да какъ же быть? авось либо Господь Богъ помилуетъ и прекратитъ убійство и страданіе столькихъ людей.

От 6 числа.

Сегодняшнюю ночь я спалъ лучше, нежели прежде, и поутру чувствую себя лучше. Кикинъ здѣсь при смотрѣніи за ранеными, и какъ изъ нихъ многіе умерли, то пришла ему добрая мысль чрезъ подписку соорудить надъ ними памятникъ. Сегодня написалъ я ему извѣщеніе о томъ, и здѣсь тебѣ его сообщаю . . . . [1]).

Вотъ, мой другъ, затѣянное нами, а совершится ли оно, посмотримъ. — Офицеръ ѣдущій дожидается письма, почему и спѣшу оное кончить. Груберъ сидитъ теперь у меня, и проситъ, чтобъ тебѣ отъ него поклонился. Приложенное при семъ письмо къ Натальѣ Ивановнѣ Голицыной [2]) отошли по почтѣ. Остаюсь, и проч..

(Здѣсь не достаетъ письма, въ которомъ увѣдомлялъ я о полученіи извѣстія о знатной, одержанной союзными войсками надъ самимъ Наполеономъ, побѣдѣ подъ Лейпцигомъ и проч..)

31.

Прага. Отъ 10 октября (1813).

Другъ мой Д. А.! Курьеровъ проѣзжающихъ къ вамъ нѣтъ, и не являются ко мнѣ: и такъ я пишу къ тебѣ письма мои съ разными отправляющимися отселѣ офицерами, которые можетъ быть долго проѣдутъ, и не скоро ихъ тебѣ доставятъ; однако лучше поздно, нежели совсѣмъ не получать. Въ послѣднемъ письмѣ писалъ я къ тебѣ, что я нездоровъ. Теперь мнѣ получше, но все не такъ, какъ былъ. Не знаю что съ моей головою сдѣлалось: всегда чувствую нѣкоторую дурноту и круженіе. Сегодня въ первый разъ выѣхалъ въ театръ. Тамъ играна была нарочно сочиненная на нынѣшнюю побѣду піэса . . . . [3]).

Кажется на этотъ разъ Французамъ данъ порядочный толчокъ. Дай Богъ, чтобъ это было послѣднее человѣкоубійство. Ка-

---

[1]) См. стр. 222 и 223.

[2]) Рожденной Толстой, женѣ кн. Михаила Николаевича, ярославскаго губернатора и старшаго брата министра кн. Александра Николаевича Голицына.

[3]) См. стр. 224.

ново представить себѣ, что въ одной окрестности Лейпцига около шести сотъ тысячъ человѣкъ три дня сряду терзали и убивали другъ друга! Наконецъ, сказываютъ, отпали отъ Французовъ и Саксонцы, и Баварцы, и Поляки, и передавшись къ намъ, тотчасъ оружіе свое на нихъ обратили. Я воображаю и утѣшаюсь, какъ у насъ обрадуются сей побѣдѣ, по всему дѣйствительно важной. Но при всемъ томъ я конца еще не вижу, и Богъ одинъ знаетъ когда онъ будетъ. — Прощай, мой другъ. Начинаю писать къ тебѣ, но не вѣдаю съ кѣмъ и скоро-ли посланіе мое къ тебѣ отправлю.

От 12 числа.

Сегодня былъ у меня курьеръ изъ Петербурга и сказалъ, что у него есть письма ко мнѣ, но запечатаны въ общей сумкѣ, которую онъ распечатать не можетъ. Вообрази какъ досадно! письмо твое (ежели оно есть) должно сперва отвезено быть въ главную квартеру, и оттуда назадъ ко мнѣ возвратиться. А теперь ужъ главная квавтера далеко; думаютъ въ Веймарѣ. И такъ не скоро дождусь; да еще и тамъ можетъ оно долго пролежать. Правда, я самъ на этихъ дняхъ сбираюсь туда ѣхать. Что дѣлать? хоть здоровье мое и не такое, чтобъ разъѣзжать, но необходимо надобно. Сегодня я опять былъ въ театрѣ . . . .
. . . .[1]).

Отъ 15 числа.

Вотъ ужъ три дни, какъ я пера въ руки не беру: все нездоровъ и на лѣкарствахъ; третьягодня очень худо спалъ; вчера голова болѣла; а сегодня вдругъ съ пріѣхавшимъ изъ Веймара флигель-адъютантомъ Волхонскимъ получаю словесное приказаніе ѣхать въ главную квартеру, и ѣхать на почтовыхъ, какъ можно скорѣе. — Посуди о моемъ положеніи: я право такъ слабъ, что съ трудомъ по горницѣ хожу, а надобно въ эту худую погоду тащиться верстъ триста или болѣе. Не знаю что дѣлать. Остаться и сказать, что я боленъ, — не хочется, когда государю можетъ быть нужно что-нибудь мнѣ приказать; а ѣхать въ моемъ состояніи очень тяжело. Подумаю. Утро, какъ говорится, вечера мудренѣе.

Отъ 16 числа, изъ Слана.

Вотъ, мой другъ, я и въ дорогѣ. Переѣхавъ сегодня четыре мили, ночую въ Сланѣ. Больше нельзя продолжать пути: дорога худая и ночь такая темная, что ничего не видно. Груберъ не

---

[1]) См. стр. 224.

совѣтовалъ мнѣ ѣхать, однакожъ я не послушался его, и по сю пору не раскаяваюсь: дорогою ничего худого, благодарю Бога, не чувствовалъ. Можетъ быть она мнѣ и добро сдѣлаетъ, хотя погода и безпрестанно сырая и туманная. Только вотъ моя бѣда: ночью ни подъ какимъ видомъ ѣхать нельзя; а ежели останавливаться по ночамъ, то все равно, на своихъ-ли ѣхать, или на почтовыхъ: скорѣе не поѣдешь; а только та невыгода, что я долженъ буду, оставя своихъ секретарей и козаковъ, ѣхать одинъ, и понапрасну платить прогоны. Для того думаю продолжать ѣхать на своихъ, хоть бы нѣсколько чрезъ то и продлилъ путь. День коротокъ, и болѣе шести миль въ сутки не проѣдешь. Но чтожъ дѣлать? на крыльяхъ не полетишь. Наконецъ съ Прагой я разстался, проживши въ ней шесть недѣль, и радъ что уѣхалъ, потому что дорого было жить. Завтра съ разсвѣтомъ отселѣ поѣду.

От 17 числа, изъ Либковицъ.

Съ великимъ трудомъ переѣхалъ я сегодня девять миль. Во весь день шелъ снѣгъ, и слякоть. Всѣ поля и лѣсъ побѣлѣли. Я радовался смотря на это: мнѣ казалось, что я ѣду въ Россію. — Пріѣхавъ сюда, насилу могъ я отыскать ночлегъ. Два цесарскихъ офицера уступили мнѣ свою комнату, которую нашелъ я очень теплою, и весьма имъ за учтивость ихъ благодаренъ. Могу раздѣться и отдохнуть. Это великое благополучіе. Между тѣмъ лошади мои отъ сегодняшняго переѣзда очень устали: и такъ надобно будетъ поубавить прыти, чтобъ ихъ не измучить. Въ добрый часъ сказать, мнѣ дорогою гораздо лучше, нежели было на мѣстѣ. Я сталъ покрѣпче и болей никакихъ не чувствую ни въ груди, ни въ головѣ. Груберъ далъ мнѣ на дорогу пилюли и велѣлъ принимать, но мнѣ кажется воздухъ и движеніе лучше пилюль. Прощай, мой другъ, пора спать.

Отъ 18 числа, изъ Карлсбада.

Сегодня я проѣхалъ только четыре мили и долженъ былъ остановиться ночевать. Лошади мои отъ вчерашняго большого переѣзда пристали: и такъ надобно имъ дать отдохнуть, да и самъ я не столь хорошо себя чувствую, какъ прошедшіе два дни. Слякоть и сырая погода сдѣлали дорогу очень грязною, и сказываютъ впереди будетъ еще хуже. Здѣсь въ это время никого не бываетъ гостей и очень пусто. Я пріѣхалъ сюда передъ обѣдомъ, и пошелъ прогуливаться. Иду задумавшись, и вдругъ слышу, что меня кто-то кличетъ по имени . . . .
. . . .[1]).

[1]) См. стр. 224 и 225.

Я положилъ, мой другъ, на всякомъ ночлегѣ къ тебѣ писать, и слѣдовательно до пріѣзда въ главную квартеру много напишу: читай не лѣнись. Не ожидалъ я нынѣшній годъ быть опять въ Карлсбадѣ. Странная жизнь наша! гдѣ думаешь быть, туда не попадешь; а о которомъ мѣстѣ совсѣмъ не помышляешь, туда заѣдешь: какъ можно было ожидать, что я нынѣшнее лѣто четыре раза побываю въ Прагѣ? и думалъ-ли я, оставляя Петербургъ, что до этихъ поръ здѣсь проживу? — Надѣюсь по пріѣздѣ получить твои письма. Вѣрно лежатъ тамъ не одно. Боюсь только, чтобъ между тѣмъ не услали ихъ въ Прагу, тогда опять надобно будетъ дожидаться, покуда назадъ придутъ и можетъ быть совсѣмъ пропадутъ. Прощай. Не должно пророчить худого.

От 19 числа, изъ Францъ-Бруна.

Мы ѣхали въ Эгеръ, и поворотя вмѣсто лѣва вправо попали въ Францъ-Брунъ, верстахъ въ шести отъ Эгера. Здѣсь ключъ, изъ котораго лѣтомъ пьютъ воду послѣ карлсбадскихъ водъ. Странное дѣло: иногда мѣсто какъ кладъ не дается! Столько разъ былъ я въ Карлсбадѣ, а въ Эгерѣ, куда всѣ ѣздятъ, ни одного. Этотъ разъ ѣхалъ въ него и не попалъ. — До Карлсбада путь мой былъ по знакомымъ мѣстамъ, въ которыхъ я прежде бывалъ, а теперь поѣду по незнакомымъ. — По сю пору не могъ еще ни отъ кого услышать, гдѣ наша главная квартера, и скоро-ли я найду ее. — Боюсь, поздо узнаю, и чрезъ то могу сдѣлать большой крюкъ. Прощай, мой другъ. Вчерашнюю ночь я не могъ уснуть, для того сегодня хочу поранѣе лечь. — Какіе здѣсь вездѣ безпокойные ночлеги: пріѣдешь, — холодно; велишь затопить, — сдѣлается вдругъ чадно и жарко; а тамъ черезъ два часа опять холоднѣе прежняго.

Отъ 20 числа, изъ Аша.

Вчера забылъ я тебѣ нѣчто разсказать: пріѣхавъ ввечеру въ Францъ-брунъ, и нашедъ весьма холодную комнату . . . .
. . . . [1]).

Теперь полдень. Я переѣхалъ только двѣ съ половиною мили, и остановился покормить лошадей. Дорога премерзкая; а впереди говорятъ еще хуже и трудно объѣзжать обозы. Совѣтуютъ мнѣ взять другую дорогу, на что уже я и рѣшился. Только не знаю куда ѣхать. Мнѣ сказано въ Веймаръ; но говорятъ главная квартера уже давно выѣхала оттуда, и можетъ быть пріѣхавъ туда услышу, что она гдѣ нибудь далеко въ сторонѣ, или еще

---

[1]) См. стр. 225 и 226.

назади. Ничего узнать нельзя. Надобно сперва подъѣхать ближе, чтобъ вѣрнѣе услышать. Я какъ будто по морю плаваю, ища неизвѣстныхъ острововъ; да и плаванье прекрасное! — Изъ Францъ-бруна я взялъ воды и пью ее. Не поправитъ-ли она сколько нибудь моего желудка, и не сдѣлаетъ ли мнѣ какого облегченія? Дай Богъ! мнѣ это очень надобно.

От тогожъ числа, изъ Эльсницъ.

По худой очень дорогѣ я проѣхалъ сегодня еще около трехъ миль и остановился здѣсь ночевать. Часу въ четвертомъ послѣ полудня проѣхали мы богемскую границу и въѣхали въ Саксонію. Два раза я уже былъ въ ней, и долженъ былъ уѣхать. Кажется теперь въ третій разъ по доброй волѣ въѣду, и никто уже не выгонитъ, если какого особливаго несчастія не случится. Французы крѣпко разбиты, и мудрено будетъ Наполеону опять подняться. — Саксонію я люблю; вездѣ отмѣнная учтивость и услужливость. Вотъ и здѣсь, лишь только я послалъ сказать о себѣ, тотчасъ и домъ отвели, и только спрашиваютъ: что угодно? что прикажешь? Нѣтъ, въ другихъ мѣстахъ далеко отъ такого пріема! и всѣ вообще, даже до солдатъ, Саксонцами не могутъ нахвалиться. Въ Дрезденѣ я самъ видѣлъ, что караульнымъ солдатамъ мальчики и дѣвочки изъ тѣхъ домовъ, и даже деревень, гдѣ они стоятъ, въ корзинкахъ приносили пищу. — Однако полно разсуждать. Прощай до другого дня.

Отъ 21 числа, изъ Цейленрода.

По худымъ дорогамъ съ нуждою тащусь. Хотѣлось бы поскорѣе пріѣхать въ главную квартеру, но не могу. Лошади пристаютъ, ночью ѣхать нельзя, и при томъ же прошедшую ночь и сегодняшнее утро такъ мнѣ было худо, что я не зналъ куда дѣваться: такъ стѣснитъ сердце, и голова закружится, что насилу сижу. Къ вечеру только отдало и стало немножко получше. Не знаю какъ сегодняшнюю ночь провожу. Прощай, мой другъ. Не могу больше писать. Пойду лягу въ постелю.

Отъ 22 числа, изъ Кало.

Я не доѣхалъ полторы мили до Гены и долженъ былъ остановиться. Завтра надѣюсь быть въ Веймарѣ, но оттуда не знаю куда ѣхать. Главной квартеры, сказываютъ, давно уже тамъ нѣтъ. Считаютъ, что она должна быть близко Франкфурта. Изъ Гены надобно за нею ѣхать черезъ Эрфурхтъ, а тамъ Французы. И такъ я не вѣдаю, какимъ образомъ ихъ объѣхать. По прибытіи въ Веймаръ лучше узнаю; но повидимому не обойдется безъ того, чтобъ не ѣхать проселочными дорогами, которыми ѣду уже я отъ

самаго Карлсбада съ великимъ трудомъ и безпокойствомъ: грязно, разбито, и часто ѣдешь по такимъ ущеліямъ, что коляска насилу проходить можетъ. — Очень досадно! я думалъ главную квартеру найти въ Веймарѣ или въ Эрфурхтѣ (считая, что онъ свободенъ уже отъ Французовъ), но вмѣсто того долженъ ихъ объѣзжать, и гнаться по слѣдамъ ея за нею, еще миль тридцать или болѣе. — Прошедшюю ночь я хорошо спалъ, и весь сегодняшній день, благодарю Бога, не чувствовалъ своихъ припадковъ. — Прощай, мой другъ. Квартерами я оченъ доволенъ: вездѣ отводятъ мнѣ хорошіе и теплые покои. Хозяева встрѣчаютъ и провожаютъ со всѣми возможными учтивостями.

От 23 числа, изъ Веймара.

Я пріѣхалъ сегодня въ столицу нашей Маріи Павловны. Ея здѣсь нѣтъ. Ежелибъ не спѣшилъ я ѣхать въ главную квартеру, то остался бы здѣсь на сутки, и сходилъ къ герцогу. Но это задержитъ меня долго; и такъ полагаю завтра съ свѣтомъ вдругъ отселѣ уѣхать. — Скажу тебѣ нѣчто смѣшное: въ правомъ боковомъ карманѣ коляски моей . . . . [1]).

Здѣсь узналъ я, что главная квартера должна быть уже далеко, и мнѣ надобно еще долго тащиться за нею. Къ сему присовокупилось еще и то досадное обстоятельство, что мнѣ опять придется ѣхать по худымъ проселочнымъ дорогамъ, потому что черезъ Эрфурхтъ (который отселѣ двѣ мили), по причинѣ пребыванія въ немъ Французовъ, проѣхать нельзя; а большая дорога идетъ черезъ него. Сверхъ трудности и безпокойства такого пути, боюсь еще, чтобъ лошадей не замучить, тѣмъ пуще, что въ иныхъ мѣстахъ ни за какія деньги корму для нихъ доставать не можно; а со мною тринадцать лошадей! шесть у меня, четыре у моихъ чиновниковъ, и еще со мною три козака. — По дорогѣ, ѣхавъ сюда, повстрѣчали мы много плѣнныхъ Французовъ, которыхъ, какъ сказываютъ, въ разныхъ стычкахъ при погонѣ за ними, брали. — Узнавъ, что здѣсь находятся Ланская и Раевскій (одна для дѣтей, а другой потому что раненъ), я сходилъ ихъ навѣстить. — Мнѣ, слава Богу, лучше. Что будетъ впередъ, а теперь вотъ уже третій день, какъ грудь и голова моя свободнѣе. Прощай, мой другъ, до завтра. Но когда отправлю къ тебѣ это письмо? Богъ знаетъ.

---

[1]) См. стр. 226 и 227, въ примѣч.

От 24 числа, изъ Ильма.

Я переѣхалъ сегодняшній день не болѣе четырехъ съ половиною миль, и пожалѣлъ лошадей ѣхать далѣе. Нѣкоторые совѣтовали мнѣ, для избѣжанія проселочной дороги ѣхать изъ Веймара на Готу . . . . [1]).

Прощай, мой другъ; ты будешь скучать, что давно не получаешь отъ меня писемъ; но чтожъ мнѣ дѣлать? вотъ и всякій день пишу, да послать не съ кѣмъ.

Отъ 25 числа, изъ деревни Шмидефельдъ.

Не достаетъ терпѣнія ѣхать по здѣшнимъ дорогамъ! Куда думаешь въ однѣ сутки поспѣть, туда въ трое не пріѣдешь. Сегодня ѣхали мы по горамъ, по грязи, по рытвинамъ, по дремучему лѣсу (Thüringer-Wald), и едва перетащились три мили. Не могу надивиться какимъ образомъ проходило здѣсь наше войско съ артиллеріею и всѣми припасами! Австрійцы видно не дураки: сами пошли по большой дорогѣ, а насъ пустили по этой, вѣрно въ томъ намѣреніи, чтобъ имъ первымъ придти въ Франкфуртъ; но Русь перемудритъ! — Завтра, говорятъ, дорога будетъ еще хуже. Отправляясь изъ Праги, я думалъ дня черезъ четыре быть въ главной квартерѣ; но вмѣсто того теперь уже девять дней ѣду, а объ ней еще и слуху нѣтъ, гдѣ она. Вообрази какъ скучно и досадно! Я уже не жалуюсь на качанье и толчки, а только и желаю, чтобъ коляска моя и лошади вынесли. Да благодарю Бога, что въ силахъ я сталъ покрѣпче и не чувствую прежнихъ моихъ страданій. Прощай. Завтра надобно приготовиться къ новому и право для моихъ лѣтъ тяжелому труду.

Отъ 26 числа, изъ деревни Мейнингенъ.

Вотъ, мой другъ, когда я началъ это письмо къ тебѣ писать, то мнѣ казалось однаго листочка довольно, а теперь ужъ четвертый начинается. — Часть сегодняшней дороги была такая, что трудно было выбрать, въ коляскѣ-ли сидѣть хуже, или пѣшкомъ идти. Насилу въ три съ половиною часа переѣхали мы верстъ около восьми, и рады были, что напослѣдокъ дотянулись до деревнишки, гдѣ я отдохнулъ у мужика, очень добраго, который . . . . [2]).

Я не знаю скоро-ли окончу свое путешествіе: ѣзжу по слѣдамъ главной квартеры, и нигдѣ не могу получить о ней поря-

---

[1]) См. стр. 227.

[2]) См. стр. 228.

дочнаго свѣденія. Она всякій день подвигается впередъ, и когда догоню ее, не вѣдаю. Отселѣ выѣхала она уже восемь дней тому назадъ. Право и самъ измучился и лошадей измучилъ. Прощай.

От 27 числа, изъ деревни Нидлингенъ.

Наконецъ изъ Мейнингена поѣхали мы по большой, довольно хорошей дорогѣ. Удивительно какъ пріятно кажется и легко ѣхать по хорошей дорогѣ, послѣ того какъ долгое время ѣхалъ по весьма худой! Конецъ однакожъ сегодняшняго путешествія былъ не совсѣмъ спокойный. Проѣзжая одно мѣстечко, показалось намъ рано еще остановиться . . . .[1]). Вотъ, мой другъ, я назвалъ хозяина своего пастора говоруномъ; а самъ больше его наболталъ. Отъ праздности нечего было дѣлать, какъ разсказывать пустошь. — Прощай! время пришло спать ложиться.

Отъ 28 числа, изъ деревни Бергтгеймъ.

Приходилось было опять своротить въ сторону и ѣхать по проселочнымъ дорогамъ; но жители здѣшніе такъ напугали насъ чрезвычайно худымъ по нимъ проѣздомъ, что мы рѣшились держаться большой дороги, хотя оная ведетъ на Вюрцбургъ, который не очищенъ еще отъ Французовъ . . . .[2]).

О главной квартерѣ ничего навѣрное не знаютъ, а сказываютъ, что она должна быть въ Франкфуртѣ: слѣдовательно еще остается мнѣ ѣхать семнадцать или осмнадцать миль. Не могши прежде знать гдѣ она, и ѣздя по слѣдамъ ея, сдѣлали мы много крюку. Прощай, мой другъ.

Отъ 29 числа, изъ деревни Рерингенъ.

Въ Вюрцбургѣ, хотя и хотѣлось, не удалось мнѣ побывать. Не доѣзжая за милю до города, нашли мы нарочно оставленнаго русскаго чиновника . . . .[3]). Прощай, мой другъ. Богъ помилуетъ, такъ ничего худого не случится. Теперь ужъ мы навѣрное знаемъ, что главная квартера въ Франкфуртѣ.

Отъ 30 числа, изъ Ашафенбурга.

Пріѣхавъ еще засвѣтло въ здѣшній городъ я нашелъ его набитымъ всякаго рода людьми . . . .[4]).

---

[1]) См. стр. 228 и 229.

[2]) См. стр. 229.

[3]) См. стр. 229 и 230.

[4]) См. стр. 230.

Напослѣдокъ послѣ труднаго путешествія приближился я къ главной квартерѣ, и надѣюсь завтра тамъ быть. Жаль, что я не былъ свидѣтелемъ, какъ государь въѣзжалъ въ Франкфуртъ: сказываютъ зрѣлище было чрезвычайное. Вотъ я угадалъ, написавъ тебѣ изъ Шмидефельда, что Русь перемудритъ: не взирая на худыя дороги, по которымъ войска наши должны были идти, они не отстали отъ Австрійцевъ, и нашъ государь первый въѣхалъ въ городъ. — Наконецъ мы на берегу Рейна, не далѣе четырехъ сотъ верстъ отъ Парижа, слѣдственно гораздо ближе къ нему, нежели Французы были отъ Петербурга; и если бы русскій императоръ былъ столько же властолюбивъ и жестокъ, какъ Наполеонъ, то бы въ Парижѣ отъ страха не знали куда дѣться. Я думаю и теперь тамъ не безъ трепета. Славно, очень славно! а лучше коли бы миръ. Приведетъ-ли Богъ услышать это утѣшительное слово. По сіе время ничего еще о томъ не слышно. Что будетъ впредь! Прощай, мой другъ. Сонъ клонитъ.

Отъ 1 числа ноября, изъ Франкфурта на Майнѣ.

Вчера послѣ полудня пріѣхалъ я въ здѣшній городъ, гдѣ нашелъ въ соединеніи всѣ главныя квартеры, и встрѣченъ былъ вдругъ тремя непріятностями: первое, что по сю пору живу на улицѣ и не добьюсь квартеры; самъ кое-какъ другую ночь ночую у Ожеровскаго; а ни чиновникамъ моимъ, ни людямъ, ни лошадямъ нѣтъ пристанища. Ежели сегодня не найдутъ, то завтра принужденъ буду жаловаться самому государю. Второе, что вчера, почти вмѣстѣ съ моимъ въѣздомъ въ городъ, поѣхалъ отселѣ курьеръ, и такъ сіе длинное письмо должно еще оставаться до другого курьера. Третье, что я послалъ провѣдать, не лежатъ-ли какія ко мнѣ письма; принесли много, но отъ тебя, мой другъ, ни однаго. Сказываютъ, что иныя отправлены ко мнѣ въ Прагу; вѣрно въ томъ числѣ и твои, которыя такимъ образомъ или очень поздо придутъ назадъ, или совсѣмъ пропадутъ. Я во всю дорогу льстился по пріѣздѣ получить твои письма, но обманулся, и былъ тѣмъ очень опечаленъ. — Сегодня поутру былъ я у государя; онъ принялъ меня весьма милостиво, приказалъ мнѣ написать извѣстіе о сраженіи подъ Лейпцигомъ, и обѣщалъ пустить съ дѣлами, которыхъ накопилось у меня очень много. Не знаю изберетъ-ли на то время, потому что занятіямъ и суетамъ здѣшнимъ нѣтъ конца. Весь городъ наполненъ императорами, королями, владѣтельными князьями, принцами, герцогами; а о министрахъ, генералахъ, и проч., уже и говорить нечего. — Между тѣмъ не подумай, мой другъ, чтобъ здѣсь мнѣ было весело. Я бы

24*

дома въ своей горницѣ, даже никуда не выходя, былъ тысячу разъ спокойнѣе и счастливѣе. Недавно ѣхалъ я на дрожкахъ, и кучеръ мой, который меня возитъ, вздохнулъ тяжело. Я спросилъ его: о чемъ ты вздыхаешь? онъ отвѣчалъ мнѣ: *далеко, батюшка, заѣхали!* Признаюсь, что и я съ нимъ вздохнулъ. Богъ милостивъ къ намъ; Онъ возвелъ насъ на верхъ славы и чести; но не знаю, остановимся ли мы на томъ. Надобно бы остановиться; всему должна быть мѣра и предѣлъ. Можетъ быть въ старыхъ лѣтахъ человѣкъ бываетъ больше робокъ и остороженъ, но какъ бы то ни было, я больше боюсь иногда счастія, нежели несчастія, потому что несчастіе насъ умудряетъ, а счастіе ослѣпляетъ. Тогда я въ полной мѣрѣ почувствую себя благополучнымъ, когда увижу добрый и скорый конецъ. До тѣхъ поръ скука не перестанетъ послѣдовать за мною. Стеченіе людей, различіе умовъ, кипѣніе страстей, все это держитъ душу мою между страха и надежды, и чѣмъ долѣе мы будемъ оставаться здѣсь (а особливо если пойдемъ далѣе), тѣмъ больше безпокойство мое будетъ умножаться. Мы все сдѣлали не только для себя, но и для другихъ: возвратили имъ и силу и права; теперь ихъ дѣло удерживать то, а не наше, — иначе дѣло будетъ безъ конца. — Прощай, мой другъ, я заговорился.

Отъ 2 числа.

Ну, мой другъ, за шестой листъ принимаюсь. Читай не лѣнися. — Сегодня встрѣчали прусскаго короля. Пропасть разныхъ войскъ было въ парадѣ. Три царя ѣхали верхами. Четвертый (баварскій) пріѣзжалъ съ визитомъ къ государю. А сколько еще князей! у всякаго дворъ, министры, генералы, а у этихъ секретари, адъютанты..... Подумай какая куча! скачутъ, бѣгаютъ, верхомъ, въ каретахъ, пѣшками. А тутъ маршируютъ, барабанятъ, кричатъ ура. Всѣ въ лентахъ, въ звѣздахъ, въ шишакахъ съ высокими перьями. Коли бы я былъ Саша, какъ бы меня это увеселяло! но теперь на все это смотрю я не только съ равнодушіемъ, даже съ скукою. — Очень доволенъ, что за пожданье отвели мнѣ хорошую квартерку. Хоть не больше одной горницы, да покрайней мѣрѣ раззолоченая, и вся уставлена прекрасными картинами. Сегодня здѣсь и театръ и концертъ, однакожъ я сижу дома, даже и въ клобъ здѣшній, который очень хвалятъ, не удалось еще зайти. Надобно писать, и покуда не окончу своей работы, гулять некогда. — Давичъ былъ у меня Казначеевъ. Онъ нынѣ адъютантомъ у Сабанеева [1]). Разсказывалъ, какъ онъ рыцарствовалъ на

[1]) Генералъ-лейтенантъ Иванъ Васильевичъ Сабанеевъ былъ въ то время назначенъ начальникомъ штаба всѣхъ армій.

Лейпцигскомъ полѣ, и что подъ нимъ убили лошадь, о которой онъ весьма сожалѣетъ. Прощай, мой другъ; пять часовъ не схожу съ мѣста, — все пишу. Голова кружится.

От 3 числа.

Сегодня пріѣхалъ изъ Петербурга курьеръ, выѣхавшій 14 числа прошедшаго мѣсяца. Вотъ какъ далеко мы забрались, что курьеры ѣдутъ 18 дней! Я было обрадовался, увидя его; думалъ, что онъ привезъ мнѣ отъ тебя письма; но нѣтъ, ихъ не было. Стану ожидать другого, авось либо тотъ привезетъ. Между тѣмъ приготовлю отправить свое. Думаю, что завтра или послѣ-завтра кто нибудь отселѣ посланъ будетъ. Сегодня былъ я въ театрѣ и въ клобѣ: театръ посредственной величины, но такъ хорошо устроенъ, что понравился мнѣ лучше всѣхъ доселѣ мною видѣнныхъ. Актеры изрядные. Ложи и партеръ наполнены были одними военными людьми. Женщинъ почти совсѣмъ не было. Клобъ также очень хорошъ, и точно на такомъ же основаніи, какъ нашъ англинскій. Собираются всякій день, играютъ въ вистъ, въ бостонъ, на биліардѣ; читаютъ газеты; но учреждено лучше и порядочнѣе нашего: лучше тѣмъ, что тутъ найдешь всѣ возможные журналы и вѣдомости; а порядочнѣе тѣмъ, что кругомъ сдѣланы шкапы съ полочками, и надъ каждою полочкою надпись, какія вѣдомости на ней лежатъ. Когда я вошелъ въ клобъ, то мнѣ показалось, что я въ Петербургѣ, потому что въ какую горницу ни войду, всякая наполнена русскими офицерами, такъ что между ими малое число здѣшнихъ жителей почти непримѣтно. — Наполеонъ пишетъ, что онъ подъ Лейпцигомъ насъ разбилъ, и что хотя бѣгущая армія его имѣла видъ побѣжденной, однакожъ она была побѣдоносная. Пускай его пишетъ что хочетъ, лишь бы намъ возвратиться домой. Надоѣло, крѣпко надоѣло здѣсь таскаться и не знать, когда будетъ этому конецъ.

Отъ 4 числа.

Я обѣдалъ за гофмаршалскимъ столомъ, и сейчасъ пришелъ домой. Тамъ услышалъ я вѣсть весьма меня опечалившую. Сказываютъ, что князь Кудашевъ умеръ [1]. Онъ былъ раненъ въ колѣно, и оставался въ Лейпцигѣ. Какъ жаль, ежели это правда! Оттуда получено письмо, въ которомъ объ этомъ пишутъ. Бѣдная Катерина Михайловна! какой для нея ударъ! А въ немъ какая была надежда! всѣ единогласно говорятъ, что въ немъ войско лишилось отличнаго и прехрабраго генерала, въ которомъ со

[1] См. стр. 338.

временемъ могъ бы процвѣсти искуснѣйшій полководецъ. Да и въ общежитіи какой былъ добрый и пріятный человѣкъ! Проклятые Французы! сколько у насъ перебили хорошихъ людей! — Прощай, мой другъ. Сегодня городъ даетъ балъ. Любопытство влечетъ меня взглянуть на сіе собраніе: но впрочемъ скучно, особливо послѣ такой непріятной вѣсти.

Отъ 5 числа.

Ну пора мнѣ кончить свое письмо, которое почти уже цѣлый мѣсяцъ всякій день пишу. Думаю, что сегодня придетъ за нимъ курьеръ. Запечатаю, чтобъ отдали, если и безъ меня зайдетъ. — Вчера я былъ на балѣ. Только и было добраго, что тѣсно. Однакожъ я доволенъ, что видѣлъ Блюхера, котораго прежде не видалъ. Старикъ этотъ почтенный, и заслужилъ себѣ неложную славу. Прощай, мой другъ. Сашу и Митиньку цѣлую. Приложенное здѣсь къ Ланскому отъ жены его письмо доставъ ему повѣрнѣе. Поклонись отъ меня Гаврилу Романовичу (Державину) и всѣмъ, кто обо мнѣ спроситъ. Также ежели графъ Григорій Григоріевичъ Кушелевъ въ Петербургѣ, то поклонись ему отъ меня. Остаюсь, и проч..

(Здѣсь также не достаетъ нѣкоторыхъ писемъ.)

32.

Франкфуртъ. Отъ 19 ноября (1813).

Другъ мой Д. А.! Я получилъ твои письма, и вѣрющее письмо при семъ посылаю. Въ письмѣ къ Семену Семеновичу Филатову я писалъ обо всемъ. Здѣсь не стану повторять для того, что курьеръ, сказали, скоро отправляется; Филатовъ покажетъ тебѣ свое письмо. Притомъ же я вчера и сегодня не очень хорошо себя чувствую. Хотя на ногахъ, и хожу, но боюсь, что ежели не будетъ лучше становиться, то принужденъ буду сидѣть дома и приняться за лѣкарства. Прощай. Съ будущимъ курьеромъ стану къ тебѣ писать. Остаюсь, и проч..

P. S. — Письма къ Захарову и Филатову запечаталъ, но чуть ли не забылъ подписать число; не помню. — Распечатывать не хочется.

33.

Франкфуртъ. Отъ 22 ноября (1813).

Другъ мой Д. А.! Послѣднее мое письмо къ тебѣ было очень короткое. Хотя мнѣ и хотѣлось поговорить съ тобой подолѣе, но во-первыхъ я спѣшилъ написать оное по причинѣ скораго отправленія курьера, а во-вторыхъ я уже другой день не очень

хорошо себя чувствовалъ, и потому торопился лечь въ постелю. Недолго я полежалъ, какъ стало мнѣ становиться хуже и хуже, такъ что я ночью не зналъ куда дѣваться. Сдѣлались во всей внутренности моей страшныя боли, которыя едва давали мнѣ дышать. На разсвѣтѣ послалъ я за докторомъ Велье. Онъ пришелъ ко мнѣ и прописалъ лѣкарство. Два дни я мучился. Теперь нѣсколько отдало и мнѣ стало получше; но все еще не проходитъ, и время отъ времени тѣже боли возвращаются. Грустно, мой другъ, быть въ такой отдаленности, хворать, и не видать конца ни болѣзнямъ, ни безпокойствамъ. Обрадуешься побѣдѣ; думаешь, что дѣло идетъ къ развязкѣ; не тутъ-то было, — оно еще пуще завязывается. Помышляй опять о походахъ. Таскайся больной съ мѣста на мѣсто безъ всякой въ это время въ тебѣ надобности. Вотъ ужъ нѣсколько дней лежу я одинъ въ горницѣ, никто не зайдетъ провѣдать. — Сегодня услышалъ я о смерти Ивана Дмитріевича Денисьева. Онъ былъ раненъ и умеръ въ Лейпцигѣ. Жаль его! Сказываютъ былъ предобрый человѣкъ и очень любимъ въ своемъ полку. Проклятая эта война сколько беретъ жертвъ! Недавно писали изъ Дрездена (который нынѣ очищенъ отъ Французовъ, но не очищенъ отъ занесенныхъ ими болѣзней), что тамъ въ шесть дней умерло тысяча пятьдесятъ человѣкъ жителей. Все это наполняетъ душу мою мрачными мыслями и можетъ быть служитъ къ умноженію моихъ припадковъ. Прощай, мой другъ.

На другой день.

Сегодняшнюю ночь я очень худо спалъ: боли не давали уснуть. Однакожъ поутру сдѣлалось опять лучше. Впрочемъ я не ослабъ, хотя уже дня съ четыре ничего кромѣ нѣсколькихъ ложекъ супу не ѣмъ. Сегодня государь присылалъ ко мнѣ спросить о здоровьѣ. Хотя это есть не иное что, какъ обыкновенное заведеніе, однакожъ оно рѣшило меня послать къ нему нѣкоторую написанную мною бумагу, въ которой изъявляю я мысли мои о нынѣшнемъ нашемъ положеніи[1]). Я написалъ ее скоро по пріѣздѣ моемъ сюда, и хотѣлъ самъ отдать; но не могши имѣть случая быть у него, наконецъ рѣшился отослать. Ожидаю или покрайней мѣрѣ думаю, что не навлеку на себя гнѣва; ибо если я и несогласно со многими думаю, или если образъ мыслей моихъ и не есть образъ его мыслей, то однакожъ можно видѣть, что я отъ единаго усердія моего къ нему и къ отечеству сіе пишу. Слѣдовательно еслибъ онъ и нашелъ мнѣніе мое не дѣльнымъ,

---

[1]) См. стр. 238—243.

или противурѣчащимъ его намѣреніямъ, или съ политическими видами несходнымъ, то однакожъ въ вину мнѣ онаго кажется поставить не за что. Впрочемъ что бы такое изъ того ни послѣдовало, но покрайней мѣрѣ я въ совѣсти моей останусь спокоенъ, что я въ такое время, когда надобно, мыслей моихъ отъ него не потаилъ. Прощай, мой другъ.

На третій день.

Сегодня я спалъ лучше, и хотя чувствовалъ нѣкоторыя біенія въ груди, однакожъ боли становятся рѣже и проходятъ. Кажется теперь бумага моя должна дойти до государя: не знаю только прочтена-ли она. Хотя я очень увѣренъ, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ чистаго моего усердія къ общей пользѣ, но со всѣмъ тѣмъ безпокоюсь. Вотъ какъ тяжело говорить съ царями! Льстецы никогда безпокойствъ сихъ не чувствуютъ, потому что они напередъ увѣрены въ пріятномъ пріемѣ того, что они скажутъ. Но когда не о благосклонномъ принятіи помышляешь, а даешь волю чистосердечному чувствъ своихъ изліянію, то и опасаешься, чтобъ послѣ не сказать самому себѣ: кто тебя спрашивалъ говорить правду? Но какъ бы то ни было, я ни въ какомъ случаѣ раскаяваться не буду. — Слухъ носится, что мы скоро отселѣ поѣдемъ, а въ какую сторону и зачѣмъ, то обыкновенно послѣ открывается. Прощай, мой другъ.

Въ четвертый день.

Не знаю что подумать? Сегодня поутру пришелъ ко мнѣ графъ Толстой, и сказалъ, что онъ присланъ отъ государя провѣдать о моемъ здоровьѣ и спросить, въ какое время удобнѣе могу я принять его, потому что его величество самъ сбирается ко мнѣ зайти. Между тѣмъ графъ Толстой винилъ доктора Велье, что онъ недавно только сказалъ о томъ, что я боленъ. — Я отвѣчалъ, что мнѣ лучше, и если государю угодно, я смогу къ нему придти. Однакожъ графъ повторялъ, что онъ самъ ко мнѣ будетъ. Вскорѣ послѣ того присланъ былъ отъ государя фельдъегерь навѣдаться, гдѣ я живу. Такимъ образомъ приготовился я принять его. Приготовленіе сіе состояло только въ томъ, что я надѣлъ сертукъ. Цѣлый день ждалъ, но не имѣлъ счастія его увидѣть; а только посѣтилъ меня графъ Аракчеевъ и еще нѣкоторые генералы. Необыкновенному посѣщенію сему должна быть какая нибудь причина. Не знаю чему приписать желаніе государя придти ко мнѣ: честь, которой ни по какимъ обстоятельствамъ не могъ я ожидать. Бумага-ли моя, посланная къ нему отъ меня, тому причиною, или что иное? но кажется ничему иному быть не

можно. Если же бумага, то я этому очень радъ; ибо это знакъ, что онъ ее принялъ милостиво, и не подосадовалъ за то, что я, безъ всякаго у меня о томъ вопроса, осмѣлился изъявлять мои мысли, можетъ быть для насъ и полезныя, но для союзниковъ нашихъ вѣрно неугодныя. — Ну прости, мой другъ. Все у меня грудь какъ будто чѣмъ налита. Пойду, лягу въ постелю почитать. Скоро ужъ и спать пора.

Въ пятый день, т. е. отъ 26 числа.

Сегодня опять графъ Толстой приказывалъ мнѣ сказать, что государь изволилъ спрашивать обо мнѣ; и Велье также приходилъ сказать, что онъ съ подробностью разспрашивалъ его о моей болѣзни и заботился чтобъ меня хорошо лѣчили. Все это показываетъ его ко мнѣ благорасположеніе. Но что мнѣ дѣлать, мой другъ? Я чувствую, что мое здоровье отчасу больше разстроивается, и что я не могу выносить трудностей похода. Главная квартера безпрестанно перемѣняетъ мѣста. Чтожъ будетъ, коли я слягу въ постелю, такъ что не въ состояніи буду ѣхать? Останусь въ какомъ нибудь чужомъ, или еще непріятельскомъ мѣстѣ, въ какой нибудь деревнишкѣ; останусь одинъ, совершенно одинъ, безъ всякаго призрѣнія и помощи. Признаюсь тебѣ, что эта мысль меня убиваетъ. И что мнѣ предпріять? попросилъ бы государя, чтобъ онъ меня уволилъ, если не въ Россію, такъ покрайней мѣрѣ въ какой нибудь городъ, въ Берлинъ или въ Варшаву, гдѣ бы я при слабомъ моемъ здоровьѣ могъ сколько нибудь быть въ покоѣ; но вижу по всему, что такая просьба моя будетъ ему непріятна; онъ и въ Прагу, какъ мнѣ казалось, неохотно меня отпустилъ; и я бы не желалъ навесть ему собою какую-нибудь непріятность. Я совершенно здѣсь въ праздности и ни къ чему не нуженъ; но можетъ быть онъ думаетъ, что *иногда* я понадоблюсь, и для того держитъ меня. Я бы и радъ хоть въ цѣлый годъ одну минуту быть полезенъ, ежели бы здоровъ былъ. Но теперь чтожъ мнѣ отчасу больше себя разстроивать, и считая на предбудущее время, не знать, доживуль я до него? А ежели Богъ дастъ, что я опять буду покрѣпче и посвѣжѣе, то могу возвратиться въ главную квартеру и все то сдѣлать, что онъ прикажетъ. Даже и въ отсутствіи могъ бы я то исполнять; стоило бы только прислать ко мнѣ нарочнаго курьера. — Не вѣдаю, мой другъ, что мнѣ дѣлать. Ахъ! прошу Бога, чтобъ онъ меня наставилъ. Прощай. Кикинъ тебѣ кланяется; онъ сейчасъ у меня былъ и поѣхалъ къ своему мѣсту.

От 27 числа.

Вчера, и также сегодня поутру ожидалъ я имѣть счастіе увидѣть у себя государя, но кажется, что уже онъ не будетъ. Не знаю что значитъ и намѣреніе его придти ко мнѣ, и отложеніе сего намѣренія. Хитростей придворныхъ не проникнешь! Между тѣмъ я писалъ къ графу Толстому, что хотя я не выхожу, однако ежели государю угодно будетъ меня видѣть, то я придти къ нему во всякое время смогу. Но какъ присылки за мной никакой нѣтъ, то я и сижу дома, удивляясь, отчего вдругъ такъ загорѣлось, и такъ простыло. — Сегодня, противъ самыхъ моихъ окошекъ, балъ у Уварова[1]), на которомъ всѣ цари и принцы. — Мнѣ получше, то есть болей нѣтъ, однако все еще грудь тѣснитъ. Прощай. Пошлю провѣдать скоро-ли отправляется курьеръ. Между тѣмъ позѣваю немного на съѣздъ, на бальные огни, и лягу спать.

От 28 числа.

Сегодня получилъ я твое письмо отъ 5-го ноября. Вотъ, мой другъ, ты пишешь ко мнѣ о томъ же, о чемъ и я къ тебѣ пишу. Видишь какъ мое положеніе непріятно. Я теряю свое здоровье, спокойствіе; не отъ меня зависитъ быть дѣятельнымъ и полезнымъ (а что отъ меня, того я никогда не пропускаю), и совсѣмъ этимъ наживаю себѣ худое имя! даже и того утѣшенія не имѣю, чтобъ назвать несправедливыми тѣхъ, которые меня винятъ. Они правы, и могутъ по наружности судить, что я самъ уклоняюсь отъ исполненія моихъ обязанностей. И такъ остается мнѣ одна отрада, что Богъ видитъ и мои чувствованія и мою невинность. Въ Прагѣ я жилъ не для того, чтобъ *зарыться въ богемскихъ книгахъ и все забыть.* Вотъ какъ и самая невинная и небезполезная склонность моя обращается мнѣ въ вину! Чтожъ мнѣ было дѣлать? развѣ бы лучше было таскаться и со вредомъ самому себѣ быть въ совершенной праздности? Однимъ словомъ, мой другъ, я очень несчастливъ, и несчастливъ страннымъ образомъ! Чувствую (и скажу не для хвастовства), что имѣю умъ, добрую душу, люблю государя (и можетъ быть ему самому угоденъ), усерденъ къ отечеству; но со всѣмъ тѣмъ не могу приносить такой пользы, какую бы приносить желалъ. Скорѣе самъ себѣ могу быть вреденъ, нежели полезенъ другимъ. Но оставимъ объ этомъ разсуждать. Пора кончить мое письмо. Сказываютъ се-

---

[1]) Ѳедоръ Петровичъ Уваровъ, извѣстный своею храбростью генералъ, командовалъ гвардейскимъ корпусомъ и былъ членомъ государственнаго совѣта.

годня отправляется курьеръ, такъ надобно поспѣшить отослать, чтобъ не уѣхалъ. Изъ писемъ твоихъ я не вижу, чтобъ ты получила мое письмо изъ Праги, которое послалъ я, помнится, съ Чагинымъ. Судя по времени, кажется надлежало бы тебѣ давно уже его получить. Прощай. Будь здорова. Остаюсь и проч..

P. S. — Здѣсь великія княгини Екатерина Павловна и Марія Павловна. Я у нихъ часто обѣдаю. Онѣ ко мнѣ очень милостивы. Забылъ тебѣ сказать, что я поутру былъ у государя; извинялся, что осмѣлился послать къ нему мои разсужденія. Онъ отвѣчалъ мнѣ: — „Напротивъ, я очень доволенъ; и хотя по моимъ расположеніямъ не то буду дѣлать, однакожъ нахожу въ немъ много правды.“

34.

Фрейбургъ, въ герцогствѣ Баденскомъ. Отъ 12 декабря (1813).

Другъ мой Д. А.! Я писалъ къ тебѣ съ Федоромъ Петровичемъ Опочининымъ, который третьягодня отправился изъ Карлсруге *). Я пріѣхалъ сюда сегодня поутру. Не могу тебѣ ничего сказать о себѣ добраго. Во всю дорогу чувствовалъ внутри страданіе и теперь тоже. Иную ночь сплю, иную нѣтъ. Ѣмъ одинъ супъ съ хлѣбомъ и больше ничего. Иногда слабъ, иногда покрѣпче. Не вѣдаю какъ мнѣ съ этимъ здоровьемъ пускаться далѣе; да и въ Вѣну или въ Берлинъ (куда я прошуся) не близко; притомъ же это все не домой. И такъ я при болѣзни моей еще и очень грустенъ. Хотя и говорятъ мнѣ, что государь соглашается меня уволить, однакожъ я сегодня у него былъ; онъ тоже мнѣ сказалъ, что и прежде: — „Ты больше мыслями боленъ; Велье тебѣ пособитъ.“ — Изъ этихъ словъ я не вижу, чтобъ онъ соглашался. А право моей мочи нѣтъ ѣздить. По несчастію государь не вѣритъ мнѣ и приписываетъ мою болѣзнь мыслямъ; но какія мысли, когда я съ утра до вечера страдаю, часто по ночамъ не сплю, и какъ тѣнь шатаюсь? — Прощай, мой другъ. Давно ужъ не получаю отъ тебя писемъ. Да какъ и получать часто, заѣхавши такъ далеко!

На другой день.

Сегодня, мой другъ, я получилъ твои письма, вдругъ много, да только не изъ Петербурга, а изъ Лондона: вотъ какое онѣ путешествіе сдѣлали! Александръ Дмитріевичъ Балашовъ прислалъ ихъ всѣ ко мнѣ. Хотя уже онѣ отъ давнихъ чиселъ, однакожъ я обрадовался получа ихъ, для того что новыхъ не получаю.

---

*) Письма сего не достаетъ.

О Сашѣ я уже писалъ къ тебѣ, и отдалъ на твою волю; надѣюсь, что ты мое письмо получила. Я считалъ, что Балашовъ проѣдетъ изъ Англіи въ Петербургъ, однакожъ онъ пишетъ ко мнѣ, что возвращается назадъ въ главную квартеру; только забылъ подписать число въ письмѣ, и потому не знаю, гдѣ его теперь считать; вѣрно уже на возвратномъ пути. — Съ Опочининымъ послалъ я къ тебѣ два свои миніатюрные портрета, которые Кикинъ въ Прагѣ принудилъ меня списать. Говорятъ, что похоже написаны. Ихъ было пять. Кикинъ, Ивашевъ и графиня Витгенштейнъ, оставили у себя по одному. Съ графинею познакомился я въ Прагѣ, и послѣ того видался съ нею въ Франкфуртѣ. Она препочтенная женщина. Съ графомъ же, мужемъ ея, въ первый разъ познакомились мы въ Франкфуртѣ, въ театрѣ. Онъ смѣялся мнѣ и говорилъ: — „Что это значитъ? мы только теперь лишь знакомимся, а у жены моей давно ужъ вашъ портретъ?“ — Я отвѣчалъ ему: — „И мнѣ хотѣлось имѣть ея портретъ, да за скорымъ отъѣздомъ не успѣли списать.“ — Я опасаюсь, мой другъ, что какъ на портреты мои не успѣлъ я сдѣлать рамокъ, то краска сотрется, и ты получишь ихъ поврежденными. Хотя Федоръ Петровичъ и положилъ ихъ въ книгу, но я не думаю, чтобъ при безпрестанномъ движеніи въ такой далекой дорогѣ, они уцѣлѣли. Еще послалъ я съ нимъ къ тебѣ двѣ или три сткляночки духовъ, да хрустальныя чашечки для надѣванія на свѣчки. Ты можетъ быть удивишься, что я посылаю къ тебѣ такія мелочи, но я уже писалъ однажды, что побольше ничего послать нельзя: всякаго обременишь посылкою; и такъ хотѣлось хоть что-нибудь послать. Не знаю, которое изъ сихъ писемъ скорѣе дойдетъ до тебя, то ли что съ Опочининымъ, или это. — Перечитывая лондонскія письма твои, въ одномъ нашелъ я, что ты очень въ скучномъ расположеніи его писала, и говоришь, что причиною этому мои письма, изъ которыхъ ты примѣчаешь, что я скучаю, и еслибъ мнѣ было веселѣе, то бы и ты была спокойнѣе. — Я самъ это чувствую, мой другъ, но чтожъ мнѣ дѣлать? худое здоровье мое, далекій заѣздъ, и неизвѣстность когда возвратимся, — все это наполняетъ душу мою мрачностью, и мысли мои по-неволѣ тѣмъ же мракомъ отзываются. Впрочемъ не подумай, чтобъ я скучалъ по какимъ нибудь неудовольствіямъ на мое званіе; хотя я отъ него и удовольствій никакихъ не имѣю, но на это я не смотрю; и коли бы здоровъ былъ, такъ бы никогда о томъ и не подумалъ: переносилъ бы и трудъ и безпокойство, не помышляя о наградахъ за мою службу и утѣшаясь только тѣмъ, что судьба въ эту

достопамятную войну доставила мнѣ способъ оказать отчасти извѣстныя, отчасти же неизвѣстныя услуги мои отечеству. Но полно объ этомъ. — Какой сегодня день на письма! Сейчасъ принесли отъ тебя еще письмо отъ 15 ноября. Почти мѣсяцъ какъ оно писано. Вотъ какъ долго не доходятъ! да и мудрено ли? Я теперь недалеко отъ тѣхъ итальянскихъ городовъ, по которымъ ѣздилъ молодымъ офицеромъ, около сорока лѣтъ тому назадъ. Думалъ-ли я по прошествіи столькаго времени еще къ нимъ приближиться?

Отъ 15 числа.

Сегодня погода очень хороша. Я вышелъ проходиться, и теперь лишь пришелъ домой. Очень усталъ, однакожъ чувствую себя нѣсколько получше. Не знаю долго-ли мы здѣсь пробудемъ; кажется недолго. Прилагаю при семъ Шварценбергово провозглашеніе къ Французамъ. Изъ этого ты увидишь, что мы идемъ во Францію. Въ двѣнадцатомъ году Французы были въ Россіи, а въ началѣ четырнадцатаго Русскіе будутъ во Франціи. Не замѣшкались гостямъ отплатить посѣщеніе! Дай Богъ, чтобъ мы имъ нанесли меньше вреда, чѣмъ они намъ, и чтобъ мы были счастливѣе у нихъ, нежели они у насъ. Вотъ, мой другъ, какъ иногда вещи неожидаемо сбываются: въ тотъ день, какъ я ѣхалъ изъ Петербурга, слышу, кто-то спросилъ у моего Петрушки: куда вы ѣдете? онъ отвѣчалъ: куда? — въ Парижъ! Я разсмѣялся тогда его отвѣту; а теперь думаю: Петрушка пророкъ, угадалъ куда ѣдемъ. И правду сказать, доѣдемъ-ли, нѣтъ-ли, а близко подъѣхали, и можетъ легко случиться, что и доѣдемъ. Но со всѣми помышленіями о Парижѣ, еслибъ Богъ умилостивился надъ нами и велѣлъ намъ ѣхать во-свояси, такъ бы это было гораздо лучше. Пусть ихъ Парижъ останется цѣлъ, и пусть они хвастаютъ гнусною славою, что сожгли Москву. Русь-матка пріобрѣла получше ихъ славу: она за зло заплатила добромъ, не сожгла ни однаго ни города ни селенія, и всѣхъ тѣхъ, которые приходили наносить намъ вредъ, грудью своею освободила отъ ига. Вотъ истинная слава! за то медаль 12-го года ставлю я выше всѣхъ орденовъ на свѣтѣ.

Тогожъ числа ввечеру.

Давишней прогулкой былъ я очень доволенъ. Это былъ почти первый день, въ который не было ни сырости, ни тумана. Я ходилъ по дорогамъ и зашелъ въ одинъ огородъ, гдѣ увидѣлъ довольно свѣжей зелени. Ежели бы все такіе дни были, такъ бы здѣшній декабрь похожъ былъ на нашъ май; но это рѣдко слу-

чается; а по большей части бываетъ такая погода, что вмѣсто морозовъ стоятъ туманы, дожди и слякоть. — Сейчасъ посылалъ я провѣдать, не отправляется-ли курьеръ. Пришли сказать, что нѣтъ еще, а можетъ быть дня черезъ два поѣдетъ. И такъ остается еще время продолжать мое письмо. Здѣсь (да почти и вездѣ) живемъ мы очень скучно, а особливо я; не выхожу никуда и сижу почти всегда цѣлый день одинъ. Право, кромѣ хворости, часто отъ одной скуки голова кружится. Прощай, мой другъ; десятый часъ; пойду лечь въ постелю.

Отъ 17 числа.

Вчера я не писалъ къ тебѣ; день также былъ хорошъ, и я выходилъ прогуливаться. Увидѣлъ въ окнѣ Коновницына [1]), который меня зазвалъ, и я отъ него смотрѣлъ, какъ виртембергскія войска входятъ въ городъ. А когда пришелъ домой, то пришли мнѣ сказать, что Александръ Дмитріевичъ Балашовъ пріѣхалъ. Ввечеру онъ былъ у меня, и мы очень обрадовались, увидясь другъ съ другомъ. Онъ хотѣлъ тотчасъ отселѣ ѣхать въ Петербургъ, но теперь кажется останется еще здѣсь недѣли на двѣ. Я завидую ему: онъ имѣетъ уже позволеніе, а я нѣтъ, и получить не надѣюсь. Ты, мой другъ, въ письмахъ своихъ жаловалась все на Прагу, и тужила для чего я не въ главной квартерѣ; а я тужу совсѣмъ о противномъ. Ежели я принужденъ буду тащиться въ непріятельскую землю, то не знаю могу-ли быть спокойнымъ. Теперь я хоть нездоровъ и слабъ, однако могу бродить и помогать себѣ лѣкарствами, не опасаюсь нападенія, не окруженъ врагами; а тамъ ежели случится, какъ то случилось въ Прагѣ и потомъ въ Франкфуртѣ, занемочь до того, что нѣсколько дней съ постели встать не могъ, то надобно будетъ или не взирая ни на какое состояніе ѣздить за главною квартерою, которая какъ птица часто улетитъ не знаешь куда, или остаться гдѣ нибудь одному на жертву непріятелю. Не воображать этого нельзя; а воображать при слабомъ здоровьѣ, — не есть средство къ укрѣпленію онаго. И такъ и это не безъ правды, что я мыслями боленъ, да только тѣмъ хуже для меня, что и настоящимъ образомъ и мыслями страдаю. Ты опять найдешь мое письмо печальнымъ, да чтожъ мнѣ дѣлать? Ну стану говорить что-нибудь повеселѣе: дни съ три я чувствую себя немного получше. Завтра здѣсь балъ; ко мнѣ принесли билетъ, и хотя бы я и смогъ идти, однакожъ думаю

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Коновницынъ, впослѣдствіи военный министръ, главный директоръ кадетскихъ корпусовъ и графъ.

что не пойду. — На случай отлучки моей отъ главной квартеры, просилъ я, чтобъ выдали мнѣ жалованье серебромъ (какъ всѣмъ даютъ), почему и велѣли мнѣ оное выдать. Сихъ денегъ придется мнѣ получить около шести тысячъ ассигнаціями, что все сдѣлаетъ не больше 450 червонныхъ; но я ужъ и этому радъ, потому что еслибъ и случилось отстать отъ главной квартеры, такъ по крайней мѣрѣ на нихъ нѣкоторую часть дороги сдѣлать могу; а безъ того ни самому жить, ни лошадей кормить было бы нечѣмъ.

Отъ 18 числа.

Сегодня опять я очень скученъ: давно отъ тебя писемъ не имѣю, и не знаю что думать. Сейчасъ приходилъ курьеръ съ посторонними письмами. Я спросилъ нѣтъ-ли еще ко мнѣ писемъ? говоритъ нѣтъ. — „Когда ты поѣхалъ изъ Петербурга?“ — „Перваго декабря.“ — А я (сверхъ присланныхъ изъ Лондона) другихъ отъ тебя писемъ, кромѣ однаго отъ 15 ноября, никакихъ не имѣю. Нельзя чтобъ ты слишкомъ двѣ недѣли не писала ко мнѣ. Кудажъ дѣваются твои письма? Какъ-нибудь, мой другъ, ты ихъ не такъ посылаешь, какъ должно. Вчера пріѣхалъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ[1]) и прислалъ ко мнѣ также постороннее письмо, а отъ тебя нѣтъ. Я не видалъ еще его самаго и не могъ спросить, видѣлся-ли онъ съ тобою? Очень скучно! На всѣ мои письма, которыя посылалъ я по пріѣздѣ моемъ въ Франкфуртъ, не получилъ еще отъ тебя отвѣтныхъ, и не знаю дошли ли онѣ до тебя.

Отъ 19 числа.

Наконецъ, мой другъ, я обрадованъ полученіемъ твоего письма отъ 26 ноября. Такъ, конечно, многіе имѣютъ право меня винить, считая, что я уклоняюсь отъ должности. Но если бы они видѣли и образъ мыслей моихъ, и мое состояніе, и мои способы, то признались бы въ несправедливости своего обо мнѣ сужденія. Повѣрь мнѣ, что я въ отправленіи должности моей при самомъ строгомъ разборѣ самаго себя не чувствую въ совѣсти моей никакого упрека. Чтожъ касается до твоей очень умной (какъ ты пишешь) женщины, которая полагаетъ во мнѣ одинъ, но большой порокъ *учености,* совѣтуя мнѣ отъ него отстать, — съ этимъ, мой другъ, я не соглашусь. Она несправедливо думаетъ, будто отъ *учености,* то есть отъ занятій моихъ по сей части, я все на свѣтѣ забываю. Ученость не приводитъ въ забвеніе обязан-

---

[1]) Генералъ-адъютантъ, впослѣдствіи графъ; состоялъ нѣкоторое время при великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ; потомъ былъ начальникомъ военноучебныхъ заведеній и петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ.

ностей честности, иначе почиталъ бы я ее и самъ порокомъ. Это правда, что ученость отводитъ отъ исканія дорогъ къ исполненію своихъ желаній, но за то, кто занимается исканіемъ сихъ путей, того желанія рѣдко бываютъ хороши. Скажи ты отъ меня этой женщинѣ, что въ ней *одинъ только порокъ, но очень большой,* тотъ, что она смотритъ на ученость несправедливыми глазами, или не въ такомъ видѣ, какъ должно, вещь сію себѣ представляетъ. *Ежели она отброситъ эту несправедливую мысль, то будетъ совершенна.* Ученіе не гремитъ, но оно полезно; война гремитъ, но провались она! Ежелибъ истребить всѣхъ ученыхъ (я не признаю учености безъ добронравія), то бы всѣ люди сдѣлались злыми невѣжами; а еслибъ истребить всѣхъ воиновъ (то есть страсть къ славѣ и корыстямъ), то бы всѣ люди жили въ тишинѣ. Я думаю одно другого лучше. И такъ порокъ-ли ученость во мнѣ, или нѣтъ, но я этого порока не брошу. Онъ не приноситъ пользы, и можетъ быть дѣлаетъ еще вредъ моему состоянію, но приноситъ пользу моей душѣ. *Будьте мудри яко зміи, и цѣли яко голуби,* говоритъ священное писаніе. — Впрочемъ, мой другъ, я уже неоднократно повторялъ тебѣ, что эта женщина и всѣ другіе хорошіе люди правы, что такъ обо мнѣ думаютъ; но и я правъ, утверждая, что они обманываются. Но полно объ этомъ. — Здѣсь нѣтъ ни Кикина, ни Казначеева, и войски всѣ по разнымъ мѣстамъ, то я и не могу справиться о дѣтяхъ Татьяны Федоровны, а когда справлюсь, то отпишу и тебя увѣдомлю. Приложенное при семъ письмо отдай Петру Алексѣевичу Обрѣскову[1]), а ежели его уже нѣтъ въ Петербургѣ, то попроси князя Алексѣя Ивановича Горчакова[2]), чтобъ онъ переслалъ къ нему. Я писалъ къ Обрѣскову о дѣлѣ нашихъ крестьянъ: ему оно извѣстно, и онъ же начальникъ въ Межевой, то и ты переписаться съ нимъ о томъ можешь. Я началъ давичъ поутру къ тебѣ писать, а оканчиваю теперь ввечеру, спѣша отослать, потому что курьеръ, сказываютъ, скоро отправленъ будетъ. Прощай. Остаюсь и проч..

35.

Фрейбургъ. Отъ 23 декабря (1813).

Другъ мой Д. А.! Дни съ три тому назадъ, какъ я писалъ къ тебѣ, запечаталъ письмо и отослалъ; но между тѣмъ, какъ начинаю къ тебѣ опять писать, слышу, что прежнее мое письмо

---

[1]) Сенаторъ, сынъ извѣстнаго посла нашего въ Константинополѣ, Алексѣя Михайловича.

[2]) Родной племянникъ Суворова; былъ въ то время военнымъ министромъ.

лежитъ еще здѣсь, потому что курьеръ не былъ отправленъ. И такъ ты получишь отъ меня съ однимъ курьеромъ два письма. Мнѣ, благодарю Бога, стало немного получше, хотя время отъ времени чувствую тоже, но не такъ сильно. Слабъ и не могу много ходить, однакожъ имѣю позывъ на пищу и сплю хорошо. Сегодня былъ я у государя съ дѣлами. Онъ очень милостиво со мною разговаривалъ, такъ что я не могу воздержаться, чтобъ тебѣ того не пересказать. Во-первыхъ онъ совѣтовалъ мнѣ что въ моей болѣзни дѣлать должно. Говоритъ: — „Положи себѣ за непремѣнное правило всякій день поутру и послѣ обѣда ходить, и никакъ этого не пропускай; также ѣзди на дрожкахъ." — Я отвѣчалъ: — „Дрожекъ у меня нѣтъ; а ходить много я не могу, — скоро устаю." — „Нужды нѣтъ (продолжалъ онъ): сядь, отдохни, зайди куда нибудь въ домъ, и опять поди; соусовъ не кушай, а съѣшь кусокъ хорошей говядины, или жаркого, и выпей рюмку хорошаго вина." — „Это я все дѣлаю, государь." — „Не сиди много за бумагами и не имѣй тревожныхъ мыслей, а старайся всегда себя развеселять." — На это я отвѣчалъ: — „Нельзя, государь, при моей болѣзни и теперешнихъ обстоятельствахъ, иногда не тревожиться: мы середи зимы идемъ въ непріятельскую землю, гдѣ и здоровому человѣку предстоятъ труды и опасности; а я безпрестанно боленъ и часто принужденъ лежать въ постелѣ. Какимъ образомъ въ семъ состояніи могу я гоняться за главною квартерою? а отставать отъ ней было бы всѣми образами подвергать себя опасности: быть безъ всякой помощи, переносить холодъ, непогоды, и еще всякую минуту ожидать, что попадусь въ руки къ непріятелю. Можно-ли, государь, въ такихъ обстоятельствахъ быть спокойну и не имѣть тревожныхъ мыслей?" — „Да, это правда; но чтожъ ты сдѣлать хочешь?" — „Позвольте мнѣ ѣхать въ Вѣну или въ Берлинъ." — „Нѣтъ, это очень далеко; останься въ Базелѣ." — „Помилуйте, государь! я лучше поѣду за вами. Отъ Базеля въ двухъ или трехъ верстахъ непріятельская крѣпость. Войска оттуда уйдутъ. Я останусь одинъ. Почему знать, что Французы въ такой близости какъ нибудь меня не схватятъ и не отвезутъ къ Наполеону. Имъ безсомнѣнія имя мое извѣстно: они знаютъ, что, хотя и по вашему повелѣнію, но я писалъ манифесты; ктожъ за Наполеона поручится, чтобъ онъ не простеръ на меня своего мщенія?" — „Такъ поѣзжай въ Виртембергъ." — „Я исполню ваше повелѣніе, но тамъ никого нѣтъ Русскихъ; ко двору и никуда я ѣздить не могу: и такъ долженъ буду всегда сидѣть одинъ дома, въ совершенной скукѣ."

— „Хорошо, я подумаю. Теперь мнѣ надобно идти. Прощай.“ — Съ симъ отвѣтомъ его величества, поклонясь, вышелъ я вонъ. Въ передней горницѣ были многіе, и между прочими докторъ Велье. Государь вышелъ, и увидя его и меня стоящихъ вмѣстѣ, спросилъ у него, могу-ли я продолжать походъ? Велье отвѣчалъ, что болѣзнь моя требуетъ постояннаго лѣченія, какого наблюдать въ походѣ никакъ не можно. Государь сказалъ ему на то съ нѣкоторою досадою: — „Это ваша обыкновенная уловка, сбывать съ рукъ своихъ тѣхъ больныхъ, за которыми много ходьбы.“ — Примѣчая, что государю не угодно меня далеко отпустить, я придумалъ одинъ случай, который при разговорѣ съ нимъ не пришелъ мнѣ въ голову. По сей причинѣ остался я тутъ дожидаться его возвращенія. Онъ пришелъ, и я велѣлъ ему доложить, что на минутку прошу позволенія къ нему войти. Онъ приказалъ. Я вошелъ и говорю: — „Государь! прикажите мнѣ ѣхать къ Екатеринѣ Павловнѣ.“ — „Къ сестрѣ?“ — „Да, государь; она, какъ я слышалъ, располагается жить въ Швейцаріи. Я при ней буду отъ главной квартеры близко; могу скоро получить всякое ваше повелѣніе, и для меня будетъ гораздо лучше и покойнѣе.“ — На это онъ изволилъ мнѣ сказать: — „Вотъ это ты очень хорошо вздумалъ. Она теперь въ Шафгаузенѣ; я скоро туда поѣду, и самъ поговорю съ нею о тебѣ: дамъ ей наставленіе какъ тебя лѣчить и чѣмъ кормить.“ — Я поблагодарилъ его за такое милостивое обо мнѣ попеченіе, и теперь думаю ѣхать въ Шафгаузенъ, гдѣ можетъ быть и останусь. Вотъ, мой другъ, что я вдобавокъ къ прежнему моему письму хотѣлъ тебѣ сказать. Сегодня пріѣхалъ сюда прусскій король. Сакенъ, при переходѣ черезъ Рейнъ, имѣлъ дѣло: побилъ, говорятъ, и въ плѣнъ взялъ до двухъ тысячъ Французовъ и съ ними шесть пушекъ. Крѣпость Торгау сдалась. Вотъ всѣ недавнія здѣсь новости. — Скажи Надеждѣ Никитишнѣ, что Горяиновой сына велѣно опредѣлить въ пажи, и я послалъ уже государево о томъ повелѣніе къ князю Голицыну. Поклонись также отъ меня Гаврилѣ Романовичу и скажи, что вдовѣ Гетте (Баженова дочери), о которой онъ ко мнѣ писалъ [1]), государь пожаловалъ пенсіонъ, полное жалованье ея мужа. Вотъ, мой другъ, когда открывается случай, такъ я не забываю, и ученость не мѣшаетъ мнѣ ходатайствовать по просьбамъ; а какъ нѣтъ ни случая, ни возможности, такъ и отвѣчать нечего. О Грессершиной просьбѣ также рѣшено, только съ нѣкоторымъ за-

---

[1]) См. стр. 328.

мѣчаніемъ, что у нея братъ и родня не убоги. — Я осмѣлился также напомнить о Бакуниной и Кутузовой. Государь мнѣ изволилъ сказать: — „Да, я виноватъ; забылъ написать къ матушкѣ; вели графу Толстому мнѣ напомнить.“ — О чемъ я тотъ же часъ и сообщилъ его сіятельству письменно. — И такъ, мой другъ, я сегодняшній день очень доволенъ, что много дѣлъ рѣшено. Ежелибъ радость мою видѣли тѣ, которые меня бранятъ, они бы сказали: напрасно мы его бранимъ; онъ дѣлаетъ что можетъ, и столько же радуется благополучію другихъ, сколько своему собственному. — Сейчасъ былъ у меня Казначеевъ, и сказывалъ мнѣ объ одномъ сынѣ Татьяны Федоровны, что онъ его видѣлъ: здоровъ; а о другомъ не знаетъ, потому что онъ не въ здѣшнихъ войскахъ.

От 24 числа.

Я посылалъ за прежнимъ моимъ письмомъ, чтобъ это вложить въ него; но сказали, что курьеръ уже уѣхалъ. Между тѣмъ я получилъ твое письмо отъ 1-го и 2-го декабря. Ты пишешь въ немъ много о Сашѣ, что онъ хоробрится быть воиномъ, и опасается, что не онъ, а другіе возьмутъ Парижъ. Скажи ему отъ меня, что онъ можетъ у себя въ горницѣ построить изъ картузной бумаги большой городъ, назвать его Парижемъ, и приступать къ нему всякое утро. Онъ робенокъ и мечтаетъ пустое. Онъ не созрѣлъ еще для воинской службы. Придетъ время, — наслужится. Какъ съ этихъ лѣтъ начнетъ однимъ своимъ желаніямъ и разсужденіямъ вѣрить, такъ пропадетъ какъ червь, и заразясь самолюбіемъ много отъ этого яда пострадаетъ. Я думаю лучше бы съ нимъ ничего не начинать, покуда, Богъ дастъ, мы возвратимся. Тогда бы я поискалъ случая пустить его въ военное ремесло. Вотъ я очень сожалѣю, что не взялъ его съ собою. Путешествіе наше послужило бы ему въ пользу и открыло путь къ нѣкоторому началу службы. Но могъ-ли я предузнать куда мы ѣдемъ? — По письму Булгари я буду стараться сдѣлать что можно, только опять ни времени назначить, ни обѣщать ничего не могу. — Приложенное при семъ письмо отошли по надписи, или отдай Александру Семеновичу Хвостову. — Кажется мы здѣсь недолго пробудемъ. Если я отлучусь отъ главной квартеры, то конечно не буду имѣть такъ часто случая къ тебѣ писать; однакожъ надѣюсь время отъ времени находить случай. А чтобъ твои письма до меня доходили, то попрошу, чтобъ ихъ ко мнѣ пересылали. Вѣрнѣе же всего посылай ихъ къ графу Аракчееву, и не худо, коли напишешь къ нему отъ себя письмо, чтобъ онъ сдѣлалъ

25*

тебѣ одолженіе, доставлялъ письма твои ко мнѣ, какъ скоро будетъ случай. Прощай, мой другъ; поклонись отъ меня Марьѣ Савишнѣ. Ты давно не писала ко мнѣ здоровы-ли онѣ. Остаюсь и проч..

36.

Нейштадтъ. Отъ 27 декабря (1813).

Другъ мой Д. А.! Сегодня выѣхалъ я изъ Фрейбурга, откуда писалъ къ тебѣ два раза. Вчера поѣхалъ государь въ Шафгаузенъ, гдѣ Екатерина Павловна. Садясь въ коляску и примѣтя меня, онъ изволилъ сказать мнѣ: — „Я твоего дѣла не позабуду.“ — Онъ пробудетъ тамъ три дни; и такъ я надѣюсь еще тамъ его найти. Проѣхавъ три съ половиною мили, остановился я ночевать; и какъ еще очень рано, то намѣренъ я провести вечеръ въ заочныхъ съ тобою разговорахъ. Изъ послѣдняго письма твоего примѣтилъ я, что ты довольна была длиннымъ моимъ письмомъ, писаннымъ во время путешествія моего изъ Праги въ Франкфуртъ. Изволь, мой другъ, я радъ угождать тебѣ такими разсказами. Начнемъ съ *сентиментальностей:* хотя съ Фрейбургомъ разстался я безъ пролитія *каплющихъ слезъ,* однакожъ съ довольнымъ сожалѣніемъ. Горница была у меня тамъ хорошая, теплая, и услуга прекрасная. Особливо я люблю видѣть простоту и чистосердечіе. Подлѣ меня жилъ самъ хозяинъ съ хозяйкою и пятерыми малыми дѣтьми. Люди предобрые. Поутру лишь только я проснусь, дверь отопрется, и либо они придутъ ко мнѣ, либо я къ нимъ. И какъ я въ первые дни почти не выходилъ изъ своей горницы, то мнѣ и очень пріятно было съ ними бесѣдовать, и видѣть домашнее ихъ обращеніе. Только иногда жалко было смотрѣть на бѣдную хозяйку . . . .[1]).
Въ самомъ дѣлѣ въ продолженіе двухъ недѣль пребыванія моего у нихъ, она четыре раза по цѣлому дню была въ постелѣ, и сказываютъ въ это время очень тоскуетъ и мучится. За нѣсколько дней передъ отъѣздомъ моимъ, умеръ у сестры ея мужъ. Сестра эта приходила къ нимъ, и всякій, кто бы ихъ увидѣлъ вмѣстѣ, подумалъ бы, что у этой умеръ мужъ, а не у той. — Ну полно; кажется я довольно тебѣ наговорилъ о фрейбургскихъ моихъ хозяевахъ. — Однако еще скажу: надо мною жилъ французскій генералъ, эмигрантъ, старикъ лѣтъ осьмидесяти. Онъ также часто составлялъ нашу бесѣду. Предобрый человѣкъ, и безпрестанно

---

[1]) См. стр. 257 и 258.

меня навѣщалъ. На дорогу снабдилъ меня очень хорошимъ виномъ, лѣкарствомъ, конфетами, и всякой всячиной. — Еще одно случилось здѣсь примѣчанія достойное. Здѣсь (т. е. въ Фрейбургѣ) жилъ весьма извѣстный нѣмецкій стихотворецъ Якоби . . . .
. . . .[1].

Напослѣдокъ скажу тебѣ нѣчто и о дорогѣ: я сегодня ѣхалъ черезъ такъ называемую *Гёллемсталь*. Подлинно адская долина! дорога узкая между превысокими по обѣимъ сторонамъ горами, изъ которыхъ иныя стоятъ какъ стѣна прямы, иныхъ же вершины кажется висятъ надъ головою. Страшно ѣхать, того и смотришь, чтобъ сверху не упалъ на тебя камень или дерево; ибо онѣ покрыты лѣсомъ. Двумъ встрѣтившимся повозкамъ нельзя разъѣхаться. А сказываютъ, что въ прежнюю войну Французовъ съ Цесарцами, Моро съ войсками тутъ прошелъ, и Цесарцы не могли, но вѣроятнѣе не смѣли или не хотѣли его удержать. Впрочемъ зрѣлище величественное, особливо думаю лѣтомъ; но теперь все въ снѣгу, который не знаю долго-ли пролежитъ, а ничуть не меньше нашего. — Ну пора перестать. Прощай, мой другъ. Покойная тебѣ ночь, и я иду спать.

От 28 числа, изъ Донауэшингъ.

Переѣхавъ такъ называемый *Черный лѣсъ* (Schwarz-Wald), гдѣ много дѣлаютъ деревянныхъ часовъ, я пріѣхалъ сюда къ обѣду и остался ночевать. Здѣсь находится наша казна, и почти всѣ русскія женщины, которыя за нами ѣздятъ. Послѣ обѣда, начальствующій здѣсь господинъ генералъ-маіоръ Ивановъ предложилъ мнѣ проѣхаться на дрожкахъ. Мы поѣхали съ нимъ и встрѣтились съ катающимися на саняхъ нашими барынями Емельяновою и Яворскою. Потомъ заѣхали къ графинѣ Барклай-де-Толли, у которой я просидѣлъ съ часъ. Потомъ смотрѣли колодезь или ключъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка Дунай. Ключъ сей обдѣланъ камнемъ, вода въ немъ очень чистая, и рѣка начинаетъ течь изъ него по маленькому жолобу, который такой ширины, что можно его перешагнуть; и всякій это дѣлаетъ, дабы послѣ сказать, что онъ шагалъ черезъ Дунай. Городокъ здѣсь маленькій, однакожъ въ немъ Фирштенбергской принцессы довольно изрядный дворецъ съ нѣсколькими каменными зданіями и садами, которые сказываютъ лѣтомъ прекрасны, но теперь покрыты столь же глубокимъ снѣгомъ, какъ и у насъ. Когда я возвратился домой, то есть къ генералъ-маіору Иванову (ибо я у него присталъ), то сказали мнѣ,

---

[1]) См. стр. 256 и 257.

что сегодня будетъ театръ, на которомъ играютъ нѣмецкую оперу *волшебная флейта* (Zauber-Flöte) . . . . [1]. Вотъ тебѣ сегодняшнее мое похожденіе. Завтра надѣюсь быть въ Швейцаріи. Прощай.

От 30 числа, изъ Шафгаузена.

Пріѣхавъ сюда я узналъ, что всѣ мои намѣренія разрушились: великая княгиня ѣдетъ въ Ольденбургъ, слѣдовательно мнѣ съ нею ѣхать нельзя. Очень далеко. Сегодня поутру велѣлъ я доложить о себѣ государю. Онъ приказалъ меня позвать и сказалъ мнѣ съ милостивымъ и веселымъ видомъ: — „Ну вотъ, обстоятельства перемѣнились: сестра не остается здѣсь и ѣдетъ въ Ольденбургъ. Какъ же ты теперь думаешь?“ — Я отвѣчалъ, что теперь не остается мнѣ другого, какъ ѣхать за нимъ въ Базель. На это онъ изволилъ сказать: — „Ступай туда, держись около насъ.“ — Вскорѣ послѣ сего онъ отселѣ отправился. Отъѣздъ его возвѣщенъ былъ пушечною пальбою и колокольнымъ звономъ. Откланявшись ему, я поѣхалъ смотрѣть славный здѣшній на Рейнѣ водопадъ. Но какъ вода теперь мала, то и видъ его былъ не столь величавъ. Мнѣ понравилось видѣть его въ темнишникѣ (камера обскюръ), построенномъ на берегу; только также нынѣшній зимній день не довольно для сего ясенъ. — Послѣ обѣда былъ я у великой княгини. Она завтра поутру отселѣ ѣдетъ, и я тоже. Государь, сказываютъ, не долѣе двухъ сутокъ пробудетъ въ Базелѣ. Мнѣ хочется его тамъ застать. Самъ не знаю, останусь-ли я тутъ, или далѣе за нимъ поѣду. Прощай. Пора ложиться спать. Завтра надобно поранѣе выѣхать.

Отъ 31 числа, изъ Лауфенбурга.

Не хорошо ѣздить въ Швейцаріи. Давно слыхалъ я о дороговизнѣ здѣшнихъ трактировъ, но все воображалъ лучше. Не пробывъ двухъ сутокъ и ничего почти не спрашивая, кромѣ чашки кофію, одной бутылки вина и корму лошадямъ, я долженъ былъ заплатить слишкомъ двадцать червонныхъ. Чтожъ если бы мнѣ случилось прожить мѣсяца два въ этомъ Шафгаузенѣ! Да пусть бы городъ былъ какой славный и домъ прекрасный, а то городъ хуже деревни, и домъ не лучше избы! — Я переѣхалъ сегодня шесть миль, и завтра надѣюсь быть въ Базелѣ. Завтрашній день государь съ гвардіею переходитъ черезъ Рейнъ. Прошлаго года въ этотъ же самый день переходили мы черезъ Нѣманъ за гра-

---

[1] См. стр. 260.

ницу. А я сегодня съ часъ тому назадъ переѣхалъ уже черезъ Рейнъ. Все ѣхалъ по правому его берегу, а теперь поѣду по лѣвому. Сегодня я опять чувствую себя хуже. Можетъ быть простудился: холодно, и во весь день шелъ снѣгъ. Прощай, мой другъ, до будущаго года.

От 1-го генваря (1814 года), изъ Базела.

Поздравляю тебя, мой другъ, съ новымъ годомъ. Дай Богъ, чтобъ ты его благополучно провела. А я не хорошо его встрѣчаю. Весь день сегодня чувствовалъ внутреннія боли и страданія. Спѣшилъ скорѣе пріѣхать, чтобъ полежать въ постелѣ и отдохнуть; но и тутъ долженъ былъ очень долго ждать, покуда отвели мнѣ квартеру. Не знаю что съ собою дѣлать: вижу, что нуженъ мнѣ покой и надобно лѣчиться; а здѣсь я ни того, ни другого не могу имѣть, и долго ли сіе состояніе продлится, Богъ знаетъ. Притомъ же такъ теперь холодно и сыро на дворѣ и въ горницѣ, что никакъ невозможно уберечься отъ простуды. По крайней мѣрѣ хотя бы это холодное время могъ я провести, не таскаясь по дорогамъ; но какъ и гдѣ остаться? здѣсь невозможно: не очень къ намъ усердны, да сверхъ того и непріятельская крѣпость въ двухъ верстахъ отселѣ. Скучно мнѣ, мой другъ, при моей хворости, быть въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Не могу ни о чемъ къ тебѣ писать пріятномъ, и для того лучше перестану, чтобъ тебѣ не наводить грусти. Прощай, мой другъ.

Отъ 2 числа.

Холоды стоятъ здѣсь такіе же какъ и у насъ: сегодня двѣнадцать градусовъ морозу. Сказываютъ завтра ѣдутъ отселѣ далѣе. Передовыя войска наши давно уже вступили во Францію. Я не видалъ государя, и не могъ у него спросить о себѣ. Но врядъ поѣду-ли далѣе. Хотя дорого жить и скучно оставаться одному, да чтожъ дѣлать? какимъ образомъ ѣздить съ моимъ худымъ здоровьемъ, и въ такой коляскѣ, въ которой я даже прилечь не могу? Болѣзнь моя хуже, нежели бы я лежалъ въ постелѣ: тогда выздоравливая сталъ бы приходить въ силы; а теперь хотя брожу и на ногахъ, но какъ тѣнь шатаюсь, и отчасу больше слабѣю. Пріѣхавъ сюда и дожидая, покуда отведутъ квартеру, я не могъ усидѣть въ коляскѣ: голова закружилась, и такъ сдѣлалось дурно, что я принужденъ былъ просить, чтобъ хоть на полчаса пустили меня въ какую нибудь комнату, гдѣ бы я хотя на полу могъ полежать и отдохнуть. Насилу добился до этого. Мимо самыхъ оконъ моихъ проходили полки и разъѣзжали цари, но я не могъ и головы поднять. Послѣ того стало лучше, но лучше только то,

что имѣю силы бродить. Еще не рѣшился, куда ѣхать; но здѣсь не останусь. Думаю, что поѣду въ Карлсруге. Туда будетъ императрица. По крайней мѣрѣ тамъ найду кого нибудь своихъ, прибѣгну къ докторамъ, и буду имѣть хотя ту отраду, что не станутъ въ сырость и стужи таскать изъ одного мѣста въ другое. — Давно уже не получалъ отъ тебя писемъ. — Давичъ пошли мы съ Тимковскимъ немного проходиться и зашли въ лавку. Я хотѣлъ что-нибудь купить для тебя. Тутъ нашли мы нашу графиню Аламбертъ [1]). Она присовѣтовала мнѣ купить и выбрала нѣкоторыя вещи. Я ихъ купилъ, но когда могу послать, не знаю. Прощай, мой другъ.

От̀ъ 3 числа.

Сегодня взманили меня идти посмотрѣть здѣшнюю библіотеку . . . . [2]).

Оттуда возвратясь былъ я обрадованъ полученіемъ твоего письма отъ 9 декабря. Ты, мой другъ, пишешь, скоро-ли будетъ конецъ этой войнѣ? Ахъ! какъ бы я того желалъ! Кажется по всѣмъ обстоятельствамъ надобно скоро быть концу. Наши уже на половинѣ дороги отсель къ Парижу. Вчера отъ Платова пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что онъ двадцать офицеровъ и тысячу рядовыхъ взялъ въ полонъ. Должно быть скоро или миру, или послѣдней битвѣ, послѣ которой (ежели мы будемъ имѣть успѣхъ) Парижъ будетъ въ нашихъ рукахъ. Ты пишешь еще, чтобъ я не тревожилъ себя мыслями. Нѣтъ, мой другъ, я со стороны положенія и дѣлъ нашихъ спокоенъ; но здоровьемъ плохъ, и затѣмъ думаю, что за главной квартерой не поѣду. Нѣтъ мочи таскаться. Завтра надѣюсь увидѣть государя, и сказать ему, что я ѣду въ Карлсруге. Безсомнѣнія онъ позволитъ остаться тамъ на нѣсколько времени въ покоѣ и посовѣтовать съ докторами. Можетъ быть оттуда нельзя будетъ часто писать, — ты этимъ не безпокойся, мой другъ. А какъ скоро будетъ случай, то я не пропущу. Мнѣ бы самому очень не хотѣлось отставать отъ главной квартеры по многимъ причинамъ: первое, я вижу, что государю угодно было бы, чтобъ я ѣхалъ за нимъ, и я бы съ радостью желалъ исполнить его волю. Второе, надобно думать, что война конечно идетъ къ концу, и я бы не хотѣлъ, бывши всю кампанію вмѣстѣ, отлу-

---

[1]) Вѣроятно графиня Юлія Михайловна де-Ламбертъ, рожденная Дѣева, жена генералъ-адъютанта гр. Карла Осиповича де-Ламбертъ.

[2]) См. стр. 261.

читься при окончаніи ея. Но съ другой стороны, вотъ ужъ два мѣсяца, какъ я чувствую въ здоровьѣ своемъ раэстройку, думая что пройдетъ, а между тѣмъ не проходитъ и часъ отъ часу больше умножается; пользовать же меня въ походѣ и некому и невозможно, потому что трехъ дней на мѣстѣ не удастся пробыть. — Все это меня тревожитъ, и развѣ тогда только перестанетъ меня безпокоить, когда скажутъ, что ѣдемъ въ Россію. Хотя дорога и очень далека, и также (если не поправится мое здоровье) будетъ для меня тяжела, но по крайней мѣрѣ тогда всякая миля, которую я проѣду, станетъ меня утѣшать, что приближаюсь къ дому. Только скоро-ли этого дождешься? Одни переговоры, буде и начнутся, долго протянутся. — Ну прощай, мой другъ; спѣшу запечатать письмо. Завтра ѣдетъ отселѣ Жеребцовъ[1]), я съ нимъ хочу его отправить. — Я радъ, что къ тебѣ ѣдутъ гости. Поклонись имъ отъ меня. Дѣтей поцалуй. Василію Семеновичу Хвостову[2]) скажи, что я письмо его получилъ, и душевно желалъ бы о немъ похлопотать, но вотъ какія обстоятельства, что я принужденъ отлучаться; а когда и вмѣстѣ ѣзжу, то случаи ходатайствовать о чемъ либо очень рѣдки. Пожалуйста не сокрушайся, мой другъ, ежели паче чаянія не найду скоро случай къ тебѣ писать. Очень долго продолжиться это не можетъ; но я говорю *долго*, потому что прежде ты чаще получала отъ меня письма. Прощай. Будь здорова. Остаюсь, и проч..

Отъ 4 числа.

Письмо было уже отослано; я взялъ назадъ и распечаталъ, чтобъ приписать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ. Сегодня поутру пошелъ я со двора съ тѣмъ, чтобъ показаться государю и сказать ему, ежели можно будетъ, о моемъ намѣреніи. Онъ идучи отъ обѣдни увидѣлъ меня на крыльцѣ и обернувшись ко мнѣ сказалъ: — „Мнѣ есть надобность съ тобой поговорить.“ — Я пошелъ за нимъ, дожидался, и черезъ часъ времени онъ приказалъ меня позвать къ себѣ. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ былъ такъ милостивъ, что заботился о моей болѣзни, утѣшалъ меня, позволилъ мнѣ ѣхать въ Карлсруге, и прощаясь со мною сказалъ: — „Я самъ буду писать къ маргграфинѣ, чтобъ она имѣла о тебѣ попеченіе.“ — И такъ, мой другъ, онъ сейчасъ отъѣзжаетъ, а я поѣду завтра или послѣ-завтра въ Карлсруге, и буду тамъ дожидаться пріѣзда императрицына. Александръ Александровичъ Жеребцовъ, съ кото-

---

[1]) Генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ.

[2]) Сенаторъ, братъ Александра Семеновича Хвостова.

рымъ ты получишь это письмо, былъ такъ добръ, что не отрекся у меня взять небольшую къ тебѣ посылку. То что я здѣсь купилъ для тебя некогда было зашить въ клеенку: и такъ посылаю только то, что прежде было куплено въ Плаунѣ и я долго съ собою возилъ. Боюсь не изомнется-ли. Всего цѣною на двѣсти пятьдесятъ рублей ассигнаціями. Прощай, мой другъ; будь здорова. Спѣшу отослать письмо. Прощай.

37.

Мильгеймъ. Отъ 6 генваря (1814).

Другъ мой Д. А.! Я начинаю писать къ тебѣ письмо, которое можетъ быть долго пропишется, покуда не откроется случай послать оное. Сегодня, разлучась съ главною квартерою, выѣхалъ я изъ Базеля, и буду потихоньку ѣхать въ Карлсруге. Можетъ быть я уже найду тамъ императрицу. Третьягодня обѣдалъ я у князя Платона Александровича Зубова, и тамъ отдалъ письмо къ тебѣ и посылку Жеребцову, отправившемуся въ Петербургъ. Не знаю годятся-ли для тебя тѣ посланные мною женскіе наряды, которые купилъ я въ городѣ Плаунѣ на фабрикѣ. Я уже послѣ спохватился, что лучше бы просто купить кисеи, которая сказываютъ тамъ прекрасная, такъ бы ты изъ ней дѣлала что хотѣла; но я послалъ къ тебѣ шитыя платья. Однакожъ ежели онѣ для тебя не надобны, то ты можешь ихъ промѣнять на другія надобныя тебѣ вещи. — Передъ отъѣздомъ зашелъ я проститься съ княгинями Волхонскими, которыя остались въ Базелѣ. Я проѣхалъ мимо французской крѣпости Генингенъ подъ самыми пушками . . . . [1]).
Въ Базелѣ не понравилось мнѣ, и нѣтъ ни души знакомой, для того я тамъ не остался. Дорогою встрѣтился со мною англинскій статсъ-секретарь Кастельре, котораго въ главной квартерѣ давно уже ожидаютъ. Сказываютъ, что Колинкуръ уже нѣсколько дней живетъ у передовыхъ войскъ и просится къ намъ пріѣхать, но его не пускаютъ. Вотъ какъ повернулось счастіе Французовъ! Иные говорятъ, что Наполеонъ идетъ съ осмьюдесятью тысячами на Шварценберга. Можетъ быть; но если и такъ, то сіе сраженіе будетъ для него послѣднее. Я не могу надивиться, какъ Французы по сію пору могутъ ему повиноваться. Пускай прежде очарованы они были славою, что покорятъ весь свѣтъ; но теперь должны бы уже они образумиться и увидѣть, что они собою и

---

[1]) См. стр. 263.

всѣмъ отечествомъ своимъ жертвуютъ для того только, чтобъ кумиръ ихъ, Наполеонъ, не упалъ. Впрочемъ я думаю, что приверженность сію имѣютъ къ нему одни пріученные имъ къ грабежу солдаты: имъ не хочется разстаться съ такимъ повелителемъ, который, указывая на Москву, говорилъ имъ: ступайте, вотъ вамъ награда; расхищайте и грабьте ее, сколько хотите. Но народъ, не подстрекаемый симъ корыстолюбіемъ, кажется даже и къ отечеству охладѣлъ. Какая разность съ нашимъ народомъ! У насъ всякъ, кто не смогъ, бросалъ свое жилище, уходилъ, и кроясь въ лѣсахъ ополчался противъ непріятеля; а здѣсь встрѣчаютъ насъ, какъ гостей, и не слышно, чтобъ, кромѣ войскъ, кто нибудь оборонялся. Признаюсь, что я далеко былъ отъ сихъ мыслей, когда писалъ бумагу мою въ Франкфуртѣ. Я не былъ во Франціи, и не могу судить о ихъ состояніи; но въ Базелѣ всѣ наши принуждены были закупать сахаръ и кофій, по слухамъ, что уже во Франціи не найдутъ ни кусочка. Хозяинъ мой въ Фрейбургѣ сказывалъ, что многіе Нѣмцы за тѣмъ только ѣздятъ за Рейнъ, чтобъ составить счастіе свое женитьбою на Француженкѣ, потому что во Франціи нѣтъ жениховъ, — всѣ или служатъ, или убиты, и по симъ обстоятельствамъ пребогатыя дѣвушки выходятъ за самыхъ бѣдныхъ Нѣмцевъ. Вотъ до чего доведены Французы своимъ кумиромъ, а все продолжаютъ, единственно для него, и себѣ и другимъ наносить вредъ! Говорятъ, что Наполеонъ, желая устрашить и возбудить противъ насъ народъ свой, велѣлъ въ одной изъ выпускаемыхъ имъ бумагъ напечатать, что мы идемъ къ нимъ съ злобою и мщеніемъ; что мы варвары, жаримъ и ѣдимъ малыхъ ребятъ; что не имѣемъ никакого уваженія къ женскому полу; и что ежели придемъ въ ихъ землю, то смѣшаемъ нечистую кровь свою съ ихъ чистою кровью, и произведемъ въ отечествѣ ихъ варварскую породу людей. Однакожъ сіи глупыя провозглашенія, сказываютъ, произвели совсѣмъ противное дѣйствіе надъ женщинами: имъ очень хочется увидѣть этихъ варваровъ, и посмотрѣть какимъ образомъ черезъ нѣсколько времени станутъ бѣгать вокругъ ихъ маленькіе варварчики. Теперь ужъ наши далеко въ ихъ землѣ; не миновать безъ того, чтобъ у иного Француза не родился сынъ или внукъ козакъ. — На досугѣ я разшутился съ тобою и наболталъ много. Прощай покамѣстъ.

От 7 числа, изъ Фрейбурга.

Переѣхавъ три мили, я остановился ночевать у старыхъ моихъ хозяевъ, которые мнѣ были очень рады. Старикъ Французскій генералъ, о которомъ я писалъ къ тебѣ прежде, явился ко

мнѣ тотчасъ. — Я примѣчаю, что дорогою всегда мнѣ дѣлается хуже. Когда я сегодня вышелъ изъ коляски, то не смотря на малый переѣздъ такое чувствовалъ страданіе внутри, и такъ голова кружилась, что я насилу отдохнулъ, и теперь лишь стало получше. А больше всего испугалъ меня вчерашній ночлегъ. По пріѣздѣ моемъ туда сказали мнѣ, что тамъ свирѣпствуютъ болѣзни и всякій день по нѣскольку человѣкъ умираетъ. Хотя я и рано туда пріѣхалъ, однакожъ, не смотря на сію непріятную вѣсть, по слабости моего здоровья не могъ продолжать пути, и долженъ былъ тутъ ночевать. Я остановился въ трактирѣ, и принужденъ былъ спать на постелѣ, на которой можетъ быть многіе больные лежали. Это меня тревожило, но теперь, какъ стало полегче, я успокоился. Вижу, что это моя собственная, а не присталая ко мнѣ болѣзнь. Здѣсь, а особливо въ окрестныхъ деревняхъ, жалуются также на заразительныя лихорадки; да и можно-ли имъ не быть при такомъ множествѣ войскъ, безпрестанно проходящихъ?

Отъ 8 числа.

Я сегодня на день еще остался здѣсь. Старикъ эмигрантъ уговорилъ меня у него отобѣдать: накормилъ не жирнымъ, но вкуснымъ столомъ, и опять далъ мнѣ на дорогу двѣ бутылки старой, отмѣнно хорошей малаги, сказывая, что она мнѣ сдѣлаетъ добро, когда я стану пить всякій день по рюмкѣ. Обѣдъ сей былъ достоинъ примѣчанія. Мы сидѣли за столомъ трое: онъ, сестра его, дѣвушка лѣтъ за девяносто, я третій, да служила намъ также дѣвица, немного постарѣе своей барышни, такъ что всѣмъ четверымъ было намъ не съ большимъ триста двадцать лѣтъ. — Во время стола пришли сказать, что съ самаго утра слышна большая пушечная пальба. Мы отобѣдавъ пошли сами слушать, однакожъ за шумомъ вѣтра ничего не слыхали, кромѣ двухъ выстрѣловъ. Должно думать, и притомъ извѣстія подтверждаютъ, что союзныя войска приступаютъ къ крѣпости Генингенъ, о которой я третьягодня къ тебѣ писалъ, что проѣхалъ мимо ея, и также къ другой крѣпости Брисакъ, которая отселѣ миляхъ въ трехъ. — Сейчасъ пронеслись здѣсь слухи, что при Мецѣ было весьма жаркое сраженіе, въ которомъ союзныя войска потеряли до пятнадцати тысячъ человѣкъ, но что Французы разбиты и взято у нихъ сто сорокъ пушекъ. Ежели это правда, то это было послѣднее Бонапартіево усиліе, послѣ котораго Парижу не останется ничего болѣе дѣлать, какъ отворить ворота, и Бонапартію, вспомня походъ свой въ Россію, воскликнуть: *да чортъ-ли меня на галеру то носилъ!* — Признаюсь тебѣ, мой другъ, что когда

мнѣ бываетъ полегче, то я очень сожалѣю, для чего не ѣду за главною квартерою въ Парижъ; но какъ приступятъ ко мнѣ страданія и боли, то ничего не хочется, и только тужу о томъ, что не дома. — Сегодня я спалъ худо, однако никакого страданія не чувствовалъ, что бываетъ очень рѣдко. Не знаю каково опять завтра будетъ послѣ дороги. Прощай, мой другъ.

От 9 числа, изъ Герболъсгейма.

Я переѣхалъ сегодня три мили и остался ночевать. Дорогу я переношу съ трудностью; не знаю, отъ трясенія что-ли, только у меня начинаетъ голова кружиться, и я радъ — радъ, какъ подъѣзжаю къ мѣсту, гдѣ хотимъ остановиться. Со всѣмъ тѣмъ вчерашній и сегодняшній день, благодарю Бога, мнѣ гораздо лучше. Я не чувствовалъ тѣхъ внутреннихъ страданій, которыя меня чрезвычайно изнуряли. Только боюсь еще радоваться: и прежде мнѣ дѣлалось лучше, но послѣ тѣжъ самыя боли и еще пуще возобновлялись. — Дорога очень дурна: сперва было грязно, а теперь замерзло и сдѣлалось колотко. Хочется поскорѣй доѣхать, чтобъ хоть нѣсколько времени пожить на одномъ мѣстѣ и въ покоѣ. Авось либо дастъ Богъ, мои мученія пройдутъ или уменьшатся. — Писемъ отъ тебя не получаю, да и получить скоро не надѣюсь, потому что онѣ должны придти сюда черезъ главную квартеру. Между тѣмъ я однакожъ просилъ графа Аракчеева, чтобъ онъ, когда на мое имя будутъ письма, при первомъ удобномъ случаѣ присылалъ ихъ ко мнѣ. Онъ обѣщалъ, также и Балашовъ взялся о томъ навѣдываться и хлопотать.

Отъ 10 числа, изъ Оѳенбурга.

Я ночую у однаго владѣтельнаго епископа, у котораго Бонапарте отнялъ всѣ его владѣнія, и такъ можешь себѣ представить, что онъ не сокрушается о паденіи Французовъ. — На дорогѣ множество попадалось намъ Нѣмцевъ, ушедшихъ изъ Стразбурга. Сказываютъ, всякій день бѣгутъ человѣкъ по пятидесяти. Рады, бѣдные, что вырвались. — Сегодня мнѣ опять не хорошо. Хотя страданій нѣтъ, но голова кружится. Прости. Не могу долго писать.

Отъ 11 числа, изъ Бадена.

Хотя и не по дорогѣ, но я заѣхалъ сюда, чтобъ посовѣтоваться съ докторомъ о здѣшнихъ водахъ. Въ нихъ обыкновенно купаются лѣтомъ; однакожъ онъ говоритъ, что и зимою можно, только надобно быть всегда въ теплой комнатѣ. По распросѣ о моей болѣзни, онъ совѣтовалъ мнѣ пріѣхать сюда дней на десять и всякій день садиться въ ванну. Я не рѣшился еще, но ежели

и другіе доктора въ Карлсруге тоже подтвердятъ, то я нарочно пріѣду оттуда, чтобъ пожить здѣсь недѣли двѣ. Думаю, что въ это время никакихъ еще такихъ обстоятельствъ не произойдетъ, которыя бы воспрепятствовали мнѣ располагаться по моей волѣ. — Слышанныя мною въ Фрейбургѣ вѣсти о бывшемъ у Меца сраженіи по сю пору не подтверждаются, и такъ видно были пустые слухи. Между тѣмъ надобно однакожъ скоро ожидать какого нибудь происшествія. Уже многіе города и не малая часть Франціи занята союзными войсками. Необходимость требуетъ или остановить ихъ стремленіе, или помириться. Сохрани Богъ неудачи: тогда миръ опять далеко уѣдетъ.

От 12 числа, изъ Раштадта.

Я думалъ сегодня ночевать въ Карлсруге, но проѣзжая Раштадтъ услышалъ, что здѣсь живетъ графиня Витгенштейнъ, и остановился, чтобъ къ ней зайти. Отобѣдалъ у ней и просидѣлъ до вечера, такъ что уже поздо было ѣхать, и за тѣмъ остаюсь здѣсь до завтрева. Къ ней пишетъ мужъ, что при Лангрѣ было сраженіе, гдѣ Французы прогнаны, и взято у нихъ четырнадцать пушекъ. Наполеонъ стянулъ всѣ войска свои къ Шалону на Марнѣ, который миляхъ въ семнадцати отъ Парижа. Туда отъ стороны Меца идетъ Блюхеръ, а отъ стороны Трои [1] — Шварценбергъ и наши войска. Дней черезъ десять должно ожидать какого нибудь важнаго и рѣшительнаго происшествія. — Погода стоитъ холодная; выпало много снѣгу, и по Рейну идетъ такой ледъ, что переѣзжать не можно.

Отъ 13 числа.

Сегодняшнюю ночь совсѣмъ я не могъ уснуть, и поутру былъ очень слабъ: за тѣмъ не поѣхалъ; остался здѣсь и послалъ за докторомъ. Онъ прописалъ мнѣ лѣкарство, и я принялъ. Кажется искусный и хорошій человѣкъ. Къ обѣду нѣсколько мнѣ стало получше. Я послалъ сказать графинѣ Витгенштейнъ, что я здѣсь остался. Она прислала за мной карету и велѣла звать къ себѣ. Я поѣхалъ и у нея отобѣдалъ, но не ѣлъ ничего, кромѣ супу, маленькій кусокъ жареной дичи и печоное яблоко. Она по добротѣ своей безпокоясь, что я стою въ трактирѣ, велѣла у себя опростать два покоя (она живетъ въ здѣшнемъ дворцѣ) и истопить ихъ; однакожъ я не перешелъ въ нихъ: не хотѣлось на одинъ день перебираться; ибо я все думаю завтра ѣхать, ежели

[1]) Т. е. городъ Троа (Troyes), составлявшій тогда весьма важный стратегическій пунктъ.

хоть немного буду покрѣпче, и погода будетъ лучше сегодняшней. Докторъ здѣшній мнѣ полюбился. Кажется человѣкъ усердный. Покуда я былъ у графини, онъ приходилъ навѣдаться, принималъ ли я лѣкарство. Теперь ввечеру я себя чувствую получше, не знаю каково будетъ ночью. — Новаго изъ-за Рейна ничего не слыхать. — Въ здѣшнемъ дворцѣ живетъ еще прусскій принцъ, и сказываютъ занимаетъ маленькія и хорошія комнаты. Ежелибъ онъ уѣхалъ, то можетъ быть пріѣхалъ бы изъ Карлеруге сюда жить. Тамъ, говорятъ, не отводятъ квартеръ и фуража на лошадей не даютъ. — Посмотрю, если тамъ мнѣ будетъ худо жить, то пріѣду сюда: переѣздъ не великъ, только три мили. Прощай, мой другъ.

От 14 числа.

Я совсѣмъ было собрался ѣхать, но докторъ мой совѣтовалъ мнѣ остаться еще на день или на два здѣсь, чтобъ узнать какое дѣйствіе произведетъ его лѣкарство: и такъ я по совѣту его остался. Я не знаю почему, при первомъ самомъ свиданіи, пріобрѣлъ онъ мою къ себѣ довѣренность. Видъ и разговоры его мнѣ понравились. Онъ прописывая рецептъ между прочимъ сказалъ мнѣ: — „Я намѣренъ давать вамъ тѣ самыя лѣкарства, которыя помогли лѣчившемуся недавно у меня больному, страдавшему точно такими же припадками, какъ вы. Правда онъ былъ помоложе васъ; но можетъ быть и вамъ тѣжъ самыя средства помогутъ. Надобно посмотрѣть и увидѣть, какое дѣйствіе онѣ надъ вами производить будутъ. Скоро этому пособить не можно.“ — Сіе чистосердечіе его мнѣ полюбилось. — Прощай покамѣстъ.

Отъ 15 числа.

Я продолжаю оставаться здѣсь. Немножко безпокойно въ трактирѣ жить, но чтожъ дѣлать? лучше посмотрѣть что будетъ. Переѣхавъ въ Карлсруге, я долженъ буду взять другого доктора и принимать другія лѣкарства. Между тѣмъ я уже двѣ ночи гораздо лучше спалъ и днемъ чувствовалъ меньше страданій. Хотя и не могу я отнести это къ принимаемымъ и употребляемымъ мною лѣкарствамъ, потому что и прежде подобныя облегченія со мною случались, но вскорѣ таже болѣзнь опять ко мнѣ возвращалась; однакожъ можетъ быть и лѣкарство произвело во мнѣ сію перемѣну. И такъ надобно въ томъ удостовѣриться. Прервать одно лѣченіе и приняться за другое — хуже. — Скучно, что никого нѣтъ проѣзжающихъ, и что я уже никакой надежды не имѣю быть обрадованъ твоими письмами. — День сегодня былъ прекрасный. Градусовъ семь или восемь холоду, но чистый воздухъ

и солнечное сіяніе. Я по совѣту доктора ходилъ немного прогуляться. Прощай, мой другъ.

От 16 числа.

Прусскій принцъ уѣхалъ, и я перешелъ во дворецъ въ тѣ покои, въ которыхъ онъ останавливался: двѣ небольшія комнатки, примыкающія къ пустымъ большимъ заламъ. Жилище уединенное и пустое, но въ нѣсколькихъ шагахъ отъ графини Виттенштейнъ, которыя такъ для меня добра, что я не выхожу отъ ней. Сколько я ей благодаренъ! никакая близкая родственница не могла бы имѣть обо мнѣ больше попеченія. Вчера получила она отъ мужа своего письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ, что онъ прошелъ уже Нанси, и тамъ маленькій городокъ Туль съ небольшимъ гарнизономъ сдался ему безъ сопротивленія. Говоритъ, что народъ вездѣ бѣденъ, унылъ и не хочетъ защищаться. — Наполеонъ обманулся, считая русскій народъ слабымъ; а я обманулся, считая французскій народъ крѣпкимъ. Радуюсь моему заблужденію. Мнѣ казалось, что когда союзныя войска вступятъ во Францію, то держава, тщеславящаяся называться *великою*, покажетъ, что она велика. Но теперь начинаю въ томъ сомнѣваться. Хотя и сказываютъ, что Наполеонъ со всѣми своими силами стоитъ у Шалона, но Шалонъ не больше ста верстъ отъ Парижа, и наши войска уже около тѣхъ мѣстъ, идутъ не встрѣчая на пути нигдѣ сопротивленія. Чтожъ такое Наполеоновы войска? онѣ подлинно только Наполеоновы, а не французскія, потому что посреди отечества своего стоятъ, какъ въ чужой землѣ. Вотъ каково жить неправдою на свѣтѣ! Что прибыли что взлетѣлъ выше всѣхъ, и надувался какъ пузырь? Лопнулъ, и всѣ отъ него отказываются. Дѣльно! признаюсь, люблю видѣть гордость въ уничиженіи, невѣжество въ презрѣніи, и злодѣя въ поруганіи. Все кажется, что другіе смотря на то исправятся, хотя это и рѣдко служитъ кому урокомъ. — Прощай, мой другъ. Нравоученіе заведетъ меня далеко, а мнѣ пора принять лѣкарство и лечь въ постелю.

Отъ 18 числа.

Вчера я къ тебѣ не писалъ, а сегодня прислала ко мнѣ графиня спросить, не хочу-ли я проѣхаться въ Баденъ? Она вчера тамъ была и заказала обѣдъ. Хотя у меня и болѣла нѣсколько голова, однакожъ я согласился. Мы поѣхали, тамъ обѣдали и къ вечеру возвратились назадъ. Столъ былъ отмѣнно хорошо приготовленъ, но я кромѣ обыкновеннаго моего кушанья — супу и жаркого — ничего не ѣлъ. Насъ обѣдало шесть человѣкъ: графиня съ двумя дѣтьми и лѣкаремъ, да я съ полковникомъ Петру-

линымъ, который тутъ живетъ. Прости. Изъ-за Рейна ничего не слыхать.

От 19 числа.

Сегодня былъ у меня нѣкто Пруссакъ, который ѣдетъ въ главную квартеру. Я писалъ съ нимъ къ Балашову и Марченкѣ; просилъ ихъ, чтобъ они, если есть на имя мое какія письма, постарались ко мнѣ ихъ переслать. Хотѣлъ послать съ нимъ это письмо къ тебѣ, чтобъ оттуда съ ѣдущимъ курьеромъ отправили, но усумнился вѣрно-ли онъ доставитъ мои письма, и не послалъ. — Не знаю, долго-ли еще здѣсь останусь; но теперь и ѣхать некуда. Въ Карлсруге никого нѣтъ, ни знакомыхъ мнѣ, ни двора тамошняго: дворъ уѣхалъ въ Бруксаль, на встрѣчу нашей императрицы. А ѣхать въ Бруксаль не знаю какъ; тамъ, я думаю, не найдешь мѣста, гдѣ пристать, а особливо въ первые дни ея пріѣзда. И такъ не знаю что дѣлать. Между тѣмъ и разъѣзжать много я не очень смогу. Часто меня такъ прихватываетъ, что совсѣмъ не до того, чтобъ толкаться при дворѣ. Пріѣхавъ сюда, я было сталъ чувствовать себя лучше, и радовался, думая что лѣкарства мнѣ помогаютъ; но теперь опять тожъ самое стало со мною дѣлаться: и такъ видно, что это одно случайное облегченіе было. Прощай, мой другъ.

Отъ 21 числа.

Иные дни я пропускаю, не пишу къ тебѣ. Нечего писать. Новаго ничего нѣтъ. Мнѣ очень скучно. Сижу иногда по цѣлымъ суткамъ въ большомъ пустомъ домѣ одинъ одинехонекъ. Даже не могу заниматься: докторъ запрещаетъ сидѣть надъ бумагами, а ходить много я не въ силахъ, да и погоды стоятъ дурныя. Еслибъ еще не было здѣсь графини, такъ бы со скуки умереть надобно. Къ ней всякій день хожу обѣдать, но боюсь ей быть въ тягость; она учтива, не дастъ примѣтить, но она брюхата на сносѣхъ, ожидаетъ родить, и должна безпокоиться, сидѣть со мною. — Вчерашній и сегодняшній день мнѣ, слава Богу, опять лучше, такъ что я снова начинаю имѣть довѣренность къ принимаемымъ мною лѣкарствамъ. — Всѣ эти дни занимался я такою бумагою, которая не знаю будетъ-ли годиться, потому что нельзя напередъ угадать, чѣмъ кончится война, и такъ-ли кончится, какъ я въ сей бумагѣ предполагая говорю; а между тѣмъ надобно приготовить: можетъ быть вдругъ понадобится. Жаль ежели она должна будетъ инымъ образомъ быть написана![1]) Ху-

[1]) Объ этой бумагѣ, т. е. манифестѣ о взятіи Парижа, см. стр. 265, 293, 300 и 301.

дого конца конечно нельзя ожидать, но можетъ быть будетъ не такой совершенный, какой я себѣ представляю. Впрочемъ мы такъ уже далеко зашли, а дѣла въ такомъ положеніи, что жаль, достигнувъ до сего, не довершить ихъ. Сколько я прежде хотѣлъ миру, столько теперь боюсь, чтобъ онъ не сдѣлался иначе, какъ съ совершеннымъ истребленіемъ возникшаго изъ ада зла. Теперь уже не французскую землю ограничить, но французскій развратъ низложить должно. Посмотримъ что будетъ. Прощай.

От 23 числа.

Хотя я не смѣю еще радоваться, такъ моя болѣзнь меня напугала! однакожъ несравненно мнѣ лучше передъ тѣмъ, какъ я сюда пріѣхалъ. Отъ самаго Франкфурта (или почти отъ Праги), въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, я безпрестанныя чувствовалъ страданія и дурноту въ головѣ, которыя день отъ дня умножались; а теперь въ иной день совсѣмъ ихъ не чувствую, а въ иной хотя и придутъ, но черезъ часъ или два опять становится лучше. Очень я благодаренъ здѣшнему доктору. Завтра хочу ѣхать въ Карлсруге, однакожъ и тамъ не перестану поступать по его предписанію. Онъ мнѣ велитъ продолжать долѣе, хотя бы и гораздо лучше стало. — Сколько уже времени не получаю я отъ тебя писемъ! вѣрно ты уже нѣсколько разъ писала, но онѣ валяются гдѣ нибудь. Никто не пришлетъ. А какъ бы я обрадовался, если бы получилъ хоть одно! Прощай, мой другъ.

Отъ 24 числа, изъ Карлсруге.

Сегодняшній день я многими новизнами обрадованъ. Первое, собираясь поутру ѣхать изъ Раштадта, получаю отъ Кикина письмо, въ которомъ онъ увѣдомляетъ о порядочномъ разбитіи Французовъ близъ Шалона, и присылаетъ мнѣ ящикъ французскаго табаку, съ которымъ я и дѣваться куда не знаю: въ немъ сто картузовъ. Кудажъ его таскать съ собою? — Второе, лишь только я пріѣзжаю въ Карлсруге, какъ графъ Пушкинъ, встрѣчая меня, говоритъ, что сейчасъ получилъ на мое имя премножество писемъ. И подлинно премножество. Въ томъ числѣ твоихъ пять: отъ 10, 12, 17, 20 и 23 декабря. Въ одномъ изъ нихъ ты отвѣчаешь на мое скучное письмо изъ Франкфурта, и вижу, что ты не совсѣмъ меня понимаешь. Тебѣ кажется, что я отъ мыслей боленъ. Нѣтъ, мой другъ, напротивъ, — я отъ болѣзни скученъ. Умѣлъ бы и я веселиться, какъ другіе, а особливо при нынѣшнихъ подлинно радостныхъ обстоятельствахъ; но по-неволѣ опустишься, какъ надобно безпрестанно ѣздить, ходить, быть вездѣ,

а ты дѣлать этого не можешь. Прежде конечно и обстоятельства меня безпокоили, и движенія были такія, что легко можно было попасться въ руки къ непріятелю; а теперь эта опасность миновала, но попался въ руки хворости. Благодарю Бога, мнѣ получше, однако много надобно сдѣлаться лучше, чтобъ быть противъ прошлогодняго. Со стороны всего, а особливо со стороны милости ко мнѣ государевой, я весьма доволенъ и счастливъ. Со стороны окружающихъ его также ни въ комъ ничего не вижу, кромѣ ласки и пріязни. И такъ можно-ли мнѣ недовольну (быть) своимъ состояніемъ? Однаго только здоровья не достаетъ. Богъ милостивъ: можетъ быть и оно ко мнѣ возвратится. Прощай.

Отъ 25 числа.

Я читалъ французскія вѣдомости: онѣ производятъ во мнѣ и смѣхъ, и гнѣвъ, и жалость. До какой степени Бонапарте ругается надъ своими подданными! Когда войска наши уже полъ-Франціи заняли, когда народъ ни мало не обороняется, и когда навербованные имъ солдаты изъ войскъ его бѣгутъ кучами къ намъ, и ихъ не берутъ въ плѣнъ, а даютъ имъ паспорты и распускаютъ по домамъ, — онъ тогда велитъ писать и печатаетъ: „Императоръ никогда не имѣлъ такой большой надежды освобободить Нѣмецкія земли и всю Европу . . . .[1]). Однимъ словомъ всѣ вѣдомости наполнены такою нелѣпою и безстыдною ложью, которая, казалось бы, должна была больше повредить ему, нежели принесть пользы; но нѣтъ, Французы такъ легковѣрны, такъ слѣпы, или такъ запуганы имъ, что не могутъ его оставить. Видятъ, что ужъ нѣтъ способа противиться; видятъ, что онъ только для одной личной своей пользы хочетъ ихъ, какъ безразсудныхъ, ослѣплять глупыми лжами, сами желаютъ чтобъ поскорѣй все кончилось, и со всѣмъ тѣмъ повинуются еще ему и умираютъ за него. — О ежели бы не твердая грудь русскаго народа, и не Пруссаки, которые вподлинну такимъ же воспылали жаромъ, то бы другихъ Нѣмцевъ онъ какъ овецъ распырялъ! — Пишу, пишу, но когдажъ отошлю я къ тебѣ это письмо? самъ не знаю. Дожидаюсь, что авось либо изъ главной квартеры проѣдетъ курьеръ. — Императрица наша третьяго дни пріѣхала въ Брукзаль, и сказываютъ черезъ два дни будетъ сюда. Я бы поѣхалъ къ ней, но погода такъ худа, что боюсь простудиться, и для того рѣшился уже здѣсь ее дожидаться. Графиня

[1]) См. стр. 278 и 279.

Витгенштейнъ также пріѣхала сюда и пробудетъ здѣсь до ея пріѣзда. — Поздравь отъ меня Степаниду Яковлевну съ женихомъ, и скажи, что ей стыдно будетъ, ежели изъ ней не выкроится покрайней мѣрѣ дюжина дѣтушекъ. — Стихи Анны Алексѣевны [1]) получилъ и прочиталъ съ удовольствіемъ, а могу ли изъ нихъ сдѣлать желаемое ею употребленіе, — не знаю.

От 27 числа.

Мнѣ, мой другъ, благодарю Бога, становится день отъ дня лучше. Внутреннихъ болей и страданій больше не чувствую, также и дурнота головы перестаетъ дѣлаться; по ночамъ сплю довольно хорошо. Въ двѣ недѣли раштадтскій докторъ такую сдѣлалъ во мнѣ перемѣну, какой я никакъ не ожидалъ. Богъ меня явно помиловалъ. Я ѣхалъ мимо Раштадта; нечаяннымъ случаемъ остановился и остался ночевать; надобно было случиться, чтобъ я въ ту ночь еще сильнѣе прежняго занемогъ и чрезъ то принужденъ былъ послать за докторомъ. Наконецъ это рѣшило меня продолжать у него лѣчиться, и я въ короткое время почувствовалъ такое облегченіе, которое по сю пору продолжается и подаетъ мнѣ надежду избавиться отъ мученій и придти въ прежнее состояніе. Между тѣмъ я все продолжаю, какъ онъ мнѣ предписалъ, принимать тѣже лѣкарства. Теперь начинаю думать, что Богъ велитъ мнѣ съ тобою увидѣться, но поѣхавъ изъ Базеля я этого не думалъ. — Вотъ что меня немножко пугаетъ: сюда скоро пріѣдетъ императрица, надобно будетъ быть на здѣшнихъ обѣдахъ и въ вечернихъ собраніяхъ, а я еще не такъ здоровъ, чтобъ во все это пускаться могъ. Слишкомъ два мѣсяца, какъ я уже не надѣвалъ мундира, и къ государю въ кабинетъ не иначе ходилъ, какъ въ тепломъ сертукѣ и безъ шпаги; а теперь надобно быть во всей формѣ. Здѣшній этикетъ никакъ не позволяетъ быть иначе. Графиня Витгенштейнъ журитъ меня, зачѣмъ я рано пускаюсь ко двору; но какъ же не быть у императрицы? а бывши у ней, какъ не быть у маркграфини, ея матери, и у гросъ-герцога, ея брата? По крайней мѣрѣ возьму всякую осторожность, чтобъ не простудиться и не съѣсть чего лишняго. Прощай, мой другъ. Когда найду случай отправить къ тебѣ это письмо?

Отъ 29 числа.

Досталось мнѣ въ эти два дни! Вчера позвали меня обѣдать къ здѣшнему гросъ-герцогу: должно было одѣться во всѣ наряды.

---

[1]) Волковой. Не прислала-ли она Шишкову, для поднесенія государю, свою „Оду императору Александру 1-му“ (С. П. Б. 1813, въ 4)?

Приняли меня очень хорошо; гросъ-герцогиня, супруга его, меня обласкала, и даромъ что племянница Бонапартіева, или воспитанница, или кто она такая, но очень мнѣ понравилась. Послѣ обѣда, въ половинѣ пятаго часа, съ великимъ стеченіемъ народа пріѣхала наша императрица. Я посереди города ее встрѣтилъ и поѣхалъ за нею. Она милостиво со мною поговорила и представила меня маркграфинѣ, которую я прежде, въ бытность мою здѣсь съ государемъ, не видалъ, потому что за болѣзнію никуда не выходилъ. Маркграфиня также меня обласкала и насказала мнѣ много учтивостей, что хотя она не видала меня, но знаетъ по наслышкѣ, и прочее тому подобное. Потомъ еще подошла ко мнѣ и пригласила къ себѣ ужинать. Хотя это уже было для меня и тяжело немножко, однакожъ отказаться было нельзя. По крайней мѣрѣ я награжденъ былъ за то пріятнымъ зрѣлищемъ, видя сію почтенную мать съ тремя дочерьми, изъ которыхъ двѣ, наша императрица и королева шведская, представлялись въ толь различныхъ участяхъ. — Мы всѣ Русскіе, съѣхавшіеся съ разныхъ сторонъ, очень (какъ то обыкновенно бываетъ въ чужихъ краяхъ) свиданіемъ другъ съ другомъ были обрадованы. Такимъ образомъ цѣлый день съ утра до вечера былъ я одѣтъ и вытянутъ. Сегодня опять тоже, — на большомъ нарядномъ обѣдѣ у гросъ-герцога. Мнѣ кажется здѣшніе маленькіе владѣтели похожи на тѣхъ нашихъ дворянъ, изъ которыхъ за инымъ душъ десять, а хочетъ жить какъ Шереметевъ. Сказываютъ покойная государыня говаривала: *чѣмъ богатѣе мундиръ и ливрея, тѣмъ меньше дворъ*, и это совершенная правда. Въ Баденскомъ герцогствѣ считаютъ семнадцать дворцовъ, а вся земля меньше одной нашей губерніи. — Стефанида удивительнымъ образомъ и голосомъ, и ухватками, и лицомъ похожа на Филису [1]), только моложе ея и лучше. Послѣ стола всѣ пошли въ театръ, а я отправился домой; раздѣлся, отдохнулъ, и вотъ теперь пишу къ тебѣ дневную мою повѣсть. Изъ-за Рейна, послѣ бывшаго 20 числа сраженія, никакихъ извѣстій нѣтъ. Прощай покамѣстъ.

От 30 числа.

Сегодня было прекрасное утро. Мы ходили гулять — Нарышкинъ, Голицынъ, и я: были въ прекрасномъ маркграфининомъ саду и бесѣдкахъ, которыя украшены эстампами, изображающими всѣ лучшіе виды Петербурга. Я очень усталъ и насилу пришелъ домой. Отдохнувъ пошелъ обѣдать къ маркграфинѣ, и ввечеру тамъ

---

[1]) Французская оперная пѣвица въ Петербургѣ.

игралъ въ карты, а ужинать не остался. Большихъ этихъ обѣдовъ я не люблю: какъ ни воздерживаешься, а съѣшь что-нибудь лишнее. Сегодня былъ у меня Штофрегенъ, смотрѣлъ рецепты раштадтскаго доктора, и сказалъ, что онъ и по его мнѣнію самыя тѣ лѣкарства прописалъ, какія мнѣ надобны, и совѣтовалъ продолжать употребленіе ихъ.

Отъ 31 числа.

И сегодня день прекрасный. Мы опять гуляли. Я сейчасъ лишь пришелъ, и услышалъ, что пріѣхалъ изъ главной квартеры курьеръ, отправленный въ Петербургъ. Онъ теперь у императрицы; я послалъ сказать ему, чтобъ оттуда ко мнѣ зашелъ. Между тѣмъ спѣшу приписать къ тебѣ еще нѣсколько строкъ и окончить длинное мое повѣствованіе. Приложенное при семъ письмо отошли пожалуйста по надписи къ женѣ покойнаго Стахея Никитича Телепнева. Помнится по отечеству ее зовутъ Сергѣевна. — Хотѣлъ дождаться курьера, чтобъ сообщить тебѣ новости, какія отъ него услышу, но онъ долго нейдетъ; можетъ быть заѣдетъ уже совсѣмъ готовый къ отъѣзду: и такъ надобно заранѣе приготовить и запечатать. Очень радъ, что такъ долго ждавши наконецъ нахожу случай отправить къ тебѣ мое письмо. Прощай, мой другъ; будь здорова, и проч..

(Здѣсь многихъ писемъ не достаетъ.)

38.

Бруксаль. Отъ 16 марта (1814).

Другъ мой Д. А.! Просидѣвъ дни съ четыре дома, вчера я вышелъ и сегодня обѣдалъ у маргграфини. Я бы не зналъ, что сегодня день моего рожденія, если бы ты меня не увѣдомила. Сидя за столомъ, между фрейлинами Стурзе и Боде . . . .[1]).

Отъ 17 числа.

Около недѣли тому назадъ, что снѣгъ здѣсь стаялъ, и дни показались хорошіе: тепло какъ у насъ въ маѣ, однакожъ ничто еще не зеленѣетъ, ни одной выступающей травки не видать. Мнѣ велятъ больше ходить, и я часто хожу; но иногда здѣшнія погоды обманчивы. Въ епанчѣ ходить жарко, а безъ ней подуетъ иногда такой холодный вѣтръ, что легко простудиться можно. Притомъ же и земля еще мокра. — Александръ Львовичъ (Нарышкинъ) уѣхалъ въ Франкфуртъ, куда сказываютъ Марья Алексѣевна будетъ. Онъ звалъ меня съ собою, и мнѣ хотѣлось съ нею

---

[1]) См. стр. 283.

увидѣться, но хорошо что не поѣхалъ. На другой день послѣ его отъѣзда я занемогъ, и ежелибъ это случилось на дорогѣ, такъ бы я принужденъ былъ воротиться назадъ. Жизнь наша продолжается здѣсь единообразно, какъ и прежде я къ тебѣ писалъ, то есть: въ три часа обѣдъ, а послѣ него цѣлый часъ, иногда и больше, тяжелыхъ, стоя на ногахъ, разговоровъ. Въ семь часовъ чай, и послѣ того игра въ бостонъ до ужина. Партія наша: дармштадтскій принцъ, здѣшній гофмаршалъ, я и Александръ Львовичъ, а въ отсутствіи его княгиня Прозоровская, или кто случится. Цѣна 12 крейцеровъ, то есть около четверти рубля на наши ассигнаціи; слѣдовательно не прибыльна и не убыточна. Впрочемъ партія презабавная, и хорошій примѣчатель могъ бы сочинить на нее превеселую книжку.

От 18 числа.

Сегодня возвратился Александръ Львовичъ, однакожъ Марья Алексѣевна съ нимъ не пріѣхала. Она осталась въ Франкфуртѣ, и мнѣ очень жаль; я бы желалъ съ нею увидѣться. Онъ по обыкновенному привозитъ что нибудь новинькое. Нынѣ привезъ табакерку съ прекрасною птичкою, которая оттуда выскакиваетъ, машетъ крылышками и поетъ. Игрушка эта стоитъ двѣсти червонныхъ.

Отъ 19 числа.

Поздравляю тебя, мой другъ, съ днемъ твоего праздника. Признаться тебѣ, что я бы не вспомнилъ, да Петрушка давичъ, подавая мнѣ одѣваться, говоритъ: — „Чай сегодня въ Петербургѣ у насъ гостей много.“ — Я спросилъ: — „Почему ты это думаешь?“ — Онъ отвѣчалъ: — „Какъ же? барыня сегодня имянинница.“ — Пишу къ тебѣ, а самъ не знаю съ кѣмъ и когда пошлю сіе письмо. Курьеровъ изъ арміи давно ужъ мы не видимъ. Сказываютъ и ѣздить не могутъ. Здѣсь было пріуныли отъ разныхъ нехорошихъ вѣстей, но кажется дѣла опять поправились; только когда будетъ конецъ, Богъ знаетъ! Прощай, мой другъ; желаю чтобъ ты этотъ день провела весело.

Отъ 21 числа.

Вчера мы съ Александромъ Львовичемъ ѣздили въ Раштадтъ обѣдать къ графу Витгенштейну. Прокатились взадъ и впередъ верстъ около девяноста. День былъ прекрасный, и мы очень хорошо провели время. Голицынъ съ Ло(н)гиновымъ уѣхали къ графу Строгонову навѣстить его въ печали (у него убили сына). — Въ Раштадтѣ мы услышали новость, которая больше нежели всѣ побѣды меня обрадовала: говорятъ, что союзныя войска провозгла-

сили королемъ французскимъ Людвига XVIII. Давно бы пора. Это одно только можетъ дать вѣрную надежду, что дѣла скоро придутъ къ концу. Такъ мнѣ этого хочется, что все боюсь еще повѣрить, точно-ли это правда.

От 23 числа.

Нѣтъ курьеровъ и письма послать не съ кѣмъ. Чтожъ мнѣ дѣлать? — Сегодня я праздновалъ прошедшія твои имянины. У меня были гости и пили шоколадъ, а имянно: шведскій принцъ съ своимъ гофмейстеромъ, Нарышкинъ, наши фрейлины Валуева и Стурзи, да одна здѣшняя, которую я прозвалъ *прелесть*, и всѣ ее такъ зовутъ. Онагдась императрица ѣхала въ Карлсруге, и спросила у меня: — „Что прикажете сказать вашей прелести?“ — Послѣ сказали ей, что я читаю романы; она смѣялась этому и говоритъ Александру Львовичу: — „Онъ совсѣмъ здѣсь избалуется; надобно его отослать въ главную квартеру.“ — Охъ, мой другъ, шутится, шутится, а все на умѣ, какъ бы поскорѣе отселѣ ѣхать домой.

От 25 числа.

У насъ не было священника; и мы всѣ Русскіе тужили, что на страстной недѣлѣ должны быть безъ церковной службы, и въ свѣтлое воскресеніе не будетъ заутрени. Однакожъ сегодня одинъ откуда-то пріѣхалъ, и мы очень обрадовались. Хотя онъ не имѣетъ съ собою всего нужнаго для служенія обѣдни, но по крайней мѣрѣ прочитаетъ нѣсколько молитвъ. Я на этихъ дняхъ получилъ отъ тебя два письма: въ послѣднемъ ты пишешь, что повидимому я нѣкоторыхъ твоихъ писемъ не получилъ, — видно такъ, и не знаю какимъ образомъ онѣ затеряться могли. — Слухамъ пронесшимся у васъ о занятіи Парижа я смѣялся, однакожъ теперь съ недавнихъ дней дѣло подходитъ близко къ тому, и мы начали этого ожидать. — Еще ты пишешь, чтобъ прислать къ тебѣ мериносовъ. Вчера былъ здѣсь Яхонтовъ[1]) и поѣхалъ въ Петербургъ; я и хотѣлъ было съ нимъ послать, но какъ онъ ѣдетъ на своихъ и при томъ хочетъ еще въ Карлсбадѣ лѣчиться, то мнѣ и подумалось, что онъ безсомнѣнія проѣдетъ мѣсяца три или болѣе, и для того не послалъ, а послалъ только съ нимъ цвѣтной бумаги, о которой ты ко мнѣ писала. Прощай, мой другъ. Изъ главной квартеры не проѣхалъ здѣсь ни одинъ курьеръ, и письма послать не съ кѣмъ.

---

[1]) Петръ Петровичъ, родственникъ Державина. О трехъ братьяхъ Яхонтовыхъ см. Соч. Держ., т. II, стр. 426 и 427.

От 26 числа.

Вотъ, мой другъ, ожидаемое совершилось! Великъ русскій Богъ! Царь нашъ въ Парижѣ: принятъ съ удивительною радостію; народъ бѣжитъ за нимъ толпами . . . .[1]). Вотъ какъ описываютъ вшествіе въ Парижъ Русскихъ, и вотъ что понадѣлалъ Бонапарте приходомъ своимъ въ Россію! Вообрази здѣшнюю радость! но что я говорю здѣшнюю? она во всемъ свѣтѣ одинакова. Въ Парижъ вошли 19 (31) марта. Ну! теперь можно ожидать конца войнѣ. Благодареніе Богу!

Отъ 29 числа.

Христосъ воскресе! давичъ послѣ заутрени мы это говорили; а проснувшись еще болѣе стали твердить, получа радостную вѣсть, достойную сегодняшняго свѣтлаго праздника. Бонапарте сверженъ и взятъ. Неслыханный злодѣй! и самое паденіе свое ознаменовалъ лютостью. За нѣсколько времени передъ приходомъ нашихъ къ Парижу, прислалъ за женою съ повелѣніемъ, что если не поѣдетъ, то ее утопить, и въ Парижѣ пороховые магазины подорвать. Извѣстіе сіе мы сегодня получили. Кажется оно вѣрно. Одно только прилагаемое къ тому обстоятельство наводитъ мнѣ сомнѣніе: говорятъ, что будто ему опредѣлено содержаніе по шести миліоновъ рублей на годъ. Я этому не вѣрю. Можно презрѣть его и оставить ему жизнь, и то потому только, что дѣйствительно убіеніемъ его не возвратишь тѣхъ золъ, которыя онъ подѣлалъ, и сверхъ того смерть, ежелибъ его и тысячу разъ можно было убить, не есть достойное ему наказаніе: и такъ можно его запереть не убивая, но чтобъ при томъ опредѣлить ему шесть миліоновъ ежегоднаго содержанія, это уже не знаю что такое! какое-то неблаговидное, несправедливое великодушіе и щедрота къ человѣку, бывшему самымъ злѣйшимъ врагомъ человѣчества! Но можетъ быть это неправда.

Апрѣля отъ 2 дня.

Завтра императрица ѣдетъ въ Раштадтъ къ графинѣ Витгенштейнъ крестить. Мнѣ хочется тамъ же быть, и проѣхать оттуда въ Баденъ къ графинѣ Остерманъ, которая недавно здѣсь была и очень меня просила пріѣхать къ нимъ туда. И такъ я теперь же ѣду въ Карлсруге, а оттуда въ Раштадтъ и потомъ въ Баденъ. — Вчера получилъ я отъ тебя письмо отъ 17 марта. Ты пишешь въ немъ о разныхъ у васъ нехорошихъ слухахъ, а

---

[1]) См. стр. 284.

того и не чувствовала, что когда ты его писала, тогда уже Парижъ договаривался, и черезъ сутки послѣ того, то есть въ день твоихъ имянинъ, войски наши въ него вступили. Какъ счастливъ Павелъ Васильевичъ Кутузовъ! онъ въ другой разъ везетъ къ вамъ радостныя вѣсти......

Какъ я радъ! Сейчасъ говорилъ я императрицѣ о раштадтскомъ докторѣ, который меня лѣчилъ. Онъ много показалъ услугъ нашимъ раненымъ, и она въ сію минуту прислала къ нему подарокъ, золотую табакерку, которую я повезу съ собою. Подарокъ отъ лица императрицы будетъ для него драгоцѣненъ.

Въ тотъ же день, изъ Карлсруге.

Курьера нѣтъ: горевать тебѣ будетъ, не получая долго отъ меня писемъ. Чтожъ дѣлать? стану опять продолжать. Опишу тебѣ что въ сію минуту здѣсь происходитъ. Теперь 9 часовъ пополудни. Я пріѣхалъ сюда вслѣдъ за императрицею. Вечеръ прекрасный, городъ весь освѣщенъ, такъ что на улицѣ читать можно. Народу пропасть, и очень весело ходить по улицамъ; одно только глупо, и не знаю какъ могутъ терпѣть такой худой обычай . . . .[1]). Давичъ, ѣдучи сюда, проѣзжалъ я Дурлахъ и другія мѣстечки. Нѣтъ человѣка, который бы не снялъ шляпы и не кланялся съ веселымъ лицемъ. Женщины въ окнахъ присѣдаютъ. Ребятишки лишь завидятъ русскую упряжъ, то откуда возьмутся, кучами бѣгутъ и кричатъ: *ура козакъ!* это слово у нихъ у всѣхъ выучено. Правда, и до взятія Парижа это было, однако гораздо меньше. Любо теперь Русскому разъѣзжать! но чтожъ стоитъ имъ эта слава! — Я забылъ къ тебѣ написать, что вчера пріѣхала великая наша княгиня Анна Федоровна, и сегодня передъ обѣдомъ императрица меня ей представляла. — Чуть было я не собрался ѣхать въ Парижъ; однакожъ не зная хорошенько, проѣду-ли безопасно, и найду-ли тамъ государя, остался, а послалъ съ нарочнымъ къ нему нѣкоторыя свои бумаги; самъ же буду ожидать повелѣнія. Прощай. Теперь ужъ полночь, а здѣсь все еще хлопаютъ.

Отъ 7 числа, изъ Брукзаля.

Курьеровъ нѣтъ, никто не проѣзжаетъ мимо насъ, и письмо послать не съ кѣмъ. Вотъ ужъ близко мѣсяца, какъ я началъ писать сіе письмо, и все еще продолжаю, ожидая всякій день, что

---

[1]) См. стр. 293.

авось либо кто проѣдетъ. Никого. Чтожъ дѣлать? Воображая, что ты будешь безпокоиться не получая долго отъ меня писемъ, я и самъ безпокоюсь тѣмъ и скучаю, да пособить нечѣмъ. Если бы вѣдалъ, отправилъ бы по почтѣ, но ктожъ могъ предузнать это? прежде проѣзжали покрайней мѣрѣ всякую недѣлю одинъ, а иногда и два. Теперь же болѣе мѣсяца никого нѣтъ. Другого не остается, какъ приниматься за продолженіе прежняго письма. — Въ послѣдній разъ писалъ я къ тебѣ отъ 2-го числа изъ Карлсруге. На другой день поутру, поѣхалъ я въ Раштадтъ къ графинѣ Витгенштейнъ; у нея отобѣдалъ. Послѣ обѣда пріѣхалъ туда Нарышкинъ; а потомъ императрица съ маркграфинею. Начались крестины новорожденнаго сына. Воспріемниками были императрица съ матерью своею, да мы съ Нарышкинымъ; онъ за короля прусскаго, а я за брата королевскаго. Во время пріѣзда, присутствія и отъѣзда императрицына, собрались толпы народа и безпрестанные продолжались крики и восклицанія. Послѣ крестинъ дворъ отправился обратно въ Карлсруге, а я съ графинею Остерманъ поѣхалъ въ Баденъ. Тамъ у ней пробылъ я два дни. Баденъ лежитъ между горами, воздухъ чистый и пріятное положеніе. Уже болѣе двухъ недѣль стоитъ такое теплое время, какъ у насъ въ іюнѣ. Прошлаго года во все лѣто такой погоды не было. Ходить иначе невозможно, какъ рано поутру, — въ полдень жарко. Теперь все распустилось. Гористыя мѣста представляютъ множество прекрасныхъ видовъ. Взойдешь на гору, и видишь передъ собою великое пространство горъ и долинъ, виноградные сады и множество плодоносныхъ деревъ, изъ которыхъ иныя зелены, иныя распушились бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ. Вездѣ сухо, дороги гладкія, пріятно и ѣздить и ходить. — Изъ Бадена поѣхалъ я въ два часа пополудни; заѣхалъ въ Раштадтъ къ графинѣ Витгенштейнъ, и просидя у ней часа съ два, отправился въ Карлсруге ночевать. Подъѣзжая къ городу встѣтилъ коляску, изъ которой двѣ сидѣвшія въ ней женщины смотрѣли на меня (или лучше на коляску мою) пристально. У самыхъ воротъ слышу, нѣкто меня кличетъ: это былъ Александръ Львовичъ Нарышкинъ. Отъ него узналъ я, что встрѣтился съ Марьей Алексѣевной, которая съ племянницей своей поѣхала прогуливаться. Въ темнотѣ не могъ я ихъ узнать. Она скоро возвратилась; я зашелъ къ нимъ; поѣли хорошей спаржи, и распрощались. Сегодня рано поутру они отправились въ Баденъ, а я пріѣхалъ возвратно въ Бруксаль. Александръ Львовичъ показывалъ мнѣ подарокъ, который везетъ отъ императрицы къ графинѣ Витгенштейнъ: ожерелье, цѣною тысячъ

въ десять рублей. — Ну, кажется я довольно наговорилъ тебѣ сегодняшній день; пора и за умъ взяться, — перестать.

От 15 числа.

Я получилъ отъ тебя нѣсколько писемъ, изъ которыхъ послѣднее отъ свѣтлаго воскресенья. Ты скучаешь, мой другъ, что не имѣешь отъ меня ни строчки; но чтожъ мнѣ дѣлать? послать не съ кѣмъ. Вотъ съ котораго времени началъ писать сіе письмо, и по сю пору продолжаю, не имѣя случая отослать его. Ты говоришь: Ло(н)гиновъ обо мнѣ пишетъ, а я о себѣ ничего; я не знаю какимъ образомъ могло это статься, развѣ онъ писалъ по почтѣ. Впрочемъ уже больше мѣсяца, что ни одинъ курьеръ ни здѣсь не былъ, ни отселѣ не поѣхалъ. Вчера только вдругъ отправилось ихъ нѣсколько человѣкъ. Они, пріѣзжая изъ Петербурга, не могли проѣхать въ главную квартеру, и всѣ останавливались въ Фрейбургѣ; а нынѣ велѣно имъ ѣхать назадъ. Но какъ они ѣдутъ съ обозомъ на своихъ лошадяхъ, то вѣрно въ два мѣсяца не пріѣдутъ; затѣмъ и не посылаю я съ ними сего письма. Мы всѣ ожидаемъ окончанія дѣлъ въ Парижѣ и возвращенія сюда императора; но не знаемъ, скоро-ли это сдѣлается. Я покушался самъ ѣхать туда; ожидалъ повелѣнія, но въ неизвѣстности не могъ на то рѣшиться; а теперь кажется ужъ поздо самому собою предпріять довольно далекій путь. — Маркграфиня, императрица и всѣ наши переѣзжаютъ отселѣ недѣли на двѣ въ Рорбахъ, верстъ сорокъ отселѣ. Меня звали туда же; но какъ тамъ тѣсно и жить негдѣ, а надобно жить въ Гейдельбергѣ и туда всякій день ѣздить, то я рѣшился ѣхать въ Баденъ на нѣсколько дней, а потомъ къ пріѣзду возвратиться сюда. Между тѣмъ письмо сіе оставлю здѣсь, на случай, можетъ быть проѣдетъ какой курьеръ, то чтобъ отправили съ нимъ. — Въ прежнемъ письмѣ писала ты, что есть желающіе купить нашъ домъ; я самъ не знаю, мой другъ; но впрочемъ ежели бы дали хорошія деньги, то есть тысячъ до пятидесяти рублей, такъ бы можно было продать. Однакожъ теперь кажется и мы скоро возвратимся (неужъ-ли здѣсь цѣлое лѣто пробудемъ?), такъ лучше подождать. Прощай; будь здорова. Когда это письмо дойдетъ до тебя? Богъ знаетъ!

39.

Рорбахъ. Отъ 23 апрѣля (1814).

Другъ мой Д. А.! Я вчера пріѣхалъ сюда изъ Брукзаля. Дворъ уже дней пять какъ здѣсь. При отъѣздѣ его сюда, я хотѣлъ ѣхать въ Баденъ; но маркграфиня пригласила меня послѣдовать за ними, и такъ я хотѣлъ было на другой день отправиться, но

въ ту же ночь захворалъ и три дни не выходилъ изъ горницы. Какъ скоро немножко стало получше, я поѣхалъ сюда. Это маленькая деревенька съ марграфининымъ домомъ, неподалеку отъ городовъ Гейдельберга и Мангейма. Какъ ни тѣсно здѣсь, однакожъ я нашелъ одну комнатку и живу въ ней. — При отъѣздѣ моемъ, оставилъ я въ Бруказлѣ письмо къ тебѣ на случай не проѣдетъ-ли курьеръ. Я писалъ его больше мѣсяца, ожидая всякій день случая послать, и не могъ дождаться. Очень сожалѣю, что не послалъ на почтѣ. Можетъ быть уже ты получила бы его. Но ктожъ зналъ, что такъ долго не будетъ случая? Теперь однакожъ рѣшусь отправить на почтѣ, хоть и поздо. Здѣсь получилъ я отъ тебя письмо апрѣля отъ 4-го. Ты начинаешь опять скучать, и пеняешь мнѣ, что не получаешь отъ меня писемъ. Чтожъ будетъ какъ ты, по моему счету, послѣ послѣдняго еще два мѣсяца не получишь? Какъ же быть, мой другъ? — неожидаемый случай это сдѣлалъ. Ты немножко нетерпѣлива, а особливо нетерпѣніе твое ощутительно, когда сравниваю его съ терпѣніемъ другихъ. Будь спокойна. Теперь, слава Богу, все кончилось, и если Богъ велитъ, то приходитъ время къ возвращенію домой. Кажется однакожъ по обстоятельствамъ, что еще отсутствіе наше мѣсяца четыре продолжится. Дай Богъ хоть къ осени возвратиться. Я остался здѣсь, и какъ не получилъ никакого повелѣнія ѣхать въ Парижъ, то и очень радъ. Все, что мнѣ надобно было сдѣлать, я сдѣлалъ, а впрочемъ ни мало не любопытствую видѣть сей сколько славной, столько же (если не больше) и безславной столицы. Правда, что въ первые дни шествія войскъ желалъ бы я тамъ быть, но послѣ уже не имѣлъ никакой охоты. — Воображаю радость вашу, когда съ извѣстіемъ пріѣхалъ Кутузовъ. И правда, такъ это скоро сдѣлалось, что мы здѣсь далеки еще были отъ ожиданія всего происшедшаго, какъ вдругъ получили о томъ извѣстіе. — Ну, мой другъ, теперь стану отвѣчать на твои вопросы, или, какъ ты пишешь, на тѣ, которые тебѣ дѣлаютъ: 1-е. Получилъ-ли сочиненіе князя Шихматова и письмо отъ неизвѣстной, посланное генваря отъ 17? — Не получилъ, не знаю куда оно дѣлось, и очень сожалѣю, что до меня не дошло. 2-е. Получилъ-ли письмо отъ графини Подгоречаниновой? — Получилъ, но самъ не знаю, когда могу дать на него отвѣтъ. 3-е. Гресершино дѣло отчего стало? — Давно кончено, о чемъ я писалъ уже къ тебѣ, и коли стало, такъ видно кончилось не по желанію, о чемъ и братъ ея знаетъ. О фрейлинствѣ — я съ моей стороны все сдѣлалъ, и больше не могу. Еще ты уже нѣсколько разъ пи-

шешь о присылкѣ мериносовъ. Да съ кѣмъ послать, мой другъ, когда я простого письма не нахожу случая отправить? Впрочемъ теперь уже лѣто, — ихъ не носятъ; а къ осени, можетъ быть Богъ дастъ, и сами возвратимся. — Сегодня послѣ обѣда ходили мы въ деревню (съ полъ-версты отселѣ) пить кофій, по молвѣ, что въ ней хорошо его варятъ . . . .[1]).

Возвратясь изъ деревни нашли мы пріѣхавшаго изъ Парижа графа Витгенштейна съ женою. Онъ сказывалъ мнѣ, что дорога военная уставится опять черезъ здѣшнія мѣста, и такъ можно ожидать, что курьеры снова здѣсь проѣзжать будутъ. Однакожъ сегодня мои чиновники поѣхали въ Брукзаль, и я велѣлъ имъ оставленное тамъ къ тебѣ письмо взять и отправить по почтѣ.

От 25 числа.

Вчера мы ѣздили въ Мангеймъ, городъ довольно большой и многолюдный, верстъ 17 отселѣ. Мы пріѣхали туда часа въ четыре послѣ полудня. Императрица пошла въ садъ съ шведскою королевою (другія сестры остались съ маргрфинею). Гулянье было совсѣмъ не похожее на гулянье . . . .[2]).

Сегодня поутру мы съ Нарышкинымъ опять ѣздили туда же, посмотрѣли ярманки, и пріѣхали къ обѣду назадъ. Очень пріятно ѣздить: дорога прегладкая, погода прекрасная, виноградные сады начинаютъ зеленѣть, деревья цвѣтутъ. Прощай, мой другъ. Завтра опять сбираемся путешествовать.

Отъ 27 числа

Вчерашній день былъ такой, что хочется мнѣ его описать, но право не умѣю. Сто вещей пропущу, для того что всего упомнить не можно. Впрочемъ ежелибъ и все подробно пересказалъ, такъ это будетъ одна малая тѣнь того, что я видѣлъ. Въ десять часовъ поутру поѣхали мы (то есть весь дворъ кромѣ принцессы Амаліи) въ такъ называемую *Некерскую долину* . . . .[3]).

Я получилъ письмо твое отъ 8-го апрѣля, гдѣ ты говоришь о пришедшемъ къ вамъ извѣстіи о взятіи Парижа. Такъ, мой другъ, эта важная перемѣна должна повсюду разлить веселіе и радость. Торжество и слава Россіи являются во всемъ своемъ

---

[1]) См. стр. 294 и 295.

[2]) См. стр. 295.

[3]) См. стр. 296—298.

блескѣ. Душевное мое удовольствіе было бы совершенное, еслибъ нѣкоторыя обстоятельства его не умѣряли. Но оставимъ все другое, и скажемъ: слава Богу, и царю, и народу Русскому! Прибавимъ еще къ тому молитву: „Господи! Ты избавилъ насъ отъ оружія французскаго, избавь насъ отъ ихъ прелестей; давъ намъ преодолѣть ихъ силою меча, не дай имъ преодолѣть насъ силою очарованія; помогпи намъ защитить отъ нихъ жизнь нашу, помоги намъ защитить отъ нихъ и нравы наши!“ — Вотъ, мой другъ, молитва, которую я, любя отечество свое, не перестаю никогда проливать къ Царю небесному и земному; ибо всегда больше боялся и боюсь дружбы съ симъ народомъ, нежели вражды съ нимъ; и нынѣ еще болѣе, нежели прежде въ томъ удостовѣрился. Прощай; будь здорова.

Отъ 28 числа.

Мы еще въ Рорбахѣ и пробудемъ здѣсь до перваго мая. Я получилъ отъ тебя еще письмо отъ 14-го апрѣля съ приложеніемъ копій съ писемъ ко мнѣ отъ Мингрельской царицы[1]); подлинныхъ, то есть прежнихъ, я не получилъ, и куда онѣ дѣвались, не знаю. Скажи ей отъ меня, что я охотно буду стараться; но по безпрестаннымъ нынѣшнимъ разъѣздамъ, ни въ случаѣ, ни во времени увѣрить ее не могу. Сожалѣю о томъ, что ты мнѣ пишешь о братѣ, и въ случаѣ какого нибудь неудовольствія на него, не въ силахъ буду ни въ чемъ ему пособить. Тетушка Анна Ермолаевна пишетъ ко мнѣ, чтобъ выпросить ей пенсіонъ у императрицы или единовременную награду. Это невозможное дѣло. Скорѣе могу я удѣлить ей что-нибудь моего жалованья, нежели просить объ этомъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права, или лучше сказать, зная, что ничего ей не доставлю, а только себя подвергну какому-нибудь осужденію. — Курьеровъ нѣтъ въ Петербургѣ; и такъ не стану дожидаться, — отправлю и это письмо по почтѣ. Хоть не скоро, но авось либо дойдетъ до тебя. Изъ Парижа пишутъ въ вѣдомостяхъ, что государь сбирается ѣхать въ Англію; слѣдовательно не прежде можно ожидать его сюда, какъ недѣли черезъ три, или черезъ мѣсяцъ. Я уже рѣшился оставаться здѣсь. Ты будешь досадовать для чего я не былъ въ Парижѣ. Правда и мнѣ жаль, да не очень. Прощай.

P. S. — Сожалѣю, что Шихматова стиховъ я не получилъ. Скажи ему, что теперь есть случай воспѣть дѣла Русскихъ, а особливо сіе поразительное зрѣлище (о которомъ я всего больше

[1]) Вѣроятно Нины Григорьевны, рожденной царевны Грузинской, жены принявшаго въ 1803 году русское подданство владѣтеля Мингреліи, князя Григорія Дадіана.

сожалѣю, что не удалось мнѣ видѣть его), когда на той самой площади, гдѣ казненъ былъ Людовикъ XVI, россійскія священники пѣли благодарственный молебенъ, и тѣ самые Французы, которые были творцами сего злодѣйства, должны были стоять на колѣнахъ, при чтеніи благодарственной за взятіе ихъ града молитвы. Вотъ пространное поле для описанія сего стихотворческою кистью и красками! Никогда толь великаго зрѣлища не было на свѣтѣ. Вотъ торжество вѣры и уничиженіе злочестія! Прости. Остаюсь, и проч.„

40.

Бруксаль. Мая отъ 13 дня (1814).

Другъ мой Д. А.! Я недавно къ тебѣ писалъ съ проѣхавшимъ мимо насъ генералъ-лейтенантомъ Засомъ; и теперь уже кромѣ того посылаю третье письмо по почтѣ. Курьеры проѣзжающіе отъ васъ доставляютъ мнѣ твои письма, но моихъ къ тебѣ доставлять не могутъ, потому что отправляются изъ главной квартеры къ вамъ другою дорогою, не мимо насъ. Не очень давно получилъ я отъ тебя маленькое письмецо съ стихами Гаврилы Романовича и князя Шихматова. Поблагодари ихъ отъ меня и скажи князю, что я стихи его, когда будетъ случай, покажу государю, а теперь читаетъ ихъ императрица. Ничего, мой другъ, не могу тебѣ сказать, долго-ли здѣсь пробуду и куда поѣду. Ожидаю повелѣнія, и какъ ничего не говорятъ мнѣ, такъ и я не трогаюсь съ мѣста, покуда не скажутъ: ступай! — Мы здѣсь всѣ новости слышимъ изъ газетъ, да изрѣдка отъ проѣзжающихъ. Вотъ и сегодня читали нѣчто достойное примѣчанія: посылаю къ тебѣ листокъ; хоть ты и поздо его получишь, такъ что и у васъ будутъ уже о томъ читать, но можетъ быть ты, не читая вѣдомостей, того и не услышишь. Полюбуйся какъ Бонапарта на острову Эльбѣ принимаютъ . . . .
. . . .[1]).

Добро! лучше перестать объ этомъ думать, такъ кровь не портится. — Ты мнѣ иногда пеняешь, что я мало пишу, а мнѣ кажется я тебѣ долженъ пенять: у васъ праздники, чрезвычайныя собранія, посольства, и проч., и проч.; а ты ничего не описываешь. Въ моихъ письмахъ, напротивъ, найдешь ты всему описаніе: какъ мы здѣсь по Некеровой долинѣ разъѣзжали, и много тому подобнаго; а ты совсѣмъ не упоминаешь ни о чемъ. Видно ты не охотница сочинять. Хоть бы Сашу заставила. Прощай. Остаюсь, и проч..

---

[1]) См. стр. 299.

41.

Бруксаль. Мая отъ 15 дня (1814).

Другъ мой Д. А.! Я недавно къ тебѣ писалъ, и теперь опять начинаю. Сегодня былъ у насъ день странностей или рѣдкостей . . . .[1]). Зрителями были весь дворъ, и множество смотрящихъ въ окна и въ двери людей. Однаго Нарышкина не было, который въ это время былъ въ Франкфуртѣ, и думаю очень жалѣть будетъ, что не видалъ китайскаго лицедѣя . . . .[2]).

Больше писать нечего. Прощай покамѣстъ.

Отъ 16 числа.

Я получилъ сегодня твое коротенькое письмо, мая отъ 4-го. Я зналъ, что ты мнѣ пенять будешь; но все воображалъ тебя терпѣливѣе и справедливѣе. Какъ тотчасъ обвинять такими строгими словами: *тебѣ писать неугодно, нечего дѣлать, такъ и быть?* При всякомъ случаѣ ты, мой другъ, очень скора къ обвиненію меня, чего однакожъ я никакъ не заслуживаю. Изъ писемъ моихъ (ежели ты всѣ ихъ получишь) увидишь, что мнѣ очень *угодно было* писать къ тебѣ и я писалъ; а что обманулся, ожидая всякій день курьера, и не дождавшись его напослѣдокъ принужденъ уже былъ посылать письма мои по почтѣ, въ этомъ всякій бы на моемъ мѣстѣ обманулся. Впрочемъ разстояніе между нами не такое, чтобъ безъ особливыхъ ѣздоковъ можно было въ непрерывномъ порядкѣ и всегда чрезъ извѣстное время получать письма. А ты уже тотчасъ и сердиться на меня! — Повѣрь, мой другъ, что ежели мы станемъ скорѣе обвинять, нежели извинять другъ друга, то всегда будемъ имѣть причины къ неудовольствіямъ. И такъ лучше извинять, хотя бы что и казалось намъ не такъ. Дружба состоитъ въ томъ, что лучше въ другѣ вину почитать невинностью, нежели невинность виною. Не подумай, чтобъ я писалъ къ тебѣ это съ досадою: чистосердечіе не есть досада, но дружеская довѣренность. Прощай.

Отъ 17 числа.

Сегодня я получилъ изъ почтъ-амта главной квартеры цѣлыхъ три кипы писемъ, въ томъ числѣ и твои всѣ, писанныя въ

---

[1]) См. стр. 300.

[2]) Тамъ-же.

генварѣ; и такъ онѣ пришли ко мнѣ ровно черезъ четыре мѣсяца: вотъ сколько онѣ странствовали! Что дѣлается съ твоими письмами, то вѣрно и съ моими: какъ же намъ винить другъ друга? — Въ тѣхъ же кипахъ получилъ я и стихи Шихматова, и письмо отъ неизвѣстной. Стихи Шихматова очень хороши; благодарю его за поднесеніе ихъ мнѣ. Жаль, что письмо его получилъ я поздо, и потому просьбы его удовлетворить не могу, а особливо не имѣя иначе случая писать въ главную квартеру, какъ черезъ почту. Но кажется время идетъ къ тому, что и мы, Богъ дастъ, скоро возвратимся во-свояси; тогда я лучше могу о немъ попещись, нежели черезъ письма. — *Неизвѣстной* за недосугами не отвѣчаю, но благодарю ее за письмо, хотя въ немъ и несправедливыя дѣлаетъ она обо мнѣ заключенія, думая будто я въ то время могу сочинять стихи или читать Сенеку, когда мнѣ надобно писать докладъ. Подлинно тогда ученость или лучше сказать страсть мою къ учености назвалъ бы я и самъ не только *превеликимъ*, какъ она пишетъ, въ семъ случаѣ *порокомъ*, но и тяжкимъ грѣхомъ. Однако, ежелибъ она лучше знала меня, то не нашла бы во мнѣ сего порока. Я смѣю увѣрить ее, что занятія мои по учености не отнимаютъ у меня ни минуты отъ занятія моего по должности. Прошу сказать ей мое почтеніе, и извинить, что особаго письма къ ней не написалъ. Прощай, мой другъ.

Карлсруге отъ 26 числа.

Хотѣлъ письмо это отправить на почтѣ, но не успѣлъ; а между тѣмъ мы переѣхали изъ Брукзаля въ Карлсруге. Сегодня ѣдемъ обѣдать къ гросъ-герцогинѣ на приготовленный обѣдъ, верстъ за тридцать отселѣ. Погода дурная; не хотѣлось бы ѣхать, но нельзя отказаться. — Сію минуту пришелъ ко мнѣ Новосильцовъ и сказалъ, что ѣдетъ сей же часъ въ Петербургъ; и такъ я посылаю съ нимъ сіе письмо. Неизвѣстно долго-ли здѣсь пробуду. По слухамъ знаемъ, что государь поѣхалъ изъ Парижа въ Лондонъ, а долго-ли тамъ пробудетъ, и куда поѣдетъ, не вѣдаемъ: вѣроятно сюда, можетъ быть черезъ мѣсяцъ или болѣе; но это по однимъ догадкамъ, безъ всякой достовѣрности. Мнѣ очень скучно. Ни отъ кого никакого отвѣта не имѣю, и какъ говорится пословица — *сижу у моря и жду погоды*. — Прощай, мой другъ; будь здорова. Поклонись отъ меня всѣмъ, кто обо мнѣ спроситъ. — Изъ Петербурга проѣхало уже нѣсколько курьеровъ, а отъ тебя писемъ не было. Вѣрно ты сердясь, что не получаешь отъ меня писемъ, не пишешь ко мнѣ. Но по сю пору

обстоятельства таковы, что твои письма могутъ до меня доходить, а мои до тебя нѣтъ или не такъ скоро, потому, какъ я уже много разъ тебѣ повторялъ, что курьеры отъ васъ всѣ проѣзжаютъ по этой дорогѣ, а возвращаются къ вамъ по другой: такъ и не съ кѣмъ писать, кромѣ какъ по почтѣ. Прощай. Остаюсь, и проч..

(Остальныя письма утрачены.)

III.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить Великую Имперію Нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ Россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурное дыханіе возстающей на него вражды понуждало его поднять мечь свой на защиту Вѣры и Отечества, тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, не оказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ Нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы Наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ Царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ Намъ и къ Отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ!

Сего ради, хотя и съ Отеческимъ соболѣзнованіемъ о новой народной тягости, но съ тѣмъ же Отеческимъ попеченіемъ пріемля всѣ возможныя мѣры и предосторожности къ охраненію безопасности и благоденствія каждаго и всѣхъ, повелѣваемъ:

1. Собрать во всемъ Государствѣ съ пяти сотъ душъ шестой ревизіи по два рекрута.

2. Наборъ начать во всѣхъ Губерніяхъ со дня полученія о семъ Указовъ чрезъ двѣ недѣли и кончить въ теченіи одного мѣсяца.

3. Въ пріемѣ рекрутъ руководствоваться правилами, предписанными въ Указѣ данномъ Правительствующему Сенату 1811-го Сентября 16-го дня.

4. Рекрутъ по сему набору принимаемыхъ содержать въ Губернскихъ городахъ при гарнизонныхъ полкахъ и внутреннихъ баталіонахъ на томъ же основаніи, какъ содержатся и приготовляются рекруты въ запасныхъ Депо.

Распоряженіе объ успѣшномъ производствѣ и окончаніи сего набора въ постановляемый срокъ возлагается на попеченіе Правительствующаго Сената.

Въ Санктпетербургѣ. Марта 23-го дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

II.

ПРИКАЗЪ НАШИМЪ АРМІЯМЪ.

Изъ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войски Наши; но и тогда ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго Нами спокойствія. Французскій Императоръ нападеніемъ на войски Наши при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы Наши противу силъ непріятельскихъ. Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ. Воины! Вы защищаете Вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ.

На подлинномъ написано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

Въ Вильнѣ. Іюня 13-го 1812.

III.

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ САЛТЫКОВУ.

Графъ Николай Ивановичъ! Французскія войска вошли въ предѣлы Нашей Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я для сохраненія мира истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою Моего народа. Всѣ старанія Мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо, разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Незапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавномъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается Мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные Мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе Моего народа и храбрость войскъ Моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное Наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило Насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моемъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.
Вильна. Іюня 13-го дня 1812 года.

IV.

ПЕРВОПРЕСТОЛЬНОЙ СТОЛИЦѢ НАШЕЙ МОСКВѢ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по Отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ Нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ

силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго Дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными, на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Александръ.

Іюля 6 дня 1812. Въ главной квартирѣ близъ Полоцка.

V.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Непріятель вступилъ въ предѣлы Наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войски Наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его и то, что останется не истребленнаго, согнать съ лица земли Нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду; но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ него бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе Наше воинство, полагаемъ Мы за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ

врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой, и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

Мы уже воззвали къ первопрестольному Граду Нашему Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ Нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ Дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Благородное дворянское Сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Синодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи; народъ Русской! храброе потомство храбрыхъ Славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ, предоставляется во всѣхъ Губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя Начальника надъ оными, и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ Главный надъ всѣми Предводитель.

Въ главной квартирѣ близь Полоцка, 1812 года Іюля 6-го дня.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Александръ.

VI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

По воззваніи ко всѣмъ вѣрноподданнымъ Нашимъ о составленіи внутреннихъ силъ для защиты Отечества, и по прибытіи Нашемъ въ Москву, нашли Мы къ совершенному удовольствію Нашему во всѣхъ сословіяхъ и состояніяхъ такую ревность и усердіе, что предлагаемыя добровольно приношенія далеко превосходятъ потребное къ ополченію число людей. Сего ради, пріемля таковое рвеніе съ Отеческимъ умиленіемъ и признательностію,

обращаемъ Мы попеченіе Наше на то, чтобъ составя достаточныя силы изъ однѣхъ Губерній, не тревожить безъ нужды другихъ. Для того учреждаемъ: 1-е. Округа, состоящая изъ Московской, Тверской, Ярославской, Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской Губерній, приметъ самыя скорыя и дѣятельныя мѣры къ собранію, вооруженію и устроенію внутреннихъ силъ, долженствующихъ охранять первопрестольную Столицу Нашу Москву и предѣлы сего Округа. 2-е. Округа, состоящая изъ Санктпетербургской и Новгородской Губерній, сдѣлаетъ тожъ самое для охраненія Санктпетербурга и предѣловъ сего округа. 3-е. Округа, состоящая изъ Казанской, Нижегородской, Пензенской, Костромской, Симбирской, Вятской Губерній, приготовится разчислить и назначить людей, но до повелѣнія не сбираетъ ихъ и не отрываетъ отъ сельскихъ работъ. 4-е. Всѣ прочія Губерніи остаются безъ всякаго по онымъ дѣйствія, доколѣ не будетъ надобности употребить ихъ къ равномѣрнымъ Отечеству жертвамъ и услугамъ. Наконецъ 5-е. Вся составляемая нынѣ внутренняя сила не есть милиція или рекрутскій наборъ, но временное вѣрныхъ сыновъ Россіи ополченіе, устрояемое изъ предосторожности въ подкрѣпленіе войскамъ и для надежнѣйшаго охраненія Отечества. Каждый изъ военноначальниковъ и воиновъ, при новомъ званіи своемъ, сохраняетъ прежнее, даже не принуждается къ перемѣнѣ одежды, и по прошествіи надобности, то есть по изгнаніи непріятеля изъ земли Нашей, всякъ возвратится съ честію и славою въ первобытное свое состояніе и къ прежнимъ своимъ обязанностямъ. Государственные, экономическіе и удѣльные крестьяне въ тѣхъ Губерніяхъ, изъ коихъ составляется временное внутреннее ополченіе, не участвуютъ въ ономъ, но предоставляются для обыкновеннаго съ нихъ набора рекрутъ по установленнымъ правиламъ.

Москва. 18 Іюля 1812 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Александръ.

VII.

ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ МОСКВѢ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ГРАФУ РАСТОПЧИНУ.

Предположивъ для охраненія Московской Столицы составить внутреннія военныя силы изъ округи, заключающей въ себѣ Московскую, Тверскую, Ярославскую, Владимирскую, Рязанскую,

Тульскую, Калужскую Губернію, препоручаю бдительному надзору Вашему какъ составленіе такъ и сближеніе къ Москвѣ вышеозначенныхъ силъ, надѣясь, что вы не упустите ималѣйшаго времени къ наблюденію за скорымъ ихъ образованіемъ, и что, по мѣрѣ готовности каждой Губерніи, распорядите движеніе людей слѣдующимъ порядкомъ: изъ Тверской слѣдовать въ окрестности Клина; изъ Калужской въ окрестности Можайска и Вереи; изъ Тульской въ окрестности Серпухова; изъ Рязанской въ окрестности Каширы; изъ Владимирской въ окрестности Богородска; изъ Ярославской въ окрестности Дмитрова; Московскую же расположить въ Воскресенскѣ, Звенигородѣ и Подольскѣ. Я увѣренъ, что вы заблаговременно сдѣлаете распоряженіе о продовольствіи ихъ какъ въ пути, такъ и въ мѣстахъ, гдѣ оныя расположены будутъ, такожъ и на случай соединенія ихъ для дѣйствій противъ непріятеля. Пребываемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Александръ.

Москва. Іюля дня 1812.

VIII.

РЕСКРИПТЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ.

Преосвященнѣйшій Платонъ! Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ образъ Преподобнаго Сергія. Первое принялъ Я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и Мною столь уважаемаго Пастыря церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ Святого поборника Россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ Я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію: да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенные честію и славою дни ваши! Препоручая себя молитвамъ вашимъ, пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

Іюля дня 1812.

IX.

ГОСПОДИНУ ГЕНЕРАЛЪ МАІОРУ ГЛУХОВУ.

Производимыя вами въ Кіевѣ для укрѣпленія онаго работы должны вы такъ располагать, чтобъ отъ нихъ пещерамъ Кіев-

скихъ, гдѣ почиваютъ мощи угодниковъ Божіихъ, не послѣдовало ни малѣйшаго поврежденія. По сіе время не было Мнѣ извѣстно, что работы сіи могутъ приключить какой либо вредъ пещерамъ, а потому нынѣ, возлагая на вашу отвѣтственность, предписываю вамъ имѣть самое строгое наблюденіе о сохраненіи оныхъ во всей цѣлости и невредимости. Что принадлежитъ до деревянной Монастырской галлереи, то, по прошествіи надобности въ сихъ укрѣпленіяхъ, должна оная изъ суммъ Инженернаго вѣдомства вновь построена быть прочнѣе и красивѣе прежней.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

Москва. Іюля 17-го 1812 года.

X.

РЕСКРИПТЪ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ГРАФУ ГОЛЕНИЩЕВУ КУТУЗОВУ.

Графъ Михайло Ларіоновичъ! Съ удовольствіемъ усмотрѣли Мы въ Санктпетербургскомъ дворянствѣ тоже самое рвеніе и усердіе къ Намъ и Отечеству, какое видѣли въ Московскомъ дворянствѣ. Почему и поручаемъ вамъ — Губернатору, Предводителямъ и всему здѣшнему благородному сословію объявить благоволеніе Наше и признательность. Пребываемъ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Іюля 28, 1812.

XI.

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

Въ изъявленіе особливаго Нашего благоволенія къ усердной службѣ и ревностнымъ трудамъ Нашего Генерала отъ Инфантеріи Графа Голенищева-Кутузова, способствовавшаго къ окончанію съ Оттоманскою Портою войны и къ заключенію полезнаго мира, предѣлы Нашей Имперіи распространившаго, возводимъ Мы его съ потомствомъ его въ Княжеское Всероссійское Имперіи достоинство, присвояя къ оному титулъ Свѣтлости. Повелѣваемъ Сенату заготовить на Княжеское достоинство дипломъ и поднесть къ Нашему подписанію.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Іюля 29, 1812.

XII.

РЕСКРИПТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АРМІЕЮ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ БАРКЛАЮ ДЕ ТОЛЛИ.

Михайло Богдановичъ! Я получилъ донесенія ваши, какъ о причинахъ, побудившихъ васъ идти съ первою Арміею на Смоленскъ, такъ и о соединеніи вашемъ со второю Арміею.

Такъ какъ вы для наступательныхъ дѣйствій соединеніе сіе считали необходимо нужнымъ, то Я радуюсь, что теперь ничто вамъ не препятствуетъ предпринять ихъ, и судя по тому какъ вы меня увѣдомляете, ожидаю въ скоромъ времени самыхъ щастливыхъ послѣдствій.

Я не могу умолчать, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при начатіи военныхъ дѣйствій, нужно было оставить предѣлы Нашей земли, однакоже не иначе какъ съ прискорбностію долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжились до Смоленска. Съ великимъ удовольствіемъ слышу Я увѣренія ваши о хорошемъ состояніи Нашихъ войскъ, о воинственномъ духѣ и пылкомъ ихъ желаніи сражаться. Не менѣе доволенъ также опытами отличной ихъ храбрости во всѣхъ бывшихъ доселѣ битвахъ, и терпѣливостію оказанною ими во всѣхъ многотрудныхъ и долгихъ маршахъ.

Вы изъ рапортовъ Графа Витгенштейна видѣли блистательное дѣло, въ которомъ удалось ему не только разрушить намѣреніе Маршаловъ Удино и Магдональда, спѣшившихъ соединенными силами вторгнуться въ Псковскую губернію, но и разбить перваго изъ нихъ, такъ что одно только скорое отступленіе могло спасти его отъ совершеннаго истребленія, и Маршалъ Магдональдъ, увѣдомясь о сей побѣдѣ, принужденъ былъ ретироваться за Двину. Присланное отъ васъ ко Мнѣ донесеніе Генерала Тормасова возвѣщаетъ также не только о знаменитой самой по себѣ побѣдѣ, но еще болѣе важной потому, что Генералъ сей дѣйствуетъ теперь во флангъ и въ тылъ непріятелю. Толь благополучныя начала служатъ преддверіемъ и подаютъ твердую надежду на щастливое окончаніе нынѣшней компаніи.

Вы развязаны во всѣхъ вашихъ дѣйствіяхъ, безъ всякаго препятствія и помѣшательства, а потому и надѣюсь Я, что вы не пропустите ничего къ пресѣченію намѣреній непріятельскихъ и къ нанесенію ему всевозможнаго вреда. Напротивъ того возьмете всѣ строгія мѣры къ недопусканію своихъ людей до грабежа, обидъ и разоренія поселянамъ и обывателямъ.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о вашихъ наступатель-

ныхъ движеніяхъ, которыя по словамъ вашимъ почитаю теперь уже начатыми. Поручая Себя покровительству Божію, и твердо уповая на справедливость защищаемаго Мною дѣла, на искуство и усердіе ваше, на дарованіе и ревность Моихъ Генераловъ, на мужество и храбрость Офицеровъ и всего воинства, ожидаю въ скоромъ времени услышать отступленіе непріятеля и славу подвиговъ вашихъ. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Августа дня 1812 года.

XIII.

РЕСКРИПТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АРМІЯМИ ГЕНЕРАЛУ КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ КУТУЗОВУ.

Князь Михайло Ларіоновичъ! Знаменитый вашъ подвигъ въ отраженіи главныхъ силъ непріятельскихъ дерзнувшихъ приблизиться къ древней Нашей Столицѣ, обратилъ на сіи новыя заслуги ваши Мое и всего Отечества вниманіе. Совершите начатое толь благоуспѣшно вами дѣло, пользуясь пріобрѣтеннымъ преимуществомъ и не давая непріятелю оправляться. Рука Господня да будетъ надъ вами и надъ храбрымъ Нашимъ воинствомъ, отъ котораго Россія ожидаетъ славы своей и вся Европа своего спокойствія. Въ вознагражденіе достоинствъ и трудовъ вашихъ возлагаемъ Мы на васъ санъ Генералъ-Фельдмаршала, жалуемъ вамъ единовременно сто тысячъ рублей, и повелѣваемъ Супругѣ Вашей Княгинѣ быть Двора Нашего Статсъ-дамою. Всѣмъ бывшимъ въ семъ сраженіи нижнимъ чинамъ жалуемъ по пяти рублей на человѣка. Мы ожидаемъ отъ васъ особаго донесенія о сподвизавшихся съ вами главныхъ начальникахъ, а въ слѣдъ за онымъ и обо всѣхъ прочихъ чинахъ, дабы по представленію вашему сдѣлать имъ достойную награду. Пребываемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

Августа 31 дня 1812 года.

XIV.

РЕСКРИПТЪ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ КНЯЗЮ БАГРАТІОНУ.

Князь Петръ Ивановичъ! Съ удовольствіемъ внимая о подвигахъ и усердной службѣ вашей, весьма опечаленъ Я былъ полученною вами раною, отвлекающею васъ на время съ поля брани, гдѣ присутствіе ваше при нынѣшнихъ военныхъ обстоятельствахъ столь нужно и полезно. Желаю и надѣюсь, что Богъ подастъ вамъ скорое облегченіе, для украшенія дѣяній вашихъ новою честію и славою. — Между тѣмъ, не въ награду заслугъ вашихъ, которая въ непродолжительномъ времени вамъ доставится, но въ нѣкоторое пособіе состоянію вашему, жалую вамъ единовременно пятьдесятъ тысячъ рублей. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако: Александръ.

С. Петербургъ. Августа дня 1812 года.

XV.

РЕСКРИПТЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТУ ГРАФУ ВИТГЕНШТЕЙНУ.

Графъ Петръ Христіановичъ! Поднесенный вамъ отъ общества Псковскаго купечества образъ Гавріила Чудотворца, съ надписью: *Защитнику Пскова,* Я не токмо принять вамъ позволяю, но и купцовъ, изъявившихъ вамъ свою благодарность, за сей поступокъ ихъ похваляю. Святый и благовѣрный Князь Гавріилъ имѣетъ на мечѣ своемъ надпись: *чести моей ни кому не отдамъ.* Вы со ввѣреннымъ вамъ воинствомъ, защищая Псковъ и Отечество, оказали себя ревностнымъ сему правилу его послѣдователемъ, а потому не сумнѣваюсь, чтобъ сей Угодникъ Божій, видя образъ свой въ рукахъ вашихъ, не веселился духомъ, и не осѣнялъ васъ свыше. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Сентября 14. 1812 года.

XVI.

РЕСКРИПТЪ ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛУ КНЯЗЮ ГОЛЕНИЩЕВУ КУТУЗОВУ.

Князь Михайло Ларіоновичъ! Изъ донесеній ко мнѣ вашихъ съ великимъ прискорбіемъ усматриваю Я, что вы жалуетесь на

существующее въ войскахъ нашихъ зло, называемое мародерствомъ, самое пагубное и самое преступное, какое только быть можетъ въ солдатѣ, долженствующемъ защищать свое Отечество. Для того повелѣваю вамъ принять самыя строжайшія мѣры къ истребленію онаго и совершенному прекращенію. Каждый Начальникъ долженъ отвѣчать за подчиненныхъ своихъ, и обличенное преступленіе долженствуетъ безъ всякаго отлагательства по всей строгости Устава быть наказано. Вы уполномочены полною на то властію, и потому надѣюсь, что на искорененіи толь великаго, постыднаго и бѣдственнаго зла, обратите вы всю вашу дѣятельность, попечительность и нужную твердость духа, взыскивая особливо отвѣтственность за сіе зло съ начальниковъ безъ малѣйшаго послабленія. Да отсѣчется всякъ зараженный членъ отъ тѣла, для сохраненія здравія и цѣлости онаго. Въ подкрѣпленіе вашихъ о томъ стараній посылаю Я приказъ войскамъ. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. 29 Сентября 1812 года.

XVII.

ПРИКАЗЪ ВСѢМЪ НАШИМЪ ВОЙСКАМЪ.

Мужественные и православные воины! Любезные сыны Отечества! Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно Отечество со слезами благодарило васъ за храбрость вашу, и церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но къ великому прискорбію Моему слышу Я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнусное никогда неслыханное въ Русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника Вѣры и Отечества оскверняться сими презрительными именами? Россія мать ваша! Чтожъ можетъ быть преступнѣе, какъ видя ее расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить, и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда ни въ семъ вѣкѣ ни въ будущемъ.

Всякому Начальнику предписывается строжайше за искоре-

неніемъ сего зла смотрѣть, и тотъ, кто примѣченъ будетъ нерадѣющимъ о томъ, въ примѣръ другимъ и къ посрамленію своему, отлученъ будетъ на всегда отъ службы.

Воины! Горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огнь мщенія; потушите пожаръ ея кровію враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь, и оскорбленное Отечество.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. 29 Сентября 1812 года.

XVIII.

ИЗВѢЩАЕТСЯ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.

Здѣсь въ Санктпетербургѣ берутся нѣкоторыя мѣры къ вывозу отселѣ нужныхъ вещей. Сіе отнюдь не для того дѣлается, чтобы какая нибудь опасность угрожала сей Столицѣ. Одинъ взглядъ на положеніе войскъ нашихъ всякаго въ томъ удостовѣрить и успокоить долженъ; ибо со стороны Псковской и Рижской дорогъ непріятель не только сюда приближаться, но поражаемый часто нашими войсками, едва и тамъ держаться можетъ, и вѣроятно, при нынѣшнемъ усиленіи тамъ войскъ, не удержится. Что принадлежитъ до Московской дороги, оная хотя и засорена непріятелемъ, но на самое малое разстояніе; ибо Генералъ-Адъютантъ Винценгероде, находясь съ отрядомъ своимъ между Клиномъ и Москвою, посылаетъ разъѣзды свои подъ самую Москву; въ Твери также есть войски наши; сверхъ сего Главнокомандующій Фельдмаршалъ со всею своею Арміею наблюдаетъ движеніе непріятеля. И такъ ни самъ онъ сюда идти, ни знатной части войскъ своихъ, безъ преслѣдованія за ними, отрядить не можетъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ очевидно, что здѣшнему городу не предстоитъ никакой опасности. Чтожъ касается до вывозу, какъ сказано, отселѣ нужныхъ вещей, оное дѣлается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзаніе рѣкъ. Настоящее время не предъявляетъ никакой опасности, но мы бы погрѣшили противъ Бога, естьлибъ съ несомнѣнною увѣренностію стали утверждать будущее, о которомъ Онъ одинъ знаетъ. Вся надежда на искорененіе враговъ, не взирая на успѣхъ движенія ихъ внутрь Россіи, на нашей сторонѣ; однакоже и въ

самыхъ надежныхъ обстоятельствахъ помышленіе о предосторожности не долженствуетъ наводить ни страха, ни унынія. Мѣры сіи берутся въ безопасное время и на тотъ одинъ конецъ, что ежели бы опасность (отъ чего да сохранитъ насъ Богъ!) стала угрожать сему городу, тогда Правительство, извѣстя о томъ заблаговременно, и имѣя уже всѣ тяжелыя вещи вывезенными, облегчило бы жителямъ способы съ лучшимъ порядкомъ и безъ смятенія выѣзжать отселѣ внутрь земли. Ибо положено единожды и твердо (съ чѣмъ безсомнѣнія каждый Россіянинъ согласенъ), что какой бы ни былъ успѣхъ непріятельскаго оружія, но прежде испить всю чашу бѣдствія, нежели поноснымъ миромъ предать Россію порабощенію.

Сентября 20 дня 1812 года.

XIX.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ОТЪ УПРАВЫ БЛАГОЧИНІЯ.

На сихъ дняхъ нѣкоторые частные люди остановлены были на улицахъ другими, подъ предлогомъ подозрительныхъ или злонамѣренныхъ, подвергнуты ругательству и приведены на съѣзжіе дворы. Но когда учинено было прилежное о состояніи взятыхъ такимъ образомъ людей изслѣдованіе, то ни одинъ изъ нихъ не оказался ни виновнымъ, ни подозрительнымъ. Хотя конечно происходитъ сіе отъ похвальнаго усердія, чтобъ отвращать всякое злонамѣреніе, однакоже неблагоразумное усердіе, сопряженное съ нарушеніемъ общаго спокойствія, можетъ столько же быть вредно, какъ и самое злонамѣреніе: ибо таковая самовольная остановка людей, во первыхъ подвергаетъ всякаго невиннаго человѣка напрасному оскорбленію, во вторыхъ привлекаетъ толпу зрителей, которые, не зная въ чемъ состоитъ дѣло, каждаго задержаннаго такимъ образомъ почитаютъ за преступника; а чрезъ то число забираемыхъ разливаетъ между всѣми ложное подозрѣніе и безпокойство, которое при нынѣшнихъ обстоятельствахъ никому столько не полезно, какъ непріятелямъ и врагамъ нашимъ. По симъ причинамъ Правительство, имѣя попеченіе о благѣ общемъ, строжайше предписываетъ, чтобъ никто не дерзалъ ни на улицахъ, ни въ другихъ мѣстахъ, подъ предлогомъ подозрѣнія, кого либо останавливать и дѣлать къ проходящимъ привязки: ибо наблюдать за открытіемъ людей подозрительныхъ есть дѣло Полиціи. Но ежели кто имѣетъ достовѣрныя свѣдѣнія о людяхъ,

покушающихся нарушить общую безопасность, или о шпіонахъ, таковаго долгъ, присяга, честь и собственное благо обязываютъ объявить о семъ или мѣстной Полиціи, или Оберъ-Полицемейстеру, или же самому Главнокомандующему въ С. Петербургѣ; а самоуправнаго дѣйствія никому себѣ не присвоять иначе, какъ развѣ по какимъ либо какого дерзкаго наглымъ поступкамъ или возмутительнымъ словамъ, и въ такое время, когда никого изъ Полицейскихъ по близости не случится, и то безъ всякихъ не только побоевъ, ниже бранныхъ словъ. Кто же послѣ сего осмѣлится на улицѣ или въ другомъ мѣстѣ кого бы то ни было безъ причины, а по одному только гадательному на щетъ таковаго заключенію, остановить, называть подозрительнымъ, шпіономъ, тащить на съѣзжій дворъ, и подастъ поводъ къ стеченію зрителей, — тотъ, какъ нарушитель общаго спокойствія и личной каждаго безопасности, преданъ будетъ суду и подвергнется наказанію.

XX.

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ,

Объявляется отъ Министерства Полиціи.

Извѣстно, что непріятель учреждаетъ въ Москвѣ нѣкоторыя на французскій образецъ присутственныя мѣста или Начальства, стараясь разглашать, яко бы дѣлаетъ то для возстановленія порядка и спокойнаго въ ней пребыванія жителей. Между тѣмъ солдаты его продолжаютъ расхищать и производить разныя насилія и грабительства. Для прикрытія сихъ неистовствъ, успѣлъ онъ страхомъ или соблазнами преклонить нѣкоторыхъ Русскихъ простолюдиновъ принять на себя обязанности, быть членами сихъ учреждаемыхъ отъ него обществъ. Перехваченныя бумаги содержатъ въ себѣ имена ихъ. Правительство долженствовало бы обнародовать оныя, и произнесть надъ ними строгій и праведный судъ; ибо вступать въ учреждаемыя непріятелемъ должности есть уже признавать себя ему подвластнымъ, а не просто плѣнникомъ; но Правительство удерживается отъ сего только потому, что бумаги сіи не совсѣмъ достовѣрны, и что оно безъ точнаго о томъ освѣдомленія опасается преждевременнымъ и поспѣшнымъ осужденіемъ оскорбить невинность. Между тѣмъ обращая вниманіе и попеченіе свое о благѣ каждаго и всѣхъ, не можетъ оставить безъ предварительнаго увѣщанія, чтобъ всякъ опасался вѣрить лукавому гласу враговъ, пришедшихъ сюда устами обѣщать безопасность и покой, а руками жечь, грабить и разорять Царство

наше. Какому надлежитъ быть или безумію, или крайнему развращенію, дабы повѣрить, что тотъ, который пришелъ сюда съ мечемъ, на убіеніе насъ изощреннымъ, съ пламенникомъ для воспаленія нашихъ домовъ, съ цѣпями для возложенія ихъ на выю нашу, съ кошницами для наполненія ихъ разграбленнымъ имуществомъ нашимъ, что тотъ желаетъ устроить нашу безопасность и спокойствіе? Сохранитъ ли тотъ славу и честь нашу, кто пришелъ отнять ихъ у насъ? Пощадитъ ли тотъ кровь нашу, кто ничѣмъ отъ насъ неоскорбленный пришелъ ее проливать? Оставитъ ли тотъ безпрепятственно соблюдать намъ древнюю предковъ нашихъ Вѣру, кто святотатственною рукою дерзаетъ обдирать оклады съ почитаемыхъ нами Святыхъ и чудотворныхъ Иконъ? — Чтожъ значатъ его слова и обѣщанія? Сынъ ли тотъ Отечества, кто имъ повѣритъ? — По симъ причинамъ Правительство почитаетъ за нужное обвѣстить всенародно: 1) Что оно прилагаетъ всевозможное попеченіе о помощи и призрѣніи разоренныхъ отъ непріятеля, скитающихся безъ пристанища людей; 2) Что симъ предварительнымъ извѣщеніемъ надѣется спасти простоту отъ поздняго раскаянія въ легковѣрности, дерзость же, не стыдящуюся нарушать долгъ и присягу, устрашить праведнымъ и неизбѣжнымъ наказаніемъ.

Октября 9. 1812.

XXI.

ИЗВѢСТІЕ ИЗЪ МОСКВЫ ОТЪ 17-го ОКТЯБРЯ.

Не долго былъ здѣсь непріятель. Одинъ мѣсяцъ и восемь дней. Но оставилъ по себѣ слѣды звѣрства и лютости, которые въ бытописаніяхъ народовъ покроютъ соотечественниковъ и потомковъ его вѣчнымъ стыдомъ и безчестіемъ. Смотря на богомерзкія дѣла его въ Москвѣ, и слыша получаемыя отъ всѣхъ мѣстъ, которыми онъ проходилъ, печальныя извѣстія, водворяется въ сердцѣ каждаго нѣкоторый доселѣ неизвѣстный степень гнусности и омерзѣнія къ злодѣяніямъ человѣческимъ. Добродѣтельная душа содрогается, и отвращаетъ взоры свои отъ сего срамнаго позорища; она желаетъ изгладить оное изъ памяти, дабы не осквернять имъ чистоты своихъ мыслей. Обозрѣвая въ совокупности всѣ сіи ужасы, мы не можемъ сказать, что *ведемъ войну съ непріятелемъ*. Таковое выраженіе было бы весьма обыкновенное, далеко недостаточное къ изъявленію тѣхъ неистовыхъ дѣлъ, ко-

торыя совершаются. Всякая война подвергаетъ неисчетнымъ бѣдствіямъ родъ смертныхъ; но покрайней мѣрѣ между просвѣщенными народами зло сіе ограничивалось нѣкоторыми правилами достоинства и человѣколюбія. Гордость одной Державы состязалась съ гордостію другой; но и въ самой пылкой брани съ обѣихъ сторонъ столько же пеклись о побѣдѣ и о славѣ оружія, сколько о соблюденіи чести и добраго имени народа своего. Мечь покорялъ силу, честь побуждала щадить человѣчество и защищать слабость. За крайній стыдъ и преступленіе почиталось воину быть грабителемъ и разбойникомъ. Завоеватель бралъ обороняющійся городъ, но вступя въ него, охранялъ собственность и безопасность каждаго. Мирный поселянинъ лишался иногда части своихъ припасовъ; но поля его, домъ, жена, дѣти, оставались цѣлы и здоровы. Въ войнахъ со Шведами Петръ Великій при взятіи Нарвы обагрилъ мечь свой кровію своихъ подданныхъ, дерзнувшихъ обезчеститься грабительствомъ. При Екатеринѣ Второй нѣкоторому изъ частныхъ Начальниковъ нашихъ сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ за сожженіе одной Шведской деревни. Равнымъ образомъ и Шведы, захватя иногда пожитки частнаго человѣка, присылали ихъ обратно къ намъ. Въ послѣднюю войну съ Англіею непріятели всегда платили деньги за взятыя ими у частныхъ людей вещи, и въ бытность свою у Наргина, увидя на семъ острову пожаръ, послали тотчасъ съ кораблей своихъ людей для потушенія онаго. Таковъ есть образъ войны между Державами наблюдающими честь имени своего. Даже и между дикими народами, похожими больше на звѣрей, нежели на человѣка, примѣчается только жадность къ грабежу, а не жадность къ разрушенію всего. Они нападаютъ на сосѣдей своихъ, убиваютъ ихъ и грабятъ, но не истребляютъ того, чего взять съ собою не могутъ. Мы въ просвѣщенныя нынѣшнія времена, отъ народа славившагося нѣкогда пріятностію общежитія, и который всегда пользовался въ землѣ нашей гостепріимствомъ и дружбою, видимъ примѣры лютости и злобы, какихъ въ бытописаніяхъ самыхъ грубѣйшихъ Африканскихъ и Американскихъ обитателей тщетно будемъ искать. Одна Москва представитъ намъ плачевный образъ неслыханныхъ злодѣяній. Непріятель вошелъ въ нее безъ всякаго отъ войскъ нашихъ сопротивленія, безъ обороны отъ жителей, которые почти всѣ заблаговременно выѣхали. Никакая текущая кровь его не подавала ему повода къ ярости и мщенію. Казалось бы при таковыхъ обстоятельствахъ одна честь имени народа своего долженствовала обязать его сохранить древнюю, вѣками

украшенную Столицу; ибо никто кромѣ поврежденнаго умомъ, не пожелаетъ искать славы Герострата. Но чтожъ оказалось? Едва онъ успѣлъ войти въ нее, какъ неистовые солдаты его, Офицеры и даже Генералы, пошли по домамъ грабить, и всѣ вещи, которыхъ не могли забрать къ себѣ, зеркала, хрусталь, фарфоръ, картины, мебели, посуду и проч., подобно бѣшенымъ, старались разбить, разломать, разрубить, раскидать по разнымъ мѣстамъ. Вино въ бочкахъ, которыхъ ни выпить ни взять съ собою не могли, разливали по улицамъ. Книги рвали, раздирали и бросали. Сего не довольно: нещастная Москва, жертва лютости, вдругъ во многихъ мѣстахъ воспылала. Многія великолѣпныя зданія превратились въ пепелъ, и тѣ самые домы, гдѣ недавно предъ симъ соотчичи ихъ, не взирая на военное время, мирно торговали. И сего еще мало: стѣны разграбленныхъ и уцѣлѣвшихъ отъ огня домовъ пушечными выстрѣлами усильно проламывать трудились. Но и симъ звѣрство ихъ еще не насытилось. Къ расхищенію и разрушенію присовокупляли безчеловѣчіе и лютость: набравъ груду вещей, возлагали бремя сіе на пойманнаго на улицѣ стараго или увѣчнаго человѣка, принуждая его нести оное въ ихъ станъ; и когда сей подъ тяжестію изнемогалъ, то сзади обнаженными палашами убивали его до смерти. Нѣкто изъ пожилыхъ благородныхъ людей, будучи въ параличѣ, не могъ выѣхать изъ Москвы, и оставался въ собственномъ своемъ домѣ. Къ нему вбѣжали нѣсколько человѣкъ, и въ глазахъ у него разграбили и зажгли домъ его. Онъ съ трудомъ вышелъ на улицу, гдѣ другая шайка тотчасъ напала на него, содрала съ него сертукъ, все платье, сапоги, чулки и стала снимать послѣднюю рубашку; нещастный больной въ знакъ прозьбы прижалъ ее руками къ тѣлу, но получа саблею ударъ по лицу растянулся нагъ и окровавленъ безъ чувствъ на земли. Во многихъ мѣстахъ лежали обруганныя, изувѣченныя и мертвыя женщины. Индѣ могилы разрыты, и гробы растворены для похищенія корыстей съ усопшихъ тѣлъ. Но и сихъ всѣхъ мерзостей и неистовствъ еще недовольно: двери у храмовъ Божіихъ отбиты, Иконы обнажены отъ окладовъ, ризы разодраны, иконостасы поломаны и разбросаны по полу. . . . . . Но да закроются богомерзкія дѣла сіи непроницаемою отъ очей нашихъ завѣсою! Поруганіе святыни есть самый верхъ безумія и развращенія человѣческаго. Посрамятся дѣла нечестивыхъ, и путь ихъ погибнетъ. Онъ уже и погибаетъ. Исполнилась мѣра злодѣянія, воспаленные храмы и дымящаяся кровь подвигли на гнѣвъ долготерпѣніе Божіе. Поражаемый со всѣхъ сторонъ врагъ нашъ

уже не силами своими, прежде грозными, нынѣ же истощенными, гладными и умирающими, устрашаетъ, но дѣлами злобы и лютости. Низверженный въ бездну отчаянія, видя погибель свою, изрыгаетъ весь остатокъ ядовитой желчи своей, дабы еще единожды угрызть и погибнуть съ шумомъ. Уже не покушается болѣе обманывать народъ нашъ лживыми возвѣщеніями о безопасномъ подъ господствомъ его пребываніи въ Москвѣ, уже не хочетъ болѣе скрывать срамоту дѣлъ своихъ безстыдными увѣреніями, что не онъ, а сами Русскіе жгутъ себя, грабятъ и терзаютъ: уже всѣ сіи клеветы и обманы отлагаетъ; но претерпя на поляхъ брани сильное отъ войскъ нашихъ пораженіе, и видя себя изгоняемаго изъ Москвы, предается всей своей ярости, и въ послѣдній разъ силится излить оную подорваніемъ Кремля и храмовъ Божіихъ. Кто послѣ сего усумнится, чтобъ онъ, естьли бы то въ возможности его состояло, не подорвалъ всю Россію и можетъ быть всю землю, не исключая и самой Франціи? Таковымъ оказалъ себя глава и предводитель враговъ нашихъ! Но меньше ли оказались свирѣпыми исполнители и слуги его и своихъ собственныхъ страстей? Могъ ли бы онъ духъ ярости и злочестія своего вдохнуть въ миліоны сердецъ, естьли бы сердца сіи сами собою не были развращены и не дышали злонравіемъ? Хотя конечно во всякомъ и благочестивомъ народѣ могутъ быть изверги; однако же когда сихъ извергову, грабителей, зажигателей, убійцъ невинности, оскорбителей человѣчества, поругателей и осквернителей самой святыни, появится въ цѣломъ воинствѣ почти всякъ и каждый, то невозможно, чтобъ въ народѣ такой Державы были благіе нравы. Человѣческая душа не дѣлается вдругъ злою и безбожною: она становится таковою мало по малу, отъ примѣровъ, отъ соблазна, отъ общаго и долговременно разливающагося яда безвѣрія и развращенія. Сами Французскіе писатели изображали нравъ народа своего сліяніемъ тигра съ обезъяною; и когда же не былъ онъ таковъ? Гдѣ, въ какой землѣ весь Царскій домъ казненъ на плахѣ? Гдѣ, въ какой землѣ столько поругана была Вѣра и самъ Богъ? Гдѣ, въ какой землѣ самыя гнусныя преступленія позволялись обычаями и законами? Взглянемъ на адскія изрыгнутыя въ книгахъ ихъ лжемудрованія, на распутство жизни, на ужасы революціи, на кровь пролитую ими въ своей и чужихъ земляхъ: слыхано ли когда, чтобъ столѣтніе старцы и нерожденные еще младенцы осуждались на казнь и мученіе? Гдѣ человѣчество? Гдѣ признаки добрыхъ нравовъ? Вотъ съ какимъ народомъ имѣемъ мы дѣло! И посему должны разсуждать, можетъ

ли прекращена быть вражда между безбожіемъ и благочестіемъ, между порокомъ и добродѣтелію? Долго мы заблуждались, почитая народъ сей достойнымъ нашей пріязни, содружества, и даже подражанія. Мы любовались, и прижимали къ груди нашей змѣю, которая терзая собственную утробу свою, проливала къ намъ ядъ свой, и наконецъ насъ же за нашу къ ней привязанность и любовь всезлобнымъ жаломъ своимъ уязвляетъ. Не постыдимся признаться въ нашей слабости. Похвальнѣе и спасительнѣе упасть и возстать, нежели видѣть свою ошибку и лежать подъ вреднымъ игомъ ея. Опаснѣе для насъ дружба и соблазны развратнаго народа, чѣмъ вражда ихъ и оружіе. Возблагодаримъ Бога! Онъ и во гнѣвѣ Своемъ намъ Отецъ, пекущійся о нашемъ благѣ. Провидѣніе въ ниспосланіи на насъ бѣдствій являетъ намъ Свою милость. Лишеніе богатствъ поправится умѣренностію роскоши, вознаградится трудолюбіемъ и сторицею со временемъ умножится; но повреждение нравовъ, зараза невѣрія и злочестія погубили бы насъ невозвратно. Очевидный, исполненный мерзостей, пожарами Москвы осіянный, кровію и ранами нашими запечатлѣнный примѣръ напослѣдокъ долженъ намъ открыть глаза, и увѣрить насъ, что мы одно изъ двухъ непремѣнно избрать долженствуемъ: или, продолжая питать склонность нашу къ злочестивому народу, быть злочестивыми его рабами; или, прервавъ съ нимъ всѣ нравственныя связи, возвратиться къ чистотѣ и непорочности нашихъ нравовъ, и быть именемъ и душею храбрыми и православными Россіянами. Должно единожды рѣшиться между зломъ и добромъ поставить стѣну, дабы зло не прикоснулось къ намъ: тогда искусясь кровію и бѣдами своими, возстанемъ мы, купимъ неложную себѣ славу, доставимъ спокойствіе потомкамъ нашимъ, и благодать Божія пребудетъ съ нами.

XXII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему Генералъ-Фельдмаршалу Князю Голенищеву-Кутузову.

Усердная Ваша служба и многія оказанныя Вами знаменитыя Отечеству заслуги, а наконецъ и нынѣ въ 6-й день сего текущаго мѣсяца одержанная войсками, предводительству вашему порученными, совершенная побѣда надъ сильнымъ Французскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Короля Іоахима Мюрата состоящимъ,

обращаютъ вновь на васъ вниманіе Наше и признательность, въ ознаменованіе которыхъ признали Мы за благо пожаловать вамъ золотую съ лавровыми вѣнками, украшенную алмазами шпагу. Сей воинственный знакъ, достойно Вами стяжанный, да предшествуетъ славѣ, какою по искорененіи всеобщаго врага, увѣнчаетъ васъ Отечество и вся Европа.

Въ С. Петербургѣ. Октября дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXIII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно:

Всему свѣту извѣстно, какимъ образомъ непріятель вступилъ въ предѣлы Нашей Имперіи. Никакія пріемлемыя Нами мѣры къ точному соблюденію мирныхъ съ нимъ постановленій, ниже прилагаемое во всякое время стараніе всевозможнымъ образомъ избѣгать отъ кровопролитной и разорительной войны, не могли остановить его упорнаго и ничѣмъ непреклоннаго намѣренія. Съ мирными въ устахъ обѣщаніями не преставалъ онъ помышлять о брани. Наконецъ приготовя сильное воинство и пріумножа оное Австрійскими, Прусскими, Саксонскими, Баварскими, Виртембергскими, Вестфальскими, Италіанскими, Гишпанскими, Португальскими и Польскими полками, угрозами и страхомъ приневоленными, со всѣми сими многочисленными силами и множествомъ орудій двинулся онъ внутрь земли Нашей. Убійства, пожары и опустошенія слѣдовали по стопамъ его. Разграбленныя имущества, сожженные города и селы, пылающая Москва, подорванный Кремль, поруганные храмы и олтари Господни, словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и лютости, открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное Царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми

бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясть вѣрность къ престолу, поруганіемъ же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать Вѣру, и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ пагубные свои замыслы, и съ ними на подобіе тлѣтворной и смертоносной бури понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее Наше Отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день свободы своей и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми нашими войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить, и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войски свои по всюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго спасенія своего въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои, и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и знаменитымъ подвигамъ любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ Мы теплое и усердное благодареніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего Отечества изъявляемъ признательность и благодарность Нашу всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частію или истреблены или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрые войски Наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію Государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ опол-

ченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расторгала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько предъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ Санктпетербургскія и Новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ Графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній Главнокомандующаго и другихъ Генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли Мы, что во многихъ губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей, и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимыя ими удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтныхъ дѣтей, а сами вооружась и поклявшись предъ Святымъ Евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго истреблены и взяты въ плѣнъ крестьянами, и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, мы вмѣстѣ съ Православною церковію и Святѣйшимъ синодомъ и духовенствомъ призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что естьли неукротимый врагъ нашъ и поругатель Святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ Нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить предъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность Нашу, и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому. Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 3 день мѣсяца Ноября въ лѣто отъ Рождества Христова 1812, царствованія же Нашего во второенадесять.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако: Александръ.

XXIV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Имѣя попеченіе о пользѣ и благѣ Богомъ ввѣренныхъ Намъ Державъ, заключили и утвердили Мы, какъ изъ приложеннаго при семъ трактата явствуетъ, съ Его Величествомъ Королемъ Испанскимъ и Индійскимъ Фердинандомъ VII доброе согласіе и союзъ. Хотя желаніе соблюсти миръ и тишину какъ въ Государствѣ Нашемъ, такъ и вездѣ, не допускало Насъ, прежде приступить къ сему торжественному постановленію; однакоже Мы и въ то время не упускали никогда изъ виду должнаго уваженія къ Правительству и народу, оказавшему себя столь мужественнымъ и твердымъ. Нынѣ же съ душевнымъ удовольствіемъ обращаемся къ изъявленію сихъ нашихъ чувствованій. Союзъ съ таковымъ народомъ пріятенъ и вожделенъ Россійскому народу. Данъ въ Санктпетербургѣ, въ 7-й день мѣсяца Ноября въ лѣто отъ Рождества Христова 1812. Царствованія же Нашего во второенадесять.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако: Александръ.

XXV.

РЕСКРИПТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ МОСКВѢ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ГРАФУ РАСТОПЧИНУ.

Графъ Федоръ Васильевичъ! Обращая печальный взоръ Нашъ на пострадавшую отъ руки злобнаго непріятеля Москву, съ крайнимъ сожалѣніемъ помышляемъ Мы объ участи многихъ потерпѣвшихъ и разоренныхъ жителей Ея. Богу такъ угодно было! Не исповѣдимы судьбы Его. Часто въ буряхъ посылаетъ онъ намъ спасеніе, и во гнѣвѣ являетъ милость свою. Сколь ни болѣзненно Русскому сердцу видѣть древнюю Столицу Нашу большою частію превращенную въ пепелъ, сколь ни тяжко взирать на опаленные и поруганные храмы Божіи; но не возгордится врагъ нашъ сими своими злодѣйствами: пожаръ Москвы потушенъ кровію его! Подъ пепломъ ея лежатъ погребены гордость его и сила. Изъ оскорбленныхъ нечестивою рукою его храмовъ Божіихъ изникла грозная и праведная месть. Уже руки, наносившія зло Россіи, связаны; уже обращенный въ бѣгство непріятель, предавъ на посѣченіе

тилъ свой, льетъ кровавые токи по слѣдамъ своимъ. Гладъ и Смерть текутъ за нимъ. Быстрота стопъ не помогаетъ ему. Долгота пути приводитъ его въ отчаяніе. Россія видитъ сіе, и вскорѣ съ радостію увидитъ вся Европа. И такъ хотя великолѣпную Столицу Нашу пожралъ не сытый огонь, но огонь сей будетъ въ роды родовъ освѣщать лютость враговъ и нашу славу. Въ немъ сгорѣло чудовищное намѣреніе всесвѣтнаго обладанія, приключившее толико бѣдствій всему роду человѣческому, и приготовлявшее столько же золъ предбудущимъ родамъ. Россія вредомъ своимъ купила свое спокойствіе и славу быть спасительницею Европы. Толь знаменитый и достойный храбраго народа подвигъ исцѣлитъ и не дастъ ей ранъ своихъ чувствовать. Между тѣмъ обращая попечительное вниманіе Наше на пострадавшихъ жителей Московскихъ, повелѣваемъ вамъ немедленно приступить къ призрѣнію ихъ и къ поданію нуждающимся всевозможной помощи, возлагая на васъ обязанность представлять Намъ о тѣхъ, которые наиболѣе претерпѣли. Пребываемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Ноября 11. 1812.

XXVI.

ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ МОСКВѢ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ГРАФУ РАСТОПЧИНУ.

Хотя изгнанный изъ Москвы непріятель краткое время былъ въ ней, и хотя не преодолѣніемъ противупоставленной ему обороны вошелъ въ нее, и не силою осадныхъ орудій, но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній нанесъ ей тяжкій вредъ; однакоже онъ не престанетъ тѣмъ тщеславиться и величаться. Для уничиженія и помраченія сего самохвальства его, повелѣли Мы Генералъ-Фельдмаршалу Князю Кутузову всю отбитую у него въ разныхъ сраженіяхъ Артиллерію препровождать въ Москву, гдѣ на память многократныхъ побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ, имѣетъ изъ сихъ отнятыхъ у нихъ орудій воздвигнутъ быть увѣнчанный лаврами столпъ. Да свидѣтельствуетъ сей памятникъ не постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей, но славные и знаменитые подвиги храбраго народа и войскъ, умѣющихъ на поляхъ брани карать враговъ и наказывать злодѣевъ. Въ слѣдствіе сего

имѣете вы сдѣлать надлежащее распоряженіе о пріемѣ и храненіи сей Артиллеріи, по мѣрѣ доставленія которой доводите оное до Нашего свѣденія.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 14-го 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXVII.

ГОСПОДИНУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВЪ МОСКВѢ ГЕНЕРАЛУ ОТЪ ИНФАНТЕРІИ ГРАФУ РАСТОПЧИНУ.

Сего мѣсяца 5 и 6-го числъ непріятельская армія, состоявшая изъ корпусовъ Фельдмаршаловъ Даву и Нея, подъ предводительствомъ самаго Французскаго Императора Наполеона, войсками Нашими въ окрестностяхъ города *Краснаго* совершенно разбита: непріятель потерялъ множество убитыми, между которыми не мало Генераловъ и Офицеровъ. Число плѣнныхъ съ Генералами и Офицерами простирается за двадцать тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ двѣнадцать тысячъ положили ружье предъ побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ. Нѣсколько знаменъ и болѣе двухъ сотъ пушекъ достались намъ въ добычу. Самъ Императоръ ускакалъ, одинъ изъ Фельдмаршаловъ раненъ, у другаго взятъ жезлъ его. Вознося ко Всевышнему теплое моленіе Наше за сію дарованную Намъ отъ Него знаменитѣйшую побѣду, повелѣваемъ вамъ во всѣхъ церьквахъ принесть благодарственное о томъ молебствіе.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 14-го дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXVIII.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Учредившемуся съ дозволеніемъ Нашимъ въ Санктпетербургѣ, для собиранія добровольныхъ подаяній, обществу подъ названіемъ, *Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля*, повелѣваемъ сноситься съ Губернаторами и Министромъ Полиціи, для доставленія сему сословію нужныхъ свѣденій и способовъ къ удобнѣйшему подаванію помощи претерпѣвшимъ и разореннымъ отъ непріятельскаго нашествія людямъ, позволяя оному какъ учрежденіе

свое, такъ равно приходы и расходы свои къ общему всѣхъ свѣдѣнію обнародывавать и печатать.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 19, 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

УЧРЕЖДЕНІЕ,

въ помощь пострадавшимъ и разоренным отъ непріятеля городскимъ и сельскимъ жителямъ, Высочайше утвержденное.

Одна изъ первѣйшихъ должностей человѣка есть сострадать и помогать подобному себѣ. Все его къ сему доброму свойству и благому расположенію души преклоняетъ и убѣждаетъ. Обратится ли онъ къ природѣ? она говоритъ ему: ты самъ человѣкъ, подверженъ бѣдамъ, перемѣнамъ, страданію, болѣзни, смерти, и потому въ нещастіи каждаго долженъ самаго себя видѣть. Отнесется ли онъ къ благонравію и добродѣтели? онѣ твердятъ ему, что нѣтъ ничего почтеннѣе и любезнѣе въ человѣкѣ, какъ жалость и милосердіе, и нѣтъ ничего презрительнѣе и противнѣе въ немъ, какъ безчувственность и жестокосердіе. Прибѣгнетъ ли онъ къ вѣрѣ и закону? Послушаемъ самаго Богочеловѣка, Христа, вѣщающаго съ Престола славы Своея въ день страшнаго суда: „Пріидите (говоритъ онъ милосердымъ) благословеніи отца моего, „наслѣдите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо и дасте ми ясти; возжадахся, и напоисте мя; страненъ „бѣхъ, и введосте мене; нагъ и одѣясте мя; боленъ и посѣтисте „мене; въ темницѣ бѣхъ, и пріидосте ко мнѣ.“ Тогда отвѣчаютъ ему праведницы „глаголюще: Господи! когда тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ? или жаждуша и напоихомъ? Когда же тя „видѣхомъ странна, и введохомъ? или нага и одѣяхомъ? когда же „тя видѣхомъ боляща или въ темницѣ, и пріидохомъ къ тебѣ? И „отвѣщавъ царь речетъ имъ: аминь глаголю вамъ, понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе.“ Потомъ, обратясь къ немилостивымъ и жестокосердымъ, говоритъ имъ: „Идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный „діаволу и ангеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте ми ясти; „возжадахся, и не напоисте мене; страненъ бѣхъ, и не введосте „мене; нагъ и не одѣясте мене; боленъ, и въ темницѣ, и не посѣтисте мене. Тогда отвѣщаютъ ему и тіи глаголюще: Господи! „когда тя видѣхомъ алчуща, или жаждуща, или странна, или „нага, или больна, или въ темницѣ, и не послужихомъ тебѣ? „Тогда отвѣщаетъ имъ глаголя: аминь глаголю вамъ, понеже не

„сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе." Изъ сихъ божественныхъ словъ видимъ мы, что человѣколюбіе и дочь его милосердіе не только сродны человѣку, яко воспоминаніе о самомъ себѣ въ другомъ, подобномъ ему; но еще и толь тѣсно сопряжены съ самымъ Богомъ, что онъ простертую брату нашему руку помощи или утѣшенія пріемлетъ, какъ бы оная къ нему простерта была, и самая бѣдная наша, насыщающая сироту или вдовицу, лепта, насыщаетъ самаго Царя Царей и Владыку міра. Онъ даже не признаетъ себя любимымъ отъ насъ, безъ любви нашей къ подобнымъ намъ. Святое писаніе говоритъ: „Иже имать „богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затво„ритъ утробу свою отъ него, како любы Божія пребываетъ въ „немъ? Не любимъ словомъ, ниже языкомъ, но дѣломъ и истиною. „Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, „ложь есть: ибо не любяй брата своего, его же видѣ, Бога, его „же не видѣ, како можетъ любити?" Толь богоугодны и спасительны для насъ дѣла милосердія! Когда же во всякое время благородному сердцу полезно и пріятно помогать страждущему человѣчеству, то сколь наипаче оное нужно и достохвально въ нынѣшнія времена, когда рукою безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ во многихъ губерніяхъ селенія и домы соотечественниковъ нашихъ истреблены огнемъ, и многіе изъ нихъ, лишась всего, что имѣли, и потерявъ отцевъ, или мужей, или братьевъ, или сыновей своихъ, падшихъ за вѣру и спасеніе Отечества, остались въ старости или малолѣтствѣ вдовами или сиротами, безъ всякой помощи и пропитанія. Хотя правительство прилагаетъ всевозможное попеченіе о сохраненіи ихъ отъ глада и нищеты, однакоже вражеская рука умѣла сдѣлать число ихъ такъ великимъ, что никакимъ образомъ невозможно удовлетворить всѣмъ ихъ нуждамъ. По сей причинѣ съ дозволенія Государя Императора, подъ особымъ покровительствомъ Высокой особы, учреждается пріемъ добровольнаго приношенія въ пользу пострадавшихъ и разоренныхъ отъ непріятеля городскихъ и сельскихъ жителей, на слѣдующемъ основаніи:

1.

О НАЗВАНІИ МѢСТА.

Мѣсту сему называться: *Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля.*

2.

О СОСТАВЛЯЮЩИХЪ СІЕ СОСЛОВІЕ ОСОБАХЪ.

Оное состоитъ подъ главнымъ покровительствомъ Высокой особы.

ПОПЕЧИТЕЛИ.

Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Графъ Викторъ Павловичъ Кочубей.

Оберъ-Шенкъ Графъ Николай Николаевичъ Головинъ.

Оберъ-Гофмаршалъ Графъ Николай Александровичъ Толстой.

Государственный Секретарь Александръ Семеновичъ Шишковъ.

Оберъ-Прокуроръ Синода Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

При нихъ потребное число повѣренныхъ и письмоводителей.

3.

О ПРАВѢ ПОПЕЧИТЕЛЕЙ.

Они имѣютъ право: 1-е, сноситься съ Министерствомъ полиціи и Губернаторами, которые по требованіямъ ихъ доставляютъ имъ справки и стараются во всемъ имъ содѣйствовать. 2-е. Они могутъ печатать и увѣдомлять публику о своихъ доходахъ, расходахъ и распоряженіяхъ, дабы вѣрными отчетами и показаніемъ употребленія денежнаго сбора привлечь къ себѣ общую довѣренность и чрезъ то умножить число благотворительныхъ вкладовъ.

4.

О ВРЕМЕНИ ИХЪ ПРИСУТСТВІЯ.

Попечители собираются для исправленія дѣлъ два, или когда найдутъ за нужное, три дни въ недѣлю.

5.

О ДОЛЖНОСТИ ИХЪ.

Должность ихъ состоитъ: 1-е. Въ пріемѣ и сохраненіи денежнаго сбора. 2-е. Въ разсмотрѣніи нуждъ и удовлетвореніи просителей. 3-е. Въ стараніи прославлять и дѣлать извѣстными имена тѣхъ, которые принесутъ важное пожертвованіе.

6.

О ПРІЕМѢ ИЛИ ПРИХОДѢ.

Въ пріемъ поступаютъ деньги и вещи съ наблюденіемъ правила, что всякій даръ пріемлется съ благодарностію; ибо *всякое даяніе благо.* Великодушные люди, желающіе способствовать сему при нынѣшнихъ обстоятельствахъ по истинѣ благому и богоугодному дѣлу, могутъ подаянія свои присылать съ нарочными или чрезъ почту, съ надписью на имя одного изъ попечителей. Тако да спасется жизнь и отрутся слезы многимъ, осужденнымъ проливать ихъ рукою безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ!

Получаемыя деньги записываются въ приходную книгу, съ именемъ или безъ имени дающаго, смотря потому, какъ отъ него дано или прислано будетъ. Вещи же записываются въ особливую книгу, и, по скопленіи оныхъ, продаются съ публичнаго торгу. Вырученныя за нихъ деньги вносятся въ денежный сборъ и записываются въ общую книгу денежнаго прихода.

7.

О ХРАНЕНІИ ДЕНЕГЪ.

Собираемыя деньги хранятся, подъ непосредственнымъ вѣденіемъ одного изъ попечителей, въ сохранной казнѣ, и вынимаются на расходы по надобностямъ.

8.

О РАСХОДѢ.

Дабы вспомоществованіе было съ разборомъ и служило дѣйствительно къ удовлетворенію нуждъ, а не прихотей, полагается наблюдать слѣдующее: Изъ отдѣленныхъ мѣстъ, особливо же отъ жителей тѣхъ Губерній, кои наиболѣе отъ непріятеля пострадали, прозьбы отъ цѣлыхъ селеній и отъ частныхъ лицъ, на имя сословія, подаются къ Губернатору той Губерніи, отъ дворянскихъ селеній чрезъ помѣщиковъ своихъ, отъ экономическихъ же чрезъ постановленное надъ ними начальство. Въ прозьбѣ, естьли оная отъ цѣлаго селенія, означается число душъ мужеска и женска пола, и описывается претерпѣнное ими разореніе, съ засвидѣтельствованіемъ о томъ дворянскаго предводителя и двухъ или трехъ лучшихъ дворянъ того уѣзда или края. Губернаторъ, по освѣдомленіи о томъ на мѣстѣ, препровождаетъ прозьбу ихъ въ сословіе, увѣдомляя оное какъ о точности сего показанія, такъ и о томъ, получилиль уже просители какое вспоможеніе отъ Правительства и отъ приказа общественнаго призрѣнія, или не получили.

9.

Сословіе, по разсмотрѣніи подлинныхъ нуждъ просителей, назначаетъ имъ помощь, и буде важность суммы требуетъ того, то посылаетъ отъ себя повѣреннаго, который вмѣстѣ съ Предводителемъ того уѣзда, приглася съ собою первенствующую въ томъ городѣ или краю духовную особу, развозятъ и каждому селенію или частному лицу раздаютъ назначенное имъ вспоможеніе.

10.

Буде бы, по освидѣтельствованію на мѣстѣ, случилось, что назначенная помощь мала, или велика, въ такомъ случаѣ повѣ-

ренный, предводитель и духовная особа, всѣ трое вмѣстѣ должны мнѣніе свое представить сословію и ожидать разрѣшенія.

11.

Сословіе дѣлаетъ одно только единовременное вспоможеніе.

12.

Сословіе, по нѣкоторомъ времени сбора, даетъ знать особливымъ извѣщеніемъ, какъ о суммѣ собранной, такъ и о томъ, что оно уже въ состояніи удовлетворять прозьбамъ.

13.

Попечители, каждый мѣсяцъ, приходу и расходу своему подаютъ вѣдомость покровительствующей сему сословію Высокой особѣ.

XXIX.

РЕСКРИПТЫ ГРАЖДАНСКИМЪ ГУБЕРНАТОРАМЪ:

Московскому, Тверскому, Калужскому, Смоленскому, Псковскому, Витебскому, Могилевскому.

По вступленіи непріятеля въ предѣлы Наши, наиболѣе же во время пребыванія его въ Москвѣ и послѣ стремительнаго бѣгства его изъ оной, при разныхъ нанесенныхъ ему отъ войскъ Нашихъ и отъ частныхъ ополченій и отрядовъ многократныхъ пораженіяхъ, отбито у него и растеряно имъ по дорогамъ, сверхъ знатнаго числа пушекъ, множество ружей и пистолетовъ, которыми для вящшаго истребленія его вооружался вѣрный и храбрый Нашъ народъ. Нынѣ многія губерніи отъ малочисленныхъ остатковъ бѣгущаго изъ Россійскихъ предѣловъ непріятеля совершенно очищены, и мирные поселяне, истребя и прогнавъ лютаго врага, не имѣютъ болѣе надобности въ сихъ оружіяхъ. А какъ и въ войскахъ Нашихъ, частію отъ поврежденія и ломки, частію же отъ новаго укомплектованія полковъ, оказывается въ ружьяхъ и пистолетахъ не малая надобность для преслѣдованія и нанесенія врагу послѣднихъ ударовъ, того ради повелѣваемъ вамъ, чрезъ земскую полицію обвѣстить всѣхъ жителей ввѣренной вамъ губерніи, дабы они имѣющіяся у нихъ годные къ употребленію ружья и пистолеты сносили по церквамъ, отколѣ, какъ изъ городовъ такъ и деревень, свозить оные въ Губернскій городъ, и о количествѣ и калибрѣ ихъ ежемѣсячно доносить Намъ, подписывая на конвертахъ: *въ собственныя руки.* Мы не хотимъ воспользоваться сими оружіями, какъ добычею воинскою, принадлежащею

казнѣ, но повелѣваемъ всякому предъявителю за каждое ружье и каждую пару пистолетъ платить по пяти рублей. Кто же отыщетъ зарытую въ землю или брошенную въ воду пушку, и о семъ донесетъ кому слѣдуетъ, тому дано будетъ за каждую пушку пятдесятъ рублей.

Для лучшаго обвѣщенія сего повелѣнія Нашего всѣмъ поселянамъ, имѣете вы снестись съ духовнымъ начальствомъ и распорядить такимъ образомъ, чтобъ Священники, въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ, читали прилагаемое при семъ объявленіе въ церквахъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Провозъ и прочіе на сіе расходы должны быть на щетъ казны. Почему и дается Министру Финансовъ предписаніе сдѣлать нужныя по сему распоряженія.

Въ Санктпетербургѣ. Ноября 23 дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXX.

ОБЪЯВЛЕНІЕ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ ЦЕРКВАХЪ.

Православный народъ! городскіе и сельскіе жители, мѣщанство и крестьяне! Врагъ нашъ прогнанъ. Злодѣйство его наказано. Жизнію своею заплатилъ онъ за сожженіе и разореніе домовъ вашихъ. Вы показали примѣръ вѣрности и храбрости, свойственный Русскому народу. Вы отнимали оружіе изъ рукъ непріятеля, ополчались противъ него, и помогая войскамъ Нашимъ, повсюду истребляли и поражали шатающихся грабителей и злодѣевъ. Вы достохвально исполняли долгъ свой, защищая Вѣру, Царя и Отечество. Самъ Богъ укрѣплялъ руки ваши и наполнялъ сердца ваши мужествомъ. Нынѣ время брани миновало. Нѣтъ ни единаго врага, скитающагося вокругъ жилищъ вашихъ. Вы не имѣете больше нужды въ оружіи; но имѣетъ еще надобность въ ономъ побѣдоносное Наше воинство, охраняющее васъ и поля ваши. И такъ совершивъ дѣло свое, и оставаясь по прежнему мирными поселянами, отдайте ненужное вамъ оружіе, на защиту васъ же самихъ, братіямъ своимъ, воинамъ, которые употребятъ оное на всеконечное враговъ вашихъ истребленіе. Всякое отбитое или въ бѣгствѣ брошенное отъ непріятеля оружіе, яко принадлежавшее казнѣ побѣжденныхъ, должно, по праву воинскому, поступать въ казенное же вѣдомство побѣдителей; но Всемилости-

вѣйшій Государь нашъ Императоръ не соизволяетъ, чтобъ оное у васъ отбираемо было; а желаетъ, чтобъ вы добровольно, по совѣсти своей, приносили оное въ храмы Божіи, безъ всякой утайки, которую Богъ увидитъ, и вмѣнитъ вамъ въ грѣхъ. Въ награду же за каждое принесенное вами годное къ употребленію солдатское ружье, и за каждую пару пистолетъ, Его Императорское Величество жалуетъ вамъ по пяти рублей; а кто изъ васъ откроетъ зарытыя въ землю или потопленныя непріятелемъ пушки, и дастъ о семъ знать кому слѣдуетъ, тотъ получитъ въ награжденіе за всякую пушку пятдесятъ рублей. Православный народъ! поспѣшайте исполнить волю Царскую: снесите въ Храмы Божіи всѣ тѣ оружія, которыя остались въ рукахъ нашихъ отъ прогнаннаго вами непріятеля; получая за нихъ награду, вы передадите ихъ въ руки тѣхъ собратій своихъ, которые истребятъ и прогонятъ остатки злобнаго врага далеко и навсегда отъ жилищъ вашихъ.

XXXI.

РЕСКРИПТЪ ВДОВѢ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА БАГГЕВУТЪ.

Елисавета Яковлевна! Крайне сожалѣю о постигшемъ васъ несчастіи. Богъ посылающій намъ радости и печали, да усладитъ горесть вашу. Вы лишились въ мужѣ своемъ вѣрнаго вамъ друга; а Я потерялъ въ немъ храбраго военачальника, полезнаго Отечеству. Онъ умеръ на полѣ чести, и оставилъ вамъ славу имени своего. Въ знакъ признательности къ заслугамъ его, оставляю Я вамъ все то содержаніе, какое онъ получалъ. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

С. Петербургъ. Ноября 24 дня. 1812 года.

XXXII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Военныя силы Царствъ соразмѣрны бываютъ обширности предѣловъ земли и обстоятельствамъ временъ. Въ настоящую

нынѣ съ Франціею войну Россія долженствовала сдѣлать чрезвычайныя напряженія, дабы противустать непріятелю, поднявшему на нее оружіе не съ однѣми своими силами (хотя и оныя велики), но почти со всѣми Европейскими народами. Толь сильное устремленіе совокупныхъ и многочисленныхъ противъ насъ ополченій не могло иначе быть отражено, какъ столь же сильными мѣрами и великими ополченіями. Нынѣ, хотя по неизреченной къ Намъ милости Божіей, огромныя непріятельскія силы побѣдоносньімъ Нашимъ воинствомъ и храбрымъ народомъ сокрушены, и малыя остатки оныхъ ищутъ спасенія своего въ поспѣшномъ изъ Россіи бѣгствѣ; однакоже, для постановленія на твердомъ основаніи прочнаго мира и желаемаго спокойствія, нужно еще войскамъ Нашимъ быть въ такомъ числѣ, которое бы достаточно было поддержать достоинство и славу Имперіи. Рогъ сильнаго сломленъ, но предстоитъ еще надобность не дать снова возникнуть могуществу врага, и уменьшить власть его надъ другими слабѣйшими народами, которыхъ принуждаетъ онъ повиноваться и служить ему изъ страха. Пространная, богатая, миролюбивая Россія не ищетъ завоеваній, не алчетъ чужихъ сокровищъ, не дерзаетъ присвоять себѣ Богу единому приличной власти располагать престолами Царей: она желаетъ только спокойствія и тишины каждому и всѣмъ. Но, при всей кротости и умѣренности своей, не потерпитъ, и не можетъ терпѣть, дать волю злобѣ устремляться на разрушеніе собственнаго ея и другихъ земель благоденствія. Всѣ свои силы напряжетъ она для обузданія дерзости и сохраненія Вѣры своей и свободы. По симъ причинамъ, сколь ни тяжко сердцу Нашему обременять народъ Нашъ частыми наборами рекрутъ, отрывая земледѣльцевъ отъ воздѣлыванія полей ихъ, но еще бы тяжелѣ было видѣть любезныхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ, не огражденныхъ достаточными силами отъ лютости дышущихъ злобою на нихъ враговъ, по дѣламъ которыхъ можно судить, какой жребій приготовляли они Россіи. Но да не сбудется пагубное ихъ желаніе! Надежда наша Богъ и храброе наше воинство. И такъ да пребудетъ оное въ томъ важномъ числѣ, какое необходимо нужно для достиженія тишины и удержанія тѣхъ преимуществъ, до которыхъ дошли мы толиками трудами, пожертвованіями, и проліяніемъ крови. Разсмотрѣвъ зрѣло, и уваживъ для пользы народной всѣ сіи обстоятельства, повелѣваемъ Мы вновь произвесть рекрутскій наборъ, на основаніи изображенныхъ при семъ нижеслѣдующихъ постановленій. Молимъ Всевышняго, да содѣлаетъ впредь не нужными сіи чрезвычайныя и тягостныя мѣры.

1) Во всемъ Государствѣ собрать рекрутъ съ пятисотъ душъ по восьми человѣкъ на томъ основаніи, какъ въ указѣ сего числа Правительствующему Сенату данномъ постановлено.

2) Изъ набора сего исключить Губерніи: Полтавскую, Черниговскую, Курляндскую, Виленскую, Гродненскую и Минскую, области Бѣлостокскую, Тарнопольскую, такъ же и Грузію.

3) О Губерніяхъ Сибирскихъ сдѣлано будетъ особое распоряженіе.

4) Дворянскія имѣнія поставившія ополченіе освобождаются отъ рекрутскаго набора, до возвращенія воиновъ въ домы свои; что же касается до мѣщанъ, то ежели отъ нихъ въ ополченіе поступило людей не менѣе того количества, какое по прошедшему и по предстоящему наборамъ взять съ нихъ слѣдовало, въ такомъ случаѣ рекрутъ съ нихъ уже не брать, а буде менѣе, то дополнить по расчету.

5) Наборъ рекрутъ начать, по обнародованіи сего Манифеста въ каждой Губерніи, чрезъ двѣ недѣли и кончить непремѣнно въ теченіи мѣсяца.

6) Въ пріемѣ рекрутъ руководствоваться тѣми правилами, по коимъ производился послѣдній общій рекрутскій наборъ, допуская и нынѣ тѣ изъясненія, кои для облегченія сей повинности изъяснены въ Указѣ 12 Сентября и въ правилахъ на основаніи онаго составленныхъ.

Данъ въ Санктпетербургѣ. Ноября 29 дня. 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXXIII.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Въ память незабвенныхъ заслугъ Нашего Генералъ-Фельдмаршала Князя Голенищева-Кутузова, доведшаго многочисленныя непріятельскія войски искусными движеніями своими и многократными побѣдами до совершеннаго истощенія, истребленія и бѣгства, особливо же за нанесенное въ окрестностяхъ Смоленска сильное врагу пораженіе, за которымъ послѣдовало освобожденіе сего знаменитаго града, и поспѣшное преслѣдуемыхъ непріятелей изъ Россіи удаленіе, жалуемъ Мы ему Титулъ *Смоленскаго*, повелѣвая Правительствующему Сенату заготовить на оный Грамоту и взнесть къ Нашему подписанію.

Въ Санктпетербургѣ. Декабря 6 дня 1812 года.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано тако: Александръ.

XXXIV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Въ настоящую нынѣ съ Французами войну главная часть жителей въ преждебывшихъ Польскихъ, нынѣ же Россійскихъ областяхъ и округахъ, пребыли Намъ вѣрны; почему и раздѣляютъ со всѣми Нашими вѣрноподданными Нашу признательность и благоволеніе. Но другіе различными образами навлекли на себя праведный Нашъ гнѣвъ: одни, по вступленіи непріятеля въ предѣлы Нашей Имперіи, устрашась насилія и принужденія, или мечтая спасти имущества свои отъ разоренія и грабительства, вступали въ налагаемыя отъ него званія и должности; другіе, которыхъ число меньше, но преступленіе несравненно больше, пристали, еще прежде нашествія на ихъ земли, къ странѣ чуждаго для нихъ пришельца и, подъемля вмѣстѣ съ нимъ оружіе противъ Насъ, восхотѣли лучше быть постыдными его рабами, нежели Нашими вѣрноподданными. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ бы наказать мечь правосудія; но видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ Насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ Наше Всемилостивѣйше общее и частное прощеніе, предая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещая впредь чинить какое либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ Насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступковъ и чрезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда же и послѣ сего останется кто изъ нихъ въ службѣ Нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею Нашею милостію и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго прощенія, но безъ нарушенія справедливости не можемъ Мы послѣдовать движеніямъ Нашего сердца, доколѣ плѣнъ ихъ не разрѣшится окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ и они въ свое время вступятъ въ право сего Нашего всѣмъ и каждому прощенія. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи и

разрушеніи силъ всенародныхъ враговъ, и да приноситъ съ неугнѣтеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе! Между тѣмъ надѣемся, что сіе Наше чадолюбивое и по единому подвигу милосердія содѣланное прощеніе приведетъ въ чистосердечное раскаяніе виновныхъ, и всѣмъ вообще областей сихъ жителямъ докажетъ, что они, яко народъ издревле единоязычный и единоплеменный съ Россіянами, нигдѣ и никогда не могутъ быть толико щастливы и безопасны, какъ въ совершенномъ воедино тѣло сліяніи съ могущественною и великодушною Россіею.

Г. Вильно. Декабря 12. 1812.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXXV.

ПРОВОЗВѢЩЕНІЕ.

Жители Варшавскаго Герцогства!

Тщетно и неблагоразумно надѣялись вы на Французовъ. Чѣмъ вознаградили они васъ за службу вашу? Обѣщая вамъ покровительство, пощадилиль они землю вашу? Вы отъ нихъ ограблены, они отъ насъ побиты. Единоплеменный съ вами народъ, Россіяне, желая дѣлать вамъ добро, принуждены были по неволѣ и съ сожалѣніемъ убивать васъ и брать въ плѣнъ, яко невольниковъ и рабовъ, служащихъ чуждому для васъ пришельцу! Какъ могли вы впасть въ такую слѣпоту ума, что тотъ дастъ вамъ свободу и возставитъ Державу вашу, кто явнымъ и главнымъ образомъ хочетъ всякую Державу разорить и покорить подъ иго свое? Заблужденіе ваше достойно жалости! Не ужъ ли не повѣрите вы и нынѣ, что войска его почти до послѣдняго человѣка сокрушены и побиты? Подите же и посмотрите сами! Побѣдоносное воинство Наше, не имѣя предъ собою ни единаго непріятеля, идетъ въ ваше Герцогство. Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь. Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ. Вы можете спокойно оставаться въ домахъ своихъ. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны, когда вы сами не захотите, чтобъ висящая надъ главами вашими туча пустила на васъ молнію и громы. Избирайте любое!

Вильно. 25 Декабря 1812 года.

XXXVI.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Спасеніе Россіи отъ враговъ, столь же многочисленныхъ силами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами, совершенное въ шесть мѣсяцовъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ могла уйти за предѣлы Наши, есть явно изліянная на насъ благодать Божія, есть по истинѣ достопамятное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ бытописаній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ Вѣрѣ и къ Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности Нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать Церковь во Имя Спасителя Христа, подробное о чемъ постановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благословитъ Всевышній начинаніе Наше! Да совершится оно! Да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ Немъ предъ Святымъ Престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ.

Вильно. Декабря 25 дня 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXXVII.

ГОСПОДИНУ КАЛУЖСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ КАВЕРИНУ.

По прилагаемому при семъ прошенію депутатовъ Смоленской Губерніи повелѣваю вамъ, войдя въ разсмотрѣніе необходимыхъ надобностей разоренныхъ отъ непріятеля тамошнихъ жителей, принять немедленно всѣ возможныя мѣры къ отвращенію главнѣйшихъ ихъ недостатковъ, не останавливаясь, хотя бы на то потребны были и не малыя суммы, лишь бы токмо доставлены имъ были необходимыя пособія. При чемъ не оставьте сдѣлать положеніе и въ разсужденіи ихъ облегченія въ исполненіи об-

щихъ повинностей. Объ отпускѣ вамъ нужной на сей предметъ суммы дано Министру Финансовъ повелѣніе. О распоряженіяхъ, какія вы по сему сдѣлаете, донесите Мнѣ немедленно.

Вильно. Декабря 25 дня 1812 году.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXXVIII.

ГОСПОДИНУ МИНИСТРУ ФИНАНСОВЪ.

По прошенію Депутатовъ Смоленской губерніи, давъ повелѣніе Калужскому Гражданскому Губернатору доставить разореннымъ отъ непріятеля тамошнимъ жителямъ необходимыя для первыхъ потребностей жизни пособія, поручаю вамъ объ отпускѣ нужной на сіе, по требованію его, суммы сдѣлать надлежащее распоряженіе.

Вильно. Декабря 25 дня 1812 году.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XXXIX.

ГОСПОДИНУ РИЖСКОМУ ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ МАРКИЗУ ПАУЛУЧИ.

Курляндскіе жители, во время пребыванія непріятеля въ предѣлахъ Нашихъ, не оказали никакой явной къ нему приверженности, выключая немногихъ, вступившихъ въ отправленіе поручаемыхъ отъ него должностей, и то по неволѣ, устрашенные угрозами и насиліемъ; почему повелѣваемъ вамъ объявить однимъ изъ нихъ Наше благоволеніе, а другимъ всеобщее прощеніе, предавая проступокъ ихъ забвенію, и запрещая впредь чинить какое либо по дѣламъ симъ притязаніе или изысканіе.

Мересчь. 31 Декабря 1812 года.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XL.

РЕСКРИПТЪ ГРАФУ ПЛАТОВУ.

Графъ Матвѣй Ивановичъ! Письмо ваше, которымъ поздравляете вы меня съ новымъ годомъ, Я получилъ. Поздравляю васъ съ тѣмъ же и съ занятіемъ укрѣпленныхъ городовъ по рѣкѣ Вислѣ. Да будутъ они подъ дружескою рукою свободны отъ угнѣтавшаго ихъ по сіе время насилія и принужденія. Прошедшій годъ былъ достопамятенъ. Онъ сохранится навсегда въ памяти нашихъ потомковъ. Вы собственнымъ вашимъ лицемъ, и вообще все Донское воинство, много участвуете въ славѣ истребленія враговъ и въ спасеніи отъ нихъ Отечества. Заслуги ваши и подвиги подначальственныхъ вамъ Казацкихъ войскъ пребудутъ незабвенны. Имя ихъ сдѣлалось страшно непріятелю. Объявите имъ Мою совершенную признательность и благоволеніе. Пребываю вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

Ликъ. Генваря 8. 1813 года.

XLI.

БОЖІЕЮ ПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Московскій, Кіевскій, Владимірскій, Новгородскій, Царь Казанскій, Царь Астраханскій, Царь Сибирскій, Царь Херсониса-Таврическаго, Государь Псковскій и Великій Князь Смоленскій, Литовскій, Волынскій, Подольскій и Финляндскій, Князь Эстляндскій, Лифляндскій, Курляндскій и Семигальскій, Самогицкій, Бѣлостоцкій, Корельскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ; Государь и Великій Князь Новагорода низовскія земли, Черниговскій, Рязанскій, Полоцкій, Ростовскій, Ярославскій, Бѣлозерскій, Удорскій, Обдорскій, Кондійскій, Витебскій, Мстиславскій и всея Сѣверныя страны Повелитель, и Государь Иверскія, Карталинскія, Грузинскія и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ Князей и иныхъ Наслѣдный Государь и обладатель, Наслѣдникъ Норвежскій, Герцогъ Шлезвигъ-Голстинскій, Стормарскій, Дитмарсенскій и Ольденбургскій,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

На Донъ въ нижнія и верхнія юрты, Нашимъ Атаманамъ и Козакамъ, Войсковому Атаману Графу Платову, Правительству войска Донскаго и всему оному Вѣрнолюбезному Намъ войску.

Донское Наше воинство, въ настоящую нынѣ съ Французами войну, усердіемъ, подвижностію и храбрыми дѣйствіями своими оказало важныя Отечеству услуги. Поголовное ополченіе и прибытіе онаго въ знатныхъ силахъ къ Нашей Арміи было толь поспѣшное и скорое, какое тогда токмо бываетъ, когда совершенная къ исполненію долга своего ревность всѣхъ и каждаго одушевляетъ и движетъ. Мужественная и неутомимая бдительность Войсковаго Атамана Графа Платова, также и сподвизавшихся съ нимъ всѣхъ войска сего храбрыхъ Генераловъ, Офицеровъ и всѣхъ вообще Донскихъ урядниковъ и козаковъ, много способствовали къ преодолѣнію великихъ силъ непріятельскихъ, и къ одержанію надъ ними полныхъ и знаменитыхъ побѣдъ. Они непрестанными на него нападеніями и частыми съ нимъ битвами, вездѣ возбраняли ему способы къ продовольствію и чрезъ то привели всю многочисленную конницу его въ совершенное изнуреніе и ничтожество. Когда потомъ, послѣ многихъ бѣдственныхъ для него сраженій, былъ онъ побѣдоноснымъ Нашимъ воинствомъ пораженъ, обращенъ въ бѣгство и преслѣдованъ, тогда на пути, въ новыхъ съ нимъ жаркихъ сраженіяхъ, отбито у него бывшими подъ предводительствомъ Атамана Графа Платова Донскими козаками знатное число Артиллеріи со многими взятыми въ плѣнъ Генералами ихъ, Офицерами и солдатами. Сверхъ сего непріятель безпрестанно ими обезпокоиваемый, принужденъ былъ многія орудія свои со всѣми къ нимъ принадлежностями затопить въ болотахъ и рѣкахъ, или не успѣвши и того сдѣлать, оставлялъ намъ въ добычу, такъ что въ продолженіе бѣгства своего за предѣлы Россійскіе претерпѣлъ всеконечное и совершенное истребленіе. Толь знаменитыя заслуги и подвиги Донскаго войска Нашего налагаютъ на Насъ долгъ предъ цѣлымъ свѣтомъ засвидѣтельствовать справедливую Нашу къ нему признательность и благоволеніе. Да сохранится сіе свидѣтельство, въ честь и славу его, въ памяти потомковъ. Пребываемъ ко всему Донскому воинству Императорскою Нашею милостію благосклонны.

Главная квартира Дрезденъ. 13 Апрѣля 1813 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XLII.
ВОЙСКАМЪ НАШИМЪ.

Воины! Вы на поляхъ брани украсили себя новымъ вѣнцемъ славы. Отечество съ радостію видитъ въ васъ достойныхъ своихъ

сыновъ. Седьмаго числа, войски, подъ предводительствомъ Генерала отъ Инфантеріи Барклая де Толли, съ великою храбростію поразили непріятельскій, подъ начальствомъ Генерала Лористона, корпусъ, взяли 7 пушекъ и полторы тысячи плѣнныхъ съ четырью Генералами и многими Штабъ- и Оберъ-Офицерами. Въ продолжавшееся 8-го и 9-го числъ знаменитое сраженіе, Будисинскія поля были свидѣтелями твердости и мужества, съ какими противустояли вы превосходнѣйшей противъ васъ непріятельской силѣ. Движеніе, какое надлежало потомъ взять, для завлеченія далѣе непріятеля и соображанія дѣйствій нашихъ съ подходящими къ намъ запасными войсками и готовящимися совозстать съ нами союзниками, сдѣлано было съ наилучшимъ порядкомъ и благоустройствомъ; чѣмъ стяжали вы справедливую себѣ похвалу и удивленіе самаго непріятеля. Воины! изъявляю вамъ Мою благодарность и полагаю несомнѣнную надежду на вашу храбрость. Десница Вышняго да подкрѣпитъ васъ и пребудетъ съ вами.

Главная квартира Рейхенбахъ, въ Саксоніи.
Маія дня 1813 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XLIII.
БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.
Объявляемъ всенародно:

Въ прошедшемъ году, когда Богу попускающу, злонамѣренный непріятель, собравъ разнородныя и великія силы, вторгся въ Наши предѣлы, и Богу же милосердствующу о насъ, едва съ малыми остатками бѣдственно и срамно могъ уйти изъ оныхъ; въ сіе незабвенное для Россіи время, Благородное Псковское Дворянство, изъ первыхъ ярости и гнѣву лютаго врага предстоявшее, встрѣтило его съ свойственною Россіянамъ твердостію и мужествомъ; въ продолженіе же брани, отъ вступленія до изгнанія непріятеля, не преставало оно знатными и добровольными пожертвованіями споспѣшествовать къ истребленію врага, доставляя преслѣдовавшимъ его войскамъ Нашимъ всякое пособіе и продовольствіе. Толь достохвальное усердіе и ревность всего Псковскаго Дворянства обращаютъ къ нему вниманіе и признательность

Нашу, во изъявленіе которыхъ Мы жалуемъ ему сію Нашу Царскую Грамоту, для засвидѣтельствованія знаменитыхъ заслугъ его предъ Отечествомъ и потомствомъ.

Главная квартира городъ Теплицы, въ Богеміи.

Сентября дня 1813 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XLIV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Въ минувшее лѣто, при вступленіи въ предѣлы Нашей Имперіи ополченнаго великими силами непріятеля, и потомъ защитою Божіею, единодушіемъ народа и храбростію войскъ Нашихъ вспять опрокинутаго, и съ потеряніемъ почти всего ополченія своего, едва изъ оныхъ спасшагося, почтенное Псковское купечество, такожъ и мѣщанство и прочія сословія, соревнуя благородному усердію дворянъ, не пощадили ни крови, ни имуществъ своихъ, для сокрушенія свирѣпствовавшаго въ сердцѣ Россіи врага. Знатныя и добровольныя ихъ для снабдѣнія и продовольствія войскъ Нашихъ пожертвованія споспѣшествовали къ увѣнчанію Отечества безсмертною славою. Обращая съ признательностію вниманіе Наше на толь единодушное усердіе всего Псковскаго купечества и прочихъ сословій, Мы жалуемъ имъ сію Нашу Царскую грамоту, въ засвидѣтельствованіе заслугъ ихъ предъ Отечествомъ и потомствомъ.

Главная квартира городъ Теплицы, въ Богеміи.

Сентября дня 1813 года.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XLV.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всенародно.

Буря брани, врагомъ общаго спокойствія, врагомъ непримиримымъ Россіи подъятая, недавно свирѣпствовавшая въ сердцѣ

Отечества Нашего, нынѣ въ страну непріятелей пренесшаяся, на ней отяготилась. — Исполнилась мѣра терпѣнія Бога защитника правыхъ! — Всемогущій ополчилъ Россію, да ею возвратитъ свободу народамъ и царствамъ, да воздвигнетъ падшія! — Тысяча восемьсотъ двѣнадцатый годъ, тяжкій ранами, пріятыми въ грудь Отечества Нашего для низложенія коварныхъ замысловъ властолюбиваго врага, вознесъ Россію на верхъ славы, явилъ предъ лицемъ вселенныя въ величіи ея, положилъ основаніе свободы народовъ. — Съ прискорбіемъ души и изтощивъ всѣ средства къ отвращенію беззаконной войны, прибѣгли Мы къ средствамъ силы. Горестная необходимость извлекла мечь Нашъ. Достоинство народа, промысломъ Всевышняго попеченію Нашему ввѣреннаго, воспретило опустить его во влагалище, доколѣ непріятель на землѣ Нашей. — Торжественно дали Мы сіе обѣщаніе, дали его не обольщенные блескомъ славы, не упоенные властолюбіемъ, не во времена щастія. — Съ сердцемъ чистымъ изліявъ у олтаря Предвѣчнаго моленія Наши, въ твердомъ уповаціи на правосудіе Его, исполненны чувствъ правоты Нашей, призвали Его на помощь! — Мы предпріяли дѣло великое! Во благости Божіей снискали конецъ его. — Единодушіе любезныхъ Намъ вѣрноподданныхъ, извѣстная любовь ихъ къ Отечеству утвердила надежды Наши. Россійское дворянство, сильная подпора престола, на коей всегда возлежало величіе его; служители олтарей всесильнаго Бога, ихъ же благочестіемъ утверждаемся на пути вѣры; знаменитое заслугами купечество и граждане — не щадили никакихъ пожертвованій. Кроткій поселянинъ, незнакомый дотолѣ со звукомъ оружія, оружіемъ защищалъ Вѣру, Отечество и Государя. Жизнь казалась ему малою жертвою. — Чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина. Никогда не преклонялъ онъ главы предъ властію чуждою. — Дерзалъ ли кто налагать иго? Не коснѣло наказаніе! — Вносилъ ли кто оружіе въ Отечество его? Указуетъ онъ гробы ихъ! — Тако возноситъ Богъ уповающаго на Него! Враги побѣгли отъ лица нашего. Немногіе остались, да возвѣстятъ о гибели. — Тако гордаго наказуетъ Богъ! — Новыя между тѣмъ приготовлялись враговъ ополченія. — Еще противоборствовавшіе Россіи народы поставляли безопасность свою въ соединеніи силъ. — Дабы оградить Отечество отъ вторженія непріятелей, надлежало вынести войну внѣ предѣловъ его, — и побѣдоносныя воинства Наши явились на Вислѣ. — Насталъ тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ! Народы склонили слухъ свой ко внушенію истины. Утомленная бѣдствіями бодрость воспрянула. Души ихъ слились во единую.

Ополченія составили единое ополченіе. — Противящіеся покорены оружіемъ. Быстрое прехожденіе отъ торжества къ торжеству, привело на берега Рейна. Непріятель пребылъ непреклоннымъ къ миру. Но едва протекъ годъ, узрѣлъ онъ насъ при вратахъ Парижа! — Французскій народъ, никогда не возбуждавшій въ насъ чувствъ враждебныхъ, удержалъ громъ нашъ готовый низринуться. Франція открыла глаза на окружающую ея бездну, расторгла узы обольщенія, устыдилась быть орудіемъ властолюбца. Гласъ Отечества пробудился въ душѣ народа. Возникъ новый вещей порядокъ: призванъ на престолъ законный Государь. — Франція возжелала мира. Ей дарованъ онъ великодушный и прочный. — Миръ сей, залогъ частной каждаго народа безопасности, всеобщаго и продолжительнаго спокойствія, ограждающій независимость, утверждающій свободу, обѣщаваетъ благоденствіе Европы, пріуготовляетъ возмездія достойныя понесенныхъ трудовъ, преодоленныхъ опасностей. — Всемогущій положилъ предѣлъ бѣдствіямъ. Прославилъ любезное Намъ Отечество въ роды родовъ. Воздалъ Намъ по сердцу и желаніямъ. — Мы, благоговѣя предъ Господомъ, подателемъ всѣхъ благъ, возсылая благодарственное моленіе изъ глубины души Нашей, повелѣваемъ: да во всемъ пространствѣ Имперіи Нашей принесется торжественное молебствіе милосердому Богу! Увѣрены Мы, что Россія падетъ на колѣна и проліетъ слезы радости у престола Всещедраго.

Данъ въ Парижѣ, Мая въ осьмыйнадесять день, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемь сотъ четырнадцатаго; царствованія же Нашего въ четырнадцатое.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

XLVI.

УКАЗЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО,

отъ Правительствующаго Сената объявляется во всенародное извѣстіе:

Радостное для всей Европы извѣстіе о торжественномъ вступленіи Его Императорскаго Величества съ побѣдоносными войсками въ Парижъ, и приближеніе вожделѣннаго мира, исполнили сердца всѣхъ Россіянъ живѣйшею признательностію къ виновнику сихъ великихъ событій. Верховныя правительства, ожив-

ленныя всеобщими чувствованіями и предваряя единодушный гласъ согражданъ своихъ, возжелали предъ лицемъ свѣта ознаменовать усердіе вѣрноподданнаго Россійскаго народа ко всеглюбезнѣйшему Монарху. Воспріявъ сіе намѣреніе и принеся Господу Богу благодарственное молебствіе за дивные успѣхи, коими увѣнчалъ онъ славу оружія Россійскаго, сословія Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената, составили общее чрезвычайное собраніе. Въ ономъ совокупно разсуждали, какую дань всеобщей признательности повергнуть къ стопамъ Государя Императора за прославленіе Отечества: ибо мужествомъ Его и непоколебимою твердостію отражены необычайныя усилія врага, дерзнувшаго вступить въ предѣлы Россіи; несмѣтные полки различныхъ народовъ побѣждены, преслѣдованы, уничтожены. Европа, ожидавшая конечной гибели своей съ паденіемъ послѣдняго оплота ея независимости, съ изумленіемъ узрѣла побѣдоносныя знамена Императора Александра и Его союзниковъ за брегами Нѣмена, Вислы, Одера, Эльбы и Рейна. Вскорѣ война пренесена въ самое сердце владычества Наполеонова; вскорѣ послѣдніе замыслы его проникнуты, новые удары нанесены ему въ знаменитыхъ сраженіяхъ. Парижъ сдался побѣдителямъ; и Франція, по долговременныхъ страданіяхъ возвратя себѣ законнаго Монарха, присоединила благодарный гласъ свой къ торжественнымъ кликамъ Европы.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ, восписуя безсмертную славу, пріобрѣтенную народомъ Россійскимъ, непоколебимой твердости и великодушію Его Императорскаго Величества, гласомъ и примѣромъ своими оживившаго всѣ сословія; и движимые не рабολѣпнымъ рвеніемъ, но сердечными чувствами, воспламеняющими всѣхъ истинныхъ сыновъ Отечества, единодушно постановили: 1-е) Принести Государю Императору отъ лица торжествующей Россіи всеподданнѣйшее поздравленіе и живѣйшую благодарность за всѣ великіе труды, подъятые Имъ для усугубленія славы и благоденствія державы Его. 2-е) Приложить къ Священному имени Его титулъ Благословеннаго, тѣмъ болѣе приличный скромности и благочестивому смиренію Государя Императора, что великіе подвиги Его очевидно ознаменованы покровительствомъ вышняго Промысла. 3-е) Для преданія позднѣйшему потомству настоящей славы Россіи и сердечной благодарности къ виновнику оной, выбить медаль и воздвигнуть въ престольномъ градѣ памятникъ съ надписью: Александру Благословенному, Императору Всероссій-

скому, Великодушному Державъ Возстановителю отъ признательныя Россіи. Дабы привести въ дѣйство таковое предположеніе, одкрыть путь безъ изъятія всѣмъ сословіямъ и состояніямъ въ Государствѣ къ добровольнымъ изъ имущества своего пожертвованіямъ, по мѣрѣ усердія и возможности каждаго. — Для исходатайствованія на все сіе Высокомонаршаго соизволенія, отправлены были депутатами оспода члены Государственнаго совѣта: Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ 1-го класса, Сенаторъ и кавалеръ Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ; генералъ отъ кавалеріи и кавалеръ Александръ Петровичъ Тормасовъ и Гофмейстеръ Сенаторъ и кавалеръ Графъ Александръ Николаевичъ Салтыковъ, коимъ поручено повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества всеподданнѣйшее прошеніе, подписаніемъ всѣхъ присутствовавшихъ въ чрезвычайномъ собраніи утвержденное слѣдующаго содержанія:

„Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ Самодержецъ Всероссійскій!

Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе всевышнему Богу, удивившему надъ Тобою милости свои, Россія, о Тебѣ радующаяся, славою Твоею надъ всѣми державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесь къ Тебѣ, помазанникъ Божій! и въ лицѣ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно предъ Тобою колѣна преклоняющихъ, приноситъ общую вѣрноподданныхъ Твоихъ жертву, жертву сердецъ, восхищенныхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра не имущими. — Услыши, Всемилостивѣйшій Государь! воззваніе усердныхъ чадъ Твоихъ, и милостиво пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою положась на любовь и преданность Твоихъ подданныхъ, и тѣмъ ихъ возвелича, не усомнился ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы наши возгордившимся? Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность Отечества нашего возстановленіемъ независимости державъ ему сопредѣльныхъ? Какія хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ въ столицу Его побѣдоноснымъ вшествіемъ, но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, Престолы поколебавшаго, и желѣзному скипетру своему всѣ племена и царства подвергнуть возмнившаго! Превознося Тебя, яко побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе Твое, ознаменованное предъ лицемъ свѣта великодушнымъ

прощеніемъ побѣжденныхъ и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ владыкъ земныхъ уподобится Тебѣ, Великій! Кто изъ нихъ, подъявъ оружіе въ оборону Отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради пріобрѣтенія личныя славы, но для спасенія чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемыхъ, и для возвращенія законныхъ имъ владѣтелей! Кто мудростію своею и кроткимъ среди самаго могущества убѣжденіемъ возмогъ враждебные народы обратить въ союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо! — Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему, имени Александра Великаго, великодушнаго защитителя Европы, возстановителя законныхъ правительствъ. Вселенная, величію Твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвояетъ уже Тебѣ всѣ сіи титла. — Ты же, достойный избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія Твои единому всеблагому Его Промыслу, жертвы хваленія не благоволишь и смиренномудріемъ Твоимъ заграждаешь уста наши. — Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: но всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, Тебѣ всегда соприсущная и во всѣхъ Твоихъ предначинаніяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ, поднести Тебѣ титло единодушно всѣми утвержденное, благости сердца Твоего, нашимъ къ тебѣ чувствованіямъ соотвѣтствующее, и безъ стяжанія коего нѣтъ истиннаго величія — титло: Благословенный. — Усердно Тебя молимъ! не отрини сего Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ приношенія. — Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ Тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь Безсмертный! И потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ доблестяхъ: не да приложитъ оный что либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени; но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльныя преданности."

Его Императорское Величество, удостоя Всемилостивѣйшимъ принятіемъ сіе всеподданнѣйшее прошеніе трехъ Государственныхъ

сословій, благоволилъ отвѣтствовать на оное Высочайшимъ Указомъ слѣдующаго содержанія: (см. на стр. 302).

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, Государственный Совѣтъ и Правительствующій Сенатъ, съ благоговѣніемъ повинуясь Высочайшей Его Императорскаго Величества волѣ, постановили: 1-е) Сей Высочайшій Указъ, какъ новый залогъ Высокомонаршаго къ народу благоволенія, равно и всеподданнѣйшее прошеніе, сими тремя сословіями отъ лица торжествующей и признательной Россіи поднесенное, со всѣми предположеніями чрезвычайнаго собранія, объявить во всенародное извѣстіе. 2-е) Подлинный Указъ, вмѣстѣ съ производствами чрезвычайнаго собранія и Московскихъ Сената Департаментовъ по сему же случаю, хранить въ память потомству въ особомъ ковчегѣ при общемъ собраніи Правительствующаго Сената.

Подлинный за подписаніемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената.

XLVII.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ

и прочая, и прочая, и прочая.

Возвѣщаемъ всенародно.

Событія на лицѣ земли въ началѣ вѣка сего въ немногіе годы совершившіяся суть толь важны и велики, что не могутъ никогда изъ бытописаній рода человѣческаго изгладиться. Сохраненіе ихъ въ памяти народовъ нужно и полезно для нынѣшнихъ и будущихъ племенъ. Рука Господня, Ему единому извѣстными, но явными очамъ смертнаго путями, вела ихъ, сораспологала, сцѣпляла, устрояла, да исправитъ людскія неустройства, да утишитъ колеблющіяся волны умовъ и сердецъ, и да изъ нѣдръ смѣси и боренія изведетъ порядокъ и покой. Богъ сильный низложилъ гордость; Премудрый разогналъ тьму; Источникъ милосердія и благости не допустилъ людямъ во мракѣ страстей своихъ погибнуть. И такъ пройдемъ кратко теченіе всѣхъ сихъ произшествій. Возвѣстимъ ихъ народу Нашему, не для тщеславія, но для пользы его и наставленія. Да прочтетъ дѣла и судъ Божій; да воспалится къ Нему любовію, и вмѣстѣ съ Царемъ своимъ во глубинѣ сердца и души своей воскликнетъ: *Не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему*. Тако да сохранится память о семъ въ роды родовъ.

Лютая, кровавая, разорительная, нынѣ промысломъ Всевыш-

няго благополучно оконченная война, ни причинами своими, ни огромностію ополченій, ни превратностію обстоятельствъ, не подобна никакимъ извѣстнымъ доселѣ въ бытописаніяхъ войнамъ. Она есть особенное, небывалое на земномъ шарѣ приключеніе, и какъ бы нѣкое во внутренностяхъ ада предуготованное зло, на потрясеніе и пагубу всего свѣта возникшее, и усилившееся до такой степени, до какой праведнымъ судьбамъ Всевышняго угодно было допустить оное. Начало и причина сей войны, безпрестанно тлѣвшей, многократно вновь и вновь возгаравшейся, потухавшей иногда, но для того токмо, дабы съ новою силою и лютостію воспылать, возвеличиться, усилиться и скоро потомъ изъ величайшей силы упасть, сокрушиться, опять возстать и опять низринуться, — являютъ нѣчто непостижимое и чудесное. Она съ самаго начала своего, какъ нѣкое багровое, огнями и тлѣтворными дыханіями чреватое облако, возстала не изъ случайнаго состязанія одного Царства съ другимъ, возстала не съ тѣмъ, чтобъ погаснуть; но чтобъ, по истребленіи въ сердцахъ человѣческихъ всѣхъ Богомъ насажденныхъ добродѣтелей, всѣми послѣдующими изъ того бѣдствіями насытиться и не прежде, какъ въ пролитой крови всего рода смертныхъ утонуть. Она есть порожденное злочестіемъ нравственное чудовище, въ отпадшихъ отъ Бога сердцахъ людскихъ угнѣздившееся, млекомъ лжемудрости воспитанное, таинствомъ злоухитренія и лжи облеченное, долго подъ личиною ума и просвѣщенія изъ страны въ страну скитавшееся, и медоточными устами въ неопытныя сердца и нравы сѣмена разврата и пагубы сѣявшее. Чудовище сіе, въ юности своей злобное, но лукавое, въ возрастѣ же лютое и наглое, изливаетъ первую ярость свою на гнѣздо, въ которомъ родилось. Народъ, возлелеявшій оное и зловреднымъ дыханіемъ его зараженный, поправъ вѣру, престолъ, законы и человѣчество, впадаетъ въ раздоръ, въ безначаліе, въ неистовство, грабитъ, казнитъ, терзаетъ самаго себя, и кидаясь изъ бѣшенства въ бѣшенство, изъ злодѣянія въ злодѣяніе, оскверненный убійствомъ верховныхъ властей своихъ и всего, что было въ немъ лучшаго и почтеннѣйшаго, избираетъ себѣ въ начальника, потомъ въ Царя, простолюдина, чужеземца. Сей тако посреди пылкости страстей Богоотступнаго народа воцарившійся чужеземецъ, съ начала лицемѣрствуетъ, выдаетъ себя за возстановителя благонравія и порядка, за истребителя того изрыгнутаго злочестіемъ и безвѣріемъ чудовища, которое тѣми же когтями угрожало растерзать цѣлый свѣтъ, которыми растерзало утробу матери своей, Франціи; но вскорѣ потомъ, вмѣсто истребителя

онаго, является первѣйшимъ его воиномъ и поборникомъ. Сопрягшись съ нимъ душою и мыслями, надежный на успѣхи распространеннаго имъ безнравія, проложившаго ему путь къ возвышенію, напыщенный любовію къ одному себѣ и презрительнымъ хладнокровіемъ ко всему роду человѣческому, мощный многолюдствомъ, слѣпотою и дерзостію своего народа, собираетъ онъ великое воинство, и устремляется съ неимовѣрною яростію на разрушеніе сосѣдственныхъ и отдаленныхъ Царствъ. Успѣхи сопровождаютъ всѣ его шаги. Державы едина за другою предъ нимъ преклоняются. Рѣки пролитой крови доставляютъ ему господство. Онъ низвергаетъ съ престоловъ законныхъ Государей, дѣлитъ, слагаетъ новыя области, и поставляетъ надъ ними изъ семейства своего подъ именемъ Королей начальниковъ подъ собою. Начинаетъ войну, дабы расхищеніемъ имуществъ, обобраніемъ людей, занятіемъ крѣпостей и налогами страшныхъ даней, не токмо разорить городъ или область, но и въ мирѣ съ нею быть ея полнымъ повелителемъ. Мирится, вступаетъ въ союзъ, дабы, наруша договоры, безконечными требованіями и насильственными средствами ослабить, истощить союзника, и новою потомъ войною наложить на него узы совершеннаго порабощенія. — Неслыханное дѣло: воюетъ съ однимъ Царствомъ, и въ тоже время людьми того Царства воюетъ съ другимъ! Даже часто вооружаетъ ихъ противъ собственнаго ихъ отечества, и вѣрность ихъ къ оному называетъ измѣною! Сими неистовыми, безчеловѣчными способами, присовокупляя къ нимъ ужасъ казней, расточеніе награбленныхъ корыстей, языкъ лжи и обмана, гласъ надменности и повелительства, достигаетъ до того, что дѣлается толико же силенъ оружіемъ, колико страшенъ наглостію и свирѣпствомъ. При всякомъ, кровопролитіемъ, или хитростію, или угрозами одержанномъ успѣхѣ, гордость его выше и выше возрастаетъ. Онъ предпріемлетъ присвоить себѣ, Богу токмо единому свойственное право *единовластнаго надъ всѣми владычества*. Предпріятіе безумное, безразсудное; но не меньше того кровавое, пагубное, ужасное: Богопочитаніе и вѣроисповѣданіе угрожаемы были паденіемъ; поставленные отъ Бога Цари долженствовали отрещись отъ власти управлять своими подданными; народы осуждались не имѣть ни отечества своего, ни законовъ, ни языка, ни свободы, ни собственности, ни торговли, ни нравовъ, ни обычаевъ, ни добродѣтелей; просвѣщеніе, науки, художества, искуства, промышленность, словомъ всѣ трудолюбивыя дѣянія человѣческія, низвергались въ первобытный мракъ и невѣжество, изъ

коихъ чрезъ толикіе вѣки, труды и опыты главу свою подъяли. Всеобщее рабство долженствовало произвесть всеобщую бѣдность и взаимное другъ друга истребленіе. Въ сихъ Богопротивныхъ помыслахъ, не щадящій никакихъ потоковъ крови, не признающій никакой законной власти, не уважающій никакихъ правъ народныхъ, возмечталъ онъ на бѣдствіяхъ всего Свѣта основать славу свою, стать въ видѣ Божества на гробѣ Вселенной.

Съ сей высоты великихъ надеждъ и мечтаній своихъ обращаетъ онъ завистные взоры свои на Россію. Напыщенный побѣдами и покореніемъ многихъ земель, полагаетъ онъ ее удобопреодолимою, но еще для него страшною и могущею воспрепятствовать, или по крайней мѣрѣ воспротивиться, устремленнымъ на завладѣніе всего свѣта пагубнымъ его намѣреніямъ. И такъ, дабы сломить и расторгнуть сію единственную преграду, напрягаетъ, совокупляетъ онъ всѣ свои силы, приневоливаетъ всѣ подвластныя и зависящія отъ него державы и народы соединиться съ нимъ, и съ симъ ужаснымъ, изъ двадцати Царствъ составленнымъ ополченіемъ, не преставая къ силѣ прилагать обманы и съ приготовленіемъ брани твердить о продолженіи мира, приближается къ предѣламъ Россійской Имперіи, и въ то же самое время, безъ всякаго объявленія войны, вторгается стремительно въ ея области. Тако, на подобіе быстрой съ горъ водотечи, завоеватель сей, мощный силою, неукротимый злобою, течетъ, несется въ самую грудь ея. На пути, покупая каждый шагъ кровію, движется, грабитъ, истребляетъ села, пожигаетъ грады, разоряетъ Смоленскъ и, достигнувъ до Москвы, предаетъ ее хищенію и пламени. Торжествуетъ, злодѣйствуетъ, ругается надъ человѣчествомъ, надъ Святынею.

Какая оставалась надежда къ спасенію? Когда великому злу сему, въ началѣ еще возникающему, вся Европа не могла воспротивиться, то возможно ли было ожидать, чтобъ семужъ самому злу, толь высоко возросшему и силами всей Европы утучненному, единая, и та уже глубоко уязвленная Россія могла поставить оплотъ? Но что воспослѣдовало? О Провидѣніе! Мечь, сѣкира, гладъ и мразъ соединяются на пагубу пришедшихъ съ яростію и бѣгущихъ со страхомъ изъ Москвы враговъ. Не спасаетъ ихъ ни многочисліе, ни оборона, ни бѣгство. Месть Божія совершается надъ ними. Не помогаетъ имъ оставленіе всѣхъ орудій, всѣхъ колесницъ съ порохомъ, съ золотомъ, съ корыстями; кони ихъ падаютъ подъ ними; сколь велико было число войскъ ихъ при входѣ, столь велико число труповъ ихъ при выходѣ. Образъ

истребленія и казни ихъ ужасаетъ природу: мертвыя, снѣдаемыя вранами тѣла на окостенѣлыхъ лицахъ своихъ являли отчаяніе, и рука смерти не могла изгладить застывшихъ на нихъ при послѣднемъ издыханіи мучительныхъ чувствъ святотатства и злодѣянія. Тако всѣ умирали! Единый повелитель ихъ, избѣгшій отъ погибели и плѣна, съ немногими полководцами своими уходитъ въ свою землю. Россійскіе воины, спасшіе Отечество свое, идутъ спасти Европу. Народы, по неволѣ противъ нихъ ополченные, видя ихъ дружественно къ нимъ приближающихся, возникаютъ, востаютъ духомъ мужества, соединяются съ ними и единъ по единому, разрывая узы порабощенія, оружіе свое съ радостію на истиннаго врага своего обращаютъ. Онъ, какъ разбитая вѣтрами, но еще угрюмая и мрачная туча, скопляется, усиливается, исходитъ на брань. Новыя рѣки крови текутъ, и никакія бѣдствія человѣческія не могутъ подвигнуть свирѣпой души его къ миролюбію. Гордость обладать всемъ свѣтомъ и алчность къ истребленію всего не погасаютъ въ сердцѣ его даже и тогда, когда послѣ многихъ кровопролитныхъ битвъ пораженъ, растерзанъ и разсѣянъ, утекаетъ онъ въ свою беззащитную столицу. Тамъ еще ополчается, еще собираетъ воинство, еще отвергаетъ миръ, и новыми усиліями и бранями доводитъ себя и народъ свой до совершеннаго изнеможенія, доводитъ, и низвергается съ похищеннаго имъ Престола въ прежнее свое ничтожество.

Тако пріуготовляемая цѣлымъ вѣкомъ, возростая семнадцатилѣтними успѣхами и побѣдами, сооруженная на кострахъ костей человѣческихъ, на пожарахъ и раззореніяхъ градовъ и Царствъ, исполинская власть, угрожавшая поглотить весь свѣтъ, падаетъ безъ возстанія во едино лѣто, и Россійскіе, какъ бы крылатые воины, изъ подъ стѣнъ Москвы, съ окомъ Провидѣнія на груди и со крестомъ въ сердцѣ, являются подъ стѣнами злочестиваго Парижа. Сія гордая столица, гнѣздо мятежа, разврата и пагубы народной, усмиренная страхомъ, отверзаетъ имъ врата, пріемлетъ ихъ, какъ избавителей своихъ, съ распростертыми руками и радостнымъ восторгомъ; имя чужеземнаго хищника изглаживается, воздвигнутые въ честь ему памятники низвергаются долу, и законный Король издревлѣ владѣтельнаго дому Бурбоновъ, Людовикъ XVIII, въ залогъ мира и тишины, по желанію народа возводится на прародительскій Престолъ. Тамъ — о чудное зрѣлище! — тамъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ изрыгнутое адомъ злочестіе свирѣпствовало и ругалось надъ вѣрою, надъ властію Царей, надъ духовенствомъ, надъ добродѣтелію и человѣчествомъ; гдѣ

оно воздвигало жертвенникъ и курило фиміамъ злодѣйству; гдѣ нещастный Король Людовикъ XVI былъ жертвою буйства и безначалія; гдѣ, въ страхъ добронравію и въ ободреніе неистовству, повсюду лилася кровь невинности: тамъ, на той самой площади, посреди покрывавшихъ оную въ благоустройствѣ различныхъ Державъ войскъ, и при стеченіи безчисленнаго множества народа, Россійскими священнослужителями, на Россійскомъ языкѣ, по обрядамъ православной нашей вѣры приносится торжественное пѣснопѣніе Богу, и тѣ самые, которые оказали себя явными отъ него отступниками, вмѣстѣ съ благочестивыми сынами церкви, преклоняютъ предъ нимъ свои колѣна, во изъявленіе благодарности за посрамленіе дѣлъ ихъ и низверженіе ихъ власти! Тако водворяется на землю миръ, кровавыя рѣки престаютъ течь, вражда всего Царства превращается въ любовь и благодарность, злоба обезоруживается великодушіемъ, и пожаръ Москвы потухаетъ въ стѣнахъ Парижа.

Кто человѣкъ, или кто люди, могли совершить сіе высшее силъ человѣческихъ дѣло? Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій? Ему, Ему единому слава! Забвеніе Бога, отпаденіе отъ вѣры воскормило сію войну, сіе лютое чудовище, утучнѣвшее кровососаніемъ жертвъ, отрастившее черныя крылья свои, дабы, летая по свѣту, стрясать съ нихъ дождь бѣдствій и золъ на землю. Вѣчная правда Божія допустила возрасти оному, да накажется родъ человѣческій за преступленіе свое, да пострадеть и научится изъ сего ужаснаго примѣра, что въ единомъ страхѣ Господнемъ состоитъ благоденствіе и безопасность людей. Но положивый тако въ праведномъ гнѣвѣ своемъ, не до конца гнѣвающійся Господь, видя чудовище сіе готовымъ превзойти мѣру дерзновенія своего, обращаетъ на него взоръ прещенія: тогда власть его мгновенно преходитъ, сила разрушается, очарованіе исчезаетъ, и оно повсюду гонимое, растерзанное, притекаетъ погибнуть съ шумомъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ возникло, и отколѣ толь высоко вознесло ядовитую свою главу.

Таковъ былъ конецъ лютой, долговременной брани народовъ. Умолкъ громъ оружія; престала литься кровь; потухли пожары градовъ и Царствъ. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освѣтило вселенную. Глава и предводитель сей ужасной войны, Наполеонъ Бонапарте, отрекшись отъ похищеннаго имъ престола, предается въ руки своихъ противуборниковъ. Судъ человѣческій не могъ толикому преступнику изречь достойное осужденіе: ненаказанный рукою смертнаго, да предстанетъ

онъ на страшномъ Судѣ, всемірною кровію обліянный, предъ лице безсмертнаго Бога, гдѣ каждый по дѣламъ своимъ получитъ воздаяніе! По таковому мнѣнію союзныхъ Державъ, предложили онѣ безъ всякой мести дружелюбную руку Французскому народу, дали въ удѣлъ Наполеону Бонапарте, для всегдашняго пребыванія его, островъ Эльбу, и приступили къ утвержденію на прочномъ основаніи мира и къ приведенію въ порядокъ разстроенныхъ толикими войнами и насильствами Европейскихъ дѣлъ и обстоятельствъ. Но между тѣмъ какъ съ одной стороны благонамѣреніе пеклось о возстановленіи всеобщаго покоя и тишины, съ другой злонамѣреніе не преставало помышлять о разрушеніи оныхъ. — Духъ злочестія и гордости не знаетъ раскаянія, не покидаетъ злыхъ своихъ умысловъ: лишенный власти, онъ таится въ сердцахъ развратныхъ людей; обезоруженный вооружается ухищреніями; низверженный силится возстать; пощада рождаетъ въ немъ новую злобу и месть. Бонапарте, по тайнымъ крамоламъ и сношеніямъ съ своими единомышленниками, уходитъ съ острова Эльбы, приплываетъ съ немногими своими приверженцами къ Французскимъ берегамъ. — При каждомъ шагѣ находитъ онъ новыхъ себѣ сообщниковъ. Посланныя противъ него, пріученныя имъ къ войнамъ и грабительствамъ, Королевскія войски, поощряемыя толико же развращенными предводителями къ измѣнѣ законному Королю своему, предаются снова беззаконному хищнику. Народъ отчасти буйственный и мятежный, отчасти устрашенный и приневоленный, пріемлетъ и снова провозглашаетъ Императоромъ своимъ низверженнаго и отрекшагося навсегда отъ обладанія Франціею чужеземца. Король удаляется, и столица Франціи отворяетъ врата свои бѣглецу съ Эльбы. Симъ образомъ вновь возникаетъ злочестіе, вновь возносится черная злодышущая туча, вновь возгарается толикою кровію и бѣдствіями потушенная война. Но Богъ и здѣсь являетъ чудотворную благость Свою: зломысліе, мнившее возстановить прежнюю власть и величіе свое на разногласіи Союзныхъ Державъ, находитъ ихъ противъ чаянія своего единодушными. Всѣ силы ихъ неукоснительно обращаются на потушеніе сего внезапу вспыхнувшаго изъ пепла пламени. Новособранныя силы бѣглеца, подъ собственнымъ его предводительствомъ, поражаются кровопролитнымъ, но послѣднимъ ударомъ. Тако духъ брани и гордости вторично низлагается и умолкаетъ, послѣднія искры его погасаютъ, народное волненіе утихаетъ, Король Людовикъ XVIII возвращается въ Парижъ, Наполеонъ Бонапарте отвозится въ заточеніе на окруженный пространствомъ Океана островъ Святыя

Елены, и миръ, всеобщій миръ, къ радости и благоденствію всѣхъ народовъ, процвѣтаетъ на моряхъ и на земли.

Что изречемъ Россіяне, любезные Наши вѣрноподданные? Какими преисполнимся чувствованіями послѣ толикихъ чудесныхъ событій? Падемъ предъ Всевышнимъ; повергнемъ предъ Нимъ сердца свои, дѣла и мысли. Мы претерпѣли болѣзненныя раны; грады и села наши, подобно другимъ странамъ, пострадали; но Богъ избралъ насъ совершить великое дѣло; Онъ праведный гнѣвъ Свой на насъ превратилъ въ неизреченную милость. Мы спасли Отечество, освободили Европу, низвергли чудовище, истребили ядъ его, водворили на землю миръ и тишину, отдали законному Королю отъятый у него престолъ, возвратили нравственному и естественному свѣту прежнее его блаженство и бытіе; но самая великость дѣлъ сихъ показываетъ, что не мы то сдѣлали. Богъ, для совершенія сего нашими руками, далъ слабости нашей Свою силу, простотѣ нашей Свою мудрость, слѣпотѣ нашей Свое всевидящее око. Что изберемъ: гордость или смиреніе? Гордость наша будетъ несправедлива, неблагодарна, преступна предъ Тѣмъ, Кто изліялъ на насъ толикія щедроты; она сравнитъ насъ съ тѣми, которыхъ мы низложили. Смиреніе наше исправитъ наши нравы, загладитъ вину нашу предъ Богомъ, принесетъ намъ честь, славу, и покажетъ свѣту, что мы никому не страшны, но и никого не страшимся.

Благочестіе, вѣра и вѣрность твоя, Россійское Христолюбивое воинство и народъ, ознаменовались милостію къ тебѣ Божескою. По краткомъ наказаніи за прегрѣшенія наши, Онъ, какъ праведный Судія сердецъ, обращается къ намъ милосердіемъ и покрываетъ насъ невечернимъ свѣтомъ славы. Въ щедротѣ Его является купно и спасительное для насъ поученіе. Да пребываетъ всегда въ памяти и предъ очами нашими претерпѣнное нами наказаніе и приводящая природу въ содроганіе, ужасная казнь, постигшая враговъ нашихъ. Она громче небесной трубы вопіетъ намъ: се плоды безбожія и безвѣрія! Сія страшная мысль, проницая во глубину душъ нашихъ, да преходитъ потомъ въ утѣшительное и радостное воспоминаніе о неизреченномъ къ намъ милосердіи Божіемъ, и слава, которою Онъ увѣнчалъ главы наши, да проливаетъ свѣтлѣйшій солнца свѣтъ свой въ чистыя сердца наши, воспаляя въ нихъ благодарность къ Богу и любовь къ добродѣтели.

Мы, послѣ толикихъ произшествій и подвиговъ, обращая взоръ свой на всѣ состоянія вѣрноподданнаго Намъ народа, не-

доумѣваемъ въ изъявленіи ему Нашей благодарности. Мы видѣли твердость его въ вѣрѣ, видѣли вѣрность къ престолу, усердіе къ отечеству, неутомимость въ трудахъ, терпѣніе въ бѣдахъ, мужество въ браняхъ. Наконецъ видимъ совершившуюся на немъ Божескую благодать; видимъ, и съ Нами видитъ вся вселенная. Кто кромѣ Бога, кто изъ владыкъ земныхъ, и что можетъ Ему воздать? Награда ему дѣла его, которымъ свидѣтели небо и земля. Намъ же, преисполненнымъ любовію и радостію о толикомъ народѣ, остается токмо во всегдашнихъ къ Богу моленіяхъ Нашихъ призывать на него вся благая: да славится, да процвѣтаетъ, да благоденствуетъ онъ подъ всесильнымъ Его покровомъ въ роды родовъ!

Данъ въ С. Петербургѣ, Генваря 1-го, въ лѣто отъ Рождества Христова 1816, Царствованія же Нашего въ пятоенадесять.

На подлинномъ подписано собственною Его
Императорскаго Величества рукою тако: Александръ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНІЯ
къ первому тому.

1. — Стр. 11. — О генералъ-лейтенантѣ Каннабихѣ см. рескриптъ Александра Павловича И. И. Бахтину, по поводу жестокаго обращенія Каннабиха съ своими крестьянами, и анекдотъ, разсказанный Штукенбергомъ. (Русск. Стар. 1870, февр., стр. 134—136, и апр., стр. 403 и 404.)
2. — Къ прим. 1-му, на стр. 19. — Причины расположенія Павла Петровича къ Безбородко разъяснены въ Запискахъ Державина.
3. — Стр. 21. — Двустишіе объ Исакіевскомъ соборѣ приписываютъ Вас. Наз. Каразину. (Вѣстн. Евр. 1867, февр., стр. 177 и 178, въ статьѣ Н. В. Сушкова: Изъ зап. о врем. имп. Александра I.)
4. — Стр. 29. — По свидѣтельству Колотова, въ первый разъ послѣ кончины Петра Великаго поднятъ былъ на русскомъ суднѣ императорскій штандартъ, когда Екатерина II, въ 1764 г., дѣлала смотръ флоту въ Балтійскомъ Портѣ. (Русск. Вѣстн. 1870, мартъ, стр. 168, въ статьѣ бар. Ѳ. А. Бюлера: Два эпиз. изъ царств. Екатерины II.)
5. — На стр. 31-й, въ строкѣ 20-й, слово поступокъ должно быть возстановлено, какъ форма род. пад. множ. числа женск. рода отъ слова поступка, въ прежнее время часто употреблявшагося вмѣсто слова поступокъ, муж. рода.
6. — Стр. 64—66. — Митрополитъ Евгеній ошибочно приписалъ кн. Шаликову Шишковымъ сочиненную надгробную надпись Суворову. (Русск. Арх. 1870, книга 4 и 5, ст. 779 и 780. Выдерж. изъ пис. Евгенія къ Македонцу.)
7. — Стр. 115. — Упоминаемый Голицынъ долженъ быть умный и образованный кн. Борисъ Владиміровичъ, братъ столь заслуженно извѣстнаго московскаго военнаго генералъ-губернатора кн. Дмитрія Владиміровича, тотъ самый, который около того же времени (1810) предложилъ Мерзлякову залу своего дома въ Москвѣ, для публичныхъ чтеній о краснорѣчіи и поэзіи. (Опытъ ист. русск. лит., Н. Греча, стр. 323.)
8. — Стр. 187. — О кн. З. А. Волконской см. Соч. Держ. т. III. стр. 223.
9. — Въ концѣ прим. 1-го, на стр. 262 и 263, слѣдуетъ дополнить, что Дар. Алекс. Шишкова умерла 1 сент. 1825 г.
10. — Прим. 2-е, на стр. 301, должно читать такъ: Членами государственнаго совѣта, — княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, Александромъ Петровичемъ Тормасовымъ и гр. Александромъ Николаевичемъ Салтыковымъ. Не съ намѣреніемъ-ли были выбраны для этого случая все Александры?
11. — Прим. 3-е, на стр. 325. — Подъ Ниловымъ должно разумѣть, кажется, не Андрея Петровича, а сына его, Петра Андреевича. (Соч. Держ. т. II, стр. 185.)

12. — Прим. 1-е, на стр. 342. — Рѣчь идетъ не о Семенѣ Ивановичѣ Гамалеѣ, а о Платонѣ Яковлевичѣ, очень извѣстномъ въ лѣтописяхъ Морскаго, корпуса, авторѣ нѣсколькихъ сочиненій по математикѣ и мореплаванію. (см. Ро́спись Смирдина.)

13. — Прим. 2-е, на стр. 353 — За Александромъ Николаевичемъ Львовымъ (ум. въ 1849 г.) была не Вѣра, а Наталья Николаевна Мордвинова.

Поправки 2, 8, 9, 11, 12 и 13 сдѣланы по обязательнымъ указаніямъ почтеннаго академика, Якова Карловича Грота.

ОПЕЧАТКИ
въ первомъ томѣ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Должно быть.
3.	17.	собѣ	себѣ
4.	30.	лечитъ	лѣчитъ
—	—	лекарствамъ	лѣкарствамъ
5.	34.	военнопоходиаго	военнопоходнаго
—	—	иа	на
8.	27.	лекаремъ	лѣкаремъ
—	41.	эчетъ	счетъ
9.	13.	нездоровьимъ	нездоровымъ
10.	39.	внукъ	племянникъ
11.	12.	лекарствахъ	лѣкарствахъ
12.	24.	лечиться	лѣчиться
—	42.	11 марта	12 марта
16.	1.	лекарствами	лѣкарствами
25.	18.	нѣтъ!	нѣтъ?
43.	29.	носмли	носили
—	38.	переѣэды	переѣзды
50.	4.	откровенпа.	откровенна,
93.	32	Мпхайловичъ	Михайловичъ
96.	35.	10,	10)
101.	28.	долговъ [1])	долговъ [2])
—	34.	[1]) Жихаревъ	[2]) Жихаревъ
105.	37.	съ	въ
124.	44.	Алексаидръ	Александръ
164.	21.	нрпслалъ	прислалъ
—	25.	госпожп	госпожи
180.	39.	f rt	fort
229.	26.	коляску,	коляску
232.	7.	воздымятся?	воздымятся!
233.	7.	нрнближеніе	приближеніе
—	16.	началпиками	начальниками
—	29.	землн	земли
240.	28.	звмли	земли
—	39.	ибо	ибо,
250.	30.	ни что	ничто
278.	34.	окончивается	оканчивается

Стран.	Строк.	Напечатано.	Должно быть.
299.	15.	Парнжъ	Парижъ
314.	26.	меня,	меня
331.	16.	живемь	живемъ
335.	20.	изъвѣстіемъ	извѣстіемъ
336.	37.	похороненно	похоронено
342.	38.	Гамалѣѣ	Гамалеѣ
355.	40.	снованное	основанное
423.	23. }	Отеческимъ	отеческимъ
—	24. }		
425.	30.	Отеческому	отеческому
427.	38.	Отеческимъ	отеческимъ
455.	12.	нашихъ	вашихъ
469.	7.	оспода	господа